

Ирина Шевченко

Демоны ее прошлого

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

Annotation

Оливер Райхон, ректор Королевской академии магии, богат, успешен и не обделен вниманием прекрасных дам. На первый взгляд ему можно только позавидовать. Но годы идут, любимая работа превратилась в рутину, мечты забыты в суете, у друзей свои заботы, а семья — лишь старые фото в альбоме.

Все изменится с появлением новой студентки, скрытной и слишком способной для первокурсницы. Тайный роман заставит забыть о возрасте. Расследование давнего преступления отправит путешествовать по всему королевству. Череду опасностей научит снова ценить жизнь.

Но удастся ли выбраться из всего этого живым? Реально ли переиграть противника, начавшего свою игру еще много лет назад? Возможно ли обрести счастье с той, за кем идут по пятам демоны прошлого?

- [Ирина Шевченко](#)

-
-
- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)

- [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ГЛАВА 31](#)
 - [ГЛАВА 32](#)
 - [ГЛАВА 33](#)
 - [ГЛАВА 34](#)
 - [ГЛАВА 35](#)
 - [ГЛАВА 36](#)
 - [ГЛАВА 37](#)
 - [ГЛАВА 38](#)
 - [ГЛАВА 39](#)
 - [ГЛАВА 40](#)
 - [ГЛАВА 41](#)
 - [ГЛАВА 42](#)
 - [ГЛАВА 43](#)
 - [ГЛАВА 44](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Ирина Шевченко
ДЕМОНЫ ЕЕ ПРОШЛОГО

Сергею Пашкову. С благодарностью за дружескую поддержку и

помощь в работе над книгами, в том числе — этой

ПРОЛОГ

Элизабет не планировала идти сегодня в лечебницу, но вынужденное безделье раздражало. Еще сильнее злила мысль, что она, Элизабет Аштон-Грин, не в таком уж давнем прошлом отличившаяся в истории, названной самым невероятным происшествием века, как вдруг выяснилось, просто ужасная мать. Проявлялось это не в недостатке любви к четырехлетнему сыну, не в неумении позаботиться о нем во время трехдневного отсутствия няни, из-за чего, собственно, Элизабет и пришлось взять отпуск, не в том, что она не способна занять малыша Грэма играми или сказками, а в том, что все это — игры, сказки и прочие детские развлечения — безумно ее тяготило. Не создана была миссис Грин для того, чтобы посвятить жизнь ребенку. Выходные, вечера, отпуск, не вынужденный, в середине декабря, а полноценный двухнедельный отпуск с семьей на море или в загородном поместье родителей — это да. Но жизнь? Нет, ни за что. И пускай никто и не требовал, чтобы она оставила работу и учебу и превратилась в наседку, Элизабет чувствовала вину за то, что не готова к подобной жертве. Особенно в нынешних обстоятельствах. И вина эта давила с такой силой, что хотелось сбросить хотя бы часть ее на крепкие мужские плечи.

— Навестим папу, — сказала Элизабет сыну и тут же ощутила новый укол совести за всплывшую вдруг мысль, что в лечебнице, быть может, найдется срочное дело, за которое она с радостью возьмется, оставив Грэма под присмотром сестер.

Что это могло быть за дело, чтобы его некому было поручить, кроме как недавно закончившей последипломную практику целительнице, избравшей специализацией патологическую анатомию, она не представляла. Но ничего нельзя было исключить. И Элизабет тяжело вздохнула, в который раз убедившись, насколько она плохая мать, раз мечтает о подобном. Таким, наверное, и детей заводить не положено.

Благодаря портальной сети путь в лечебницу занимал не больше пяти минут, но за окном все же зима, и Элизабет компенсировала недостаток материнских чувств натянутым на ребенка свитером, теплой шапкой и поднятым воротником пальто.

— Добрый день, миссис Грин, — улыбнулась дежурная сестра. — И мистер Грин, — шутливо поклонилась она Грэму.

Мальчик поправил съехавшую на глаза шапку и важно кивнул в ответ.

— Доктор Грин у себя? — поинтересовалась Элизабет.

Это дома муж был просто Эдом, в редких случаях — Эдвардом, но тут — доктором Грином, заведующим лечебницей и ее, Элизабет, начальником, и отвлекать его от пациентов она себе никогда не позволила бы.

Узнав, что супруг у себя и не занят, подмигнула сыну:

— Устроим папе сюрприз.

Сюрприз не удался. Или удался — если говорить о сюрпризе для самой Элизабет. Но приятным он не был.

Оставив Грэма за спиной, чтобы он раньше времени не выдал их появления, миссис Грин заглянула в кабинет мужа как раз в тот момент, когда мистер Грин, забыв обо всем, включая предосторожность, о которой должен помнить всякий женатый мужчина, решившийся завести интрижку на стороне, обнимался с какой-то девицей. Бет поспешно прикрыла дверь, но рассмотреть, увы, успела многое. И то, с какой страстью Эд — ее Эд! — тискал, завалив на стол, растрепанную блондинку, и как та вцепилась ему в плечи...

Бет обернулась к сыну и выдавила улыбку:

— Папочка занят. Навестим леди Пенни?

Кабинет леди Пенелопы Райс, бывшей наставницы Элизабет, располагался чуть дальше по коридору, но, показалось, они шли к нему целую вечность.

— Здравствуйте, леди Пенелопа. — Элизабет, не входя, подтолкнула сына вперед. — Можно оставить у вас Грэма ненадолго?

Сидевшая за столом седовласая дама с улыбкой оторвала взгляд от бумаг, но тут же обеспокоенно нахмурилась, всмотревшись в бледное лицо гостыи.

— Элизабет, у вас что-то случилось?

— Нет-нет, — заверила наставницу Элизабет. — Хочу лишь сказать Эдварду пару слов наедине.

Поймала себя на том, что непроизвольно обматывает костяшки шарфом, и тряхнула рукой. Урожденная леди Ашгон не опустится до выяснения отношений с помощью кулаков. Хотя могла бы, конечно... Но нет. Развод. Сразу. Мирно и цивилизованно.

Но вдруг это ничего не значит? Кризис среднего возраста — кажется, так говорят. Недавно Эдварду исполнилось пятьдесят, не так уж много для мага его уровня, но звучит солидно. Вот и потянуло на молоденьких. А она, Элизабет, далеко не девочка, двадцать семь уже. И поправляться снова начала, с два фунта набрала. Да и жена, наверное, такая же плохая, как и мать, в семье хватило бы и одного практикующего целителя, а ей нужно

было заниматься... чем там занимаются правильные жены?

И все же после того, через что они прошли вместе... Нет, развод.

Элизабет решительно толкнула дверь в кабинет мужа и закусила губу, никого не увидев. Значит, они уже в смежной комнате, где у Эда оборудована лаборатория и личная смотровая... с удобной кушеткой...

Но плакать она не станет! Только в глаза ему посмотрит. Хотя, если войдет сейчас, увидит помимо глаз много чего еще, и после придется с этим жить...

Элизабет остановилась у входа в лабораторию, но, прежде чем успела что-либо сделать, дверь перед ней распахнулась и на пороге возник мистер Грин собственной персоной.

— Бет? — отпрянул он, увидев жену. — Что-то случилось? С Грэмом?

В его голосе слышался неподдельный испуг, и Элизабет, невзирая на обстоятельства, поспешила успокоить мужа:

— Все хорошо, Грэм у леди Райс. Мы гуляли... — И тут же взволнованно подалась вперед, забыв о предстоящем разводе. — Это кровь? Ты поранился?

Доктор Грин поглядел на свой живот, где расплывалось по светлокофейной ткани сюртука бурое пятно, и тряхнул головой.

— Кровь. Не моя. Тут... — Решив, что показать быстрее, чем объяснять на словах, отступил с прохода. — Помнишь мисс Мэйнард? Вывалилась из портала прямо мне на стол.

Зайдя в смежную с кабинетом комнату, Элизабет увидела лежащую на кушетке девушку. Увидела, узнала и, проведя беглое сканирование, поняла, что та в глубоком обмороке вследствие магического истощения, а посему мысли о неверности супруга можно выбросить из головы.

— Какое счастье! — вырвалось с облегченным вздохом. Эдвард посмотрел с недоумением, и пришлось срочно исправляться: — Счастье, что ты не ранен. А что с ней? — Элизабет склонилась над девушкой.

Теперь, когда глупости забыты, следовало разобраться, что произошло: просто так обессиленные студентки из порталов не выпадают.

— Не успел осмотреть. Поможешь ее раздеть?

Под пальто девушки прощупывался какой-то предмет. Стоило расстегнуть несколько пуговиц, как на пол упал окровавленный сверток.

Элизабет успела поднять его раньше мужа. Размотала влажную тряпку, ранее бывшую чьим-то шарфом, и с трудом удержалась, чтобы не отбросить в сторону то, что скрывалось внутри. Это была рука. Мужская, правая, ровно отрубленная чем-то невероятно острым чуть ниже локтя. Но самое жуткое, что и Элизабет, и ее муж узнали эту руку: по золотой

печатке на безымянном пальце, по тонкому шраму на тыльной стороне ладони — доктор Грин лично накладывал шов два года назад...

Да, рука была знакомая, и, когда мистер и миссис Грин видели ее в прошлый раз, к руке, на тот момент живой и подвижной, прилагался не менее живой милорд Оливер Райхон — ректор Королевской академии магии, на территории которой располагалась лечебница.

— Эд, ее отрубили не у трупа, и не так давно... — Элизабет тяжело сглотнула и, заглушив эмоции, сконцентрировалась на окровавленной конечности. — Если мы погрузим ее в стазис, остановим процесс разложения. А когда найдем... все остальное... Ты же сможешь ее приживить?

— Зависит от того, в каком состоянии все остальное, — ответил целитель хмуро. Забрал у жены ректорскую руку, потрогал холодные пальцы, проверяя верность сделанных выводов. Кивнул, соглашаясь, но не успокоился: не тот случай, когда правильно поставленный диагноз становится основой решения проблемы. — Демоны! — процедил со злостью.

Девушка на кушетке дернулась и открыла глаза.

— Демоны, — прошептала она сипло. — Демоны...

ГЛАВА 1

За три с половиной месяца до вышеописанных событий

Оливер Райхон оглядел заваленный бумагами стол и до скрежета стиснул зубы. Люди, дотянувшие с утверждением документов до последней декады августа, смерти его хотят, не иначе. Похоронить под бланками министерской отчетности, сметами и учебными программами. Будто специально копили все это к сегодняшнему дню, чтобы сорвать собеседование.

Не дождутся!

Момент, когда любимая работа превратилась в рутину, он пропустил. Еще в первые годы ректорства все было не так. Были стремления, планы, были шесть учебных часов в неделю, от которых он не отказался, возглавив академию, хотя совмещать преподавательскую работу с руководством удавалось с трудом. Но он справлялся и радовался этому. А потом...

Но еще не поздно все исправить. Три года Оливер корпел над обновленной программой для курса «Темных материй» и, получив разрешение министерства на организацию экспериментальной учебной группы, решил, что займется этим лично. Хотя бы на первых порах, года два-три, а там можно будет передать студентов другому преподавателю и вернуться к кабинетной работе. Или вообще уволиться, уехать в провинцию, заняться исследованиями и писать время от времени статьи в научные журналы. Подобные мысли появились не так давно и посещали не слишком часто, но милорд Райхон с сожалением признавал, что это — возрастное. Потому и вцепился в этот спецкурс, чтобы доказать и себе и другим, что еще способен на подобные свершения. Сорок восемь лет — еще не старость, а тонкая прядь, вызывающе серебрившаяся в смоляных волосах, — не повод предаваться унынию.

Он торопливо просмотрел бумаги. Подписал без проверки счета (он, в конце концов, не бухгалтер), утвердил правила внутреннего распорядка и проживания в общежитиях (эти правила не менялись полвека, и перечитывать их нужды не было), не вникая, а лишь убедившись, что они согласованы с деканами и проректорами, подписал списки стипендиатов. Документы, требовавшие изучения, убрал в ящик стола, а взамен достал стопку пока еще тоненьких личных дел.

В этом году на специальность «Темные материи», изучавшую

проклятия и способы их нейтрализации, приняли пятьдесят шесть человек. Тридцать пять из них изъявили желание обучаться по экспериментальной программе под непосредственным руководством ректора. Из этих тридцати пяти предстояло отобрать пятнадцать человек, которые войдут в специальную группу.

Райхон поглядел на часы, прислушался к гулу в приемной, прорывавшемуся сквозь давно не обновлявшуюся звуковую защиту кабинета, и снял трубку телефонного аппарата.

— Впускайте по одному, — велел секретарю.

«Темные материи» — наука тонкая. Чтобы стать мастером проклятий, мало иметь определенные способности и желание их совершенствовать, нужны особые качества, которые Оливер и хотел увидеть в кандидатах. Во-первых, выдержку: тот, кому дана будет сила проклинателя, должен уметь контролировать опасный дар, склонный проявляться ненамеренно. Во-вторых, отходчивость и незлобивость, иначе новообретенные знания будут использоваться уже не случайно, а с умыслом, а проклятия, даже на первый взгляд несерьезные, неизбежно влекут за собой последствия. В-третьих, хоть это и не столь важно, хотелось набрать в группу людей легких и жизнерадостных. Стать замкнутыми молчунами они успеют, но, если будут такими на начальной стадии обучения, страшно представить, в кого превратятся с годами. Вот сам Оливер на первом курсе... да и на втором еще тоже...

Он улыбнулся воспоминаниям, и вошедшая в кабинет девушка, приняв улыбку на свой счет, опустила глаза и мило покраснела. Слишком мило.

«Не подходит», — тут же констатировал милорд Райхон. В миниатюрной шатенке просматривались старательно выпестованные черты прелестной дурочки. Чувствовался хороший магический потенциал, но девицы подобного типа и без магии добиваются желаемого. Пробылась ведь на собеседование первой? Похлопала кукольными глазенками, и ее без возражений пропустили. Дома небось вила веревки из родных, а в академии немного осмотрится и найдет пару-тройку благородных рыцарей, которые возьмутся делать за нее задания и прикрывать на практике. То есть и сама учиться не будет, и других станет отвлекать.

Для порядка поговорив с девушкой, Оливер пригласил следующего кандидата.

Решение относительно невысокого полноватого юноши с курчавыми черными волосами и пробивающимися над верхней губой усиками тоже принял мгновенно. Этот устраивал по всем параметрам. Сила, способности к темным наукам, эмоциональная устойчивость...

Через час на столе лежали две стопки личных дел вместо одной. В левой — тех, кто будет изучать «Темные материи» с другим куратором. В правой — дела прошедших на спецкурс. Ровно пятнадцать, больше и не нужно. Но в приемной оставались еще трое соискателей, и невежливо было бы закрыть перед ними дверь. Да и кто знает, вдруг один из этой троицы окажется прирожденным мастером проклятий, превосходящим по силе самого ректора?

Нервный худощавый блондин на это звание не тянул. Странно, как его, такого суетливого, вообще приняли на «Темные материи». Вошедшая следом девушка производила более сильное впечатление, в том числе и благодаря своей внешности.

— Мисс Мэйнард? — Имя Оливер прочел на одной из оставшихся папок. Второе принадлежало мужчине, и ошибиться было невозможно. — Присаживайтесь.

— Благодарю.

Благодарность прозвучала сухо и холодно, словно, явившись на собеседование, студентка делала ему, Оливеру, одолжение.

Интересная особа. Не оборотень, как подумалось сразу, а эльфы если и были в роду, то поколений десять назад, не меньше, и сейчас на родство с долгоживущими ничто не указывало: высокий рост и тонкая кость — еще не признак, так же как молочно-белые волосы, алебастровая кожа и едва розоватые губы. Просто альбинос. Тонкие брови и пушистые ресницы девушки тоже были белесыми, а чуть раскосые глаза — янтарно-желтыми. Собственно, глаза эти, на бледном непроницаемом лице смотревшиеся жутковато, и наводили на мысли о зверином начале или скрытой сущности.

Вполне подходящая внешность для специалиста по проклятиям.

— Итак, Элеонор...

— Нелл, — перебила девушка. — Я не пользуюсь полным именем.

— Я пользуюсь полными именами, обращаясь к студентам, — не терпящим возражений тоном объявил милорд Райхон. — Так почему вы избрали «Темные материи», Элеонор?

— Я не избирала. Первичное тестирование выявило предрасположенность к темным искусствам.

— Могли бы пойти на некромантию.

— Мне не нравятся мертвецы.

Оливер отметил отсутствие даже намека на брезгливую гримасу, обычно появляющуюся при таких словах у тех, кому мертвецы действительно не нравятся.

— На демонологию? — задал он новый вопрос.

Бесцветные ресницы дрогнули, но голос девушки оставался ровным:

— Мне не нравятся демоны.

— А проклятия вам, полагаю, нравятся?

— Проклятия — самая распространенная технология внешнего воздействия, как направленного, так и ненамеренного, возникающего под влиянием спонтанных всплесков силы. Поэтому важно понимать их природу и владеть средствами их нейтрализации, — отчеканила девица, своими словами пересказав начальный абзац введения к учебнику по «Темным материям» для первого курса. Им же, Оливером, когда-то составленного учебника.

— Сколько вам лет? — в лоб спросил Райхон.

— Двадцать два, — и желтым глазом не моргнув, ответила мисс Мэйнард.

— Поздновато для поступления в академию.

— Согласно уставу поздновато — это после двадцати восьми.

Не оскорбилась, не сконфузилась, не стала оправдываться тем, что пять лет после окончания младшей школы потратила на то, чтобы присматривать за больной бабушкой, или работала, копя деньги на обучение. Все то же граничащее с равнодушием спокойствие во взгляде и в голосе, и это всего за несколько минут разговора начало раздражать. Хотя бы каплю эмоций из этой девицы выжать.

— Что ж, Элеонор, желаю вам успехов в учебе. — Оливер изобразил благожелательную улыбку.

— Но не на вашем курсе?

— Увы. Вы мне не подходите.

Если бы она поинтересовалась, чем именно не подходит, он, возможно, изменил бы решение. На самом деле мисс Мэйнард ему подходила, и даже более чем, не кажись она бездушной ледышкой, замкнутой и безразличной к окружающим.

Нет ничего хуже равнодушия.

— Спасибо, что уделите мне время, милорд, — кивнула девушка, поднимаясь. — Всего доброго.

— Всего доброго.

И очень жаль.

Выйдя из главного корпуса, Нелл свернула на тенистую аллею, убедилась, что поблизости никого нет, и вынула из сумочки портсигар и длинный костяной мундштук. Прикурила от вспыхнувшего на кончике пальца огонька.

Жаль, что со спецкурсом не получилось. Ее устроило бы обучение в закрытой группе, где преподавание общих дисциплин сведено к минимуму, а занятия со студентами смежных факультетов не предусмотрены программой. Но к тому, что ее не примут, она тоже готовилась. Главное, на «Темные материи» взяли. Хорошая специальность, не то что...

Нелл глубоко затынулась, и некстати проснувшуюся память затянуло ментоловым дымом.

Докурив, достала из жестяной коробочки мятную пастилку, сунула ее в рот и пошла неспешным шагом к общежитию. Место ей определили еще в день поступления, но Нелл надеялась, что ее переселят, когда начнется учеба. Если неизбежно делить комнату с соседкой, пусть это будет кто-нибудь другой: Дарла за неделю успела утомить жизнерадостной болтовней.

— Ну что? — накинулась она на Нелл, стоило той переступить порог. — Как тебе наш ректор? Красавчик, да? Прости, что не подождала тебя...

Дарла тоже хотела попасть на спецкурс. В итоге стала первой, кого забраковали на отборе, и очень опечалилась по этому поводу: теперь вместо красавчика-ректора придется учиться у лысого крючконосого дядьки, который тестировал их при приеме в академию.

— Ты не ответила, как он тебе, — не унималась соседка. — Скажи же, хорош?

— Хорош, — согласилась Нелл, вспомнив изучавшие ее черные глаза, гладкий высокий лоб, прямой нос, красиво очерченный рот и чуть тяжеловатый подбородок милорда Райхона. Добавить широкие плечи, безукоризненный узел галстука и длинные, заплетенные в тугую косу черные волосы, в которых блестела начинавшаяся надо лбом слева тонкая седая прядь, и хоть картину пиши. — Даже слишком хорош для ректора.

— Ой, что ты понимаешь! — махнула рукой Дарла. — Оливер Райхон — самый перспективный холостяк в академии!

По мнению Нелл, если мужчина почти в пятьдесят еще не женат, в плане романтических отношений и надежд на счастливую семейную жизнь он, скорее, самый бесперспективный вариант, но переубеждать соседку она не стала. Взяла зонтик (кожа порой еще обгорала на солнце, а оно сегодня палило особенно сильно) и сбегала подальше от разговоров о давно неинтересных ей девичьих глупостях.

Можно было пойти в столовую, как раз наступило время обеда, но пока нет решения о выделении стипендии и постановке на довольствие, платить за еду приходилось из собственного кармана, а наличных осталось

не так много, чтобы нельзя было потерпеть до ужина, а то и до завтрака. Экономия небольшая, но останется на сигареты.

Рассудив так, Нелл решила просто прогуляться. Благо было где. Оуэн говорил, что академия большая, а нужно было сказать, что это — целый город, причем немаленький. Преподаватели и сотрудники пользовались системой порталов, а студентам приходилось сбивать ноги, добираясь из общежитий до учебных корпусов, библиотеки или той же столовой. Зато в уединенных местечках недостатка не было.

Через час прогулки Нелл набрела на зеленый скверик, спряталась в тень раскидистого клена, сложила зонтик и достала портсигар. Вредная привычка и обходится недешево, но бросить курить в планах пока не значилось. Возможно, потом, когда жизнь как-нибудь устроится и в ней появятся другие радости, помимо глотка табачного дыма.

«Знала бы мама», — подумалось вдруг, и Нелл с силой закусила мундштук. Конечно, маме не понравилось бы, но стоит ли думать об этом?

Из-за высоких, высаженных плотной стеной кустов послышался шум. Потянуло чем-то знакомым. Неприятно знакомым. Нелл вытряхнула из мундштука недокуренную сигарету, растерла ее носком туфли по траве, перехватила зонтик на манер боевой палицы и двинулась вдоль живой изгороди. Проход отыскался через десяток шагов. Оказалось, кустарник огораживал полянку, в центре которой стоял большой камень, то ли имитировавший древний жертвенник, то ли действительно бывший им когда-то. Что до жертвы, она и сейчас имелась: на камне, подобрав под себя ноги, сидел курчавый брюнет, чью круглую физиономию и нелепые юношеские усики Нелл видела сегодня в ректорской приемной, а вокруг камня носились серые тени. Если смотреть на них вприщур, можно разглядеть оскаленные пасти и тускло светящиеся глаза.

Похоже, кто-то из старшекурсников хотел подшутить над первогодком, вызвав призрачных псов, а тот вряд ли знал, как прогнать этих собачек.

— Они чувствуют страх, — сказала Нелл, выходя из-за кустов. — Он манит их, как запах мяса обычных собак.

Сама она не боялась, и фобосы ею не заинтересовались. Позволили приблизиться.

— Сложность в том, что они сами этот страх провоцируют. Точнее, излучают. Если вовремя не закрыться, потом тяжело от него избавиться.

«Поэтому нет ничего постыдного в том, что ты, почти взрослый мужчина, трусливо дрожишь, забравшись на каменюку, в то время как тебя в обход канонов спасает женщина», — так стоило закончить импровизированную лекцию, но Нелл решила, что мальчишка, которого

зачислили на спецкурс, должен быть достаточно умен, чтобы самостоятельно это додумать.

Она потерла ладонь о ладонь и растянула между пальцами защитную паутинку. Намотала на запястье и, быстро окунув руку в кружащийся у камня серый вихрь, выдернула из него дымчатую ленту.

— Не делайте этого, — раздался за спиной приглушенный голос.

Видно, создатель собачек объявился.

Нелл не обернулась, успеется. Разберется со сворой, а потом найдет чем шутника приласкать.

— Мисс...

Опасаясь, что хозяин псов попырует ей помешать, Нелл сработала поспешно и грубо. Скрутила призрачную ленту, ослабила связь фантомов с реальностью и, не мудрствуя, разорвала. Грозные тени истаяли в секунду, а в ладонях остался пепел распавшего заклинания — хватит швырнуть в шутника, пусть оценит последствия розыгрыша.

Но попрактиковаться в прицельном метании магических отходов не пришлось. Начав со стремительного разворота, Нелл закончила движение плавным, почти танцевальным па, стряхнула обрывки чар и отерла ладони о платье. Подняла с травы зонтик и раскрыла его над головой, дабы спрятаться хотя бы от солнца, если не удастся скрыться от следящего за ее действиями мужчины.

— Я ведь просил не делать этого, — с укором выговорил неведомо откуда появившийся здесь милорд Райхон. — Теперь невозможно определить, кто создал фобосов. Благодаря вам виновник избежит наказания.

— Простите, милорд.

Судя по тому, как пристально он на нее глядел, шутник, выпустивший фантомных псов, интересовал ректора не так сильно, как стоявшая перед ним студентка. Нелл мысленно отругала себя: нужно было пройти мимо. Ничего с мальчишкой не сделалось бы, а она не попалась бы так глупо.

— Где вы научились обращаться с фобосами? — ожидаемо полюбопытствовал ректор.

— Знакомый маг использовал их для охраны дома, — ответила она, усилием воли удерживая взгляд на лице собеседника. — Показал, как их развеять в случае необходимости.

Поверил? Сложно сказать: милорд Райхон относился к той нелюбимой Нелл категории людей, по внешнему виду которых тяжело определить, о чем они думают, а о чем и не задумываются.

— Вы в порядке, мистер Бертон? — переключился ректор на слезшего

с камня студента, и Нелл понадеялась, что о ней забудут. Но не тут-то было. Выяснив, что юноша оправился от встречи с нагоняющими страх фантомами, милорд Райхон обернулся к ней. — Можно задать вам вопрос, мисс Мэйнард?

Получив согласие, жестом предложил отойти подальше от злополучного мистера Бертона.

— В вашем личном деле есть особая отметка, — начал негромко, хоть Нелл и не делала тайны из того, о чем он хотел поговорить. — Вы указали при поступлении, что обладаете неконтролируемой способностью к трансляции эмоций. В чем это проявляется?

— В неконтролируемой трансляции эмоций.

Можно было умолчать об этом, испытания не выявляют подобных «талантов», но Нелл не хотела неприятностей в случае спонтанного проявления. Мало ли какие эмоции и кому она передаст? С отметкой в личном деле и отрицательным результатом теста на наличие телепатического дара в злонамеренности ее не обвинят.

— Какова сила и диапазон воздействия? — уточнил ректор.

— Неконтролируемая трансляция, — повторила Нелл. — Невозможно определить, когда это произойдет и произойдет ли вообще.

— Замеры не производились, — понял милорд Райхон. — Но можно было определить степень поражения попавших под воздействие.

— Никто не обращался с жалобами к специалистам.

Выслушав ответ, к слову, совершенно правдивый, глава академии задумчиво сморщил лоб.

— Я правильно понимаю, что речь идет о ваших собственных эмоциях? Вы транслируете чувства, которые сами испытываете на тот момент?

— Да.

— И может случиться, что, если на практике вас что-нибудь испугает, мне придется отпаивать пустырником всю группу?

— Меня не так просто испугать, милорд, — без хвастовства сказала Нелл и, лишь закрыв рот, поняла, о чем говорил ректор.

— Я назначил организационный сбор на завтра, — кивнул он, подтверждая, что она не ослышалась. — Подробности узнаете у мистера Бертона.

Объяснять, отчего изменил решение, ректор не стал. Попрощался и, отступив на два шага, исчез.

— Скоростная телепортация, — гнусаво протянул топчущийся в сторонке мистер Берто. — На амулетах, наверное.

Нелл могла поручиться, что амулетами Оливер Райхон не пользовался, но предпочла промолчать.

— Я должен поблагодарить вас за помощь, мисс...

— Нелл, — представилась она коротко. — Не стоит благодарности.

— Да? Тогда я — Реймонд. Рей... — Студент шмыгнул сопливым носом. — Прости... те... ти?..

— Ти. — Она не сдержала улыбки. — Аллергия?

— Да. Пройдет... однажды... Расскажешь об этих псах?

— После того как расскажешь мне о завтрашнем сборе.

Нелл не планировала заводить друзей из числа соучеников. И вообще друзей. Но она и так слишком выделялась среди студентов, не хотелось привлекать к себе лишнее внимание еще и замкнутостью, поэтому она решила сделать вид, будто дружит с Реем. И с Дарлой. Во всяком случае, пока одну из них не переселят в другую комнату.

— Ты знала, что в последнюю пятницу сентября в академии каждый год устраивают Осенний бал? — затараторила соседка, судя по раскрасневшемуся личику, едва дождавшаяся ее возвращения, чтобы поделиться этим важнейшим известием. — Нам нужно подумать о нарядах! Осталось меньше месяца... Ну что ты снова молчишь?

— Меня приняли на спецкурс, — сообщила Нелл новоявленной подруге. — Думаю, будет не до балов.

ГЛАВА 2

К концу второй учебной недели, оглянувшись назад, Нелл наконец-то осознала, что все у нее получилось. Если не обращать внимания на ее внешность (а окружающие тактично старались этого не делать), она была самой обычной студенткой. Сироткой-стипендиаткой из глухой провинции: таких тут больше половины, и никто не удивится тому, что ей некому слать писем и некуда уехать на каникулы.

Даже так называемые друзья вписались в ее новую жизнь как нельзя лучше. Болтовня Дарлы не мешала читать учебники и отвлекала от появлявшихся порой грустных мыслей, а Реймонд оказался неглупым и начитанным парнем, с которым можно сходить в библиотеку или, чтобы сэкономить время, разделить письменные задания, хотя милорд Райхон, безусловно, такого подхода к вопросу самостоятельной подготовки не оценил бы.

Отношения с самим куратором тоже складывались наилучшим образом. Их просто не было. Милорд Райхон, казалось, напрочь забыл историю с фобосами, не интересовался особыми «талантами» Нелл и никак не выделял ее среди других студентов. Она же, как могла, способствовала этому, не демонстрируя больше лишних для первокурсницы знаний или умений.

Все складывалось хорошо, и Нелл почти поверила, что так будет и дальше.

К концу второй учебной недели Оливер понял, что идея курировать спецкурс — худшая из приходивших ему в голову. Не в возрасте дело. И в тридцать лет мало кто потянул бы такую нагрузку — скорее уж совсем не потянул бы: у него-то в его годы хоть опыт был. И если бы к этому опыту еще пару лишних часов в сутках и толкового секретаря, то и проблем не было бы.

С секретарями милорду Райхону не везло. Единственный, с кем он мог нормально работать, уволился пять лет назад, и с тех пор в делах началась неразбериха: то уже подписанные ведомости потеряются, то протокол ученого совета двухлетней давности найдется в стопке бухгалтерских счетов. Нет, не секретари такие бестолковые — сам в спешке не туда бумажку сунет и забудет. Но можно же проверить, прежде чем сдавать папки в архив?

Или вот переделал в последний момент списки студентов экспериментального курса, а теперь выяснилось, что не у всех в наличии медицинское разрешение на практику. А вдруг министерская проверка: как тут, милорд, ваша специальная программа? И окажется, что у него по специальной программе занимается девица с каким-нибудь пороком сердца, которую к практическому изучению «Темных материй» и подпускать нельзя.

Оливер снял трубку и набрал прямой номер заведующего лечебницей.

— Грин. Слушаю, — отрывисто ответил хриплый голос.

— Оливер Райхон. Здравствуйте, Эдвард.

— А. Угу.

Целитель явно не расположен был к общению, но Оливер все же попытался придать разговору подобие дружеской беседы:

— Давненько не виделись. Как поживаете? Как супруга? Сын?

— Прекрасно я поживаю. Супруга хорошеет, сын растет.

— А...

— Слушайте, Оливер, — выпалил Грин раздраженно. — Хотите поболтать по-приятельски, приходите на ужин. Выпьем по бокальчику бренди, обсудим последние новости. А сейчас выкладывайте, что вам нужно, и побыстрее. У меня назначена операция, а до этого хотелось бы успеть пообедать.

— Одна из моих студенток не прошла осмотр при зачислении, а списки уже закрыты, — коротко обрисовал суть вопроса ректор.

— Угу. Закрыты, конечно... Не делайте проблем из пустяка. К октябрю всегда набирается несколько десятков забытых и опоздавших. Включите вашу студентку в дополнительный список, получит все справки в следующем месяце.

— Вы не поняли, Эдвард, речь о моей студентке, — терпеливо разъяснил Оливер. — С моего спецкурса. Помните, я говорил, что буду лично курировать группу?

— Угу. И лично забыли дать девице направление, — понял доктор. — Ладно, впишу ее куда-нибудь. Но вы меня знаете, разрешение на занятия темной магией без осмотра не дам.

— Об этом вас и не просят. Когда ей можно прийти?

— Завтра, к восьми. У меня будет время до обхода. Погодите, запишу имя. В начале учебного года от студентов отбоя нет, еще приму не ту девицу.

— Записывайте: мисс Элеонор Мэйнард. Ее сложно с кем-нибудь перепутать, девушка — альбинос.

— Альбинос? — переспросил Грин. На несколько секунд на том конце провода повисла задумчивая пауза. — Могут быть... э-э-э... сложности.

— Какие?

— Нужно смотреть, — уклончиво ответил доктор. — Различают несколько типов альбинизма, но практически всегда это связано с нарушениями зрения, повышенной чувствительностью к солнечному свету и некоторым видам заклинаний... Конкретнее скажу после осмотра. Но на всякий случай подумайте, как объяснить девушке, насколько интереснее ей будет учиться на теормаге, чем у вас.

Нелл совершенно забыла, что для выбранной специальности разрешение от целителей обязательно. Было бы неплохо, если бы и милорд Райхон не вспомнил.

— Не бойся, это не страшно, — успокаивала с вечера Дарла. — Ходила я на этот осмотр. Сидит молоденький доктор, даже практикант, наверное. Краснеет так забавно, когда сердце через трубку слушает... А по женской части у них там очень колоритная дама. Леди. Говорят, настоящая. Но если ты еще девица, можно ей просто об этом сказать, она и смотреть не будет. Только расскажет всякое и брошюрку даст про то, что нужно избегать случайных связей, и как быть, если не избежала...

Судя по тому, как Дарла хихикала, вспоминая о брошюрке, она-то была как раз девицей и визит к «леди» для нее ограничился профилактической беседой. А вот Нелл не отказалась бы от осмотра. То, что ее тревожило, было не «по женской части», но она утешила себя тем, что краснеющий практикант не заметит лишнего.

К сожалению, доктор Грин, к которому направил ее милорд Райхон, практикантом не был, но о том, что разрешение на обучение темным искусствам ей предстоит получать у главного целителя, Нелл узнала уже в лечебнице.

— Повернете направо, пройдете по коридору, увидите дверь с табличкой, — охотно подсказала дорогу дежурная сестра.

Таблички на двери кабинета заведующего было две. На первой — имя доктора, на второй предупреждение: «Перед осмотром избавьтесь от иллюзий». Иллюзий относительно своей судьбы Нелл давно уже не питала.

«Будь что будет», — решила она и распахнула дверь.

А следовало сначала постучать.

— Простите. — Нелл выскочила обратно в коридор, давая доктору Грину время снять со своих колен смазливую девицу в белом чепце и

оттереть губы от помады, если означенная девица ею пользуется.

Подумала, что человек, заведший шашни на рабочем месте с собственной подчиненной, и во всем остальном не слишком щепетилен.

Спустя минуту из кабинета вышла красотка в чепце. Потянулась, огладила ладонями затянутую в корсет талию и победно улыбнулась.

— Прибавку к жалованью получила, — подмигнув, сообщила она. — Но пришлось постараться. А у тебя что?

— Допуск к занятиям взять, — растерянно призналась Нелл.

— Ну... — Девица поджала губки, оценивающе разглядывая ее вприщур. Затем беспардонно обхватила ладонями лицо, повертела так и этак и прищелкнула языком. — Может, и подпишет.

Когда она ушла, Нелл предприняла вторую попытку попасть на прием.

— Мисс Мэйнард, полагаю? — Сидевший за столом худощавый мужчина лет сорока пяти жестом пригласил войти и кивнул на стул для посетителей. — Прощу. Я ожидал вас позже.

Нелл проследила за его взглядом, брошенным на настенные часы, показывавшие без четверти восемь, и едва уловимо пожала плечами. Ну пришла пораньше — и что? Помешала? Так это, извините, лечебница, а не дом свиданий.

— Не хочется, чтобы у вас сложилось обо мне неверное впечатление, мисс...

Невзирая на случайно подсмотренную сцену, впечатление он производил приятное. Внешность не сказать чтобы привлекательная, но располагающая: аккуратно выбритый подбородок, тонкий нос с горбинкой, внимательные серые глаза. Лицо его сейчас было серьезно, но чуть приподнятые уголки губ и мелкие лучики морщинок, тянущиеся от внешних уголков глаз к вискам, говорили, что в повседневной жизни улыбается доктор нередко.

Нелл снова пожала плечами, теперь заметно, показывая, что не намерена составлять о нем никаких суждений: у каждого свои секреты, и чужими она не интересуется.

Целитель понимающе усмехнулся и без пояснений развернул к ней фотографию в деревянной рамке. Снимок стоял на дальнем от Нелл углу стола, но она тем не менее хорошо рассмотрела и самого доктора, запечатленного на фото в выходном смокинге, и сидевшую в кресле перед ним женщину с мальчиком двух-трех лет на руках. Женщину Нелл узнала, хотя на фотографии та смотрелась степенной дамой, а не молоденькой вертихвосткой, между делом крутящей роман с начальником.

— У вас красивая жена, — сдержанно заметила Нелл. — И чувство

юмора у нее... своеобразное.

— Что она вам сказала?

— Сказала... — Нелл вспомнила взгляд целительницы, смешливый, но цепкий. — Что вы подпишете мне разрешение на практику.

— Возможно. — Доктор вынул из папки чистый лист бумаги и снял колпачок с ручки. — Начнем? Поскольку бланк направления вам не выдали, придется заполнять все с нуля...

Писал он быстро: видимо, привык вести прием без ассистентов.

Имя. Дата рождения.

Примерный рост и вес определил на глаз, к удивлению Нелл, достаточно точно.

Поинтересовался, есть ли у нее жалобы на здоровье. Услыхав, что нет, тут же бегло нацарапал аж три строчки... Знать бы о чем...

— Как давно вы выглядите подобным образом? — спросил, не отрывая глаз от записей.

— Сколько себя помню.

— И что говорят об этом ваши родители?

— Ничего. Я сирота, выросла в приюте.

— Я тоже, — не выказывая ложного сочувствия, отозвался целитель. — В каком возрасте проявился дар?

Стандартные вопросы, стандартный осмотр.

Заключение доктор обещал к концу дня, когда будет готов анализ крови, но предварительно сказал, что видимых причин отказывать Нелл в допуске нет.

Эдвард Грин хорошо знал свою жену и уже начал беспокоиться: мисс Мэйнард десять минут как ушла, а Бет до сих пор не появилась. Наконец дверь приоткрылась, и супруга любопытной мышкой прошмыгнула в кабинет.

— Это была она, да? Студентка Оливера?

— Угу. — Заведующий лечебницей откинулся на спинку кресла и смерил присевшую с другой стороны стола жену строгим взглядом. — Что ты ей сказала?

— Правду и только правду. Похвасталась, что ты мне жалованье поднял. А что?

— Во-первых, я ничего тебе не поднимал, а поменял оклад практиканта на оклад штатного целителя. Во-вторых, это было еще позавчера.

— Всего лишь позавчера, я до сих пор не нарадуюсь.

— Бет, — Эдвард укоризненно покачал головой, — иногда мне кажется, что у меня не один ребенок, а два.

— Да ладно тебе, — лукаво усмехнулась она, накручивая на палец выбившийся из-под чепца светло-русый локон. — Папочка.

Томно потянулась и так посмотрела при этом, что захотелось тут же перегнуть ее через стол, задрать юбку... и выпороть, чтобы впредь прилично вела себя на работе. Если доктор Грин этого не сделал, то лишь потому, что знал, что детей бить непедагогично, а жену, его жену, еще и чревато: может сдачи дать.

Впрочем, миссис Грин никогда не перегибала палку. Имелся у нее среди прочих такой талант.

— Что с девушкой? — спросила она, отбросив дурашливость.

— Ты скажи, — предложил ей муж.

— Оливер ошибся, она не альбинос. Либо какая-то редкая и явно спровоцированная внешними факторами форма. Полное отсутствие пигмента кожи и волос, при этом пигментация глаз нарушена лишь частично. Радужка желтая, по внешнему краю темная. Зрачок без патологий. Признаков астигматизма или нистагма нет. Чувствительность к свету в пределах нормы: я развернула ее к окну — даже не моргнула... Зрение?

— Отличное, — кивнул Эдвард.

— Дашь ей допуск?

— Да. Чувствительность кожи повышена, но реакция в допустимых пределах. В остальном — абсолютно здоровая девушка. Хотя случай интересный. Сама она говорит, что выглядела так всегда, но... есть у меня сомнения на этот счет.

— Скажешь Оливеру?

— Уже. — Целитель кивнул на телефон. — Его интересует только, можно ли ей практиковать темные материи. Милорд Райхон традиционно не любопытен.

— А мы? — прищурилась Бет.

— Мы? — Мистер Грин сделал вид, что задумался. — Мы отличаемся в этом от милорда Райхона. В лучшую сторону.

— Бесспорно, — подтвердила миссис Грин. Глаза ее азартно блеснули. — Ты взял у нее кровь?

— Конечно.

— Неплохо было бы сделать биопсию кожи.

— Прости, — Эдвард шутливо развел руками, — не нашел повода отщипнуть от нее кусочек.

— Волосы?

— Не подумал, — вздохнул он с сожалением.

— Я подумала, — с превосходством улыбнулась Бет и вынула из кармана передника завернутые в платок бесцветные волоски. — Выдернула незаметно. Направленная точечная анестезия, мисс Мэйнард даже не охнула.

— Хвастунишка, — пожурил доктор.

На самом деле любой целитель гордился бы подобным умением, но тут главное не перехвалить, чтобы супруга не расслабилась и не потеряла интереса к совершенствованию навыков.

— Предлагаю разделить опытный материал, — сказал он. — Ты проводишь свои тесты, я — свои. Потом сравним результаты.

Нет, он ни в чем не подозревал мисс Мэйнард и допускал, что та действительно не знает, чему обязана столь примечательной внешностью. Просто любопытная загадка то ли природы, то ли каких-то внешних сил. Разминка для мозгов, которая и его развлечет, и Бет пойдет на пользу.

Смутное беспокойство не оставляло Нелл до следующего утра. Вечно витающая в облаках Дарла и та заметила, что она чем-то взволнована. Но выводы сделала странные.

— Реймонд пригласил тебя на бал?

— Что? — Логика соседки удивила, ведь ни о Рее, ни о бале Нелл и словом не обмолвилась.

— Не приглашал? — озадачилась в свою очередь Дарла. — Стесняется, наверное. Но время еще есть.

Объяснять, что они с Реем просто друзья, было бесполезно: Дарла любые отношения с представителями противоположного пола рассматривала исключительно через призму романтики, и в ее представлении юноша, с которым Нелл проводила немало времени, мог быть только пылким поклонником.

— А платье ты нашла?

Говорить, что не нашла, потому что не искала, и вообще на бал не собирается, Нелл тоже не стала, иначе рисковала нарваться на длинную лекцию о важности подобных мероприятий в жизни любой девушки. Такие лекции Дарла читала часто и с упоением, и то, что соседка много старше, ее не останавливало: тот факт, что Нелл в свои годы еще не замужем, не помолвлена и не обросла толпой обожателей, для Дарлы являлся свидетельством полной некомпетентности в вопросах взаимоотношений с мужчинами, выбора наряда и организации досуга.

— Меня познакомили с одной девушкой с третьего этажа, она занимается шитьем. Берет заказы у студенток из первого общежития. Ну ты знаешь, кто там живет — все эти графские дочки и племянницы банкиров... Так вот, Китти шьет им платья как в модных каталогах, но выходит дешевле. Эти фифочки тоже не прочь сэкономить. А Китти оставляет себе обрезки ткани, или они сами отдают ей что-то ненужное из своего гардероба. Она перешивает и продает местным девочкам недорого... Или дает поносить на время... Слышишь? Не пойдем же мы на бал в форменных платьях? У меня отложено немного денег, и у тебя в жестянке я видела... Зайдем к ней вечером? К Китти? Присмотрим себе что-нибудь.

В другое время Нелл обратила бы внимание на упоминание жестянки и отчитала соседку за то, что рылась в ее вещах, но сегодня мысли занимало другое, и она лишь рассеянно кивнула в ответ на предложение.

Это была ее первая ошибка.

Вторую Нелл допустила на занятиях. Не смогла пропустить мимо ушей перевранное объяснение аспиранта, сегодня подменявшего преподавателя по теории потоков. Слишком сложно это оказалось, ведь лектор в подтверждение своих слов еще и ужасающую схему на доске вычертил.

— Чушь какая, — пробормотала Нелл, окинув взглядом эти художества.

— О чем это вы, мисс? — строго спросил расслышавший ее слова аспирант.

— О вашей схеме, — ответила она мрачно. — Потоки не могут преломляться подобным образом. А использовать зеркало для построения спирали Штольма — это...

Нелл запнулась, но было уже поздно.

— Бесплезная трата времени и сил, — закончил за нее Оливер Райхон, как и в случае с фобосами появившийся в аудитории неожиданно и некстати.

— Милорд, я... — Горе-наставник попытался незаметно стереть с доски лишний вектор и нарисованную не в том месте дугу, но был остановлен суровым взглядом ректора.

— Мисс Мэйнард, можете быть, покажете всем, включая мистера Элиота, — глава академии покосился на сникшего аспиранта, — как должна выглядеть спираль Штольма, и скажете, что применяется в данном случае для искажения потоков?

Нелл поднялась из-за стола, но к доске не пошла.

— Простите, милорд. Я читала, что спираль создается посредством изменения магнитной проницаемости среды. Зеркало здесь лишнее. Собственно, только это я и заметила и правильную схему начертить не смогу.

— Я могу! — предпринял попытку реабилитироваться незадачливый мистер Элиот.

— Подойдете с этим к своему научному руководителю, — не повысив голоса, велел ректор. — Я попрошу его обратить внимание на данный вопрос. Мисс Мэйнард, уделите мне несколько минут?

В коридоре он остановился у окна, за которым светило яркое и теплое сентябрьское солнце, а листья на деревьях только-только начинали желтеть. Нелл представила, с какой радостью распахнула бы это окно и прыгнула вниз... Первый этаж — не страшно...

— Простите, что организовал беседу подобным образом и в подобной обстановке, — начал с извинений ректор. — Доктор Грин подписал вам разрешение на практику. Однако поговорить я планировал о другом, Элеонор. За две недели я имел возможность оценить уровень знаний студентов вашей группы и могу сказать, что на данный момент вы показываете наилучшую теоретическую и в чем-то практическую подготовку.

— У меня было время для самостоятельных занятий, милорд.

— Я догадался. К тому же вы значительно старше своих соучеников, что в данном случае тоже неплохо. Изначально я хотел видеть кого-то из... э-э-э... мужчин на этом месте...

Заминка во фразе ректора была понятна: семнадцатилетние мальчишки из их группы на гордое звание мужчин пока не тянули. Все остальное нуждалось в объяснениях, и милорд Райхон их тут же дал:

— Я решил назначить вас старостой группы, мисс Мэйнард. Если вы не возражаете, конечно.

— Разве это не выборная должность?

— Начиная со второго курса — да. На первом, пока студенты еще плохо знакомы друг с другом и не могут сделать объективный выбор, старосту назначает куратор. Так что скажете?

Бедная стипендиатка, желающая и дальше оставаться на хорошем счету у куратора, ни за что не отказалась бы от подобной возможности.

— Я согласна, милорд.

Наверное, это была ее третья ошибка сегодня, но Нелл дала себе слово больше не вести им учет. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, а

она уже сделала больше, чем планировала когда-то.

Перед началом своей лекции милорд Райхон представил ее группе в новом качестве, и никто из одиннадцати парней и четырех девушек не выказал недовольства таким назначением. А после занятий Нелл сама предложила Реймонду пойти с ней на Осенний бал.

Дарла все равно не отстанет, а старосте не годится пропускать официальные мероприятия, пусть и развлекательные, и лучше пойти с Реем, чем одной. Одинокие девушки всегда привлекают ненужное внимание, а она и без того привлекла его с избытком...

ГЛАВА 3

Обязанности старосты на первом курсе несложны и с лихвой окупаются полагающимися по новому статусу приятностями: повышенная стипендия, ненамного, но на сигареты хватит, возможность время от времени пропускать лекции по неспециальным дисциплинам и, на выбор, отдельная комната в общежитии или дополнительные талоны на питание.

Нелл собиралась взять комнату. Даже сходила с подписанным ректором предписанием к комендантше и получила ключи от трех каморок на первом этаже.

— Какая приглянется, в той и оставайся, — равнодушно махнула рукой пожилая женщина, на морщинистом лице которой лежала печать усталости от всего на свете — от студенток-жиличек и их забот, от проверок руководства и от самой жизни, казалось. — Вымоешь там все и постель свою принесешь. Если помощь нужна, подвигать что, можешь знакомых парней позвать, только чтобы до полуночи ушли, а то знаю я...

Комнатушки были совершенно одинаковые — узкие кельи с одним окном, и обстановкой друг от друга не отличались: кровать, письменный стол, пара книжных полок, шкаф и умывальник. Большого, пожалуй, и не нужно. Главное, что окно открывается, и не надо будет, кутаясь в покрывало, бегать ночью в уборную, если вдруг не спится и до нервной дрожи хочется курить.

Нелл представила, как расставит на полках книги, а на подоконнике пристроит спиртовку. Вечерами будет заваривать крепкий чай и читать в тишине...

Отчего-то это уже не казалось таким привлекательным, как еще неделю назад, и, покопавшись в мыслях, Нелл с удивлением поняла, что успела отвыкнуть от тишины и даже начала ее побаиваться. А Дарла за это время привыкла к спиртовке, на которой не только кипятила воду, но и наловчилась разогревать щипцы для завивки. И если Нелл к тишине опять притерпится, то Дарле вряд ли повезет найти новую соседку со спиртовкой.

— Возьму дополнительные талоны, — сообщила ей Нелл, вернувшись в их общую комнату. — Их дают сразу на месяц, и, если использовать все зараз, можно закатить настоящий банкет. Или сладостей набрать.

Дарла, хранившая скорбное молчание с того момента, как соседка сообщила ей о своем назначении и связанных с этим переменах, радостно

завизжала, и, визжи она чуть дольше, Нелл, наверное, пожалела бы о своем решении. Но, на счастье обеих, бурное проявление радости не затянулось: Дарла вспомнила о предстоящем бале и потащила Нелл на третий этаж, к доброй, хоть и не бескорыстной швее Китти.

Платьев та предлагала немного, а часть сразу же обозначила как «только если совсем купите». «Совершенно покупать» девушки ничего не планировали, и пришлось выбирать из того, что осталось.

Миниатюрной Дарле было проще. Китти обещала за небольшую доплату ушить на нее любое платье, и соседка остановилась на скромном голубом наряде под цвет глаз. У Нелл же, в которой роста было без малого шесть футов, выбора почти не осталось: либо ярко-алое платье, отданное какой-то клиенткой как испорченное (несводимые пятна на подоле Китти замаскировала нашитыми сверху розанами), либо блеклое палевое, с неглубоким квадратным вырезом и прямой юбкой. Последнее подходило скорее для посещения лекций, чем для бала, но Нелл взяла именно его.

— Тоже под цвет глаз, — прокомментировала она свой выбор.

Неприметное платье, неприметный, если не расчихается на весь зал, кавалер — все это ее вполне устраивало.

Если в доме живет кошка, то можете не сомневаться, она твердо уверена, что это — ее дом и все здесь, включая тех, кто по наивности мнит себя хозяевами жилища, принадлежит ей.

Примерно так же рассуждает и ребенок трех с половиной лет.

Нет, он, конечно, помнит, что тут — спальня родителей, тут — кухня со страшной горячей плитой, а здесь — лаборатория, в которую нельзя заходить под страхом лишиться обеих рук и сладкого на неделю, но если и соблюдает эти правила, то лишь потому, что ему не особо и интересно, что происходит в запретных комнатах. Однако когда ему что-то там понадобится, например, мать, уже час не появлявшаяся в поле зрения, ничто его не остановит.

— Ма-ам...

— Стоять! — Миссис Грин набросила ловчую сеть на прощмыгнувшую в лабораторию кошку, без церемоний выставила наглуую серую зверюгу за дверь и присела на корточки перед сыном, которого тоже следовало выпроводить, но более мягкими методами. — Что случилось, милый? Почему не играешь с папой?

— Папа спит, — наябедничал Грэм. — Прямо на рельсах! Я гудел ему, гудел...

— На рельсах? — со вздохом уточнила Элизабет. — Ясно.

Подхватила сына на руки и вынесла в коридор.

— Как же поезд проедет, если он там лежит? — продолжал возмущаться мальчик.

— Никак, — согласилась Элизабет.

Говорила же мужу: отдохни. Грэм поиграл бы с Нэнси, няня никогда не отказывалась задержаться у них на пару лишних часов. Но Эда разве переспоришь? Он, видите ли, совсем не устал, только кофе выпьет и будет как новенький...

— У паны был сложный день, — объяснила она сердито сопящему сыну. — Пришлось много работать. Хорошо работать. Потому что, если бы папа не справился, работы прибавилось бы у мамы.

У двери в детскую Элизабет поставила ребенка на пол и заглянула в комнату. Грэм значительно преувеличил масштабы железнодорожной катастрофы: глава семейства спал не на рельсах, а рядом, положив под голову большого плюшевого медведя. Движению поезда мешала только рука, и мальчик легко отодвинул бы ее в сторону, но желание привлечь внимание матери оказалось сильнее.

— Эд, — опустившись на колени, потормошила мужа Элизабет, — Эд, пойдем в спальню.

— Мне и тут хорошо, — не открывая глаз, заявил мистер Грин.

— Ты перегородил железную дорогу.

— Это шлагбаум, — пробормотал целитель сонно. — Я играю с сыном, женщина. Не вмешивайся в наши мужские дела.

— Стукну, — пообещала Элизабет.

— Злюка, — усмехнулся муж. Поймал за руки и потянул на себя, прижал к груди. — Мм... Чем от тебя так вкусно пахнет?

— Формалином, — хмуро ответила Элизабет, высвобождаясь из объятий. — Ты же говорил, что это была несложная операция!

Когда они только познакомились, она долго не могла понять, почему после использования целительской магии высших уровней доктор Грин неизменно требовал крепкий и очень сладкий кофе. Связывала это с потребностью компенсировать растраченную энергию. Но, оказалось, имелась и другая причина: после интенсивной отдачи сил Эд на какое-то время переставал нормально воспринимать вкус и запахи.

— Не слишком сложная, — отозвался он беспечно. — А что у тебя? Все еще колдуешь над образцами мисс Мэйнард?

Попытка супруга уйти от щекотливой темы была засчитана Элизабет как успешная. В конце концов, перевоспитывать его уже поздно.

— Нет. — Она разочарованно поморщилась. — Кленси подкинул

работу. А с мисс Мэйнард я застряла.

— На чем?

— Я думаю... нет, я уверена, что отсутствие пигмента в коже и волосах — следствие поражающего действия какого-то заклинания. Магическое излучение не ниже шестого уровня. Но это все, что удалось выяснить за прошедшую неделю. Понятия не имею, что это за чары и как давно девушка им подверглась.

— Я застопорился на том же этапе, — признался Эд. — Никогда не слышал о заклинаниях, дающих подобный эффект. В справочниках тоже ничего. А не зная сути чар, степень и давность их применения не определишь. Мисс Мэйнард могла попасть под них месяц назад или еще в утробе матери... Но, насколько можно судить, кроме как на внешности, это никак на ней не отразилось. Хотя для полной уверенности я бы провел еще ряд тестов...

— Мы будем пускать поезд или нет?! — грозно уперев руки в бока, спросил у родителей Грэм.

— Будем, — успокоил наследника мистер Грин, с сожалением поднимаясь с ковра и усаживая под стену помятого медведя. — Сейчас будем. А маму отпустим заканчивать дела, да?

— Нет уж, — замотала головой Элизабет, — дела подождут. Останусь с вами. Буду контролировать исправную работу шлагбаумов.

Вошедшая в детскую кошка равнодушно оглядела рассеянное вокруг игрушечной железной дороги семейство и бесшумно запрыгнула на кровать. Свернулась клубком и закрыла глаза. Треск заводного поезда и голоса ей не мешали, даже наоборот: люди заняты, а значит, никто не вспомнит о ней и не стонит с мягких подушек...

Дарла так и не определилась, кому из поклонников оказать честь сопровождать ее на балу, и, чтобы никого не обидеть, решила, что пойдет с Нелл и Реймондом. А уже на празднике ей, быть может, повезет встретить своего единственного. Хотя о единственном Дарла обмолвилась полусуто и на самом деле познакомиться мечтала не с очередным восторженным юношей, а с эльфом.

Эльфы в академии были, одного она даже видела как-то издали, но хотела поближе рассмотреть, поговорить и потрогать, если получится.

— Трогать-то зачем? — удивилась Нелл.

— Чтобы знать, — последовал ответ. — Может, они и на ощупь другие?

Странный интерес. Но хоть не романтический. Длинноухие

беловолосые нелюди с большими прозрачными глазами и сероватой, отливающей перламутром кожей, исчерченной на щеках узорами белесых шрамов, действительно были другими, и ни одна здравомыслящая девушка не стала бы всерьез строить планы на близкие отношения с тем, кто отличается от человека не только внешностью, но и самой своей сутью.

То, что Дарла, несмотря на свои фантазии, девушка все-таки разумная, Нелл порадовало, как и то, что соседка пойдет на бал с ней. С Реем они смотрелись бы довольно несуразной парочкой, учитывая, что худощавая Нелл была на полголовы выше пухленького круглолицего парня, а теперь, с Дарлой, получится маленькая дружеская компания. Хотя Нелл не сомневалась, что на балу неугомонная подружка непременно потеряется и если не с эльфом и не с «единственным», то с каким-нибудь представителем мужского пола обязательно познакомится. Но это будут уже его проблемы.

В академии имелось лишь одно помещение, способное вместить в себя всех студентов и преподавателей разом, — столовая. Тут и устраивали общие праздники. Из огромного зала убрали большую часть столов, а над оформлением неплохо потрудились иллюзионисты. На стенах ожили картины осенних пейзажей, потолок стал небом, по которому плыли белые облака и пролетали время от времени стаи стремящихся на юг птиц, поддерживающие потолок колонны превратились в деревья, с легкими порывами ветерка ронявшие резные золотистые листья. Листья кружились в воздухе, а касаясь чего-нибудь или кого-нибудь, рассыпались сверкающими искорками.

Вечер выдался теплый, и для тех, кто не захочет провести его с начала и до конца под крышей, огородили гирляндами и охранной сетью скверик рядом со столовой. Поставили там несколько новых беседок и десяток лавочек.

Хотя на бал собралась вся академия, давки в дверях не было. Гости входили неспешно и чинно, а за тем, чтобы не возникло стычек и недоразумений, тут тщательно, но незаметно следили.

— Приветствую вас, дамы. — Приятный молодой человек, одетый, как и многие из пришедших, в классический черный смокинг, словно не заметив Реймонда, поклонился Нелл, тряхнув отросшими до плеч каштановыми кудрями, и подал руку Дарле, помогая взойти по ступенькам. — Первый бал для вас в академии? — определил он безошибочно. — Желаю хорошо провести время.

Дарла, кажется, уже никуда и не шла бы, сраженная блеском лукавых карих глаз и белозубой улыбкой. Пришлось едва ли не силой втащить ее в

зал.

— Такой милый, — шептала она, непрерывно оглядываясь. — Видела, как он на меня смотрел?

— Работа у него такая, всех рассматривать, — бросила Нелл, спеша увести впечатлительную подружку подальше от входа. — Внутренняя полиция академии, порядок блюдут.

— Полиция? — не поверила Дарла.

— Значок на лацкане, — коротко объяснила ей Нелл, успевшая рассмотреть не только глаза и улыбку.

И не только значок.

Обернувшись вслед за подругой, Нелл вприщур взглянула на полицейского. Когда-то она знала троих братьев-перевертышей, но те были волками, а этот... Воздух поплыл под ее взглядом, свет преломился, обрисовав вокруг улыбчивого блюстителя порядка зыбкую тень... кота?

Оборотень, почувствовав внимание к своей персоне, напрягся, тень сделалась четче, и стали заметны кисточки на настороженно поднятых ушах. В следующий миг полицейский обернулся, но Нелл уже любовалась березовой рощей, нарисованной на стене объемными иллюзиями.

— Все равно милый, — протянула со вздохом Дарла.

Нелл представила мага-оборотня в звериной ипостаси и не нашла причин не согласиться.

— Мило? — переспросил Рей, услышавший лишь обрывок разговора. Посмотрел на иллюзорную рощицу. — Ну да, неплохо. Только... а-а... пчхи!

Похоже, аллергия у него была даже на морок.

— Сходил бы ты к целителям, — посоветовала Нелл.

— Я ходил, — прогнусавил парень, спрятав нос в вытащенный из рукава платок. — Лекарство дали.

— И?

— От него спать хочется.

Не чихал бы, так зевал. Незавидный выбор.

— Нужно наших найти. — Нелл ухватила высморкавшегося кавалера под руку. — Дарла... Дарла! Ты с нами?

Подруга отвела взгляд от входной двери, где раскланивался перед очередной красавицей оборотень, и уныло кивнула.

Недолго поплутав в толпе, Нелл вывела друзей к своей группе. Первокурсники скромно жались к стене, на которой журчал водопад, и бросали голодные взгляды на уставленные закусками и напитками столы. Пришлось подать пример. Нелл взяла наполненный легким вином бокал и

таргалетку с паштетом. Если и есть что-то хорошее в подобных мероприятиях — то это бесплатная еда. Донеся эту простую мысль до однокашников, староста сочла миссию выполненной. Можно было послоняться еще с полчаса по залу и незаметно уйти.

А можно было остаться.

Когда все наконец-то собрались, ректор, открывая бал, произнес недлинную речь, и зазвучала музыка, она вспомнила вдруг, как любила когда-то праздники. И танцевать.

Дарлу уже пригласил Стивен — рослый блондин со спецкурса, которому подружка строила глазки еще на отборе, и, глядя, как они кружатся под нежную мелодию, а на головы им падают с деревьев-колонн иллюзорные листья, рассыпаясь по волосам теплыми искорками, меньше всего хотелось и дальше стоять на месте. Хотелось радоваться... хоть чему-нибудь: музыке, бесплатному угощению, золотой осени, которой в зале сегодня было больше, чем на улице...

Почему бы и нет?

Ничего уже не будет как прежде, но ведь это не повод отказываться от доступных радостей. Только руку протяни, и...

Рей снова расчихался и упустил момент. Под руку попался Кевин. По росту он подходил Нелл больше, но танцевал, как выяснилось, ужасно. Однако оттоптанное неуклюжим увальнем ноги не стали причиной отказать в танце незнакомому молодому человеку, который, вынырнув из толпы, вдруг оттеснил от Нелл и неуверенно топчущегося на месте Рея, и других одноклассников. Видимо, неброское платье не справилось со своей задачей и она все же привлекала внимание, но такое внимание было даже приятно. Вечер обещал быть веселым.

Обещал, но не стал...

— Нелл?!

Молодой светловолосый мужчина, с которым она столкнулась у стола, куда пошла, чтобы взять что-нибудь из напитков, смотрел на нее так, как будто увидел привидение.

Хотя почему «как будто»? Он и увидел привидение. Бледный призрак той, кем она была раньше.

Не сосчитать, сколько раз Нелл представляла себе их встречу. Представляла, как они сталкиваются вот так же, и он отворачивается, не узнав...

Но, наверное, она не так сильно изменилась, как ей казалось.

— Нелл. — Дрожащие пальцы вцепились в ее плечи. — Это... это же ты?

Можно было сбежать и позволить ему убедить себя в том, что он обознался. Но он здесь, в академии, а значит, рано или поздно они встретятся снова.

— Это я. Здравствуй, Алан.

С начала праздника прошло не больше часа, но маленькие оплетенные плющом беседки уже оккупировали юные влюбленные.

— Что у вас тут? — Голос Алана дрожит от волнения, но застигнутой за поцелуями парочке слышится гнев. — Возвращайтесь в зал.

Девушка испуганно ойкает, норовит незаметно проскользнуть мимо. Юноша прячет недовольство во взгляде, кивает с ложной покорностью:

— Хорошо, профессор.

— Уже профессор? — Нелл улыбается одними губами. — Поздравляю. Поздравление остается без внимания.

Руки Алана касаются плюща. Сила льется с пальцев, на одном из которых блестит золотом обручальное кольцо, напитокывает соком зеленые побеги. Гибкие плети шевелятся, разрастаются, плотнее опутывают беседку, пряча от случайных взглядов тех, кто внутри.

Столько приготовлений ради короткого разговора.

У него лишь два вопроса: «Как?» и «Почему?»

У нее один ответ: «Какая разница?»

Он думает, что у него есть право знать.

Она знает, что некоторые вещи должны навсегда остаться в прошлом.

— Почему, Нелл? Почему?

Она пожимает плечами. Потому что считала, что так будет правильно? Лучше — всем, включая его?

— Меня зовут Элеонор, — говорит она, вынимая из сумочки сигареты. Выгаскивает одну, заправляет в мундштук. — Элеонор Мэйнард. Двадцать два года, сирота. — Огонек вспыхивает на кончике пальца, и легкие наполняются дымом. — В этом году поступила на спецкурс по темным материям и планирую его закончить.

Он молчит. Смотрит на нее долго и пристально, выискивая черты той прежней, и не находит. А она замечает с грустью, что сам он почти не изменился. Не внешне, во всяком случае. Все так же хорош собой. По-юношески строен. Редкие морщинки пока незаметны на высоком лбу и вокруг глубоких синих глаз. Волосы он так же собирает на затылке в короткий хвост и подвязывает черной лентой.

— Я здесь не из-за тебя, Алан, если вдруг ты подумал об этом, — выдыхает она вместе с дымом. — Я лишь пытаюсь устроить свою жизнь. Снова. И не собираюсь вмешиваться в твою.

— Элеонор, — повторяет он потерянно. — Двадцать два года... Семь лет учебы... Почему?

Потому что легче начать новую жизнь, чем вернуть старую.

И не все из той жизни хочется возвращать.

А то, что хотелось бы, уже не получится.

Нелл говорит ему это, но мысленно. А мысли читать он не умеет...

Но старается. Снова смотрит так пристально, словно рассчитывает заглянуть ей в самую душу. Натыкается на ее взгляд и, не выдержав, отворачивается.

— Я здесь с Сюзанной. Мы поженились.

— Поздравляю, — опять улыбается Нелл. Лезет в сумочку за очередной сигаретой. — Работаете по специальности? Оба? Преподаете?

— Я преподаю. Практическая демонология. В академии уже девять лет. В прошлом году получил профессорскую степень...

Нелл молчит: с этим событием она его уже поздравляла.

— У нас с Сью двое детей, — продолжает он. — Сын и дочь. Марку всего год, а... Хелене восемь...

Долгий испытующий взгляд, но она не отводит глаз. Только сигаретный дым наполняется горечью.

— Я рада за вас, Алан. Но не нужно передавать Сюзанне приветов. Я уже сказала: мне нет дела до вашей жизни.

Слова горьки, как дым, и мужчина морщится. Но он переживет это.

Случайная встреча, ненужные воспоминания.

Разговор, который пора заканчивать...

Она вытряхивает окурок из мундштука и тянется за новой сигаретой. Прикуривает и лишь потом замечает, что осталась одна.

Затягивается глубоко и закрывает глаза. Слезинка успевает сорваться с ресниц, но Нелл ловит ее и размазывает по щеке...

Оливер не планировал задерживаться на празднике. Собирался ограничиться приветственной речью, переброситься парой нейтрально-вежливых фраз со знакомыми и вернуться домой. Но разве его планы кого-то интересовали? Сначала лорд Эрентвилль удивил несвойственной эльфам в целом и самому послу в частности общительностью: минут двадцать разглагольствовал о судьбах их народов и перспективах развития академии. Стоило от него избавиться, как в ректора вцепился декан факультета иллюзий. Выспрашивал, как милорд находит оформление зала. Подумалось, что напрашивается на похвалу, стоило признать заслуженную, а оказалось, хотел пожаловаться на недостаточное финансирование и

нехватку поддерживающих иллюзии амулетов. Мол, снабжали бы его факультет получше, и столовую бы украсили как следует, и вообще во всей академии лоск навели. На это милорд Райхон ответил, что зал и так украшен на славу, а лоск в академии нужно наводить отнюдь не иллюзорный, и потому дополнительные средства пойдут не на закупку амулетов, а на ремонт корпусов. Распрощался с обиженным иллюзионистом и тут же был пойман дамами из женского комитета. Настроился выслушивать требования относительно льгот для работающих матерей, но дамы успели, по их словам, пригубить вина, а на нюх ректора так и чего покрепче, и вместо льгот требовали танец. С каждой. Оливер сослался на боль в травмированной когда-то спине и сбежал, для человека, страдающего от последствий перелома позвоночника, довольно резко.

Ринулся сразу к выходу, делая вид, что не замечает ни приветственных кивков, ни приглашающих улыбок, сбежал с крыльца и едва не разжился новым переломом: выскочивший из кустов человек с силой оттолкнул ректора в сторону, и тот лишь чудом не упал.

— Алан? — Оливер с удивлением узнал в невеже молодого профессора демонологии. — Что с вами?

Демонолог, спешивший так, словно за ним гонится вырвавшийся из пентаграммы демон, остановился и как-то неуверенно замотал головой.

— Ничего, — выдавил он. — Все в порядке.

Ни извинений, ни объяснений глава академии не дождался.

Это было до того не похоже на обычно спокойного и вежливого Алана Росса, что Оливер решил проверить, какое там за кустами «все» и действительно ли оно в порядке.

Алан не обманул, в огороженном защитной сетью скверике не наблюдалось никаких вопиющих нарушений. Можно было уходить, но...

Оливер сжал виски. Мигренями он не страдал, но, видимо, гвалт и суэта праздничного вечера дали о себе знать. Возраст опять же. Нервы? С чего бы? Но сердце заныло, словно...

...все беды и разочарования вспомнились в один миг. Все потери и несбывшиеся мечты.

Вокруг стало вдруг тихо и пусто. Молодые люди, недавно сидевшие на лавочках или прогуливавшиеся аллеями, куда-то подевались, точно бежали от необъяснимой беспричинной тоски, наполнившей воздух, практически вытеснив из него запах поздних цветов и увядших листьев. Захотелось последовать примеру студентов и вернуться в зал, туда, где веселые голоса и музыка развеют безрадостное наваждение. Но это желание тут же сменилось другим: не видеть никого, спрятаться, предаться извращенному

наслаждению терпкой горечью воспоминаний.

Выросшая прямо перед Оливером беседка, густо оплетенная плющом, как нельзя лучше подходила для таких занятий. Но, войдя внутрь, милорд ректор понял, что опоздал: беседка была уже занята.

— Простите, — извинился он.

— За что? — знакомым женским голосом отозвалась темнота.

— Э-э-э... — Инстинктивно сплетенное заклинание ночного зрения позволило рассмотреть прислонившуюся спиной к стене девушку. — Мисс Мэйнард? Я... не знал, что вы курите.

— Разве это запрещено? — спросила она, выпуская струйку дыма.

Оливер покачал головой. Ему не нравились курящие женщины, но нет, не запрещено. И не его дело, как и чем нынешняя молодежь портит себе здоровье, лишь бы учебе и порядку в академии это не мешало. А ему нужно идти...

Но желая опять поменяться, и он понял, что не хочет уже оставаться в одиночестве.

— Почему вы не в зале? — спросил девушку.

— А вы?

Должно быть, она задала встречный вопрос механически, забыв, что говорит с преподавателем, и он не обязан был отвечать...

— Не люблю праздники. В последнее время не люблю. Особенно этот.

— Чем же он особенный?

— Неприятные воспоминания. Вернее... приятные, но...

Именно с Осеннего бала начался их с Камиллой роман. Они пришли на праздник врозь, недавно назначенный ректор академии и молоденькая преподавательница, а ушли вместе. Сколько лет прошло с того вечера? Почему он вспомнил об этом?

И зачем рассказал?

— Что с ней случилось, с той женщиной?

— Вышла замуж. За моего... секретаря. Сейчас работают оба в Глисетском университете.

Сердце забилось быстрее.

Из-за Камиллы?

Вот уж глупость: столько времени минуло.

Из-за Глисета? Как будто... Но он и бывал-то там всего раз десять.

И все равно захотелось сменить тему.

— На другом Осеннем балу другая девушка пригласила меня на танец и поцеловала... Потом тоже вышла замуж...

Да уж, сменил.

К чему вообще этот разговор?

Наверное, к тому, что ему категорически запрещено начинать отношения с женщинами с Осеннего бала.

— Хотите выпить? — предложил Оливер.

— Не откажусь.

— Вина? Или что-нибудь покрепче?

Следовало задуматься, отчего он вдруг решил напиться, да еще и в компании собственной студентки. И он задумался. Но, как ни странно, не увидел ничего необычного и неправильного ни в своем предложении, ни в ее согласии.

ГЛАВА 4

Солнце уже взошло. Пробивалось сквозь неплотно задернутые шторы, светило в глаза.

Оливер давно бы поднялся, хотя бы затем, чтобы поправить занавески... если бы не рука. Тонкая женская рука, лежащая по-хозяйски на его груди. Легкая, практически невесомая, она тем не менее уже четверть часа не давала ему встать с постели, даже оставаясь неподвижной. А когда длинные пальчики с острыми ноготками вдруг шевелились под слышащееся справа сонное бормотание, поглаживали с бессознательной лаской и вновь замирали, милорд Райхон с силой зажмурился и, стиснув зубы, задерживал на несколько секунд дыхание.

Хотел бы он сказать, что виной всему выпивка, что он не отдавал себе отчета в том, что делает, и вообще не помнит ничего из случившегося ночью, но, увы, помнил. И чем дольше вспоминал, тем неуютнее было лежать.

В конце концов он не выдержал: придержал белую, словно из гипса вылепленную кисть и, медленно отодвигаясь к краю, сполз с кровати. Подобрал с ковра свои брюки и, тихо ступая по глубокому ворсу, дошел до ванной.

Успокоиться. Для начала — успокоиться.

Созерцание обнаженного женского тела не способствовало выполнению поставленной цели, но Оливер тем не менее простоял еще с минуту в дверях, прежде чем запереться в ванной. Открыл воду, умылся, пригладил мокрой ладонью волосы и лишь затем рискнул посмотреть в висевшее над раковиной зеркало.

Не так все и плохо.

Если причесаться.

Побриться.

Рубашку надеть, спрятав расцарапанные плечи и кровоподтек с едва заметными следами зубов, алевший над ключицей.

Момент, когда он разжился этим «украшением», вспомнился вдруг остро и ярко, заставив снова скрипеть зубами...

О чем он только думал, когда предлагал ей выпить?

Почему она согласилась?

Что-нибудь покрепче... Пришло же в голову!

Но пили ведь.

Сначала в беседке. Потом он спохватился, что кто-нибудь может увидеть. Открыть портал в собственную гостиную показалось хорошей идеей. А она снова не возражала.

Сидела в его любимом кресле, сбросив туфли и поджав под себя ноги. Глотала, не морщась, неразбавленный джин и слушала всю ту чушь, что он нес.

Курила, стряхивая пепел в круглую бронзовую пепельницу — он сам не помнил, откуда эта пепельница взялась в его доме, — потом доставала из сумочки коробочку с мятными пастилками.

Пастилki запиваладжином.

По одной отщипывала изумрудные ягодки от большой виноградной грозди, катала между пальцами и отправляла в рот. Раскусывала, чуть жмурясь. Губами снимала с пальцев капельки сладкого сока...

Все, что было после, иначе, чем сумасшествием, и назвать нельзя, но искренне сожалеть о случившемся не получалось.

Хотя, наверное, стоило бы.

Нелл разбудило приглушенное журчание воды. Первым побуждением было укрыться с головой и спать дальше. Но одеяла под рукой не оказалось. Зато внезапно выяснилось, что кровать намного шире и мягче той, к которой она привыкла за месяц в общежитии, простыни тонкие и гладкие, а наволочка пахнет не дешевым мылом, а лавандой и розмарином... мужским одеколоном, табачным дымом, въевшимся в ее волосы, влажной разгоряченной кожей...

— О нет, — простонала Нелл, открыв глаза и оглядевшись.

Убедившись, что в комнате никого, кроме нее, нет, а вода шумит за узкой дверцей и, если повезет, шуметь будет еще долго, Нелл вскочила с постели и принялась лихорадочно собирать с пола и кресел свои вещи.

Боги, за что?

Почему это не оказалось лишь сном? Очень неплохой получился бы сон. Можно было бы даже вспоминать иногда...

Она натянула сорочку. Нашла оба чулка, но только одну подвязку. Несколько крючков на корсете были вырваны с мясом, но хорошо хоть шнуровка не распущена. Сложно представить, как она заправляла бы ее сейчас дрожащими пальцами...

Почему? — непрерывно спрашивала она себя мысленно.

Почему? Зачем? Когда?

Когда она поняла, что происходит? Еще в беседке или уже здесь, в его доме?

Но поняла же!

Так почему не остановилась? Не ушла?

И как быть теперь?

Пока ясно одно: платье придется купить. Возвращать его Китти в таком виде нельзя. Сейчас можно подколоть воротничок булавкой и надеяться, что оставшиеся пуговицы продержатся на своих местах до тех пор, пока она не окажется в общежитии...

— Боги, о чем я думаю? — Нелл обхватила руками раскальвающуюся голову.

Алан в академии, а она вместо того, чтобы задуматься над решением этой проблемы, тут же создала себе еще одну.

Оливер Райхон — не дурак. Естественно, он поймет, что произошло и по чьей вине. Проверить не сможет, доказать, если сейчас же не пойдет на освидетельствование к менталистам, — тем более. А он не пойдет: не захочет, чтобы кто-то вытащил из его памяти подробности этой ночи. Но все равно поймет.

И что делать? Был бы он просто куратором — перевелась бы со специального курса на общий. Но он — ректор...

К тому моменту, как в ванной стих шум воды, Нелл уже приняла решение. Лучше разобраться сразу, чем терпеть мучительную неопределенность.

Отчаянно хотелось курить, но, если в портсигаре и остались сигареты, сам портсигар вместе с сумочкой и туфлями валялся где-то в гостиной...

Вошедший в комнату мужчина не ожидал увидеть ее сидящей в кресле и уже полностью одетой и замер в дверях. Потом схватил со спинки кровати свою рубашку, быстро надел и попытался застегнуть, но это ему не удалось. Нелл отстраненно подумала, что за платье она отомстила с лихвой.

— Доброе утро.

Оливер Райхон умел держать лицо. Нелл не удивилась бы, предложи он кофе...

— Доброе утро, милорд. — Она отвела взгляд, но лишь на миг, успев в этот миг решить, что станет смотреть ему в глаза и никуда больше. Не на губы, не на руки, не на покрытую темными волосами грудь...

— Я... — Он хотел что-то сказать, но она не позволила.

— Я, — произнесла твердо. — Я должна вам объяснить.

Говорила она ровно и неторопливо. Хотя после первой фразы можно было уже не продолжать.

— Помните, вы спрашивали об особой отметке в моем личном деле?

Он помнил. И понял. Но показалось, вопреки чаяниям Нелл, это не принесло ему облегчения. Возможно, все-таки стоило промолчать и позволить считать, будто все случилось исключительно по его желанию...

— Я не чувствую, когда это происходит, и сразу не обратила внимания на некоторые странности, — тем не менее говорила Нелл, не успевая подобрать других слов взамен заготовленных. — Потом, видимо, под воздействием алкоголя просто не отдавала себе отчета в своих поступках и желаниях. Я не хотела, чтобы... Вернее, хотела в тот момент, но...

Она запуталась и начинала злиться. В конце концов, он мог бы задуматься, с чего его потянуло откровенничать со студенткой, предлагать ей выпивку и тащить в постель!

— Я знаю, что вы не поступили бы подобным образом, если бы не попали под мое влияние, — продолжила она все же спокойно. — Наверное, неразумно в такой ситуации обращаться к специалистам. Надеюсь, вы и без экспертизы поверите, что все случилось без моего умысла. Но если вы сочтете, что я не могу больше учиться в вашей...

— Не сочту, — перебил он. — И не думаю, что все произошедшее — следствие только ваших неконтролируемых способностей. Потому что...

Тембр его голоса изменился, и Нелл поняла, что даже в глаза ему смотреть уже не в силах.

— Есть еще кое-что, о чем вы, наверное, не подумали, — проговорила она быстро. — Я не чувствую, когда это происходит. Могу только догадываться. И не отслеживаю длительность влияния. Если я продолжала транслировать эмоции... все время, то... В общем, если вам показалось, что это было что-то особенное, то вам показалось. Просто к вашим собственным эмоциям добавились мои, и это могло ощущаться иначе, потому что мне... в целом было довольно приятно...

Никто не виноват, просто так получилось.

Неучтенные факторы, неконтролируемая трансляция, отсутствие действенного механизма защиты, как, впрочем, и злого умысла.

По всем статьям несчастный случай.

Не страховой, так что компенсаций не полагается.

Объяснили это Оливеру обстоятельно и доходчиво. Добавить нечего.

Да и нужно ли?

Ее, судя по всему, такой вариант устраивает. А его мнением не интересовались. Даже больше: исходя из того, сколько раз его прервали, и слышать не хотели. А навязываться — дурной тон.

Пусть будет несчастный случай.

Если подумать, могло быть и хуже.

Скандал, истерика.

Признание в вечной любви с первого взгляда.

Но... обошлось?

Несколько фраз, сказанных в пустоту. Портал в отдаленный уголок парка неподалеку от третьего женского общежития. Сдержанное прощание.

И все.

Остались смятые простыни, пропахшая сигаретным дымом гостиная, пустые бокалы на столе и окурки в пепельнице...

Откуда она вообще взялась? Пепельница эта...

Он выбросил ее вместе с окурками. Распахнул настежь окна. Вымыл и убрал бокалы.

Хорошо, что в доме нет постоянной прислуги, а приходящая не появляется в выходные. До понедельника дым выветрится. И все остальное... выветрится тоже...

— Если вам показалось, что это было что-то особенное, то вам показалось, — бормотал он себе под нос, стягивая с кровати простыни, то ли в корзину для грязного белья сунуть, то ли в мусорную, к пепельнице. — Но в целом было довольно приятно, угу. Какой изысканный комплимент, мисс.

Злился?

Да. На себя. За то, что принял нелепые эти объяснения. Не нашел, да и не искал, если честно, нужных слов. Признал без возражений ее правоту и, получалось, ее вину.

Спокойнее так?

Да если бы...

Если бы не понимать ничего, то, может, и было бы спокойнее.

Ведь спонтанная же трансляция.

Неосознанная.

Неуправляемая.

Никакого расчета, никакой фильтрации эмоций. Никакой фальши.

Не важно, что она говорила. Ему и слушать не нужно было — просто вспомнить, что сам чувствовал, ведь чувствовал он то же, что и она. И на самом деле это ей вчера было плохо и тоскливо, это она пряталась от всех в темной беседке, она потом, когда он появился, пожелала, чтобы он не уходил, потому что ей, а не ему, не хотелось оставаться одной и нужно было поговорить хоть с кем-нибудь.

А то, что случилось после...

Может, и несчастный случай. Но для нее по итогам — несчастнее. Потому что он провел ночь с потрясающей женщиной. А она проснулась в постели ректора. И судя по некоторым фразам, ожидала от этого ректора теперь чего угодно, вплоть до того, что он исключит ее из группы, а то и из академии.

Но разве он опроверг эти домыслы?

Оливер со злостью пнул кресло, но этого показалось мало, и он со всей силы ударил кулаком по стене.

Этого оказалось уже много. Боль прошла руку от пальцев до плеча, заставила взвыть в голос и выдавила слезы из глаз. Зато дурь из головы выветрилась тут же вместе с желанием продолжать бесполезное самоедство.

Но руке это уже не помогло. Костяшки распухли, печатка, врезавшись, вспорола кожу на пальце. Боль не желала ослабевать даже после льда, а универсальное анестезирующее закливание, хоть и действовало, подвижности разбитой кисти не возвратило.

Промучившись с четверть часа, Оливер пришел к выводу, что без помощи специалиста ему не обойтись. Прошел в кабинет, снял здоровой рукой трубку телефонного аппарата и, плечом прижав ее к уху, набрал прямой номер.

— Поздравляю, — брякнул, окончив осмотр, Грин. — Извините, что руку не жму. У вас там переломы пястных костей и пары фаланг, повреждения межфаланговых связок и растяжение запястья. Говорите, упали? А впечатление, будто устроили спарринг с кирпичной стеной.

— С каменной ступенькой, — слабо усмехнулся Оливер. — Она поставила мне подножку, а я в отместку приложил ее кулаком.

— Разве что так, — флегматично отозвался целитель. — Кулаком в отместку. Потому что при падении выставляют обычно ладонь... Ну да ладно, свои разногласия со ступенькой решите сами, мое дело — лечение. Знаю, о чем вы попросите, и сразу скажу: не рекомендую.

— Что не рекомендуете?

— Скоростное восстановление на амулетах. Отек я сниму и соответствующее плетение, чтобы ускорить выздоровление и избежать осложнений, наложу, но для нормального сращения костей и связок предлагаю дать организму какое-то время.

— Сколько? — Спорить с доктором не хотелось, а глупость должна быть наказуема.

— Не больше пяти дней. Мы с Бет хотели пригласить вас на ужин в среду, и у меня никакого желания наблюдать за столом ваши потуги

удержать в одной руке и нож и вилку.

— Бокал забыли, — хмыкнул ректор. — Спасибо за приглашение. Но почему именно в среду? Есть повод?

— Есть график. Ваших занятий, моих дежурств, дежурств Бет и леди Пенелопы в лечебнице и патрульных смен Норвуда. Вечер среды у всех свободен. Я не назвал инспектора, но, думаю, вы догадались, что он будет. Так что, если не хотите сорвать моей супруге запланированный раут, настоятельно советую в конфронтацию ни с какими архитектурными сооружениями больше не вступать и придерживаться моих рекомендаций.

К манерам Грина Оливер давно привык и знал, что в подобном тоне доктор общается далеко не со всеми. Насмешки целителя, по сути, беззлобные, являлись скорее свидетельством дружеского расположения, нежели желанием уязвить. И лишних вопросов Эдвард обычно не задавал, соглашаясь, что не все и не всегда ему нужно знать. Но если вдруг решал, что нужно, молено было не сомневаться, что узнает, как в тот раз, когда по личному почину влез в расследование одной темной истории, которой и сам милорд Райхон занимался непосредственно и безуспешно. Не сказать, что доктор особо преуспел в том, что не давалось ни главе академии, ни полиции, но отличился в каком-то смысле: сначала чуть не погиб, а по окончании дела женился. После уgomонился вроде бы.

Но и в обычной жизни Грин интересовался самыми разнообразными вещами и разбирался не только в целительстве, так что оставалось лишь удивляться, как он находит время и силы на все свои увлечения.

— Эдвард, вы, случайно, не знаете чего-нибудь о спонтанных эмпатических процессах? — наугад спросил Оливер, пока доктор занимался его рукой.

— Что-нибудь знаю, — ответил тот, не отвлекаясь от обработки ссадин на костяшках. — И не случайно. Если помните, у Бет были проблемы из-за нарушения эмпатической защиты. Вас интересует что-то конкретное?

— Не то чтобы интересует, — с ленцой протянул ректор, надеясь, что не переигрывает. — Слышали о неконтролируемой трансляции эмоций?

— Естественно, — пожал плечами Грин. — Обычное дело. Все люди так или иначе транслируют свои эмоции окружающим, и, как правило, делают это ненамеренно.

— Вы не поняли, — покачал головой Оливер. — Я говорю о трансляции такой силы, что оказавшиеся в ее радиусе будут считать эти эмоции своими собственными. Так же как это происходило бы при использовании направленных ментальных чар... но без них.

— А, ясно. Случается и такое. Простейший пример — душа компании. Люди, которые в обществе неизменно оказываются в центре внимания. С ними интересно, их веселье заражает. Это списывают на личное обаяние, манеры, эрудицию... Но иногда это — следствие той самой трансляции эмоций. Человек, пребывая в хорошем настроении, передает его остальным. К нему тянутся, неосознанно желая попасть в радиус воздействия. Но если этот же человек будет не в духе, от него станут бежать как от чумного.

— Бежать?

— А что же еще? — удивился Грин. — Даже при неконтролируемом всплеске негативных эмоций окружающие будут подсознательно ощущать его источник и стараться держаться подальше. Если, конечно, у них есть такая возможность. В замкнутом пространстве, к примеру, при проживании в одном доме или работая в одном помещении, изолироваться вряд ли удастся. Отсюда семейные ссоры и склоки в коллективе. Не всегда, само собой, чаще наоборот — негативный эмоциональный фон является следствием конфликта. Но случается и так, как я рассказывал.

Оливер вспомнил опустевший в несколько минут скверик рядом со столовой. Совпадение? Или все находившиеся там действительно ощутили гнет чужих эмоций и инстинктивно старались уйти подальше от их источника? Почему тогда он остался?

— Скажите, Эдвард, если нет ограничений в виде замкнутого пространства, но некто все-таки не избежал попадания под влияние чужого настроения, чем это можно было бы объяснить?

Грин, приступивший уже к перевязке, ненадолго прервался и задумался.

— Влияние точно было ненамеренным? — уточнил он. Оливер кивнул. — Тогда есть несколько вариантов. Повышенная внушаемость пострадавшего. Ослабление естественной защиты вследствие каких-то иных событий. Некие отвлекающие факторы, не позволившие сразу почувствовать немотивированное изменение настроения. Или... Мы говорим о конкретном случае?

— Нет, — отмахнулся здоровой рукой Оливер. — Но если попытаться смоделировать ситуацию... Допустим, в разгар праздника, когда всем весело, некто транслирует противоположные эмоции. Все инстинктивно избегают его, но какой-то человек все же попадает под воздействие.

— Ему тоже было весело на празднике?

Да какое там...

— Предположим, что нет.

— То есть как такового перепада настроения он не ощутил? Откуда тогда уверенность, что трансляция имела место?

— Мы же обсуждаем гипотетическую ситуацию, — не позволил поймать себя на недомолвках Оливер. — Трансляция уже в условиях задачи. И перепад он ощутил, но не настолько резкий, чтобы это его насторожило.

— Тогда все просто. — Грин вернулся к перевязке, утратив интерес к вопросу. — Транслируемые эмоции совпали по спектру с эмоциями попавшего под влияние. Возник резонанс, вследствие чего эти эмоции естественно усилились. В таком состоянии не исключено усложнение связей и возникновение ответной волны. Этакая усиленная ретрансляция... Понимаете, о чем я? Замкнутый круг: один передает эмоции, второй возвращает их, пропустив через себя, первый принимает больше, чем отдал, и транслирует еще более сильные чувства.

— Эмоции могут меняться в процессе? При сохранении резонанса?

— Почему бы и нет?

— И чьи тогда это эмоции?

Целитель снова отвлекся от бинтов. Сморщил лоб.

— А хрен его знает, — выдал после раздумий универсальную, хоть и не совсем научную формулировку. — Скорее всего, того, кто инициировал начальную трансляцию. Но нельзя исключать, что они изменились под влиянием второго участника.

— Можно об этом где-нибудь почитать?

— Можно, — разрешил доктор. — Чтение вам не противопоказано. А вот физические нагрузки придется ограничить. И... пропищу-ка я вам еще особое питание.

— С повышенным содержанием кальция? — предположил Оливер, припомнив, какая диета предписана при переломах, которых у него за жизнь случалось немало.

— С повышенным содержанием еды, — укоризненно проворчал Грин. — Нормальной еды, а не кофе с сэндвичами. Мне вовсе не улыбается лечить вам еще и гастрит, а вы к нему уверенно стремитесь.

Беседа перетекла на темы здоровья и профилактики заболеваний желудка, коими доктор грозил милорду Райхону уже не первый год, но, на счастье, не затянулась. Грин вспомнил, что и сам не успел позавтракать, велел прийти в понедельник к нему в лечебницу, чтобы показать руку, и на этом попрощался.

Оставшись один, Оливер подумал, что и впрямь неплохо было бы поесть, но вместо похода в столовую, где у него имелся свой стол в

отгороженном и от общего студенческого зала, и от преподавательской части «кабинете», зачем-то достал из мусорной корзины пепельницу, кое-как отмыл ее одной рукой и поставил на каминную полку в гостиной, после чего решил наведаться в библиотеку.

Сам Грин гастрита не опасался. Доктору повезло жениться на женщине не только красивой и умной, но и обладающей определенными кулинарными талантами. Где урожденная леди Аштон научилась готовить и откуда брала неизвестные местным кухаркам рецепты — история отдельная, но за годы уже стало традицией, что в выходные кухней Элизабет занималась сама.

— Ну что там? — Миссис Грин встретила мужа в прихожей и с порога начала допрос. — Что с Оливером?

На звонок ответила она и рассказ об ушибленной руке выслушала раньше супруга, но, зная милорда Райхона, не исключала, что тот многого недоговорил.

— Ерунда, — успокоил ее доктор. — Споткнулся и неудачно упал на руку. Походит в повязке несколько дней, впредь будет осторожнее.

— Рука правая? Которую он прошлой зимой поранил?

— Угу. Не везет ему с ней. — Эдвард принялся к доносившимся из столовой ароматам. — Вы уже позавтракали?

— Грэм — да, а я ждала тебя.

— Сейчас, только руки вымою...

Но первым делом он направился в кабинет. Оставил на полке у двери саквояж, с которым ходил на дом к пациентам, и подошел к столу. Достал из выдвижного ящичка папку, откуда вынул несколько сколотых между собой листов.

— Неконтролируемая трансляция эмоций, — прочитал негромко. — Гипотетическая ситуация, угу.

Копию личного дела Элеонор Мэйнард он взял в канцелярии несколько недель назад: нередко общие сведения подшивались к больничным картам студентов, и его запрос никого не удивил. Как и самого доктора не удивила и не заинтересовала особая отметка в деле мисс Мэйнард. Подобные способности чаще создавали проблемы своим носителям, нежели их окружению, и вряд ли могли быть связаны с чарами, повлиявшими на внешность девушки, а Грина интересовало это и только это.

— Любопытно, — пробормотал он. — Очень любопытно.

Но интуиция, которой природа доктора не обделила, подсказывала,

что любопытство в данном случае лучше умерить.

ГЛАВА 5

С возвращением в общежитие Нелл повезло, по дороге от парка ей никто не встретился, смотрительница, обычно дежурившая в холле, куда-то отлучилась, а в коридорах было непривычно тихо и пусто. Девушки, полночи развлекавшиеся на балу, еще даже не вставали. Дарла, завалившаяся в кровать не раздеваясь, спала как убитая и прихода соседки не заметила, а позже выяснилось, что и ночного отсутствия — тоже: вернувшись, она тихо зашла в комнату, уверенная, что Нелл давно спит, не зажигая света, легла и тут же уснула. Проснувшись, еще и извинялась за то, что потеряла подругу в суматохе.

Не решение всех проблем, но хоть за нарушение распорядка выговор не влепят. Интересно, как повел бы себя милорд Райхон, когда ему, как куратору, передали бы докладную комендантши о том, что одна из его студенток неведомо где гуляла до утра?

Нелл тряхнула головой: нет, не интересно. Ни капельки.

К пробуждению Дарлы она успела сходить в купальню на первом этаже и смыть с себя следы минувшей ночи. С водой унеслась часть тревог и ненужных мыслей, позволив сосредоточиться на главном.

Алан. Здесь. В академии.

Алан и Сью.

Сердце отзывалось болью на эти имена, но скорее по привычке. Столько времени прошло, столько всего случилось, что просто не может уже болеть. Не о чем. Нечему.

Надо думать о том, как быть дальше.

Чем ей грозит то, что кому-то тут известно, кем она была прежде? Что они могут сделать? Расскажут историю, которой сами толком не знают? Рискнут разворошить похороненное в архивах прошлое? Опровергнуть его?

Зачем им это? При их спокойной счастливой жизни — зачем?

Незачем.

Но поговорить все же придется.

С Аланом. Сюзанне не стоит знать, она такая впечатлительная... была...

Да, нужно поговорить с Аланом. Но не сегодня. Потом. Когда он сам решит продолжить разговор, а Нелл не сомневалась, что он решит.

А после она все же хотела увидеть Сью. Незаметно, издали.

Сью и их с Аланом дочь — девочку, названную именем той, чьей

смерти обязана своим рождением, той, чей прах хранится в запечатанной урне в забытом склепе, куда никто не носит цветов.

Нелл знала об этом, потому что до приезда в академию побывала в том склепе. Постояла с минуту у неглубокой ниши, коснулась пальцами выбитого в камне имени. Цветов не оставила...

Имея богатое собрание книг, часть которых досталась от отца, а часть была куплена уже лично, в библиотеке академии Оливер появлялся нечасто, а в секции менталистики не бывал, кажется, вообще никогда. Но от помощи в подборе литературы тем не менее отказался. Возможно, оттого, что с некоторых пор подспудно не доверял библиотекарям.

Запрос он решил озвучить только поисковому артефакту.

Стеклянный шар с плавающими внутри его разноцветными светлячками вытягивал немало энергии и ответы давал порой расплывчатые, отсылая посетителя ко всем без разбора источникам, в которых упоминалось нужное имя, событие или явление, но при должном опыте использования был весьма удобен. Среди прочего еще и тем, что не задавал лишних вопросов, не пытался завести отстраненную беседу, а после не заглядывал с любопытством через плечо.

Проследив за самыми яркими поисковыми маячками, Оливер снял с полка три книги. Записываться в журнал не стал, сказав, что просмотрит их на месте, а закончив, сам вернул книги на место.

За час с небольшим он узнал все, что хотел, о непроизвольных трансляциях, эмоциональном резонансе и на всякий случай о диссонансе, но так и не придумал, что теперь со всем этим делать.

Видимо, нужно было поговорить с Элеонор. Она не производила впечатления легкомысленной особы, для которой подобные приключения являлись чем-то обыденным, и сейчас должна была сожалеть о случившемся, а то, что она считала себя ответственной за все, лишь усугубляло эти сожаления.

Но как устроить встречу?

Конечно, у ректора могли найтись причины появиться в выходной на рабочем месте. У куратора группы отыскался бы повод вызвать к себе старосту. Но после всего это было бы неправильно.

В голову лезли глупости вроде того, чтобы пригласить девушку на обед, но проблем это точно не решило бы. Поэтому, не найдя другого выхода, Оливер собрался прогуляться. Где-нибудь в районе третьего женского общежития.

Погода хорошая, создающий иллюзорный полог амулет есть. Можно

побродить, не привлекая внимания, дожидаться, когда Элеонор пойдет в столовую или еще куда-нибудь...

Через час после того, как проснулась Дарла и принялась пересказывать соседке все, что та пропустила на вчерашнем празднике, Нелл поняла, что хочет курить.

Еще через полчаса, за которые подружка так и не добралась до окончания рассказа, желание это стало просто невыносимым.

— Прости, мне нужно отлучиться. Договорилась с одной знакомой...

— Со знакомой? — Соседка лукаво улыбнулась. — Не со знакомым?

— О чем ты? — удивилась вопросу Нелл.

— Да так. — Дарла продолжала многозначительно улыбаться. — Подумала, вдруг он тебя нашел и вы успели условиться о свидании. Парень, с которым ты танцевала, старшекурсник... Нет?

— Даже не представляю, о ком ты.

— Как можно такого забыть? — возмутилась Дарла. — Вспоминай: высокий, красивый, смуглая кожа, темные волосы, голубые глаза... Он несколько раз к нам подходил, спрашивал о тебе.

— Точно обо мне?

— Разве тебя можно с кем-нибудь перепутать?

С этим глупо было бы спорить: внешность у нее запоминающаяся. Но внезапно объявившийся поклонник сейчас интересовал меньше, чем спрятанные среди белья сигареты, которые нужно вытащить незаметно для Дарлы и бросить в сумочку, а уже потом, не спеша, уложить в опустевший за ночь портсигар. Даже после того, как она дымила в компании ректора, Нелл не хотела признаваться друзьям в том, что курит. Конечно, и студенты курили, не из их группы, но другие, тут, в академии. Парни пыхтели папиросами, некоторые — дорогими сигарами, напоказ солидно. Девчонки, то хихикая, то напуская на себя романтически-задумчивый вид, тянули тонкие ароматизированные сигареты. А Нелл... она просто дышала дымом, когда чувствовала, что задыхается воздухом... Как сейчас.

— Прости, мне нужно идти.

Схватила с полки первую подвернувшуюся книгу, набросила на плечи шаль и выскочила из комнаты до того, как Дарла успела еще что-нибудь сказать.

Оливер надеялся, что ожидание не затянется, но не рассчитывал, что Элеонор выйдет из общежития в тот самый момент, как он свернет на дорожку, с которой просматривалось крыльцо. Он позабыл, что надежно

скрыт иллюзией, и чуть не поддался соблазну спрятаться за деревом. Впрочем, сделай он это, никто не потешался бы над ведущим себя как мальчишка ректором: амулет, создающий полог, Оливер позаимствовал из арсенала полиции, а до того имел возможность убедиться в его мощности. Но и зная, что никто его не видит, чувствовал себя Оливер неуютно.

Пока он раздумывал, как быть дальше, Элеонор приблизилась почти вплотную: лицо спокойно до отрешенности, висящая на сгибе локтя сумочка покачивается в такт шагам, толстая книга прижата к груди. Только взгляд настороженный, нервный, словно выискивает шпионов в растущих по обе стороны от дорожки кустах. Когда этот взгляд скользнул по нему, невидимому, Оливер поежился, прирос на несколько секунд к земле, но, позволив Элеонор отойти на несколько ярдов, пошел за ней. Ничто не мешало сбросить иллюзию и окликнуть девушку, но он продолжал красться следом, убеждая себя, что просто ищет удобный момент.

Выложенная плиткой дорожка закончилась невысоким бордюром, за которым начиналась вытоптанная в траве тропинка, уводящая вглубь парка. Тропинка упиралась в стену кустарника.

Незаметно протиснуться в узкую прореху так, чтобы ни одна веточка не шелохнулась, у него не получилось бы, но Оливер и пытаться не стал. Он знал, что там, за кустами. Маленькая полянка из тех, на которых любят собираться вечерами студенты, толстое бревно или притащенные из-под фонаря скамейки. К нему регулярно поступали жалобы от смотрителей территории, чьи попытки ликвидировать «непотребные места» раз за разом терпели крах, и милорд ректор, снабдив эти писульки соответствующей резолюцией, передавал их в отдел благоустройства, прекрасно помня о том, что Ланс Бертран, возглавлявший этот отдел, в студенческие годы лично приложил руку к созданию нескольких таких «непотребных мест», а значит, за сохранность уединенных полянок можно не волноваться. Много эти смотрители понимают! Для непотребств и другие места найдутся, а вот посидеть компанией в тихом уголке или с девушкой вдвоем... Или девушке одной, бросив на скамейку книгу и вынув из сумочки сигарету. Затягиваться с наслаждением, задерживать на миг дыхание, а затем медленно выпускать струйку дыма...

Оливер никогда не курил. Общество курящих мужчин терпел, скрывая раздражение. Курящие же женщины ему откровенно не нравились. Не нравились их театральные жесты, вытянутые трубочкой губы и то, как, едва затушив сигарету, ему протягивали для поцелуя провонявшую табачным дымом руку. А сейчас залюбовался сидящей на полянке девушкой. И целовал ведь ночью, и не только руки...

— Я знаю, что ты здесь, — вдруг сказала она громко.
Оливер непроизвольно сжал висевший на груди кулон. Как?! Откуда?!
— Можешь не прятаться, тебе это никогда не удавалось... Сью...

От самого общежития Нелл чувствовала на своей спине взгляд, а отойдя подальше и успокоившись сигаретой, сумела разглядеть марево щита. Иллюзия просвечивала, стоило сконцентрироваться, а чтобы узнать прятавшуюся под ней женщину, и напрягаться не пришлось, лишь признаться себе, что помнила ее все эти годы, миниатюрную фигурку, небрежно собранные в пучок каштановые кудряшки, любопытно вздернутый носик.

Сью, как и Алан, почти не изменилась. Поправилась немного, двое детей все-таки, повзрослела. Но, когда улыбалась, должно быть, смотрелась все той же девчонкой. Нелл так казалось, но догадка осталась догадкой: улыбаться ей Сюзанна и не думала. Вышла из-за кустов, сделала шаг и остановилась.

— Обниматься не будем? — спросила Нелл. Серьезно спросила, без насмешки, оставляя за Сью право задать тон предстоящему разговору. Захочет, и можно обставить все как долгожданную встречу. И обняться, и поплакать, и поплакаться...

— Обниматься? — Сюзанна тяжело сглотнула. Покачала головой.
Значит, не захочет.

— Зачем тогда пришла?

Прозвучало грубо. Как и задумывалось.

— Хотела убедиться, что Алан не ошибся, что это... это и правда ты...

— Это я.

Молчание, неловкое для обеих.

С одной стороны, ничего не сказано. С другой — говорить не о чем.

Нелл закурила новую сигарету. Если бы Сью, как накануне Алан, воспользовалась этим, чтобы исчезнуть, она не удивилась бы. Но миссис Росс слукавила, сказав, что пришла только проверить слова мужа, вчера, очевидно, показавшиеся ей бредом. У Сюзанны был вопрос, который она долго — так долго, что Нелл успела докурить сигарету и достать следующую, — не решалась задать, а после выпалила, захлебываясь словами:

— Десять лет, Нелл! Десять лет! Как ты могла? За что ты так с нами? С Аланом? Со мной? Целых десять лет!

— Разве? — с дымом выдохнула Нелл. — В январе уже одиннадцать, Сью. А будь моя воля, было бы и двенадцать, и двадцать, и пятьдесят. Я не

планировала появляться снова в вашей жизни и не зову вас в свою. Вчера я скатала об этом Алану. Сегодня повторяю тебе. Академия большая, можно жить тут годами и никогда не встречаться. Думаю, у нас получится.

— Ты...

— Я лишь хочу получить диплом. Не представляешь, как сложно устроиться магу без лицензии. Диплом и спокойная жизнь — больше мне ничего не нужно. Тебе, полагаю, тоже. Я о спокойной жизни, диплом ведь ты получила.

Не стоило Алану говорить ей. Сью слишком впечатлительная, слишком вспыльчивая, слишком ранимая. Всегда была такой. И не изменилась, судя по тому, как быстро сбежала, не ответив на прозвучавшее предложение. Но она оценит его, когда успокоится.

Оливер не планировал подслушивать чужих разговоров, но этот его заинтересовал. Станный, непонятный для стороннего слушателя и неприятный для его участниц. Одна, казалось, вот-вот расплечется или закатит скандал. Вторая с невозмутимым видом курила, говорила неспешно и негромко, но Оливер подумал, что, случись у нее снова выброс эмоций, он, как и накануне, ощутил бы боль неведомых потерь и горечь одиночества. Вспомнил, как столкнулся с Аланом Россом.

Вчера — Алан, сегодня — его жена.

Что связывает этих троих?

Что случилось десять лет назад? Почти одиннадцать?

Путем нехитрых вычислений выходило, что Элеонор было тогда всего двенадцать. Тем более любопытно, как, где и при каких обстоятельствах она познакомилась с Россами.

Любопытно настолько, что Оливер решил отложить объяснения с девушкой. Не очень они ей сейчас нужны, судя по всему.

Оставив Элеонор на полянке, он направился в главный корпус и уже через полчаса просматривал личные дела преподавателей. После рождения второго ребенка Сюзанна не работала, но до этого читала основы начертательной символики на отделении демонологии, так что в архиве хранилось и ее дело, записи в котором почти полностью повторяли отметки в деле Алана: учеба в Глисетском университете, аспирантура, перевод в Королевскую академию. Разнились только даты: миссис Росс была на несколько лет младше мужа.

Глисет.

Оливер прикрыл глаза, вспоминая вчерашний вечер. Было что-то связанное с Глисетом, неприятное для Элеонор. Она не хотела даже

слышать о нем.

Почему?

В досье супругов Росс ответа на этот вопрос не нашлось. Возможно, то, что связывало их с мисс Мэйнард, было не из тех дел, о которых извещают знакомых и работодателей или пишут в газетах. Но Оливер решил проверить.

До столовой он с утра так и не добрался, зато в библиотеку пришел уже во второй раз, теперь уже в подземное хранилище. Академия получала по десятку экземпляров всех газет и журналов, выходящих из типографий Арлонского королевства и ближайших сопредельных держав, поэтому в верхнем зале периодики умещались лишь подшивки за последние пять лет, а милорда Райхона интересовал более ранний период.

— Глисет. Алан Росс, — послал он запрос поисковому шару.

Светлячки заворочались внутри прозрачной сферы, две слабенькие искорки отделились от товаров и устремились к одному из шкафов.

«Университетский вестник» — газета Глисетского университета, печатающая новости студенческого сообщества, репортажи с любительских спектаклей и списки победителей спортивных соревнований.

И списки новобрачных.

Маленькая заметка-поздравление всем вступившим в брак в прошедшем месяце, среди прочих «Мистер Алан Росс и мисс Сюзанна Пэйтон». В ноябре будет десять лет.

А какому же событию исполнится одиннадцать в январе?

Оливер достал еще одну отмеченную маячком подшивку, но нашел там лишь похожую на первую заметку, только в этот раз — объявление о помолвке: «Мистер Алан Росс и мисс Хелена Вандер-Рут с радостью сообщают...»

Хелена? Не Сюзанна?

Он сверил даты выхода газет. Помолвка, как и положено, состоялась раньше. Полтора года — достаточный срок, чтобы проверить свои чувства. И найти другую невесту — бывает и так.

Оливер Райхон никогда не лез в чужую личную жизнь, он и в свою нечасто заглядывал, но тут не удержался: имя несостоявшейся миссис Росс показалось смутно знакомым. Опять подошел к поисковому шару, предвидя, как отяжелеет к вечеру голова, опять приложил к холодной поверхности артефакта здоровую руку.

— Хелена Вандер-Рут.

Огоньки вспыхнули ярче, заметались внутри шара, и целая стая их

вырвалась наружу и разлетелась в разные стороны.

Просматривать статьи в порядке обнаружения Оливер не стал. Сначала собрал все отмеченные маячками издания, разложил по порядку, ориентируясь на даты, и только потом приступил к чтению.

Постепенно из обрывков газетных статей сложилась история. Человек с более живым воображением легко превратил бы ее в роман, расцветив недостающими подробностями, но Оливер привык работать с сухими фактами, и вместо романа у него вышла биографическая справка, впрочем, довольно интересная.

Восемнадцать лет назад мисс Хелена Вандер-Рут, которой на тот момент едва исполнилось пятнадцать, была зачислена в Глисетский университет на факультет теоретической и прикладной демонологии. Случай редкий, но не уникальный: высшие школы и прежде принимали в свои стены одаренных детей, доказавших, что они в достаточной степени овладели даром, да и далеко было мисс Вандер-Рут до Эдриана Кроншайского, поступившего в академию в неполные десять. Тем не менее несколько изданий сочли это событие достойным упоминания. «Арлонский маг» удовлетворился одной фразой в посвященной началу нового учебного года заметке. «Голос», известный тягой к скандалам и сенсациям, расщедрился на отдельную статью, не преминув обвинить ректора Хеймрика в том, что тот пытается привлечь внимание к своему заведению, дав согласие на зачисление на общий курс «якобы чудесного ребенка, вся чудесность которого состоит в том, что она — последняя и единственная на сей день представительница известной династии демологов. Но пока неизвестно, достойна ли юная мисс Хелена имени отца, Эрика Вандер-Рута, успевшего до трагической гибели внести весомый вклад в науку, и сумеет ли продолжить дело своего великого предка, Йозефа Вандер-Рута, заложившего основы современной демонологии». Репортеры «Голоса» даже раздобыли фото «якобы чудесного ребенка», взглянув на которое читатели должны были тотчас осознать, что юная мисс и не достойна, и не сумеет. Снимок сделали на церемонии посвящения в тот момент, когда щупленькая девчушка, смущенно ссутулившись, принимала свиток с клятвой студента из рук милорда Хеймрика. Низко опущенная голова и тень от шляпки не позволяли разглядеть лица, но можно было представить, каким перепуганным оно было. А быть может, и нет. Может, Хелена победно улыбалась в тот день. Ведь что бы ни писал скандальный «Голос», имя свое она впоследствии не раз оправдала.

Через три года профессор демонологии, некий П. Т. Вилберт,

опубликовал исследования, в которых, по его признанию, ему немало помогла мисс Вандер-Рут, его «талантливая ученица и единомышленница». Работа была посвящена изучению энергии прорывов и возможности ее применения. В частности рассматривались варианты преобразования ее в электрическую.

Еще через год «Университетский вестник» вышел со статьей, в которой описывался совместный курсовой проект мисс Хелены Вандер-Рут и мисс Сюзанны Пэйтон. Статья занимала весь разворот, но Оливер недостаточно разбирался в демонологии, чтобы понять, чем так восторгался ее автор. Зато напечатанное тут же фото рассматривал долго. Мисс Вандер-Рут и мисс Пэйтон. Девушки сидели у лабораторного стола, одинаково подперев руками щеки: на головах черные остроконечные шляпы — шутливая дань традиции, — глаза скрыты толстыми стеклами защитных очков. И улыбались они похоже — широко и искренне. Не понять, кто из них Сюзанна, а кто Хелена, но обе выглядели одинаково счастливыми.

За этим — знакомое уже объявление о помолвке.

А потом, меньше чем через год, как раз в январе, в разных изданиях, от студенческого «Вестника» до столичного «Курьера», десяток статей о несчастном случае. Странно, что даже не упускающий возможности плеснуть в кого-нибудь грязью «Голос» назвал случившееся трагическим стечением обстоятельств и не рвался обвинить руководство университета в преступной халатности, ставшей причиной смерти четырех студентов, в числе которых была и Хелена Вандер-Рут.

Начав читать о происшествии, Оливер вспомнил то дело. Он тогда всего три года как возглавлял академию и, узнав о случившемся в Глисете, опасался волны проверок, которая накроет не только «провинившийся» университет, но, для профилактики, и другие учебные заведения королевства. Однако обошлось. Министерская комиссия, выяснив обстоятельства дела, ограничилась объявлением нескольких выговоров и общим приказом об усилении дисциплины на территории во внеучебное время. Родственники погибших получили страховку и некую, по слухам, незначительную прибавку к ней, как частичное признание руководством университета ответственности за случившееся. Претензий руководству никто не выдвинул, нового разбирательства не инициировал. Значит, нашлись неопровержимые доказательства того, что в гибели молодых магов никто, кроме них самих, не виноват. Или же добавленная к страховым выплатам сумма была не такой уж незначительной.

Хотя вряд ли.

Оливер внимательно перечитал все, что сообщалось о погибших.

Клаус Эрланд — сын верховного судьи округа Литвик.

Джордан Блейн — отпрыск металлургического магната.

Отец Ирвина Олдриджа — крупный землевладелец, а дядя — владелец нескольких газет, включая тот самый «Голос».

Эти люди не нуждались в деньгах и не стали бы молчать, если бы сомневались в достоверности представленных фактов.

Выходит, и правда несчастный случай.

За два дня до выпускного экзамена по специальности четверо студентов-демологов без ведома наставников пробрались в оборудованный для ритуалов призыва павильон. Как установило следствие, молодые люди собирались позаниматься перед экзаменом. Наличие блокирующей магию защиты, установленной в павильоне как раз на случай несанкционированной практики, студентов не остановило, и они попытались деактивировать охранную сеть, чем спровоцировали выброс свободной энергии, приведший к обрушению сводов павильона.

Клаус Эрланд и Ирвин Олдридж погибли на месте. Джордан Блейн и Хелена Вандер-Рут скончались в течение следующих суток в лечебнице университета.

Оливер так увлекся историей покойной невесты Алана Росса, что чуть не забыл, ради чего затеял поиски. Вспомнив, почти сразу наткнулся на ответ. Точнее, на то, что могло быть ответом на вопрос о связи между Элеонор и четой Росс. В одной из статей говорилось, что на похоронах присутствовали мать и младшая сестра Хелены. Поскольку в первых заметках девушку называли последней представительницей династии Вандер-Рут, логично вытекало, что после смерти отца Хелены ее мать снова вышла замуж, а значит, у ее младшей сестры другая фамилия. Отчего бы не Мэйнард? То, что Элеонор воспитывалась в приюте, никак этой версии не противоречило: она могла потерять родителей уже после того случая. Окончила младшую школу, поступила в академию, а тут встретила бывшего жениха сестры, женившегося на ее же, сестры, подруге. Подобное «предательство» ее возмутило, она высказала это возмущение Алану в вечер Осеннего бала, наговорила гадостей, что он бежал от нее без оглядки, и сегодня Сюзанна, чуть не рыдая, спрашивала, за что она поступает так с ними, когда прошло уже десять лет...

Нет, не складывалось.

Глупости это все. Затеем расследование на ровном месте, придумал какую-то обиженную сестру. А Элеонор, возможно, и не слышала никогда о Хелене Вандер-Рут...

Но все-таки: Глисет, январь, одиннадцать лет — не много ли совпадений?

ГЛАВА 6

Нелл хорошо помнила, как впервые попробовала курить.

— Тебе не понравится, — предупредил Оуэн, когда она попросила у него сигарету.

— Почему? Тебе же нравится.

— Я притворяюсь, — усмехнулся он.

— Неправда.

— Правда. Давно притворяюсь. Так давно, что сам уже верю, что мне это по душе.

— Тогда я тоже притворюсь.

— Ну попробуй.

Горький дым оцарапал горло, но она сделала еще одну затяжку и зашлась лающим кашлем.

— Не твое это. — Оуэн похлопал ее по спине и отобрал сигарету.

— И не твое, — выдавила она сквозь наворачившиеся слезы. Речь шла уже не о курении, и Оуэн, как всегда, отмолчался. Он привык притворяться. Убедил всех вокруг, что не знает и не хочет другой жизни, кроме жизни на ферме. Добротный дом, виноградник, отара на выпасе — для большинства в Расселе так и выглядело счастье. И Оуэн был счастливым в их глазах.

Кем он был на самом деле, Нелл так и не узнала.

Целителем? Он умел лечить. Знал свойства растений и камней. Готовил для Нелл мазь, защищавшую ее кожу от солнца.

Но мог быть и зоомагом. Животные слушались его. Собаки выгоняли овец без науськивания пастухов, а овцы не разбредались по холмам. Всегда шли послушно под его руку, даже когда эта рука сжимала отточенный нож.

Алхимиком? Из овечьих желудков он вырезал сычуг и выбирал, если попадались, безоары. Камни заряжал силой и продавал аптекарю в Фонси, а сычуг сушил для зелий, но в первую очередь — для сырной закваски.

Он мог быть кем угодно, но был простым фермером и соленый овечий сыр готовил чаще волшебных эликсиров.

— Самое сложное в этом деле — подоить овец, — говорил он Нелл. — А дальше проще простого. Научишься.

Она научилась. Доила овец, процеживала молоко, мешала с закваской, укутывала. Получившиеся плотные сгустки раскладывала по холщовым торбам и ставила под гнет, чтобы сыворотка стекла. Из сыворотки, белой и

жирной, вываривала еще творог, а готовый сыр резала кусками и укладывала в бочонок, пересыпая солью. Кожа на руках зудела, но сыр получался вкусный.

У Нелл все получалось, что-то сразу, что-то со временем.

И сыр, и лепешки, и густая острая подлива. И овечью требуху она готовила с травами и специями, убивавшими даже намек на неприятный запах. Гусей и уток сама резала и общипывала, тушила в большом котле, раскладывала по горшкам, заливала жиром и спускала в погреб. Жир застывал, и мясо в нем хранилось долго.

И шить она худо-бедно научилась.

Только прялка ей долго не давалась, хотя лишь в этом занятии и был смысл. Не ради ниток. Шерсть Оуэн продавал сырцом, а прясть ее заставлял для другого. Терпение тренировать. Концентрацию. Моторику. Вспоминать и учиться заново. Потому что ферма — это не ее.

Но Оуэн ошибался, она привыкла бы.

Если бы он остался — привыкла бы, как потом приучила себя к сигаретам, то ли назло ему, то ли от безысходности. Нашла в его вещах мятую пачку и выкурила все зараз, кашляя, утирая слезы и сдерживая приступы тошноты.

После нашла другие сигареты — тонкие, приятно пахнущие табаком и мятой. Они лежали в изящном дамском портсигаре в зачарованной от губительного времени шкапулке, которую Оуэн держал под кроватью в старом чемодане. Там был только этот портсигар, длинный мундштук и фотоснимки, вложенные вместо конверта между двумя документами.

О женщине с фотографий Оуэн никогда не рассказывал, но из бумаг Нелл узнала ее имя — Вилма.

— Хорошо, Вилма, — сказала она ей, вставив тонкую сигаретку в мундштук. — Пусть будет так, Вилма, — кивнула, разжигая огонек на кончиках пальцев. — Забирай его. А я... Я заберу твой портсигар, Вилма. Неравноценный обмен, но я согласна.

Портсигар она сохранила. За два с половиной года сигареты и воспоминания о ферме прочертили границу между давним прошлым и зыбким настоящим. Без этого встреча с Аланом и Сюзанной была бы слишком болезненной, а так — оцарапало вскользь по затянувшейся ране, но швы уже не разойдутся. Главное, чтобы удалось договориться со старыми знакомыми. Иначе придется уезжать, а Нелл этого не хотела. Снова мотаться по провинциальным городкам в поисках работы, зная, что для мага со свидетельством младшей школы не найдется ничего стоящего и

вырученных мелким колдовством денег хватит лишь на еду и оплату съемного жилья? В академии же со второго года обучения можно подыскать приработок к стипендии, а после окончания... Нелл не любила загадывать, но и совсем не думать о таком не могла. После окончания она получит диплом, который откроет перед ней лучшие перспективы. И возраст будет еще не тот, когда уже поздно устраивать судьбу.

Однако присутствие Алана и Сью ставило эти планы под угрозу, и всякая сентиментальность была задвинута на задний план. Нет памяти, нет боли. Есть проблема, которую нужно решить.

Видимо, так думала не только Нелл. Получаса не прошло после разговора с Сюзанной, как появился ее супруг. Нелл все еще сидела на скрытой кустами скамейке, словно знала, что не нужно спешить с возвращением в общежитие, и почти не удивилась, когда Алан присел рядом.

— Ты не можешь ничего рассказать или не хочешь? — спросил он без предисловий.

— Не вижу смысла. Случившегося уже не изменить, да это и не нужно. Разве тебя чем-то не устраивает твоя жизнь?

— А твоя? Твоя жизнь тебя устраивает?

— Вполне.

Хотелось верить, что он не уподобится жене и не сбежит, сердито сжимая кулаки и вымещая злость на подвернувшихся под руку ветках. Прежний Алан так не поступил бы, но кто знает, вдруг привычки в семье передаются подобно инфекциям?

— Я сказала Сью, зачем я здесь и чего хочу. Думаю, наши желания совпадают. Всем нам выгодно сохранять прежнее положение вещей и не создавать проблем себе и друг другу. Ты же не хочешь проблем?

— Ты мне угрожаешь? — рыкнул Алан. Синие глаза потемнели от гнева. — Угрожаешь моей семье?

— Я? — Голос дрогнул, но не от страха, а от незаслуженной обиды. Если бы Нелл могла взглянуть на себя со стороны, вместо сдержанной молодой женщины увидела бы растерянную девчонку, готовую вот-вот расплакаться. В следующую секунду она взяла себя в руки и покачала головой. — Не угрожаю. Неверно выразилась, прости.

— Ты прости, нервы, — проговорил он, отворачиваясь.

Заметил. Понял. Но не поверил, иначе не вытащил бы из кармана складной нож и не положил бы его на скамью между ними.

Объяснений не требовалось.

Нелл взяла нож, открыла лезвие.

— Я действительно не хочу проблем, — пробормотал Алан. В глаза не смотрел — только на ее руку, с которой покатались на траву алые капли.

— Пусть моя кровь станет залогом, — произнесла Нелл ритуальную фразу. Она так торопилась покончить с этим, так крепко сжала лезвие, что рассекла ладонь слишком резко и глубоко, но боль не мешала говорить: — Клянусь, что не желаю зла и не причиню его намеренно ни тебе, Алан, ни Сюзанне, ни вашим детям.

— Намеренно? — уточнил он, морщась.

— Я могу ручаться лишь за свои поступки, а не за их последствия. И от других не прошу большего.

Она протянула ему нож. Несколько минут назад готова была поверить на слово, но Алан сам напомнил о том, как далеки те времена, когда они могли доверять друг другу. Выслушав ответное обещание, достала из сумочки платок и портсигар. Платком перетянула порез. Закурила.

— Так странно, — в пустоту произнес Алан.

Нелл промолчала, и он, поняв, что говорить уже не о чем, ушел.

Она тоже не видела причин задерживаться в парке. Нужно было вернуться в общежитие, перевязать руку и немного поспать, ведь ночью ей этого толком не удалось. Причину, по которой она не выпалась, Нелл старалась не вспоминать, надеясь, что и причина не вспомнит о ней.

Копание в архивах не дало результатов. Как сообщали газеты, отец Хелены, Эрик Вандер-Рут, работавший когда-то все в том же Глисетском университете, скончался от сердечного приступа, спровоцированного резким оттоком сил, — в среде магов явление нередкое. Что случилось после с его женой, действительно ли она вышла замуж и сменила имя, выяснить не удалось. О младшей сестре Хелены упоминали только в заметке о похоронах. Больше всего информации было о Йозефе Вандер-Руте, но, невзирая на его заслуги перед наукой, милорда Райхона давно покойный основатель знаменитой династии демонологов не интересовал.

Когда Оливер покинул библиотеку, солнце уже клонилось к закату. Подумалось, что неплохо бы компенсировать пропущенный обед плотным ужином, но идея эта была подхвачена потоком других мыслей, а те унесли и ее, и самого ректора не в сторону столовой, а к третьему женскому общежитию. Снова. Простая логика: близится время ужина, который Элеонор, в отличие от него, вряд ли захочет пропустить, и можно перехватить ее по пути. От решения объясниться Оливер не отказался, а раз так, то и откладывать разговор не стоило. Впереди ночь, а именно по ночам, как известно, обостряются зубная боль и муки совести, и он не

желал, чтобы Элеонор терзалась сожалениями до утра. Да и самого подобная перспектива не прельщала.

Набросив иллюзию, он остановился в тени пожелтевшего клена, откуда мог наблюдать за входом в общежитие. То ли охотник, выслеживающий добычу, то ли караулящий жертву маньяк. Оба сравнения ему не понравились, но нейтральное определение «преподаватель, ждущий студентку, чтобы обсудить насущные проблемы» настолько отдавало фальшью, что Оливер, даже наедине с собой избегавший внешнего проявления эмоций, недовольно поморщился.

Вскоре он морщился и кривился, уже не сдерживаясь: закончилось время действия наложенного Гринном анестезирующего заклинания и разболелась рука, которую доктор во избежание прилива крови к поврежденным тканям велел держать на перевязи, о чем Оливер благополучно забыл. Кроме того, выяснилось, что целительские чары распространились не только на руку, но и на остальные части тела, потому что одновременно с проснувшейся в кисти болью начали чесаться расцарапанные плечи и спина.

Чесаться одной рукой было неудобно. Шероховатый ствол выручал, но лишь до тех пор, пока милорд ректор не представил, как это выглядит со стороны. В надежности иллюзии он не сомневался, но нарисовавшееся в воображении зрелище заставило взять себя в руки. Фигурально выражаясь. В действительности же в руку, здоровую, он взял перебинтованную кисть, прижал ее к груди и, стиснув зубы, мужественно терпел расплзающийся по лопаткам зуд, изредка позволяя себе словно невзначай потереться о дерево.

За время, пока он страдал в засаде, из общежития вышло уже немало девушек, но Элеонор среди них не было. Возможно, ночной инцидент на весь день испортил ей аппетит и ждать дальше не имело смысла. Но Оливер ждал.

И не он один. Сосредоточившись на спускающихся с крыльца студентках, он не сразу обратил внимание на прохаживающегося у крыльца юношу, а ведь тот был ему хорошо знаком. Реймонд Бертон, незадачливый аллергик из курируемой ректором группы. Если бы в день отбора парня не угораздило столкнуться с фобосами, а Элеонор не пришла ему на помощь, показав себя далеко не бесчувственной ледышкой, Оливер не изменил бы первоначального мнения о девушке, не взял бы на свой курс и вчера вряд ли заговорил бы с нею. Значит, мистер Бертон был косвенно виновен в том, что его куратор сейчас прятался под иллюзией, баюкая ноющую руку. Отсюда и невольное вспыхнувшая в глубине души неприязнь. Хотя тот факт,

что ждали они оба, скорее всего, одну и ту же особу, тоже сыграл роль, ведь теперь, чтобы поговорить с Элеонор, придется как-то отвлечь от нее провожатого.

— Рей! — Сбежавшая с крыльца девица без стеснения ухватила молодого человека под руку. — Давно караулишь?

Что ответил Реймонд, Оливер не расслышал, а вот девица, в которой ректор опознал ту самую куколку, чью кандидатуру он отклонил на отборе, говорила так громко, что слышал ее не только стоявший в десяти ярдах маг.

— Нелл на ужин не пойдет. Сказала, не голодная. Бродила где-то полдня, на свидание, наверное, бегала...

Куколка захихикала и потащила Бертон в сторону столовой. Оливер выждал немного и тоже пошел. В общежитие.

Иллюзию не снимал. Сигнальную сеть, призванную оповестить смотрительницу о визитере, миновал легко: у ректора были преимущества перед мальчишками, рвущимися в окна к подружкам. В холле остановился невидимый перед списком жилищек и узнал номер комнаты мисс Мэйнард.

В третьем общежитии жили девушки из простых семей, преимущественно стипендиатки, чья родня не в состоянии оплачивать дополнительный комфорт. Вместо персональных ванн тут была общая купальня, прачечная, предоставлявшая воду и мыло, но не прачек, уборкой помещений студентки тоже занимались самостоятельно, а в комнатах размещалось до пяти человек. Элеонор, как староста, могла переселиться в отдельную комнату, но Оливер знал, что она предпочла дополнительные талоны на питание, а с жильем, если верить списку, ей по меркам общежития и так повезло: соседка у нее была только одна — наверняка та самая болтушка, что ушла в столовую. Значит, разговору никто не помешает.

На втором этаже Оливер остановился перед нужной дверью, избавился от защитного полога и постучал. Когда на стук никто не отозвался, вошел. Не хотелось торчать в коридоре, а о вторжении он предупредил.

Думал, что предупредил. Элеонор же понятия не имела, что у нее посетитель: она спала, причем так крепко, что стучать он мог еще долго и безрезультатно.

Оливер пару минут рассеянно рассматривал книжные полки, отметив наличие у бедных студенток нескольких довольно дорогих книг, подумал, насколько скудным должен быть гардероб девушек, если вся одежда умещалась в небольшом шкафу, и как неудобно готовиться к занятиям за одним столом, а затем, придерживая перевязанную руку, опустился на

корточки рядом с кроватью.

Спящая Элеонор выглядела иначе, не такой, какой он привык видеть ее на лекциях. На умиротворенном лице не было и тени обычной холодности. Ничего холодного, хоть и казалось, что лицо это вылеплено из снега, как и лежащая поверх одеяла рука, как и округлое плечо, с которого сползла уступающая ему белизной рубашка. Ресницы — иголки инея. Из такого же инея тонкие дуги бровей. Волосы — снежное облако. Только губы нежно-розовые, а на щеках едва-едва проступает румянец, словно светится что-то под снегом.

Потому что совсем она не ледяная, подумалось с непонятной грустью. Внутри ее живет огонь. И глаза у нее — теплые желтые солнца.

Задумавшись, откуда взялась вдруг эта грусть, Оливер и не понял сразу, что глаза девушки открыты и он смотрит в них, пока она глядит на него с рассеянной улыбкой.

«Ты — сон, — говорила ее улыбка. И разрешала: — Ладно, снись...»

— Вы? — Очнувшись, Элеонор вскочила на постели. — Здесь?

— Простите, я хотел...

— О боги, о чем вы только думали, приходя сюда?

На счастье, вопрос ответа не требовал.

— Станьте к двери, чтобы никто не вошел, — приказала Элеонор. Отбросив одеяло, соскочила на пол. — Вы представляете, как это будет выглядеть, если кто-нибудь заглянет? — без возмущения, словно сама еще не осознала реальности происходящего, выговаривала она незваному гостю.

Повернувшись к нему спиной, принялась торопливо одеваться. Наверное, предполагалось, что и Оливер отвернется, но ему это и в голову не пришло, в отличие от совершенно неуместной мысли предложить даме помощь.

Помощь не потребовалась.

Корсет застегивался крючками впереди, и затягивать шнуровку на спине с такой фигурой, как у мисс Мэйнард, необходимости не было. С завязками нижней юбки Элеонор тоже справилась без помощников. А форменное синее платье изначально шилось так, чтобы студентки могли одеваться, не прибегая к услугам камеристок. Ректор, к слову, утверждал среди прочего и фасон формы, но убедиться в ее соответствии требованиям до сегодняшнего дня случая не имел.

— Не стоило беспокоиться, — пробормотал он, когда девушка, застегнув пуговицы и быстро скрутив волосы в узел, непонятно как державшийся на затылке без шпилек, обернулась. — Если кто-то... я бы...

Оливер изобразил здоровой рукой нечто, по его мнению, символизировавшее воронку портала, и Элеонор, судя по ее взгляду, поняла, что он хотел сказать. А он понял, что говорить об этом нужно было сразу или же не говорить совсем.

Показалось нелишним сменить тему.

— Что у вас с рукой? — спросил он, заметив, что левая ладонь девушки забинтована.

— А у вас? — спросила она в ответ.

— Упал.

— Порезалась.

— У меня есть знакомый целитель...

— У меня есть заживляющая мазь на травах. — Элеонор отвела взгляд. — Но вы ведь не об этом собирались поговорить?

С учетом зудящей от царапин спины заживляющая мазь тоже была достаточно интересной темой, но Оливер действительно пришел не за этим.

— Да, я... Поужинаете со мной?

Она медленно подняла на него глаза.

— Я подумал, раз вы не пошли в столовую... — поспешил объяснить он. — И мы могли бы поговорить в спокойной обстановке.

— Вы планировали долгий разговор?

— Нет, но...

— Я не голодна, спасибо.

Тон, которым были произнесены эти слова, подействовал так же, как подействовала бы ледяная вода, вылитая ему на голову. Оливер тут же вспомнил, что собирался уладить проблему, а не создавать себе новые, да и не в его возрасте и не при его должности вести себя подобно зеленому юнцу, робеющему в обществе неприступной девицы.

— В таком случае не буду отнимать у вас время, — проговорил он ровно. — Я лишь хотел сказать, что заинтересовался случаями спонтанных трансляций эмоций, просмотрел соответствующую литературу и пришел к выводу, что в произошедшем ночью определенно есть и моя вина. Наверняка вы тоже изучали это явление и знаете, что такое резонанс. Полагаю, он имел место, и не только ваше настроение передалось мне, но и мое вам. Не скажу, что подобное поведение обычно для меня, но усиленные резонансом чувства сложно контролировать, а вы — привлекательная женщина... девушка...

Он все-таки сбился: в конце концов, не классификацию проклятий на лекции объяснял. Но выражение лица Элеонор подобало как раз

слушающей лекцию студентке — внимательное и понимающее. Преподавателям нравится видеть подобные лица. Но не в таких же обстоятельствах!

— Спасибо, милорд, — кивнула она, и даже дураку стало бы ясно, что благодарность относится не к невнятному комплименту. — Мне будет спокойнее знать, что случившееся было не слишком неприятно для вас. И что вы понимаете природу произошедшего и не считаете меня окончательно падшей особой.

— Ни в коей мере, — заверил Оливер, помрачневший еще на словах «не слишком неприятно». — Можете не опасаться, что данный инцидент как-то скажется на моем отношении к вам в дальнейшем.

— Спасибо. Это все, что я хотела услышать, милорд.

— В таком случае, всего доброго, мисс Мэйнард.

— До сви...

Провалившись в портал, он не слышал окончания фразы и не видел, как оставшаяся в комнате девушка опустилась на кровать и закрыла лицо руками, посидела так с минуту, вскочила, схватила сумочку и выбежала за дверь.

Оливер тем временем, оказавшись в своей гостиной, стянул сюртук, скинул туфли и соорудил кое-как перевязь для больной руки. Подумал, что сварить себе кофе, управляясь в прямом смысле одной левой, все равно не сможет, и достал из буфета бутылку бренди. Посмотрел на нее и убрал обратно. Надел сюртук, влез в туфли и открыл портал к арке рядом со стоящим особняком одноэтажным зданием, в котором размещалось управление внутренней полиции академии.

Милорд Райхон слыл человеком нелюбопытным, но данное утверждение лишь отчасти соответствовало истине. Не всякое дело способно было его заинтересовать, и не всякий свой интерес он стремился демонстрировать. Сейчас, например, совсем не стремился, однако уже убедился, что самостоятельно ответов не найдет. Возникшая в библиотеке версия, будто Элеонор — сестра покойной невесты Алана Росса, не давала покоя, как и само то дело. Вроде бы все ясно, прозрачно, доказано, но Оливер, как никто другой, знал, что далеко не все подробности подобных происшествий выносятся на суд широкой общественности и даже в отчетах министерству и королевской комиссии многое утаивается. Пусть те комиссии и состоят из опытных магов-дознавателей, но учились эти маги где и у кого? То-то же! Вот и приходилось лорду-министру демонстрировать полное доверие магическим учебным заведениям высшего уровня. А что на самом деле творится в этих заведениях, известно

только их руководству.

Лезть в глисетскую историю одиннадцатилетней давности Оливер не собирался: невольно поднимет шум — ректор Хеймрик спасибо не скажет, а усложнять жизнь уважаемому магу, не раз поддерживавшему его на министерских сборищах, Райхон не планировал. Все, что он хотел, — установить, связана ли Элеонор с семейством Вандер-Рут.

— Добрый вечер, милорд, — приветствовал вошедшего в помещение ректора дежурный. — Вы к инспектору? У него выходной сегодня...

— Я знаю, — успокоил засуетившегося полицейского Оливер. — Мне нужен сержант Эррол.

— А, этот есть. Отчеты по празднику заканчивает. Вы же за отчетами?

Он кивнул. Нужно поддерживать репутацию въедливого зануды. Вот, не дотерпел до понедельника, примчался в выходной, узнать, кто и что учудил на Осеннем балу. Хотя вряд ли кто-нибудь из студентов или преподавателей смог переплюнуть в этом вопросе ректора.

Отчетами сержант Эррол занимался весьма своеобразно. Открыв дверь в кабинет инспектора Крейга, где, по словам дежурного, находился означенный сержант, Оливер увидел пустой стол, перешагнул порог и тут же споткнулся о разлегшуюся у входа рысь. Зверь недовольно рыкнул и клацнул зубами в опасной близости от ректорской ноги, за что получил пинок, не со зла, а исключительно рефлекторно.

— Простите, милорд, — пробормотал Норвуд Эррол, приняв человеческий облик. — Не узнал спросонья. А что у вас с рукой?

Перебинтованные конечности собеседника, оказывается, здорово выручают, если нужно сменить тему.

— Да вот так же споткнулся об оборотня, — усмехнулся ректор, глядя на заспанного полицейского. Наделенные способностью к обороту маги хоть и происходили от природных оборотней, меняли облик не только благодаря свойствам крови, но и с помощью магии и сохраняли при трансформации одежду и личные вещи, от часов до оттягивающего карман револьвера. И одежда, как ни странно, не мялась, в отличие от лица перевертыша, уснувшего в зверином облике.

— Всю ночь на ногах, — оправдывался сержант. — До утра загулявших студентов отлавливали, а с утра — здесь. Думал, подремлю часок.

— Почему рысью?

— Мягче, — передернул плечами Норвуд.

История, в ходе которой Эдвард Грин обзавелся женой, и для инспектора Крейга не прошла без последствия. Только вместо супруги шеф

внутренней полиции отхватил талантливого стажера, за семь лет успевшего окончить академию, дослужиться до сержанта и не раз доказать, что старик недаром тратил на него время.

— Норвуд, я к вам по делу, — начал ректор, сочтя обмен приветствиями состоявшимся. — Для вас ведь несложно по полицейским каналам разыскать человека?

— Для меня? Может, шефа попросить? Или?..

— Или. Мне бы не хотелось привлекать к этому инспектора.

Крейг слишком глубоко копает — это профессиональное. А Оливеру глубоко не нужно, не в этот раз.

— Ясно, — кивнул Рысь, оставив при себе выводы относительно нежелания ректора посвящать старика в свои дела. — Кого ищем?

— Некогда в Глисетском университете работал демонолог — Эрик Вандер-Рут. Около двадцати пяти лет назад он умер, а его жена со временем повторно вышла замуж. Хотелось бы узнать, как сложилась судьба этой женщины, ее новое имя, есть ли у нее дети и, если да, их имена и по возможности нынешнее местонахождение.

При такой постановке вопроса выходило, что Оливер интересовался в первую очередь вдовой глисегского демолога, а не ее дочь. Если выяснится, что эта самая дочь учится в академии, спишет на совпадение, в которое Рысь Эррол, естественно, не поверит, но и болтать лишнего не станет. Если же окажется, что сестра Хелены Вандер-Рут не имеет никакого отношения к Элеонор Мэйнард... А кто тут вообще говорит об Элеонор Мэйнард?

Но кое о чем сказать нужно было.

— У дамы, которой я интересуюсь, в первом браке была дочь. Она погибла больше десяти лет назад. А до этого была помолвлена с одним из наших преподавателей. С Аланом Россом, он работал на тот момент в Глисете. Уверен, это первое, что вы выясните, взявшись за поиски, поэтому предупреждаю сразу: Алан может поддерживать отношения с семьей покойной невесты, но узнавать что-либо через него я не хочу. Вопрос... э-э-э... конкуренции.

— Чего? — не понял оборотень.

— Конкуренции. Среди демологов. — Объяснение Оливер придумал только что, но тон взял уверенный. — Один мой знакомый полагает, что у вдовы Вандер-Рута хранятся какие-то его наработки, и готов их купить. А Алан — сам демонолог.

— А, в этом смысле. — Рысь зевнул, соперничество демологов его не интересовало.

— Именно в этом. Как много времени потребуется на поиски?

— Ну... — Оборотень почесал макушку. — Завтра с утра запрошу в главном управлении информацию по Эрику Вандер-Руту, у них должны быть сведения о живых членах семьи. Узнаю имя его жены и сделаю еще один запрос. Можно через попечительский совет провести, как поиск предполагаемой родни. Мы по просьбам студентов иногда так делаем, вы знаете. Как малолетнего сироту приютить — так никого нет, сразу в приют сдают, а как мага в семью получить — тут же родственники находятся, вплоть до четвероюродной прабабки... Вы же будете в среду у Гринов? Если повезет, к тому времени что-то узнаю.

Домой Оливер пошел пешком: последние теплые дни, нужно пользоваться. По пути зашел в кондитерскую, выпил кофе, игнорируя любопытные взгляды расположившихся за соседним столиком студенток, съел булочку с корицей, еще три попросил завернуть с собой, к завтраку.

Дома ворчал по-стариковски, ругая Эдварда. Трудно тому было сразу залечить переломы? А теперь приходилось мучиться, снимая одежду, и одной рукой стелить постель.

В процессе приготовлений ко сну между матрасом и спинкой кровати обнаружилась кружевная подвязка. Оливер сунул ее, не рассматривая, в ящик с бельем и продолжил ворчать на нечуткого целителя, правда, уже не так сердито.

Проснувшись в постели Оливера Райхона, Нелл желала, чтобы все случившееся оказалось сном.

Желание сбылось.

Самым жутким образом.

— Ты стонала во сне, — с сочувствием сообщила растолкавшая ее среди ночи Дарла. — Негромко, но так... жалобно... Кошмар, да?

— Кошмар, — согласилась Нелл.

Кошмарнее не придумаешь.

Дождалась, пока соседка крепко уснет, и, захватив сигареты, вышла в уборную.

ГЛАВА 7

Желания вообще штука странная, их, по-хорошему, и загадывать не стоит, чтобы, не дай бог, не сбылись. Но, случается, вырвется что-то невольное, и все: кто-то там наверху услышал и принял к исполнению. Вот и Нелл, запершись ночью в уборной и забравшись на подоконник, выдохнула в форточку облачко дыма и пробормотала, зажмурившись: «Кто угодно, только не Райхон», а утром, за завтраком, у нее нашелся поклонник.

Точнее, нашлась Нелл. А поклонник ее искал. Еще с праздничного вечера — упорный молодой человек.

— Я знал, что рано или поздно ты появишься в столовой, — заявил он, сверкая довольной улыбкой.

«И умный, аж жуть», — хмуро подумала Нелл.

Хмурой она была с момента пробуждения, и поклонник к этому отношения не имел, но и радости он в ее жизнь не привнес. Ну да, все как Дарла и говорила: старшекурсник, высокий, голубоглазый, смазливый — ходячая мечта наивной первокурсницы. Но Нелл от наивных первокурсниц отличалась, в том числе и мечтами.

— Мы уже на «ты»? — спросила у усевшегося за стол рядом с нею парня.

— О, простите мою бестактность, мисс, — подскочил тот, отвесил шутовской поклон и шмякнулся обратно на лавку. — Тэйт Тиролл, алхимик, шестой курс, как тебя зовут и где учишься, я уже знаю, и да, мы на «ты», потому что жизнь коротка, а время слишком дорого, чтобы тратить его на глупые расшаркивания. Согласна?

— Выйти за тебя? — уточнила Нелл угрюмо. — Конечно. Не будем время терять, да? — Пользуясь замешательством алхимика, бесцеремонно потянула за свисавшую из его кармана цепочку, вытащила часы и открыла крышку. — Значит, через час встречаемся в храме. Платье я найду, подружка невесты имеется, — кивнула на растерянно хлопающую ресничками Дарлу, — кольца и букет принесешь ты. Для празднования можно арендовать одну из местных кофеен. Согласен? Нет? Какая жалость. Жизнь так коротка, хотелось стать миссис Тиролл еще до ужина, но, видно, не судьба.

Сунула часы в руку не успевшего и слова вставить парня и, отвернувшись, продолжила есть запеканку. О мистере Тиролле, молча поднявшемся из-за стола и гордо удалившемся, как ей казалось, можно

было забыть.

Но алхимик забываться не пожелал. Когда Нелл и Дарла выходили из столовой, тот караулил у входа с букетиком пестрых хризантем, сорванных наверняка на ближайшей клумбе.

— Вот, букет уже есть. С остальным, конечно, за час не управимся, но, если не откажешься погулять со мной после ужина, однажды все может быть.

— Ты нормальный? — на всякий случай спросила Нелл.

— Целители говорят, что да. Но можешь сама проверить. Вечером? Заглянем в парочку кофеен, присмотрим подходящую для торжества?

Можно было отказаться, но, с другой стороны, почему бы и нет? Ее это ни к чему не обязывает, а прогулки перед сном полезны. В качестве профилактики кошмаров, например.

Грин велел прийти в понедельник, но Оливер решил навеститься к целителю на день раньше. То, что в выходной искать доктора нужно не в лечебнице, а дома, его не смущало: миссис Грин — радушная хозяйка и с удовольствием встречает даже незваных гостей, и, собственно, с ней-то он и хотел увидеться, а рука — просто предлог, хоть и побаливала еще немного.

— А что вы хотели? — спросил Эдвард, обновив анестезирующее заклинание. — Я предупреждал ограничить нагрузки и держать руку на перевязи. Скажете, так и делали?

— Нельзя ее все-таки сразу вылечить?

— Нельзя, — отрезал целитель. — Материал для восстановления тканей берется не из воздуха, его дает ваш же организм, и скоростная отдача веществ, нужных и другим органам, на пользу ему не идет.

Пока ее муж занимался пациентом, Элизабет подала нечто вроде второго завтрака: чай, сэндвичи с паштетом и яблочный пирог. Оливер съел кусочек пирога из вежливости, потом еще два просто так и, решив, что наступил удобный момент, обратился к хозяйке:

— Элизабет, можно попросить вас об одолжении? Раз уж все равно шел к вам, захватил один амулет, он почти разрядился...

— Вот и несли бы его к артефакторам, — недовольно перебил Эдвард. — Заряжать артефакты — их работа, а не моей жены.

— В отличие от вашей жены, у них могут появиться неудобные вопросы.

Оливер положил в пустое блюдо создающий невидимый полог кулон. Мистер Грин хмыкнул, но промолчал. От миссис Грин подобной

тактичности ждать не приходилось.

— Ух ты! — воскликнула она, схватив амулет. — Это же из полицейского арсенала? Ограбили нашего милого инспектора? Заряд действительно слабенький. Часто используете? Интересно как?

— Шастаю тайком по женским общежитиям, — чистосердечно покаялся Райхон.

Целительница снисходительно улыбнулась: мол, так себе шутка, но считайте, что позабавили.

— Он мне достался уже разряженный, — сказал Оливер. — И да, не самым честным путем. Инспектор о нем забыл, а я не счел нужным напомнить. Вдруг пригодится? Но пустой амулет потеряет свойства и станет бесполезен. Поможете?

Заряжать амулеты не входило в обязанности миссис Грин, но у нее это неплохо получалось. Элизабет легко, легче даже, чем некоторые годами тренировавшиеся специалисты, входила в близкое к астралу подпространство и научилась перетягивать оттуда потоки чистой энергии. Это не делало ее более квалифицированным магом, ведь квалификация определяется уровнем знаний и сложностью плетений, но усилить уже составленное заклинание она таким образом могла или вот пополнить растраченный заряд артефакта.

— Помогу. — Элизабет поднялась из-за стола. — Не здесь же? — скосила глаза на сына, увлеченно размазывающего по тарелке повидло. Со стороны выход в подпространство выглядел как глубокий обморок и мог испугать ребенка. — Эд, подстрахуешь?

— Угу. Грэм, приглядишь за нашим гостем?

Мальчик, которого взрослые усадили с собой за стол, очевидно, только затем, чтобы оставался на глазах, оторвался от своего интереснейшего занятия и кивнул. После ухода родителей он перебрался на ближайший к Оливеру стул и вперил в ректора серьезный немигающий взгляд, слишком буквально восприняв просьбу отца. Впрочем, и минуты не прошло, как ему это наскучило.

— Подрался? — спросил, ткнув предварительно облизанным пальцем в перевязанную руку Оливера.

— Упал.

— Неуклюжий такой?

В словах ребенка послышалось фамильное гриновское ехидство, а Оливеру в этом смысле и главы целительского семейства хватало.

— Ладно, скажу по секрету, — прошептал он, наклонившись к мальчику. — Подрался.

Насмешка в серых глазах мальчугана сменилась уважением.

— Всех победил?

— Всех.

— Молодец. А зачем ты по женским общежитиям ходить?

— Если бы я сам знал, — вздохнул Оливер.

Грэм тоже вздохнул. Из мужской солидарности, наверное. Потом предложил гостю съесть еще пирога и конфет, потому что ему папа говорил, что сладкое полезно для ума.

Видимо, помогло, потому как, получив заряженный амулет, Оливер не отправился тут же его испытывать, а вернулся домой, где и провел остаток дня, то разбирая рабочие планы, то пролистывая недавно вышедший, но уже завоевавший популярность у читателей авантюрный роман. Авантюры именно в романах и хороши, а в жизни лучше не ввязываться.

До вечера Нелл успела пожалеть, что согласилась на свидание с напористым алхимиком, но идти на попятную было не в ее правилах, и за ужином она даже удостоила бесцеремонно подсевшего к ней мистера Тиролла вполне любезной улыбкой.

— Может, не будешь тратить время на кашу? — с ходу предложил Тэйт. — Ее сегодня недосолили, а мы все равно собирались в кофейню.

Нелл ответила еще одной улыбкой, взяла солонку, посолила рассыпчатую пшенку и, игнорируя Дарлу, отдавившую ей под столом ногу, съела всю порцию. Стипендиатов кулинарными изысками не баловали, в отличие от тех студентов, которые могли себе позволить оплачивать отдельное меню. Собственно, аппетитные ароматы, наполнявшие столовую, шли из той ее части, где трапезничали дочурки лордов и сынки капиталистов. Не пустая же каша так пахла? Но Нелл уже решила, что ни в какие кофейни заходить не станет, а если и зайдет, то ни к еде, ни к напиткам не притронется. И не оттого, что не хотела стеснять кавалера, который, как она заметила, тоже не принадлежал к сливкам местного общества. Что, если этот обаятельный наглец сговорился с официантами, и те подсунут ей какое-нибудь снадобье, после которого она внезапно проникнется нежными чувствами к мистеру Тироллу? Нелл слышала о подобном. А Тэйт этот странный. Если говорить без ложной скромности, а такой добродетели Нелл за собой не замечала, внешность у нее хоть и необычная, но вполне привлекательная, однако не настолько, чтобы сражать наповал смазливых старшекурсников, за которыми девицы наверняка толпами бегают.

Непонимание нервировало, поэтому, как только они с алхимиком

вышли из столовой и отошли подальше от Дарлы, глядевшей им вслед с умилением, Нелл прямо спросила у парня, чем заслужила его внимание.

— Ты выделяешься среди других девушек.

— Тебя это не смущает?

— Меня тяжело смутить, но при случае можешь попробовать. А то, что ты не похожа на других, даже кстати. У меня плохая память на лица. Постоянно путаю девиц, с которыми встречаюсь, с их подругами или вообще случайными особами, страдаю потом от каких-то беспочвенных обвинений. С тобой такого можно не опасаться.

В общем, отшутился.

В кофейню они все-таки пошли. Попутно молодой человек устроил Нелл экскурсию по академгородку: рассказывал о каждом здании, попадавшемся им по дороге, о памятнике или фонтане.

— А здесь вечерами собираются студенты, — обвел он рукой освещенную фонарями площадь. — Вон там — студенческий театр. Можем как-нибудь сходить. Там — магазинчик чудес: лицензированные артефакты, разрешенные к продаже... ничего интересного, как понимаешь. Там — гадательный салон, девчонки с прорицательского развлекаются... Но мы же хотели посидеть в тепле и съесть что-нибудь, что заставило бы забыть о сегодняшней жуткой каше? Тогда нам туда или туда. Выбери.

Предложенные заведения отличались друг от друга только вывесками: на одной было написано «Кофе», на другой — «Шоколад». В остальном практически полное сходство: в обе стороны открывающиеся двустворчатые двери, высокие прозрачные окна, маленькие столики внутри...

— Пойдем туда, где людей меньше, — решила Нелл.

— Разумно, — согласился Тэйт и повел ее к двери под вывеской «Шоколад».

Когда до цели оставалось всего несколько ярдов, он вдруг остановился, обнял Нелл за талию, привлек к себе и поцеловал. Первым побуждением было оттолкнуть нахала, но она поступила с точностью до наоборот: прильнула сильнее и обвила руками шею парня, отвечая на поцелуй.

Для алхимика это стало полной неожиданностью, но с изумлением он справился быстро, поцелуй не прервался, а объятия, разжавшись на мгновение, в следующий миг стали крепче.

— Неплохо, — шепотом прокомментировала Нелл, когда у нее появилась возможность говорить.

— Насколько неплохо? — уточнил, не переставая обнимать ее, парень.

— По десятибалльной шкале? — Она провела ладонью по ежику темных волос. — Чуть выше среднего — скажем, на шесть с натяжкой. Еще балл добавлю за артистизм. Но вышло бы натуральнее, если бы ты не косился на зрителей.

Тэйт попытался изобразить недоумение, но, поняв, что дальше ломать комедию бесполезно, улыбнулся и поцеловал Нелл в лоб, то ли в знак благодарности, то ли завершая романтическую сцену, за которой из окна кофейни наблюдали две студентки.

— Блондинка или шатенка? — любопытствовала Нелл, погладив кавалера по шершавой от проклюнувшейся щетины щеке.

— Ни одна из них.

— Подружки? Завтра донесут в подробностях?

— Думаю, уже сегодня. Сердишься?

— Еще не решила.

С одной стороны, кому понравится, когда его используют? А с другой, теперь, когда все более или менее объяснилось, что мешает перевести отношения в стадию обоюдовыгодного сотрудничества? Если, конечно, мистер Тиrolл рассчитывал на сколь-нибудь длительное сотрудничество.

Чтобы выяснить это, пришлось зайти в кофейню, но не в ту, где остались взволнованные представлением зрительницы, а в другую, которая «Кофе». В качестве компенсации Нелл заказала самое дорогое пирожное. Тэйт, чье финансовое положение, как она предполагала, оставляло желать лучшего, мужественно смолчал и ограничился чаем без сахара. Когда принесли заказ, коротко поведал свою историю.

Как и ожидалось, алхимик рассорился с подружкой. Та бросила его накануне Осеннего бала. Причем бросила в беде. Парень пострадал на практике, сильно обгорело лицо и волосы, и красотка, которую он обхаживал почти год, решила, что проще найти нового кавалера, чем ждать, пока этот выздоровеет. Но Тэйту повезло, лечение благодаря усилиям целителей не затянулось, и на бал он явился без повязок и шрамов, а о несчастном случае напоминали только остриженные волосы. Вероломная девица, завидев его, раскаялась и попыталась представить свое вероломство милым розыгрышем, но алхимик, естественно, не поверил и заявил, что уже нашел ей замену, при этом указав на первую попавшуюся на глаза девушку. Девушкой этой оказалась Нелл, слишком выделявшаяся в компании первокурсников. Чтобы подтвердить свои слова перед бывшей подружкой, Тэйт пригласил Нелл на танец, а после намеревался ухлестывать за ней весь вечер, но она поломала ему все планы, неожиданно исчезнув с праздника.

— Пришлось намекнуть паре приятелей, что меня ждет кое-что поинтереснее танцев, и тоже уйти, — без смущения сообщил алхимик. — Так что у нас с тобой все серьезно, как понимаешь.

Что-что, а наглость у него была не наигранная.

— И как бы ты выкручивался, если бы за завтраком я тебя отшила? — поинтересовалась Нелл.

— Порой отношения так недолговечны, — тяжело вздохнул он. — Но я пережил бы наш разрыв, не волнуйся.

Прямо-таки восхитительная наглость! Как таким не воспользоваться?

Но в том-то и дело, что «как» Нелл пока не придумала.

Тэйт тоже не до конца еще определился с планами. На вопрос, хочет ли он вернуть подружку или просто позлить, пошатнув ее уверенность в собственной неотразимости и незаменимости, алхимик пожал плечами и сказал, что это зависит от многих факторов, начиная с того, какой будет реакция бывшей, и заканчивая теоретической возможностью, что в процессе он сам отклонится от первоначальной цели и переключится на кого-нибудь другого. При последних словах он выразительно поглядел на Нелл и накрыл ладонью ее лежащую на столе руку.

Руку она не отняла, но подобными теориями посоветовала не увлекаться.

— Не зарекайся, — самоуверенно ухмыльнулся парень.

— Не нарывайся, — спокойно парировала Нелл, а на легкое пожатие пальцев ответила вспыхнувшим на них пламенем, заставив алхимика отдернуть руку и восхищенно присвистнуть.

От огня инстинктивно захотелось прикурить, и это желание определило дальнейшее развитие событий. Когда площадь с кофейнями, салонами и магазинчиками осталась позади, Нелл свернула к замеченной в стороне скамеечке и достала сигареты. Перспектива курить при Тэйте не смущала — этакая иллюзия честных отношений.

Простились они на крыльце ее общежития, без поцелуев и прочих нежностей. Условились увидеться на следующий день.

Вот и хорошо, подумала Нелл. Завела же она официальных друзей? Теперь вот разжилась официальным ухажером.

Все как у людей.

Новую неделю милорд Райхон начинал с традиционного совещания с проректорами и деканами, затем вел прием сотрудников и студентов, так что в понедельник занятий на спецкурсе у него не было. Но все же Оливер нашел окошко в расписании, чтобы навеститься на факультет, узнать, все ли

его студенты пришли на учебу после выходных, и не возникло ли за эти дни каких-либо сложностей. В конце концов, он куратор группы. А то, что прежде так не делал, — его упущение, надо исправляться.

Заглянул в аудиторию, извинился перед пожилым историком и бегло пересчитал студентов по головам. Двое отсутствовали, а это уже повод для разговора со старостой.

— Мисс Мэйнард, возьмите журнал и уделите мне несколько минут.

Прикрыв дверь, Оливер отошел к подоконнику. Не так удобно, как в кабинете, но коридор пуст, тих, и можно поговорить. Об отсутствующих студентах, естественно.

— Здравствуйте, милорд. — Элеонор вышла из аудитории и приблизилась, изобразив приветливую улыбку. Протянула журнал.

— Здравствуйте, мисс, — кивнул Оливер. Положил журнал на подоконник, открыл здоровой рукой и уткнулся в списки, выискивая графы с отметками о неявке. На девушку не смотрел — незачем, он прекрасно помнил, как она выглядит на лекциях. Помнил, что форменное темно-синее платье смотрится при ее бледности траурным. Что волосы она зачесывает назад и собирает в узел на затылке, отчего становится похожа на мраморную статую с аккуратной гладенькой головкой и застывшим отстраненным лицом. — Вам известно, по каким причинам мисс Осгуд и мистер Вестлей не пришли сегодня на занятия?

— Мисс Осгуд подвернула ногу по пути на факультет. Сейчас она в лечебнице и пробудет там до конца дня. Мистер Вестлей на выходные уезжал домой, его поезд прибывает в Ньюсби около полудня, а в академию Карл доберется только к вечеру. Вы подписали ему разрешение еще в пятницу.

— В пятницу? — нахмурился ректор. — Видимо, я забыл об этом из-за Осеннего бала. Из-за подготовки к балу, я хотел сказать. Спасибо, что напомнили.

— Не за что. Что-нибудь еще, милорд?

— Нет. Хотя... Нужно как-то решить этот вопрос.

— Какой вопрос?

Голос девушки дрогнул, но Оливер и тогда не поднял на нее глаз.

— С учетом посещений, — ответил он. — Информация должна быть у меня и в те дни, когда у меня нет лекций, а срываться каждый раз, как сегодня, не совсем удобно.

— Если вас устроит, в такие дни я могу готовить пояснительную записку по отсутствующим и оставлять ее у вашего секретаря после первой пары.

— Нет, это не выход, — покачал головой Оливер. — Пешком дорога в главный корпус занимает около десяти минут, и это в хорошую погоду. Вы не сможете бегать туда-сюда и в дождь и в снег. Пожалуй, оставьте записку у секретаря кафедры, а он будет передавать мне данные по телефону.

— Хорошо, милорд.

Первой мыслью было сказать Элеонор, чтобы она сама телефонировала ему с кафедры, но зачем? Зачем ему слышать дважды в неделю ее голос, особенно когда он звучит так безразлично?

Да и вообще, глупости все это. Побочный эффект.

— Как ваша рука, мисс Мэйнард? — Он решился посмотреть на нее, и выяснилось, что девушка и сама не глядит в его сторону.

— Уже зажила, благодарю.

— А моя еще... вот...

Она взглянула. Быстро. Коротко. На перевязанную руку, в глаза.

— Уверена, это ненадолго. Все пройдет.

Как будто и не о руке.

Но права, конечно. Пройдет.

Нелл помнила первичные симптомы одержимости. Затрудненное дыхание, обильное потоотделение, тремор и судороги конечностей, резкое повышение или же понижение температуры, ухудшение слуха и зрения и неспособность сконцентрироваться на собственных мыслях. Человек, чье тело избрала вместилищем потусторонняя сущность, постепенно теряет над собой контроль, и им овладевают чуждые идеи и желания, справиться с которыми может только опытный экзорцист.

По всем признакам, от взмокшей спины и дрожащих пальцев до странных желаний, Нелл была одержима. Но духи и демоны не имели к этому отношения, и на помощь заклинателя рассчитывать не приходилось, только на собственную выдержку и благоразумие. Она понимала причины своего состояния, а как говорят целители, если знаешь истоки недуга, найдешь и лекарство. Недуг Нелл проистекал из длительного одиночества, привычного и вполне комфортного, за время которого она уверилась в том, что просто не способна уже испытывать некоторые эмоции. После Оуэна ни один мужчина не вызвал у нее интереса, ни разу не возникло мысли продолжить завязавшееся знакомство. А потом... Шок — кажется, так это называется, когда из-за потрясения не осознаешь сразу всей глубины проблемы. Например, продолжаешь идти, не чувствуя боли в сломанной ноге, или отвлекаешься на вопросы, которые кажутся более

существенными, чем проведенная со случайным любовником ночь. Но это состояние не вечно. В какой-то момент боль прорежется, а на смену невнятным волнениям придет четкое понимание, что самое ужасное в той случайной ночи не то, что она была, а то, что теперь не получается о ней забыть. Можно не думать, отвлечься на время, но после все равно накатит, захлестнет горячей волной ощущений и навязчивых образов. И это — если не видеть его. А если видеть...

Видеть в Оливере Райхоне, как прежде, преподавателя у Нелл не получалось. Она до последнего надеялась, что в атмосфере учебного корпуса все будет иначе, но стоило им встретиться, стало ясно, насколько наивны эти надежды. Она даже смотреть на него не могла, опасаясь, что не справится со своими желаниями. И хотелось ведь немного — лишь коснуться. Коснуться его лица, провести пальцами по щеке, по волосам... обхватить руками шею, с силой притянуть к себе, прижаться всем телом, губами впиваясь в губы...

«Переведусь», — твердо решила Нелл, вернувшись в аудиторию.

На общем потоке хуже не будет: Алан и Сью и так знают, что она здесь, а больше ей прятаться не от кого. Только от Оливера. Если не видеться с ним постоянно, со временем она избавится от этой одержимости. А чтобы быстрее, можно роман закрутить, не формальный, а настоящий, со всеми вытекающими. С тем же Тэйтом — почему бы и нет? Связь без обязательств, в качестве профилактики.

Звучало как рецепт целителя: в качестве профилактики болезненных фантазий о ректоре потреблять молодых здоровых алхимиков не реже двух раз в неделю в течение месяца, для закрепления эффекта после небольшого перерыва курс лечения повторить.

Нелл всерьез настроилась испробовать этот рецепт, но вечером, когда после прогулки Тэйт хотел ее поцеловать, отвернулась, подставив щеку.

И на следующий вечер — тоже.

ГЛАВА 8

На ужин к Гринам в среду Оливер явился не в лучшем настроении, и от хозяев это не укрылось.

— Проблемы на работе? — сочувственно поинтересовалась Элизабет.

Милорд Райхон махнул рукой, с которой Эдвард накануне снял повязку.

— С головой у меня проблемы, — решился на маленькую откровенность.

В понедельник он напомнил деканам, что они должны сдать графики семестровых зачетов. Вчера получил планы от всех факультетов, кроме факультета темных материй. Сегодня как раз был там, проводил семинар у спецкурса, и решил лично зайти в деканат, напомнить еще раз о зачетах. Декан Вильямс, в свое время учивший самого Оливера, выслушал, покивал, сказал, что у него нет графиков только по одной группе, но он поторопит куратора. Ни на тон последней фразы, ни на усмешку во взгляде декана Райхон внимания не обратил. А через полчаса после того, как он вернулся в ректорат, на столе у него зазвонил телефон, и старик Вильямс с отеческим укором прошамкал в трубку: «Оливер, голубчик, сдайте вы уже планы, а то милорд ректор гневается».

— Заработался ты, милорд, — прокомментировал достойный превратиться в анекдот рассказ инспектор Крейг — еще один старик, знавший Оливера неразумным первогодком. — И это ить самое начало года. К концу что будет? Нужен тебе этот спецкурс?

В последние дни ректор только и делал, что обдумывал этот вопрос, и пришел к выводу, что все-таки нужен.

— Это с непривычки, — объяснил он возникшие у него сложности. — Но с графиками неудобно получилось, совсем из головы вылетело.

— У вас там много ненужного, для нужного места не остается, — справедливо заметила леди Пенелопа.

Пожилая целительница тоже принадлежала к числу тех, кто помнил милорда Райхона в его юные годы. С этими людьми он, как ни старался, не мог быть просто ректором. И только с ними позволял себе иногда быть самим собой. Еще с Гринами, но это уже другая история — история, сблизившая их всех, Оливера, Эдварда, Элизабет, леди Райс, инспектора Крейга и Норвуда Эррола. Последний опаздывал на званый ужин, и из-за этого милорд ректор нервничал еще сильнее. Он уже собирался спросить у

инспектора, не услал ли тот подопечного по каким-то делам, как в дверь позвонили.

Что задержало сержанта Эррола, Оливер так и не узнал, да и не стремился, зато, когда оборотень, покончив с приветствиями и извинившись перед остальными, отозвал его в сторонку на пару слов, пришлось приложить усилия, чтобы спокойно, ничем не выдав нетерпения, подняться с кресла и выйти вслед за полицейским на террасу.

— Тут все, что удалось найти. — Рысь вынул из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

— Спасибо, Норвуд, — немного торопливо поблагодарил ректор. — Я ваш должник.

— Да не за что, — пожал плечами оборотень.

И, увы, оказался прав.

Двадцать лет назад миссис Вандер-Рут действительно во второй раз вышла замуж за некоего Энтони Вина, торговца. Через семь лет снова овдовела. В настоящее время жила на севере королевства с дочерью, Эмилией Вин, которой, согласно данным из полицейских архивов, сейчас всего четырнадцать.

Бредовая версия, которую Оливер тем не менее всерьез обдумывал несколько дней, не подтвердилась. Но та, что пришла ей на смену, была еще более абсурдной.

Она сформировалась не сразу. Вертелась в голове неуловимой мыслью, за которую никак не удавалось ухватиться. Смутное чувство, что он упускает нечто важное, мешало сосредоточиться на застольной беседе. Слух улавливая только самое начало фраз с обращением, на случай если прозвучит его имя и придется отвечать.

— Леди Пенелопа, вы...

— Рысь, не знаешь...

— Вот что я тебе скажу, Эд...

— Элизабет, вы слишком...

— Инспектор...

— Бет, передай, пожа...

— Элси, я тут...

— Нет, Элизабет, вряд ли...

— Элизабет, — негромко, но четко повторил Оливер.

— Да? — обернулась к нему хозяйка.

— Ничего, я просто вдруг заметил, что все мы обращаемся к вам по-разному. Для меня и леди Райс вы — Элизабет, для Норвуда — Элси, для Эдварда — Бет. Только инспектор, кажется, еще не определился.

— О, у него богатый выбор, — рассмеялись миссис Грин. — В запасе еще Бесс, Лизи, Либи. Папина тетушка зовет меня Лилибет, но сразу предупреждаю, это имя мне категорически не нравится.

— Учту. — Он улыбнулся, подрагивающими от волнения пальцами комкая под столом салфетку. — Но выбор действительно большой. Мне вот не настолько повезло с вариантами. А у некоторых их с избытком.

— Маргарита, например, — тут же вспомнила Элизабет. — Мэгги, Пегги, Пэйдж, Марго. Или вот...

— Хелена, — подсказал Оливер.

— Элли, Хелли, Нелли, — выдала с ходу миссис Грин. — Больше не помню.

А больше и не нужно.

Нелли. Нелл.

Элеонор — только для документов. Она в первый же день сказала, что не пользуется этим именем.

Нелл.

— Оливер, вы в порядке? — Эдвард Грин смотрел с беспокойством.

— Нет. Я...

Кажется, окончательно сошел с ума.

— ...забыл кое о чем. Предупредить секретаря, что завтра меня не будет. Мне нужно отлучиться на день, по делам.

В Глисет.

Прежде чем обращаться к целителям, следует убедиться, что с ума сошел именно он, а не мир вокруг.

Если бы не сильный темный дар, быть Оливеру Райхону магом-пространственником. Формулы телепортации, требующие точных расчетов и предельной концентрации, давались ему без труда, и в академии он давным-давно проложил в довесок к стационарной сети порталов свои собственные тропинки. Два-три раза побывав в каком-нибудь месте, впоследствии он мог открыть туда проход прямо из своего кабинета, и ходившие среди студентов страшилки о вездесущем ректоре были не лишены оснований. Что до перемещений на более длинные расстояния, на них в одиночку не решались даже опытные пространственники: слишком много факторов нужно учесть, слишком велик риск ошибиться. Но для тех, кто не желал сутками трястись в экипаже или железнодорожном вагоне, выход существовал — телепортационные станции. Та же стационарная сеть, проложенная между городами. Каждый канал обслуживался квалифицированными магами, а бесперебойная подпитка обеспечивалась мощными артефактами. Естественно, и работа магов, и зарядка артефактов

обходились в немалую сумму, оттого стоили переходы недешево, но недостатка в клиентах станции не испытывали: всегда найдется кто-то, кому время дороже денег.

Оливер обычно не торопился. Но не в этот раз.

В этот раз вообще ничего обычного не было.

«Тронулся», — с грустью думал о себе ректор, расплачиваясь за предстоящий переход. Потратить целый день и уйму денег — на что? На то, чтобы еще одна безумная теория рассыпалась прахом?

Уже в Глисете, когда перестала кружиться голова (телепортация на дальние расстояния благоприятного воздействия на организм не оказывает), подумал, что стоит, пока не почувствовал себя окончательно дураком, отказаться от идиотской затеи. А чтобы оправдать переход, навестить Джерри.

Джереми был сыном его сестры. После смерти Вирджинии и ее мужа Оливер, тогда уже работавший в академии, забрал мальчика к себе. Воспитывал, как умел. Помогал обуздать проявившийся дар. На факультет темных материй Джерри тоже попал не случайно. А вот учился сам и ни о помощи, ни о протекции не просил. Потому что, хоть и звался по отцу Джереми Адамсом, по крови и по духу был все-таки Райхоном. А фамильная гордость Райхонов перевешивает порой даже их же фамильное здравомыслие.

Став ректором, Оливер предложил племяннику место секретаря, а по сути — своего первого помощника. Получить должность главы академии в тридцать шесть было нетрудно, этому поспособствовала и тогдашняя политика министерства по продвижению талантливых молодых магов, и нежелание старших коллег взваливать на себя бремя руководства, а вот удержаться на этой должности оказалось сложнее, и Оливер отдавал себе отчет в том, что без Джерри не справился бы.

А потом в их жизни появилась Камилла.

Вернее, Оливер думал, что она появилась только в его жизни. Молодая преподавательница, с которой у него закрутился роман. И не просто роман, а нечто большее, как ему казалось. Нечто неопределенное, как выяснилось в итоге. Эта неопределенность длилась четыре года, в течение которых они сходились и расходились. Последний разрыв растянулся почти на год, но и тогда Оливер верил, что все еще можно вернуть. Возможно, просто привык к Камилле и не видел никого другого на ее месте. А она уже нашла ему замену. Джерри.

Оливер не сразу узнал об этом, а когда узнал, было не до обид и запоздалой ревности. Обстоятельства сложились так, что в тот момент он

сам готов был благословить племянника и бывшую возлюбленную, лишь бы не потерять обоих навсегда. И не потерял. В том смысле, в котором боялся.

В последние годы они с Джерри виделись от силы раз десять. Чуть чаще общались по телефону: поздравляли друг друга с праздниками и обменивались дежурными фразами о делах и здоровье. Маленькую Вирджинию, которой весной исполнилось четыре, Оливер видел лишь однажды, когда ей было всего две недели от роду.

И теперь вдруг нагрязнуть без предупреждения? Нет, в другой раз. А в этот разберется все же со своими бредовыми догадками.

От портальной станции он взял наемный экипаж и отправился напрямик в Глисетский университет. Обсудить интересующие его вопросы Оливер собирался не с кем-нибудь, а сразу с ректором Хеймриком. Ну а если в университете столкнется с Джерри — значит, судьба.

«Переведусь!» — К полудню Нелл преисполнилась мрачной решимости. И переводиться она собралась уже не на общий курс, а вообще из академии. В Найтлоп, в Высшую школу, — других вариантов, притом что Глисет изначально ей был заказан, не осталось. Правда, подобные переводы проходили только между семестрами, и еще три месяца придется потерпеть, но не больше.

Больше она не выдержит, не каменная.

Видеть Оливера Райхона — одна мука.

Не видеть — другая.

По четвергам у него не было занятий с их группой, и Нелл все утро ловила себя на том, что придумывает поводы навеститься в главный корпус. Она не пошла бы, конечно, но сам факт...

Затем она встретила Алана и на несколько часов почти позабыла о милорде Райхоне. Неизвестно, что демонолог забыл на факультете темных материй, но Нелл столкнулась с ним у двери в приемную деканата. Отступила в сторону, и Алан прошел мимо, не пытаясь заговорить с ней и даже не поздоровавшись. Только посмотрел, а она не успела отвернуться, и на целый миг их взгляды встретились...

«Переведусь», — пообещала себе Нелл.

Встретиться с Юлиусом Хеймриком сразу же по прибытии в университет не удалось: глисетский ректор инспектировал новый стадион, а после, со слов молоденькой секретарши, собирался заглянуть на факультет некромантии. Если подумать, он мог вообще отсутствовать

сегодня и в университете, и вообще в Глисете, ведь о своем визите Оливер не предупредил, так что двухчасовое ожидание — еще не худший вариант.

Общительная секретарша изо всех сил старалась, чтобы гость не заскучал, и к тому времени, как появился Хеймрик, Оливер ее практически ненавидел.

— Милорд Райхон, какая приятная неожиданность! — Милорд Юлиус, невысокий, полненький, совершенно лысый, затряс протянутую руку, при этом едва не подпрыгивая, чтобы заглянуть коллеге в глаза.

Со стороны это смотрелось комично, но Оливер знал, что смеяться над Хеймриком чревато. Менталист, сильнейший из тех, с кем ему доводилось встречаться. Поэтому вместо того, чтобы забавляться над скачущим как мячик глисетцем, Оливер проверил надежность защит.

— Простите, что без предупреждения, милорд Юлиус.

— Ох, бросьте, — махнул пухлой ладошкой хозяин. — Я действительно рад встрече. Но боюсь, вы не по-приятельски поболтать заскочили. Какие-то проблемы? Нужна помощь?

— Нет, к счастью, никаких проблем. — Оливер вошел вслед за Хеймриком в кабинет. Присел в предложенное кресло у маленького столика, на котором — и сомнений не было — вот-вот появится поднос с кофе. — Меня к вам привел... э-э-э... личный интерес.

— Да? — В глубоко посаженных карих глазах глисетца промелькнуло любопытство. — И что же это за интерес?

— Хелена Вандер-Рут.

Внешне ничего не изменилось: милорд Юлиус продолжал благожелательно улыбаться, в его взгляде не промелькнуло и тени тревоги или подозрительности, но Оливер почувствовал, как менталист напрягся, как воздух сгустился вокруг него, нагреваясь от скопившейся силы. Впрочем, задействовать эту силу глисетец не спешил. Никто в здравом уме не станет нарываться на конфликт с мастером проклятий.

— Давайте начистоту, Оливер. — Хеймрик опустил в кресло с другой стороны стола, впери в гостя улыбчивый взгляд и протянул ментальные щупы, от прикосновения которых чуть похолодели виски. — Кто вас прислал?

— Никто, — честно ответил Оливер.

Милорд Юлиус неприятно усмехнулся.

— Непробиваемый, — сделал он неожиданный вывод из откровенности гостя. — А я, признаться, не верил. Однако... Кларисса Вандер-Рут? Точнее, Кларисса Бин, как она сейчас зовется?

— Не имею чести знать эту даму.

Оливер все еще чувствовал холодок на висках, а Хеймрик, вопреки ожиданиям, не чувствовал лжи, и менталиста это нервировало.

— Непробиваемый, — повторил он. — Что ж, вы оправдываете свою репутацию, милорд Райхон. А Кларисса... Все еще не верит, что смерть ее дочери была несчастным случаем? — Милорд Юлиус раздраженно поморщился. — Правильно не верит. Только и правде она верить не захочет.

Ледяные щупальца исчезли, но Оливер сдержал вздох облегчения, как ничем не выдал и волнения, в которое его привела реакция Хеймрика на имя Хелены. О чем он говорит? О какой правде? Лучше не торопить и не задавать больше вопросов. Захочет — расскажет, не захочет — придется сделать так, чтобы захотел.

— Хорошо. — Менталист поднялся с кресла, одернул задравшийся сюртук. — Давайте считать, что вас в самом деле никто ни о чем не просил и вы исключительно из личного интереса примчались за сотни миль, чтобы поговорить о Хелене Вандер-Рут. Я даже не спрошу, откуда в таком случае вам известно это имя.

— Из газет.

Менталиста передернуло. Словам он не верил, лжи все так же не чувствовал — этак и разорвать может от внутренних противоречий.

— Оставим эту тему. — Хеймрик размял похожие на сардельки пальцы. — Наверное, я должен быть благодарен за то, что вы решили выяснить подробности у меня, а не задействовали иные связи. Учитывая вашу дружбу с вице-канцлером... и некоторые нюансы того нашумевшего дела...

— Милорд Юлиус, не нужно повторять глупых сплетен, — покачал головой Оливер. — Я пришел за помощью. Оказать мне ее или отказать — дело ваше. Но ссориться мне не хотелось бы.

— Да-да, я так и понял. Окажу, конечно же окажу. Мне тоже не с руки портить с вами отношения. Но я должен знать, как вы планируете использовать полученную информацию.

— Зависит от того, что это за информация.

— Секретная. — Хеймрик подошел к сидящему в кресле гостю, только так при своем росте он мог смотреть на него сверху вниз. — Я не стал бы говорить с вами, если бы не понимал, что вы можете получить ответы из других источников. Но те источники не объяснят вам всего, лучше уж я сам.

Оливер мысленно усмехнулся. Оказывается, не всегда плохо, когда тебя понимают неправильно. Ему и в голову не пришло бы обращаться к лорду Аштону.

— Поверьте, милорд Юлиус, все, что вы скажете, останется между нами.

— Конечно, — скептически скривился Хеймрик. — У вас же в этом деле личный интерес.

Тон, которым он выделил последние слова, резанул слух.

Не верит. Но расскажет.

Только нужно ли это Оливеру?

Мысль безнадежно опоздала: Хеймрик уже открыл сейф и вынул из него папку. Простую картонную папку с завязками — и не подумаешь, что она скрывает опасные тайны.

— Да, все еще храню документы по тому делу у себя, — сказал милорд Юлиус, вернувшись к гостю. — Не сдаю в архив. Наверное, жду любопытных вроде вас. Берите, читайте, тут все. Заключение экспертов, показания.

Оливер развязал тесемки и всмотрелся в лежащее поверх документов фото: тонкое лицо, аккуратно уложенные волосы, темные глаза — по черно-белому снимку не скажешь точно, какого цвета они были в реальности, но, скорее всего, карими. Волосы — каштановыми или темно-русыми. Губы — сочными и яркими.

— Это она?

Сходство было, и в то же время его не было, и дело не в цвете — в самом лице, в открытом взгляде, в улыбке, притаившейся в уголках губ.

— Она, — вздохнул Хеймрик. — Хелена Вандер-Рут. Наша Нелл.

Вернувшись с занятий, Дарла тут же убежала в столовую, а после собиралась погулять с подружками из своей группы. Нелл осталась в комнате одна. Аппетита не было. Спать не хотелось. Мучиться ненужными мыслями она себе запретила. Алан, Оливер. Потерянное прошлое, тревожное настоящее. Продолжишь думать об этом, додумаешься в итоге до невозможного будущего.

Мало радости в подобных размышлениях, и, чтобы отвлечься, Нелл разложила на столе учебники.

От занятий оторвал ударившийся о стекло камушек. Нелл покосилась на окно, но книгу не отложила: мало ли кто там развлекается? Может, окном ошиблись?

Когда еще один камушек подтвердил, что ошибки нет, поднялась из-за стола и выглянула на улицу. Увиденное заставило забраться на подоконник и выглянуть наружу.

— Привет тебе, прекрасная дева. — Тэйт Тиролл, привстав на

стременах, снял шляпу и поклонился. Лошадь под ним недовольно всхрапнула. Вторая тем временем обгладывала некогда аккуратненький кустик. — Ждала меня?

— Не-а, — замотала головой Нелл.

— Быть не может! Все прекрасные девы ждут принца на белом коне. Я, конечно, не принц и с мастью коней не угадал...

— И вообще, это не кони, а кобылы, — подхватила Нелл.

— Зато вторая — для тебя, — веско заметил Тэйт. — Но если через пять минут не спустишься, мы с лошадками найдем кого прокатить.

Несколько студентов, наблюдавших со стороны их разговор, подтвердили последнюю фразу алхимика дружным хихиканьем.

Перебьются!

Нужно признать, мистер Тиrolл умел удивлять. Только накануне они говорили о лошадях — шестикурсник играл в поло в команде факультета, а Нелл приходилось часто ездить верхом, пока она жила на ферме, — а уже сегодня Тэйт зовет на конную прогулку.

Когда Нелл вышла, он порывался спешиться, чтобы помочь ей забраться в седло, но не успел. Не дожидаясь помощи, Нелл ухватилась за луку и, вдев ногу в стремя, легко подтянулась. Широкая коричневая юбка, сшитая когда-то как раз для поездок верхом, распахнулась по всей длине, и алхимик громко вздохнул, демонстрируя крайнюю степень разочарования: под юбкой были надеты штаны.

— Какое коварство! Все это затевалось с единственной целью — увидеть твои ноги. А ты!..

— Не переживай, с ногами у меня все в порядке, — успокоила Нелл.

— Угу. Их две. Это прекрасно.

— Хочешь, чтобы я уступила место в седле одной из тех девиц?

— Вот еще! — усмехнулся Тэйт. — Хочу проверить, действительно ли ты так хорошо управляешься с лошадьми, как хвалилась вчера.

— Я не хвалилась.

— Хвалилась. — Алхимик без предупреждения пустил свою лошадь в галоп и крикнул: — Догонишь — поцелую!

«Догоню — прибью!» — с усмешкой подумала Нелл, пускаясь следом.

Встречный ветер остудил лицо и выдул из головы все лишнее.

— Наша Нелл, — повторил Хеймрик. — Чудо-девочка. Вы читайте, Оливер, читайте. Можете сразу с последней страницы, тогда вопросы отпадут разом. Кларисса... с которой вы не знакомы, да, винит меня в случившемся. И я виноват. Виноват в том, что принял ее дочь в университет

в таком раннем возрасте. Хотя возраст тут ни при чем. Это все кровь Вандер-Рутов, их гордыня и амбиции...

Милорд Юлиус говорил негромко, будто бы рассуждал вслух, но его речь мешала сосредоточиться на бумагах. Оливер даже проверил защиты, но не заметил попыток воздействия. Тем не менее рассыпавшиеся по бумаге буквы не желали складываться в слова, и взгляд отрывался от них то и дело, возвращаясь к отложенному в сторону фото.

— Эрик Вандер-Рут был моим... хм... Друг — слишком громкое название. Но мы поддерживали хорошие отношения. Я присутствовал на их с Клариссой свадьбе, помню рождение Хелены. Вандер-Рут жил в квартире при университете, и девочка росла на моих глазах. Милая такая девочка, умненькая, общительная. После смерти Эрика Кларисса уже не могла оставаться в его квартире и перебралась с дочерью в город, но мы продолжали общаться. Когда у Нелл проявился дар, я ходатайствовал о зачислении ее в младшую школу на льготных условиях. Кларисса получила страховку за мужа, но вести дела она никогда не умела, и деньги быстро закончились. Устроить дочь в бесплатную школу с полным пансионом было неплохим выходом для нее. Потом появился этот Вин. Кларисса выскочила за него недолго думая, они с Хеленой перестали нуждаться, но... Она ведь не одаренная, Кларисса, ей сложно было воспитывать дочь, да и в новой семье ребенок от первого брака, скажем так, несколько мешал. Я искренне хотел помочь девочке, хотя бы в память о ее отце, но, поверьте, никакие сантименты не заставили бы меня принять Хелену в университет, если бы она того не заслуживала. Уже тогда было видно, из нее получится высококлассный демонолог. Я следил за ее успехами, но все же учил и воспитывал ее не я. Воспитанием в высших учебных заведениях вообще мало занимаются. А Вилберт еще и разбаловал девчонку: носился с ней как с немыслимым сокровищем, ставил в пример другим студентам. Неудивительно, что Хелена загордилась. Лучшая из лучших, исключительная. А от мыслей об исключительности недалеко и до вседозволенности... Вы читайте, Оливер, читайте. Там вся правда. Можно обмануть непосвященных, можно скрыть истинные причины катастрофы от других магов университета, но водить за нос министерских дознавателей я бы не решился. Это вы могли не опасаться после того случая. Что бы ни произошло в действительности, до правды никто не докопался бы, да?

Оливер поднял на Хеймрика полный холодного недовольства взгляд, но глосетец сделал вид, что не заметил этого.

— Ваших слов никто не опроверг бы, — продолжил он. — А внимание

общественности вы умело переключили на милые сказки. Кому есть дело до каких-то опасных ритуалов, когда у вас в академии прекрасные девы разъезжают на единорогах? У меня же сказок в запасе не нашлось. Девы в моем университете не катаются на волшебных лошадках. Мои прекрасные девы вызывают по ночам высших демонов, которые убивают студентов, рушат здания и вытягивают силы из преподавателей. Вы читайте, Оливер, читайте.

Из папки высыпались на стол вложенные между страницами фотографии. Хелена Вандер-Рут и Сюзанна Пэйтон в лаборатории, теперь уже без очков и ведьмовских шляп. Хелена и Алан: он получает какую-то бумажку из рук бородатого коротышки, а она стоит рядом и улыбается в объектив. Хелена у ворот университета. Снова Хелена и Алан: он в смокинге, она в светлом платье и с букетом роз — похоже, день помолвки. Просто маленькая карточка-портрет. Видимо, Хеймрик подшил к делу фото из ее личного альбома.

— Взгляните лучше на это. — Милорд Юлиус положил перед Оливером фотографию мужчины лет сорока. Правильные, не лишённые привлекательности черты: прямой нос, тонкие губы, квадратный подбородок с ямочкой, короткие темные волосы. — Профессор Питер Вилберг — куратор Нелл Вандер-Рут. Фото сделано за два года до того... происшествия. А вот это, — менталист положил поверх предыдущей другую карточку, — через два дня после.

На втором снимке был запечатлен глубокий старик. Волосы побелели, кожа сморщилась и стала рябой, щеки впали, подбородок заострился, глаза закрыли мутные бельма. Человек с первого фото должен был стать таким лет через пятьдесят.

— Питеру еще повезло, — сказал Хеймрик. — Он выжил. И силы восстановились со временем, хоть призывы уже не практикует. Но тому есть другие причины. В ту ночь он первым почувствовал прорыв — специализация обязывает. Связался с охраной, а сам кинулся к павильону... Питер все еще преподает в университете, но, надеюсь, милорд Райхон, у вас хватит такта не беспокоить его вопросами о Хелене Вандер-Рут.

— Зачем она сделала это? — спросил Оливер, переводя взгляд с фотографии девушки на снимок в одну ночь постаревшего мага и обратно. — Зачем вызвала демона? Еще и высшего?

— Что вы знаете о демонологии? — вопросом на вопрос ответил Хеймрик. — А о Вандер-Рутах?

— О демонологии мало, о Вандер-Рутах — почти ничего.

— Я тоже не слишком компетентен в первом вопросе, — сказал

милорд Юлиус. — Знаю, наверное, не больше вашего. Граница тонка, демоны рвутся в наш мир, убивают, разрушают энергетические связи, провоцируют эпидемии, и только демонологи стоят на страже нашего покоя, закрывают прорывы, изгоняют пришельцев из бездны, а сами призывают их лишь для того, чтобы изучить и разработать эффективные методы противодействия. Но к Вандер-Рутам последнее утверждение не относится. Они не защитники — они охотники. Говорят, первый из них, Йозеф Вандер-Рут, заключил договор с демонами, по которому те обязались каждый год приносить ему в жертву одного из своих. Представляете? Не демонолог приносит жертву демонам, а демоны приносят жертвы демологу. Сказка, естественно, но, мне кажется, потомки Йозефа в нее верили. Да, каждый из них оставил свой след в науке, даже Хелена: тот проект, над которым она работала с Питером, преобразование энергии прорывов, был по большому счету ее. Но я, наверное, даже рад, что Нелл была последней. Вряд ли найдется кто-нибудь, не Вандер-Рут, кто воспримет всерьез идею призывать демонов, чтобы запитать от них электрические фонари. Такие идеи хороши, когда воплощаются в единичных экспериментах. А в мире, где лампочка загорается от того, что в него приходит чистое незамутненное зло, жить как-то страшновато.

— Так она собиралась зажечь лампочку?

— Она собиралась установить стабильный канал призыва. Оперирова доступными понятиями — стационарный портал в бездну. Для стабилизации контура ей нужно было протащить по каналу высшего. Через два дня был назначен выпускной экзамен. Практическое задание предполагалось несложное, полный призыв никто не требовал бы, учитывая опасность таких действий. Всего-то и нужно было, что правильно начертить контур и наметить точку разрыва границы. Уложиться в строго отведенное время — и все. Но для Хелены это было слишком мелко. Тем более должны были приехать представители из министерства, а она планировала после получения диплома выбить грант на свои исследования и решила устроить показательное выступление. Если бы ей удалось, ее экзамен выглядел бы так, будто бездна отверзается по щелчку ее пальцев и демоны приветственно машут с той стороны. Без долгого и кропотливого вычерчивания пентаграмм, без чтения заклинаний и ритуального кровопролития. Ее отец проделывал подобное. Только Эрик к тому времени в довесок к семейной амбициозности имел солидный опыт призывов и канал строил не в одиночку, его страховали квалифицированные демонологи. А Хелена взяла с собой лишь троих

мальчишек со своего курса.

— Мальчишек? А почему не подругу?

— Сюзанну? — откровенно рассмеялся милорд Юлиус. — Только не говорите, что и с Сюзанной вы не знакомы. И с Аланом, да. Своих-то подчиненных, уверен, вы знаете хорошо. Думаю, потому и пришли ко мне, что они ничего не смогли вам рассказать, только мямлили в два голоса: «Нелл была такая чудесная, как жаль, что она погибла». Да? Нет?

— Я с ними не говорил.

— Правильно сделали, — посерьезнел Хеймрик. — Ни к чему беречь старые раны. Да они и не помогли бы ничем. Алана на тот момент не было в университете. Ездил проведать мать, вернулся на следующий день. Если бы не уезжал, то, возможно, сумел бы образумить невесту. Он всегда был очень осторожен — для демонолога неплохое качество. Думаю, Нелл специально подгадала все ко времени его отсутствия. И ей почти удалось. Во всяком случае, призвать высшего получилось. Но не изгнать. Что-то пошло не так, демон вырвался, двоих убил сразу, одного юношу серьезно покалечил... Хелена была самой сильной из них, но и ее сил не хватило бы, если бы не Вилберт. Скажу честно, Оливер, если бы она выжила, я не скрывал бы правду. Одно дело — защищать честь университета и знаменитое имя, которое носила не только эта бестолковая девчонка. Другое — покрывать преступницу. Но ее не удалось спасти. А меня атаковали журналисты и родственники погибших... Думаете, стоило сказать им правду, чтобы они заклевали Клариссу? Она к тому времени снова осталась без мужа, с малолетней дочерью на руках... Нужен ей был скандал?

— Не больше, чем вам. — Кто-кто, а Оливер прекрасно понимал, что, какие бы отношения ни были у Хеймрика со вдовой покойного товарища, защищал ректор в первую очередь себя и свой университет. Но осуждать его за это милорд Райхон не мог. — Как вам удалось все замять?

— Чудом. В министерстве отнеслись с неожиданным пониманием. Возможно, повлияло то, что члены комиссии успели лично пообщаться с Хеленой. Она была в таком состоянии, что мало чье сердце не дрогнуло бы...

— Но показания дать смогла. — Оливер пробежал глазами протокол, подтверждавший рассказ Хеймрика.

— Она понимала, что не протянет долго, — пожал плечами тот. — Хотела перед смертью облегчить совесть. Применять к ней ментальное воздействие было равносильно убийству, если вы вдруг подумали... Я лишь подтвердил, что она сказала правду.

В конце протокола — подписи свидетельствовавшего и всех присутствовавших при допросе.

Напротив имени Хелены — кровавый отпечаток большого пальца.

Ниже — закорючка Хеймрика и еще несколько подписей, неизвестных Оливеру. Кроме одной.

— Увидели знакомое имя? — усмехнулся милорд Юлиус. — Я же сразу сказал, что вице-канцлер ответил бы на ваши вопросы. Тогда он, правда, еще не занимал этот пост, был советником канцлера по вопросам магии. Но если мои слова вас не убедили, свидетельству Арчибальда Аштона вы, надеюсь, поверите?

Когда начало темнеть, они оставили лошадей на конюшне и возвращались пешком. Шли долго: Тэйт выбирал какие-то окольные тропинки, а Нелл несколько раз останавливалась, чтобы покурить.

— Завтра будут болеть ноги и спина, — предупредил алхимик, когда впереди показалось освещенное фонарями крыльцо общежития. — С непривычки.

— Знаю, — улыбнулась Нелл. — Думаю, переживу. Спасибо тебе.

— За что?

— За чудесный день. За замечательный вечер.

— М-да? — Тэйт лукаво прищурился. — Как насчет того, чтобы утром поблагодарить меня еще и за прекрасную ночь?

— Утром я буду благодарить богов, если после сегодняшней прогулки смогу подняться с кровати, — отшутилась Нелл.

— Но хотя бы поцелуй я заслужил?

Поцелуй? За явление «принца на коне» и хихикающих девчонок? За ветер в лицо? За долгую прогулку за пределами академии, любование осенними пейзажами и возможность на время позабыть о проблемах?

Нелл подумала, что заслужил.

Подалась вперед, легонько коснулась губами губ парня и отстранилась.

— Доброй ночи, и еще раз спасибо за все.

Она быстрым шагом направилась к крыльцу.

— Нелл, погоди, — догнал ее Тэйт. — Я что-то сделал не так? Обидел тебя?

— Конечно нет.

— Тогда... У тебя кто-то есть?

Только в мыслях...

— Нет. Возможно. Не знаю, — пожала плечами она. — Все сложно.

— Бывает, — косо усмехнулся алхимик. — Завтра вечером не занята? Может, сходим куда-нибудь?

— Может.

Домой Оливер вернулся поздно вечером, с раскалывающейся головой и тошнотой после сложной телепортации.

Сварил кофе, перелил в чашку и пошел с ней в кабинет. Там достал фотографию, которую сунул в карман, когда милорд Юлиус отвернулся, — небольшой, на ладони уместающийся портретный снимок. Всмотривался в него долго, затем отыскал в столе несколько листочков полупрозрачной кальки.

Рисовать он не умел, но не так уж трудно, приложив фото к абажуру лампы, обвести портрет по контурам. Тонкий абрис лица, губы, нос, бесцветные волосы. Рисунок получился кривоватый, но благодаря отсутствию красок имел больше сходства с живой Нелл, чем фотография. Оливер обмакнул тонкое перо в чашку с кофе и посадил две маленькие желтые кляксы на нарисованные глаза, навел зрачки, и сходство с оригиналом усилилось.

Рисунок и фото он, устав разглядывать, убрал в стол.

Что делать с оригиналом, так и не решил.

ГЛАВА 9

Ночью он спал от силы часа два, остальное время лежал в темноте и думал. Информации не хватало, но одно он понял: Хеймрик солгал. Может, и не во всем, но в одном — точно. Сказал, что она умерла, что видел тело, присутствовал на кремации.

— Вы же понимаете, Оливер, если нечто просочилось из нижнего мира и вселилось в тела, очищение огнем — единственный способ уничтожить это.

Надежный способ избежать эксгумации и проведения повторной экспертизы.

Кремировали всех погибших, но сколько их было на самом деле?

Кто кроме Хелены пережил «очищение огнем»? Или она одна такая? Преступница, которую милорд Юлиус, по его словам, не стал бы прикрывать, если бы она выжила, и которая никак не могла умереть, сгореть и воскреснуть без посторонней помощи — что более вероятно, именно помощи Хеймрика.

Но было еще заключение экспертов. Целители, университетский и тот, кто прибыл с министерской комиссией, поставили один диагноз: крайняя степень магического истощения, не подлежащие восстановлению разрывы ауры, необратимое нарушение витальных функций организма — смертельный приговор, на исполнение которого доктора отводили от нескольких часов до двух-трех месяцев. Если университетского целителя еще можно заподозрить в сговоре с ректором, то эксперта министерской комиссии — вряд ли.

Как и лорда Аштона. Он засвидетельствовал показания Хелены и выводы медиков, а значит, не сомневался в правдивости ни того ни другого.

Арчибальд Аштон, сам будучи выпускником академии, состоял в попечительском совете. А еще — мир тесен — лорд Арчибальд приходился отцом Элизабет Грин, так что Оливер знал нынешнего вице-канцлера не только как сильного мага и жесткого, но принципиального политика, но и просто как человека, и уважал его во всех качествах.

Мог ли лорд Аштон пойти на обман? Мог. Но для этого нужны основания более веские, чем личная инициатива Юлиуса Хеймрика. Поэтому новый рабочий день Оливер начал с телефонного звонка в столицу.

Он не надеялся, что вице-канцлер раскроет ему все секреты, но если в

глисетской истории есть нечто, во что ему не стоит совать нос, лорд Арчибальд даст это понять.

Обмен любезностями не затянулся, все же оба они — люди занятые, и Оливер тут же заговорит о деле:

— Не хотелось бы злоупотреблять вашим расположением, но мне нужна помощь. Помните инцидент, произошедший одиннадцать лет назад в университете Гликета? Я встречался вчера с ректором Хеймриком и выяснил, что официальная версия... не совсем соответствует действительности...

— Раз уж начали, называйте вещи своими именами. — Оливер ясно представил себе, как вице-канцлер недовольно скривился. — Официальная версия совсем не соответствует действительности. Странно, что Хеймрик с вами разоткровенничался, но, думаю, у него были причины. О чем вы хотели попросить меня? Надеюсь, не о том, чтобы предать то дело огласке? Решение принималось на высшем уровне, мы не могли позволить дискредитировать магов в глазах общественности и не видели смысла устраивать фарс в виде показательного суда над покойниками.

— Над покойницей, — поправил Оливер. — Как я понял, там была одна виновница, и она во всем созналась. Хелена Вандер-Рут — кажется, так ее звали.

— Именно так, — мрачно подтвердил лорд Арчибальд.

— И если бы она выжила...

— Отправилась бы под суд. — Лорда Ашгона начинали нервировать непонятные полунамеки. — Хелена Вандер-Рут была совершеннолетней и имела ограниченную лицензию демонолога. Она понимала, что делает, знала, что не имеет на это права, и хорошо представляла себе возможные риски. Поэтому — да, если бы выжила, ответила бы за последствия своей самонадеянности по всей строгости закона.

— И дело не удалось бы замять, — пробормотал Оливер.

— Намекаете, что ее намеренно не пытались спасти? — Тон вице-канцлера стал не просто холодным — ледяным. — Ошибаетесь. Целители сделали все возможное. Но шансов не было. С комиссией тогда работал профессор Сондерс — если вам это имя неизвестно, поинтересуйтесь у Эдварда, стал бы он сомневаться в компетентности профессора.

О Сондерсе Оливер слышал. И именно от Эдварда Грина: тот считал его одним из лучших целителей современности и гордился тем, что был лично знаком с ним. Был — потому что в прошлом году профессор Сондерс скончался. Эдвард ездил на похороны и открытие мемориала.

Значит, встретиться с ним и разузнать подробности глисетского дела

не получится. Но причин сомневаться в подписанных им заключениях тоже нет. Как и в словах лорда Аштона.

Но ведь она жива. Жива!

Оливер стиснул зубы, чтобы не проорать это в трубку.

— Вы так и не сказали, о чем собирались попросить, — напомнил лорд Арчибальд.

— В принципе... уже ни о чем. Простите, что побеспокоил.

— И испортили мне настроение перед важным совещанием, — вздохнул вице-канцлер. — Знаете, Оливер, я многое повидал в жизни, случались совсем уж жуткие вещи, но не оседали в памяти. А дело Хелены Ваидер-Рут я так и не смог забыть.

— Почему?

— Я видел ее. Ее поместили в карантин, и я знал, что она умирает, когда шел в госпиталь. Но я шел к преступнице и считал, что она получила по заслугам. А увидел умирающего ребенка. И это было жутко... Вряд ли вы поймете, у вас ведь нет детей, а я тогда мог думать только о том, что дома меня ждет дочь, которая лишь немногим младше этой девочки. А когда через несколько лет Элси выбрала факультет боевой магии, я был не в восторге, но не спорил. Просто подумал: хвала богам, не демонология. — Лорд Аштон замолчал. Потом, словно вырвавшись из омута воспоминаний, продолжил уже другим тоном: — Простите, накатывает иногда. Но дело и правда было неприятное. Я уехал в тот же день и возвращаться не планировал. Ночью Хелена умерла. Сондерс провел вскрытие, передал протоколы. В связи со смертью главной виновницы было принято решение не разглашать подробности. Университет даже выплатил страховку родственникам мисс Вандер-Рут наравне с семьями пострадавших. На этом, собственно, история закончилась. Не знаю, с чего вдруг вы заинтересовались ею, но искренне надеюсь, что вопросов у вас больше не осталось.

Вопросов у него только прибавилось, и ответить на них могла лишь сама Хелена. Но как ее спросишь?

— Нам нужно поговорить, мисс Мэйнард, — сцепив пальцы в замок, проговорил Оливер так, словно она стояла сейчас перед ним. — Точнее, мисс Вандер-Рут. Да, мне все известно.

Чушь какая!

— Ничего мне не известно. — Он растер виски, прогоняя обосновавшуюся в них боль. — А ты не расскажешь.

Расскажет. Если привлечь Крейга и его менталистов — расскажет. Если прижать Алана и Сюзанну, заставив опознать в ней Хелену Вандер-

Рут.

Раньше он, если бы узнал, что у него учится под чужим именем девица, вызвавшая демона-убийцу, так и поступил бы. Скандал раздуть не стал бы, но тому же лорду Ашгону сообщил бы, а девицу при любом исходе выставил бы из академии...

Еще неделю назад он так и сделал бы. Ровно неделю.

Сейчас — нет.

Сам разберется.

В чудесное воскрешение Оливер не верил. Чудесное исцеление — другое дело. Если только она и правда была так плоха: того, что тяжелое состояние Хелены было инсценировано специально для комиссии, он тоже не исключал.

Но зачем? Чтобы избежать огласки и скандала вокруг университета? Вот виновница, но она умирает, давайте похороним эту историю вместе с ней?

При таком раскладе Хеймрику было бы спокойнее, если бы она действительно умерла. Но лично способствовать этому он вряд ли решился бы. Не каждый способен на убийство, что бы ни стояло на кону.

Или целью было защитить саму Хелену?

После всего, что Хеймрик сказал о ней, в добрых чувствах к бывшей подопечной глissetца не заподозришь, но факты говорят, что без его участия исчезнуть из университета девушка не могла. А еще кто-то, кто сделал ей документы на новое имя — паспорт и свидетельство об окончании младшей школы.

В школу можно отправить запрос. Или даже съездить туда. Согласно выписке из личного дела Элеонор Мэйнард, свидетельство она получила пять лет назад в Роймхилле. Далековато, но порталные станции работают — почему бы и нет? И когда он все выяснит...

А что, собственно, он сделает? Скажет свое напыщенное «Мне все известно»? Пригрозит ей разоблачением?

«Мне все известно, поэтому не смей отворачиваться, когда я на тебя смотрю»?

«Я исключу тебя из академии, если не прекратишь делать вид, что не помнишь о той ночи»?

Да уж, замечательное решение.

Оливер посмотрел на разбросанные по столу бумаги. О работе нужно думать. О работе. По крайней мере, следующие три часа. Затем ему предстояло проводить занятия со своей группой, и там уже — как получится.

За месяц студенты прошли вводный курс, и сегодня милорд Райхон планировал устроить контрольный опрос по основным понятиям. Было начитано достаточно лекций, и времени на самостоятельную подготовку хватало, чтобы будущие специалисты хотя бы в формулировках отличали родовые проклятия от кровных, а взаимные от перекрестных, не заглядывая в конспекты.

— Убрать все со столов, — скомандовал Оливер, зайдя в аудиторию, и лишь затем спохватился, что забыл поздороваться. — Добрый день.

Студенты посмотрели на хмурого куратора и в правдивости последней его фразы усомнились. Но вынужденно согласились, что день добрый.

Оливер мысленно отругал себя за несдержанность.

— Мисс Мэйнард, — уже спокойно и благожелательно обратился он к старосте, — кто сегодня отсутствует?

Вышло еще хуже: будто он рычит на всю группу и только с ней одной приветлив. Еще заметит кто-нибудь...

— Отсутствующих нет, — буднично отчиталась Элеонор.

Нелл.

Хелена Вандер-Рут мертва. Элеонор Мэйнард — имя для документов.

Значит — Нелл.

Он снова задумался не о том и не сразу понял, отчего студенты глядят на него так странно.

— Нет отсутствующих? — переспросил, когда после ответа старосты прошло не меньше минуты. — Прекрасно. Тогда приступим.

Ответы студентов не радовали. На память никто из группы не жаловался, и зазубренные определения выдавались на одном дыхании, но когда он просил объяснить что-либо своими словами, молодые люди все, как один, умолкали, находя вдруг что-то интересное кто за окном, кто на потолке, а кто — под собственными ногтями.

— Так кто же мне объяснит, почему родительские проклятия считаются наиболее сильными? — не сдавался Оливер. Придется постараться, чтобы эти юноши и девушки поняли, что главное, чему им нужно научиться, — это думать, самостоятельно делать выводы и принимать решения, а не пользоваться чужими заготовками.

— Простите, милорд, — прозвучало робко. — Мы еще не разбирали эту тему.

— Зато разбирали другие темы, которые должны помочь вам понять эту. И я не теряю надежды, что кому-то это удалось. Ну? Мисс Осгуд? Нет? Мистер Эскин? Неужели никаких мыслей?

Заметил горящие недовольством желтые глаза и отвернулся: «Нет, тебя я не спрошу. С вашей-то квалификацией, мисс Вандер-Рут, стыдно кичиться знаниями перед первогодками».

Странно, что он не подумал об этом, когда увидел, как она развеяла призрачных псов. Подцепить и разорвать чужое плетение сложнее, чем создать собственное, в младшей школе такого не преподают, а «один знакомый маг», который, по ее словам, рассказал, как нейтрализовать фобосов, должен был перед этим потратить пару лет, чтобы научить ее работать с энергетическими потоками.

— Мистер Бертон?

Реймонд утер нос и запихнул скомканный платок в карман.

— Ну, родительское проклятие — оно сильнее, потому что... как бы это... Оно сочетает в себе элементы других проклятий... Да?

— Да, — ободряюще кивнул ректор. — Скажете, каких именно?

— Ну это... Кровное проклятие, да? Кровь-то одна. Родственное. Родовое тоже... Нет?

— Нет. Вернее, не всегда. Родительское проклятие может быть как персональным, то есть направленным на одного человека, так и родовым, если родители проклинают вместе со своим ребенком и его потомство. Но тут проклинающего может ждать неприятный сюрприз. Какой? Мистер Вестлей?

— Родовое проклятие без определенных ограничителей действует на весь род, а не только на потомство конкретного лица, — бодро выдал обрадованный собственной сообразительностью студент. — Получается, проклиная род своего ребенка, родители проклинают и самих себя.

— Получается, — согласился Оливер. — До конца семестра разберем несколько примеров, чтобы вам было понятнее. А пока, закрывая тему: чье проклятие, по вашему мнению, обладает более сильным действием, материнское или отцовское?

— Отцовское, — убежденно ответила смуглая брюнетка с первого ряда.

— Почему вы так думаете, мисс Поуп?

— Потому что мать... она же мать. Она не может так сильно ненавидеть своего ребенка, которого сама выносила, родила...

Оливер покачал головой: этим детям придется серьезно пересмотреть свои представления о мире, магии и в первую очередь о людях.

— Самое сильное проклятие, мисс Поуп, материнское. Именно потому, что мать выносила и родила и навсегда осталась связана со своим чадом невидимой пуповиной. Пущенное по этой пуповине проклятие

неизменно достигнет цели. А ненависть... Не встречал научных обоснований этому, но отчего-то особенно сильно ненавидят тех, кого должны были бы любить, или тех, кого любили когда-то. И тут мы переходим к теме любовных проклятий. Кто даст формулировку?

К концу опроса студенты расшевелились, и Оливер в целом остался удовлетворен.

— Неплохо поработали, — проговорил он, когда вопросы закончились. — Думаю, все поняли, чего я жду от вас на зачете.

И сжал за спиной кулак. Графики! Должен был сдать их позавчера. Вильямс, старая ехидна, до конца жизни ему этого не забудет.

— Все свободны, увидимся на будущей неделе. — В пятницу он специально поставил свои часы последними, чтобы иметь возможность в случае необходимости задержать группу после занятий. Сегодня вся группа ему не нужна. — Мисс Мэйнард, останьтесь, пожалуйста. Уже есть графики зачетов по другим дисциплинам?

Она кивнула.

— Я еще не выбрал время зачета по базовому предмету, — разъяснил Оливер. — Давайте посмотрим, какие дни у группы свободны и как это сочетается с моим расписанием.

Он мог бы взять графики на кафедре, но не хотел попадаться на глаза декану. И думал исключительно о зачете, ничего другого и в мыслях не было. Почти.

«Переведусь», — мысленно простонала Нелл.

В последние дни она привыкла реагировать этим обещанием на каждое воспоминание об Оливере Райхоне, а поскольку вспоминался тот нередко, мысли порой звучали непрерывными рассуждениями о переводе. Правильные мысли. Учиться он ей все равно не даст: вон за минувшие полтора часа даже не спросил ни разу, вспомнил только, когда речь зашла о графиках.

Нелл достала из сумки папку, в которую собирала все, что касалось организационной работы, и пошла к столу куратора. Спину тянуло после вчерашней прогулки, и ноги побаливали несмотря на то, что растерла их на ночь мазью со змеиным ядом еще из запасов Оуэна. Не мешало бы размять мышцы, чтобы избавиться от ломоты, и Нелл решила, что в общежитие пойдет окружным путем. Покурит по дороге. Успокоится.

Что успокаиваться понадобится, сомнений не было. Ее уже трясло, и по мере того, как она приближалась к мужчине, волнение усиливалось.

— Вы хорошо себя чувствуете, мисс Мэйнард?

— Вполне.

Она осторожно положила перед ним папку. Очень осторожно, до последнего не разжимая пальцев. И руку отвела медленно-медленно. Потому что, если бы не сдержалась, швырнула бы ему эту папку в лицо. Зачем? Да просто так. Может быть, хоть тогда посмотрел бы на нее, а не сквозь.

Хотя нет, не нужно. Пусть не смотрит.

— Это, кажется, не расписание. — Ректор озадаченно ткнул пальцем в лежащий сверху список.

— Нет, это перечень факультативов. Зачеты... Я сейчас найду...

Потянулась к бумагам и застыла на целый миг, случайно коснувшись его пальцев. Зажмурилась, представляя, как эти пальцы сожмут сейчас ее ладонь, и... испуганно отшатнулась, когда ее желание вдруг исполнилось.

— Опять? — прошептала, чувствуя, как жар заливает лицо. — Простите, я не...

Увидела его глаза и осеклась.

Не она. Не ее желание. Его.

А она невольно вырвавшимся извинением выдала себя с головой.

«Переведусь», — подумала со странным облегчением. Словно разрешала себе и ему то, что произойдет дальше. Ведь если переведется — какая разница?

Оливер ее разрешения не дожидался. Нелл еще боролась с остатками сомнений, вертелись в затуманенном мозгу мысли о переводе, о графиках, которые нужно было сразу дать ему, и тогда обошлось бы, быть может, а ее уже обнимали, нежно, но крепко, не оставляя шансов на побег. Когда воздух кончился раньше поцелуя, стало окончательно ясно, что не обошлось бы. Не сегодня, так завтра все это случилось бы, и, наверное, именно так: началось бы нечаянным прикосновением и закончилось открывшимся в уже знакомую спальню порталом.

Вернее, не закончилось, а...

— Как в прошлый раз не будет, — зачем-то предупредила Нелл.

Не будет обмена эмоциями, этого, как он сказал, резонанса, многократно усиливающего и без того яркие ощущения...

— И пусть не будет, — согласился Оливер.

На этом слова у обоих закончились.

И пусть.

Пусть бы все было не так, как в прошлый раз.

Пусть было бы... обычно, обыденно... Чтобы отпустило. Отрезвило.

Чтобы он понял, что она ничем не лучше других женщин — тех, которые когда-то занимали на какое-то время место в его мыслях и в постели, а после исчезали легко и безболезненно.

Пусть — он только рад был бы. Избавился бы от этого наваждения, перестал бы отвлекаться на глупости, занялся бы работой.

Затея провалилась.

С треском.

Со стуком захлопывающейся двери, скрипом кровати и шорохом накрахмаленных простыней.

С тихими стонами, взлетающими к потолку.

Да, все было не так, как в прошлый раз. Обошлось без царапин и оторванных пуговиц.

Совсем не так.

И в то же время именно так, как должно быть...

ГЛАВА 10

Вот и размяла мышцы.

Нелл тихонько фыркнула, уткнувшись лицом в подушку. Тело еще ныло, но сейчас это была приятная ленивая ломота, как после парной, и так хорошо было растянуться на животе, закрыть глаза и хотя бы ненадолго позволить себе забыть обо всем, сосредоточив мысли и чувства на глядящей ее спину руке. Жмуриться сладко, когда теплая ладонь скользила по изгибу поясницы и ниже, медленно описывала круг, затем второй и так же медленно поднималась вдоль позвоночника вверх. Не сдерживать разнеженного стога, когда чуткие, но сильные пальцы забирались под укрывающие плечи волосы, сжимали несильно шею, массировали и снова устремлялись вниз, по пути пересчитывая выпирающие позвонки.

Хорошо.

Но все хорошее однажды заканчивается. Гуляющие по ее спине пальцы соскользнули влево, взяли несколько аккордов на клавишах-ребрах и задержались на выпуклом шестиугольнике под лопаткой. Оливер, судя по скрипу кровати, приподнялся на локте, чтобы рассмотреть заинтересовавший его рисунок. Обвел по контуру серебристую печать с заключенной внутри руной, похожей на цветок — три растопыренных лепестка на короткой ножке.

— Татуировка, — ответила Нелл раньше, чем он спросил. — Просто для красоты.

— Там, где ее никто не увидит?

— Ты же увидел. — Она передернула вдруг озябшими плечами.

Села на кровати спиной к нему, потянулась, позволив рассмотреть рисунок в другом ракурсе, и встала. Татуировка спряталась под переброшенными на спину волосами.

— Я воспользуюсь ванной?

— Да, конечно. Я принесу полотенца.

Принес. И краны открутил, предварительно заткнув пробкой днище большой медной ванны. Нелл хотела только ополоснуться, но, если хозяин позволяет, глупо не воспользоваться шикарной, до блеска начищенной ванной и содержимым расставленных на полочке баночек и бутылочек: это не в общей купальне мыться едва теплой водой и дешевым мылом. И повод есть хотя бы ненадолго отложить разговор.

Она побаловалась немного с температурным артефактом,

регулирующим степень нагрева воды. Почитала надписи на этикетках шампуней, понюхала каждый. Вылила в воду половину содержимого розовой бутылочки, взбив густую пену с ароматом пиона. Поняла, что увлеклась, спустила воду и набрала чистую.

Выбравшись из ванны, завернулась в мягкое полотенце. Полюбовалась на себя в большое зеркало. Высушила волосы. Способности пиротикагодились, не только чтобы прикуривать от горящих пальцев, те же пальцы, сдерживая жар, можно использовать вместо завивочных щипцов. Не очень удобно и отнимает силы, но Нелл все-таки сотворила себе легкомысленные завитушки у висков. Правда, уже через минуту распрямила.

По ее подсчетам, прошло не меньше часа, и милорд Райхон должен был уже что-то решить и отрепетировать речь, которую Нелл собиралась внимательно выслушать, прежде чем говорить что-либо от себя.

Но ожидания не оправдались. Оливер сидел на кровати в одних только льняных подштанниках и перебирал какие-то бумаги. Его влажные, аккуратно зачесанные назад волосы наводили на мысль о наличии в доме как минимум еще одной ванной, а преувеличенно сосредоточенное лицо свидетельствовало о том, что ничего он так и не решил. Это усложняло ситуацию. Как и вид милорда ректора — глядя на Оливера отпадало всякое желание что-либо обсуждать, а хотелось сбросить полотенце и забраться к нему на кровать...

Прежде Нелл за собой таких внезапных порывов не замечала, и это тоже тревожило. Она подумала, что стоит одеться, прежде чем начинать разговор. Прощмыгнула к креслу, на котором бросила свои вещи, чтобы сгрести их в охапку и вернуться в ванную, но не успела.

— Не торопись. — Оливер подошел, протягивая что-то голубое и шелковое. — После купания в этом будет удобнее.

Пеньюар. Вряд ли хозяин носит его лично.

— До тебя его никто не надевал, — сказал он, заметив ее усмешку. — Покупал в подарок, но... не пригодилось.

Он вернулся на кровать и снова взялся за бумаги. Нелл увидела поверх выброшенного на постель покрывала свою папку, потом, оглядев комнату, заметила и сумочку на комод. Получается, он возвращался в учебный корпус? Мокрый и в кальсонах? И что, серьезно занялся сейчас графиками зачетов?

Пеньюар еще: такое не покупают коллегам и женам друзей. Слишком интимный подарок. И в то же время довольно целомудренный. Шелк непрозрачный, фасон скромный. Домашний. Наверное, предполагалась, что женщина, которой предназначался презент, будет надевать его

вечерами, когда спать еще рано, а корсет и платье за день утомили, или выходить в нем к завтраку.

— Я заказал обед, — будто в ответ на мысли о еде сказал Оливер.

— Зачем? — тихо спросила Нелл.

До нее только сейчас начала доходить неправильность всего происходящего. Причем обед и шелковый халатик, который она держала в руках и не решалась надеть, казались чем-то особенно неправильным. Потому что постель — это одно, а обеды и халаты — другое. Это... отношения, что ли? А Нелл никаких отношений не планировала. Тем более с собственным куратором.

— Затем, что я голоден, — пояснил он. — Ты, думаю, тоже.

— Я бы покурила, — вслух подумала Нелл.

— Пепельница на камине в гостиной. И окно открой, пожалуйста. Я пока закончу тут.

Сказано это было так, словно она уже давно должна была запомнить, где в этом доме можно курить.

Ощущение неправильности усиливалось, но как ей реагировать, Нелл не знала. Она быстро избавилась от полотенца, надела пеньюар, затянула пояс, схватила свою сумочку и отправилась искать гостиную с пепельницей.

Оливер прислушался к удаляющимся шагам, выждал еще немного, но никаких других звуков не услышал и недовольно покачал головой: просил же открыть окно! Теперь комнаты провоняют дымом.

Сказал бы ему кто-нибудь еще на прошлой неделе, что он свяжется с курящей женщиной... С курящей женщиной, у которой в прошлом демоны и кремация, а в настоящем — чужое имя и фальшивые документы. И странная татуировка под левой лопаткой. Похожа на артефакторную, хотя магии не чувствуется. Возможно, она не связана с призывами демонов, смертями и воскрешениями, но Оливер решил проверить, как и остальные свои догадки.

Четкого плана у него не было — только понимание, что сама Нелл ему ничего не расскажет. Мысленно он несколько раз начинал разговор с ней и неизменно заходил в тупик. Так и виделось, как она приподнимает в недоумении брови и пожимает плечами. Что? Кто? Нет, не знает и впервые слышит. Он так шутит или просто идиот? А потом уходит. Исчезает, как исчезла одиннадцать лет назад из университетского госпиталя. Задержать ее получится только в прямом смысле: задержать, сообщить в полицию или лорду Аштону, начать полноценное расследование.

От размышлений отвлекло смутное беспокойство. Оливер не сразу понял, чем оно вызвано, а поняв, вскочил с кровати. Дым! Если она не открыла окно, он уже должен был почувствовать запах.

Осознание того, что умная, вменяемая женщина — а Нелл была именно такой — не вышла бы из дома в надетом на голое тело пеньюаре, заставило сбавить шаг, и в гостиную он не вбежал, а вошел почти спокойно. Увидел пустые кресла и снова запаниковал. На счастье, ничем волнения не выдал, потому что Нелл все-таки была в комнате: сидела на полу, отодвинув закрывавшую камин решетку, и курила, выдыхая дым в топку.

— Я открыла заслонку. Подумала, что это лучше, чем окно. Тяга хорошая, все выдувает в трубу.

Действительно, умная женщина.

Только на голом полу сидеть не стоит.

Оливер взял с дивана подушки, одну подтолкнул к Нелл, а на вторую уселся сам.

— Никогда не пробовал курить, — сказал, приняв себя. Дым ментоловых сигарет, когда он не висел в воздухе туманом, пах не так уж плохо.

— Тебе не понравится.

— Почему ты так думаешь? Тебе же нравится.

Нелл быстро взглянула на него. Промелькнуло что-то в глазах. Улыбка? Грусть? Грустная улыбка?

— Я... — Она осеклась на полуслове. Затянулась глубоко и так и не сказала того, что собиралась.

Докурила, затушила сигарету, вытряхнула из мундштука и поднялась. Поправила халатик, легким неосознанным движением огладила ладонями талию и бедра, а заметив, что на нее смотрят, недовольно поморщилась.

— Все же оденусь. Неловко чувствую себя в чужих вещах.

— Он твой. — Оливер продолжал глядеть на нее снизу вверх. — Если захочешь.

Нелл отрицательно качнула головой:

— Слишком дорогой подарок. Даже на вид дорогой, не для стипендиатки из третьего общежития. У моих соседок возникнет немало вопросов, если увидят меня в таком.

— Он не для общежития, — согласился Оливер, поднявшись с пола. — Для этого дома. Можешь оставить его здесь и надевать, когда...

— Когда? — уточнила она нервно, не выдержав короткой заминки.

— Когда захочешь, — закончил он.

Думала Нелл недолго. Глупо после всего изображать невинную девицу, а предложенное Оливером решение было не лишено смысла. Подобное излечивается подобным, и, если другие средства бессильны, им остается только переболеть друг другом.

— Как ты себе это представляешь? — спросила она, не найдя иной альтернативы.

— Не без сложностей, — признался он. — Но я это представляю, в отличие от того, чтобы отпустить тебя сейчас и снова делать вид, что между нами ничего нет.

— Я имела в виду, как ты представляешь мои приходы в твой дом.

— Ты... не отказываешься?

— Ты ждал отказа? — Нелл прошла к креслу, на которое бросила сумочку, достала сигарету и вернулась к камину. — Следовало потянуть время ради приличия? Или устроить сцену на тему «я не такая»?

Зажала мундштук зубами и несколько секунд безрезультатно терла палец о палец. Огонь не загорался. Казалось, все силы ушли на поддержание внешнего спокойствия, и ничего не осталось, чтобы выбить хотя бы слабую искорку.

— Ты не такая. — Оливер опустился на пол позади нее, снизу вверх провел ладонями по спине, погладил напряженные плечи, заставляя расслабиться, и Нелл наконец удалось прикурить. — Просто ситуация сложилась странная. Но ведь сложилась?

— Не нужно, — попросила она, поевившись.

— Тебе неприятно? — Он убрал руки.

— Не нужно все усложнять. Мы оба знаем причину этого сумасшествия. Ты же читал о резонансе. Слишком сильные эмоции, вследствие чего у нас сформировались стойкие навязчивые ассоциации...

— И это я все усложняю? — Его пальцы продолжили мять ее плечи, массировали шею, чертили дорожки между лопатками. Он успел заметить, как ей это нравится, и теперь беззастенчиво пользовался ее маленькой слабостью, а она невольно выгибала спину, подстраиваясь под его движения истосковавшейся по ласке кошкой. — Мне с тобой хорошо, и я не хочу искать этому объяснений.

— Глупо, — пробормотала Нелл, томно потягиваясь. Голова запрокинулась назад, рука с дымящейся сигаретой замерла над пепельницей.

— Значит, я глуп, — согласился Оливер. — Выжил из ума к старости.

Она тихонько фыркнула:

— Старик, угу.

— Разве нет? Знаешь, сколько мне лет?

— Конечно. — Она вспомнила Дарлу. — Первое, что узнает любая поступающая в академию девица, — твой точный возраст. Еще ни одна не сказала, что ты для нее стар.

— Смеешься?

— Улыбаюсь, — призналась Нелл.

— Хотел бы я это видеть, — проговорил Оливер, тем не менее не пытаясь развернуть ее или заглянуть в лицо. Его пальцы соскользнули по шелковому рукаву пеньюара, отобрали мундштук с истлевшей сигаретой и сжались на запястье. — Ты спросила, как сможешь приходить сюда. Я дам тебе ключ... Позволишь?

Паутинка незнакомого плетения обвила руку. Заклинание морозными иголочками впилось в кожу, но неприятные ощущения тут же сменились теплом.

— Заклинание переноса? — уточнила Нелл.

— Да. Запускается замыканием внешнего контура, дополнительных вливаний энергии не требует. Якорь поставлю тут, в гостиной. Тебя перенесет сюда из любого места в академии сразу после активации заклинания. Защита дома пропустит. К слову, если решишь войти через дверь — тоже.

— Я не знаю, где ты живешь.

— В каком смысле?

— В прямом. Понятия не имею, где сейчас нахожусь. Я всего полтора месяца в академии, мало где бывала, кроме учебного корпуса, столовой и библиотеки.

— Хочешь, провожу тебя в общежитие пешком? — предложил Оливер. — Посмотришь на дом снаружи, запомнишь дорогу.

— Считаешь, это разумно?

— Почему нет? Вдруг пригодится?

— Ты понял, о чем я. Мы не можем разгуливать вдвоем по территории академии.

— Можем, — заявил он невозмутимо. — К тому же я не предлагаю идти прямо сейчас, подождем, пока стемнеет, если тебе так спокойнее.

— В темноте я не запомню дорогу.

Потом был обед.

Обитая деревом столовая, стол, слишком длинный, чтобы сидеть по разные его стороны, серебро, фарфор и хрусталь, форель в сливочном соусе и легкое белое вино...

— Я живу один. Постоянной прислуги в доме нет. По будням приходят две женщины, убирают в комнатах, забирают вещи в стирку, но они управляют до полудня. Можешь приходить сразу после занятий. Просто так. Тут ведь удобнее, чем в общежитии? Я обычно до пяти в ректорате, но могу и сбежать, как сегодня...

Нелл кивала и ковыряла рыбу салатной вилкой. Рыбная лежала рядом, но какая разница, когда мир вокруг сходит с ума?

— Ты не придешь, — понял Оливер.

— Приду. Если позовешь.

Мир мог катиться в бездну, но Нелл не желала участвовать в этом сумасшествии.

Да, жизнь редко балует приятностями вроде шикарной ванной, изысканного стола, мягкой постели и мужчины, с которым можно разделить эту постель к взаимному удовольствию, и нужно быть последней дурой, чтобы отказаться от такого. Но нужно быть еще большей дурой, чтобы верить в то, что это надолго. Иллюзии недолговечны, и даже самые качественные из них со временем распадаются.

Принимая решение, важно правильно расставить приоритеты. Оливер честно спросил себя, чего он хочет больше, эту женщину или узнать всю правду о ней, и так же честно ответил: все. Не сказать, что это помогло определиться с тем, как быть дальше, но отмело последние сомнения.

После обеда Нелл спросила, сможет ли она уходить из его дома так же, как приходить, с помощью телепортационного заклинания. Он ответил, что нет: нужны настройки для обозначения места выхода, и плетение получится слишком сложным и нестабильным, чтобы она могла его удержать. Она покивала с отстраненным видом и попросила провести ее куда-нибудь поближе к общежитию. Прямо сейчас, потому что прежде она после занятий не задерживалась, и соседка, должно быть, волнуется.

Уговаривать ее остаться до вечера Оливер не стал, но, одеваясь, прихватил с собой кулон-невидимку. Открыл портал в тот же парк, где простился с Нелл наутро после Осеннего бала. Поцеловал напряженно сомкнутые губы. Прошептал что-то ласковое, оставшееся без ответа, а возможно, даже не услышанное, и ушел, чтобы вернуться через несколько секунд невидимым. Побывать еще какое-то время рядом, убедиться, что она в порядке, проводить до общежития — то, чего она ему точно не позволила бы.

Первым делом Нелл конечно же закурила. Косилась на потемневшее от набежавших туч небо, сутулилась под порывами прохладного ветерка, но

в целом выглядела спокойной. Слишком спокойной. Оливер не знал, какой хотел бы увидеть ее сейчас, улыбающейся, грустящей, нервно обрывающей пожелтую листву с кустов или размазывающей по щекам слезы, но любое проявление эмоций было бы лучше этого напускного спокойствия, под которым она пряталась даже наедине с собой. Хотя то, что она выкурила одну за другой две сигареты, уже говорило о том, как она на самом деле взволнована, и если бы Оливер не понимал, что, обнаружив себя, сделает только хуже... Но он понимал. Дождался, когда она докурит, и молча пошел следом.

У общежития ждал первый сюрприз. Прежде он о таком не думал: в его группе были совсем еще мальчишки, старшему из которых едва исполнилось восемнадцать, и вряд ли Нелл заинтересовалась бы кем-нибудь из них. Но контингент студентов в академии не ограничивался его группой, и молодой человек, встречавший Нелл на крыльце общежития, был уже не сопливым первокурсником.

Смешно было бы видеть соперника в этом юнце, но само наличие одного покорило, и нагловатая ухмылка на смазливой физиономии, и букетик желтых роз, которые мальчишка наверняка нарвал в парке, и фиглярство, с каким он этот букетик вручил.

Оливер не рискнул подходить слишком близко, но все же разобрал, что парень куда-то зовет Нелл.

Она отказалась. Сослалась на усталость и на то, что погода портится.

— Может, завтра? — нимало не расстроившись, спросил мальчишка.

— Может быть.

«Не может», — тут же решил Оливер.

Когда Нелл скрылась за дверями общежития, пошел за ее ухажером. Видимо, предчувствие что-то подсказало. И не обмануло.

— Молодой человек, — властно окликнули свернувшего в парковую аллею студента. — Подойдите.

Парень обернулся на голос и неторопливо побрел к позвавшему его мужчине. Явление этого действующего лица Оливера не удивило: об Алане Россе он не забывал и не надеялся, что тот забудет о Нелл. Что еще его не удивило бы, так это если бы выяснилось, что за самим Аланом сейчас следит его жена.

Впрочем, сцена и без Сюзанны получалась прямо-таки опереточная: бывший жених девушки, ее нынешний поклонник и ее же тайный любовник, подслушивающий из кулис. Было бы забавно, если бы не множество «но».

— Имя и курс? — без предисловий потребовал Алан у студента.

— Тэйт Тиролл, прикладная алхимия, шестой год обучения, — бодро отрапортовал тот. И уточнил нагло: — А что?

— А то, что у нас запрещено рвать цветы на клумбах.

— Больше не буду, — пожал плечами мальчишка. Негодование профессора Росса его не пугало: был бы перед ним преподаватель с алхимического факультета, вел бы себя скромнее, а демонолог все равно что эльфийский посол — фигура вроде и значимая, но к мистеру Тироллу непосредственно отношения не имеющая.

— Рвали цветы для девушки?

— Угу.

— Для *своей* девушки? Давно встречаетесь?

Оливер укоризненно покачал головой: грубо, Алан, ох как грубо.

— При всем моем почтении... — Алхимик склонил коротко стриженную голову и тут же вскинул резко. — Не ваше дело. Я могу идти?

— Проваливай, — процедил демонолог. — И лучше на глаза мне больше не попадайся.

Уходя, Алан ни разу не обернулся и не видел, что студент еще долго смотрел ему вслед, и взгляд у него был странным, как у человека, вдруг что-то понявшего и сделавшего для себя какие-то выводы.

Оливер тоже кое-что для себя вывел, а именно: иллюзорный полог вещь удобная и при скрытой слежке незаменимая, но ощущения от этой скрытой слежки мерзкие — недаром работу сыщиков сравнивают с копанием в грязном белье. Решил, что будет пользоваться амулетом только в крайних случаях.

До официального завершения рабочего дня оставался почти час. Стоило вернуться в ректорат, узнать, не было ли каких-нибудь важных звонков или писем, а после можно было заглянуть в архив.

Секретарем при ректоре второй год служил Роберт Флин, приятный молодой человек, вежливый, исполнительный, разбирающийся в документообороте и владеющий основами ментального воздействия, благодаря чему в приемной даже при огромном наплыве посетителей сохранялась доброжелательная атмосфера. Из недостатков Оливер отмечал в нем некоторую нерасторопность, неуверенность, когда требовалось принимать самостоятельные решения, и тот факт, что Роберт Флин не был Джереми Адамсом. Но работалось с ним терпимо: некоторых его предшественников хотелось уволить уже в первый день.

— Милорд Райхон! — обрадовался появлению ректора секретарь. — Как хорошо, что вы нашлись.

— Я и не терялся, — сообщил ему Оливер. — Был дома.

— Дома? — удивился Флин, словно мысль о том, что у главы академии имеется не только рабочий кабинет, но и дом, до сей минуты в голову ему не приходила.

— Обедал, — еще сильнее озадачил его ректор. — А выражение «свободный график», полагаю, подразумевает не только то, что я буду сидеть в ректорате допоздна, но и то, что при необходимости могу отлучиться. Разве нет?

Сказал и сам поразился непривычному для себя легкомысленному тону. Но, может быть, так и надо?

Секретарь, судя по осуждению во взгляде, с ним не согласился и зачитал список желавших пообщаться с милордом Райхоном во время его отсутствия. Список оказался внушительным, но глубокого раскаяния, узнав, скольких людей он лишил счастья себя лицезреть, Оливер не испытал: подождут до понедельника.

— Если нет ничего срочного, наведаюсь в архив.

Флин хотел возразить, видимо, считал, что нечто срочное все-таки было, но промолчал. Все же решительности ему не доставало.

Мисс Надин Хоуп, заведовавшая центральным архивом, была, напротив, дамой весьма решительной. Несколько лет назад она, как подозревал Оливер, решила определить границы его терпения и с тех пор неуклонно следовала плану.

Едва ректор переступил порог хранилища, как под ноги, сверкая клыками и зелеными глазищами, бросился огромный черный кот. Казалось, собирался обляять, но вспомнил, что это не совсем по его части, и ограничился обнюхиванием. Второй котяра, рыжий и мордатый, наблюдал за действиями собрата со шкафа. Свисающий пушистый хвост раскачивался подобно маятнику.

— Мисс Хоуп, — позвал маг владелицу наглой живности, которую (живность, а не владелицу) отчаянно хотелось пнуть.

— Да-да, уже иду, — отозвались из соседней комнаты звучным меццо-сопрано. — Одну минуточку.

Но прежде появился еще один кот, полосато-серый, такой же бесстыжий и откормленный, как и первые два. Поглядел на посетителя, сделал вид, что не заинтересовался, и с удивительной для его комплекции грацией запрыгнул на подоконник.

«Все в сборе», — подумал Оливер и ошибся: следом за серым вылетело нечто мелкое и дымчатое, добежало до противоположной стены и юркнуло под шкаф.

— Мисс Хоуп! — поторопил ректор.

— Да-да. — В соединяющих смежные помещения дверях показалась миловидная женщина лет сорока, одетая в строгое синее платье с высоким воротничком. Поправила на любопытно вздернутом носике очки в тонкой металлической оправе и деловито поинтересовалась: — Чем могу служить, милорд?

— Во-первых, Надин, — строго начал Оливер, но вспомнил о приличиях и закончил чуть мягче, — добрый день.

— Добрый, — благосклонно улыбнулась дама, скрестив под грудью пухлые ухоженные руки.

— Во-вторых, напомним наш недавний разговор. Я просил вас в будущем избавить архив от присутствия животных, а вместо того я вижу у вас нового питомца.

— Ну в будущем, — пожала плечами мисс Хоуп. — В будущем, уверяю вас, милорд, ни одного из них тут не останется. В будущем и меня здесь не будет. А в настоящем не вышвырнете же вы нас на улицу?

— Вас — нет, — заверил ректор. — Их — да. Любите котов — прошу, держите их дома.

— У меня дома им будет скучно, — посетовала хранительница, — я там почти не бываю. Тут ко мне хотя бы изредка кто-нибудь заглядывает, а дома... Что делать дома одинокой старухе?

«Котов развлекать!» — чуть было не ляпнул Оливер.

— Какая же вы старуха? — сказал он вместо этого. — Вы — молодая интересная женщина, и я не сомневаюсь...

— Милорд Райхон! — оборвала его котовладелица, прижав ладони к порозовевшим щекам. — Вы со мной флиртуете?

— Я? — Ректор невольно отступил на шаг и чуть не наступил на отирающегося у ног черного. — И в мыслях не было.

— Что? — еще больше возмутилась дама.

— Мисс Хоуп, мне срочно нужна информация о младшей школе Роймхилла, — выпалил Оливер на одном дыхании. — Не работает ли там кто-нибудь из выпускников или бывших сотрудников академии?

Надин нахмурилась, коты, судя по виду, задумали какую-то пакость, а вот госпожа удача Оливеру внезапно улыбнулась, в очередной раз заставив подивиться тому, как тесен мир.

— Школой в Роймхилле сейчас руководит мистер Абнер, — сообщила мисс Хоуп, найдя в шкафу соответствующую панку. — Как раз наш выпускник.

— Brent Абнер? — не скрывая радости, уточнил Оливер. — Давно он занимает этот пост?

— Последние восемь лет.

Значит, пять лет назад, когда Нелл получала свидетельство об окончании школы, Абнер уже был ее директором. Возможно, он запомнил девушку с такой неординарной внешностью и сможет что-нибудь рассказать. Например, каким образом мисс Мэйнард удалось окончить школу, в которой она не училась.

С возрастом маги меняются не так быстро и заметно, как те, кто не наделен даром. Во многом это зависит от специализации. Некроманты и целители, в процессе работы отдающие собственную жизненную энергию, лет до сорока старились наравне с обычными людьми, но когда в достаточной мере овладевали способностями, научившись контролировать отдачу, этот процесс существенно замедлялся. Маги, работающие исключительно с энергией потоков, могли и в пятьдесят лет выглядеть на двадцать. Что до Нелл, то будучи неслабой носительницей темного дара, сейчас она выглядела не старше заявленного в документах возраста. Пять лет назад, возможно, казалась еще моложе. Но вряд ли восемь-девять лет назад, когда она должна была поступить в младшую школу, кто-нибудь мог принять ее за ребенка.

— Спасибо, мисс Хоуп, вы мне очень помогли.

«А с тобой мы позже разберемся, — пообещал Оливер сидящему на шкафу рыжему коту. — И с тобой, — одарил сердитым взглядом черного. — И с остальными тоже».

Вернувшись в приемную, он попросил секретаря отменить все запланированные на понедельник дела и встречи, включая обязательное еженедельное совещание, и отправился на порталную станцию, узнать, есть ли из академии прямой канал в Роймхилл или придется добираться в несколько этапов. На счастье, такой канал существовал. Правда, здравый смысл вопил, что телефоны в Роймхилле тоже существуют и с Брентом можно связаться посредством двух аппаратов и протянутых между городами медных проводов, но Оливер этим воплям не внял. А спустя минуту и о здравом смысле позабыл. Наткнулся в перечне каналов на знакомое название и подумал: «А почему бы и нет?» Впереди выходные, затем — разговор с Абнером, после которого, быть может, станет не до подобных безумств. Если уж придется сожалеть, то пусть хоть будет о чем.

Ночью, когда Дарла тихонько сопела в своей кровати, Нелл ворочалась с боку на бок, прокручивая в голове события минувшего дня. Думала, не поспешила ли она и не следовало ли все же попросить время для раздумий. О переводе тоже размышляла, как же без этого, когда думаешь об Оливере

Райхоне, но планировать уход из академии стало сложнее. Теперь ее желания будет недостаточно, потребуется еще и его согласие. Хорошо, если к тому времени он пресытится их связью, а если нет? Если захочет удержать ее? А если, исключительно теоретически, она сама захочет остаться?

Последнее предположение было настолько нелепым, что Нелл тут же успокоилась. Она давно уже не живет мечтами, остались только планы, выверенные, как схемы из учебника, и в ее планах нет места милорду Райхону. Так же как и у него не может быть далекоидущих планов на нее.

Чтобы полностью отвлечься от мыслей о нем, она взялась пересчитывать гипотетических овец и вычисляла, сколько шерсти с них наберется за год, сколько молока и сколько сыра можно будет сделать. А когда пришел долгожданный сон, ее из него бесцеремонно выдернули, как и из собственной постели.

— С ума сошел? — обескураженно прошептала она, очутившись на кровати в спальне, откуда ушла днем, рядом с мужчиной, о котором усиленно старалась не думать.

— Не спится, — пожаловался он. — Хочу обсудить с тобой одну идею.

— С ума сошел, — повторила Нелл, узнав, что это за идея.

— Сошел, — подтвердил Оливер. — Ты же понимаешь, я — человек занятой, на сумасшествие и то времени нет, так что я решил безумствовать сразу на всю катушку. Или у тебя есть планы на выходные?

Планов у Нелл не было, а мысль совместить по времени все возможные безумства подкупала своей рациональностью.

— Значит, договорились? — улыбнулся Оливер. — Теперь можно спать.

— А вернуть меня в общежитие?

— К утру верну. Не беспокойся, твоя соседка ничего не заметит.

Обещание он выполнил: проснулась Нелл в своей комнате. Она даже решила бы, что ночной разговор и все, что было после, ей приснились, но сон не объяснял, каким образом у нее в волосах оказалась длинная черная лента.

— Дарла, забыла тебе сказать, я уезжаю на выходные. Получила письмо от подруги по младшей школе, приглашает навестить ее. Она удачно вышла замуж, так что прислала мне денег на порталый переход...

К сумасшествию Оливер подошел ответственно, продумав все нюансы. Оставалось в точности выполнить его указания.

ГЛАВА 11

Понедельник постучался в окно дождем.

Нелл с трудом оторвала голову от подушки, увидела стекающие по стеклу капли, серое небо и раскачивающиеся ветви, с которых ветер безжалостно срывал листву, и снова рухнула на кровать. Не то что на занятия идти, даже из-под одеяла выбираться не хотелось.

— Вставай, опоздаем! — тормошила соседка.

Похолодание началось в субботу, и у Дарлы было время привыкнуть к осени, вдруг решившей, что теплые сухие деньки слишком затянулись и не мешает добавить в жизнь людей зяблой слякоти. А Нелл...

Нелл, закрывая глаза, еще слышала шум моря и крики чаек, и стоны горели, обожженные раскаленным песком.

— Вставай! — Дарла стянула с нее одеяло. — Я заварю чай, а ты расскажешь, как погостила, а то вчера и слова не сказала. Пришла и упала, будто не порталами возвращалась, а бегом и с седоком на закорках. Что твоя подруга с тобой делала? Дрова на зиму заготовливать заставила? Или мебель двигать? Я думала, ты отдыхать будешь.

— Я отдыхала, — пробормотала Нелл. Отобранное одеяло жестокосердная соседка бросила на свою кровать, и, чтобы согреться, пришлось свернуться клубком, натянув до пяток сорочку. — Просто все эти переходы...

Сотрудники станций соблюдали политику конфиденциальности, а на ней была иллюзия, так что слухи, если и поползут, коснутся лишь Оливера, но она все равно немного нервничала на этот счет. Совсем немного, и в целом впечатления от выходных остались приятные.

Когда Оливер сказал ей о море, Нелл решила, что речь идет об отеле на южном побережье. Состоятельные господа вывозят туда на лето жен и детей, а в бархатный сезон, когда семьи обживают в городских особняках, — содержанок, и, раз уж она теперь вроде как содержанка, а на дворе октябрь, в приглашении милорда Райхона, помимо внезапности, не было ничего необычного. «Возьми зубную щетку, а остальное купим тебе на месте», — говорил он, и она думала о приличном платье и шляпке, в которых ее не стыдно будет выгулять вечером по набережной. Возмущалась в глубине души, но несильно: содержанки, как правило, радуются подаркам...

Но вышло все не совсем так, как она себе представляла.

— Кеилани? Что такое Кеилани?

Географию она знала хорошо, но не помнила на побережье городов с таким названием.

— Главный остров Лейханского архипелага, который с середины прошлого века является Арлонской провинцией, — как на лекции пояснил Оливер. — Но на Кеилани мы не останемся, возьмем катер и поплывем на Локелани. Это островок поменьше, отдыхающие там почти не селятся.

Все вышло совсем не так.

Вместо платья ей купили белый пляжный халат, вместо элегантной шляпки — широкополую соломенную шляпу. И зонтик. Без зонтика ее кожа вмиг покрылась бы красными пятнами. Отеля на Локелани, куда они прибыли к полудню, не было. Был деревянный дом с огромными окнами, две просторные комнаты, не обремененные мебелью, большая кровать, на которую толстая темнокожая женщина в цветастом тюрбане постелила свежие простыни, стол на открытой террасе, плетеные кресла... горячий белый песок, зелень незнакомых деревьев, пронзительная синева неба и море. Море, казалось, было тут везде, даже в доме: его запах, шелест волн.

— Где здесь можно выкупаться? — спросила Нелл у толстухи. За два часа пути от главного острова спина взмокла, и не терпелось избавиться от корсета.

— Там, — рассмеялась женщина, махнув рукой в сторону изумрудной воды.

После проводила все же за тростниковую ширму к деревянному корыту. Ручной насос качал воду прямо из ручья, холодную, но Нелл не стоило труда нагреть ее до нужной температуры. Оливера к тому времени рядом уже не было, и пришлось напрячь зрение, чтобы разглядеть над невысокими волнами его голову. А увидев его выходящим на берег, мокрого, неприлично нагого и столь же неприлично довольного, щурящегося от яркого солнца и по-детски загибающего босыми ногами песок, Нелл поняла, что он не ее привез на море — он привез себя. А она — так, с целью совмещения безумств...

— Так ты расскажешь? — Дарла бросила в чашки по щепотке сухих листьев и залила их кипятком. — Ты говорила, у мужа твоей подруги полно денег. Значит, у них большой дом?

— Большой, — зевнула Нелл. — Два этажа, сад, в саду пруд, в пруду карпы. Прислуги полно.

...Прислуживала им одна только толстуха в тюрбане. Звали ее Мелика, и при доме она была и горничной, и прачкой, и кухаркой. С постояльцами общалась по-простому, словно с приехавшей погостить родней, но в этой

простоте не чувствовалось ни грубости, ни раздражающей фамильярности, так что не только Нелл, но и милорд Райхон, в обычной жизни вежливый до оскомины, легко свыклись с ее манерами. С дороги Мелика подала гостям лимонад и фрукты, а к обеду приготовила на открытой жаровне рыбу, которую перед тем сама же и чистила, еще живую, бившуюся в крепких черных руках.

Рыбу принесли двое полуголых мальчишек: выскочили из-за кустов с большой корзиной и ошалело уставились на Нелл, потом заулыбались, пролепетали что-то на чужом непонятном языке и, отдав корзину толстухе, шмыгнули снова в кусты.

— Что они сказали? — попросила перевести Нелл.

Женщина растянула в усмешке толстые губы:

— Сказали, что теперь знают, как выглядит настоящая белая госпожа.

Шутка туземке понравилась, и она не преминула повторить ее Оливеру, правда, на свой лад.

— Где ты нашел такую женщину? — спросила, накрывая стол на террасе. — Боги как будто слепили ее из соли и сахара. Я бы на твоём месте не подпускала ее к воде. Растает — что будешь делать?

В воду Нелл сама не собиралась, и вовсе не потому, что у нее не было купального костюма, тут он был не просто не нужен — неуместен, но палящее солнце пугало, и море, сливавшееся у горизонта с небом и оттого казавшееся бескрайним... Прежде она не была на море, но Оливеру в этом не призналась. Да он и не спрашивал. И не боялся ни моря, ни солнца. Заплывал так далеко, что порой она теряла его из виду, а выбираясь на берег, растягивался на брошенном на песок покрывале, подставляя тело жарким лучам. Нелл наблюдала за ним, сидя под парусиновым навесом, и думала, что, если бы она могла читать мысли и заглянула в тот момент ему в голову, не увидела и не услышала бы ничего, кроме шума ветра и волн.

— Часто тут бываешь? — позволила себе немного любопытства, когда он, наплававшись вдоволь, вспомнил-таки о ней. Или не вспомнил, а просто спрятался под навес, поняв, что еще чуть-чуть, и придется лечить солнечные ожоги.

— В последнее время — нет. Раньше приезжал каждый год, а потом это ректорство...

Вечером, когда небо из голубого сделалось лиловым, покрасневшее и увеличившееся в размерах солнце почти коснулось горизонта, а волны улеглись, превратив море в отражающее закатное зарево зеркало, Нелл отважилась выбраться из-под навеса. Прошла по горячему еще песку, осторожно намочила ноги. Вода была теплой, мягкой, живой, она

обнимала щиколотки, щекотала, манила. Сбросить халат и войти в море оказалось не так уж страшно. Окунуться по плечи, позволив ласковой стихии обнять себя целиком. Оттолкнуться от дна и сделать несколько неуверенных гребков.

Плавать Нелл не умела, негде было учиться и некому учить, но видела, как это получается у других, и хотела попробовать. В итоге окунулась уже с головой и хлебнула немного воды. Закашлялась. Мокрые волосы облепили лицо, упали на глаза, мешая понять, в какой стороне берег, и море враз перестало казаться дружелюбным и неопасным. Но испугаться по-настоящему Нелл не успела: Оливер тут же оказался рядом, подхватил на руки, убрал с лица липкие пряди и стер с губ соленые капли...

Потом они пили вино и смотрели на звезды, нереально яркие и блестящие, словно рассыпанные по черному бархату бриллианты...

А после уснули, едва добравшись до кровати, утомленные порталными переходами, сменой климата и новыми впечатлениями, опьяненные вином и свежим морским воздухом...

— Хорошо погостила, — закончила рассказ Нелл. — Может быть, еще как-нибудь к ним выберусь. Если пригласят.

Ливень за окном не прекратился, но занятий из-за непогоды не отменяли. Пришлось одеваться, доставать из чемодана плащ и зонт и короткими перебежками, прячась ненадолго под деревьями и козырьками попадавшихся по пути зданий, добираться до факультета.

В Роймхилле Оливера стошнило. Скрутило сразу за порогом порталной станции, вывернуло горечью выпитого с утра кофе. Хорошо, что поблизости никого не было. Плохо, что подобное вообще случилось. Но неудивительно, учитывая, сколько переходов он сделал за последние дни. Перемещениями на дальние расстояния злоупотреблять не следовало, особенно в его возрасте, если верить целителям. Но что эти целители знают о возрасте?

Оливер вынул платок, отер губы и улыбнулся: минувшие выходные стоили месяца на больничной койке, что там какая-то тошнота? Тем более через несколько минут о приступе напоминало лишь легкое головокружение и привкус желчи на языке.

Когда он покидал академию, там лил дождь, а расположенный намного севернее Роймхилл встретил солнцем и легким морозцем. После островного зноя перепад получился слишком резким, но как нельзя лучше иллюстрировал возвращение к реальности.

Возвратиться не хотелось, и если рабочей суеты избежать не вышло

бы, то от визита к Бренту Абнеру еще можно было отказаться. Но Оливер до сих пор не знал, как подступиться к Нелл, а оставить ее тайны в прошлом не мог по многим причинам, даже понимая, что разгадки, возможно, поставят его перед сложным выбором.

— В младшую магическую школу, — велел он кебмену, остановившему у обочины легкий двухместный экипаж. Впряженные в повозку лошадки поглядели на нежданного пассажира с укором, но в Роймхилл Оливер прибыл впервые, дороги не знал и, даже если бы выяснилось, что школа находится за ближайшим углом, предпочел бы, чтобы его туда довели.

Школа оказалась несколько дальше. Путь занял почти час, и появилось время обдумать, как и о чем говорить с директором.

С Брентом Абнером они не виделись почти пятнадцать лет. До этого тоже не сказать, что дружили, но отношения поддерживали. Во времена учебы (Брент, учившийся на теормаге, был старше Оливера на два года) жили в одном общежитии, на одном этаже, посещали один и тот же студенческий клуб и выпивали в одном том же трактире, когда вырывались из академии в Ньюсби. Так же с разницей в два года оба закончили аспирантуру и занялись преподавательской работой. К тридцати годам Брент женился и вскоре уехал вместе с супругой на север, к ее семье, но в академии время от времени появлялся, правда, все реже и реже, а после и вовсе пропал, чтобы теперь заявить о себе как о человеке, поставившем подпись на свидетельстве Элеонор Мэйнард. Если только эта подпись не была фальшивкой, как и новое имя Нелл...

Роймхиллская младшая школа располагалась в большом трехэтажном особняке, отделенном от городских кварталов внушительных размеров парком. Юные дарования в период овладения силой — не самое спокойное соседство, и Оливер по достоинству оценил предусмотрительность основателей школы и мастерство магов, протянувших по парку защитную сеть.

Явился он во время занятий, и в школьных коридорах царила тишина, впрочем являвшаяся скорее заслугой звукоизолирующих чар, а не примерного поведения учеников. Поинтересовавшись у дежурившего на входе пожилого мужчины, где искать директора, Оливер поднялся на второй этаж, нашел дверь с соответствующей табличкой и постучал.

— Входите! — раздался голос, не показавшийся даже смутно знакомым.

Все же годы сильно меняют людей.

Внешне Брент тоже мало походил на того щеголеватого брюнета,

каким Оливер помнил его по последней встрече: за письменным столом сидел средних лет господин, располневший, обрюзгший, его щеки обвисли, нос, и в былые времена немаленький, стал еще больше и мясистей, а редкие, зачесанные набок волосы не скрывали разросшейся проплешины. Но все же это был Brent Abner. Он подслеповато щурился, разглядывая посетителя, и от этого взгляда, и от того, как постарел давний знакомец, минуту назад воспринимавшийся ровесником, Оливеру стало не по себе, и он не сразу вспомнил, что следовало поздороваться первым.

— Райхон! — воскликнул директор, наконец-то узнав, кого к нему занесло. — Олли Райхон, чтоб меня... Тьфу ты! — Он смутился совершенно неискренне. — Милорд Райхон конечно же. Простите, сорвалось...

— Здравствуй, Brent, — улыбнулся Оливер, задавая предстоящему разговору приятельский тон. — На Олли я тоже еще отзываюсь.

— А на Олли-поджигателя? — осмелел Abner.

— Не стоит. Мне с этим Крейга хватает.

— Старик еще работает? Ну силен! Как он? Как оно все там, а? Да ты присаживайся... Чай? Кофе? Другого в рабочее время не предложу... А, ну его! Предложу! Что будешь?

— Чай, — избавил хозяина от моральных терзаний Оливер.

Выпили по чашке. Вспомнили общих знакомых. Abner коротко поведал о себе. На жизнь не жаловался, в общем и целом был доволен и карьерой и семьей. В будущем году обещал привезти в академию старшего сына и, пользуясь случаем, похвалился талантами отпрыска.

— Слушай, — спохватился на середине рассказа, — а тебя-то к нам каким ветром? По делу?

— По делу, — согласился Оливер.

Подробности «дела» он продумал загодя. Якобы специалисты из внутренней полиции академии усомнились в подлинности нескольких свидетельств и собирались проверить, но он, заметив на одном из документов знакомую подпись, решил по старой дружбе разобраться во всем самостоятельно и без огласки.

— Все могут ошибаться, — сказал нахмурившемуся директору. — Выяснится, что со свидетельством все в порядке, а слухи уже пойдут. Тебе это нужно?

— Да кому оно нужно? — пробурчал Abner. Рассмотрел внимательно свидетельство и пожал плечами. — И что старику не понравилось? В порядке же все. Бумага, печать, подпись моя. И девчонку эту я помню хорошо. Беляночка такая, альбинос или вроде того, да?

Оливер осторожно кивнул, опасаясь спугнуть неожиданное везение.

— Хорошо помнишь? — переспросил рассеянно. — Любимая ученица?

— Где уж там! — отмахнулся Брен г. — Не училась она тут. Домашняя девочка, в смысле образование у нее домашнее. В школу только на аттестацию пришла.

— Приезжала с наставником?

— Естественно, — удивился вопросу директор. — С наставником, он же и опекун. Это, — Брент ткнул пальцем в свидетельство, — племянница Оуэна Лэндона. Умника Оуэна, помнишь его?

Оливер покачал головой. Умников он за свою жизнь встречал немало, но человека по имени Оуэн Лэндон никогда не знал.

— Случайно, не родственник Бенедикта Лэндона, бывшего казначея? — предположил, чтобы удержать разговор в нужном русле.

— Племянник, — подтвердил Абнер. — Башковитый был парень. Теормаг на пару лет раньше меня окончил, так ему сразу место в научном корпусе предложили. Жаль, не остался... Женился он еще во время учебы. На амулетчице. Вилма... забыл, как дальше. Не знаю, чем она его взяла. Не красавица и дымила что паровоз. Но артефакторный с золотым дипломом окончила. Ей военный контракт предложили, вот Оуэн и уехал с ней на какой-то секретный завод. Потом, я уже аспирантуру заканчивал, слух прошел, что Вилма погибла. Испытания какие-то были или еще что. А Оуэн после этого, говорили, запил по-черному. Еще говорили, что утопился, или застрелили его по пьяни... А лет восемь назад в столице встретились. Живой. Не тот уже, что был, но и не скажешь, что совсем потерянный. Посидели с ним, вот как с тобой... только не за чаем... Он рассказал, что в предгорьях где-то обжился, в Расселе. Ферму вроде как купил... Дурь оно, конечно, чтобы такой маг — и ферма, но мало ли? А потом, значит, еще года три прошло, он племянницу привез...

— Из Расселя в Роймхилл? — перебил Оливер. — Это же поездом три дня пути.

— Ну да, не близко. Я ему в прошлую встречу сказал, что руковожу школой, вот он и вспомнил. Наверное, побоялся, что его девчонка экзамены не сдаст, а я вроде как свой человек... Но она сдала сама, хоть на крови поклянусь. Слабенькая она, конечно, второй уровень с натяжкой брала. Но плетельщица неплохая. Все заклинания как по книжке, аккуратненько так. Все же Оуэн ее хорошо натаскал, у некоторых так чисто и после академии не получалось... Я ее, собственно, потому и запомнил. Ну плетения ее. И то, что Оуэну родня. И внешность примечательная... В

общем, запоминающаяся девица.

— Но слабенькая?

— Если начистоту, то совсем хилая. Не только как маг, вообще. Болезненная, худая, словно Лэндон ее голодом морил. И силенок — кот наплакал. Свидетельство она, конечно, честно получила, но дальше... — Brent развел руками. — Я Оуэну так и сказал. А то он уже планы на нее строил: говорил, в академию отвезет поступать и сам там устроится, ферму продаст... Слушай! — Он замер и с недоверием уставился на гостя. — Так она поступила, что ли?

Оливер снисходительно усмехнулся такой догадливости.

— Правда? — продолжал удивляться Абнер. — И как? Третий хоть берет?

Милорд Райхон вспомнил фобосов и Нелл, легко разрывающую нить призыва.

— Четвертый. Без подготовки.

Brent озадаченно почесал плешь.

— Бывает, — заключил философски. И добавил неуверенно: — Наверное.

— Бывает, — согласился Оливер. — Может, она на момент экзаменов еще в полную силу не вошла? Сколько ей тогда было? Шестнадцать? Семнадцать?

— А демоны ее знают. Я ее метрики не видел.

— Как не видел? — насторожился Оливер.

— Ну это... — Brent суетливо заерзал в кресле, но, подумав, махнул рукой. — Ладно, скажу, как было. Не видел я документов. То ли дома они их забыли, то ли по дороге потеряли. Оуэн сам не свой был, когда понял, что они на экзамены без метрики пришли, на девчонку выверился, чуть до слез не довел... Не назад же им ехать было? Ты сам сказал: три дня. В общем, я с его слов все заполнил. Его-то документы в порядке, да и свидетельство без паспорта все равно недействительно. Куда бы она с ним пошла?

Куда-куда... В ближайшее гражданское управление. Заявила об утере документов и на основании свидетельства об окончании младшей школы и под поручительство «опекуна» получила новые.

Оуэна Лэндона недаром прозвали в свое время Умником. Он не опасался, что Нелл не сдаст экзамен в другой школе, с ее-то способностью чисто, «как по книжке» плести заклинания, на оттачивание которой у нее было семь лет в Глисете. Но он знал, что в другой школе она не получит свидетельства, не подтвердив свою личность. Потому и привез ее к Brentу.

Но кто он такой, этот Лэндон? Почему, умерев для всего мира, Хелена Вандер-Рут воскресла на ферме «дядюшки» Оуэна? Какое отношение выпускник академии имел к случившемуся в Глисетском университете?

— Лэндон, Лэндон... — Оливер сморщил лоб. — Кажется, что-то припоминаю. Говоришь, его жена была артефактором? Случайно, не на татуировках специализировалась?

— Вилма? — Абнер замотал головой: — На камнях. В любой бульжник могла силу вложить. Не надо ей было с вояками связываться...

Мимо. Изначально мимо: Вилма Лэндон погибла задолго до глисетского происшествия. А вот мистера Лэндона стоит проверить. И татуировку, раз уж вспомнил о ней.

Оливер начал планировать следующий шаг еще до того, как простился с Брентом Абнером, а судьба уже вносила в еще не составленный план свои коррективы.

Когда стало известно, что единственная дочь Арчибальда Аштона, тогда еще первого помощника канцлера, вышла, нет, скорее выскочила, без помолвки и предварительных объявлений, замуж за человека сомнительного происхождения, к тому же в два раза старше ее, высшее общество королевства замерло в предвкушении грандиозного скандала. И разочарованно вздохнуло спустя полгода, так его и не дождавшись. Оказалось, новобрачная не беременна, как о том шептались салонные сплетницы, а Эдвард Грин, хоть и не мог похвастать аристократическим происхождением, был не «каким-то безродным докторишкой», а уважаемым целителем, заработавшим имя и состояние еще до женитьбы. А главное: лорд Арчибальд и леди Оливия показали, что всецело одобряют выбор дочери. Отношения с родителями супруги у Эдварда Грина складывались настолько хорошо, что некоторые «доброжелатели» зубы стерли от зависти. Каждое лето они с Бет гостили в загородном поместье Аштонов, зимой навещались в столичный особняк, лорд Арчибальд и леди Оливия в свою очередь нередко появлялись в академии. Часто они общались по телефону. Как правило, Элизабет звонила матери, но случалось, что и мужчинам было что обсудить между собой, не посвящая в разговор жен.

Как сегодня.

— Эдвард, подумайте. Две недели, месяц — максимум. Лив будет рада, если Элси с Грэмом погостят у нас. И вам будет спокойнее.

— Вы же сказали, что для беспокойства нет причин, — напомнил Грин тестю, хотя одно то, что лорд Арчибальд, не дожидаясь вечера, нашел

его по рабочему номеру в лечебнице, уже внушало тревогу.

— Сказал, но лишняя предосторожность не помешает.

— Угу. Как говорит наш дорогой инспектор Крейг, предосторожность вообще лишней не бывает. Но Бет вряд ли согласится. Только если опасность реальна и угрожает Грэму. Но тогда она и мне работать не даст. Вы же знаете свою дочь.

— Потому и говорю с вами, а не с ней. Уверен, вас она послушает.

Грин усмехнулся в трубку:

— Приятно, что вы такого высокого мнения обо мне, но что я ей скажу? Снова объявилась какая-то кучка магоненавистников — в первый раз, что ли? Два года назад, помните? Пять лет назад? Десять? Вы же понимаете, что они были, есть и будут? И Бет это понимает, как и то, что в академии установлена самая лучшая защита, какая только может быть.

— Лучшая защита — в королевском дворце, — парировал вице-канцлер. Впрочем, тут же уточнил: — Официально. Но в этот раз речь не просто о фанатиках. Есть информация, что в их группировку входят маги. Отщепенцы, лишённые лицензий, беглые преступники, бывшие студенты, не получившие диплом. Из-за последних, полагаю, Высшая школа Найтлопа и стала мишенью. Двое погибших — и это чудо, жертв могло быть больше. Что, если они станут целенаправленно терроризировать высшие учебные заведения? Их не так много: Найтлоп, Глисет и ваша академия. Найтлоп уже пострадал.

— Лорд Арчибальд, я поговорю с Бет. Но не могу обещать, что она согласится. Боюсь, резиденция вице-канцлера для всякого рода террористов не менее лакомый кусочек, чем академия. И защита у вас там слабее.

— И что вы предлагаете?

— Ждать, пока пройдут парламентские выборы.

— Тоже считаете, что причина в этом? — уточнил лорд Аштон. — Да, ничто не меняется... Но все же поговорите с Элси. И еще. Собственно, это должен был быть мой первый вопрос: вы не в курсе, куда подевался Райхон?

— А он куда-то подевался? — озадачился Грин. Он сам не смог найти ректора в выходные, но не сомневался, что тот появится на рабочем месте в понедельник.

— Секретарь министерства магических дел пытался с ним связаться, но не нашел ни в ректорате, ни дома. На завтра назначено экстренное совещание.

— В столице?

— Естественно. Все уже извещены, кроме Оливера. Прежде он не позволял себе пропадать посреди семестра. Это странно, вы не находите? Мы с ним общались в пятницу. По телефону. Он интересовался одним старым делом, даже не знаю для чего, и...

— Каким делом? — спросил Эдвард, почувствовав неловкую паузу.

— Не важно. Сделайте одолжение, разыщите его. Если до вечера он не объявится, свяжитесь со мной. Не нравится мне все это.

«И мне», — мысленно согласился Грин. Думал он при этом отнюдь не о террористах. Люди, ненавидящие магов и желающие их уничтожить, существовали всегда. Иногда у них случались «обострения», особенно когда они сбивались в группы, но повода для паники целитель не видел: в мире полно ненормальных, готовых убивать и по другим причинам, а то и вовсе без оных. А вот то, что милорд Райхон вдруг не выходит на работу в начале учебной недели, — событие незаурядное.

То, что спустя два часа Оливер нашелся у себя дома, живой, невредимый и заспанный, Эдварда не успокоило, потому как выглядел ректор странно.

— Вы... — Грин присмотрелся к открывшему ему дверь магу.

— В порядке, — буркнул тот. — Просто немного устал.

— Да нет, вы... загорели?

Это действительно было странно. Особенно для дождливого октября.

ГЛАВА 12

С Аланом Нелл столкнулась на выходе из учебного корпуса. Ожидала, что он снова пройдет мимо, но...

— Мы можем поговорить?

«О чем?» — хотела спросить она.

— Где? — произнесла вслух.

— Иди за мной.

Алан направился вглубь здания. Свернул к служебным помещениям. Открыл какую-то дверь и, не сомневаясь, что Нелл идет следом, вошел в небольшую комнату с зарешеченными окнами.

— Иногда читаю лекции на факультете темных материй, тут оставляю вещи и пособия, — пояснил, хоть Нелл и не спрашивала.

Она кивнула. Села за стол, заваленный свернутыми в рулоны картами. Рассеянно развернула одну — «География крупнейших прорывов» — и свернула снова. Беглого взгляда хватило, чтобы убедиться: прорыв, который она помнила, в историю не вошел.

— Я не могу так, Нелл...

— А как можешь?

Вопрос она задала так же рассеянно, думая о другом, но Алан принял его за насмешку и стукнул кулаком по столу прямо перед ней.

— Прекрати! — Глаза его потемнели, как всегда, когда он злился, и кровь ударила в лицо. — Хватит! По-твоему, это весело? Исчезнуть почти на одиннадцать лет, а после появиться и делать вид, что ничего не произошло? Весело?

— Я смеюсь? — спросила она, выдержав полный гнева и отчаяния взгляд.

— Ты... — Алан отвернулся первым. — Ты здесь. Ты жива, и ты здесь. Я не знаю... Ничего не знаю, Нелл. Даже тебя. Не могу понять, почему ты так поступила и почему вернулась теперь. И чего ждать...

— Не жди ничего. Я объяснила, что делаю в академии. То, что мы встретились, — случайность.

— Ты не собиралась?..

— Нет.

— Почему? — Он опять начинал злиться, а значит, еще не готов был услышать ответ.

— Ты меня узнал на Осеннем балу, — проговорила Нелл медленно. —

Мне казалось, меня теперь нельзя узнать. А ты узнал. Как?

Какого ответа она ждала? Что она почти не изменилась? Неправда. Что ему сердце подсказало? Вот это действительно смешно.

— Я тебя видел. Тогда. Приехал на следующий день, как и обещал. Застал Сью в слезах. Она знала только то, что ты в госпитале, никаких подробностей. К тебе никого не пускали. Меня тоже, но... Там была пожарная лестница. Потом оставалось пройти пять ярдов по карнизу... Я хотел разбить окно, когда увидел тебя. Вернее... когда узнал. На балу это было уже несложно, а тогда...

Нелл подумала, изменилось бы что-нибудь, разбей он то окно, и пришла к выводу, что нет, но как наяву услышала звон разлетающегося вдребезги стекла, и в груди заныло, словно там засел один из несуществующих осколков.

— Разбил бы. — Алан осторожно коснулся ее руки. — Но там стояла защита. Меня отшвырнуло... Второй этаж, но обошлось. Ногу сломал и пару ребер. Мелочи... по сравнению со сломанной жизнью...

— Не говори так. — Она спрятала руку под стол. — У тебя хорошая жизнь. Сью, дети. У вас замечательная семья. Мое появление ничего не меняет.

— Ты так думаешь?

— Уверена.

— Почему ты исчезла тогда? Почему за все годы не дала знать, что жива? Пусть ты не можешь рассказать, что случилось. Я не спрашиваю, кто и почему решил объявить тебя мертвой, но...

— Это я решила, Алан.

— Ты?

Она выдержала еще один пристальный взгляд.

— Я. Целители сказали, что я не выживу. Не назвали только точной даты смерти. Мог пройти месяц. Два. Может, три. Но я все равно умерла бы. Ректор Хеймрик всегда хорошо относился ко мне и согласился объявить, что я погибла вместе с другими, а меня отправить умирать куда-нибудь подальше.

— Но...

— Я решила, что так будет лучше, — сказала она твердо. — Хотела, чтобы меня помнили прежней, а не полутрупом, который нужно кормить ложечки, переодевать и отмывать от испражнений. Поверь, это занятие тебе не понравилось бы.

Нелл сдерживалась из последних сил, чтобы не сорваться на слезы или крик. Ей казалось, воспоминания давно померкли, но хватило

нескольких слов, чтобы память ожила: боль, звуки, даже запах — тошнотворный запах собственного заживо гниющего тела...

— Ясно, — кивнул Алан. — Значит, ты решила за всех? За меня? Решила, как мне будет лучше, да? Но потом? Потом, Нелл, почему ты не появилась потом?

Потому что стала ему не нужна. Потому что у него была Сью, а она снова зависла на несколько месяцев между жизнью и смертью, узнав об их свадьбе: слишком сильным потрясением оказалась эта новость.

— Потом я встретила другого мужчину. Влюбилась. Прости, но ты все равно считал меня мертвой, какой смысл был возвращаться? Только затем, чтобы сказать, что ты мне больше не нужен?

Улыбка далась так же легко, как ложь. Когда принимаешь решение за других, выбирая, что для них будет лучшим, нужно идти до конца.

— Ясно, — сказал он снова. Гнев утих, оставив какую-то полудетскую растерянность во взгляде. — Со мной ясно. А другие? Кто знает?

— Никто. Иначе я не просила бы вас с Сюзанной...

— Никто?! А твоя мать?

— Она получила страховку.

— Ты...

— Алан, не нужно, пожалуйста. Тебе никогда не нравилась моя мать, с чего бы сейчас выказывать заботу? О ком еще побеспокоишься? О Хеймрике? Я о нем уже побеспокоилась. Нет меня — нет ненужных сплетен. О наставнике? Увы, я свернула со стези демонологии, для него это станет ударом, поэтому лучше оставить профессора в неведении. И всех остальных, за десять лет счастливо обо мне позабывших. Согласен?

— Нет, — глухо вымолвил мужчина. — Но я уже поклялся.

— Хорошо, что ты помнишь об этом.

— Ты... — Он всмотрелся в ее лицо и покачал головой. — Ты не моя Нелл.

— Меня зовут Элеонор. Элеонор Мэйнард.

Нелл порадовалась тому, что он вышел первым и не позвал ее за собой. Ноги дрожали так, что она не дошла бы и до двери. Пришлось посидеть несколько минут, дожидаясь, чтобы сердце перестало подпрыгивать в груди и заработало размеренно и ровно, а в онемевшие конечности вернулась сила.

После разговора с Аланом день был испорчен.

А может, и не день, а жизнь? И не после разговора, а еще раньше?

Нелл намеренно не разузнавала об Алане и Сюзанне, не желала даже слышать о них. Боялась, что это окажется так же больно, как в тот раз,

когда Илдредвилль принес ту газету. А ведь следовало хотя бы убедиться, что они все еще в Глисите...

— Все еще думаешь о нем? — спросил как-то Оуэн. — О своем женихе?

— Иногда.

— До сих пор любишь его?

— Не знаю.

Они лежали в постели — ее голова на его груди, его пальцы в ее волосах — и говорили о мужчине из ее прошлого, о мужчине, которого она, быть может, хотела видеть в тот момент рядом с собой. Это было странно, но в то же время нормально. Просто, как и все в жизни, которую Оуэн придумал для себя и куда впустил Нелл.

— Что сделаешь, когда встретишь его?

— Ничего. Мы не встретимся.

— Не хочешь вернуть его?

— Нет.

— Потому что он женился на твоей подружке? Знаешь... Люди по-разному пытаются справиться с бедой. Кто-то уходит с головой в работу, кто-то несколько лет пьет беспробудно до тех пор, пока не оказывается на хирургическом столе с пулей в боку и даже не помнит, кто и за что ее в него всадил. А кто-то женится. Так что ты подумай.

— Хочешь избавиться от меня? — попробовала она свести все к шутке.

— Хочу, чтобы ты была счастлива.

— Я буду.

Тогда она умела уже доить овец и делать сыр и почти научилась притворяться, что ей нравится жизнь на ферме. А жизнь с Оуэном нравилась ей безо всякого притворства, и, если бы он остался с ней, она, быть может, совсем забыла бы об Алане.

Но Оуэн и ферма в прошлом, и потускневшие воспоминания не спасают от тоски. Нелл пыталась заменить их другими, свежими, яркими, пахнущими морем, как волосы мужчины, с которым она провела последние два дня, но от осознания, что скоро и эти воспоминания станут для нее тусклым прошлым, делалось еще тоскливее.

И чем гаже было на душе, тем радостнее Нелл улыбалась. Улыбалась Дарле, слушая ее болтовню. Рею, вдруг вспомнившему о невыполненном задании по истории и потащившему ее по дождю в библиотеку. Тэйту, заявившемуся с пакетом клубничной пастилы, чтобы пригласить ее в клуб играть в кегли.

И Оливеру, снова выдернувшему ее среди ночи, улыбнулась спросонья. Обняла за шею, уюстилась на его плече и закрыла глаза.

— Сии, — разрешил он шепотом. — Я только хотел сказать, что меня не будет два дня. Вызывают в министерство.

— Хорошо, — пробормотала она.

Плохо. Все плохо. Но разве что-нибудь изменится, если она скажет ему об этом?

Она спала крепко, но беспокойно. Вздрагивала, всхлипывала и прижималась сильнее, словно ища защиты. Казалось, вот-вот проснется или заплачет, не открывая глаз, и тогда Оливер гладил ее волосы и шептал что-то ласковое, губами касаясь щеки.

Нужно было вернуть Нелл в общежитие и выспаться перед совещанием, а вместо этого он до утра отгонял от нее кошмары, всматривался в свете ночной лампы в ее лицо и уверял себя, что эта девочка, сейчас не выглядывшая даже на тот возраст, что она указала при поступлении, никому не несет угрозы. Кем бы она ни была прежде, что бы ни сделала — все в прошлом.

Но в памяти упорно всплывало другое. Слова Хеймрика о том, что во время прорыва некие сущности из нижнего мира могли вселиться в тела студентов, и разговор с деканом факультета артефакторики, состоявшийся всего несколько часов назад.

Вызов из министерства заставил поторопиться. Если все серьезно, в академии введут особые условия, начнутся проверки сотрудников и студентов «на благонадежность», и неизвестно, чем это может грозить Нелл. Потому Оливер и спешил выяснить как можно больше. Во-первых, нашел Норвуда Эррола — тот уже доказал, что с ним можно вести конфиденциальные дела, — и попросил собрать информацию об Оуэне Лэндоне. Во-вторых, зашел к артефакторам.

— Вы уверены, что рисунок имеет магические свойства? — спросил пожилой глава факультета, изучив сделанный по памяти эскиз. — Потому что, если да, это... мм... необычно. Не совсем мой профиль, скорее по части ритуальной символики. Шестиугольник используется демонологами и заклинателями духов в качестве сдерживающего или запирающего контура, в противовес пентаклю, который применяют в ритуалах призыва. Символ похож на элемент эльфийского рунического письма. Специалистов по рунной письменности крайне мало, эльфы сами не пользуются ею едва ли не со времен ухода драконов. Но вы могли бы поговорить с леди Каролайн.

Будучи полуэльфийкой, несколько лет назад получившей диплом артефактора, означенная леди и правда могла помочь, однако к дочери лорда Эрентвилля, полномочного представителя эльфийского владыки в Арлонской Королевской академии, не заявишься без предупреждения, и Оливер отложил эту встречу до возвращения из столицы. Но сказанного деканом факультета артефакторики хватило, чтобы в душе всколыхнулись самые страшные подозрения. Общий курс демонологии милорд Райхон в свое время прошел и знал, для чего служит запирающая печать. Чаще всего с ее помощью удерживают в ловушке смертных тел обитателей нижнего мира, порождая буйных одержимых, переживших слияние симбионтов или двоедушников. А иногда печать годами держит темную сущность в теле, которое давно покинула душа законного владельца. И если соотнести эти знания с историей девушки, выжившей, тогда как целители предрекали ей скорую смерть, получалось...

Ничего не получалось. Создания бездны способны управлять лишь темной энергией, и не тогда, когда на них наложена печать. Они не владеют людской магией, не плетут матричных заклинаний, не прикуривают от большого пальца. Не транслируют живых человеческих эмоций.

Значит, рано делать пугающие выводы.

Но до чего же все странно с этой женщиной из соли и сахара.

— Что же с тобой так тяжело? — прошептал Оливер, когда Нелл в очередной раз заворочалась на его плече.

— Тяжело? — Она приподняла голову и попыталась откатиться на соседнюю подушку.

— Тяжело, — удержал он ее. — Но я справлюсь.

Возвращения в свою комнату Нелл снова не помнила. От минувшей ночи остались невнятные обрывки фраз и сновидений, а из разжавшейся ладони выпала круглая ракушка размером с некрупную монетку. Такие ракушки, ребристые снаружи, а внутри гладко-перламутровые, Оливер собирал на Локелани. Станный. В первый раз связал ей волосы своей лентой, теперь — ракушка. Если это какая-то игра, Нелл не понимала ее правил, но выбрасывать частичку солнечного острова было жаль, и она сунула ракушку в жестяную коробку из-под печенья, в которой хранила наличные и ключ от банковской ячейки и куда ранее уже спрятала черную ленту.

За окнами по-прежнему шел дождь, а на факультете ее опять мог поджидать Алан, или Сью, или еще какие-нибудь неприятности, и,

вспомнив об этом, Нелл сказала Дарле, что куратор подписал ей освобождение на два дня, попросила предупредить об этом Рея или еще кого-нибудь из их группы, и осталась в общежитии. Если милорду Райхону вздумается потом спросить, чего ради он дал ей освобождение, скажет, что плохо себя чувствовала. И не совет: на сердце было тревожно, и скулы сводило от сдерживаемых слез.

Но к возвращению соседки Нелл если не успокоилась, то взяла себя в руки. Выпила чая, почитала. Поупражнялась в работе с потоками — это всегда помогало. Сила, как вода, говорил Оуэн. Она смывает лишнее, очищает мысли и делает понятными скрытые желания. У Нелл скрытых желаний не было, только явное, одно: она хотела жить. Хотела жить так, как этого может хотеть человек, однажды заглянувший за грань. И для нормальной жизни — она уже поняла это — ей нужен диплом мага и неограниченная лицензия. Значит, придется потерпеть. Хотя бы до конца семестра.

Приведя в порядок мысли, она почувствовала себя намного лучше, но на обед с Дарлой не пошла, все еще опасаясь ненужных встреч.

Впрочем, стены общежития оказались не настолько непрístupными.

Неизвестно, как Тэйт миновал дежурившую у входа смотрительницу, но от вернувшейся из столовой Дарлы он избавился легко и элегантно: вытащил из-под куртки помятую розу и пакетик с карамелью, вручил все это засмущавшейся девушке и нежно, под ручку выпроводил из комнаты, она и опомниться не успела.

— Что все это значит? — поинтересовалась Нелл, глядя на еще один потрепанный цветок, протянутый теперь уже ей. Создавалось впечатление, что у алхимика розарий за пазухой.

— Разве ты по мне не соскучилась? — Тэйт беспечно прошелся по комнате, сунул розочку в чашку с остатками чая и, стянув мокрую куртку, по-хозяйски повесил ее на спинку стула. Брошенное в ответ «Не успела» он предпочел не слышать. — Сегодня в клубе танцевальный вечер. Сходим?

— Извини, мне не до танцев.

— Вижу. Грызешь... э-э-э... — Он захлопнул книгу, чтобы взглянуть на обложку, и удивленно приподнял брови. — «Стереометрия многоуровневых плетений»? На первом курсе настолько усложнили программу?

— Иду на опережение. — Нелл поставила книгу на полку, пока Тэйт не заглянул под обложку и не увидел надпись на форзаце: «Собственность О. Лэндона». Заклеить ее рука не поднималась.

— Идешь на опережение, а на танцы не идешь. Ясно. Чем тогда

займемся вечером? Поупражняемся в создании многоуровневых плетений? Я знаю парочку интересных.

— Не сомневаюсь, — вздохнула Нелл. — Но шутка затянулась. Думаю, твоя бывшая уже изгрызла локти до кости, и нет смысла продолжать представление.

— Тебе так жаль ее локти? Или есть и другая причина?

— Есть, — не стала юлить Нелл.

— Мистер «Все сложно», я полагаю? Сложности разрешились?

— Частично.

— Частично, — повторил Тэйт. Под его непривычно серьезным взглядом Нелл сделалось не по себе. — И ради этого «частично» ты гонишь целого меня? Что тебе с ним светит?

«Ничего», — мысленно ответила Нелл, прежде чем спросить вслух:

— А что мне светит с тобой? Помнится, жениться на мне ты в первый же день отказался.

— Я и сейчас не собираюсь, — с обезоруживающей откровенностью сказал алхимик. — Ни на тебе, ни на ком-либо еще до тех пор, пока не буду уверен, что смогу обеспечить семью.

— Серьезный подход.

— Да уж серьезнее, чем был у моего папаши, который заделал матери шестерых детей и дал деру, когда понял, что их надо еще и кормить. Но я не о том. Ты мне нравишься, Нелл, без шуток. Не хочется, чтобы ты влезла в полное... хм... в сложности свои еще больше влезла. Со мной хотя бы все честно, а с этим твоим...

— Ты так говоришь, как будто знаешь, о ком речь.

— Не знаю, — согласился Тэйт. — Но догадаться несложно. Из студентов рядом с тобой вертится только сопливый пузан из твоей группы. Такая девушка, как ты, с ним только под приворотом встречалась бы. Значит, он — преподаватель. Встречаетесь тайком, после занятий. Час-два, и ты возвращаешься в общежитие, а он спешит домой, к жenuшке. Угадал?

Почти угадал. Встречи их длятся дольше, и жenuшки у Оливера нет.

— Меня устраивают такие отношения, — сказала Нелл. — В том числе отсутствием перспектив. Я тоже не планирую в ближайшие годы связывать себя брачными узами.

— Я уже сказал, что не собираюсь на тебе жениться, — напомнил Тэйт. — Чем же тогда он лучше меня?

— Ты можешь передумать.

Обещать, что не передумает, он не стал. Махнул рукой и развернулся к двери. Сделал шаг и резко обернулся.

— В семь будь готова. Идем на танцы.

— Но...

— Никаких «но». Считаю, я спасаю твою репутацию. Отвожу лишние подозрения. А заодно обеспечиваю культурный досуг, который твой профессор тебе не организует. По студенческим клубам он тебя точно водить не будет. А потом...

— Что?

— Потом либо ты одумаешься, либо я найду тебе замену, и мы официально расстанемся. Моя репутация тоже не должна пострадать.

— Дарлу возьмем? Кстати, чем тебе не кандидатка?

— Она маленькая.

— Точно, — вспомнила Нелл. Соседке едва исполнилось семнадцать. — Прости, не подумала.

— Я не о том, о чем ты не подумала, — усмехнулся алхимик. — Ростом она для меня маленькая, с ней танцевать неудобно. Но возьмем, пусть ребенок развлечется.

С Тэйтом было легко.

С Оливером — странно. Ее до сих пор тянуло к нему, но в этой страсти почти не осталось безумия, Нелл просто знала, что с этим мужчиной ей будет хорошо и хотя бы ненадолго отступят тоска и тревоги. Главное, чтобы это не стало навязчивой привычкой, ей и курения хватит.

Он вернулся в среду вечером.

Нелл шла в столовую с Дарлой и Реем, когда почувствовала, как что-то теплое сжало запястье, на котором закреплено заклинание переноса. Прежде такого не случалось, но она сразу поняла, что это означает. Сама же обещала прийти, если он позовет.

Друзьям объяснять ничего не стала, задержалась на тропинке, пропуская их вперед, сложила зонт и, убедившись, что следом никто не идет, активировала плетение.

Телепортироваться без поддержки оказалось не так комфортно: перед глазами все поплыло, лишившееся опоры тело утратило устойчивость, а в довершение выпачканные в грязи подошвы ботинок заскользили по гладкому паркету ректорской гостиной. Нужна практика, чтобы не падать на выходе. Но пока хватило надежных рук, удержавших за плечи.

— Я мокрая, — предупредила Нелл.

— И это замечательно. — Оливер прижался горячими губами к ее лбу. — Прости за такое приглашение. Не знал, где ты, и не хотел ждать ночи.

— Не извиняйся, все в порядке.

Или нет? Пальцы, стершие с ее щеки дождевые капли, были, как и губы, сухими и горячими, а сам мужчина выглядел утомленным.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. — Оливер поднырнул под потянувшуюся к его лбу руку Нелл так, что ладонь, скользнув по гладким черным волосам, оказалась у него на плече. — А так еще лучше.

Обманщик. Губы пересохли, пальцы, распутывающие тесемки ее плаща, чуть подрагивают, дыхание жаркое — это не обжигающая страсть, это повышенная температура.

— А ты как? Мне сказали, ты пропустила занятия из-за нездоровья.

Лучшая защита — это нападение. Еще можно наглядно продемонстрировать, что бодр и полон сил. Оливер использовал оба способа: Нелл рта не успела открыть, чтобы ответить, как он подхватил ее на руки, донес до ближайшего кресла и, опустившись на пол, принялся снимать с нее грязные ботинки.

Заботу — не важно, о ней или о надраенном паркете, — Нелл оценила. В прогулах покаялась. Заодно обмолвилась, что ходила на танцы с другом. Оливеру следовало знать, что ее отношения с алхимиком не более чем приятельские. Ревность не ревность, но известие, что, встречаясь с ним, она одновременно крутит роман с каким-то студентом, милорду ректору вряд ли понравится, и если он услышит о Тэйте не от нее, то, несомненно, именно так и подумает. Сейчас же, кажется, понял правильно. Только все равно нахмурился и спросил, зачем ей это нужно.

Зачем? Чтобы не сидеть вечерами одной и не позволить себе скатиться в ненужные мечты...

— Ты же не будешь водить меня в студенческие клубы? — привела она подсказанный алхимиком аргумент.

Он не спорил.

— Ты ужинала? — поинтересовался, закрывая тему.

— Не успела.

— Составишь мне компанию? А потом... Нужно поговорить.

— О чем?

— Потом. — Оливер подал ей обе руки, помогая встать с кресла, притянул к себе и снова надолго приник губами ко лбу.

Теперь он был совершенно холодным.

Мерзкое чувство, когда сидишь за длинным столом министерского зала совещаний, слушаешь доклад о банде, в которую входят маги-ренегаты,

озлобившиеся на более удачливых коллег, а перед глазами — тонкая белая фигурка на фоне закатного моря. Гонишь несуразные ассоциации, но со следующими словами докладчика понимаешь, что ничего несуразного. Бывшая студентка, не получившая диплом, не могущая даже заявить о себе под страхом быть арестованной — у некоторых преступлений нет срока давности, а теперь на ней еще и подлог документов... Зачем она в академии? Только ли для того, чтобы заново устроить свою жизнь, как сказала Сюзанне? Случайно ли поступила на его курс? А та ночь? И после? А Оуэн Лэндон, Умник Оуэн, чья жена погибла при испытаниях армейских артефактов, не жаждет ли он мести? Всем магам сразу — тем, кто придумал использовать амулеты как оружие, тем, кто не позаботился о защите для артефакторов, или — еще ближе — сотрудникам академии, рекомендовавшим талантливую выпускницу вербовщикам из военного ведомства? Тех сотрудников, возможно, уже нет в живых, как и Вилмы, но академия-то есть. И Лэндон присылает сюда «племянницу»...

Снова подозрения, как с татуировкой. И снова понимание, что не все в этой схеме сходится. Спонтанная трансляция эмоций — воспоминания до сих пор невероятно остры — такого не подделать...

Но если все-таки можно, это — идеальная ловушка, и он в нее попался.

Верить не хотелось, ошибиться — тоже.

Хеймрик во время совещаний сидел на противоположной стороне стола. Не сводил с Оливера сосредоточенного взгляда. А лорд Ашгон в первый день сборов пригласил на «неофициальный» ужин, чтобы так же неофициально поинтересоваться, чем его привлекло дело десятилетней давности.

Первого Райхон игнорировал. Второму пришлось лгать, рискуя в случае раскрытия обмана испортить отношения с одним из влиятельнейших людей королевства.

Лгать Оливер не любил, потому и решил, что по приезде поговорит с Нелл начистоту. Расскажет, что знает о ней, пусть не все, но многое, потребует... нет, попросит объяснений...

Но начать обещавший быть нелегким разговор так и не решился.

— Ты все-таки заболел. — Нелл коснулась его руки, отвлекая от размышлений.

— Кажется, простыл, — признал он нехотя. Температура подскочила вчера, после ужина у Ашгонов, а сегодня в течение дня неприятно тянуло мышцы во всем теле и бросало то в жар, то в холод.

— Простуда — это нестрашно. — Она отложила вилку, давая сигнал к

окончанию ужина. — Но неприятно. У тебя же есть какое-нибудь действенное средство? Отправляй меня обратно, прими лекарство и отдохни.

— Так и сделаю. Только...

— Да, ты же хотел о чем-то поговорить.

— О выходных. Не желала бы опять проведать подругу?

— Зависит от того, что она мне предложит.

— Поход в Королевскую оперу?

Леди Аштон говорила, что в субботу состоится какая-то ожидаемая премьера, а у Райхонов имелась собственная ложа, переходившая из поколения в поколение вместе с титулами и имуществом — тоже недвижимость, можно сказать.

— Опера? — Нелл виновато пожала плечами. — Заманчиво, но у меня нет подходящих нарядов.

— Будут.

А разговор, как он и обещал, потом.

ГЛАВА 13

Наутро о недомогании почти ничего не напоминало. Осталась легкая слабость в ногах, и голова кружилась при резких движениях, но ни то ни другое не мешало заняться делами.

Сначала — совещание с главами факультетов. Учитывая, что в понедельник ввиду отсутствия ректора традиционная планерка не состоялась, собрание в четверг лишних вопросов не вызвало, как и ненужной паники: информацию об инциденте в Найтлопе и опасениях господ из вышестоящих ведомств Оливер озвучил нейтральным тоном, попросил отмечать любые странности и вернулся к проблемам учебного процесса. Остальное — работа Крейга.

После — внеплановые занятия со своей группой. Курс расписан по часам, и пропущенные дни нужно наверстывать. Убрать из лекции общие моменты, добавить к домашнему заданию, а в оставшийся час провести небольшой семинар.

Но прежде...

— Мисс Мэйнард, журнал, пожалуйста.

Пальцы соприкоснулись. Взгляды встретились ненадолго, ее вопросительный, чуть окрашенный беспокойством, и его успокаивающий: все в порядке, спасибо за заботу.

Можно продолжать.

Крейг начнет с общей проверки. Документы у Нелл в порядке, тут старик не подкопается. Но как поведут себя Россы, когда узнают о введении особых условий? Не отнесут ли появление в академии давно почившей мисс Вандер-Рут к тем самым странностям, о которых следует извещать руководство, а если отнесут, то куда обратятся, к ректору или в полицию?

Хорошо бы никуда, но нельзя полагаться на удачу. Значит, нужно торопиться...

— Сожалею, леди Каролайн никого не принимает.

Сожаления ни в голосе эльфийского стража, ни в его прозрачных, похожих на льдинки глазах не было и близко.

— Что-то случилось? — спросил Оливер беловолосого нелюдя, высокого и тонкокостного, как все эльфы, и такого же безучастного ко всему, что происходит за пределами посольства, куда ректор отправился сразу после окончания занятий.

Зачем эльфам понадобилось официальное представительство в академии, никто доподлинно не знал, но ректор подозревал, что длинноухие соседи, с которыми людей связывали века дружбы, а до этого — тысячелетия войны, из посольства наблюдали за человеческими магами в процессе обучения. Изучали их, ставили на них опыты — не в лабораторных условиях, а в естественной среде. Например, дежуривший у калитки эльфийский страж неоднократно испытывал терпение милорда Райхона: в этот раз сделал вид, что не расслышал или не понял его вопроса.

— Леди Каролайн здорова? — спросил иначе Оливер.

— Да, — ответил длинноухий коротко.

— Но никого не принимает?

— Да.

— Могу я узнать причину?

— Можете. У леди Каролайн. Когда она вас примет.

В этом все эльфы.

Обращаться за помощью к послу не хотелось. Иметь дело с его дочерью проще. Когда она в настроении. Еще лучше — в человеческом настроении, потому что чаще всего леди Каролайн вела себя как чистокровная эльфийка. Тем не менее был в академии человек, который с ней неплохо ладил, но этот вариант Оливер оставил на крайний случай.

В ректорате его ожидал сержант Эррол с подготовленными Крейгом документами: протокол требовал, чтобы распоряжения по изменению условий безопасности подписывал глава академии. Но кое-что Рысь принес лично ректору.

— Оуэн Лэндон. — Оборотень вынул из кармана сложенный лист, точь-в-точь такой же, как в тот раз, когда собирал информацию о матери Нелл. — Пока только общие сведения: родился, учился, жил, умер...

— Он умер? — Оливер оторвался от бумаг, которые подписывал не читая.

— Около трех лет назад... — Сержант стусевался. Он понятия не имел, в каких отношениях ректор состоял с человеком, о котором просил разузнать, а теперь, видимо, заподозрил, что они могли быть приятелями и сообщить о смерти мистера Лэндона следовало тактичнее.

— Точно умер? — спросил Оливер. — То есть... Известно, как он умер?

Рысь замотал головой:

— Последнее место жительства — Рассель, южный округ. Можно послать запрос в тамошнее отделение. Но смерть не насильственная, иначе

была бы особая отметка. От естественных причин или несчастный случай.

То ли утопился, то ли застрелился...

Если Лэндон мертв, это объясняло, почему он не приехал в академию вместе с Нелл, как собирался, судя по тому, что сказал Абнеру. А с другой стороны, что из того, что он говорил Бренту, было правдой?

— Так мне отправить запрос? — переспросил полицейский.

— Не стоит.

Что даст запрос? Ему назовут причину смерти?

Но разве ему нужна причина? Нет, он хочет знать, на самом ли деле тот человек мертв. А таким образом вопрос в официальном письме не поставишь.

Рассель, южный округ...

Простившись с сержантом Эрролом, Оливер снял трубку телефонного аппарата и попросил связать его с порталной станцией.

«Разорюсь», — подумал привычно, услышав стоимость перехода. Привкус меди на языке напомнил, что телепортация на большие расстояния бьет не только по кошельку, но никому другому он это дело все равно не поручит, а постоянные сомнения и подозрения вредят здоровью не меньше пространственных скачков.

Оставалось выбрать время. Завтра нельзя: лекции на спецкурсе, дела с полицией, возможные звонки «сверху». В выходные пообещал Нелл оперу.

Оливер посмотрел на часы. Начало второго.

Всего лишь начало второго.

— Мистер Флин, меня не будет до завтрашнего утра. Всю корреспонденцию оставьте на столе, посетителей запишите на завтра.

— Но...

— И не задерживайтесь на работе. В вашем возрасте это вредно.

После слов о возрасте секретарь, бывший лет на двадцать моложе ректора, недоуменно икнул и упустил момент, когда милорд Райхон испарился из приемной.

А в молодости действительно вредно посвящать все свое время работе, жизнь-то уходит. Но, уходя, все равно возьмет свое, и будешь на пороге старости восполнять пробелы, встречаться тайком со студентками и искать приключений на седеющую голову.

В южном округе Расселя среди раскинувшихся у подножия гор ферм с их просторными загонами и виноградниками был всего один город, вернее, городок на две тысячи жителей — Фонси. Именно туда привел Оливера портал. Положа руку на сердце, это была самая сумасшедшая из его

последних идей, но переход прошел на удивление легко: видимо, организм приспособился к безумствам.

Дожди и холода пока не добрались до южных провинций. Тут стояла теплая ласковая осень. Солнце светило ярко, небо радовало безоблачной синью, клены скупно, по одному бросали на ветер едва пожелтевшие листочки, а рядом стояли по-летнему зеленые акации. С крыльца станции открывался вид на растянувшийся от края до края горизонта горный хребет: дальние пики венчали шапки ледников, а на ближайших к Фонси пологих невысоких склонах белел во второй раз в этом году расцветший рододендрон. К сожалению, запах не долетал до пропыленных улочек, вдоль которых выстроились деревянные дома в один-два этажа, и из всех ароматов, коими богата здешняя природа, в городском воздухе особенно сильно ощущался запах навоза.

Запахом дело не ограничивалось. Спустившись со ступеней портальной станции, милорд Райхон резко затормозил перед благоухающей кучей. Оглядевшись и не заметив спешащих убрать данное безобразие дворников, осуждающе прищелкнул языком, снял ненужный в погожий день плащ и, перебросив его через руку, по дуге обогнул горку навоза, чтобы через несколько шагов наткнуться на следующую. Тротуаров, на которых пешеход был бы избавлен от необходимости обходить подобные препятствия, в Фонси еще не изобрели.

— Мистер! Эй, мистер! — хрипло окликнул кто-то.

Оливер обернулся на голос и заметил мужчину, сидящего на скамейке рядом с заколоченной дверью, за которой, судя по выцветшей вывеске, некогда располагалась часовая мастерская.

— Вы ко мне обращаетесь, милейший?

«Милейший» сдвинул на затылок кожаную шляпу с широкими загнутыми по бокам вверх полями и продемонстрировал в улыбке желтые зубы.

— Впервые у нас, мистер? Вам нужен проводник?

— Нет, благодарю.

Абориген почесал заросшую темной щетиной щеку, оценивающе оглядел новоприбывшего, задержавшись на свисающей из кармана цепочке от часов, и изрек уже не вопросительно:

— Вам нужен проводник.

После чего со значением перевел взгляд за спину Оливеру. Тот оборачиваться не стал, и так понятно, кого он там увидит. Такие же милые люди в потертой кожаной одежде, грязных сапогах и шляпах с загнутыми полями, при револьверах или с длинными, скрученными кольцом

хлыстами. Видно, в Фонси не было не только уборщиков, но и полицейских, раз уж среди бела дня к гостям города так навязчиво набиваются в провожатые.

— Тронут вашей заботой, но проводник мне не нужен.

Конец фразы заглушили вскрики и ругательства людей, наткнувшихся на выставленную Оливером защиту и с силой отброшенных на противоположную сторону улицы. Знали бы, что встретили мастера проклятий, малефика в просторечье, благодарили бы, что всего лишь сбил с ног, но поскольку маг не представился, ругань продолжилась, только затихала вместе с быстро удаляющимися шагами. Лишь несостоявшийся проводник прилип к своей скамейке и глядел со смесью страха и недоверия, так что к отсутствующим в городе дворникам и блюстителям порядка Оливер мысленно приписал магов: во всяком случае, такие, кто мог бы в несколько секунд сплести и активировать защиту пятого уровня, в эту дыру точно не заглядывали.

Как же Лэндон прожил здесь столько лет? И Нелл? Не получалось представить ее на этих грязных улочках.

— Мне нужен не проводник, — Оливер приблизился к заерзавшему на скамейке человеку, — а тот, кто хорошо знал бы жителей города и окрестных ферм.

Достал бумажник и извлек на свет хрусткую купюру.

— Ну... — Мужчина заискивающе улыбнулся. — Тут все друг друга знают. Это же Рассель...

— Все? — уточнил маг. — Тогда подыщу другого помощника.

Он убрал банкноту и бодро зашагал по улице, спиной чувствуя исполненный горькой обиды взгляд.

Хотя бы один представитель закона в Фонси все-таки должен был быть, и изначальный план предполагал найти его, назваться дальним родственником Лэндона и выяснить подробности безвременной кончины Умника, но после слов о том, что все здесь друг друга знают, решено было попытать счастья, не обращаясь к властям. Простые горожане скорее отнесутся с сочувствием к его мнимой потере и не станут задавать лишних вопросов, особенно если им пообещают за помощь небольшое вознаграждение.

Оливер двигался к центру городка, читая вывески. Если он правильно представлял себе местный уклад, где-то должна быть контора, занимающаяся скупкой товаров у фермеров, и питейная, куда те сворачивают после, чтобы избавиться от части заработанных денег.

Бордель?

Бордель имелся. На балконе второго этажа курила, уложив на узкие перильца вываливающуюся из распущенного корсажа грудь, растрепанная рыжеволосая девица. Вторая — короткостриженная брюнетка — стояла рядом, без всякой нужды обмахиваясь перьевым веером. Оливер лишь вскользь мазнул по ним взглядом, они же, в мгновение ока оценив его костюм и приметно блестящую на руке золотую печатку, подобрались, но тут же отвернулись со скучающим видом: чутье на потенциальных клиентов у представительниц древней и до сих дней востребованной профессии было лучше, чем у местных «проводников».

Оливер заглянул в распахнутую дверь первого этажа, где находилось нечто вроде ресторанчика, но дневному времени пустующего, и двинулся дальше. Миновал полицейский участок — да, он тут был! — поглядел на украшавший дверь навесной замок и флегматично пожал плечами, обращаться к законникам он все равно передумал. Но и добрые горожане на пути не встретились. Не считать же таковыми ватагу мальчишек или двух немолодых женщин, при виде чужака поспешивших свернуть в ближайший переулок?

В итоге он прошел Фонси от южной окраины, где располагалась порталная станция, и до северной. Тут ему наконец-то повезло. Там, где заканчивались дома, улица переходила в рыночные ряды, и не все они еще опустели. Оливер заметил четверых мужчин у загона со свиньями и направился в их сторону. Фермеры, заметив его, присмотрелись, обменялись взглядами, но отреагировали так же, как девицы из борделя: надежд на то, что хорошо одетый незнакомец купит хрюшек, они не питали.

— Не подскажете, как мне добраться до фермы Оуэна Лэндона? — спросил, подойдя к ним, Оливер. — Было бы неплохо, если бы кто-то мог меня подвезти. Я заплачу.

Никуда ехать он не собирался, но для завязки беседы просьба вполне годилась.

— Ферма Лэндона? — Пожилой мужчина, старший из всех, сплюнул в пыль табачную жвачку. — Это можно, мне как раз по пути. Если только ферма нужна, а не сам Оуэн.

— Вообще-то сам. Я прибыл без предупреждения...

— И опоздали, мистер.

— В марте два года как, — добавил стоящий за плечом старшего молодой парень, судя по внешнему сходству, сын.

— Как — что? — притворился, будто не понимает, Оливер.

— Как Оуэна не стало, — сухо просветил старший. — Хороший был

мужик, земля ему пухом.

— А вы ему кто? — возникла перед магом невысокая худощавая женщина лет сорока пяти, одетая, как и мужчины, в широкие подшитые кожей штаны и шерстяную рубаху и в такой же, как у них, шляпе с загнутыми полями.

От неожиданности Оливер замешкался с ответом.

— Старый знакомый, — выговорил, опомнившись. — Не виделись несколько лет, а тут был поблизости...

— Случайно мимо проходили? — недоверчиво усмехнулась фермерша.

— Не совсем случайно, — ответил он уклончиво. — Прибыл по делам... э-э-э... железнодорожной компании...

Читал в какой-то газете, что планируют протянуть новую ветку от гор к побережью. В связи с этим прогнозировался рост цен на земельные участки в этой части королевства. Те землевладельцы, через чьи участки проложат чугунку, хорошо заработают на каждом акре.

На лицах фермеров пропечатались буквы газетных статей, а в глазах промелькнули цифры предполагаемых цен.

— Так, говорите, Оуэн умер? — не дав им опомниться, спросил Оливер. — От чего? На здоровье он, помнится, не жаловался.

— Не повезло, — вздохнул пожилой, отправляя за щеку новую порцию табака. — Гадюки у нас тут по весне в низинке... Не, не укусили, лошадь испугалась да взбрыкнула, Оуэн и не удержался...

— В овраг, на камни скатился, — уточнил молодой. Двое других мужчин в разговор не вступали, только слушали. — Позвоночник сломал. Док сказал, никаких шансов не было.

— Змея, а как же! — подала голос женщина. — Как есть змеюка желтоглазая! Не слушайте вы этих рассказней, мистер. Все знают, что Оуэна ведьма в могилу свела.

— Не подтягивай местным сучкам, Бетти, — без раздражения осадил сплетницу пожилой. — Не берите в голову мистер, — обернулся к Оливеру и добавил то, что, по его мнению, все объясняло: — Бабы.

Оливера подобное объяснение не удовлетворило, и фермер, угадав это по взгляду, уточнил так же скупно:

— Жила у Оуэна девчонка, племяшка его сколько-то-юродная.

— Племяшка, а как же! — не желала умолкнуть склочная тетка миссис Грин. — Знаем мы таких племяшек. Шалава!

— Бетти, не встречай, — устало вздохнул фермер, очевидно приходившийся этой особе мужем. Молчавшие до этого мужчины так же без слов развернулись и ретировались подальше от намечающегося

скандала.

— Что Бетти? Я уж пятый десяток Бетти! А ведьму эту не выгораживай! Хвала богам, убралась отсюда. А то невесть на кого после Оуэна повесилась бы. Или ты сам к ней в койку метил?

Мужчина бессильно махнул рукой, не желая спорить.

— Простите, мэм, — осторожно вклинился Оливер. — Почему вы думаете...

Он хотел спросить, почему фермерша считает Нелл ведьмой, но та поняла по-своему:

— Что она с ним спала? Так тут и дураку понятно. До того как эта белобрысая появилась, Оуэн в город частенько приезжал. Мужчина он видный был, одинокий, к девочкам нередко захаживал. А как завелась у него эта, так он в борделе и не появлялся.

— Это — точные сведения? — спросил маг серьезно.

— А как же! — гордо подбоченилась женщина.

— Из первых рук, полагаю?

Фермерша непонимающе захлопала глазами, поглядела, ища поддержки, на мужа, но тот ответил глумливой усмешкой:

— Иди-ка к фургону, Бетти. Не позорься. А то мистер и впрямь решит, будто ты у матушки Фло подрабатываешь, раз так хорошо знаешь, кто туда захаживает.

— Я? — вспыхнула почтенная пейзажка.

— А что? — оценивающе пригляделся к ней супруг. — Тебя приодеть да завить, сам к такой ходить буду! — Шлепнул женщину по обтянутому запыленными штанами задку и кивнул в сторону стоящей поодаль крытой повозки. — Ступай уже, не встравай в мужской разговор.

Оливер проводил взглядом удалившуюся недовольную фермершу и поглядел на скатывающееся к кромке гор солнце. Оттянул сдавленный галстуком ворот.

— Жарковато у вас в сравнении с теми местами, откуда я прибыл. Посидеть бы где, опрокинуть стаканчик. — Между пальцами зашуршала не отданная горе-проводнику купюра. — Я угощаю.

Немолодой фермер понятливо крякнул, покосился на сына, и того словно ветром сдуло.

— Некогда мне прохладиться, мистер. А угостить и сам могу. — Он протянул магу отстегнутую от пояса флягу, а сложенная банкнота переместилась в его морщинистую руку.

Оливер отвинтил крышку и, не покривившись, сделал несколько глотков. Крепкое пойло выжгло дорожку от засаднившего горла к

превратившемся в кипящий лавой вулкан желудку, зато фермер глядел с уважением.

— Бабского трепя не слушайте, — махнул он рукой. — Если девчонка в чем и виновата, так только в том, что Оуэн и впрямь перестал по шлюхам ходить. А когда его лошадь скинула, ее там и близко не было. Гадюка, говорю ж вам. Отара рядом на выпасе была, пастухи при ней — они все видели. Один тут же в город поскакал, а второй — к Лэндону на ферму, сказать, значит. Нелл — девчонку ту Нелл звали — в седло и на пастбище. Бетти ее не зазря ведьмой назвала, умела она кое-что, да и Оуэн сам из этих был, но вы про то, думаю, знаете. Только магией не всегда помочь можно, не вышло у девчонки ничего. Док наш сказал, сила у нее не на целение, сама чуть не окочурилась... Он много что еще говорил, нам не понять, мудрено слишком. А вы, если интересно, загляните к нему, он на той стороне Фонси живет, недалеко от порталной станции.

Получалось, в поисках информации Оливер сделал огромный крюк, но путешествие через весь город прошло не зря: кое-что он уже узнал.

— Загляну, — пообещал он фермеру. — И к Оуэну на могилу бы... Его похоронили на ферме или на городском кладбище?

— Тут он, тут. Вон храм видите? За ним сразу кладбище. Дальше от ворот, ближе к полю смотрите, там самые свежие могилы. После Оуэна всего человек десять схоронили, отыщете.

— Отыщу, спасибо. А та девушка, я верно понял, она не так давно появилась в Расселе, да? Оуэн не рассказывал, откуда она взялась, кто ее родители?

— Про родителей не рассказывал. А откуда взялась, мы и сами знали. Эльф ее привез.

— Какой эльф?

Фермер не ответил. Облокотился на загородку и принялся меланхолично пересчитывать хрюкающих в загоне свиней. Чтобы вернуть ему интерес к разговору пришлось пожертвовать еще одной банкнотой.

— Растения Оуэн выращивал. Лекарственные и... как бы наоборот. Честно все, у него лицензия на это дело была. Док наш кое-что у него покупал. Табачник на примеси. Ну и эльф этот приезжал несколько раз. Как зовут и откуда — не скажу, но вроде Лэндон его с прежних времен знал. Вот лет семь-восемь назад длинноухий девчонку и привез. Она, видать, смесок, такая же худая, беловолосая, только уши человеческие, да рисунков на лице нет. А глаза — не людские и не эльфячие — желтые, вы ж слышали, как Бетти сказала?

— Слышал. И не только это. Нелл тут не слишком любили?

Фермер пожал плечами:

— Не то чтобы не любили. Не знали. Нелюдима она была, особенно поначалу. Потом освоилась понемногу. У нас ведь, эльфа ты или гоблинша, на лавочке в тенечке не отсидишься, на земле работать надо, за скотиной ходить, хозяйство вести. Бабы наш и злословили, что погонит Оуэн эту белоручку... Белоручка — не оттого, что бездельница, белокожая она была, не то что наши девки. Но ничего, прижилась на ферме, дармоедкой у Лэндона на шее не сидела. Да и если мужик никуда из дому не рвется, выходит, хорошо ему дома, да?

— Да, — сквозь зубы согласился Оливер.

— Ну вот, за то бабье на нее и ополчилось. Мол, ни кожи ни рожи, а не последнего мужика в предгорьях захомутала. А уж когда узнали, что он ей ферму оставил...

— Оуэн завещал ферму Нелл? — Маг без сожаления расстался с очередной банкнотой.

— Угу. Все ей отписал. А кому еще? Хоть и не родная племянница, а седьмая вода на киселе, еще и с длинноухими нагулянная, так другой родни у него все равно не было. Но это я так понимаю, мне своего хозяйства хватает, чужого не надо, а некоторым не по нраву пришлось. Останься девчонка тут, как пить дать, заклевали бы ее. Но она, не будь дурой, тем же летом землю и все, что на ней, старику Джонсону продала, и с тех пор ее в этих краях не видели. Деньги она взяла хорошие, так что, видать, где лучше устроилась.

«Устроилась, а как же!» — подумал Оливер, невольно копируя интонации фермерши Бетти. Комнатушка в общежитии, три платья, одно из которых форменное, ботинки со сбитыми носами... Может, не так много она получила от продажи фермы?

Его собеседник точной суммы не знал, но назвал ту, что фигурировала в местных сплетнях. Даже если разделить для верности на два, получалось немало. Что же стало с деньгами?

С рынка Оливер отправился на кладбище и нашел могилу Лэндона. На надгробной плите только имя и даты рождения и смерти. Пятьдесят один год — для сильного мага, каким, если верить Бренту, был Оуэн, не возраст, но Оливер отметил с удовлетворением, что сам он на несколько лет моложе, и тут же разозлился на себя: нашел чему радоваться. На волне раздражения вобрал в себя энергию потоков и, приложив руку к сухой комковатой земле у надгробия, послал вниз мощный импульс. Вернувшееся эхо подтвердило, что в могиле лежит тело, мужское, давность захоронения от двух до трех лет, смерть произошла в том же интервале, и некроманты с

останками, скорее всего, не работали. Узнать что-либо еще без эксгумации трупа возможности не было, но могила не пуста, и в том, что в ней покоится именно Лэндон, Оливер уже не сомневался. Подозрения подозрениями, но не каждому в этой истории дано умереть и воскреснуть.

Руководствуясь подсказками фермера, он нашел в квартале от станции жилище доктора Эммета. Целитель обитал в примыкавшем к столярной мастерской доме, и, поскольку делали в мастерской не только мебель, но и, как гласила вывеска, «удобные и качественные гробы», такое соседство несколько настораживало. Да и сам доктор Эммет, высокий сухопарый старик в черном костюме, походил скорее на могильщика, нежели на целителя, особенно в первую минуту встречи, когда он, отворив дверь, долго хмурил седые кустистые брови, изучая стоящего на крыльце посетителя, словно раздумывал, не послать ли того сразу к столяру.

— Я ничего не покупаю, — изрек наконец. — И не продаю.

— Я тоже, — успокоил его Оливер.

— И не лечу неврозы.

— Я не нуждаюсь в лечении.

— Это вы так думаете, — пробурчал Эммет. — С чем тогда пожаловали?

— Мне сказали, вы были свидетелем последних минут жизни Оуэна Лэндона...

— А, вы этот, из железнодорожной компании.

Слухи тут распространялись быстро, и переносились они, видимо, сами собой, по воздуху: когда Оливер ушел с рынка, все слышавшие, как он назвался представителем помянутой компании, оставались еще там.

— Собираетесь оттяпать участок Лэндона? — осведомился доктор, не скрывая неприязни. — Ну-ну, потягайтесь с Джонсоном, докажите, что он купил землю незаконно.

— Земля меня не интересует. И к железнодорожной компании я отношения не имею, разве что езжу иногда их поездами. Боюсь, я невольно ввел кого-то в заблуждение.

— Ввел-ввел, — косо усмехнулся Эммет. — А уж невольно ли...
Входите.

Одна из трех дверей вела из прихожей в небольшой чистый кабинет. Стол, кушетка, два стула. Над столом в рамочке — диплом и лицензия целителя. Вряд ли кому-то в этой глуши есть дело до образования «дока», но Эммет не отступал от общепринятых правил: пациенты должны знать, что обратились не к шарлатану.

— Садитесь.

Оливер послушно опустил на указанный стул.

— Что же вас интересует, если не земля Лэндона? — спросил доктор, усаживаясь напротив.

— Обстоятельства его смерти.

— И чего ради я должен вам что-то рассказывать?

— А чего ради вы согласились бы что-то рассказать? — прямо спросил Оливер, внезапно поняв, насколько устал изворачиваться и придумывать объяснения своему любопытству.

Эммет задумался.

— Потребуется свидетельствовать в суде? — уточнил он.

— Нет, информация нужна мне лично.

Целитель хмыкнул. Пригладил топорщащиеся во все стороны седые волосы.

— На чем специализируетесь? — спросил он Оливера. Тот свою принадлежность к одаренным не скрывал, и доктор наверняка с первого взгляда понял, что перед ним сильный маг.

— Проклятия и защита.

— Малефик, значит? Прекрасно. Обновите защиту дома и спрашивайте что угодно. Посчитаю нужным о чем-то умолчать — умолчу. В остальном готов поклясться на крови. Устраивает?

— Вполне.

Целитель запросил высокую плату: услуги мага уровня Оливера Райхона стоят недешево, и тот планировал выжать из Эммета как можно больше сведений, чтобы окупить затраты.

— Итак, что именно вы хотите знать? — спросил доктор, убедившись, что усилиями залетного малефика его жилище на несколько лет вперед защищено от незваных гостей и враждебных чар. Именем гостя он с начала беседы не поинтересовался, очевидно включив анонимность в перечень оплаченных услуг.

— Расскажите о Лэндоне. Как долго он тут жил?

— Лет пятнадцать, кажется. Или четырнадцать. Купил участок... У нас так не принято, обычно землю выкупает кто-то из своих, но наследники бывшего хозяина давно перебрались поближе к столице, тут даже не появлялись и наследство продали, как я понял, первому встречному...

— У Оуэна были конфликты с местными на этой почве?

— Да какие конфликты? — отмахнулся доктор. — У нас здесь народ мирный.

— А как же, — хмыкнул Оливер. Вот же привязалось! — Ваш мирный

народ напал на меня, не успел я и от станции отойти.

— На вас напали? — непритворно удивился Эммет. — Быть того не может! Возможно, вы что-то недопоняли?

— Возможно, — усмехнулся милорд Райхон. — Когда ко мне со спины подбираются вооруженные люди, я становлюсь жутким тугодумом.

— Э? — Целитель почесал макушку и тут же хлопнул себя ладонью по лбу. — Вам предлагали нанять проводника? Так какое же это нападение? Вам ведь не угрожали, не вынуждали ни к чему. Всего лишь предложили свои услуги. Вы отказались, как я понимаю? А многие приезжие соглашаются.

— Видимо, тоже не совсем верно понимают присутствие вооруженного сброда.

— Кто же виноват? — безмятежно улыбнулся доктор. — Пришлым сложно ориентироваться в наших реалиях. И проводников нанимают, и молотки для крокета покупают. Вам не предлагали? Нет? Вы не расстраивайтесь, еще предложат. Этим занимается Малыш Бобби. Торгует обычно после захода солнца — коммерческий ход. Бобби быка кулаком валит, и комплекция у него соответствующая. Когда он в сумерках подходит к кому-нибудь с большим крокетным молотком и предлагает его купить за сколько не жалко, мало кто отказывается. Правда, некоторые потом обращаются в полицию, требуют вернуть деньги, но оснований-то нет. Добровольная сделка, товар не бракованный — первосортный бук, качественная работа... А чтобы разбойное нападение — ни-ни, такого у нас не бывает.

— Да уж, прелестный городок. И что, Лэндон быстро тут освоился?

— Быстро. С магами наш народ стократ дружелюбнее. Впрочем, Лэндон без необходимости силу не демонстрировал. Жил, как все. Виноградником занялся, овец купил. Иногда помогал соседям: дождик вызвать, мышей от амбаров отвадить. Но друзей не завел. Он был не слишком общителен. Вернее, пообщаться не отказывался, говорить мог о чем угодно. Но не о себе. Так что, если спросите о его жизни до Расселя, ничем не помогу.

— Мне сказали, вы покупали у него какие-то травы.

— И что?

По промелькнувшей в глазах Эммета настороженности Оливер сделал вывод, что эта тема из разряда тех, о которых доктор планировал умолчать. Видимо, не на все растения Лэндон имел лицензию, на некоторые ее вообще не дают частным лицам, а за нелегальную торговлю такими травами грозит тюремное заключение.

— Я слышал, не только вы были его клиентом, — обошел вопросы законности милорд Райхон. — Якобы некий эльф...

— Об эльфах ничего не знаю, — даже не дослушал доктор. — Да, появлялся какой-то, приходил несколько раз порталами, но я его видел лишь издали. Ни имени, ни откуда он, не скажу. Можете поспрашивать хромого Кевина, он развозит прибывающих телепортом по окрестным фермам. Но сомневаюсь, что остроухий с ним откровенничал.

— Я тоже, — согласился Оливер. За окнами быстро темнело, и разыскивать по Фонси какого-то Кевина ему не улыбалось. — Но говорят, что в один из визитов эльф привез к Лэндону девушку.

— А-а, — понимающе протянул доктор. Всмотрелся в лицо собеседника и добавил изменившимся тоном: — О-о-о.

— Что можете о ней рассказать? — Оливер проигнорировал намеки, таившиеся в издаваемых целителем звуках.

— Все, что мне известно, — с готовностью заявил Эммет. — Только известно мне немного. Привез ее и правда эльф. Порталом привел. Единственный раз, когда он не поехал сразу к Оуэну, а остановился в гостинице. Девицу страшно мутило после перехода, да и вообще она была нездоровая.

— Вы...

— Нет. Меня к ней не звали. В качестве целителя я общался с Лэндоном лишь перед самой его смертью и помочь, увы, не сумел. Остальное время Оуэн обходился собственными силами. В том числе и с Нелл. Вам ведь известно, как звали ту девушку? Нелл. Высокая, худая, белокожая и беловолосая. Многие считали ее полукровкой, но могу с ответственностью заявить, что эльфов у нее в роду не было, во всяком случае, последние десять — пятнадцать поколений. А что до такой необычной внешности, то это, возможно, какая-то форма альбинизма, мне не доводилось сталкиваться с данным явлением, чтобы говорить с уверенностью.

С уверенностью сказал Грин: это не альбинизм. Сказал больше месяца назад, когда Нелл приходила к нему на прием, но Оливера тогда интересовало одно — можно ли ей заниматься темными материями. После он забыл о том разговоре, а теперь вспомнил и подумал, что не мешало бы разузнать, что еще выяснил Эдвард, и принять меры, чтобы не выяснил лишнего...

— Оуэн представил ее дальней родственницей. Племянницей или вроде того, — продолжал Эммет. — Но, думаю, отношения между ними были несколько иными. И не такими, как вам уже рассказали, —

усмехнулся он, заметив, как гость невольно поморщился. — Или не только такими. Девушка перенесла тяжелое заболевание или стала жертвой магической ошибки, не исключая, что собственной. У нее была понижена способность к накоплению и пропуску энергии, как случается после сильного истощения. А Лэндон занимался ее реабилитацией. Ферма, поверьте мне, курорт тот еще, но некоторым смена образа жизни помогает.

— Нелл помогло?

— Не очень. Нет, до определенного уровня она восстановилась, Оуэн даже брал ее с собой, когда кто-то из соседей просил пособить магией, но больше чем на мелкое бытовое колдовство ее сил не хватало.

— Но...

Оливер вовремя остановился и плотно сжал губы, однако целитель не оставил без внимания не вырвавшийся вопрос. Смерил посетителя долгим взглядом.

— Вы знакомы с ней, — кивнул сделанным выводам. — Она совершила что-то противозаконное? Впрочем, не важно. Я не был другом ни Лэндону, ни его подопечной. А вот случай ее действительно интересен, а мне и поделиться им не с кем... К тому же вы заплатили. Хотите знать, как она вернула силу? Знаете, как говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. Вот и тут так вышло. Когда Лэндона сбросила лошадь, поблизости были двое пастухов. Один помчался ко мне, второй — на ферму, чтобы сообщить о несчастье Нелл. Она успела на место раньше меня. Возможно, будь она целительницей или владей способностями, близкими к целительским... Но ее дар иной направленности. Темный. Как у некромантов или вот у вас... Оуэн получил осложненный перелом позвоночника и множественные внутренние повреждения вследствие падения. То, что каждая секунда на счету, было понятно и не специалисту. Поэтому дожидаться меня Нелл не стала и сделала то единственное, что могла: поделилась с Лэндоном собственной энергией в надежде, что его организм пустит ее на восстановление. Пропускные способности у нее, как я уже сказал, были невелики, но она очень постаралась собрать как можно больше и все влила в Оуэна. «Рывок» — вам знакомо такое понятие? Если его еще используют, а не придумали мудреный термин. По мне, так «рывок» вполне подходит. Рывком можно поднять тяжесть, которую в других обстоятельствах и с места не сдвинешь. Рывком можно вобрать и отдать энергии больше, чем обычно получается. Физическое и энергетическое истощение приводит к закупорке внутренних каналов, и это ограничивает объем собственного резерва мага. Собранная рывком энергия может прорвать эти каналы и привести к полному выгоранию, а то

и к смерти. А может прочистить их и расширить... Понимаете, о чем я?

Оливер кивнул.

— Ей было очень плохо?

— Могло быть хуже, — ответил Эммет. — К вечеру она пришла в себя, и я уехал. На следующий день состоялись похороны, тут же огласили завещание... Нелл присутствовала, хоть и далось ей это не без труда. Потом недели две никто ее не видел. Не сочтите меня черствым человеком, но навязывать помощь тем, кто о ней не просит, я не привык. Да и ей, думаю, хотелось побыть одной.

Рассказанное Эмметом далее Оливер уже знал: Нелл прожила в Расселе до начала лета, оформила за это время все необходимые документы, чтобы продать ферму, после чего уехала. Весь ее багаж уместился в одном чемодане, а мальчишка, отвозивший девушку на железнодорожную станцию, не смог рассказать любопытствующим, куда именно она взяла билет. Возможно, просто села на первый по расписанию поезд...

Когда Оливер, простившись с доктором, направился к порталной станции, на улицах уже стемнело, и появившийся из-за угла здоровяк, игриво помахивающий деревянным молотком с длинной рукояткой, действительно смотрелся «коммерчески выгодно».

— Эй, мистер, — прорычал он, перегордив магу путь. — Вам молоток для крокета нужен? Купите за сколько не жалко.

— Хороший молоток, — заметил Оливер, когда изделие из первосортного бука остановилось в дюйме от его носа. — А вы, милейший, защитой от проклятий не интересуетесь? Могу сделать... за сколько не жалко.

— От каких проклятий? — опешил здоровяк, но молоток на всякий случай опустил.

— Да хотя бы от таких, — взмахнул рукой малефик.

Сверкающее грозовыми разрядами облачко не имело ничего общего с проклятиями, но смотрелось эффектно, настолько, что поклонник крокета застыл на месте, в ужасе раззявив рот. Потом медленно сглотнул, прижал к себе невостребованный товар, словно собирался отмахиваться им от иллюзорного облака, но, подумав, протянул молоток Оливеру и предложил дрожащим голосом:

— Давайте меняться, мистер?

— Давайте, — согласился маг.

Щелкнул пальцами, развеивая безобидный морок, и, уложив на плечо

трофей, пошел к станции.

ГЛАВА 14

Вечером снова шел дождь, капли ударялись о стекло и катились вниз, размывая стремительно темнеющий мир за окном. Ветер гудел в ветвях старой ивы. Нелл куталась в шаль и хмурилась, представляя завтрашний путь на факультет: слякоть под ногами, холодная морось в лицо, рвущийся из рук зонт. Погода под стать настроению.

То, что утро, вопреки ожиданиям, встретило ярким солнечным светом, настроения не улучшило.

— Зря ты с нами вчера не пошла, — щебетала Дарла, прихорашиваясь перед выходом. — Было весело. Правда, музыканты не пришли, но в клубе есть граммофон. Потом в шарады играли...

Нелл старательно улыбалась и думала, что вчера у нее были свои шарады. Что изображает женщина, рассеянно просматривающая объявления на тумбе у столовой? Случайная встреча — неправильный ответ.

Случайности Нелл отмела, едва перехватила вскользь брошенный на нее взгляд Сью. Миссис Росс поджидала ее. Караулила с начала обеда, но так и не придумала повода подойти или позвать к себе «незнакомую» первокурсницу.

Нелл подошла сама. Остановилась с другой стороны тумбы, пробежала глазами вымокшие афишки.

— Все так знакомо, — проговорила в пустоту. — Здесь тоже нужны добровольцы на целительские практикумы. Можно подзаработать денег на больном зубе или бородавках.

— Тебе нужны деньги? — тут же отозвалась Сюзанна.

Представилось, как она вытаскивает сейчас из сумочки горсть смятых бумажек, что доставала впопыхах из тайничков на черный день. Сью всегда делала такие закладки: в книгах, в ящике с бельем, в пустых баночках из-под крема.

— Нет. — Нелл усмехнулась воспоминаниям. — Мне хватает. Лучше купи детям сладостей.

— Я сама знаю, что нужно моим детям!

— Но не можешь понять, что нужно мне? Ничего, Сью. Я уже сказала это. Ничего.

Рядом была беседка, в которой она говорила с Аланом во время Осеннего бала и где потом столкнулась с Оливером. Там можно было

укрыться от накрапывающего дождика и покурить.

Сюзанна, ничего не спрашивая, пошла следом. Молча вошла в уютную еще зеленым плющом беседку. Молча встала у входа.

Но молчания ее не хватило и на полсигареты, а за время, пока она говорила, Нелл выкурила еще две. Требования, обвинения, просьбы, вопросы и снова требования. Нелл не понимала, чего от нее хотят, но готова была согласиться на все что угодно, лишь бы не видеть Сью такой — обозленной, испуганной, жалкой в своих нападках.

— Ты всегда была такой, Хелена! На первом месте — твои желания, и плевать, чего хотят другие, главное, чтобы все было по-твоему. Ты и с Аланом вела себя так же, даже тогда. Решала все сама, подавляла его, не позволяла себя проявить...

Нелл оставалось только кивать. Да, так и было. Подавляла. Решала. Не позволяла. Алан не планировал поступать в аспирантуру, это она предложила. Сказала, что иначе они не смогут видеться каждый день, ведь ей предстояло учиться еще два года, да и только-только получившему диплом демонологу не светило ничего, кроме места в Бюро контроля. Инспектировать места возможных прорывов и обновлять защитные формулы, когда можно заняться настоящей работой? Научной работой, о которой Алан Росс, возможно, никогда не мечтал. Странно, что в таком случае не бросил все это, когда ее не стало. Теперь уже профессор.

А Нелл снова решает за него. Что ему следует знать, чего не следует...

Кажется, именно в этом и обвиняла ее Сюзанна — наутро разговор, оставивший в душе горький осадок, помнился смутно. Зачем она приходила? Чего хотела? Нелл поняла лишь, что не права и что Алан пересказал жене их последний разговор, потому что Сью спросила о мужчине — о том мужчине, которого она, Нелл, предпочла брошенному, как теперь выходило, жениху.

— Десять лет, Хелена! Десять лет я жила с мыслью, что предала тебя. Что не имею права на то, что должно было быть твоим. А оказывается...

Наверное, ей легче стало от этой «правды», и Нелл не опровергала того, что сама же сказала накануне. Возможно, они и встретились только затем, чтобы Сью избавилась от остатков угрызений, а Алан... Разве он пересказывал бы содержание их бесед жене, если бы эти беседы представляли для него что-нибудь кроме проблем?

— Где он сейчас? — спросила Сюзанна, и Нелл не сразу сообразила, что речь не об Алане, а о том несуществующем мужчине.

— Мы расстались. Но не волнуйся, сейчас я не одна. Могу на крови поклясться.

О взаимной кровной клятве муж ей тоже рассказывал, и Сью поджала губы, давая понять, что в этот раз поверит на слово.

— Я уеду в январе, — сказала Нелл, надеясь, что это поставит точку в неслучайных встречах с четой Росс. — Сдам семестровые экзамены и попробую перевестись в Найтлоп.

— А если не получится?

— Все равно уеду. Твое — это только твое, Сью. Я ничего не смогу у тебя отобрать, даже если бы хотела.

Тэйт ждал у общежития, чтобы напомнить, что вечером они договорились пойти в клуб, но Нелл отказалась, подсунув вместо себя Дарлу, а сама читала до позднего вечера, смотрела на потеки на стекле и перебирала паутинку плетения-ключа на запястье, размышляя, не нагрнуть ли ей без приглашения в гости к милорду ректору. В доме у него тепло, а в буфете отыщется джин или бренди.

Но она обещала приходить, только если ее позовут. Он не позвал, и она уснула с мыслью, что нужно пополнить собственные запасы алкоголем, а не надеяться, что в следующий раз ее желание выпить совпадет с желанием Оливера увидеться.

Увиделись они на лекциях.

Милорд Райхон выглядел уставшим и не совсем оправившимся от болезни, но, когда он отпустил остальных студентов и, будто вспомнив о каком-то деле, попросил мисс Мэйнард задержаться, она не стала интересоваться его самочувствием. Взрослый мужчина, сам о себе позаботится. Не хватало еще за него что-то решать, в чем-то подавлять и чего-то не позволять...

— Сможешь сказать соседке, что отправляешься к подруге уже сегодня?

— Опера? — уточнила Нелл.

— Опера завтра. Сегодня хотел пригласить тебя в другое место.

— Куда?

Он загадочно улыбнулся:

— Ты не поверишь, но... в студенческий клуб.

Назвать это иначе, чем мальчишеским бахвальством, было сложно, и Оливер не искал себе оправданий, хотя имелись у него причины наведаться вечером в «Огненный Череп» и помимо желания произвести впечатление на Нелл.

С утра он нашел время и побывал в лечебнице. Переговорил с Грином.

— Да, меня заинтересовал тот случай, — не лукавя признался

целитель, когда Оливер объяснил суть вопроса. — И да, я решил изучить его по мере возможности. Что, если бы необычная внешность вашей ученицы оказалась следствием тяжелого заболевания, которое я не сумел распознать сразу? Но вы знаете мои принципы: что бы я ни выявил, обсуждал бы это в первую очередь с мисс Мэйнард.

— И вы... обсуждали?

— Нет. Я выяснил только, что дефицит пигмента вызван, скорее всего, какими-то чарами, но какими именно — неизвестно.

— Собираетесь продолжить исследования?

— А что?

Эдвард Грин — не тот человек, которому хотелось бы лгать, поэтому Оливер был предельно честен:

— Мне не хотелось бы, чтобы вы этим занимались. Достаточно будет, если я скажу вам, что знаю, что случилось с мисс Мэйнард, знаю, что это не представляет опасности ни для нее, ни для окружающих, и обещаю, что в будущем, если она сама не станет возражать, объясню вам все в подробностях?

Во взгляде доктора читалось столько вопросов, что на них пришлось бы отвечать до следующего утра, но вслух ни одного из них не прозвучало, и даже те, что во взгляде, спрятались до поры под знакомой усмешкой: умел Эдвард напускать на себя вид, будто ему и так все и обо всех известно.

— Я оставляю это дело, раз вы просите, — пообещал он. — Ну а подробности... Если получится, буду не прочь их узнать. Но если нет, я пойму.

«Я пойму» в его исполнении звучало как «все равно узнаю», но Оливер списал этот эффект на свою усилившуюся подозрительность.

От мистера Грина он направился к миссис Грин.

Нашел ту в подвале. Не в морге, но рядом, в маленькой комнатушке, служившей ей подобием личного кабинета. Увидев гостя, она набросила салфетку на эмалированный лоток, содержимое которого до того с интересом изучала, и прикрутила горелку под пузатой колбой с мутной желтой жидкостью.

— Я на минуту, — успокоил Оливер, заметив упрямое под радушную улыбку недовольство целительницы. — Вот уже несколько дней не могу встретиться с леди Каролайн, она отчего-то никого не принимает, и я подумал...

Эльфы и люди редко бывают близки: разные интересы, разные цели, разный образ мышления. По порой между ними завязывается подобие

приятельских отношений, как вот между дочерью лорда Эрентвилля и миссис Грин. И если кто-то знал, отчего леди Каролайн отказывает посетителям в радости ее лицезреть, то это Элизабет.

— Да, слышала что-то, поморщилась она, не отводя взгляда от колбы. — Кажется, Кара поссорилась с отцом и теперь официально в печали.

— Полагаете, это надолго?

Женщина неопределенно пожала плечами, и в этом жесте угадывалось раздражение: леди Каролайн, пусть и не чистокровная эльфийка, может позволить себе затяжные капризы, ей ведь не нужно торопиться жить, как той же Элизабет, спешившей за отведенный ей недолгий людской век успеть как можно больше. А тут ходят всякие и отвлекают расспросами, когда в лотке еще ковыряться и ковыряться, а жидкость в колбе, невзирая на притушенную горелку, начинает закипать.

— Был рад повидаться. — Оливер отступил к двери и взялся за ручку.

— Подождите. — Целительница решительно погасила огонек под булькающей колбой и поднялась из-за стола. — Простите, я... — Махнула рукой. — Все равно ничего не получается. А Каролайн... Забавное совпадение. Мы говорили вчера по телефону, и она сказала, что собирается сегодня в клуб. Предлагала пойти вместе. Я отказалась, но теперь передумала. Стоит сходить развеяться... Что скажете?

Он сказал, что стоит. А во время занятий со спецкурсом пришла в голову идея, по безрассудству превосходившая и недавнюю вылазку на острова, и предстоящий поход в оперу.

Нелл с самого начала не сомневалась, что это какая-то шутка, а когда, в условленный час перенесшись в резиденцию милорда ректора, увидела этого самого милорда, полностью уверилась в своих выводах: костюм Оливера для клуба никак не подходил. Свободные черные штаны и черная же безрукавка с капюшоном, подвязанная широким поясом, годились лишь для дома, и то если не планируешь принимать гостей.

— Планы изменились? — спросила Нелл, притворяясь, будто верила в его приглашение.

— Ничуть. Сейчас вот только... — Он огляделся и взял что-то с кресла. — Перчатки. Без перчаток никак.

Перчатки были странные, с обрезанными наполовину пальцами и плотными нашивками на костяшках.

— Над твоим нарядом тоже придется поработать, — сказал Оливер. — Времени было немного, поэтому позаимствовал кое-что в костюмерной

студенческого театра.

— Ты серьезно? — Темно-красный плащ с глубоким капюшоном и черная с красным маска из папье-маше, оставлявшая открытыми лишь рот и подбородок, подтверждали догадку о розыгрыше. — Мы идем на маскарад?

— Можно и так сказать.

— Можно сказать как есть, — хмуро вымолвила Нелл.

— Ты мне доверяешь?

Взгляд, мгновение назад смеявшийся над ее удивлением, стал серьезным. Захотелось спрятаться от него, и Нелл вместо ответа натянула плащ и закрыла лицо маской.

— Ты такая загадочная, — улыбнулся Оливер. — Не дуйся. Там, куда мы направляемся, так принято.

— Угу. Что же сам...

Претензия осталась невысказанной. Утратила актуальность, ибо милорд Райхон тоже маской не побрезговал. У него она была не из раскрашенной прессованной бумаги. Нижнюю часть лица мужчины закрывали металлические челюсти с длинными, выступающими вперед клыками, а верхнюю, оставляя узкую прорезь для глаз, — легкая, но плотная черная ткань, укрывавшая также и волосы, за исключением длинной косы, которую Оливер скрутил узлом на затылке и спрятал, надев капюшон.

И кто тут загадочный?

Стоявший рядом с Нелл человек ничем не походил на ректора Королевской академии, и встретить она его на улице, не узнала бы. А случись эта встреча после захода солнца, еще и испугалась бы.

— Пойдем? — Голос его тоже изменился из-за маски.

— Не замерзнешь?

— Мы порталом. — Кажется, он улыбался. — А на пороге нас долго держать не будут, поверь.

Портал привел к боковому крыльцу какого-то здания. Нелл и днем еще плохо ориентировалась в академии, а в темноте место показалось ей совсем незнакомым. И безлюдным. В близлежащем скверике ни души, дверь закрыта, в окнах ни огонька. Вряд ли тут устраивают маскарад.

— Где мы? — требовательно спросила она спутника.

— Идем в студенческий клуб, как я и обещал.

— Это не похоже...

— На клуб? Знаешь, сколько их в академии? А в скольких ты бывала?

Пришлось признать, что не во многих.

— Это — особенное место, — продолжил Оливер. — Хотя бы потому, что я хожу сюда не как ректор. «Огненный Череп» — не слышала? Это тайное общество. Анонимное, но...

— Но? — поторопила Нелл. Плащ на ней был не ее собственный, плотный и теплый, а шелковый театральный, и на ветру в нем было неуютно. Оливер в своей безрукавке и вовсе должен был уже покрыться мурашками.

— Тут есть пара человек, которые знают, кто я, и захотят узнать, кто ты.

— Нет. — Нелл тряхнула головой. — Прости, но...

— Не извиняйся. — Он сжат ее руки, хоть она и не думала сбегать немедленно. — Я знал, что ты будешь против. Поэтому мы пришли пораньше. И уйдем, когда все еще будут заняты. Никто не поймет, что мы вместе. Только привратник, а он неболтливый. Войдем и разделимся. А после встретимся снова, в таких местах люди то и дело натываются друг на друга.

— Что еще делают люди в таких местах?

— Смотрят. Большинство приходит именно за этим. Если заскучаешь, мы тут же уйдем.

— Хорошо, — вздохнула Нелл. Видимо, ей хотели сделать сюрприз, но не успели как следует подготовиться. В следующий раз нужно сразу предупредить, что она не любит сюрпризы.

— И еще внутри нельзя пользоваться магией. Совсем.

Оставалось надеяться, что маскарад не затянется.

— Кто там? — послышалось из-за двери в ответ на громкий стук. Голос был хриплый и раздраженный — типичный голос ночного сторожа, которого неурочные посетители оторвали от беспробудного труда, и вновь подумалось о розыгрыше.

— Последний Дракон.

— Кто? — переспросили недоверчиво.

Заскрипел засов, и Нелл представила выскакивающего на крыльцо заспанного старика с метлой в руке и на всякий случай отступила подальше, приблизительно на длину черенка.

Но вместо старика-сторожа из-за приоткрывшейся двери показался красный череп с черными глазницами.

— Дра-акон? — протянул он, удивленно оттопырив челюсть, а затем радостно затряс протянутую руку. — Драконище! Я ушам своим не поверил!

Ушей на красном черепе не было, но вряд ли дело было лишь в этом.

— Мимо проходил, — прогудел из-под маски Оливер.

— Зачем проходить? Нужно заходить! Новый год давно начался, а народ никак не соберется. Не знаю, кто ушел, кто остался. Знаешь же, как оно? Думал, ты тоже того...

Не умолкая ни на секунду, череп втащил ректора в темный коридор. Ректор в свою очередь тянул за собой Нелл.

— С тобой? — наконец-то заметил ее красноголовый. — Гостья или претендентка?

Претендентка на что?

— Гостья, — ответил Оливер.

— Проверить все равно нужно. Тигра!

Из темноты выступила невысокая девушка в желто-полосатом костюмчике и с раскрашенным в те же тигриные цвета лицом. Собственно, то, что это девушка, угадывалось лишь по характерным выпуклостям, узнать же, кто скрывается под маской или, в данном случае, под краской, смогли бы только ее близкие знакомые.

— Чисто, — кивнула Тигра, взглянув на пришедших через металлическую рамку.

В длинном неосвещенном коридоре Нелл обо что-то споткнулась и, чтобы не упасть, вцепилась в спутника. В Дракона, угу. Последнего. Вряд ли ему тут так радовались бы, явись он без маски.

— Может, все-таки объяснишь, где мы? — спросила она, пользуясь оказией.

— Я же говорил: тайное общество Огненного Черепа, — ответили ей шепотом.

— Череп — это тот, кто нас встречал?

— Нет. Встречал нас Кошмар. Ночной Кошмар, если точнее. А Огненный Череп учился в академии лет двести назад. Тогда же основал это общество. Бойцовский клуб для магов, но без магии.

— Бойцовский... э-э-э... клуб?

Сюрприз ему все-таки удался.

В центре просторного темного зала возвышался освещенный подвешенными к потолку лампами ринг, вокруг которого сновали люди, разряженные как для вечеринки некромантов, где Нелл однажды довелось побывать.

— Клуб анонимный, — повторил уже сказанное ранее Оливер. — Вместо имен — прозвища, а чтобы как-то отличаться друг от друга и выделяться из толпы — костюмы. Немного театрально, но дерутся здесь по-настоящему.

— И ты?..

Ей сложно было представить сдержанного милорда Райхона скачущим по рингу и размахивающим кулаками. Но всего неделю назад она точно так же не представляла его загорающим нагишом или плещущимся в морских волнах.

— И я. Члены общества в большинстве студенты. Ты не представляешь, как преподавателям порой хочется надрать студентам... хм...

— Уши, — подсказала Нелл без улыбки. — А почему нельзя использовать магию?

— Чтобы доказать, что чего-то стоишь и без дара.

— А тот, кто не способен драться, по-твоему, ничего не стоит?

— Я этого не говорил. Это...

— Мы планировали разделиться, — напомнила она, пока люди у ринга их не заметили.

— Да, я... Я отойду на минутку, а потом найду тебя. Не скучай.

«С тобой не соскучишься», — вздохнула она мысленно.

Ей не нравилось то, во что превращалась их связь. Не нравилось все это: бойцовский клуб, острова, опера, куда завтра ее потащат, невзирая на множество «но». Не потому, что она имела что-то против морского отдыха, оперных голосов или даже мордобоя на огражденном канатами, подсвеченном лампами ринге. По большому счету ей должно быть безразлично, чем милорд Райхон заполняет свой досуг. Но он открывал ей свои секреты, и сам открывался с новых, наверняка мало кому известных сторон, а она не могла и не хотела отвечать ему тем же. Возможно же быть просто любовниками и не лезть при этом друг другу в душу?

Это были бы идеальные отношения. Но что-то пошло не так, и вот Нелл в этом клубе, смотрит из темноты, как мужчина, в котором никто здесь не узнает строгого ректора, непринужденной походкой приближается к рингу. Как его встречают дружескими кивками, рукопожатиями и панибратскими похлопываниями по плечам те, кто в обычной жизни, скорее всего, свернет с дороги, чтобы не встретиться с ним лицом к лицу. Как девицы виснут у него на шее и радостно болтают ногами в воздухе, а застань он одну из них в учебном корпусе в обнимку с молодым человеком, одарит таким взглядом, что влюбленные без приказов и нотаций разбегутся в разные стороны...

— Кого я вижу! — проорал скачущий по рингу верткий парнишка в ярко-красном костюме и такого же цвета полумаске. — Дамы и господа! Сегодня с нами Последний Дракон! Неоднократный победитель сезонных

турниров и один из лучших, да-да, один из лучших наших бойцов!

Нелл это представление не удивило. Есть люди, которые либо берутся за дело с полной отдачей и достигают отличных результатов, о чем бы ни шла речь, либо не берутся вообще. Оливер Райхон как раз из таких.

Он пошептался о чем-то с парнем в красном, уделил внимание еще парочке жаждущих пообщаться с чемпионом и неспешно, будто бы безо всякой цели, пошел в сторону Нелл. Но прежде рядом с ней образовался некто птицеголовый и рукокрылый.

— Не видел тебя здесь прежде, — заявило это чудо в перьях. — Пришла поддержать приятеля?

— Угу.

— И где он?

Он стоял всего в десяти ярдах, но Нелл помнила, что в клубе есть те, кому известна тайна Последнего Дракона. Повертела головой и пожалала плечами.

— Бывает, — успокоил птах. — Наверное, договаривается о поединках. Если он, конечно, дерется, а не... — Он пренебрежительно махнул рукой. — Могу составить тебе компанию.

— Не стоит, — буркнула Нелл, видя, что Оливер и не думает менять направление и вот-вот будет рядом.

— Ты не знаешь, от чего отказываешься.

Она не ответила, хотела молча отойти, но пернатый вдруг схватил ее за руку.

— Для девицы в сбитых башмаках ты слишком гордая.

Неизвестно, как он разглядел в темноте выглядывавшие из-под подола носы ботинок, действительно потертые, но способ продолжить знакомство выбрал неверный.

— Он вам досаждают, мисс? — послышался измененный маской, но все равно узнаваемый голос.

— Да.

— Нет, — одновременно с Нелл ответил человек-птица, но руку ее выпустил. — Иди куда шел, Дракон.

— Сюда и шел. — Оливер глядел на нахала, сложив на груди руки и откинув назад голову, будто бы сверху вниз, хоть роста они были одинакового. — Девушка тебе не рада, Ястреб, так что...

— Разве это твоя девушка?

— Разве это имеет значение? Просто не мешай мисс наслаждаться вечером. Или тебе помочь осознать, в чем ты не прав?

— В зале такие вопросы не решаются, зубастик, — процедил

названный Ястребом.

— Не решаются, — кивнул Дракон.

На этом разговор неожиданно оборвался. Пернатый бросил в пустоту заковыристое ругательство и, не оглядываясь, двинулся вразвалочку к шумной компании, обосновавшейся у противоположной стены.

— Он обидел тебя? — проводив его взглядом, спросил Оливер.

— Нет.

Что считать обидой? Неуклюжие заигрывания самоуверенного мальчишки? Или замечание насчет поношенной обуви?

— Сейчас начнутся бои. Подойдем поближе?

Она с удовольствием ушла бы совсем, вернулась в общежитие или пошла в другой клуб, в тот, где сегодня танцы и где Тэйт второй вечер подряд вместо нее развлекает Дарлу...

— Подойдем, — согласилась она. — Вместе?

— Многие видели, как я вырвал тебя из когтей Ястреба. И если теперь решу охранять до конца вечера, вопросов это не вызовет.

— О, — выдохнула Нелл понимающе. — Нужно поблагодарить пернатого за удобный повод?

— Я поблагодарю, — пообещали ей мрачно.

Такие вопросы не решаются в зале. Они решаются на ринге.

Будь Нелл героиней рыцарского романа, ей это польстило бы.

Ястреб появился в «Огненном Черепе» два года назад и сразу же взлетел, оправдывая выбранное прозвище. Хороший боец, но особой любовью одноклубников парень не пользовался. Характер сложный, когда-то объяснил для себя Оливер. А сегодня с трудом удержался, чтобы не сломать мальчишке руку, не дожидаясь выхода на ринг.

Но в клубе были свои правила, и нарушителя наказывали пожизненным изгнанием, а милорд Райхон не готов был отказаться от той отдушины, которой уже семь лет являлся для него «Огненный Череп». В последние годы он приходил сюда один-два раза в месяц, но этого хватало, чтобы сбросить напряжение, а затем с новыми силами вернуться к рутине. Иногда участвовал в отборочных боях. Иногда выходил в финал сезонных турниров. Порой даже побеждал. Но не за победой он шел сюда. Случается, нужно надеть маску, чтобы стать хоть ненадолго самим собой.

— Ну что, Дракон? — Его с силой хлопнули по плечу. — Готов? Сейчас Сполох выпустит пару новичков, а потом покажем желторотикам, как это делается у взрослых?

Взгляд скользнул по долговязой фигуре в сером рубище, подпоясанном

веревкой. Гробовщик.

Гробовщик прежде был другой — такой же высокий и жилистый, носил такой же костюм, прятал под капюшоном измазанное серой краской лицо, — но другой. Студенты оканчивают академию, уезжают, а прославленные в поединках имена навсегда остаются в клубе. Лишь бы нашелся достойный принять это имя и маску и продолжить список славных свершений.

Так рождаются традиции, а может, и легенды. На входе стоит десятилетиями Ночной Кошмар, Тигра сканирует посетителей, следя, чтобы не протащили с собой запрещенные амулеты, а очередностью боев неизменно ведаёт Сполох.

— Давай в другой раз? — предложил Оливер, пожав Гробовщику руку. — Я сегодня ненадолго и уже решил, кого вызвать.

— Хочешь Ястребка пощипать? Тоже дело. Поставлю на тебя десятку, не подведи.

Едва зашла речь о ставках, рядом образовался синюшный зомби с блокнотом в руке.

— Десятка на Дракона? — уточнил деловито. — А вы, мисс? Поставите на героя?

Нелл, не желая к себе внимания, развела руками и попыталась спрятаться за спину Оливера.

— Я поставлю, — сказал он, отвлекая от спутницы любопытного букмекера. Достал из-за отворота перчатки специально для такого случая припасенную бумажку. — Двадцатка на Черную Мамбу.

— Оу? — протянул недоверчиво зомби.

— Черная Мамба против Дикой Кошки, — уточнил Оливер.

— Надежная информация? — не спешил принимать ставку букмекер. — Обоих не видно с весеннего турнира.

— Оглянись, увидишь.

Получилось эффектно: леди Каролайн только-только вошла в зал. Вернее, Дикая Кошка. Затянутая в черное гибкая фигурка, черная полумаска, алая помада на пухлых губках — не ахти какая маскировка, но узнать в этом образе утонченную дочь эльфийского посла практически невозможно.

Черная Мамба, она же — Элизабет Грин, появилась минутой позже. Тоже черный костюм, но не настолько вызывающе обтягивающий, как у Кошки, и маска-косынка с прорезью для глаз. Для первого посещения «Огненного Черепа» Элизабет с нарядом не мудрила, а потом не стала ничего менять: образ и имя уже запомнились в клубе. Правда, из-за

долгого перерыва, за который миссис Грин успела стать матерью, ходили слухи, что Мамба «уже не та», но дело это в «Огненном Черепе» обычное, и обсуждать такое не принято. Возможно, кто-то считает, что и Последний Дракон — не тот человек, который впервые заявил права на это прозвище. Оливеру это было лишь на руку.

— Твои знакомые? — тихо спросила Нелл, кивнув на подруг-соперниц, которых приветствовали так же радостно, как недавно его. — Те самые, кому известен твой секрет?

— Догадливая. — Он улыбнулся под маской. — Подойду поздороваться. Подождешь здесь? Не бойся, больше к тебе никто не рискнет приставать.

— Я не боюсь, — отозвалась она равнодушно.

В клубе ей определенно не понравилось. Оливера, надеявшегося на другую реакцию, это огорчило, и смысла задерживаться в «Огненном Черепе» он уже не видел. Только переговорит с Кошкой-Каролайн да преподаст урок наглому сопляку. Даже если Нелл не оценит, ему самому воспитательная работа будет в радость.

Общаться с Дикой Кошкой было удобнее, чем с леди Каролайн. Он просто отвел ее в сторонку и показал зарисованную по памяти печать. Не вдаваясь в объяснения, спросил, не знает ли полуэльфийка, что означает этот символ. Она не знала, но пообещала посмотреть в отцовской библиотеке и по возможности выяснить.

К началу первого боя Оливер вернулся к Нелл. Изображал случайного кавалера, взявшегося познакомить гостью клуба с местными традициями, и со стороны смотрелся даже навязчивым, так как интереса к происходящему на ринге спутница не выказывала. Нет, она смотрела, но без обычного для посетителей «Огненного Черепе» воодушевления. Не притопывала, не вытягивала шею в попытке получше разглядеть бойцов, не вздрагивала и не охала, когда кто-то из дерущихся пропускал удар.

От мысли, что она с тем же безразличием будет наблюдать и за его поединком, испортилось настроение, но Последний Дракон не мог позволить себе пойти на попятную, когда бой практически объявлен. Он лишь вежливо пропустил вперед дам, посокрушался в шутку о проигранных деньгах (Элизабет редко удавалось победить более ловкую, гибкую и выносливую полуэльфийку) и пошел к канатам. Существовал лишь один способ сгладить впечатление от неудавшегося вечера, и Оливер собирался им воспользоваться. Хамоватый мальчишка, называющий себя Ястребом, вряд ли поднялся бы на ринг, сумей он хоть на миг заглянуть в помрачневшие мысли соперника.

Нет, в героини рыцарских романов Нелл определенно не годилась, и ее это ничуть не печалило. Печалил расквашенный нос милорда Райхона, но не так чтобы сильно. Главное, что не сломан, и кровь уже не течет, а отек сойдет за пару дней, как раз и гематома на левой брови к тому времени рассосется, и полопавшиеся в глазу сосуды восстановятся.

— Несколько часов, — сказал, угадав ее мысли, Оливер. отошел от зеркала и сел на кровать рядом с Нелл. — У меня есть особый бальзам, к утру и следа не останется. В крайнем случае наведу легкую иллюзию. И... извини.

— За что?

— За клуб. За испорченный вечер. За платок.

— Ерунда.

Чего было совершенно не жаль, так это платка. Был бы он ей так дорог, она и кровь отстирала бы.

— Нужно лед приложить. — Нелл решительно поднялась на ноги. — Бальзам — это хорошо, но сначала нужно что-то холодное.

Прошла в ванную, поколдовала над температурными амулетами, чтобы превратить воду в лед, завернула его в полотенце и вернулась в спальню.

— Я сам. — Оливер отобрал сверток и уткнулся в него лицом. — Ничего страшного, правда.

— Да уж. Пернатому досталось сильнее.

— Он заслужил.

— А если ты сломал ему что-нибудь?

— У нас хорошие целители, вылечат.

— Ты...

Нелл запнулась. Правильнее было бы промолчать, не расспрашивать ни о чем, ей ведь ответ по большому счету и не нужен. Да и не видела она других боев Последнего Дракона. Может, он всегда так дерется? Жестко, яростно? Не замечает наносимых ему ударов и сам молотит противника до тех пор, пока тот способен держаться на ногах?

— Я сорвался? — выглянул из-за полотенца Оливер. — Ты это хотела сказать?

— Нет.

— Нет, — повторил он. — Разве только немного. Ястреб давно напрашивался. Многие в «Огненном Черепе» хотели бы его проучить, но не многие смогли бы это сделать. И я ему ничего не сломал, не волнуйся.

— Я и не волновалась. О нем.

Лишнее уточнение. Совершенно ненужное.

Взгляд Оливера неуловимо изменился, а Нелл сделалось еще неуютнее, чем в том темном зале, пропахшем кожей, потом и мускусной горечью всеобщего возбуждения. Этот запах щекотал ноздри и будоражил кровь, заставляя сердце биться быстрее. Разворачивающееся за канатами действо завораживало демонстрацией филигранно отработанных приемов и грубой силы... Но это же больно!

Она вспомнила, что чувствовала, пока Оливер был на ринге, как вздрагивала всем телом, будто ощущала достававшиеся ему удары, закрывала глаза, чтобы не видеть, и тут же открывала, чтобы ничего не упустить, как злилась на каких-то идиотов, радостно прыгающих рядом и не испытывавших ни капли сочувствия к дерущимся, пусть бы те хоть убили друг друга. Милорда Райхона за все это, вопреки здравому смыслу, хотелось хорошенько стукнуть. А еще за то, как он сейчас смотрел на нее.

— Достаточно. — Она отобрала у него намокшее полотенце. — Доставай свой бальзам.

— А ты...

— Покурю пока.

Если он решил, что она сбежала от продолжения разговора, то почти не ошибся.

ГЛАВА 15

Нелл снилась ферма.

Первый день.

Накрытый овечьими шкурами топчан, и то, как она лежала на нем, уткнувшись носом в свалывшуюся пыльную шерсть, и слушала доносившиеся из соседней комнаты голоса. Один был ей хорошо знаком: случалось, она по месяцу не слышала иных звуков, только этот голос, красивый, мелодичный и такой же холодный, как ледяные глаза беловолосого нелюдя. Второй тогда был еще чужим. Резким, грубым, но таким живым, что Нелл во что бы то ни стало хотела взглянуть на того, кому он принадлежал. На человека. Пусть этот человек и грозился вышвырнуть ее из своего дома.

— Делай что хочешь, — не спорил с ним эльф.

— Думаешь, я щучу, Илдред? Мне не нужны полудохлые девицы.

— Это временно.

— Естественно, временно. Сегодня она полудохлая, а завтра скопытится окончательно.

— Похоронишь, — ответил Илдредвилль равнодушно.

Нелл не злилась на него. Во-первых, этот эльф всегда равнодушен, иные интонации ему не давались, во-вторых, на злость уже не осталось сил. Они покинули ее еще на станции, сразу же после перехода в богами забытый городок на юге королевства. Ноги подломились, кровь пошла носом, горлом — желчь. Конечно, теперь она похожа на завтрашний труп. Но это лишь кажется. Она не умрет. Хорошо это или плохо, но уже не умрет.

— Не буду я ее хоронить! — взвился человек. — Делать мне больше нечего. Завезу на межу, ночью спустятся с гор волки... Не веришь?

— Не верю, — сказал эльф.

Это были его последние слова.

Хлопнула дверь, и Нелл поняла, что Илдредвилль ушел. А она осталась.

— Лежишь? — спросил у нее вошедший в комнату хозяин. Нелл забыла, что хотела на него посмотреть, и закрыла глаза. — Как належишься, проваливай отсюда.

Она так и сделала. Полежала еще час или два, поднялась, вышла из дома и пошла по пыльной дороге к зависшему у горизонта солнцу. По обе

стороны дороги рос виноград, но грозди были мелкие и совсем зеленые и не стоили того, чтобы ради них останавливаться. Останавливаться было нельзя, нужно было дойти куда-нибудь до наступления ночи, до того как появятся обещанные волки. Не то чтобы она боялась умереть, но предпочла бы другой конец зубам хищников...

— Снова лежишь? — вздохнули над головой, когда она, обессилев, присела на обочину и завалилась в пыль. — А шла куда?

Она приподнялась и показала на солнце, спрятавшееся уже наполовину.

— Ясно, — сказал человек. Поднял ее и понес в другую сторону, к дому, от которого, как оказалась, она отошла всего на сотню ярдов.

— Может, сразу на межу? — прошептала она.

— Далеко, не дотащу. Утром лошадь возьму и завезу.

После он часто припоминал то обещание, когда сердился на нее в шутку или всерьез. Грозился, что возьмет-таки лошадь и завезет.

Но это — после. А тогда и сейчас в своем сне-воспоминании она прижималась щекой к его плечу и жмурилась, чтобы не заплакать, потому что не знала и не знает, как ей жить теперь и что ждет ее впереди.

Плечо было жестким, но на диво уютным...

— Боги, какой ты неудобный, — сонно пожаловалась Нелл. Осторожно повертела головой, разминая затекшую к утру шею, и застонала. — Твердый и неудобный.

— То-то ты каждую ночь норовишь на меня забраться. Думаешь, если меня как следует помять, я стану мягче?

— Я не... — начала она, увидела смешинки на дне прищуренных черных глаз и отвернулась. И правда ведь, хоть баррикады из подушек возводи, во сне все равно переберется к нему, устроится на плече, ногу забросит. — Не каждую, — буркнула в сторону. — Я не остаюсь у тебя каждую ночь.

— На все твоя воля.

Бальзам и впрямь оказался чудодейственным, за ночь с лица Оливера практически сошли синяки, что заметно улучшило настроение милорда ректора. Нелл бальзамом не мазалась, причин радоваться новому дню не видела и оценить невнятные шутки не могла.

— Еще сердишься из-за вчерашнего?

— Нет, — ответила она честно. События минувшего вечера смазались, утратили остроту, и, если не вспоминать специально, вскоре уйдет и неприятное чувство, занозой засевшее меж ребер после посещения клуба.

— Надеюсь, сегодня у меня получится исправиться.

— Если угостишь кофе. — Нелл вымучила улыбку.

— Обязательно. И завтраком накормлю. Но я говорил об опере.

Стоило усилий сдержать рвущийся из груди вздох.

— Послушай, — она дотронулась до плеча Оливера, заодно убеждаясь, что прикосновение к побледневшему кровоподтеку не причиняет боли, — эта затея...

— Такая же глупая, как острова и «Огненный Череп»? — перебил он хмуро.

— Нет, вовсе нет, — запротестовала Нелл, когда нужно было согласиться, и на этом разговор наверняка закончился бы. — На островах было замечательно. Но... я на солнце обгораю и плавать не умею...

— Прости, — вздохнул Оливер. — Я не знаю, что тебе нравится, а то, что нравится мне, тебе неинтересно. И правда, не стоит тратить целый день, чтобы в конце его выяснить, что ты терпеть не можешь оперу. Спасибо, что сказала сразу.

— Я не говорила.

Почему бы и нет, в конце концов? Человек же старается, чтобы сделать ей приятно. Или себе — какая разница? На море выбрался впервые за столько лет, вчера на ринге душу отвел, сегодня в оперу ходит. А Нелл — за компанию, разве ей жалко?

Только ей надеть нечего — это раз, и не хочется открыто появляться на людях в обществе милорда Райхона — два. Но вряд ли он пригласил бы ее, если бы уже не придумал, как решить эти проблемы.

— Это не проблемы, — сказал Оливер, вернувшись за завтраком к обсуждению планов. — Ты слышала о Кэтрин Мерл? Нет? Она владелица популярного модного дома, одевает весь столичный бомонд и, как я знаю, нескольких членов королевского дома. А еще Кэт — выпускница академии и моя хорошая знакомая. Позавчера я связался с ней и попросил подготовить несколько подходящих случаю нарядов. Для искусницы, специализирующейся на работе с тканями, два дня — достаточный срок, а я постарался подробно тебя описать, чтобы она могла подобрать подходящие цвета и фасон.

— Мерки снимать не нужно? — пробормотала Нелл, стараясь не думать, во сколько обойдутся Оливеру услуги искусницы, одевающей королевских особ.

— Я снял, — заверил он.

Нелл поперхнулась кофе. Представила, как ее обмеряют во сне портняжной лентой. Оливер, видимо, тоже представил и рассмеялся.

— Мне неплохо удается телепортация, а для этого нужно быстро и точно проводить пространственные расчеты. Длина, расстояние, иногда до дюйма. Определять приходится на глаз, но я редко ошибаюсь. В любом случае платье ты наденешь, и Кэт подгонит его по фигуре.

Он говорил так уверенно, словно процедура давно отработана, и Нелл — далеко не первая женщина, которую приоденут к выходу в свет подобным образом.

Она отвлеклась на эту мысль и забыла поинтересоваться, что они будут делать с проблемой номер два.

В столицу прибыли к полудню. Сразу от станции взяли экипаж. Нелл сама попросила задернуть занавески на окнах, а после жалела: в главном городе королевства ей прежде бывать не доводилось, а из-за излишней осторожности не получилось даже мельком полюбоваться достопримечательностями. Можно было, конечно, выглянуть, но ей ведь не пять лет. Да и что примечательное тут может быть? Дворцы? Храмы? Их и в Глисете довольно, как в любом более или менее старом городе. А в остальном — обычные здания новой постройки, возведенные на месте обветшалого архитектурного наследия прошлых веков.

Модный дом Кэтрин Мерл располагался именно в таком здании: по-современному строгий фасад, палевые стены, белые прямоугольные пилястры по обе стороны высоких окон и двустворчатой стеклянной двери. Внутри — та же элегантная простота: темный паркет, светло-зеленые обои, кожаные диваны и живые растения в больших терракотовых горшках.

Встречавшая посетителей девушка приветливо улыбнулась Нелл, окинула быстрым профессиональным взглядом, но даже не поморщилась при виде старого плаща и сбитых ботинок, а когда Оливер сказал, что у них назначена встреча с мисс Кэтрин, без расспросов отвела в отдельную комнату, перегороденную широкой ширмой, куда уже через минуту явилась и хозяйка.

— Оливер! — Стройная темноволосая женщина с порога протянула ему руки. — Не представляете, как я рада встрече!

— Отчего же? — Он поймал и поднес к губам изящные пальчики. — Вполне представляю. Сам невероятно рад тому, что удалось наконец-то к вам выбраться.

— А это и есть ваша прекрасная леди? — На Нелл взглянули благожелательно и не без любопытства. — Вы очаровательны, моя дорогая...

— Элеонор, — проямлила она, не чувствуя себя ни очаровательной,

ни тем паче леди.

— Кэтрин, — дружелюбно кивнула мисс Мерл. — Можно просто Кэт. Ей было около тридцати. А может, уже под пятьдесят. Определить возраст мага непросто, а если это привлекательная, тщательно следящая за собой женщина, задача становится практически неразрешимой.

— Скажите, Оливер, я могу рассчитывать на обед в вашем обществе? — спросила искусница.

— Конечно. До семи мы с Элеонор свободны, и если вы успеете...

— Замечательно. — Недослушав, хозяйка подхватила мужчину под руку, довела до двери и практически вытолкнула из комнаты. — Вот за обедом и пообщаемся. А пока девочки предложат вам чай, журналы и приятную компанию.

Захлопнула дверь и повернулась к Нелл.

— Нам ведь не нужны свидетели? — спросила заговорщическим полусшепотом и продолжила уже лишенным таинственных ноток деловым тоном: — Некоторые мужчины приводят ко мне своих метресс, сидят вот тут, на диванчике, и смотрят, как наряжают их куколок. Некоторые женщины приходят с мужьями или возлюбленными, усаживают их сюда же, на диванчик, демонстрируют им каждую вещь, от панталон до шляпки, и заставляют изображать восхищение. Но Оливер, насколько я его знаю, не из таких мужчин. А вы, мне кажется, не из таких женщин. Поэтому мы просто подберем то, что вам понравится, а милорду Райхону покажем уже готовый результат. И если он останется чем-то недоволен, что вряд ли, это будут исключительно его проблемы. Согласны? Тогда раздевайтесь. Начнем с белья.

— Зачем? — ужаснулась Нелл.

— Затем, что ваше не годится под мои платья, даже если вы заказывали его по каталогам Дюссена. Потому что Дюссен — это вчерашний день, а я предлагаю вам завтрашний. Давайте помогу. И смелее, дорогая моя, иначе к обеду мы не управимся.

Нелл тяжело вздохнула и решила покорно плыть по течению. Рано или поздно ее все равно прибьет к берегу. Уже проверено.

— Кружевные панталоны, пышные нижние юбки, корсеты, чрезмерно утягивающие талию и превращающие фигуру в песочные часы, а женщину в инвалида, — все это пережитки прошлого, от которых давно пора избавляться, — вещала искусница, помогая Нелл избавиться сначала от платья, а затем и от пережитков прошлого. — Белье должно быть удобным и подчеркивать естественную женственность. Да, иногда нужно что-то скрыть, где-то добавить объема, но делать это надо незаметно,

ненавязчиво...

Незаметно и ненавязчиво на Нелл оказались короткие узкие панталончики и заменившее корсет бюстье. В сравнении с ее бельем это было, безусловно, удобнее, но вряд ли как-то сочеталось с общепринятыми нормами приличия. Пришлось напомнить себе, что так называемые эльфийские платья, лет двадцать не выходящие из моды, надевают и вовсе на голое тело, и щеголяют в таких нарядах не только дамы полусвета.

— Чулки и обувь подберем после, — пообещала Кэтрин. — Когда вы определитесь с платьем. Я успела подготовить всего четыре модели, но надеюсь, хотя бы одна из них придется вам по душе.

С этими словами она отодвинула скрывавшую часть комнаты ширму, за которой обнаружились надетые на манекены платья.

Остаться равнодушной к происходящему не получилось. Нелл оглядела представленное на ее обозрение великолепие и закусила губу. Затем решительно встряхнулась.

— Какое из них самое недорогое?

Искусница укоризненно покачала головой.

— Оливер предупреждал, что вы поинтересуетесь этим. И просил не озвучивать цену. Но вам не стоит волноваться, такой подарок его не разорит. К тому же, как постоянный клиент, милорд Райхон имеет определенные привилегии.

— Постоянный? — переспросила Нелл.

— Да, уже больше двадцати лет. Я дружила с его сестрой, когда мы обе еще были студентками. Бедняжка Джинни. А Оливер очень требователен в одежде, но терпеть не может многочисленные примерки и подгонки. Потому и заказывает все у меня... А вы о чем подумали?

— Ни о чем. Вернее, о том же.

Получилось неубедительно, и хозяйка вновь покачала головой.

— Он приводил ко мне одну женщину, — сказала, отвечая на непрозвучавший вопрос. — Давно. Красавица, шикарная фигура, отличный вкус. Они замечательно смотрелись вместе, но сразу было понятно, что ничего у них не выйдет.

— Отчего же? — осмелилась поинтересоваться Нелл.

— Она усаживала его на диванчик.

Чай, журналы, приятная компания — все как и обещала Кэтрин. Мужчинам в ее заведении порой приходилось ждать своих дам полдня, а поскольку зачастую именно мужчины оплачивали этот визит, им старались создать условия для комфортного ожидания: не в интересах хозяйки, чтобы

утомленная скукой или мучимая голодом чековая книжка сбежала, хлопнув дверью.

Однако, уже неплохо зная Нелл, Оливер не сомневался, что его пребывание в комнате для гостей не затянется. Даже пари сам с собой заключил, что и часа здесь не проведет. И проиграл: Нелл потребовалось почти два. Возможно, она и хотела сбежать раньше, но от Кэтрин непросто вырваться, если искусница берется за дело с полной отдачей.

Оливер, когда его пригласили в примерочную, охарактеризовал результат одним словом:

— Волшебно.

— Благодарю, — кивнула мисс Мерл, принимая комплимент как должное. — Пригласить мастера Блеза?

— Да, пожалуйста.

Нелл, обхватив себя за плечи, замерла у зеркала — изящная статуэтка, обернутая мягким золотисто-горчичным шелком. Волосы собраны, глаза скрыты под дымчатой вуалью — видно только прикушенную нервно губу...

— Прекрасно выглядишь.

— Да? — Она заставила себя опустить руки. — Тебе нравится?

— Прежде всего должно нравиться тебе.

— Мне нравится. Спасибо. Просто... я не привыкла к таким платьям...

Таких платьев во всем Арлоне не шил никто, кроме Кэтрин. Закрытое, с высоким, под подбородок, воротничком и длинными узкими рукавами, оно обтекало каждый изгиб фигуры, одновременно скрывая и подчеркивая округлость груди, тонкую талию и стройные бедра. Помнится, первая же модель, представленная мисс Мерл, вызвала нешуточный скандал, а на Кэт тут же посыпались заказы.

— Ты прекрасно выглядишь, — повторил Оливер. Подошел к ней, но удержался от того, чтобы откинуть с ее лица вуаль.

— Кто такой мастер Блез? — спросила Нелл.

— Это...

Сюрприз? Он уже понял, ему они не слишком удаются.

— Ювелир, — ответил честно. Перехватил протестующе поднятую руку и погладил затянутые в шелковую паутинку перчатки пальцы. — Пожалуйста, позволь мне это.

Она вздохнула, но спорить не стала.

Когда появился мастер Блез, сгорбленный под тяжестью лет и объемного груза гоблин, равнодушно смотрела, как он расставляет на столике и один за другим открывает футляры с украшениями. Покорно

примеряла все, что рекомендовал старик, но ничего не выбрала.

— Янтарный гарнитур, — сам решил Оливер. — Вот этот.

Колье — хаотичная россыпь камней различного размера — гармонировало с цветом платья, но не сливалось с ним. Браслет был немного велик для узкого запястья, а серьги, судя по тому, как Нелл, надев их, повертела головой, — тяжеловаты, но янтарь хорошо подходил к ее необычным глазам.

— Замечательный выбор, — хмуро похвалил гоблин, не привыкший, чтобы к его изделиям относились с таким равнодушием, какое продемонстрировала новая клиентка.

Собрал коробочки и футляры и удалился.

— Теперь все? — с надеждой спросила Нелл.

Пришлось напомнить, что на улице холодно и нужно выбрать что-то из верхней одежды, а заодно — подходящую к новому наряду сумочку.

Она согласилась, и по тому, как вдруг успокоилась, Оливер догадался, что завтра все это — платье, сумочка, гарнитур и отороченная мехом накидка — останется в его доме, как и голубой пеньюар, под предлогом, что это слишком дорогие вещи для скромной студентки. Если она исчезнет из его жизни — уйдет, ничего у него не взяв.

Он сам не понял, откуда пришла эта мысль, но избавиться от нее не получилось ни за обедом, во время которого Кэт искренне старалась быть радушной хозяйкой, а Нелл безуспешно притворялась невидимкой, ни в экипаже, везшем их по улицам вечерней столицы к зданию Королевской оперы.

Когда карета подкатила к широкому крыльцу, он очнулся и, вспомнив, что не собирался входить через центральный вход, выглянул, чтобы приказать кучеру подъехать к одной из боковых дверей.

Служитель в почтительном молчании проводил посетителей в пустую ярко освещенную комнату и, спросив номер ложи, настроил канал перехода.

— Вот и все, — отчитался Оливер. — Мы на месте. Как ты и хотела, нас никто не видел и не видит.

Телепортационные переходы появились тут в конце прошлого века по инициативе одного из кузенов правившего тогда монарха, и опера стала излюбленным местом свиданий тайных любовников. Но рассказывать об этом Нелл он не стал: самому не нравились возникавшие ассоциации.

Она подошла к обитым бархатом перилам и повела рукой в проеме.

— Здесь экран?

— Да. Из зала кажется, что ложа пуста.

Хотелось добавить: к сожалению. В вечер премьеры огромный партер и возвышающиеся над ним в четыре яруса ложи были заполнены людьми, среди которых наверняка найдутся его знакомые — те, что давно записали его в ряды неудачников и вынужденных женоненавистников, и, чтобы увидеть хотя бы одну вытянувшуюся от удивления физиономию, он немедленно отключил бы иллюзию.

— Нас никто не видит? — переспросила Нелл. — Значит, не важно, как бы я была одета? Зачем тогда...

— Для тебя, — вздохнул Оливер. — Просто хотел сделать тебе подарок.

Одолжение на один вечер — так вернее. Поход в оперу оказался ничем не лучше его предыдущих идей.

— Здесь можно курить, — вспомнил он, заметив на маленьком столике пепельницу, и с горечью подумал, что хоть этому Нелл по-настоящему обрадуется. — Ложа хорошо вентилируется. И можно попросить принести вино и фрукты. Или какой-нибудь десерт.

— Спасибо, но... Возможно, позже.

Ответ относился к вину и десерту, закурила она сразу же.

Одновременно с тем, как запахло дымом, в зале приглушили свет, и началась увертюра. Нелл то смотрела на сцену, то скучающим взглядом обводила партер и ложи на противоположной стороне. После снова на сцену и снова в зал. Куда она не смотрела — так это в его сторону, и Оливер, устав ждать, сосредоточился на истории любви отважного Федерико и красавицы Изабо. У тех, как следовало из тоскливых арий, тоже все шло не гладко: ей прочили другого жениха, его король отправлял на войну.

Оливер припомнил, когда и с кем была последняя война, и тут же уличил декораторов и художников в недостоверности: мебель и костюмы актеров не соответствовали той эпохе. Но ради глубокого декольте красавицы Изабо их можно было простить.

Да и сама постановка была недурна. Virtuозные арии в исполнении ведущих солистов сменялись шутивными куплетами, драма главных героев — комедийными сценками, разыгрываемыми актерами, изображающими слуг. В другой ситуации Оливер следил бы за происходящим на сцене с интересом, но сейчас отвлекался то и дело на невеселые мысли. А те становились с каждой секундой все печальнее и печальнее, пока сердце не заныло от щемящей тоски, а в глазах не зацципало от близких слез и табачного дыма...

Оливер стряхнул захлестнувшее его наваждение и, протянув руку над

разделявшим их столиком, погладил Нелл по плечу. Когда она никак не отреагировала, поднялся с кресла и присел рядом с нею. Вынул из дрожащих пальцев сигарету, откинул вуаль с ее лица и, увидев блестящие от слез глаза, притянул Нелл к себе. Коснулся губами пульсирующей на виске жилки.

— Все хорошо, — прошептал так, будто хотел внушить уверенность в своих словах. — Хорошо. Успокойся.

— Успокоиться? — переспросила она, прижимаясь к нему сильнее.

— Да. Дамы в соседних ложах наверняка уже рыдают взахлеб. Скоро мы не будем слышать певцов за их стенаниями.

— Я?..

— Транслируешь, да. Зал оборудован артефактами, улучшающими акустику, и, если они помимо звуков усиливают эмоциональные всплески, оркестровую яму зальет слезами.

...Он нес полную чушь, целовал влажные веки и дрожащие губы, гладил ее плечи, руки, скользил ладонью по обтягивающему грудь шелку и в какой-то момент перестал чувствовать сминающуюся под пальцами ткань — осталась только женщина, нежная и ранимая, льнущая к нему в поисках защиты, настоящая, как в ту, их первую ночь. И целовала она его так же, как тогда, до боли впиваясь в губы, вонзая ногти в плечи так, что чувствовалось даже через одежду, но в этой боли растворялась бесследно тоска и мысли об одиночестве...

Потом отстранилась, переводя дыхание, и снова прижалась всем телом, спрятав лицо у него на груди.

— Хочешь, уйдем? — склонился к ее уху Оливер. — Прямо сейчас?

— И не узнаем, чем закончится история Федерико и прекрасной Изабо? — Нелл улыбнулась, подняв на него глаза.

— Это же опера. В конце они поженятся. Или умрут. Или поженятся, а после умрут...

— Или умрут, а после поженятся, — подсказала она.

— Не исключено. Толстяк в черном похож на некроманта.

— Это отец Федерико.

— Вот-вот. Чего не сделаешь для любимого сына.

Она тихонько рассмеялась и замотала головой.

— Останемся и узнаем. Я никогда не была в опере. Это так восхитительно, музыка, голоса, вот и расчувствовалась, прости...

Он не обернулся, чтобы проследить за ее взглядом, устремленным явно не на сцену. Просто запомнил направление и угол. После, встав за ее плечом, начертил в пространстве вектор.

— Хочешь вина? — спросил, рассматривая людей в ложе на противоположной стороне: между двумя немолодыми дамами сидела девушка, совсем юная и хорошенькая, особенно на фоне маячившего за ее спиной старика.

— Воды, если можно, — попросила Нелл.

Достаточно было потянуть за шнурок, но Оливер вышел за дверь. Рядом как по волшебству появился человек в зеленой ливрее.

— Стакан воды, будьте добры, и...

— И? — Человек упрятал в рукав полученную банкноту.

— Узнайте, кто занимает ложу в третьем ярусе, слева от виконта Тротгара.

Воду принесли сразу же. Минут через пять после этого деликатно поскреблись в дверь.

— Интересующую вас ложу выкупил на новый сезон барон Лэйгин. Сейчас там он, его супруга и ее дальняя родственница, некая миссис Бин с дочерью. Мисс дебютирует в этом году в столице...

— И мать использует любую возможность вывести ее в свет, — себе под нос пробормотал Оливер. — Благодарю, любезнейший.

Эмилии — он помнил, как звали сестру Нелл, — шел пятнадцатый год. Самое время подумать о будущем, учитывая то, что девушка вряд ли обладала магическими способностями, ведь сама миссис Бин не принадлежала к одаренным, и второй ее муж был не из магов.

— Что там? — обеспокоенно спросила Нелл, когда он вернулся в ложу.

— Пустяки, — отмахнулся он. — Один знакомый догадался, что я здесь. Специалисту нетрудно отличить пустую ложу от закрытой, к тому же в день премьеры ложи не пустуют, наверняка ее сдали бы кому-нибудь. В общем, меня раскрыли, и в антракте придется подойти...

План созрел спонтанно и изобиловал недочетами, но в последние недели его посещали лишь такие идеи.

Женщина, выводящая в свет дочь, не просидит весь антракт, любясь опущенным занавесом, она обязательно выйдет в фойе. Вряд ли у нее тут много знакомых, и не придется уводить ее из компании, достаточно вежливо поздороваться и попросить уделить ему минуту. Правда, знакомые здесь были у самого Оливера, те же Ашгоны, помнится, собирались на премьеру, но он знал несколько действенных способов отвести даже самые внимательные глаза.

О чем ему говорить с Клариссой Бин, в прошлом — Клариссой Вандер-Рут, Оливер толком не представлял, но не мог упустить

возможность узнать еще хоть что-нибудь о той, что сейчас сидела рядом и, повернув голову к сцене, смотрела из-под вуали совсем в другую сторону.

— Может быть, все-таки вина? — спросил он, когда прозвенел звонок. — Или мороженое?

— Мороженое, — согласилась Нелл. — Думаешь, у них есть клубничный сироп?

— Думаю, да.

Человечек в ливрее выслушал распоряжения, сказал, что есть и сироп, и даже свежая клубника, и испарился, предварительно заверив, что исполнит все в лучшем виде. А Оливер направился в фойе. Шел, укрывшись пологом иллюзии, превращавшим его не в невидимку, а в безликое, никому не интересное существо, обходил беспрепятственно столы с закусками и разносящих напитки лакеев, всматривался в лица.

Первым заметил барона Лэйгина, того самого старика, что сидел позади юной Эмилии. Господин барон был чем-то недоволен, а одна из сопровождавших его в ложе дам — госпожа баронесса, очевидно, — ласково что-то нашептывая, пыталась скормить ему тарталетку с паштетом.

Их родственницы скромно стояли в сторонке и в семейный разговор не вмешивались. Эмилия с любопытством разглядывала блистательное общество, а ее мать, отвернувшись к скрытому тяжелой портьерой окну, растирала виски. Она не раз уже пожалела о том, что пришла сюда, но для дочери это первый выход, и нужно соблюсти приличия и досмотреть до конца этот скучный спектакль в компании этого несносного барона.

Нет, читать мысли Оливер по-прежнему не умел, но женщина думала слишком громко, а усталость и разочарование легко читались по ее лицу, еще хранившему следы былой красоты.

Сколько ей? Немногим за пятьдесят? Практически его ровесница, но магия не хранит ее молодость и здоровье. В темных волосах блестит седина, на лбу и вокруг глаз прорезались морщины. Оливер представил, как выглядел бы сам, если бы не был магом, или та же Кэтрин, которая окончила академию в один год с Джинни, а Джинни весной исполнилось бы уже шестьдесят...

Представил и отогнал эти мысли подальше.

— Миссис Бин? — Он выбрал момент, когда барон позволил-таки впихнуть себе в рот тарталетку и занялся сосредоточенным пережевыванием, тогда как баронесса держала наготове платок, дабы в случае чего смахнуть крошки с его дряблого подбородка. — Позвольте представиться, Оливер Райхон.

— Очень приятно, — выговорила она удивленно. — Вы?..

— Я хотел бы поговорить о вашей дочери. О вашей старшей дочери. Женщина вздрогнула, огляделась и торопливо закивала.

— Только...

— Не здесь конечно же, — согласился он.

— Мама!

— Подожди меня тут, Эмили. Держись тетушки Лиззи.

Талантами Юлиуса Хеймрика Оливер не обладал, даже Флин был куда искуснее в том, что касалось ментального воздействия, но в общении с людьми, лишенными и толики магии, многого не требуется. Несколько несложных манипуляций, и собеседница, с которой они уединились в эркере, готова ответить на любой вопрос. Более того — она сама хочет поговорить. Ей так давно не с кем было поговорить о своей Нелл.

— Мое солнышко, моя бедная девочка... Вы знали ее?

— Нет.

Это правда, той Нелл, которую она помнила, он не знал и с удовольствием послушал бы о милой жизнерадостной девочке, которую все любили, — такой чудесной была она, со слов ее матери. Но слов этих слишком много, а времени мало, и пронизанный светлой грустью рассказ приходится прервать.

— Как она погибла?

— Погибла? — Кларисса закусила губу. — Да, погибла. Юлиус... Ректор Хеймрик сказал, что она сама виновата. Сказал, она была такой же, как Эрик, увлеченной и безответственной, но...

— Она не была такой?

— Не знаю, — жалобно всхлипнула женщина. — Уже не знаю. Мне казалось, у Нелл не было от меня секретов... А потом эти деньги...

— Какие деньги? — насторожился Оливер.

— Большие. Просто огромная сумма. Когда умер Эрик, мы остались ни с чем, потеряли квартиру, банк присылая только счета. А после того, как Нелл... После выяснилось, что у Эрика были сбережения и он оставил все ей. Я не знала, как к этому относиться. Да, когда я вышла замуж за отца Эмили, мы ни в чем не нуждались. Но это длилось недолго. Муж вел торговлю с колониями, заразился тропической инфекцией... Так глупо — его укусила корабельная обезьянка, когда он принимал новый товар. Сгорел в три дня. Компаньоны выкупили дело. Я не разбираюсь в этом, в итоге осталась снова в долгах, с маленькой дочерью... Нелл присылала какие-то гроши, которых хватало только, чтобы не умереть с голода. Говорила, что работает после занятий. Мне было так стыдно, что моя девочка вынуждена отказывать себе во всем, чтобы содержать нас с Эми...

А у нее все это время были деньги Эрика! Она могла бы... Хотя, наверное, она была права. — Гнев и обида, прорезавшиеся было в голосе миссис Бин, улеглись в одно мгновение. — Я не умею обращаться с деньгами, — посетовала она. — Этим всегда занимались мои мужья, а я... Думаю, Нелл понимала это и хотела как лучше. Да?

— Да, — согласился Оливер, отчетливо осознавая, что не было никакого наследства. Та девочка, какой бы умной и предусмотрительной она ни была, не скрыла бы такого от матери. Откуда же после взялись эти деньги?

— Она была права, — повторила миссис Бин. — Я и ее наследства не сберегла. Хватило всего на пять лет. Непомерные траты, невыгодные вложения... Я и финансы несовместимы.

— Сейчас, мне кажется, вы достаточно обеспечены, — заметил Оливер, уже догадываясь, каким будет ответ.

— Случай помог. Два года назад умер дальний родственник моего второго мужа. Семьи он не имел, поэтому оставил все Эмили и выделил долю мне. Мудрый человек, жаль, мы не общались при его жизни. Я теперь получаю фиксированную ренту, а банк перечисляет деньги на оплату пансиона, где учится Эми. Она умная девочка, умная и способная... Но не как Хелена. Не маг. Они такие разные и такие похожие... были бы. — Она потянула за блестящую на шее цепочку и вытащила из-под платья медальон. — Они всегда со мной. Взгляните, ведь правда похожи?

— Очень, — солгал он и сцепил руки, борясь с желанием потянуться к заключенной в серебряную рамку миниатюре.

Сходство между сестрами существовало лишь в материнском сердце. У Эмили темные волосы, личико сердечком, огромные карие глаза, пухлые губы и вздернутый носик. У Хелены строгие черты, прямой нос, глаза чуть раскосые. А волосы... Фотографии, которые он видел у Хеймрика, и та, что стащил тайком, были черно-белыми, и он отчего-то решил, что волосы Нелл были каштановыми или темно-русыми до того, как потеряли цвет. А на самом деле...

— Рыжая, — выдохнул удивленно.

Волосы девушки на миниатюре полыхали ярким пламенем.

— Рыжая, — подтвердила миссис Бин. — Наследие Вандер-Рутов: рыжие волосы и веснушки. Эрик был весь в веснушках, лицо, руки... А у Нелл — только мелкие точки на носу. Но как же она мечтала от них избавиться! Запудривала, мазала какими-то снадобьями... Зачем? Пусть бы были. Пусть бы... И она была...

Разговор грозил закончиться истерикой, но Оливер этого не допустил.

Махнул рукой перед лицом женщины, заставляя умолкнуть и перевести дух, утереть слезы и подумать о чем-нибудь хорошем. Мастеру темных материй нелегко разбудить в человеке светлые чувства, чаще приходится вызывать обратное — страх, злость, ненависть, но он искренне, всем сердцем пожелал Клариссе Бин добра, а такие пожелания в чем-то сродни проклятиям, привязываются к человеку накрепко и сопровождают его долгое время.

Через минуту она придет в себя. Через две уже не вспомнит, о чем они говорили. Через три, когда Эми спросит ее, что за господин к ней подходил и чего хотел, скажет, что просто давний знакомый. Через пять забудет о нем окончательно, и лишь его проклятие-пожелание останется с ней.

Вернуться в ложу так же незаметно, как выбрался оттуда, не получилось: у двери его караулил вице-канцлер собственной персоной.

— Лорд Арчибальд, — улыбнулся Оливер со всем дружелюбием, на которое был сейчас способен.

— Добрый вечер, Оливер. Вы неуловимы, даже в опере вас невозможно найти.

— Я...

— Не афишируйте свое присутствие здесь, — серьезно кивнул лорд Аштон. — Я уже понял. Теперь неловко, что решился вас потревожить, прошу простить мою бесцеремонность.

— Вы...

— Боюсь, что испугал вашу спутницу, — признался вице-канцлер. — Передайте леди мои извинения.

— Да, конечно.

Оливеру потребовалась вся его выдержка, чтобы проводить вице-канцлера невозмутимым взглядом и только тогда, когда тот скроется за поворотом на лестницу, открыть дверь.

Наверняка лорд Аштон узнал Нелл, слишком примечательная у нее внешность. Узнал и милостиво отложил серьезный разговор.

Но Оливера сейчас волновала сама Нелл...

— Я оставила тебе клубнику, — сообщила она с виноватой улыбкой. — А мороженое съела, прости. И, кажется, тебя искал еще какой-то знакомый. Я думала, что принесли десерт, открыла и... закрыла. Так неудобно получилось. Надеюсь, я ему ничего не прищепила.

Оливер медленно выдохнул, сел в кресло и предложил:

— Давай все же возьмем вина?

ГЛАВА 16

Вино, игристое и искристое, шипело в бокале и приятно покалывало язык. Нелл пила его медленно, смакуя каждый глоток, рассматривала на просвет поднимающиеся со дна пузырьки и улыбалась. Тоска, сожаление о том, чего уже не вернуть, жалость к самой себе накатили волной и волною же схлынули, когда ей напомнили, что она не одна. По крайней мере, сегодня. Потом боль вернется, она всегда возвращается, но в этот вечер Нелл обещала себе не думать о плохом и радоваться.

Радоваться всему.

Завораживающей музыке и красоте вплетающихся в нее голосов, сверкающей золотом люстре над головами притихших в восхищении зрителей.

Роскошному платью, удобным туфлям и теплым каплям янтаря на запястье.

Полумраку закрытой ложи и мягкому креслу.

Летней сочности клубники, которую она и не чаяла попробовать в октябре.

Радоваться тому, что можно, спрятавшись под вуалью, смотреть через утонувший в чарующих звуках зал на родных своих людей. Тому, как мама ожила и посвежела, не сравнить с тем, какой больной и усталой она выглядела весной, когда Нелл, выкroив время и деньги, поехала за сотню миль, чтобы после двух дней тряски в вагоне увидеть ее на несколько минут. Тому, как повзрослела с прошлого лета Эми. Тогда Нелл смотрела через ограду на сестренку, гулявшую в саду с другими пансионерками, и думала, до чего же она маленькая и забавная в голубом платьице и накрахмаленном белом чепце, а сегодня в ложе напротив сидела юная красавица, и наверняка немало мужчин поглядывало на нее тайком.

Нелл рада была даже тому, что барон Лэйгин так же привычно всем недоволен, а тетушка Лиззи, мамина троюродная сестра, по-прежнему носит с ним как с капризным младенцем. Приятно, что в мире есть неизменные вещи.

И Оливер.

Хорошо, что он есть.

Если бы не он, не было бы этого вечера и нежданной радости. Некому было бы напомнить, что жизнь — это не только прошлое, ушедшее безвозвратно, не будущее, которое еще неизвестно как сложится, но и

настоящее, в котором можно найти немало приятных моментов.

— Еще? — Он кивнул на ее опустевший бокал.

— Я опьянею, — предупредила Нелл.

Бокал тут же наполнили, демонстрируя, что ничего не имеют против такого развития событий. Но сложившееся в ее голове шутовское замечание на этот счет так и не сорвалось с губ: слишком задумчив был милорд Райхон для шуток.

— Что-то не так? — забеспокоилась Нелл. — Это из-за того человека? Не нужно было открывать? Прости, я не подумала, как это будет выглядеть. Я...

— Ты очаровательна. — Он улыбнулся, прогоняя не успевшую угнездиться в ее сердце тревогу. — Даже жаль, что лорд Аштон не из тех, кто разносит сплетни по салонам, и никто не узнает, что я в кои-то веки пришел в оперу в компании красивой женщины.

Еще не осознав всего смысла фразы, она благодарно опустила глаза, принимая комплимент, а в следующую секунду вздрогнула и чуть не расплескала вино.

— Кто? — переспросила, думая, что ослышалась.

— Арчибальд Аштон. Наш вице-канцлер. Ты его не узнала?

— Нет. — Она открыла всего на секунду, успела увидеть мужчину в смокинге, поняла, что это не лакей, и тут же захлопнула дверь. А он видел женщину в вечернем платье, с лицом, скрытым вуалью, к тому же в плохом освещении. Значит, тоже не узнал. — Нет конечно же. — Нелл расслабленно вздохнула, хоть дрожь не ушла еще из пальцев. — Как я могла его узнать, если раньше не видела? У меня нет таких высокопоставленных знакомых.

— Познакомить? — легкомысленно предложил Оливер.

— Не сегодня.

Сегодня хотелось радоваться настоящему. Но прошлое напомнило о себе, и радость таяла в горьком дыму...

Нелл не заметила, когда успела прикурить сигарету.

— А лорд Аштон, думаю, не отказался бы, — продолжал, пригубив вина, Оливер. — Не каждый день перед его носом захлопывают дверь. Полагаю, он немало заинтригован.

— У тебя не будет проблем из-за этого?

— Будут. Еще какие. Теперь при каждой встрече вице-канцлер станет сверлить меня взглядом, изнывать от любопытства и мучиться от того, что воспитание не позволяет ему это любопытство удовлетворить. А неудовлетворенное любопытство — это страшно, так что проблемы могут

возникнуть у всего королевства.

— Я спрашивала серьезно, — нахмурилась Нелл.

— А я почти не шутил. Лорд Арчибальд действительно воспитанный и тактичный человек, и, судя по тому, как он мялся под дверью с видом провинившегося студента, а после долго извинялся, даже если бы ты ему что-нибудь прищемила, он признал бы, что сам виноват.

— Вы близко знакомы?

— Достаточно. Он — выпускник академии, состоит в попечительском совете, а в последние годы мы нередко встречаемся в неформальной обстановке благодаря его дочери...

«У меня есть дочь, всего на несколько лет младше, чем эта девочка», — Арчибальд Аштон, тогда еще не вице-канцлер, говорил об этом ректору Хеймрику. Они стояли в дверях и шептались, думая, что Нелл спит, забыв или не веря тому, что боль не позволит ей уснуть.

«Тогда вы, как никто, понимаете», — шептал милорд Юлиус.

«Понимаю», — соглашался лорд Аштон.

А Нелл понимала, что все могло сложиться иначе. Мама, возможно, не сидела бы сейчас в ложе напротив, а Эми не приняли бы в тот пансион, потому что никакие деньги не вернули бы их семье потерянную репутацию. Ужасный был план, но в тогдашнем своем состоянии она не придумала бы ничего лучше...

Повезло, что у лорда Арчибальда была дочь.

Как и во многом другом после.

Но все же надолго ее везения не хватало. Как старенький пони, оно нуждалось в перерывах, грозя в противном случае свалиться с ног и перевернуть тележку-судьбу, которую тащило кое-как за собой. Однажды Нелл забыла об этом, отвлеклась на работу на виноградниках, на овечий сыр и войну с неподдающейся прялкой и забыла. Больше она такой ошибки не повторит.

Вот и теперь, видимо, пришло время сделать перерыв.

Что может быть лучше, чем сегодняшний вечер?

Ничего.

Значит, дальше будет только хуже. Например, Оливер, так любящий сюрпризы, все же решит познакомить ее с лордом Аштоном.

— Можно еще вина? — Она пододвинула к нему бокал.

— Уже не боишься опьянеть?

На сцене вернувшийся с войны Федерико рыдал над телом прекрасной Изабо. В ложе напротив Эми утирала слезы, мама ласково поглаживала ее по руке, а тетюшка Лиззи обмахивала веером мужа. Нелл простилась с

ними мысленно, пожелав всего лучшего...

— Не боюсь. Но тебе придется нести меня на руках.

— Разве мне нужен повод?

Не стоило портить этот вечер. Но и затягивать с объяснениями нельзя: чем дольше откладывать разговор, тем труднее будет его начать.

Завтра. Завтра вечером.

Пусть будет еще одна ночь. Еще одно утро с ароматом кофе и свежей сдобы. Еще один день вместе.

В академию они вернулись за пять минут до полуночи. Сразу от станции Оливер открыл портал и перенес их к себе домой. Зажег свет в гостиной и тяжело опустился в кресло. Морщась, потер лоб.

— Коварное вино. Не знаю, как ты, а я, кажется, и правда пьян.

— Получается, это мне придется тебя нести? — улыбнулась Нелл.

— Не получится. Говорят, что я — невыносимый человек.

— Врут. — Она наклонилась и поцеловала его в губы. — Ты замечательный.

— Да? — Он не ждал таких слов и по-настоящему растерялся.

— Да, — подтвердила Нелл. — И вечер был чудесный. Спасибо.

На продолжение ее не хватило, и она сбежала в спальню. Зажгла светильники, прошла в ванную и открыла воду. Вернувшись в комнату, остановилась перед зеркалом, чтобы полюбоваться в последний раз платьем и солнечным блеском янтаря. Оливер не стал бы возражать, но она не сможет все это оставить.

И остаться не сможет.

Послышались шаги в коридоре, и Нелл заставила себя отвлечься от грустных мыслей. Все хорошо. Пока еще...

Шаги резко затихли, слух уловил звук, похожий на стон, а за ним последовал грохот и звон бьющегося стекла.

Вылетев в коридор, Нелл увидела Оливера, лежащего на полу рядом с перевернутым столиком и осколками вазы, но в первый миг ни о чем плохом не подумала. Шел, оступился, наткнулся на столик. Сейчас поднимется, еще и пошутит насчет своей неловкости.

Но он не поднялся.

И когда она тормошила его, звала и хлопала по щекам, даже глаз не открыл.

— Спокойно, — приказала себе Нелл, от страха и волнения стуча зубами. — Спокойно.

Но успокоиться не получалось. Оливер, что бы он ни говорил о

коварном вине, вовсе не был пьян. Возможно, ударился головой при падении.

Нелл уже знала, как опасны и непредсказуемы падения. Случалось, что человек падал с крыши, и ничего. А случалось, с лошади...

И она совершенно точно знала, что бессильна чем-либо помочь.

Нелл обежала дом, нашла кабинет, а в кабинете телефон, сняла трубку и замерла в нерешительности. Куда звонить? Кому? Нажать дважды на рычаг и попросить телефонистку соединить с лечебницей? Если Оливеру действительно нужна помощь, риск оправдан. А если через минуту он очнется и отделается лишь шишкой на затылке, нужно ли, чтобы назавтра вся академия знала, что ночью в доме ректора была какая-то женщина? Телефонистка ведь увидит, с какого номера ее вызывают...

Номер!

Взгляд зашарил по столу в поисках телефонной книжки. Лучше позвонить в лечебницу по прямому номеру и попросить дежурного целителя: целители не настолько болтливы, как телефонистки.

Номера лечебницы в телефонной книжке не было. Нашелся другой, частный, но Нелл подумала, что стоит рискнуть.

Ответа пришлось ждать долго. Наконец на том конце провода сняли трубку и зевнули в нее что-то невразумительное.

— Доктор Грин?

— Да, слушаю вас. — Казалось, он мгновенно проснулся от звуков собственного имени.

— Это... из дома милорда Райхона. Он упал и потерял сознание, и я...

— Сейчас буду.

— Я оставлю открытой дверь, — успела сказать Нелл.

А может, и не успела: целитель уже положил трубку.

Ночные вызовы не были редкостью в его практике, так что собрался Грин быстро, оделся, взял саквояж, специально для таких случаев укомплектованный всем, что может понадобиться для оказания первой помощи, и вышел из дома. Хорошо, что телефонный звонок не разбудил Элизабет, не хотелось тревожить ее, пока сам во всем не разобрался.

Еще одна удача: порталную сеть не успели отключить на ночь. Эдвард давно собирался обсудить этот вопрос с руководством академии. Понятно, что нужно экономить энергию артефактов, но бывают же экстренные случаи, когда дорога каждая минута. Хотя сейчас он надеялся, что это — не такой случай.

Входная дверь ректорского жилища была не заперта, а охранные

заклинания Грина не остановили: целитель принадлежал к немногочисленному кругу людей, которым здесь были рады.

— Оливер! — позвал он из прихожей. — Э-э-э... мисс! Это доктор Грин. Где вы?

В глубине дома хлопнула дверь.

Поняв, что другого ответа не дожидается, Эдвард повесил на вешалку пальто и прошел по настороженно притихшим комнатам. В гостиной заметил брошенный на кресло мужской плащ и дамскую сумочку рядом. В ведущем к спальням коридоре — сломанный столик у стены и осколки голубого стекла.

Оливер лежал на постели. В сознании. В смокинге. В одной туфле — левой. Правая аккуратно стояла у кровати.

— Доброй ночи, — поздоровался Грин, но вместо того, чтобы протянуть больному руку, снял с него туфлю и поставил рядом со второй. — Рассказывайте, что с вами приключилось.

— Ничего страшного. — Ректор попытался подняться в подтверждение своих слов. — Простите, что вас потревожили. Всего лишь легкое головокружение.

— Речь не нарушена — уже неплохо, — констатировал доктор. Поставил саквояж на пол и подтянул к кровати стул. — Что беспокоит помимо головокружения?

— Эдвард, поверьте, я в полном порядке. Выпил, оступился — с кем не бывает?

— Со мной. И с вами, насколько помню, прежде не бывало. Бет рассказывала, что накануне вы отличились в клубе. Это не связано?

Сотрясение от удара — вполне возможно. Проявляется порой не сразу, а первичные симптомы уверенный в своей неуязвимости милорд Райхон мог проигнорировать.

— Нет. — Оливер бросил быстрый взгляд на приоткрытую дверь ванной. — Вряд ли. Думаю...

— Да?

Еще один взгляд на дверь.

— Оливер, вы упростите мне задачу, если расскажете все как есть. Или придется вызывать помощь и транспортировать вас в лечебницу.

— Еще в угол поставите пригрозите, — пробурчал Райхон.

— Поставил бы. Но, боюсь, на ногах не удержитесь. Закройте глаза. Дотроньтесь пальцем до кончика носа. Угу. Почти попали. — Доктор склонился над пациентом, оттянул вниз его левое веко, оценил состояние склеры и слизистой и, глядя в помутневший глаз, уточнил ласково: — В

лечебницу?

Глаз нервно дернулся, покосился в сторону. В сторону ванной, естественно.

Эдвард не выдержал: встал и с хлопком закрыл так беспокоившую милорда Райхона дверь. Вернулся на место и спросил, понизив голос:

— Теперь объясните?

Только-только захлопнутая дверь с тихим скрипом приоткрылась.

Милорд Райхон моргнул, перевел взгляд на доктора и с честнейшим выражением лица — лишь у святых и профессиональных мошенников бывают такие честные лица — сказал:

— Сквозняк.

— Бывает, — с пониманием согласился целитель. Когда женщине что-нибудь надо, она не то что сквозняк, торнадо устроит. — Так что с вами все-таки? — продолжил негромко, не рискуя повторным закрытием двери спровоцировать стихийные бедствия. Провел над пациентом рукой, фиксируя изменения структуры энергетического поля. — Признавайтесь, работали недавно с нестабильными потоками? Похоже на последствия... мм... неких магических искажений...

— Пространственные искажения, — с неохотой подтвердил Оливер. — Не работа. В последнее время несколько раз пользовался услугами порталных станций.

— Угу, — кивнул доктор, получив подтверждение своих предположений. — Сегодня, например? — Он задумчиво поправил на пациенте галстук, снял с атласного лацкана смокинга длинный белый волос, рассмотрел и заботливо прицепил обратно, отметив, что милорд Райхон уже не настолько бледен, как минуту назад, хотя прилив крови к голове — определенно не то, в чем он сейчас нуждался. — Давно вы активно путешествуете? И как часто?

— Две недели. Пришлось... три раза, кажется...

— А точнее?

Из ванной донесся приглушенный звук: будто кто-то отчаянно зажимал рот ладонью, но все-таки чихнул.

— Послышалось, — отмахнулся Грин от вперившегося в него настороженного взгляда.

— Эдвард, я...

— Оливер, — устало вздохнул целитель, — разговор доктора с пациентом и все обстоятельства этого разговора считаются врачебной тайной и разглашению не подлежат.

— Все равно прошу вас... даже Элизабет...

Подобное недоверие было просто оскорбительно.

— У меня нет секретов от жены, милорд, — отчеканил Эдвард сердито. — Но это не означает, что и у вас их быть не должно. Поэтому будьте уверены, я никому не расскажу... сколько раз вы в последние недели телепортировались на дальние расстояния. Но сам, как ваш доктор, должен это знать.

Оливер отвел глаза. Это можно было счесть признаком раскаяния, и Грин смирил гнев. Хотя, услышав правдивый ответ, пожалел, что клятва целителя не разрешает ему нанесения легких телесных повреждений пациентам, даже в профилактических целях.

— Шесть? — переспросил рассеянно. — Туда и обратно, я полагаю. Итого: двенадцать прыжков за две недели. Что ж, должен извиниться за то, что не поверил вам сразу. Вы действительно хорошо себя чувствуете. Могло быть намного хуже. Но время позднее, поэтому лекцию о вреде частых перемещений на дальние расстояния опустим. Скажу, что вам делать теперь. Запоминаете? Ни-че-го. В следующие десять — двенадцать часов приступ может повториться, поэтому без острой необходимости вставать с постели не советую. Если за это время самочувствие не ухудшится, считайте, что вам повезло. Тогда, напротив, рекомендую больше двигаться. Займитесь гимнастикой, гуляйте. Ходить вам придется много и часто, потому что телепортацию, даже в пределах одной комнаты, я вам категорически запрещаю минимум на неделю. Нарушите этот запрет — ищите другого доктора. Избегайте умственного переутомления, волнений... Оставить на это время работу не предлагаю, все равно откажетесь, но, если получится, отмените все, что можно отменить: совещания, заседания комитетов, лекции — все, что не требует немедленного решения. Никакого алкоголя, меньше кофе. Медикаментозное лечение не требуется, но препараты цинка и железа я рекомендовал бы как вспомогательные. Употребляйте в пищу свежие овощи, фрукты, орехи... И вообще режим питания постарайтесь соблюдать хотя бы до полного восстановления. Это все, пожалуй. Далее будем исходить из вашего состояния. А сейчас до свидания.

С этими словами он положил ладонь на лоб больного. Оливер хотел что-то сказать, но не успел: глаза его закрылись, и он погрузился в глубокий сон.

Грин с помощью телекинеза приподнял пациента над кроватью, снял с него смокинг, подтяжки и галстук и уложил снова, решив, что все остальное спящего не стеснит. Поднял не пригодившийся саквояж и подошел к двери в ванную. Постучал. Что ему в ответ скажут: «Войдите»,

не ждал, но внимание определенно привлек.

— Милорда Райхона я усыпил, — отчитался в пустоту. — Это целебный сон, стабилизирующий энергетические связи, прерывать его не стоит. По-хорошему, тут нужна сиделка хотя бы на эту ночь и завтрашний день. Я могу прислать квалифицированную сестру из лечебницы, но, поскольку никаких специальных манипуляций выполнять не потребуется, будет достаточно, если с ним просто побудет кто-нибудь... Мисс? Вы слышите? Мне прислать сиделку?

— Нет, — тихо ответили из-за двери.

— Замечательно. Мои рекомендации вы слышали. Никаких телепортаций, никаких волнений. Отдых и полноценное питание. Мой номер у вас есть. Завтра к полудню загляну. Думаю, милорд Райхон к тому времени будет в состоянии открыть мне дверь. Если нет — оставьте ее незапертой, как сегодня. Хорошо?

— Да.

— Вот и славно. Всего доброго, мисс.

— И вам, — коснулся слуха едва различимый шелест. — Спасибо.

Конечно же она отказалась от сиделки. Если бы та явилась, Нелл пришлось бы уйти, а куда ей идти ночью в вечернем платье? Ее старые вещи мисс Кэтрин обещала выслать портальной почтой на адрес Оливера, но посылку доставят в лучшем случае утром. Ну и... были еще причины...

Нелл присела рядом со спящим мужчиной, провела рукой по его волосам вдоль тонкой седой пряди и закусил губу, чувствуя, что готова разрыдаться от пережитого страха, облегчения, наступившего за ним, и нового, смутного еще беспокойства.

В первый раз она чуть не расплакалась, когда, поговорив с доктором по телефону, вернулась к Оливеру и увидела, что тот пришел в себя. Но сдержалась. Стиснула зубы, выдавила улыбку, сделав вид, что поверила в это его «оступился, упал», и помогла добраться до кровати. Сейчас, когда не от кого было прятать нервную дрожь и влажные глаза, совладать с эмоциями было сложнее.

И все же она справилась с собой.

Посидела еще немного, грея озябшие пальцы в его теплой, безвольно лежащей поверх покрывала ладони, и встала. Сняла платье, повесила на спинку кресла, любовно расправив складки. Долго лежала в ванне, представляя, как растворяются в воде тревоги ушедшего дня. Взбила на волосах пышную пену, и цветочный аромат сменил въевшийся запах табака, но, высушившись и надев халат, пошла тут же в гостиную, бросила

на пол у камина диванные подушки и выкурила одну за другой две сигареты.

В чулане рядом с задней дверью нашла веник, смела и выбросила осколки вазы. Поставила на место столик. Одна из тонких изогнутых ножек сломалась, и Нелл скрепила ее заклиниванием. После придется ее заменить, но пару недель продержится и так.

Сварила себе кофе. Снова курила.

Иногда заглядывала в спальню, а один раз даже прилегла рядом с Оливером, но сон не шел.

Сварила еще кофе.

Вспомнила, что не погасила свет в кабинете, и пошла туда, решив заодно взять какую-нибудь книгу, чтобы отвлечься.

Книг у Оливера было много. И расставленных на полках сувениров, привезенных из разных уголков мира, то ли им самим, то ли его друзьями, коллегами или благодарными учениками.

Были статуэтки. Изящные музыкальные шкатулки. Были фотографии в красивых серебряных рамках, в основном старые, судя по качеству и нарядам тех, кто был на них запечатлен.

Семья: мужчина, похожий на Оливера, но крупнее и с более резкими чертами лица, светловолосая женщина и хорошенькая белокурая девочка лет десяти.

На другом снимке те же мужчина и девочка, на год или два повзрослевшая, а вместо женщины — вихрастый малыш в высоком детском стульчике.

Девушка и мальчик лет пяти за фортепиано, играют в четыре руки. Она глядит в ноты, будто не знает, что их снимают, а он — прямо в объектив и улыбается радостно и знакомо.

Молодая женщина и мальчик, теперь уже другой, такой же темноволосый, как первый, и чем-то неуловимо на него похожий, но не он: мальчик с предыдущего снимка к тому моменту должен был превратиться уже в юношу.

Нелл задумалась, где могла видеть эту женщину, и вспомнила, что смотрела на ее лицо, пока говорила с доктором.

И правда, ее фотография стояла на столе рядом с телефоном. Светлые улыбающиеся глаза, тугие пружинки белокурых локонов и мелкая подпись в нижнем углу карточки: «Олли от Джинни».

Олли. Губы невольно дрогнули в улыбке.

Подумалось, что где-то в шкафу наверняка лежит целый альбом старых снимков, и не будет ничего дурного, если она взглянет на них

одним глазком, а после уберет на место.

Долго искать не пришлось. Уже за третьей дверцей обнаружился распухший альбом в бархатной обложке. Фотографий в нем было столько, что страниц не хватило бы вклеить все, и поэтому, а может, по какой-то другой причине снимки просто вложили между плотных картонных листов. Жаль, выяснилось это самым неприятным образом: Нелл достала альбом из шкафа, тот распахнулся, и черно-белые карточки посыпались к ее ногам.

— Превосходно, — простионала она.

Не хватало только, чтобы именно в этот миг открылась дверь и в кабинет вошел Оливер. Но он не появился ни в тот же миг, ни в следующий.

Пришел через пять минут, когда Нелл, сидя на полу, перебирала фотографии.

Оправдываться было глупо. Оставалось лишь смотреть, как он приближается, неспешно, словно считая шаги, и так же медленно усаживается на ковер напротив нее. Как берет из кипы снимков один, разглядывает и отбрасывает в сторону. Тянется за следующим, и все повторяется.

Гром так и не грянул.

Оливер, похоже, совсем не злился. Возможно, находился еще под воздействием целительских чар, и Нелл, подумав об этом, ляпнула невпопад:

— Разве ты не должен спать?

— Стандартная продолжительность восстанавливающего сна — три часа, если ты об этом. Кажется, прошло уже больше.

Часы показывали начало пятого, и Нелл понятия не имела, на что потратила столько времени. Разве что на сигареты и унылые мысли. Но Оливер конечно же решит, что она только то и делала, что рылась в его вещах.

— Дурацкая ситуация, — сказал он.

— Дурацкая, — согласилась она.

— Даже не попытаешься объяснить?

Нелл пожалала плечами. Почему бы и нет?

— Зашла, чтобы погасить свет. Увидела фотографии на полках. Подумала, что где-то должны быть еще, решила найти. Нашла.

— Я вижу, — кивнул он. Отчего снимки разбросаны по полу, понял и без объяснений. — Давно нужно их вклеить, все руки не доходят. А почему свет горел?

— Я зажгла, когда звонила доктору.

Пусть она и не добивалась такого эффекта, прозвучало почти как упрек: «Я доктору звонила, беспокоилась о тебе, а ты не можешь сделать вид, будто не заметил, что я копаюсь в твоих шкафах?» Нелл поморщилась, досадуя на собственное косноязычие.

— Прости, — добавила, подумав.

Оливер тоже задумался.

Посмотрел на нее, затем на фотографии и снова на нее.

— Нашла что-нибудь интересное?

— Вот. — Она протянула снимок, который успела отложить до его прихода.

— Ужас какой.

— А по-моему, мило, — не согласилась Нелл, не видевшая ничего ужасного в широкой мальчишеской улыбке, демонстрирующей отсутствие передних зубов. — Вот это, — подала еще одно фото, — действительно ужас.

— Ну знаешь ли, — обиделся Оливер, — тогда мода была такая, многие носили усы. И по мнению некоторых дам, они мне шли.

— Те дамы тебе безбожно льстили.

— Кадр неудачный, — пробурчал он, всовывая фотографию вглубь разворошенной кучи карточек. — В реальности смотрелось лучше.

— Тут хорошо, — примирительно сказала Нелл, протягивая ему третий снимок. — И магистерская мантия тебе к лицу.

Он рассеянно кивнул, глядя на фото, то на себя, молодого и счастливого, в черной мантии и с развернутым дипломом выпускника магистратуры в руке, то на женщину рядом.

— Твоя сестра? — спросила Нелл. — Тут много ее фотографий.

— Да, ее... В смысле это на самом деле ее фотографии, она их собирала. А я забрал, когда... когда ее не стало. Часть взял потом Джерри, но в основном более поздние, а остальные так и остались у меня.

— Джерри — это?..

— Мой племянник, сын Джинни. Он жил со мной после ее смерти, тут, в доме, пока не окончил академию, потом — в поселке для преподавателей.

— Он тоже преподает?

— Да. То есть сейчас преподает, но не у нас, а в Глисете. Проклятия и защита — это семейное, видимо. А здесь работал после аспирантуры моим секретарем.

— Тем самым секретарем? Когда мы встретились на Осеннем балу, ты

рассказывал о женщине, которая...

— Сам поражаюсь, каким болтуном бываю, — не дал ей продолжить Оливер. — Да, Джерри — тот самый секретарь.

— Прости.

— Нечего прощать, — покачал он головой. — Это давняя история. Даже как анекдот не прижилась. У нас тут поинтереснее дела случаются.

— Какие, например? — Она сделала вид, что заинтересовалась. Лишь бы уйти от неприятной темы, которую затронула по глупости.

— Разные. То ритуалы запрещенные проводят, то девы прекрасные на единорогах разъезжают. То дочери первых людей королевства замуж за кого попало выходят.

Он вынул из общей кучи снимок и подал Нелл. Одного взгляда на карточку хватило, чтобы поверить в то, что дела в академии творятся воистину чудные, а мир, как и гласит молва, тесен.

— Дочь лорда Аштона — жена доктора Грина? — уточнила она все-таки.

— Ты хорошо разглядела его в опере, если узнала на фото, — заметил Оливер, прежде чем ответить. — Да, дочь лорда и жена безродного целителя. Правда, Эдвард тогда уже заведовал лечебницей, но личные заслуги — ничто, когда люди хотят помериться титулами. Даже чужими. Так что сплетникам тогда было не до моих... семейных сложностей.

Он рассматривал уже новый снимок, а насмотревшись, Нелл не отдал, положил поверх остальных, изображением вниз. Она сама взяла карточку, но прежде, чем перевернуть, взглядом попросила разрешения.

Оливер равнодушно передернул плечами. Почти равнодушно: такое не забывается. Больно и горько, когда тебе предпочитают другого, а если этот другой — твой родной племянник... или лучшая подруга, с которой вы были неразлучны с детства...

А женщина была красивая. Именно такая, какой ее описывала Кэтрин Мерл: шикарная фигура, отличный вкус. Скромное платье сидит как влитое, прическа — волосок к волоску. И с Оливером они и правда замечательно смотрелись вместе.

Нелл отложила фотографию и, не глядя, взяла другую. Это оказался еще один снимок со свадьбы доктора Грина и дочери вице-канцлера: новоиспеченная миссис Грин позировала фотографу в окружении двух мужчин. Первым был милорд Райхон, а рассмотрев второго, Нелл повторно убедилась в тесноте мира.

— Это друг Элизабет со времен студенчества, — пояснил Оливер, заметив ее интерес к молодому оборотню. — Возможно, ты видела его в

академии, он работает сейчас в полиции.

— Видела, — признала Нелл. — На Осеннем балу... Постой-ка. Элизабет? Бет? Доктор говорил, Бет видела тебя в клубе...

— Черная Мамба, — объяснил Оливер так буднично, словно не находил ничего странного в том, что дочь вице-канцлера и супруга уважаемого целителя проводит вечера на ринге. А может, и не находил — сам ведь недалеко ушел от подруги.

В том, что с Гринами Оливер не просто поддерживает вежливое знакомство, а именно дружит, Нелл не сомневалась. Достаточно было послушать их с доктором разговор, да и эти клубные секреты...

— Боги, о чем мы говорим? — запаниковала она, вспомнив визит целителя. — Тебе же нельзя вставать с постели!

Она вскочила на ноги и кинулась поднимать с пола Оливера, но вовремя остановилась, представив, как нелепо будут выглядеть ее попытки хотя бы сдвинуть его с места.

Он поднялся сам.

— Не волнуйся, я хорошо себя чувствую, — улыбнулся успокаивающе. — К тому же Эдвард сказал не вставать без причин. У меня они были. — И ответил серьезно на ее вопросительный взгляд: — Я проснулся, а тебя нет. Пойдем, завтра соберу тут все.

— А свет? — спохватилась Нелл уже у двери.

— Я погашу, иди.

Он дождался, когда она выйдет в коридор. Посмотрел на рассыпанные фотографии и задумчиво покачал головой. Если Нелл действительно искала их, можно не только простить любопытство, но и порадоваться его наличию. А если нет?

Хотя зачем бы она стала обманывать?

Ответа на этот вопрос Оливер в течение всего разговора не нашел, но, к сожалению, слишком хорошо знал, что причины могут быть самые неожиданные, от злого умысла до добрейших намерений.

Подойдя к столу, провел рукой вдоль выдвигаемых шкафчиков. Их даже не касались. Как правило, что-то ценное или секретное начинают искать именно в столе. Но не объемные фотоальбомы — тут все сходилось.

Оливер выдвинул верхний ящичек, не вынимая, открыл лежавшую там папку и посмотрел на единственную из всех находившихся в кабинете фотографию, которую Нелл не стоило видеть.

— Рыжая, — прошептал одними губами.

Захлопнул ящик и провернул в замке невидимый ключ. На всякий

случай.

ГЛАВА 17

Уснув под утро, Нелл проспала до обеда. Спала бы и дольше, но в какой-то момент почувствовала под щекой вместо жесткого плеча мягкую подушку, испугалась непонятно чего и открыла глаза.

Реальных причин для страхов не было. Оливера она нашла в столовой: тот пил чай с пирогом, который, как позже выяснилось, принес доктор Грин. Целитель, выполняя данное накануне обещание, заходил проведать пациента и, со слов этого самого пациента, счел его состояние удовлетворительным. А пирог пекла миссис Грин лично, и Нелл настоятельно рекомендовали его попробовать.

О ночном происшествии Оливер не вспоминал.

А жаль.

Нелл подумала, что, выскажи он сейчас запоздавшие упреки, могло бы дойти и до ссоры, а там и до окончательного разрыва (люди порой расходятся и по менее значимому поводу), но вспомнила, что доктор запретил Оливеру любые волнения, и решила с размолвками повременить. Да и расстаться лучше мирно, сохранив друг о друге добрую память.

Оливер же если и планировал порвать с ней, то не в ближайшее время. Ближайшее время, всю следующую неделю, он предложил Нелл провести в его доме. Объяснил это тем, что при запрете на телепортационные перемещения не сможет перетаскивать ее к себе, когда захочется увидиться, а раз так, то лучше вообще ее не отпускать. Как и предыдущие его предложения это, при всей неожиданности и уже привычной безумности, было неплохо спланировано.

— Если бы подруга, у которой ты сейчас гостишь, вдруг приболела и ты решила у нее задержаться, твой куратор, получив соответствующую телеграмму, не возражал бы и даже предупредил бы твою соседку и коменданта общежития, чтобы не подняли тревогу. А приходящей прислуге скажу, что работаю с новыми заклинаниями и тем, кто не хочет угодить под случайное проклятие, лучше держаться от дома подальше.

Нелл понимала, что нужно отказаться, но не смогла, ведь Оливеру нельзя сейчас расстраиваться.

Это была не единственная причина, но единственная объяснимая. Объяснять все остальные Нелл даже самой себе не хотела.

Календарь говорил, что с Осеннего бала прошло две недели, тогда как

по собственным ощущениям Оливера — никак не меньше двух месяцев. Наверное, от того, что он проживал в это время две разные жизни: одну привычную, ту, в которой была работа, министерские совещания и редкие встречи с немногочисленными друзьями, и другую. Совсем другую. Первая утомляла обыденностью, вторая мучила неопределенностью. Обе в совокупности нервировали, раздирали его пополам, тогда как милорд Райхон привык быть целым. Цельным.

Так продолжаться не может, решил он. Но вместо того, чтобы вывести Нелл на откровенный разговор, предложил ей остаться до следующих выходных.

Вторая жизнь успела превратиться в наркотик. В ментоловый дым, без которого Нелл не могла обойтись дольше пары часов. Она только заглянула в полупустой портсигар и прикусила губу, еще ничего не сказав, а Оливер уже пообещал купить ей целую коробку сигарет, понимая, что она уйдет, если нечего будет курить. Или если он станет задавать неудобные вопросы.

Рано. Возможно, еще одной недели хватит, чтобы она начала доверять ему. Он собирался приложить для этого все усилия, но, увы, не знал, с чего начать. А Нелл, согласившись на его предложение, похоже, тут же об этом пожалела. Менять решения не стала, но сделала все возможное, чтобы спрятаться от Оливера в его же доме. Сначала почти два часа провела в ванной. Потом не разрешила ему заказать обед, заявив, что и сама что-нибудь приготовит, и заперлась на кухне. Возражений не слушала: мол, если миссис Грин, урожденная леди Ашгон, не гнушается заниматься стряпней, то и она справится. Почти минуту после этой фразы Оливер льстил себе подозрениями, будто Нелл демонстрирует таким образом некое подобие ревности, слишком уж он восторгался пирогом Элизабет, но чего не было, того не было.

Был омлет с сыром — все, что Нелл удалось приготовить, используя его скудные запасы. Но и это простое блюдо приятно отличалось от обычного «перекуса», так что хвалил его Оливер вполне заслуженно и даже получил в ответ благодарную улыбку.

— Расскажи что-нибудь, — попросил он Нелл, заметив, что напряжение исчезло из ее взгляда. — О себе.

— Зачем?

— Просто так. Я ведь ничего о тебе не знаю.

— Ты немногое теряешь. Я обычная. Скучная. Расскажи лучше ты.

И он рассказывал. О курьезных случаях в академии, об интересных поездках, только бы не молчать. Тишина действовала на нервы и наполняла воздух между ними холодом. Звук голоса, пусть и своего собственного,

успокаивал, а иногда удавалось вырвать и у Нелл несколько фраз. Но в основном она слушала. Она умела слушать — Оливер понял это еще в ту первую ночь, когда выложил как на духу все то, что годами держал в себе, а Нелл молчала и слушала, хотя это ее желание выговориться распирало его изнутри.

Ни яиц, ни сыра на ужин уже не осталось, и его пришлось заказать из столовой. Оливер хотел прибегнуть к известному народному средству, повышающему степень доверия к собеседнику, и поставил на стол бутылку вина, но Нелл укоризненно покачала головой.

— Доктор сказал: никакого алкоголя.

Спустя час снова напомнила рекомендации Грина, сказав, что пора спать.

— Завтра тебе вставать раньше обычного, — проговорила строго. — Пользоваться порталами нельзя, придется идти в ректорат пешком.

— По утрам я всегда хожу на работу пешком, — сказал Оливер. — Многолетняя привычка. И полезно, работа-то сидячая... Правда-правда, — улыбнулся в ответ на ее недоверчивую гримасу. — Я тебя не обманываю.

«А ты вообще ничего не рассказываешь», — упрек не сорвался с губ, но Нелл услышала. Она ведь умела слушать, даже без слов. Посмотрела на него в упор. Медленно, не отводя взгляда, кивнула.

— Спроси, я отвечу. Что именно ты хочешь знать?

Тон взяла такой, что Оливер едва не начал отнекиваться, уверяя, что ничего он не хочет...

— Все.

Она вздрогнула, опустила глаза.

— Например... какой твой любимый цвет?

— Зеленый. Ложись, я покурю еще.

Нелл не солгала: она любила все зеленое. Траву, сочную молодую листву. Бахромчатый абажур старой отцовской лампы. Длинные острые перышки, тянущиеся из луковиц нарциссов, что проращивала на подоконнике Сью. Зеленые платья, цвет которых чудесно шел к огненно-рыжим локонам...

Все в прошлом.

Остались только трава и листва, но и до них ждать еще полгода: впереди белая зима. А белый Нелл не любила. И зиму после того января.

Но это — не та история, которую Оливер ожидает услышать, говоря, что хочет знать о ней все. Рассказать бы ему другую, но другой, к сожалению, не было, а лжи он не заслуживал.

— Я люблю зефир, — сказала она, когда, с полчаса пролежав в постели, поняла, что не может уснуть, и почувствовала, что и Оливер не спит. — Больше, чем другие сладости. И он не такой дорогой, как шоколад или марципан, и не такой тяжелый: можно купить его много-много и сразу все съесть.

— Значит, ты сладена? — Оливер пододвинулся ближе, толкнул, словно невзначай, плечом, и Нелл не упустила случая воспользоваться предложением.

— Бываю иногда.

Что еще?

О чем он желает знать?

О ее прошлом? Как она жила до академии? Где? С кем?

Мужчины отчаянно ревнивы. Некоторые — просто собственники.

Алан был и тем и другим: уже на втором свидании потребовал от нее всю информацию о возможных соперниках, а еще до этого сам много разузнал.

— Ты встречалась с этим Олдриджем из твоей группы? — спрашивал он сурово.

— Ирвин за мной ухаживал, — отвечала она уклончиво.

— И все?

Нелл растерянно мялась, не зная, уместно ли сообщать кавалеру, что с его предшественником она несколько раз была в кафе и в музыкальном театре и дважды позволила себя поцеловать. Собственно, после второго поцелуя они и расстались. Ирвин перешел границу дозволенного, а после и вовсе повел себя грубо, пришлось даже подпалить его немного. Нелл вспоминала об этом, а внутри все переворачивалось от сладкого страха: не из-за Ирвина — из-за Алана. Он был старше: Нелл, хоть она и перешла уже на четвертый курс, едва исполнилось девятнадцать, а Алану было почти двадцать пять, и в следующем году он должен был получить диплом. Сразу было ясно, что его подпалить она не сможет, да и не хотелось, даже если он чем-нибудь этого заслужит.

— А Джордан Блейн? — продолжал он допрос, не подозревая, какие мысли крутятся у нее в голове. — Тоже ухаживал?

Скорее, наводил мосты — как сказала Сью. Хотел с ее помощью попасть в проект профессора Вилберта. Думал, что нашел наивную дурочку, и не знал, что это — ее проект, что она — не какая-то там ассистентка, а работает наравне с наставником, и когда они закончат, разделят успех поровну. Успех и деньги, которых у них будет больше, папаша Джордана сулил вложить в их разработки...

— Замерзла? — Оливер погладил ее покрывшуюся мурашками руку.

— Немного. — Прижалась к нему сильнее, позволила обнять себя и укутать одеялом. — Если тебе это интересно, у меня был жених. Давно. Мы расстались. Сейчас у него уже семья, дети... Потом был еще один человек, но... он умер. Несчастный случай.

«Не везет мне с мужчинами», — закончила мысленно. Приготовилась к расспросам, но их не последовало. Только объятия стали крепче.

Можно считать, первый шаг к доверию сделан. Однако Оливера это обрадовало меньше, чем можно было ожидать.

Нелл сказала ему правду, он знал, но воспоминания причинили ей боль. Она снова спала беспокойно, всхлипывала, цеплялась за него с судорожными вздохами, словно тонула в своих кошмарах. Нужно ли мучить ее, заставляя делиться тем, что она, возможно, хотела забыть навсегда? Не лучше ли оставить все как есть?

Не лучше.

Легкий путь не всегда правильный, чаще наоборот.

К утру Нелл успокоилась. Посапывала тихонько, обнимая вместо осторожно выбравшегося из постели Оливера скомканное одеяло. Жаль было ее будить, и он оставил записку на столике у кровати.

По пути на работу решил вопрос с прислугой, а придя в ректорат, первым делом связался с дежурным администратором и попросил передать коменданту третьего женского общежития, что одна из жилищек будет отсутствовать неделю. Отдельно попросил известить соседку Нелл.

Появившемуся на рабочем месте Флину с ходу вручил длинный список.

— Пусть все доставят к моему дому и оставят на крыльце.

— Сигареты? — озадаченно уточнил секретарь, пробежав список глазами.

— Да, — серьезно, словно речь идет о рабочем пособии, подтвердил Оливер. — И именно указанной марки.

Традиционное еженедельное совещание с руководителями факультетов он провел быстро и сухо. Так же быстро постарался отделаться от пришедшего обсудить дополнительные меры безопасности Крейга.

— Ты не приболел, часом? — забеспокоился, оценив непривычное поведение, инспектор. — Зашел бы к Эду, что ли.

— Заходил, — нехотя признался Оливер. — Точнее, он ко мне.

— Даже так? — Крейг нахмурился. — И что сказал?

— Ну... Отдохнуть, сказал, нужно.

— Так и отдыхал бы! Или, думаешь, кроме тебя в академии работать некому? Думаешь, дармоеды одни кругом? Не справятся без тебя?

— Справятся, — согласился Оливер.

Флину, слышавшему, как разорвался старик, и объяснять не пришлось, почему следует отложить не требующие срочного разбирательства дела и перенести большую часть встреч. Лекции тоже можно отменить, после наверстает пропущенное.

Он, в конце концов, тоже человек, может и поболеть недельку. Не так чтобы совсем, в ректорате появляться будет, вдруг что-то важное и срочное, но если такового не найдется — сразу домой.

Сегодня ничего важного и срочного не было.

Когда он вернулся, Нелл читала, лежа в постели.

— Нашла книгу на подоконнике, — поспешила сообщить она. Видимо, чтобы он не подумал, что она опять заходила в кабинет.

— Точно, — вспомнил Оливер. — «Пространственные перемещения» Клампа. Я подпираю ее раму, когда открывал окно. Для другого она не годится.

— Есть что-то лучше?

— По данной теме или вообще?

Вообще был зефир и гора других вкусностей, которые доставили, как он и просил, к порогу вместе с сигаретами, молоком, маслом, яйцами и прочими продуктами на случай, если Нелл снова захочет сама что-нибудь приготовить. На тему пространственных перемещений имелось более трех десятков книг, от учебника для начальных курсов до развернутых научных трудов.

— Занятно, что ты заинтересовалась телепортацией именно тогда, когда мне она противопоказана, — заметил Оливер.

— Ты и не будешь телепортироваться, просто мне объяснишь, — сказала Нелл, к тому моменту уже обнаружившая пакет с зефиром и заметно прибодрившаяся. — Раньше меня это не слишком интересовало, но у тебя так здорово получается, что захотелось научиться.

Меньше всего Оливер рассчитывал заниматься с Нелл пространственными перемещениями, но, как ни странно, это разом решило множество проблем. Не нужно было ломать голову, придумывая, чем занять себя, не имея возможности выйти из дома, в обсуждении схем и формул не возникало неловких пауз, как в разговорах на личные темы, а главное, он, кажется, понял, что по-настоящему нравится Нелл. Не учиться, не узнавать новое — не только и не столько это. Ей нравилось добиваться

успеха. Пусть маленького, незначительного, но обязательно успеха во всем, за что бы она ни бралась.

Невольно вспоминались слова Хеймрика о честолюбии Вандер-Рутов.

Нелл не останавливали неудачи, даже не расстраивали. «В следующий раз получится», — говорила она спокойно, и ее не смущало, что «следующий раз» может оказаться сотым по счету.

В первый день она пролистала от корки до корки учебник, который дал ей Оливер. Попробовала несколько простых схем. Вывела практически самостоятельно алгоритм расчета базовых координат. Невероятно для первокурсницы, но вполне выполнимая задача для почти дипломированного демонолога, ведь практика призывов также включает в себя построение сложных фигур не только на плоскости, но и в многомерном пространстве.

Уже на второй день к вечеру ей удалось открыть проход в видимую точку. Всего два ярда, но сколько радости было в ее глазах! Они сияли как солнце над Локелани, и Оливер упустил момент хотя бы вскользь намекнуть Нелл, что она слишком талантлива для девушки, недавно поступившей в академию, возможно подтолкнув ее тем самым к признанию.

— Как-нибудь выберемся снова на острова? — спросил вместо этого.

— Конечно, — согласилась она тут же. — Чем якорь отличается от маяка?

Под таким напором пришлось забыть мечты об островах и объяснять, что якорь — целенаправленное обозначение точки выхода с помощью наведенного заклинания, а маяком может служить любой объект, на который телепортер сумеет настроиться и определить его координаты.

— Имея якорь и заготовленное заклинание переноса, координаты просчитывать необязательно. Ты ведь не делала этого, когда пользовалась моим ключом? — Он погладил Нелл по запястью, на котором еще держался его подарок. — С маяками работать на порядок сложнее, но все же проще и надежнее, чем просто прокладывать путь по карте. Главное определить основные параметры настройки, то есть отличительные свойства предмета или человека, выбранного в качестве маяка. Из вещей лучше всего подходят различные артефакты — магическое излучение уловить проще. В академии, например, можно настроиться на стационарные порталы. Зная план местности, несложно соотнести его с точками выходов и проложить свои дорожки. Можно настроиться на какую-то особо памятную вещь: любимую книгу или семейную реликвию. Можно воссоздать по воспоминаниям место, куда хочешь попасть,

отыскать в пространстве соответствующее проекции и просчитать переход, но в таком случае нередки ошибки. Я свободно перемещаюсь по академии, потому что неплохо изучил тут все за столько лет, а вот телепортироваться за ее пределы не рискну.

— А что с людьми? Человек-маяк тоже должен быть... памятный?

— Как вариант. Хорошо знакомого мага можно засечь, когда он использует дар, а ты знаешь радиус поиска. Но на одном только собственном резерве этого не сделаешь, нужны хотя бы накопители энергии, а лучше — поисковые артефакты. Нередко комбинируют плетения, объединяя заклинание поиска и заклинание переноса, но в этом случае неплохо бы иметь что-то материальное для закрепления настроек, что-то из личных вещей того человека, прядь волос, кровь. Кровным родственникам, к слову, подобный поиск и последующее перемещение удаются лучше всего.

Если бы Оливер, посмотрев на часы, не уволок Нелл силком в кровать, тот разговор продолжался бы до утра. Она и в постели еще пыталась продолжить расспросы, благо нашлись способы приглушить столь жгучую жажду знаний.

Третий день был для Нелл неудачным. Воодушевленная предыдущими успехами, она решила, что уже готова прокладывать более сложные маршруты, но попытки пробить канал в соседнюю комнату неизменно терпели крах.

— В следующий раз получится, — упорно повторяла Нелл, но с каждым повторением в ее голосе оставалось все меньше уверенности.

В конце концов Оливер не выдержал.

— Получится, — сказал он. — Но не сегодня. Еще никто не освоил пространственные перемещения за три дня. Отдохни, а завтра попробуешь снова.

Назавтра у нее снова не получилось.

Нелл слушавила, когда сказала, что раньше не интересовалась пространственными перемещениями. Кто из начинающих магов ими не интересуется? Но дается эта наука не каждому.

Нелл она не давалась.

С расчетами проблем не было, схемы и пространственные проекции она выводила четко, заклинание запуска сплетала чисто, но все это вместе отчего-то не работало.

— Видимо, просто не мое, — смирилась она к воскресенью.

— Ты к себе слишком строга, — сказал Оливер. — На построение

канала в видимую точку у меня, помню, ушло недели две. Другие тратят месяцы. Ты разобралась за два дня. Разве не замечательно?

Нелл кивнула, по понятным причинам умолчав, что когда-то уже училась прокладывать проходы к видимым точкам. Правда, учитель ей тогда достался не такой хороший, как милорд Райхон, и стабилизировать канал за три месяца мучений так и не вышло, но основы-то она помнила.

— Думала, за недельку освою все и смогу самостоятельно телепортироваться к себе, — сказала полущутя, напомнив о том, что их неделя подошла к концу. — Тебе не стоит пока...

— Не буду. Просто провожу тебя.

И проводил, ведь Нелл отчего-то не стала спорить.

Дарла, как всегда, забросала вопросами и тут же, не дожидаясь ответов, вывалила на вернувшуюся соседку последние новости, все, от ссоры в студенческом клубе, свидетельницей которой она стала в прошлые выходные, до известия о сломанном кране в умывальной.

Нелл слушала с улыбкой и не могла понять, когда успела привыкнуть к этой беспечной болтовне. Видимо, тогда же, когда и к Оливеру.

К хорошему быстро привыкают.

Как к мягкой постели, например. После той, на которой она спала последнюю неделю, кровать в общежитии казалась невероятно жесткой, неудобной. И пустой.

И сны на ней виделись жуткие.

Опять снилась ферма.

Зеленые виноградники, блеющие овцы в загоне.

Оуэн.

— Не хочу я в академию, — заявила ему Нелл, точь-в-точь как в тот день, когда он впервые заговорил об этом. — Что я там забыла?

— Дурочка. — Он покачал головой. — Что тебя тут ждет, думала?

— Меня все устраивает. Здесь хорошо, спокойно.

— Боишься? — понял Оуэн.

— Боюсь, — призналась Нелл. — Можно я останусь тут? С тобой?

— Можно, — вздохнул он. — Хоть и пожалеешь потом.

— Не пожалею, — пообещала она.

Прижалась щекой к его груди и зажмурилась. Слушала, как бьется его сердце. Тук-тук, тук-тук, тук...

И все.

Распахнула глаза и поняла, что обнимает лежащий на дне оврага остывающий труп. И это был не Оуэн.

— Пожалеешь...

«Не пожалею, — поклялась она себе, стоя на подоконнике в темной уборной и выдыхая в форточку дым. — Не будет повода. Никогда больше».

Новая рабочая неделя началась для Оливера с телефонного звонка лорда Аштона. Вице-канцлер спешил лично обрадовать, что бомбисты, устроившие взрыв в Найтлопе, найдены и обезврежены, а тайная организация, из-за которой переполошились все спецслужбы, на поверку оказалась сборищем фанатиков и озлобленных недоучек.

— У страха глаза велики, — сказал под конец беседы, — особенно накануне выборов. Поторопились с выводами.

Положив трубку, милорд Райхон вздохнул с облегчением.

Он еще не успел вникнуть в подробности найтлопского дела и не разобрался с предложенными Крейгом мероприятиями по улучшению систем безопасности, а теперь и не придется.

Подумал, что это стоит отпраздновать.

Он нашел повод заглянуть на факультет и переговорить с Нелл, но она от ужина отказалась, сказала, что успела договориться о чем-то с соседкой, а уже на следующий день выяснилось, что праздновать нечего...

Он сам не понял, что именно его насторожило. Запах? Не до конца затертый магический след? Интуиция сработала?

Скорее всего, все сразу.

Семинар на спецкурсе шел полным ходом. Оливер слушал студентов, изредка комментировал и поправлял неточные ответы, мысленно усмехался тому, как Нелл сосредоточенно разглядывает схему у него за спиной, а когда думает, что он на нее не смотрит, касается будто невзначай взглядом... И вдруг обратил внимание на коробку на подоконнике.

Обычная картонная коробка, в похожие в магазинах упаковывают фарфор, а в кондитерских — торты. В таких удобно хранить какие-нибудь мелочи.

Кто угодно мог ее там оставить. Кто-то из студентов купил что-то на перемене и не успел отнести в общежитие. Преподаватель, проводивший предыдущее занятие, забыл что-то из пособий. Какая разница? Стоит себе коробка, пусть стоит...

— На выход, — скомандовал Оливер, прервав отвечавшего. — Все. Быстро!

«Только бы эта коробка была одна в аудитории», — вертелось в голове. Только бы в одной этой аудитории, потому что объявить тревогу по корпусу он не успеет. Даже своих студентов вывести не успеет. Разве что выставить

щит...

Он так и сделал.

За секунду до, а может, как раз в тот самый миг, когда смертоносная сила вырвалась наружу. Взрыв прогремел уже под защитным куполом, но окно, на котором оставили бомбу, выбило вместе с куском стены, в других треснули и осыпались стекла, и пол заходил ходуном.

Однако основную мощь заряда сдержала сплетенная из энергетических линий полусфера. Будь это обычная бомба, на том все и закончилось бы. Но создававший взрывное устройство умелец был магом, и Оливер понимал, что всего лишь отсрочил последствия.

Ненадолго.

Долго купол, внутри которого бушевало пламя, не выдержит.

Взрывная волна будет уже не такой сокрушительной, но будет. Чтобы остановить ее, сил одного мага недостаточно. Не хватит времени выровнять давление. Не получится уплотнить полог настолько, чтобы огонь выжег весь воздух и задохнулся.

Но нужно постараться продержаться достаточно долго, чтобы люди успели покинуть здание, и, может быть, кто-то из находящихся на факультете преподавателей все же рискнет заглянуть... на огонек... Тогда, быть может, и корпус получится сохранить, и обойдется капитальным ремонтом, а то ведь придется искать погорельцам новое место для занятий, а после еще выкраивать из бюджета средства на незапланированное строительство...

«Вот же... р-ректор!» — мысленно ругнулся в свой адрес Оливер, подловив себя на неуместных размышлениях.

Купол словно ждал, чтобы он отвлекся. Вздрогнул, на миг поддавшись распиравшей его изнутри силе, и принялся вдруг обрастать новым пластом защиты.

— Вовремя, — еще не видя нежданного помощника, выдохнул Оливер. — Спасибо.

— Не за что, — услышал в ответ знакомый голос. — Долго я его не удержу.

Удержала бы.

Выставленный Нелл щит был в разы надежнее первого, наскоро сооруженного Оливером. Аккуратное, до мелочей выверенное плетение, «как по книжке» — кажется, так говорил Абнер, — но уже не слабенькое, как в тот день, когда она сдавала экзамен в младшей школе Роймхилла, а наполненное под завязку силой.

— Расход экономь, — только и сказал Оливер. После отчитает ее за

то, что не послушалась и не ушла со всеми. — Сможешь сплести ледяную сферу?

— Нет. Могу... наоборот.

Верно, она же пиротик. Но можно и наоборот.

— Давай, — решил он. — Максимальную температуру, я подстрахую.

Оливер не был уверен, что у них получится деструктурировать заложенное в бомбу заклинание, но, во всяком случае, приток воздуха они перекроют и погасят огонь. А заклинание можно после заморозить до прибытия специалистов.

Но когда у них с Нелл появился еще один помощник, все решилось в считанные секунды. Сдерживаемый двойной преградой огненный вихрь закрутился в тугую спираль, достиг невысказанных по скорости оборотов и с оглушительным хлопком, от которого содрогнулись стены, исчез, оставив под куполообразными щитами медленно опускающийся к полу дым.

— Райхон! — взревел вовремя подоспевший декан Вильямс, узрев открывшийся пролом в стене. — Вот как знал, что однажды ты все здесь разнесешь!

— Это не я, — сказал, отдышавшись, ректор. — И, на счастье, не все.

Осмотрелся по-хозяйски и с удовлетворением отметил, что корпус вполне обойдется ремонтом. В остальном же ситуация оптимизма не внушала.

Пока Вильямс причитал у дыры, к которой с наружной стороны уже подбирались первые зеваки, Оливер подошел к Нелл.

— Ты в порядке?

Она неуверенно кивнула.

— Тебе нужно отдохнуть. Иди ко мне...

— Нет, я...

— Да, — не слушал он возражений. — Иди ко мне. Отдохни. Прими ванну. — Коснулся пальцами ее щеки, стирая осевшую на коже пыль. — Я постараюсь закончить здесь побыстрее. Дождись меня, хорошо?

Он сам активировал ключ на ее запястье. Обернулся к Вильямсу и разъярил будничным тоном:

— Отправил студентку отдыхать.

Декан, которого поврежденное здание беспокоило больше всех студентов, вместе взятых, лишь пожал плечами.

Вскоре подоспела полиция. Убедились, что из корпуса всех эвакуировали. Замерили остаточный магический фон. Крейг вцепился в ректора мертвой хваткой, задавал вопрос за вопросом и тут же давал

распоряжения своим людям. Выходы из академии перекрыть, территорию прочесать, выяснить, сколько в настоящее время гостей, проверить, кто, к кому, когда и зачем приехал.

Девушкой, которая помогла сдержать магический взрыв, старик, естественно, заинтересовался, но Оливер постарался притушить этот интерес. Девушка как девушка. Талантливая, да, так он на свой курс других и не брал, а вызывать ее для дачи показаний, когда и он и Вильямс уже все рассказали, — пустая трата времени.

Кажется, получилось. Но, чтобы окончательно отвязаться от Крейга, понадобилось почти два часа.

Нелл за это время успела принять ванну. Сидела на кровати, укутавшись в наброшенный поверх тонкого пеньюара плед, словно, влив весь свой огонь в сдерживающий купол, теперь отчаянно мерзла.

Хотелось обнять ее, согреть, но Оливер просто присел рядом.

— Нам нужно поговорить, — сказал, поборов малодушное желание в тысячный раз отложить объяснение. — Обо всем и честно... Хелена.

ГЛАВА 18

Словно один из ее кошмаров вырвался из мира сновидений и глядел на нее сейчас из темноты глаз Оливера Райхона.

— Как ты меня назвал?

— Хелена. — Имя прозвучало тяжело и незнакомо. — Я знаю, кто ты. Хелена Вандер-Рут, официально признанная погибшей одиннадцать лет назад в Глисете.

— Кто тебе сказал? — Нелл плотнее укуталась в плед, но это не помогло унять дрожь.

— Сам узнал. Случайно... Почти. На следующий день после бала искал тебя и невольно подслушал твой разговор с Сюзанной Росс. Вспомнил, что ночью, прежде чем встретил тебя, столкнулся с Аланом. Заинтересовался, что может вас связывать...

— Уже ничего, — беззвучно шевельнула губами Нелл.

Оливер, не глядя в ее сторону, продолжал говорить. Рассказал, как рылся в старых газетах, как узнал об их с Аланом помолвке, а после прочел статьи о глисетском происшествии. Как поначалу думал, что она может быть сестрой «той девушки». Как случайно — опять случайно — понял, что не только «Элеонор» сокращается как «Нелл».

Имя — единственное, что она оставила от прежней жизни, предало ее.

— На следующий день побывал в Глисете, встретился с Юлиусом Хеймриком...

— Ты?.. — Закончить она не смогла. Горло сдавил спазм, тело, миг назад сотрясаемое мелкой дрожью, оцепенело.

— Я расспросил его о тебе, о Хелене Вандер-Рут. Но сам ничего не рассказывал.

Ответ успокоил. И обнявшая ее рука.

Нужно было отстраниться, но Нелл безотчетно придвинулась ближе и сама не заметила, как оказалась на коленях у Оливера. Положила голову ему на плечо, отвернувшись в сторону, и ему осталось лишь дышать неслышно и горячо ей в затылок.

— Кого ты еще расспрашивал? Лорда Ашгона?

— Немного. И Брента Абнера — директора школы, где ты получила свидетельство. Какого-то фермера, он не представился. Доктора Эммета.

Сколько он потратил на порталные переходы? Денег, сил, здоровья? В

Глисет, в Роймхилл, в Рассель... На острова и в Королевскую оперу...

— Опера, — прошептала Нелл. — Мама. С ней ты тоже говорил? Потому и пригласил меня?

— Нет. Я не знал, что она там будет. Потом увидел, как ты смотришь в ту ложу, попросил узнать, кто ее занимает... Но я говорил с твоей матерью, да.

— Зачем? — Голос не слушался, звучал почти плаксиво.

— Мне нужно было знать. Для себя и... Я несу ответственность за все, что происходит в академии, за безопасность...

— Ясно.

Его объятия больше не согревали, но еще не превратились в оковы, и, пока этого не случилось, Нелл сползла на кровать. Встать на ноги ей уже не позволили: сильные пальцы сдавили плечо.

— Я должен был знать.

— Что ж... — Она поежилась, и его хватка ослабла. — Теперь знаешь.

— Не все. Ты...

— Жива? — Горечь искривила губы в подобии улыбки: она не раз уже жалела об этом. И, видимо, не раз еще пожалеет. — Мне повезло.

— Как именно?

— Это допрос?

Оливер разжал пальцы, и его ладонь соскользнула с ее плеча, словно погладив.

— Нет. Это не допрос. Это я тебя спрашиваю. Я — тебя, понимаешь?

Будто было что понимать. Будто эти «я» и «ты» что-то значили. Ничего — два коротких слова, не имеющие смысла в устах сидящего рядом человека.

Несколько недель он перерывал ее прошлое, одновременно с тем внося сумятицу в настоящее. Днем встречался с людьми, знавшими ее когда-то, ночи проводил с нею. В выходные уводил ее за тысячи миль от академии, а после шел еще дальше, уже сам, чтобы отыскать очередной ответ на свои вопросы. Она думала, что на островах и в бойцовском клубе видела его настоящего. А настоящий он вот, оказывается, какой.

— Спрашиваешь? — Она посмотрела на него, ища и в лице его что-то новое, прежде незамеченное. — Почему сейчас? Почему не спросил сразу?

— Ты бы ответила? Рассказала бы все?

Не было ничего нового, даже эту усталую грусть она уже встречала в его взгляде.

— А если бы рассказала? — спросила тихо. — Ты бы поверил? Не искал бы дальше, не стал бы проверять мои слова?

И эту его усмешку она видела, только не помнила, когда и при каких обстоятельствах.

— Да уж, — вздохнул Оливер. — Мы друг друга стоим.

— Нет, — покачала головой она. — Не стоим. Я вас не стою, милорд Райхон.

— Не нужно, пожалуйста.

Не нужно чего?

Она не поинтересовалась, а он ничего больше не добавил.

Молчали. Но Нелл понимала, что это молчание не продлится вечно, и отважилась на первый шаг.

— Хеймрик рассказал тебе о призыве?

— Да. Но он ведь солгал? Все было не так?

— С чего ты взял? — Она выдержала его взгляд, но, ответив, с силой стиснула зубы.

— Во-первых, он сказал, что присутствовал на кремации. Твоей. А во-вторых... Деньги, которые получила твоя мать. Якобы наследство твоего отца...

— Наследство, — отрубил Нелл. — Без якобы.

— И ты молчала о нем? Подрабатывала после занятий, зная, что в банке лежат деньги, которых хватит, чтобы обеспечить безбедную жизнь матери и сестре?

— Это были мои деньги, — отчеканила она. — Отец оставил их мне, и я собиралась вложить их в свои исследования. Если бы я содержала на них семью, вряд ли сохранила бы нужную сумму.

— Не верю. Ты не могла быть такой...

— Эгоистичной? — Сю сказала, что она всегда думала лишь о себе. Оливеру стоило пообщаться с миссис Росс, узнал бы много интересного. — Ты меня не знаешь.

— Знаю, — убежденно сказал он. — Ты не такая.

— Может быть, — пробормотала Нелл, отворачиваясь. — Сейчас. Смерть меняет людей.

Это — хорошее объяснение, и Оливер не нашел что возразить.

— А как же кремация? — напомнил он.

— Видимо, я феникс.

Неуместная шутка. Неудачная: он даже не улыбнулся.

— В этом Хеймрик тебя обманул, — признала Нелл. — Но ненамного. Если ты действительно не рассказывал ему обо мне, он сам уверен, что я мертва. Целители сказали, что иной исход невозможен. Это был лишь вопрос времени. Кремация позволила избежать долгого ожидания и

закрыть дело.

Нелл не знала, что ждет ее по окончании этого разговора, но понимала, что он не закончится, пока Оливер не получит ответов на все свои вопросы. Так пусть же он закончится скорее.

— Мне нельзя было оставаться в университетском госпитале, и Хеймрик нашел для меня хорошее место на юге. Санаторий или что-то вроде того. Целебные источники, свежий воздух... Это не имело значения, главное, чтобы меня никто не нашел. Я сама не хотела, чтобы кто-то был рядом, пока я... Меня вывезли из университета. Приставили сиделку. Потом отвезли на пароход. В тот санаторий нужно было добираться по реке, так было быстрее, чем поездом, и удобнее, чем в экипаже. Мы плыли весь день...

К боли добавилась тошнота. Постоянно хотелось пить, но от одного глотка воды ее по полчаса выворачивало наизнанку. Сиделка с вселенским терпением во взгляде обтирала ей губы влажной салфеткой и делала вид, что не слышит просьб о помощи — о единственной возможной помощи, в которой Нелл отказал и университетский доктор, и тот другой, который приезжал со специальной комиссией. Целитель не может навредить, его дар дан ему во благо. Но разве благом было продлевать ее мучения?

— Плыли весь день, а ночью, когда сиделка уснула, я вышла из каюты, поднялась на палубу и нашла место, где можно было перевалиться за борт... Говорили, что может пройти несколько месяцев. Я не хотела ждать так долго.

— Вышла из каюты? — хрипло переспросил Оливер. — Сама? Без посторонней помощи?

Милорд ректор так умен, так внимателен к деталям.

— У меня был амулет, — сказала Нелл. — «Солнечный свет» — знаешь такие? Дают столько жизненной силы, что даже безногий пойдет. На руках.

— Лорд Арчибальд сказал, что на тебя нельзя было воздействовать магией...

Умен и внимателен.

— Нельзя было, — подтвердила Нелл, невольно улыбнувшись. — Приток энергии меня убил бы. Должен был убить. Достаточно было погулять минут пять по палубе, но я не очень хорошо соображала тогда. Прыгнула в воду. Знаешь, какая в январе вода в реке?

— Избыток энергии ушел на то, чтобы защитить тебя от холода, а вода в свою очередь понизила температуру тела и затормозила процессы разрушения магических связей.

Умен.

— Так и было, — кивнула Нелл. — Но тогда мне некогда было размышлять об этом. Я тонула. Думала, получится быстрее, я ведь не умею плавать, но... Один человек потом сказал мне, что это нормально. Что все хотят жить, особенно в тот момент, когда близки к смерти. Я начала барахтаться, уцепилась за какой-то сук, проплывавший мимо... Я же сказала, что мне повезло?

Просто повезло.

Несколько часов в воде. В темноте. Не видя берега и слыша только плеск волн и собственный вой, постепенно переходящий в хрип. Чувствуя, как пальцы вмерзают в обломок толстого сука и срastaются с ним, сами становясь деревом, а ноги уже не шевелятся в похожей на студень воде...

Повезло.

— Потом повезло еще раз: меня нашли. Рыбаки. Приняли за эльфийку или полукровку. Решили, что смогут заработать, если доставят меня к «сородичам». Недалеко от того места, где меня нашли, как раз жил один эльф. Ну и... мне повезло снова. Тот эльф был целителем. И очень любопытным для эльфа. Ему было интересно, получится меня вылечить или нет. И времени он не жалел: у эльфов со временем другие счеты.

— Сколько? — Снова хрипит. Попил бы.

А она бы покурила...

— Два года. Только не спрашивай, что именно он делал. Я ничего не смыслю в целительстве, тем более эльфийском.

Илдредвилль говорил, что нужно восстановить ее ауру, срastить поврежденные энергетические каналы, влить в них вытекшую жизнь. Он стоял над ней часами, и в бреду Нелл чудилось, что она видит, как белокопый нелюдь гибкими длинными пальцами связывает потрепанные ниточки, тянущиеся из нее вовне. Он заваривал травы и лил отвары в огромный медный котел, а после кидал в этот котел Нелл, и она мариновалась в ароматной воде до тех пор, пока та не покрывалась тонким слоем льда. Нелл не понимала, отчего вода остывает так сильно в хорошо прогретой комнате. Илдредвилль сказал, что так холод бездны выходит из ее тела и души, но она не чувствовала ничего подобного: холод внутри нее никуда не девался.

А когда в груди наконец потеплело и вода в котле перестала покрываться ледяной коркой, Илдредвилль принес ту газету. Он и до этого приносил ей газеты. Сначала читал сам, потом заставлял ее: чтобы она не забывала, что где-то еще есть люди, есть жизнь. Доставал откуда-то глissetские издания и «Университетский вестник». Наверное, думал, что ей

приятно будет узнавать, что происходит там. Нелл не было приятно, но она послушно читала, вспоминая буквы, слова и звук собственного голоса, который, как ей казалось в первые недели, навсегда остался на дне холодной реки.

Читала, и вдруг: «Мистер Алан Росс и мисс Сюзанна Пэйтон»... И тонкие ниточки, кропотливо связанные эльфийским целителем, рвутся с треском, а под ребрами застывает кусок льда...

Но любой лед можно растопить, просто понадобится больше горячего отвара, больше эльфийской магии, больше времени. Но главное все-таки магии.

— Татуировка, о которой ты спрашивал, это печать. Она удерживает в моем теле жизнь... Удерживает во мне меня.

Чтобы не сбежала. Слишком сильным временем становилось это желание.

— Когда стало понятно, что я не умру, не в ближайшее время, эльфу наскучило со мной возиться, и он отвез меня к своему знакомому в Рассель. Но ты там был, так что дальше и сам знаешь.

— В общих чертах.

Боги, да что же у него с голосом?!

— Этого хватит, — отрезала Нелл. — Я ответила на твой вопрос. Рассказала, как выжила. А как жила — не твое дело.

Грубость отталкивает людей. Нелл нередко пользовалась этим приемом. Отталкивала и отталкивалась. Так шары в бильярде бьются друг о друга и разлетаются по разным лузам. Но сейчас что-то пошло не так: не получилось ни оттолкнуть, ни оттолкнуться. Оливер сгреб ее с кровати и усадил опять к себе на колени.

— Отпусти, — попросила она. Сначала тихо, а после громко и зло: — Отпусти! Я не нуждаюсь в твоей жалости!

Он не слушал. Обнял крепче, носом уткнулся в шею.

Нелл попробовала вырваться, но ее силенок не хватило разорвать стальное кольцо его рук.

— Что ты собираешься делать теперь? — спросила, смирившись до поры с этим пленом.

Оливер не ответил. Создавалось впечатление, что единственное, что он собирался делать, — сидеть так до скончания веков, держать ее, упираться твердым подбородком ей в ключицу и обжигать дыханием кожу.

— «Солнечный свет», — проговорил он, когда Нелл уже отчаялась услышать хотя бы слово. — Кто тебе его дал?

До чего же въедливый. Цепляется за каждую мелочь.

Впрочем, Оуэн тоже задал этот вопрос в числе первых.

— Не важно, — ответила Нелл.

— Важно. Ты же понимаешь, что тот, кто его тебе дал, не мог не знать, как он на тебя подействует?

— И что? — Она дернулась, но безуспешно. — Хочешь сказать, кто-то желал моей смерти? А ты не подумал, что это я желала ее, а тот человек просто хотел мне помочь?

— Хеймрик?

— Не важно, — повторила она.

— Лорд Арчибальд говорил, что видел протоколы вскрытия, которое провел профессор Сондерс — целитель, который приезжал из столицы. Я не понимал, как это возможно. Но если Хеймрик... Он — сильный менталист. Сондерс мог сам верить, что провел некропсию, и описать все, опираясь на свои знания и предварительные выводы.

— Возможно, но мне это неинтересно.

В груди набирал тяжесть засевший там осколок льда. Рос, вбирая в себя влагу непролитых слез, вымораживал робкие побегии чувств, остужал ненужные эмоции.

Этот холод давал ей силу.

— Все, что я хочу знать: как ты намерен поступить со мной. Выдашь меня полиции? Своему другу вице-канцлеру?

— Нет.

— Отпустишь меня?

— А если не отпущу?

— По-твоему, я не заслуживаю шанса на нормальную жизнь?

— А я? — Он отстранился, чтобы посмотреть ей в глаза. — Я хоть чего-нибудь заслуживаю?

— При чем тут... при чем тут ты? — Лишь на миг она растерялась и потянулась тут же к спасительному холоду. — У тебя своя жизнь. У меня — своя. Мы неплохо провели время вместе, но странно было думать, что это выльется во что-то... долговременное...

— Почему — странно?

Она не стала отвечать. Он же не дурак, сам должен понимать. А эти его вопросы — очередное сумасшествие, которому Нелл не собиралась больше потворствовать.

— Я в любом случае собиралась уехать. Решила уже давно, просто не было повода сказать. Хотела подождать до конца семестра, а потом попробовать перевестись в Найтлоп, но теперь думаю, что и со свидетельством младшей школы как-нибудь устроюсь.

— Давай отложим этот разговор? — тихо предложил Оливер. — Я поторопился, испугался, что после взрыва начнется разбирательство, придет комиссия из столицы, возможно, сам лорд Аштон... Но время в любом случае есть.

Если все настолько серьезно, времени нет.

— Отпусти меня, — попросила она. Когда он разжал объятия, покачала головой. — Отпусти меня совсем.

— Не могу.

— Можешь. Я тебе не нужна. И ты мне не нужен. Был эмоциональный резонанс, был какой-то остаточный эффект, но это уже в прошлом. Для меня во всяком случае. А ты... Боги, ну не мог же ты серьезно думать, что так будет всегда? Решил, что я — твоя компенсация за всех тех женщин, с которыми у тебя не сложилось? Надеялся, что я скрашу твою одинокую старость? Может, еще детишек тебе нарожать?

— Нелл...

— Неужели ты сам не понимаешь, как это глупо?

— Хорошо. — Он отвернулся, и Нелл смогла вздохнуть свободно. Почти. — Если ты уже решила... Если для тебя действительно все в прошлом и нет желания скрасить мою одинокую старость, уезжай. Но придется подождать несколько дней. Это не уловка и не моя прихоть. В академии объявлено чрезвычайное положение, все приезжающие и уезжающие будут тщательно проверяться, поэтому... Просто подожди. Напишешь заявление, заберешь документы из архива...

— Я поняла, — торопливо перебила Нелл. — Не беспокойся, я не такая дура, чтобы под покровом ночи штурмовать стены. Сделаю все по правилам. Но сейчас я могу уйти?

— Конечно. Собирайся. Когда будешь готова, проведу тебя порталом.

— Не надо. Тебе это... — Нелл прикусила губу, но поздно: он понял, что она хотела сказать.

— Не волнуйся. Один портал я вытяну. Вернусь пешком, обещаю.

Ей не нужно было это обещание, и волноваться о нем она не собиралась. Но попрощавшись с ним в безлюдном парке, прошла с десяток шагов и обернулась проверить, сдержал ли он слово. А он по-прежнему стоял на месте и смотрел на нее, и Нелл понадобилась вся ее воля, чтобы, выровнявшись, продолжить путь, не сорвавшись на бег.

У общежития ее ждали: Дарла, Реймонд и Тэйт топтались под фонарем. Увидев ее, бросились навстречу.

Вернее, Дарла бросилась, а парни подошли следом.

— Где ты была? Мы тут с ума сходим! Я тебя возле корпуса искала. Рей сказал, что не видел, чтобы ты выходила со всеми. А там ужас что творилось! Мы думали, тебя камнями засыпало. Они сказали, что жертв нет, но кто знает, что там было на самом деле? Мы и в лечебницу уже бегали...

— Меня там не было, — чудом вклинилась в трескотню соседки Нелл. — В лечебнице. Пришлось задержаться... в другом месте.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — еще больше заволновалась Дарла.

— Устала. Пойду в комнату, хорошо?

В комнате она разделась и, хоть время было еще не позднее, забралась в кровать. Отвернулась к стене и закрыла глаза. Волосы пахли шампунем из ванной Оливера, кожа хранила аромат розового мыла...

«Я поступила правильно», — сказала себе Нелл.

Когда-то она думала, что спрячется от всех бед.

С Оуэном могло получиться. С Оливером — нет.

Академия — не ферма в забытом богами захолустье, а он ректор — всегда на виду. Сколько еще она продержится в статусе тайной любовницы? Каков максимальный срок, по прошествии которого тайное становится явным? Чем в этот раз придется заплатить за иллюзию счастья?

Она не хотела знать ответов на эти вопросы.

Пусть запомнится только хорошее. Море, салон Кэтрин Мерл, опера. Нечаянное «свидание» с мамой и Эми, клубника в октябре. Она заберет эти воспоминания с собой вместе с лежащей в жестяной коробке черной лентой и ракушками с берега Локелани и будет хранить бережно и долго, как хранит портсигар женщины, с которой никогда не была знакома, и книги мужчины, которого не сумела спасти.

И он ее не сумел спасти, хоть и старался.

«Это все ты виноват, — высказала она явившемуся из глубин памяти призраку. — Из-за тебя я оказалась тут. Из-за твоих рассказов об академии, о будущем. О жизни... Лжец!»

Призрак передернул плечами, затянулся сигаретой, выдохнул облако дыма и растворился в нем, оставив ее одну. Он всегда так делал.

— Нелл, что случилось?

Она не слышала, как Дарла зашла в комнату, как присела на ее кровать. Очнулась, только услышав ее голос и почувствовав на плече ласковую ладошку.

— Ничего, — ответила, не оборачиваясь.

— Ты плачешь?

— Нет.

Она не плачет. Давно уже. Просто течет иногда из глаз вода. Так бывает, когда льдинка подтаивает в груди.

— Тебе нехорошо? Позвать целителей?

— Не нужно. Я же сказала: просто устала. Отдохну и...

— Если хочешь, кури.

— Что? — Она обернулась удивленно.

— Можешь курить тут, — неловко улыбнулась соседка. — Я давно знаю, да. Запах все равно есть, даже после мятных пастилок. У меня отец курит и оба брата, я табачный дым ни с чем не спутаю. А жена старшего брата мыло варит — вот уж вонища! Так что я заклинаний, чтобы воздух очистить, шпук десять знаю. Можно, например, пустую бутылку зачаровать, и весь дым будет в нее стекаться. Потом его закупорить и на улице выпустить. А вместо пепельницы старая чернильница сгодится. Она все равно треснутая...

Дарла болтала, как обычно, без остановки, и ее голос заполнял пустоту снаружи. А пустота внутри наполнилась ментоловым дымом.

Не так уж все плохо.

Оливер не был уверен, что поступил правильно, но иного решения не видел. Столько боли и страха было в Нелл, что попытка пробиться сквозь них могла привести к тому, что она закрылась бы еще сильнее.

Он заставил себя не пойти за ней следом. Какой смысл? До утра сторожевым псом бродить вокруг общежития? Тоже вариант, но...

На крыльце его дома стоял, облокотившись на перила, Эдвард Грин.

— Добрый вечер, — поздоровался первым целитель. — Гуляете?

— Хожу пешком, как вы и рекомендовали. Давно ждете?

— Нет, только успел позвонить.

За годы знакомства милорду Райхону ни разу не удавалось уличить доктора во лжи, но он подозревал, что это лишь оттого, что врал Грин, может, и нечасто, но виртуозно.

— Что-то случилось, Эдвард?

— Помимо взрыва, о котором вы осведомлены лучше меня? Так, мелочи. Инспектор пытался связаться с вами по телефону. И лорд Арчибальд. Я опасался, что у вас случился рецидив. Нет? Выглядите не лучшим образом.

— Я в порядке. Чего хотел лорд Арчибальд? Он уже в курсе последних событий? Не собирается прибыть в академию?

— И оставить столицу накануне выборов? — Доктор скептически приподнял бровь. — Сомневаюсь. Пока, как я понял, речь о том, чтобы

прислать к нам экспертов, занимавшихся найтлопским делом... Вы точно в порядке?

— Да, я же сказал. Сейчас же свяжусь с лордом Арчибальдом. И с инспектором тоже. Спасибо, что взяли на себя роль посыльного.

— Не за что, — пожал плечами Грин. — Думаете, это те же фанатики, что устроили взрыв в Найтлопе?

— Следствие покажет.

— Угу. Следствие уже показало, что всю их шайку обезвредили.

— Да уж. Если выяснится, что с заявлением поторопились, могу только посочувствовать вашему тестю.

Оливер говорил искренне. Собственные проблемы — не повод не замечать чужих. У вице-канцлера довольно недоброжелателей, которые не преминут обвинить в некомпетентности если не самого лорда Аштона, то подведомственные ему структуры — точно.

— Он был бы рад узнать, что вы о нем беспокоитесь, — неожиданно хмуро проговорил целитель. — А я начинаю всерьез беспокоиться о вас, милорд.

— О чем вы?

— О том, что не было официального заявления. Лорд Арчибальд подружески поделился с вами информацией и наверняка просил не разглашать ее до поры. Меня он об этом предупредил. А вы прежде не были столь невнимательны. Не говоря уже обо всем остальном. Вы странно ведете себя в последнее время, Оливер. Могу лишь догадываться о причинах и, как ваш друг, рад, что эти причины присутствуют в вашей жизни, но, с другой стороны, опять же как друг, хотел бы в данной ситуации видеть прежнего Оливера Райхона. Потому что независимо от того, связан сегодняшний взрыв с происшествием в Найтлопе или нет, меня несколько тревожит тот факт, что бомбу подложили именно на факультет темных материй, именно в ту аудиторию, и запуск взрывного устройства совпал по времени именно с вашей лекцией. Советовал бы и вам обратить внимание на эти «совпадения».

— Я обратил, — сухо заверил Оливер.

— Надеюсь. Но на всякий случай предупреждаю: завтра меня не будет. Мы с Элизабет решили, что Грэму стоит погостить у ее родителей. Я был бы не против, если бы и Бет уехала, но она об этом и слышать не хочет, а спорить с ней и ее отец не берется. Завтра он обещал прислать сопровождение по порталной ветке, но Грэм еще мал, чтобы путешествовать этим способом. Мы с Бет отвезем его на поезд.

— В Ньюсби?

— В Энсвуд, на экспресс. Вернемся поздно вечером. Поэтому...

— Постараюсь не взорваться, — пообещал Оливер в ответ на многозначительный взгляд.

— Сделайте одолжение, — вздохнул Грин. — Всего доброго.

— Вы...

— Уже уйду, да. Благодарю за теплый прием.

Лишь тут Оливер спохватился, что следовало пригласить гостя в дом, а не разговаривать на крыльце, однако исправляться было поздно. В этом. Что до всего остального, то самое время братья за ум, исправлять все, что еще можно исправить, и решать то, что нужно решить.

ГЛАВА 19

Если Грин действительно хотел увидеть прежнего Оливера Райхона, ему стоило прийти в ректорат на следующее утро. Но целитель, как и планировал, отбыл на рассвете в Энсвуд. Остальные же насладились возвращением милорда ректора сполна. Больше всего от возросшей активности руководства перепало секретарю. Флину пришлось экстренно пересматривать расписание патрона, отменять встречи и назначать новые, обрывать телефоны, разыскивая нужных милорду Райхону людей, и следить за тем, чтобы на столе ректора неизменно стояла чашка с горячим кофе. Через два часа после начала рабочего дня, утирая со лба пот, мистер Флин набрал номер центральной котельной и попросил уменьшить подачу пара на главный корпус. Это было уже его собственное решение, и Оливер, нередко упрекавший секретаря за безынициативность, узнай об этом, быть может, даже одобрил бы. Что до инспектора Крейга, пришедшего через полчаса после того, как просьба Флина была выполнена, то старик плоды секретарского самоуправства не оценил.

— Холодно у тебя, — пожаловался он ректору, кутаясь в старое пальто, памятное Оливеру еще по тем временам, когда не инспектор приходил к нему, а его, Олли Райхона, притаскивали в участок блюстители так нелюбимого будущим главой академии порядка. Хотя вполне возможно, что пальто уже другое, просто цвет такой же. И фасон. Но главное — инспектор все тот же, ум и хватку с годами не растерял. — Это хотел? — бросил он на стол перед Оливером картонную папку. — Читай уж, нетерпеливый наш. Читай, есть что. Но впредь людей моих не дергай! Мешаешь только.

— Не буду, — послушно пробубнил Оливер, уже открыв папку с экспертным отчетом по вчерашней бомбе.

— Разбаловал я тебя, — махнул рукой инспектор и уселся в кресло напротив. — С самого начала не нужно было тебя к расследованиям допускать.

— Одна голова хорошо, а две — лучше, — не отрываясь от чтения, поделился народной мудростью ректор.

— А то мне голов и без твоей мало, — проворчал старик. Но больше, до тех пор пока Оливер не закончил читать, не отвлекал.

После кивнул на отчет:

— Ну? Увидел что интересное?

— У видел. — Оливер достал из стола бумаги по найтлопскому делу. — Состав взрывной смеси тот же, — сказал, сверившись с протоколами. — И структура заклинания.

— Вот-вот, — подтвердил Крейг. Не без отклонений, конечно, но есть основания считать это делом рук одного мастера. Загвоздка в том, что тот мастер, что найтлопскую бомбу собирал, если нашему вице-канцлеру верить, арестован неделю назад.

— У него могли быть ученики и сподвижники. Технология интересная, но, мне кажется, не настолько сложная, чтобы ее не мог воссоздать другой человек с соответствующими способностями.

— Мог, конечно, мог. Ты хоть понял, как тебе с этой самой технологией повезло?

— Понял.

Плетение, активирующее взрыватель, по структуре напоминало проклятие. Потому он и почувствовал опасность прежде, чем та превратилась в неизбежность. Маг другой специализации был бы уже мертв, а с ним и все, кто находился в момент взрыва в аудитории.

— Тот, кто бомбу собирал, тоже понял, — протянул задумчиво инспектор. — Ежели не совсем дурак. А ежели не дурак, то почему сразу о таком не подумал?

Версии, что целью был не Оливер, ни у Крейга, ни у самого милорда Райхона не возникло. Взрывное устройство запустили наведенным заклинанием, наверняка зная, кто находится в аудитории.

— В Найтлоне в ректора не метили, — продолжал рассуждать старик. — Там, похоже, вообще ни в кого не метили, абы кого из магов взорвать. А тебе, значит, персональное внимание. За что, не знаешь?

— Даже не догадываюсь. Среди тех, кого арестовали по найтлопскому делу, было несколько магов. Все, включая собравшего бомбу алхимика, потерпели какие-то профессиональные неудачи в прошлом, что, собственно, и привело их в организацию магоненавистников. Кто-то из оставшихся на свободе может считать виновником своих неудач меня. Отчисленный студент, уволенный преподаватель...

— Проверим. Вспомни, кого сможешь, а ребята с архивами поработают. Разрешение только подпиши.

— Обязательно.

Оливер расписался на чистом листе бумаги и вызвал секретаря.

— Роберт, пожалуйста, отпечатайте поверх разрешение на допуск в архив. Инспектор скажет, на какой срок и на чье имя.

Брови старика сошлись над переносицей.

— Куда-то торопитесь, милорд?

— Через пятнадцать минут веду занятие у своей группы. Заодно посмотрю, как идет восстановление корпуса.

Оливер пообещал Крейгу заглянуть к нему после обеда, попросил Флина выяснить, почему не работает отопление, и, пока его не остановили новыми вопросами, вышел из кабинета, чтобы до начала занятий успеть заглянуть в архив и забрать из него одно личное дело, прежде чем ушлые ребята Крейга сунут в него свои носы. Документы у Нелл в порядке, но пусть лучше лежат в его сейфе.

Он так торопился, что и слова не сказал по поводу наглых архивных котов, и, видимо, немало порадовал этим их владелицу, так как нужное дело мисс Хоуп отыскала на диво быстро и вручила с сияющей улыбкой, словно приз «Самому лояльному начальнику».

Подумалось, что не так уж они мешают, эти коты. Почему бы их не оставить, раз они нужны Надин?

Людей нельзя разлучать с теми, кто им нужен.

Было бы ложью сказать, что Нелл считала минуты до встречи. Она считала секунды. Увидев вошедшего в аудиторию куратора, начала обратный отсчет.

— Добрый день. — Голос Оливера звучал преувеличенно бодро. — Хочется верить, что этот день действительно будет добрым, в отличие от вчерашнего.

Он даже не смотрел в ее сторону, но Нелл слышался в его словах к ней одной обращенный вопрос.

«Не верь, — ответила она мысленно. — Не будет».

— Прежде чем начать лекцию, я должен сообщить вам о введенных со вчерашнего дня в академии особых условий и объяснить, как это отразится на учебном процессе и внутреннем распорядке.

Никто не осмелился его прервать, чтобы сказать, что к ним уже заходил декан Вильямс и все сообщил и объяснил. Слушали снова об усилении охраны и ужесточении контроля, о том, что любые подозрительные предметы нужно обходить по широкой дуге и тут же сообщать о них в полицию.

— Руководство академии решило не прерывать занятия, нет оснований полагать, что случившееся вчера повторится, но, если кто-то хочет уехать на время проведения расследования, это возможно...

Вильямс о таком не говорил, и студенты напряглись, прислушиваясь.

— ...Место в группе, как и место в общежитии за вами сохранится, но

тем, кто будет отсутствовать свыше месяца, придется по возвращении сдавать дополнительные зачеты. И еще, поскольку разбирательство вчерашнего инцидента требует моего непосредственного участия, занятия по базовому предмету в ближайшие недели с вами будет проводить другой преподаватель. Но это не значит, что я не буду следить за работой группы, так что расслабляться не стоит. А пока, раз уж мы разобрались с организационными вопросами...

— Простите, милорд Райхон, — неожиданно даже для себя самой сказала Нелл. — У меня вопрос... как раз организационный... Это не связано с вчерашним происшествием, но, возможно, мне придется уехать из академии. У меня тяжело болеет подруга, вы же знаете, я просила у вас неделю, чтобы ухаживать за ней...

— Обсудим это после лекции, мисс Мэйнард, — оборвал ее Оливер.

«Что ты делаешь, Нелл?» — спрашивали его глаза.

«Готовлю путь к отступлению».

Ее отъезд не будет выглядеть внезапным бегством. Сам же говорил, что нужно сделать все правильно.

Лекция казалась бесконечной.

Нелл слушала, записывала. Не бездумно, что странно, а пытаясь вникнуть и запомнить то, что вряд ли когда-нибудь ей пригодится. Не окончить ей этот курс, лучше подумать о том, чтобы купить сборник бытовых заклинаний. И теплую одежду. На севере королевства магу, даже с ограниченной лицензией, работу найти проще. Оуэн говорил, условия там тяжелые, немногие рвутся. Зато и платят больше.

Единственное, что пугало, — снег. Но этот страх сродни боязни темноты у детей, и Нелл знала, что справится с ним. Не изгонит, но скроет глубоко внутри, там, где прячет все остальные свои страхи, несбывшиеся мечты и пустые надежды...

— Структурную схему я вам не даю, найдете самостоятельно и законспектируете. — Оливер обвел взглядом аудиторию, встретился глазами с Нелл и нахмурился. — Если вопросов нет, все свободны. Мисс Мэйнард, задержитесь. Кажется, вы хотели о чем-то поговорить.

Говорить не о чем: все сказано вчера. Но Нелл осталась на месте. Без спешки сложила в сумку конспект и книги, проводила взглядом покидавших аудиторию одноклассников.

Оливер подошел и сел рядом.

— Я не передумую, — сказала Нелл, прежде чем он открыл рот. — И не вижу смысла тянуть с отъездом. С учетом обстоятельств подозрений это не вызовет.

— Куда ты поедешь?

— Не важно.

— Лорд Аштон занят в столице, в академии он не появится. А если и решит...

— Это ничего не меняет, — не дослушала Нелл.

— Не веришь, что я сумею тебя защитить?

— Защити себя.

— От чего?

— Не знаешь? — Нелл набралась смелости посмотреть ему в глаза. — Скажешь, вчерашняя бомба предназначалась не тебе? И ты не потому решил передать группу другому преподавателю, что боишься, что это повторится и пострадает кто-то из студентов?

— Нашла еще одну причину не остаться со мной?

Еще одну причину не спать минувшей ночью.

— Разве я не права?

— Возможно, права. В том, что касается бомбы. Но я разберусь с этим.

Он сказал это так легко и уверенно, словно речь шла о пустяке вроде оторванной пуговицы. Впрочем, Нелл уже не должно было это тревожить.

— Разберешься, — кивнула она. — И я разберусь. Уеду завтра, если не возражаешь.

— Возражаю, ты знаешь. Но лучше послезавтра, в пятницу, когда другие уезжают на выходные.

— Хорошо. Послезавтра. Это все, что ты хотел сказать?

— Нет. Но, наверное, все, что ты хотела услышать.

Он поднялся из-за стола, сделал два шага по направлению к двери, а на третьем растворился в мареве портала, не видя, как она протестующе вскинула руку, а затем уронила бессильно.

В глазах заципало, и Нелл их закрыла, проваливаясь на несколько секунд в успокаивающую темноту. Услышала ведь все, что хотела. Остальное — не ее забота. Пусть ему доктор объясняет, что пешком ходить полезнее. И с бомбой он, как сказал, сам разберется. А ей было о чем подумать.

Было, но не думалось.

Нелл стерла со щеки просочившуюся через сомкнутые веки слезинку и вышла в пустой коридор. По пути к выходу заглянула в приоткрытую дверь пострадавшей вчера аудитории. Тут уже навели порядок, убрали мусор, дыру в стене заложили и даже заштукатурили. Осталось покрасить, и ничто уже не будет напоминать о несостоявшейся трагедии.

Вот и хорошо, плохое должно забываться. Нелл тоже забудут.

Но пока ее еще помнили. Рей ждал у крыльца. Видимо, хотел узнать, действительно ли она собирается уехать. Нелл не хотела сейчас это обсуждать, но пройти мимо парня тоже не смогла бы. Все решилось иначе: не успела она подойти к сокурснику, как невесть откуда появился Тэйт, схватил ее под руку и без слов потащил прочь от разинувшего рот Реймонда.

— Что случилось? — спросила Нелл, когда ей наконец удалось вырваться и остановиться.

— Ты мне объясни, — потребовал алхимик, сложив на груди руки и напустив на себя суровый вид.

«Совсем как взрослый», — подумала Нелл и рассмеялась. Мысленно. Такими глупыми вдруг предстали ее попытки вернуться в студенческое прошлое, с кем-то подружиться, закрутить ничего не значащий роман.

— Что я должна объяснить?

— У тебя проблемы? — Тэйт сменил строгий тон на участливый. — Пропала на неделю, вернулась, ничего не рассказываешь.

— У меня подруга болеет, — прибегла она к уже испытанной лжи. — Она сирота, как и я. Муж все время в разъездах. Можно нанять сиделку, но чужой человек — сам понимаешь.

— Понимаю. — В глазах Тэйта не отразилось и тени сочувствия к вымышленной подруге. — Врать тоже нужно уметь, Нелл. Ты не умеешь.

Она резко вскинула голову:

— Прежде никто не жаловался.

Бессмысленный разговор следовало прекратить, и Нелл сделала это самым простым способом: ушла, оставив алхимика за спиной. Догонять ее он не стал. Но впереди ждала еще одна встреча, и знай Нелл об этом, предпочла бы, чтобы Тэйт ее проводил.

— Здравствуй, — неуверенно улыбнулся Алан, явно не случайно прогуливавшийся неподалеку от ее общежития. — Я слышал, что произошло вчера. Хотел убедиться, что с тобой все хорошо.

— Убедился? Всего доброго.

Обойти себя он ей не позволил. Заступил дорогу, обхватил ладонями плечи — почти обнял.

— Нелл, зачем ты так? Я правда волновался, — прошептал, медленно притягивая ее к себе. — Испугался, что с тобой что-то случится... снова...

Показалось или он действительно собирался поцеловать ее?

Может, и показалось. Может, просто день такой дурацкий, когда всем непременно нужно узнать, как у нее дела и не нужна ли ей помощь, влезть

в душу, где и без того не осталось ничего, кроме обломков.

Наверняка показалось, и не было причин разжигать в руке пламя, чтобы, собрав скопившееся внутри раздражение, ударить пылающей ладонью склонившегося к ней мужчину.

Он отшатнулся, схватился за щеку, и в следующую секунду Нелл тихо взвыла: руку выкручивало от боли, а на ладони открылся давно заживший порез, напоминая о клятве никогда не причинять Алану Россу вреда.

— Нелл...

Она замотала головой, видя сквозь повисшие на ресницах слезы, что он опять приближается к ней.

— Прости, — прошептала, отступая назад.

Сошла с дорожки, продолжая пятиться, спиной раздвигая ветки кустов. Почувствовала, как каблучки провалились во влажную землю, и лишь тогда развернулась и побежала.

Не важно куда. Лишь бы подальше от всех.

Автомобиль доктор Грин купил четыре года назад по просьбе супруги. Миссис Грин пребывала тогда в том интересном положении, когда женщинам свойственно требовать чего-то необычного и сложновыполнимого вроде сардин в малиновом варенье или персиков в январе, и отказать Эдвард не смог. Острой необходимости в подобном приобретении он не видел, но в сравнении с теми же малиновыми сардинами автомобиль выглядел не таким уж несуразным желанием.

Сам доктор садился за руль скорее для развлечения и хорошим водителем себя не считал. Элизабет пользовалась подарком намного чаще и водила куда лучше мужа, так что даже соседи, которые поначалу отнеслись к этому ее «капризу» со скепсисом и некоторой долей осуждения, теперь нередко напрашивались к миссис Грин в попутчики, когда та отправлялась за покупками в Ньюсби.

Но в этот раз инспектор Крейг выделил Гринам многоместный полицейский автомобиль, способный вместить и все семейство целителей, и няню, и присланных лордом Аштоном сопровождающих, а везти всю эту компанию поручил сержанту Эрролу, благодаря чему Элизабет, помимо дополнительной охраны и дружеской поддержки, получила хороший повод замаскировать беспокойство недовольным бурчанием. Рысь мужественно сносил упреки в непрофессиональном вождении, зато Нэнси, няня Грэма, выслушала в два раза меньше напутственных наставлений.

— Поехала бы с ним, не волновалась бы, — прошептал Эдвард жене, когда ее прижало к нему на очередном повороте.

— И оставить тебя одного?

— Ну я-то уже не маленький.

— Вот именно, — нахмурилась миссис Грин. — Снова влезешь во что-нибудь без меня.

— Тебя беспокоит, что я во что-нибудь влечу, или то, что я сделаю это без тебя?

Элизабет шутить была не настроена, о чем сообщила супругу болезненным тычком локтем в бок. Когда Грэм задремал, последовала его примеру. Вернее, сделала вид: положила голову на плечо мужа, закрыла глаза и до Энсвуда притворялась спящей.

Когда подали поезд, она была уже само спокойствие и продержалась в этом состоянии до того момента, как окошко вагона, откуда им с улыбкой махал сын, уплыло в затянутую паровозным дымом даль.

— Эд...

— Не волнуйся. — Доктор крепко обнял жену. — Грэм прекрасно проведет время в пути. Поездки он переносит хорошо, с Нэнси замечательно ладит.

— Конечно, — согласилась миссис Грин. — С ней он проводит больше времени, чем...

Глаза ее заблестели от слез, подбородок опасно задрожал, но у Эдварда уже созрел план:

— Сейчас подкрепимся перед обратной дорогой, а потом Рысь пустит тебя за руль.

Пообедав в привокзальном ресторанчике и вернувшись к автомобилю, они обнаружили у машины незнакомого пожилого господина. Тот, поставив у водительской дверцы большой саквояж, прохаживался рядом, постукивая по брусчатке тяжелой тростью, и сомнений относительно его намерений ни у Гринов, ни у сержанта Эррола не возникло.

— День добрый. — Незнакомец приподнял над головой шляпу, позволив ветру взъерошить редкие седые волосы. — Прошу простить мою бесцеремонность, но я заметил на вашем автомобиле значок внутренней полиции Королевской академии...

— Вам нужно туда? — без обиняков спросил Рысь.

— Если это возможно.

Улыбка добавила морщин покрытому нездоровыми пятнами лицу чужака, но в целом смотрелась открытой и искренней.

Эдвард обменялся взглядами с оборотнем и легонько кивнул. Элизабет неуловимо передернула плечами: возможный попутчик был ей сейчас ни в радость, ни в тягость, и на старика она почти не смотрела.

А зря. Интересный случай. Интересный и запущенный.

— По делам к нам, мистер... э-э-э... — Рысь выдержал вопросительную паузу.

— Нет-нет, какие дела? — отмахнулся интересный господин. — Хочу навестить бывших учеников. Они сейчас работают в академии.

Вторую половину вопроса он то ли не понял, то ли проигнорировал.

— Вы преподаватель? — вступил в разговор Эдвард. — Тоже работали у нас?

— Нет, не у вас. А вы... — Старик прищурился. — Целитель, полагаю? Только целители глядят на меня с такой профессиональной кровожадностью.

— Угадали, — поклонился доктор. — Эдвард Грин к вашим услугам.

— О, тот самый Грин? Наслышан, весьма наслышан. Но, боюсь, даже вы мне не поможете. Магические травмы, как мне разъяснили, редко подлежат полному исцелению.

— Предлагаю обсудить это по дороге, — сказала Элизабет, решительно пробиваясь к месту водителя.

Незнакомец подхватил с земли свой саквояж, прижал к груди и растерянно захлопал глазами.

— Моя жена, — отрекомендовал супругу Грин. — И наш сегодняшний шофер. Вы ведь ничего не имеете против быстрой езды? Зато попадем в академию засветло.

— Да-да, конечно. — Старик влез в салон и устроился напротив Эдварда, по-прежнему обнимая саквояж.

— У вас там что-то ценное? — не сдержал усмешки целитель. — Не беспокойтесь, ваше имущество в полной сохранности. Сержант Эррол об этом позаботится.

— Норвуд Эррол, — дружелюбно представился оборотень, заняв место рядом с Грином.

Только тут до попутчика дошло, что он не назвался. Он поставил саквояж на пол, стащил с головы шляпу, боязливо покосился через плечо на усевшуюся за руль миссис Грин и кивнул по очереди мужчинам:

— Вилберт. Питер Вилберт. Э-э-э... профессор... А мы уже едем, да?

Автомобиль, мягко тронувшись с места, поплыл по улице под негромкое урчание двигателя. Эдвард не стал предупреждать, что это лишь до тех пор, пока они не выехали за город.

Бегство Нелл трансформировалось в бесцельную многочасовую прогулку и закончилось в старом разросшемся парке, похожем на

сказочный лес. Есть такие страшные сказки о колдунах-чернокнижниках, якшающихся с нежитью ведьмах и безжалостных разбойниках, караулящих жертв в сумрачных чащобах. В качестве жертв чаще всего выступали неразумные девицы благородного происхождения. Если конец у сказки предполагался счастливым, на выручку прекрасной деве в последний момент приходил не менее родовитый рыцарь. Если же история сочинялась с целью напугать и на корню отбить у неразумных девиц желание шляться по темным лесам и общаться с подозрительными магами, рыцари сюжетом не предусматривались.

Устав блуждать в сгущающихся сумерках, Нелл заметила поваленное ветром дерево и достала портсигар. Относительно финала своей сказки она не питала иллюзий. Нет, чернокнижникам и нечисти, равно как и алчным разбойникам, поживиться за ее счет не светило, но и благородных спасителей она не ждала. Сама справится. И будет жить. Пусть не долго и счастливо, но будет.

Она присела, не жалея пальто, на влажный ствол. Огонек вспыхнул на кончиках пальцев, дым наполнил легкие. Медленный выдох и следующая затяжка. Выдох и следующая...

Следующая сигарета. Мысли замедлились, не стучали свинцовыми молоточками в висках, и сердце забило ровно и неторопливо. Только ладонь еще болела, и светило на запястье плетение-ключ.

Нелл коснулась манящей паутинки. Поддела, словно струну, и отпустила. Потянулась снова. Позволила себе почувствовать кожей тепло и легкое покалывание запускаемого заклинания и разомкнула канал.

— Почему нет?

Почудилось, что голос Оливера звучит в ее мыслях. Иначе она вряд ли ответила бы:

— Потому что нельзя.

— Почему? — Оливер — не плод ее воображения, а человек из плоти и крови — перешагнул бревно и сел рядом с ней. Неизвестно, сколько времени он простоял у нее за спиной, но увидеть и понять успел достаточно.

Нелл прикурила еще одну сигарету. Дотронулась до заклинания-ключа.

— Это — маяк? — спросила, рассматривая переплетение тонких нитей.

— Нет. — Оливер накрыл ладонью ее запястье, словно хотел нащупать пульс. Потом поправил рукав и вынул из пальцев сигарету. Затухил, смяв в кулаке. — Маяк — ты. Я найду тебя, где бы ты ни была. Это мой запасной план.

— А какой... — Она сглотнула мешавший говорить ком. — Какой основной?

— Есть несколько вариантов.

Он привлек ее к себе. Нелл не сопротивлялась, и через секунду ее голова покоилась на его плече. Нельзя, да. Но если так хочется?

— Ты обедала? — шепотом спросил Оливер.

От этого простого и, казалось бы, неуместного сейчас вопроса захотелось вцепиться в его плащ, уткнуться лицом и разрыдаться — благо ткань непромокаемая...

— Не успела. — Нелл закрыла глаза, уже зная, что последует за ее ответом.

— Я тоже. — Он поднялся и ее поднял. — Инспектор, списки... Эксперты из столицы. Разругался с ними вдрызг. Видите ли, нельзя было приводить в порядок раскуроченную аудиторию, пока они все не осмотрели. Будто у наших специалистов опыта меньше...

Нелл почувствовала под ногами ровный пол и открыла глаза. Увидела знакомую гостиную, куда не собиралась уже возвращаться, и опять зажмурилась. Стояла так, пока Оливер, ругая столичных следователей, снимал с нее пальто. Затем послушно опустилась в кресло, позволяя снять с себя обувь.

— Это — один из вариантов? — проговорила, не размыкая век. — Сделать вид, что ничего не произошло? Что все как прежде?

— Нет. — Он за руки поднял ее с кресла. Обнял, прижался губами к ее лбу. — Как прежде уже не будет. Лгать себе и друг другу — не вариант. А их, собственно, два. Либо ты остаешься со мной, либо я уезжаю с тобой.

— Что? Ты... Нет, — замотала головой она. — Нет, ты не можешь... У тебя академия и...

— Значит, первый вариант — остаться — ты не рассматриваешь?

— Я? Нет, я...

Запуталась. С самого начала их отношения казались ей ошибкой, случайностью, и она не могла, даже права не имела строить на эту случайность каких-либо планов. И он не должен был. Потому что...

— Это глупо, — сказала она. — Неправильно. Ты меня даже не знаешь...

— Помолчи, пожалуйста. — Если приказы можно отдавать негромким ласковым голосом, это был приказ. — Помолчи и послушай. Я многого не знаю о тебе — да. Но тебя я знаю. Знаю с первой ночи. Иначе она стала бы и последней, несмотря на все побочные эффекты. Скорее, я постарался бы избегать тебя, а не искать встреч. Не придал бы значения случайно

услышанному разговору. Не рылся бы в библиотеке и не мотался по стране, собирая информацию. Я знаю тебя, Нелл. И знаю, что буду сожалеть, если позволю тебе сейчас исчезнуть. Я дал тебе время. Надеюсь, ты обдумаешь все спокойно, но вижу, что ты не можешь или не хочешь рассуждать здраво. Поэтому: ты со мной или я с тобой — единственный выбор, который я доверяю тебе сделать. Разве что еще... мясо или рыба?

— Что?

— Мы собирались пообедать.

Она покачала головой:

— Я не могу... Не могу выбрать меню. Закажи сам, пожалуйста...

— Хорошо, — кивнул Оливер, соглашаясь сделать за нее этот выбор.

Но только этот.

— Ты правда готов уехать со мной? — спросила она, когда он вернулся в гостиную, по телефону распорядившись насчет обеда.

— Да. Не сразу, конечно. Пока не закончится следствие, я не могу оставить академию. После нужно найти хотя бы временно исполняющего обязанности ректора и преподавателя, который возьмет специальный курс. Это займет время, но да, я готов уехать. Давно подумывал о том, чтобы перебраться в более спокойное место.

Нелл представила себе ферму в Расселе. Куда уж спокойнее? Овцы, виноградники. Теплица для редких растений, дающих прибыли больше, чем вся шерсть, сыр и вино. Добротный дом, слишком большой для тех двоих, чьи друзья и родственники никогда не соберутся здесь.

Она видела все это наяву. Даже думала, что сможет привыкнуть.

Но не смогла.

Как и другой маг, когда-то решивший спрятаться от прошлого в спокойном месте. Он научился лишь притворяться, что всем доволен.

И Оливер научится. Причем быстро...

— Ты... — Она коснулась его руки, упершейся в подлокотник ее кресла. — Ты не сможешь так жить. Подобное... спокойствие — это не твое.

— И не твое.

Прозвучавшие слова показались эхом сказанных много лет назад. В горле запершило от горького дыма первой сигареты.

Но все же так заманчиво. Разве не об этом она мечтала еще несколько часов назад? Спрятаться от всех? А если он будет рядом...

— Я же не должна ответить прямо сейчас? — спросила еле слышно. — Можно мне подумать? Хотя бы до завтра?

...Когда она уходила, на часах было без четверти восемь.

Оливер просил задержаться подольше, но она отказалась. Сказала, что Дарла, должно быть, уже знает от Рея о ее возможном отъезде и волнуется. Нужно ее успокоить.

— Дарла? — переспросил он. — Твоя соседка?

— Да. Хорошая девочка и беспокоится обо мне. В ее возрасте быстро привязываешься к людям.

— Особенно когда чувствуешь, что тебе отвечают взаимностью, — улыбнулся Оливер. — Ты ведь тоже к ней привязалась.

— Она милая.

— И чем-то похожа на Сюзанну Росс.

Нелл поежилась. Они не говорили больше о ее прошлом, и начинать не хотелось. А Дарла? Похожа? Наверное. Такая же невысокая, хрупкая. Круглое личико, вздернутый носик, непослушные каштановые кудряшки.

— Нет, — не согласилась Нелл. — Она не похожа на Сюзанну Росс. Она похожа на Сью Пэйтон.

Так же может болтать часами обо всем на свете, находит повод для радости в незначительных мелочах и создает суету на ровном месте, отвлекая от настоящих проблем. Разве что цветов на подоконнике не выращивает...

По дороге из темного парка, куда ее вывел портал, Нелл продолжала думать о Сюзанне и не удивилась, увидев ту на скамейке у общежития.

— Добрый вечер, миссис Росс. Также решили убедиться, что я по-прежнему жива?

Годами копившаяся обида выплеснулась в один миг с этим вопросом, заданным нарочито насмешливым тоном.

— Также? — вздрогнула Сью. — Нет, тут... С тобой хотят увидеться...

Когда она вернулась, часы показывали половину первого. Ночи.

Ступая босыми ногами по холодному паркету, Нелл дошла до спальни. Открыла дверь и прислушалась к доносящемуся от кровати мерному дыханию. Этого, пожалуй, хватило бы, но она все же вошла в комнату, забралась в постель, придвинулась к спящему, губами коснувшись его плеча.

— Нелл, — прошептал он удивленно и радостно. Перекатился, подминая ее под себя, словно затем, чтобы она не вздумала сбежать.

— Я, — выдохнула она, чувствуя тепло и тяжесть его тела. — Не будешь возражать, если я останусь?

— Это ответ?

— Нет. Это я. Просто я.

Просто она. Просто он. И не нужно слов. Слова — ложь, а ей не

хочется лгать ему.

Этой ночью она будет честна.

К рассвету он вернет ее в общежитие.

А около полудня в его кабинете зазвонит телефон...

ГЛАВА 20

Звонок раздался, когда Оливер выслушивал выводы столичных экспертов. Лорд Арчибальд распорядился держать его в курсе дела, но следователям идея отчитываться какому-то ректору пришлась не по душе, что они и демонстрировали, напустив на себя важный вид и стараясь впихнуть в свою речь как можно больше специальных, непонятных непосвященным терминов.

— Простите, я отвечу, — извинился Оливер.

— Милорд Райхон, — услышал он в трубке голос секретаря. — Вызывают с телефонной станции. Спрашивают, оплатите ли вы звонок некой Хелены.

Вежливая полуулыбка, надетая для столичных гостей, сползла с лица. Сжимавшая трубку рука задрожала. Но голос остался спокойным:

— Да, мистер Флин. Попросите соединить. Господа, — Оливер посмотрел на сидящих напротив магов, — прошу меня простить, это личный звонок...

Чопорные сыщики изобразили недоумение. Пришлось указать им взглядом на дверь. Потом ждать, пока они дойдут до нее, будто специально едва-едва волоча ноги, и слушать в это время перемежаемую треском коммутатора тишину.

— Нелл? — Голос все-таки дрогнул. — Нелл, это ты?

— Да...

— Откуда ты звонишь? Где ты?

— В Ньюсби. На портальной станции.

— Как?..

— Помолчи, пожалуйста. Помолчи и послушай...

Нелл прикрыла трубку рукой. Выдохнула медленно, повторяя про себя как заговор: «Так будет правильно. Так будет правильно. Так будет...» Вчера она позволила себе поверить в иной исход, замечталась, но нежданная встреча помогла вернуться в реальность.

— С тобой хотят увидеться. — Сью затравленно вжала голову в плечи. — Мы с Аланом ни при чем. Мы никому...

По спине прошел холодок, а пальцы сами собой сложились в почти забытую фигуру, готовые сплести чью-то смерть. И разжались тут же.

— Здравствуй, девочка.

— Профессор...

Не сосчитать, сколько раз Нелл представляла себе эту встречу и сколько раз отказывалась от нее. Летом в Глисете, когда она неведомо зачем побывала в собственном склепе, ей самую малость не хватило решимости. Или же достало благоразумия не тревожить человека, которому и без того многим обязана.

— Это ты. — Он первым бросился вперед. Не обнял в порыве, а принялся ощупывать ее. Руки, лицо, волосы. — Ты. Хвала всем богам. Жива.

И тогда уже обнял. Прижал к груди, а хватило бы сил, и на руки поднял бы, как в детстве. Или как тогда, когда вытаскивал ее из рушащегося павильона, ругаясь сквозь зубы и требуя, чтобы она не смела умирать. Ей удалось выполнить эту просьбу.

— Жива, — срывающимся шепотом повторила она.

Оглянулась на освещенные окна общежития и за руку потащила наставника вдоль темной аллеи. Куда и когда ушла Сюзанна, она не заметила.

— Ты куришь? — Профессор укоризненно покачал головой, и Нелл почувствовала себя ребенком, пойманном за очередной шалостью. Но машинально закуренную сигарету не выбросила. — Все мы меняемся, девочка. И, увы, не всегда к лучшему. Но ты? Как? Почему?

У него были те же вопросы, что и у Алана в первую встречу здесь. И сейчас Нелл ответила бы, но прежде сама должна была спросить:

— Как вы узнали, что я тут? Если не от Сюзанны, то от кого?

— Ох, Нелл, я не знал, но надеялся. К Хеймрику приходил человек, расспрашивал о тебе. Оливер Райхон, здешний ректор. Юлиус решил, что его послала твоя мать. В первые годы она часто приходила, писала, нанимала каких-то независимых детективов...

— Тратила впустую деньги, которые я оставила им с Эми, — мрачно резюмировала Нелл.

— Она не могла смириться, что тебя больше нет. Не верила в несчастный случай. Юлиус уже готов был показать ей те протоколы...

— Он показал их Оливеру Райхону.

— У милорда Райхона своеобразная репутация. Думаю, Хеймрик его побаивается. Как и многие, впрочем. Но это... это не важно. Юлиус пришел ко мне на следующий день. Жаловался на Клариссу. Опасался, что она может вновь поднять то дело. Они совсем не общаются теперь, а я по старой памяти... Мы с ней переписываемся. Встречаемся, когда есть такая возможность. Я подумал, что если бы она снова наняла кого-то, то

предупредила бы меня. К тому же Оливер Райхон — не частный детектив, да? Но Хеймрик был так уверен, сказал, что Райхон точно встретишься с твоей матерью...

— Он почувствовал тень? — Сердце Нелл пропустило удар. — Мою тень?

— Клариссы. — Наставник успокаивающе погладил ее по плечу. — Он решил, что это была Кларисса. Юлиус хорошо помнил вас обеих, но семейное сходство сильно, а тебя он давно списал со счетов. А я знал, что это наверняка не она. Но нужно было убедиться, поговорить с ней. Они с Эми сейчас перебрались...

— В столицу, к Лэйгипам, я в курсе, — протараторила Нелл. Проникший в душу страх не уходил от ласкового поглаживания, и она закурила еще одну сигарету. Иногда дым прогонял кошмары.

— Да, пришлось потратить время. Когда подтвердилось, что Кларисса никого не посылала...

— А Хеймрик с ней связывался?

— Нет. Не беспокойся об этом. Но Райхон... Ты не удивилась, когда я сказал о нем. Ты знала?

— Узнала буквально вчера.

— Ты?..

— Нет. Ему известно лишь то, что рассказал милорд Юлиус.

— Но зачем ему это? Чего он хочет?

— Меня.

Питер Вилберт недоуменно нахмурился.

Нелл глубоко затянулась.

— Мы с ним любовники, — выдохнула вместе с дымом. Увидела, как изменилось лицо наставника, и не сдержала усмешки. — Вот такая я теперь плохая девочка. Курю и сплю с собственным куратором.

— Он принуждает тебя? — Наставник негодуя сжал кулаки. — Шантажирует?

— О боги, нет, конечно! Он...

Самое безумное и непредсказуемое, что было в ее новой жизни. Но, наверное, и самое чудесное...

— Он предлагает мне защиту.

— Думаешь, он даст тебе ее?

Во всяком случае, попытается.

Осознание этого избавило от последних сомнений, и решение она приняла задолго до того, как простилась до утра с бывшим куратором и давним другом семьи.

Потом была ночь без лжи.

Нелл собиралась увезти ее в своей памяти.

Но она не желала тащить еще с собой и тяжесть несказанных слов.

— ...Помолчи и послушай. Вчера ты сказал, что знаешь меня. Но и я тебя знаю, Олли...

Ей давно хотелось назвать его так. Пусть хотя бы это желание сбудется.

Коммутатор трещал негромко, но раздражающе, мешая прислушаться к далекому голосу. Оливер с силой притиснул к уху трубку, и сжимавшие ее пальцы уперлись в щеку. Печатка врезалась в кожу, чтобы оставить квадратную отметину-клеймо, но он этого не чувствовал.

— ...Я тебя знаю, Олли. Знаю, какой ты под этими строгими костюмами и сдержанными манерами. Знаю, как ты устал от всего этого. Жизнь не оправдала ожиданий, работа не приносит удовлетворения, друзья заняты собой, а женщины уходят к другим до того, как успеют увидеть тебя настоящего... Со мной в этом плане было проще. Случай помог. И ты, наверное, решил, что я нужна тебе, чтобы что-то изменить. Но это не так. Ты можешь жить, как тебе хочется, и без меня. Отдыхать на островах, наслаждаться оперой, ходить в этот свой клуб анонимных драчунов. Это — только твой выбор. Живи, радуйся. Если тебе нужна женщина, с которой можно разделить эту радость, она появится. Обязательно.

— Мне нужна ты.

— Нет. Не нужна. Ты это придумал.

— Нелл, пожалуйста...

— Пожалуйста, — повторила она жалобно. — Не перебивай. Иначе...

Короткий щелчок — где-то в Ньюсби тонкие белые пальцы угрожающе легли на рычаг телефонного аппарата.

— Это лишь фантазии, Олли. Пустые фантазии. Ты не исправишь моего прошлого, но я могу испортить твое будущее. Не хочу дожидаться дня, когда ты это поймешь. А ты поймешь однажды, но до того... Не ищи меня. Я помню, на что ты способен, но это бесполезно. Даже если сорвешься сейчас из академии, меня здесь уже не будет. Информация о перемещениях конфиденциальна, но я не сомневаюсь, ты сможешь и ее добыть... Только в том городе, где я окажусь через несколько минут, тоже будет порталная станция. Или вокзал. Или порт... Мое свидетельство осталось в академии, так что имя придется подыскать другое. Элеонор Мэйнард ничего не стоит без документов... А твой запасной план — он никуда не годится. Сам рассказывал, как тяжело найти человека на

огромной площади среди миллионов других людей, даже если это человек-маяк. И поисковые артефакты не помогут, если тот человек знает, как от них закрыться. Не трать время и силы... Береги себя. Пожалуйста. Тебе еще разбираться с бомбистами, помнишь? Не стоит отвлекаться на глупости... Вот. Это все, пожалуй...

— Нелл!

— Прости.

Щелчок — и тишина. Даже треска не слышно.

Шумно стало спустя минуту.

Влетевший в кабинет Флин замер в дверях и уставился на лежащий на полу телефон. Затем медленно перевел взгляд на валяющуюся в ярде от него трубку.

— Нужен новый аппарат. Закажите, — холодно приказал Оливер.

И звуковую защиту кабинета давно пора обновить.

— Там, — секретарь икнул и указал себе за спину, — господа ждут.

— Скажите господам, чтобы шли... к инспектору Крейгу. Меня не будет... Сколько понадобится, столько и не будет.

В Ньюсби он побывал. И нужную информацию из порталыщика вытащил. И за переход, повторяя маршрут Нелл, заплатил не задумываясь. Но в том городе, как она и сказала, было несколько станций. Не считая вокзала и порта. И тысячи людей, среди которых, как ни старайся, не отыскать того, кто знает, как укрыться от поисковых артефактов...

В купе было тепло и уютно. Мягкий диванчик манил прилечь, перестук колес убаюкивал, но Нелл упрямо сидела, вглядываясь в темноту за окном, не замечая собственного отражения в стекле.

— Поздно уже, — сказал профессор Вилберт.

С этим не поспоришь. Поздно что-то менять, поздно сожалеть.

— Идите к себе, если устали, — улыбнулась она. — Не стоило тратиться на билеты в первом классе, чтобы сидеть, словно в общем вагоне. А я почитаю еще немного.

Книга лежала у нее на коленях, но Нелл так и не открыла ее, достав из сумки.

— Не хочу оставлять тебя, — покачал головой наставник.

Он и вчера говорил это. Что не оставит ее больше. Корил за то, что она не пришла к нему сразу же, даже не сообщила, что жива. Злился напоказ и называл ее глупой девчонкой.

Как итог — поезд и два соседних куне, которые профессор оплатил сам, как и порталынный переход, хоть Нелл и предлагала компенсировать

затраты. Она ведь успела побывать в банке, сняла со счета остаток денег и забрала из хранилища коробочку с амулетами Оуэна. Средств хватило бы не на одну поездку. Правда, без спутника Нелл ехала бы не первым классом. И в другом направлении. Но у профессора дом на западе Арлона. Далеко, почти в лесах, где практически нет людей и невероятно красиво, особенно летом. В детстве Нелл часто слышала об этом доме, доставшемся другу отца от родителей, и мечтала там побывать. Но тогда не сложилось, а сейчас...

Сейчас мечты уже не те.

— Наставник, скажите... Вчера вы обмолвились, что Оливера Райхона боятся. Хеймрик, еще кто-то... Почему?

— Не то чтобы боятся, — поморщился профессор. — Разумно опасаются. Милорд Райхон на хорошем счету в министерстве, у него влиятельные покровители. А остальное... Слухи. Ничем не подтвержденные, но оттого еще более настораживающие.

— Например?

— Дело библиотекаря. Ты наверняка слышала, семь лет назад об этом писали все газеты.

— Я не читаю газет после... Не читаю. Что это было за дело?

— Сложное. Странное. Некий маг провел в академии ритуал изменения реальности. Считалось, что все это — сказки. Но оказалось, нет. Оливер Райхон принимал непосредственное участие в расследовании. В результате преступник погиб, а все записи о ритуале были уничтожены. Но некоторые считают, что Райхон оставил их себе, и предпочитают не связываться с человеком, способным... На что угодно способным...

— Чушь. — Нелл уверенно тряхнула головой.

— Возможно, — покладисто согласился наставник. — Но ему необязательно использовать древние ритуалы, чтобы поквитаться с обидчиками. Он ведь мастер проклятий. И далеко не теоретик.

— Это тоже слухи?

— Иначе он не сидел бы сейчас в ректорском кресле. Но этим слухам я склонен верить. Хеймрик... Ты же помнишь его страсть собирать компромат на всех и каждого? Так вот, Хеймрик некогда покопался в той истории. История давняя, свидетельств как таковых не осталось, да их и не искали, но все же... Тебе известно, что у милорда Оливера была сестра?

Нелл кивнула.

— Ее убили, — продолжил Вилберт. — Давно, уже и не припомню, сколько лет прошло. Рассказывали, что ее муж что-то не поделил с бандой, заправлявшей в городке, где они жили. Его тоже убили. А спустя полгода в

том городе не было уже банды. Полиция не рвалась разбираться, но знающие люди сделали выводы. Правда, широкого распространения эти выводы не получили, Райхон в ту пору еще никому не был интересен. Когда его назначили ректором Королевской академии, неприятная история всплыла, но ненадолго. У людей, сделавших столь стремительную карьеру, всегда находятся завистники, так что все разговоры списали на их происки.

Нелл поймала свой взгляд в отражении и усмехнулась.

— Наверняка так и было.

— Ты настолько уверена в его непогрешимости? — Наставник пыхтел, как тащивший их поезд локомотив. — А я, знаешь ли, готов поверить во все, что угодно, когда речь идет о человеке, который, пользуясь положением, склоняет юных девиц к... порочным связям...

— Я уже не юная девица, — напомнила Нелл. — И давайте не будем обсуждать мои порочные связи? Боюсь разочаровать вас еще больше.

Профессор смутился. Пробормотал что-то виновато. Умолк и устоялся на свои ботинки.

Прежде он не был таким. Казалось, в ту ночь он постарел не только внешне, но и внутренне сделался ворчливым стариком, который сперва сунет нос не в свое дело, а после извиняется, в душе сохраняя уверенность в том, что прав и зря непутевая молодежь не слушает его советов. А может, он и правда состарился за прошедшие годы. Сколько ему сейчас? Шестьдесят пять? Семьдесят? Нелл помнила, что Вилберт был старше ее отца, но забыла на сколько лет. Она и свой настоящий возраст иногда забывала. Сложно считать годы, когда не празднуешь дней рождения.

— Вы телеграфировали Хеймрику? — сменила она тему.

— Успеется. Я в бессрочном отпуске. Если не появлюсь, обо мне и не вспомнят. Много поменялось после твоей... после твоего ухода. Отношения — в первую очередь. Юлиус оставил меня в университете по старой памяти, но группы после вашей я уже не курировал, читал общий курс, с каждым годом все меньше и меньше часов. Замену мне найдут без труда.

— А как же ваш проект?

— Твой проект, — тяжело вздохнул Вилберт. — Ты его и закончишь.

— Нет.

— Значит, о нем можно забыть.

— А о Хеймрике?

— Ты его боишься? — пытливо прищурился профессор.

— Разумно опасаясь, — ответила Нелл его словами. — Не хочу, чтобы он знал.

— Да-да, лучше так. Юлиус, конечно, тот еще проныра, и у него всюду свои люди, но...

— Всюду? — насторожилась Нелл. — И в академии?

— Возможно. — Демонолог сморщил лоб, что-то припоминая. — Был один мальчишка, менталист. Юлиус чуть ли не преемника в нем видел. Но на втором курсе парень отличился не лучшим образом. Ему понравилась девушка, но взаимности он не добился... традиционным образом... Однако стойкое чувство внушить не смог. Когда девушка избавилась от влияния, тяжело восприняла случившееся. Или ментальное воздействие так на ней сказалось. Она покончила с собой.

— А тот парень?

— Он был несовершеннолетним, и все же без вмешательства Юлиуса дело вряд ли замяли бы. Юнца исключили из университета, но я слышал от кого-то, что он якобы поступил в академию. Кажется, взял имя матери, начал с нуля, выбрал другую специальность. Но если и так, он мог устроиться и без помощи Хеймрика. А возможно, это всего лишь слухи. Как и в случае с Оливером Райхоном. Прости, что возвращаюсь к этому, Нелл, но... еще не поздно вернуться. Если ты не сомневаешься в этом человеке, если думаешь, что он защитит тебя. Если готова ему довериться...

Впереди показался освещенный фонарями переезд, и Нелл отвернулась от окна.

— Говорите, о том деле, о деле библиотекаря, писали все газеты? — спросила будто рассеянно.

Вилберт кивнул. Ответ Нелл он понял.

Разговор заглох, и профессор, снова вспомнив о том, что время уже позднее, поплелся в свое купе. После его ухода от двери потянуло магией. Тонкая паутинка повисла в проеме — не заслон, просто сигналка: стоит Нелл выйти в коридор, и наставник выскочит узнать, что случилось и не нужна ли ей помощь.

А помощь ей не нужна.

Вот чаю бы...

Она аккуратно разомкнула сигнальный контур, не разрушая заклинание, а лишь освобождая проход. Чтобы вызвать проводника, достаточно было потянуть за шнурок, но ей хотелось пройтись.

— Не спится? — добродушно улыбнулся немолодой пышноусый мужчина, при ее появлении поспешно водрузивший на лысину форменную фуражку. — Впервые так далеко едете?

Она неопределенно пожала плечами.

Тем же ответила на предложение принести к чаю печенья.

— Тяжело с непривычки, — посочувствовал проводник. — Трясет, шатает. Если задремать не получится, так через час в Brenton прибываем. Пятнадцать минут стоять будем, можно по перрону погулять. По тверди земной, так сказать.

— Brenton — это город? — заинтересовалась Нелл. — Большой?

— Немаленький.

— Хорошо. — Она отстраненно кивнула, уже погрузившись в водоворот сумбурных мыслей. — Печенье... принесите, пожалуйста. И принадлежности для письма...

Профессор Вилберт так храпел во сне, что не пришлось задействовать магию: демонолога было прекрасно слышно за закрытой дверью и сквозь колесный перестук. Нелл не знала, храпел ли он так до той ночи или это — еще один признак неестественно ранней старости. В одном она не сомневалась: старость, любая, что пришедшая с годами, что вызванная встречей с высшим демоном, должна быть тихой и размеренной, лишенной тревог.

Нелл думала об этом, когда, сложив законченное письмо, рассматривала в окно хорошо освещенное здание брентонского вокзала. Судя по массивному строению с куполообразной крышей и огромными окнами, за которыми просматривались просторные залы, город действительно был большим и богатым. Нелл наблюдала за сошедшими с поезда пассажирами, смотрела, как некоторые из них заходят внутрь вокзала, а остальные идут в обход к решетке, за которой выстроились в рядок наемные экипажи и несколько автомобилей. Одни сами несут свой багаж, а рядом с другими толкает тележку носильщик. Но все они торопились войти в зал ожидания или в салон кеба: в Brentone шел дождь, и гулять в такую погоду по перрону желающих не нашлось.

Нелл тоже гулять не собиралась.

— Мисс! Всего две минуты осталось... Мисс!

Через две минуты поезд тронулся. Нелл следила за отправлением из окна экипажа.

— Спокойной ночи, наставник, — пожелала шепотом. — И спокойной жизни.

В большом городе Brentone имелись две порталные станции. Она попросила отвезти ее на ближайшую.

Утро Нелл встретила далеко от дождя. Вместо него тут с неба валил крупными хлопьями снег. Белый-белый. Ей понадобились две сигареты, чтобы свыкнуться с этой белизной, но прежде холод пробрался под

слишком тонкое для местного климата пальто, и повисшие на ресницах слезы превратились в тяжелые льдинки.

Денег, оставшихся после перехода, хватало на покупку теплой одежды, но сначала нужно было убедиться, что трата не станет напрасной, и, вместо того чтобы искать магазины, Нелл узнала адрес конторы, занимавшейся наймом охотников и следопытов. Магов они тоже брали. Север жил зверобойным промыслом, и помощь одаренных в этом деле ценилась высоко.

— Уверены, мисс? — Единственный работник конторы, моложавый брюнет с тонкими вощеными усиками, с сомнением оглядел посетительницу. — Маги нам, конечно, нужны, но условия...

— Меня интересуют только условия оплаты, — холодно, так холодно, как было на улицах затерянного в снегах городка, отрезала Нелл.

— Оплата зависит от того, насколько вы можете быть полезны. Теоретическая магия — это... хм...

— Это солидный объем базовых знаний практически во всех областях применения дара.

Наемщик не был магом, и Нелл без опаски сунула ему под нос бумажку, превращенную с помощью наводящего иллюзию амулета в диплом.

— Лечить умеете? — спросил мужчина.

— Кровь остановлю, шины наложу, снадобья, если будет из чего, приготовлю.

— А с погодой как?

— Заслон от ветра выставлю.

— Льды подвигать? Телекинез, или как оно там?..

— Я — пиротик. — Нелл разожгла на ладони огонек и на мгновение позволила ему вырасти в столб лизнувшего потолок пламени. — Растоплю, если понадобится.

Через час у нее были высокие сапоги на меху, мохнатая шапка и шуба, не новая, но теплая. В рукаве шубы лежал свернутый трубочкой контракт на имя Эрики Нолан. Через полгода, когда срок найма истечет, она вернется в этот городок и посетит другую контору — ту, что ведет гражданскими актами. Заявит о пропаже паспорта и на основании внесенных в контракт данных получит новые документы.

Начальный план на очередную новую жизнь готов.

ГЛАВА 21

Новый телефонный аппарат напоминал игрушку: белый фарфор, расписанный нежными розами, и металл с золотистым напылением. Дамскую игрушку. Или чайник. Оливер видел похожий у Гринов, такой же пузатенький и в розах.

Если разобьется, то вдребезги.

— Это временно. — Флин перехватил мрачный взгляд ректора и отступил к двери. — В понедельник обещали ваш вернуть. Как раз отремонтируют...

— Кофе, — потребовал Оливер.

Когда секретарь покинул кабинет, подошел к окну. Прижался пылающим лбом к стеклу. Температура поднялась под утро, то ли вследствие вчерашних переходов, то ли результат бессонной ночи, когда кофе мешался с бренди, а состояние беспросветной тоски сменялось приступами гнева. Озноб, нередкий спутник жара, настиг уже по дороге в ректорат, но Оливер не счел это достаточным основанием, чтобы обращаться к целителям.

Он сел за стол. Покосился на фарфоровое чудо. Швырнуть его в стену хотелось немедленно, не дожидаясь повода вроде вчерашнего, однако выдержки хватило бережно снять изящную трубку и поднести к уху.

— Мистер Флин, кофе две чашки, пожалуйста. Но прежде узнайте, сможет ли инспектор Крейг уделить мне время.

Жизнь продолжается, а проблемы нужно решать исходя из степени их значимости.

— Ректор, — рыкнул со злостью на отражение в золотистом телефонном диске.

Отражение, бледное и помятое, ответить не решилось.

— По тебе будто паровоз проехал, — охарактеризовал вид главы академии явившийся вскоре Крейг. — Неможется снова? Ты бы к Эду...

— Присаживайтесь, инспектор. — Оливер кивком указал на кресло с другой стороны стола. — Я хотел бы знать, как продвигается расследование.

— Так, значит? — пробурчал старик, подбирая длинные полы пальто перед тем, как усесться. — Расследованием интересуетесь, милорд? Продвигается оно, продвигается. Вчера спецов не выперли бы, раньше меня развернутый отчет по бомбе получили бы.

— Что там? — не поддался на провокацию Оливер.

— Странное.

Дверь открылась, пропуская секретаря с подносом, на котором, помимо чашек с кофе, стояли вазочки с печеньем и колотым шоколадом, и полицейский на время умолк.

— Странное, — повторил он, когда Флин вернулся в приемную. — Ребят нам лорд Арчибальд прислал, конечно, с гонором, но толковых. А с ними и полную информацию по Найтлопу. По взрывному устройству в частности. Так вот, если брать не общие данные, те, что у нас изначально были, то не так уж эти бомбы, наша да найтлопская, промеж собой похожи.

— Это подтверждает, что человек, готовивший взрыв в Найтлопе, действительно арестован. Нашу бомбу делал кто-то другой по имеющемуся образцу... Так?

— Вроде того, — согласился Крейг, пригубив кофе. — Хотя, коли так, состав взрывной смеси можно было один к одному воспроизвести. Как думаешь? Но состав — ладно, там по активному плетению вопросов больше. Помнишь, я сразу подивился, с чего бы кто-то решил малефика... прости, мастера проклятий проклятием же убивать? А теперь и вовсе выяснилось, что если в Найтлопе использовали защиту поверх основного плетения, то в нашей бомбе мало что подобным не озаботились, так еще и усилили базовые элементы проклятия. Смекаешь? Будто нарочно для тебя табличку навесили: «Осторожно! Опасность!» Или же неучи одни среди этих бомбистов. А? Тебе какая версия больше по нраву? Личный друг-террорист или полудурки с бомбами?

— Третьего не дано?

— Если бы. — Полицейский устало махнул рукой с зажатым между пальцами бисквитом. — Там, боюсь, и четвертое имеется, и пятое. Но мы это дело распутаем, не впервой. Только тебе бы все же к Грину наведаться. Чес-слово, смотреть страшно.

— Пусть враги боятся, — хмуро выдал Оливер. — Оставьте заключение по взрывному устройству. И пришлите, пожалуйста, списки выезжавших вче... в последние дни из академии.

— Сейчас бежать? Или позволишь кофе допить? — Сосредоточенный взгляд Крейга нервировал не меньше, чем его обычное «косоглазие». — Попозже стажера пришлю со всеми бумажками.

— Сержанта Эррола? — уточнил Оливер.

— Это он для других сержант, а для меня все еще стажер. — Старик по-доброму улыбнулся, отвлекаясь от изучения его лица.

Но, уходя, еще раз окинул цепким взглядом. Не удивило бы, если бы

после него в ректорат совершенно случайно заглянул или позвонил Грин.

Когда через полчаса телефон-чайник тоненько, будто насмешливо, тренькнул, Оливер, почти задремавший за столом, не сомневался, что это именно доктор.

— Милорд Райхон, мистер Адамс на линии, — доложил секретарь.

Прозвучавшее имя заставило встряхнуться.

— Соедините.

— Минуточку.

Голос Флина сменился треском коммутатора, ставшим с недавнего времени неприятнейшим из звуков. Через несколько секунд он стих, и удалось расслышать дыхание на другом конце провода.

— Джереми?

— Доброе утро, Оливер.

— Что-то случилось?

Джерри не звонил без повода. Как правило, повод был условно-приятный: день рождения, Новый год, очередной выпуск в академии, но в ближайшие дни ничего подобного не ожидалось.

— У меня? — удивленно переспросили в трубке. — Нет. Я слышал, что произошло. Вернее, прочел в газетах. Вчера пытался пробиться на твой домашний номер...

— Меня не было весь день. Но все в порядке, не стоит беспокойства.

Повисло молчание. Если Джерри хотел лишь убедиться, что газеты не врут и дядюшка-ректор жив, говорить уже не о чем.

— Как дела у тебя? — спросил Оливер. — У вас?

— Хорошо.

— Как Камилла?

— Передает привет.

Джерри умел избегать ответов, при этом не отмалчиваясь. Это у них семейное.

— Оливер... — Неловкая пауза. — Мы... Я и Камилла, мы подумали, что было бы замечательно, если бы у тебя получилось выбраться к нам на несколько дней. Возможно, захочешь отдохнуть...

— Я не устал.

— Конечно. Ты же у нас двужильный. Но и тебе хотя бы иногда нужен отдых. К тому же Джинни давно хочет познакомиться с дедушкой Олли. У нее есть твое фото в альбоме...

— С дедушкой? — опешил Оливер.

— Я же должен был как-то тебя назвать? А учитывая степень нашего родства...

— Нет-нет, все верно. — Взгляд упал на блестящий диск телефона. Стягивающая волосы лента, кое-как завязанная с утра, ослабла, и седая прядь, кажется, уже не такая тонкая, сползла на расчерченный морщинами лоб. — Дедушка. Передай малышке, что я тоже буду рад с ней познакомиться. Постараюсь приехать на зимние каникулы.

— Обязательно передам, — понятно пообещал Джереми.

— И мои наилучшие пожелания Камилле.

— Обязательно. Я понимаю, что ты занят. Не стану отвлекать. Только... Будь осторожен. И сообщи, если вдруг...

— Угу.

Положив трубку, Оливер криво усмехнулся. Потом представил себе лицо Флина, если тот увидит еще один разбитый телефон, и рассмеялся в голос.

Фарфоровый уродец, цел и невредим, стоял на столе, бесстыже поблескивая диском-зеркалом.

Заглянул секретарь, напомнил о встрече с юристами. Дело касалось фонда помощи бывшим сотрудникам, и заниматься им сейчас не было никакого желания, но согласование учредительной документации откладывалось уже не раз, и отменять его снова просто неприлично.

Оливер затребовал еще кофе и документы по фонду, дабы перед встречей освежить в памяти подробности. Но у памяти были другие планы, и в итоге он бесцельно просидел перед открытой папкой, уставившись на украшавшую первую страницу размашистую подпись главы юридического отдела. Постепенно набирая скорость, оббегал взглядом плавно скругленные буквы и срывался с длинного острого росчерка в белую пропасть листа, чтобы повторить весь путь сначала.

— Милорд Райхон. — В приоткрытую дверь просунулся Роберт Флин. — Инспектор.

— Прислал бумаги?

Секретарь замер с удивленно приоткрытым ртом, а потом без слов указал на телефон. Не так уж противно звонил этот чайник, если Оливер умудрился его даже не услышать.

Он поморщился в преддверии ненавистного треска и снял трубку.

— Спишь? — раздраженно буркнул Крейг. — Просыпайся и дуй на полигон, если интересно на подрывника полюбоваться, пока его парни Арчи к рукам не прибрали.

Юристам катастрофически не везло.

К полигону, на котором студенты отрабатывали практические навыки,

Оливер вышел порталом. Негатива от перехода, взбудораженный новостью, он не чувствовал, как и порывов холодного ветра, от которого скрипели сооруженные из досок и бревен снаряды полосы препятствий.

Крейг в окружении нескольких подчиненных стоял рядом с припаркованным у стартовой черты полицейским автомобилем и, периодически приподнимаясь на цыпочки, вглядывался вглубь полигона. Заметив ректора, пошел навстречу.

— Почему тут? — коротко спросил Оливер.

— Бомба. — Инспектор кивнул в сторону деревянных снарядов. — Где ж ее еще обезвреживать? Столичные ребята занимаются, мои только щиты держат.

— А террорист?

— В машине.

Старик поморщился, и Оливер почувствовал неладное.

— Все так плохо?

— А что хорошего в студентах, которые своих наставников норвят прахом развеять?

Известие, что подрывником оказался студент академии, стало неприятной неожиданностью. Чужак в этой роли был бы предпочтительнее.

— Что говорит?

— Ничего. — Крейг сплюнул сквозь зубы. — Даже имя называть отказывается, а всерьез за него не брались. Сперва бы бомбу... Так там устройство мудренее первого. И неясно, что за дрянь в заряде, а то подорвали бы уже от греха подальше.

— Можно? — Оливер указал взглядом на автомобиль.

— Нельзя. Спецы засланные сказали, лично допросят. Сам понимаешь, парень-то наш.

— И дверцы запечатали? А то... холодно как-то.

— Ну ежели замерз, то в машине всяко теплее, — с простоватой улыбкой согласился инспектор. — Посидим, погреемся.

Он первым забрался в салон, перед этим подав знак одному из своих ребят: когда эксперты закончат с бомбой, подозреваемый по-прежнему будет сидеть в авто в одиночестве.

Оливер посмотрел на полигон, но за лестницами и брусьями рассмотрел лишь свечение защитного купола. Открыл дверцу и сел рядом с инспектором.

Ссутулившийся на сиденье напротив парень вскинул голову, что-то прошептал беззвучно, как бы не «здравствуйте, милорд», и вновь

погрузился в изучение наручников на своих запястьях. Особенно его занимали вплавленные в браслеты артефакты, мешавшие задействовать дар.

Оливер со значением откашлялся, заставляя студента опять поднять голову.

— Вот, — невнятно отрекомендовал парня Крейг. — Он.

— Он, — угрюмо согласился уверившийся, что не обознался, ректор. — Мистер Тэйт Тиролл. Шестой курс. Алхимик.

Полицейский и бомбист посмотрели на него с одинаковым удивлением. Первый, кажется, заподозрил, что версия о личном друге-террористе не лишена оснований, а второй подумал, что гуляющие по академии байки о вездесущем и всезнающем ректоре совсем даже не байки.

А Оливер думал о женщине, которая вчера простилась с ним навсегда, и руку готов был отдать на отсечение, что Нелл каким-то образом связана с происходящим.

— У вас серьезные проблемы, мистер Тиролл, — проговорил он с расстановкой. — И, как мне сказали, облегчить свою участь чистосердечным признанием вы не желаете.

— Не-а, — с ленцой протянул парень. — Какой смысл?

— Смысл в том, что методы мои и господина инспектора разительно отличаются от методов господ из столицы. В лучшую сторону. И если вы не хотите побеседовать с нами, упомянутые господа, как только разберутся с вашим творением...

— Не разберутся, — самоуверенно перебил алхимик.

— Сомневаетесь в компетентности военных экспертов?

— Ага.

— И чем вызваны эти сомнения?

— Мое устройство нельзя отключить. Не предусмотрено конструкцией. Распутать активирующее плетение тоже нельзя.

— Можно выбрать из него энергию, — пожал плечами Оливер.

— Не-а. Можно пару лет подождать, пока само рассеется.

Занятно, если так.

— Вывезти подальше и взорвать, — буркнул Крейг и отвернулся к окну, продолжая демонстрировать, что разговор его не интересует.

Физиономия у алхимика стала самодовольная донельзя.

— Тоже не получится? — предположил Оливер.

Хотелось врезать мальчишке пару раз и от души повозить его мордой по дверце, размазывая бесстыжую ухмылку по затемненному стеклу. А

можно было без явного членовредительства заставить его говорить, но людям лорда Арчибальда подобное самоуправство не понравится.

— Почему? — спросил Оливер, приняв выражение лица алхимика за ответ на предыдущий вопрос.

— Потому что.

Кулаки отчетливо зачесались.

— Привязка к образу, — бросил инспектор. — Видел я мельком ту штуковину. Вроде есть что-то похожее.

Значит, не просто акт устрашения, а покушение на конкретного человека. На кого? Но мальчишка снова затеял игру в молчанку, вернувшись к рассматриванию антимагических браслетов.

— Жаль, — почти искренне сказал Оливер. — Если ваше устройство настолько совершенно, вы — талантливый молодой человек, мистер Тиролл. И вас ждало прекрасное будущее.

— А теперь ждет отчисление. — Парень пожал плечами, звякнув цепочкой наручников. — Так о чем говорить?

Отчисление? Оливер тихо хмыкнул, ничем больше не выдав раздражения, разросшегося до размеров извергающегося вулкана. Мальчишка либо неисправимый оптимист, либо просто дурак.

Сообщить о своих выводах алхимику он не успел. Раздался приглушенный хлопок, автомобиль легонько трянуло, и со стороны полигона послышались крики.

— Надо же, — удивленно произнес Тэйт Тиролл. — Перенастроили-таки бомбу на себя. — И добавил глубокомысленно: — Вот это я понимаю — эксперты!

Оливер выскочил из машины. Крейг выбрался через другую дверь.

Полицейские взволнованно топтались у мостков, начинавших полосу препятствий. Бежать на полигон без приказа они не решились. Или просто не решились: после прогремевшего под щитами взрыва и первых взволнованных криков не слышалось уже ни звука, а ветер принес незнакомый запах, такой мерзкий, что, даже будучи едва уловим в воздухе, он провоцировал рвотные позывы.

Инспектор собирался что-то сказать, но когда только открыл рот, там, куда были устремлены все взгляды, появилась крупная палевая рысь. Зверь, а вернее, оборотень перемахнул через заграждения и несся во всю прыть к оставшимся на границе полигона коллегам.

Подбежав к ним, он несколько раз чихнул и принялся тереть лапами морду, а обернувшись человеком, громко выдохнул и зажал нос.

— Что там? — кинулся к нему Крейг. — Жертвы есть?

Рысь Эррол, очевидно бывший среди тех, кто удерживал щиты вокруг саперов, еще раз чихнул и посмотрел на полосу препятствий.

— Есть. Вон они идут.

В медленно приближавшихся «жертвах», покрытых с ног до головы крупными ядовито-оранжевыми пятнами, Оливер с трудом опознал столичных спецов. Подозрительные пятна, меняя форму от неровной кляксы до идеального круга, ползали по их коже и одежде, слабо светились и источали тот самый тошнотворный аромат, так что полицейские из группы сопровождения шли на приличном расстоянии от господ экспертов.

— Вот же дурень! — восхитился инспектор, скосив один глаз на авто, в котором остался сидеть Тэйт Тиrolл.

— Еще какой, — вздохнул Оливер, думая, как избежать встречи с благоухающими и пышущими гневом эмиссарами вице-канцлера. — Я его забираю.

— А эти позволят? — попытался возразить Крейг.

— Мне не нужно их разрешение. Подобные... э-э-э... шалости разбираются даже не внутренней полицией, а администрацией и преподавателями академии. Если господа хотят подать жалобу, приму ее. В письменном виде и со всеми подробностями. Самому интересно почитать, как они вляпались в ловушку, сделанную алхимиком-недоучкой. Кому она предназначалась, известно?

— Дык, на того, под чей образ настраивали. Поди узнай теперь. А умника этого на факультете демонологии с посылкой поймали. Так что...

Вонь стала невыносимой, напомнив о приближающихся экспертах, поэтому дальше Оливер не слушал. Подошел к автомобилю, как щенка за шкуру выдернул алхимика из салона и открыл портал.

Переход дался тяжело: качнуло на выходе, зароились перед глазами белые мошки, и рот наполнился горькой слюной. Зато перенеслись сразу в ректорский кабинет.

Оливер швырнул мальчишку в кресло и, отвернувшись, сплюнул тягучую муть в платок.

— Идиот, — процедил сквозь зубы.

— Я? — Студенту достало наглости уточнить.

— Не я же? — Растекавшаяся по языку желчь просочилась в слова. — В академии введено чрезвычайное положение, разыскивают бомбистов, а вы, мистер Тиrolл, не придумали ничего лучше, как устроить розыгрыш именно с бомбой. На другое фантазии не хватило?

— Образования, — огрызнулся парень. — Я — алхимик.

— Я помню, — мрачно заверил Оливер. — Для кого готовился подарок?

— Для друга.

— Вашим друзьям не позавидуешь.

Перебравший бумаги секретарь подпрыгнул на стуле, когда дверь кабинета распахнулась и в приемную выглянул ректор, не так давно ушедший через другую дверь.

— Мистер Флин, разыщите профессора Росса с кафедры демонологии. Скажите, я хочу его видеть. Срочно.

Он мог ошибаться, единственной однажды подсмотренной встречи Алана и Тэйта Тиролла мало, дабы делать подобные выводы, но не оставляло чувство, что сегодняшнее происшествие связано с Нелл и он в любом случае собирался пообщаться с ее бывшим женихом. А ошарашенный взгляд алхимика, слышавшего, кого он велел вызвать, сказал, что предположения Оливера недалеки от истины.

— Итак, профессор Росс. — Глава академии неспешным шагом двинулся от двери к замершему в кресле студенту. — Что вы с ним не поделили, мистер Тиролл?

— Не ваше... — Юнец проглотил не сорвавшуюся с языка дерзость. Скрипнул зубами и ответил почти вежливо: — Это личное.

— Догадываюсь. Думаю, вы уже убедились в моей исключительной догадливости. Но интересно выслушать ваши объяснения.

Алхимик демонстративно поджал губы.

Сколько ему? Шестой курс — это не меньше двадцати трех. Как можно сохранить к этому возрасту такую детскую наивность? Впрочем, после неуместной «шутки» с бомбой эта детскость уже не удивляла.

Не тратя времени на уговоры, Оливер крепко сжал плечо парня. Тот хрипло вскрикнул, словно пальцы ректора превратились в крючья и вонзились в плоть. Пока еще не глубоко, но холодный яд проклятия уже попал в кровь, и мистер Тиролл, даже будь он самым слабым магом в академии, должен был это почувствовать.

— Я говорил, что мои методы мягче, чем у господ из столицы? — наклонившись, прошептал Оливер в побледневшее лицо «бомбиста». — Я солгал.

Устав запрещал подобные действия в отношении студентов, иногда — к огромному сожалению. Но если ограничить воздействие третьим уровнем и вовремя нейтрализовать последствия, можно выдать демонстрацию силы за показательный урок. Урока за свою невероятную глупость Тэйт Тиролл определенно заслуживал.

Поняв, что с ним не шутят, алхимик дернулся, но блокирующие браслеты не позволили ему сплести защиту. Впрочем, и без них у него не было шансов против того, по чьим учебникам в академии преподавали базовый курс темных материй. К тому же в тех учебниках приводились примеры далеко не всех возможных проклятий. Некоторыми «рецептами» Оливер предпочитал не делиться.

— Это — всего лишь игрушка, мистер Тиролл. Вроде вашей бомбы. Я назвал ее «Экзаменатор». Хотите сыграть? Правила просты: я задаю вопросы, вы отвечаете. Правильный, а в нашем случае — честный ответ блокирует распространение проклятия. Ложь или молчание — способствуют увеличению его силы. Начнем?

Мальчишка прошептал что-то зло и неразборчиво и тут же выгнулся в кресле, закатив глаза. Из прокушенной губы потекла по подбородку тонкая алая струйка.

Запах крови, даже едва уловимый, бодрил. Прошло головокружение, мутить перестало, исчезла без следа усталость. Оливер понимал, чем это вызвано, но не отказал себе в удовольствии ослабить поводок, на котором удерживал тьму.

— Это — проклятие болью, мистер Тиролл. Если вы еще не поняли. И да, оно не долгосрочное. Со временем само истаивает без подпитки. Приблизительно дня за три.

Он влил в свое творение еще немного силы. Не затем, чтобы заставить мальчишку страдать, нет. Тот сейчас, напротив, должен был почувствовать облегчение. А Оливер хотел поймать откат. Возвратная энергия темных чар имела одно интересное свойство: помимо слабости и боли, дарила несколько мгновений эйфории. Ни с чем не сравнимое блаженство, ощущение легкости и абсолютной свободы. Всемогущества и вседозволенности. Возможно, поэтому именно темные маги чаще прочих срываются. Некоторые сходят с ума...

— Честный ответ, мистер Тиролл, и наш разговор продолжится в ином ключе. Спокойно. За чашечкой кофе. Да?

Алхимик кивнул.

— Разумный выбор. Так чем вам не угодил профессор Росс?

— Он — мерзавец, — с трудом ворочая языком, ответил студент. — Я хотел, чтобы это видели с первого взгляда. Чтобы он и выглядел мерзко...

— И вонял соответствующе, — усмехнулся Оливер.

В голове снова шумело, но не как после телепортации, а как после бокала бренди. И, как и с бренди, тут главное — не перебрать.

— Что же такое мерзкое совершил профессор?

- Он... повел себя подло...
- Конкретнее, мистер Тиролл.
- Обидел... одну девушку...
- Как?

Алхимик поднял на него слезящиеся глаза и моргнул. Потом осторожно, опасаясь новой вспышки боли, пожал плечами:

— Не знаю.

Его не скрутило в дугу — значит, сказал правду. Но гримаса боли скользнула по лицу — значит, не всю.

— Продолжайте, мистер Тиролл. И не советую играть с огнем.

Огонь разливался в груди. Пламя разбуженного темного дара, готовое вырваться наружу и испепелить все вокруг. Пламя гнева.

Дар можно усмирить, взяв под жесткий контроль. С гневом — сложнее. Потому что если придется выбирать, какой из двух костров тушить, то сдерживать не отягощенную опасной магией злость Оливер не будет. А причины злиться у него имелись. Осталось лишь их узнать.

— Я слушаю, мистер Тиролл.

— Он... и она... они встречались. Т-тайно. А у него семья... он на ней никогда бы...

Пламя взметнулось вверх, застило глаза кровавой пеленой, но Оливер заставил его утихнуть.

— Откуда такие сведения?

Алхимик уставился в пол.

— Она сказала, — прошептал одними губами. — Точнее, не скрывала, что встречается с кем-то из преподавателей...

Оливер медленно выдохнул. Так же медленно, одну за другой, принялся обрывать ниточки не укоренившегося в теле и ауре парня проклятия, пока тот, не чувствуя изменений, продолжал исповедоваться коври под своими ногами:

— Он вертелся все время рядом с ней. Следил, с кем она общается. Наверное, сцены устраивал... А позавчера они поругались. Я видел... Пошел за ней, а там этот Росс. Схватил ее... Она ему пощечину влепила, а он... Он тоже ее ударил... как-то... Она убежала... А вчера совсем уехала. Не простилась ни с кем, только записку оставила...

На столе зазвонил телефон. Нужно было ответить. А после попросить Флина все же принести кофе. Хотя продолжать разговор с Тэйтом Тироллом смысла уже не было. Как поступить с этим благородным мстителем, можно решить и в его отсутствие. И не сейчас. Сейчас Оливер чувствовал, что все-таки перебрал. Бессонная ночь в компании бутылки и

кофейника, суматошное утро... И практиковался он в последний раз уже давненько, а после долгих перерывов всегда тяжело. Нервы — что натянутые струны...

— Глупая была затея с бомбой, мистер Тиролл. И подлая. Разве можно подлостью бороться с подлецами? Жаль, дуэли запрещены, но... Взяли бы и честно ему врезали. В морду.

Телефон не умолкал, и он пошел к столу, чтобы взять трубку.

— Слушаю.

— Милорд, здесь профессор Росс, — сказала фарфоровая трубка голосом Флина.

— Пусть заходит.

— В морду? — одновременно с этим хмыкнул оставшийся за спиной алхимик. — Преподавателю?

— Преподавателю, — согласился Оливер. — В морду.

А когда через секунду открылась дверь, пропуская в кабинет демонолога, показал, как именно это нужно было сделать.

ГЛАВА 22

Нужно было видеть лицо Тэйта Тиролла в момент этого удара!

Но Оливер не видел.

Он смотрел прямо перед собой, на то, как не ожидавший столь радушного приема Алан Росс падает плашмя на спину, гулко ударяясь головой об узкую полосу пола у двери, на которую не хватило ковра.

Находишься они на ринге «Огненного Черепа», это была бы победа нокаутом.

Однако они по-прежнему были в кабинете ректора. В его, Оливера, кабинете. И какие бы чувства его ни одолевали, вести себя подобным образом он был не вправе.

Райхон посмотрел на свои покрасневшие костяшки и устало провел рукой по лицу.

— Идиот, — выдохнул обреченно.

— Я? — как по заученному сценарию, переспросил алхимик.

— Нет. На этот раз — я.

Демонолог шевельнулся, и Оливер ударил снова, теперь — заклинанием. Хуже точно не будет, ни Алану, ни ему уже...

— Мистер Тиролл, будьте любезны, одолжите мне наручники.

— Но... — Алхимик тяжело сглотнул. — Ключ остался у полицейских, м-милорд.

Милорд передернул плечами:

— Кого и когда это останавливало?

Подошел к студенту, невольно вжавшемуся при его приближении в спинку кресла, отколол с лацкана его пиджака значок местного клуба игроков в поло и с помощью булавки в два счета расстегнул браслеты.

— В первый раз арестовали? — полюбопытствовал мимоходом.

— Надеюсь, и в последний, — ошалело выговорил алхимик, растирая запястья.

— Значит, вам это умение ни к чему, — заключил Оливер. — Глупостей только не делайте... В данный момент, я имел в виду. А там — как получится.

Он вернулся к Россу и, присев, надел на того наручники.

Теперь ситуация под контролем. В каком-то смысле.

С помощью алхимика, не посмевшего отказаться и теперь, видимо, чувствовавшего себя соучастником предстоящего убийства, удалось усадить

профессора в кресло, но далее Оливер рассчитывал пообщаться с демонологом наедине.

— Зря вы ввязались в это дело, мистер Тиролл. Еще и сделали это наиглупейшим образом. Но я надеюсь на остатки вашего благоразумия и на то, что случившееся в этом кабинете не выйдет за его пределы.

Парень отрешенно кивнул, глядя то на Росса, все еще пребывавшего в беспамятстве, то на ректора, то на дверь за его спиной. Казалось, сомневался, что его самого отсюда выпустят.

— Мы с вами еще не закончили. Поэтому... Пожалуй, подождите в зале для совещаний. И...

— Без глупостей, помню.

Воспитательные меры возымели-таки эффект.

— И еще, — вспомнил Оливер. — Вы сделали неверные выводы касательно отношений между уважаемым профессором и мисс Мэйнард. И касательно ее отъезда — тоже. Насколько я знаю, у нее тяжело болеет подруга, и мисс Мэйнард могла сгоряча заявить, что оставляет академию, но документов она не забирала, и, я думаю, когда проблемы разрешатся, вернется к учебе. Не стоит распространять непроверенные слухи.

— Ничего я не распространяю! — огрызнулся юнец. И тут же с подозрением сощурился. — Я не называл имя девушки.

— Не называли, — согласился Оливер. — Вы вообще не называли имен. Даже своего.

Он выглянул в приемную, намереваясь перепоручить алхимика Флину, но случай предоставил лучшее решение в лице отирающегося у стола секретаря сержанта Эррола.

— Шеф прислал, — бодро отрапортовал тот, увидев ректора. — Вы же просили списки выезжавших? И насчет подрывника сказал узнать.

Милорд Райхон взял протянутые ему бумаги и подтолкнул к оборотню виновника сегодняшнего переполоха.

— Норвуд, если вы не заняты, составьте компанию мистеру Тироллу, — указал на дверь в зал для совещаний. — Я освобожусь в течение часа, и мы решим, как поощрить молодого человека за его изобретение.

— Позвольте, милорд! А как же фонд? — Не замеченный сразу ведущий юрист академии, худощавый мужчина с вытянутым лошадиным лицом, вскочил с кресла в углу и выбежал в центр приемной, размахивая кожаной папкой. — Сколько можно откладывать согласование? У меня давно все готово, нужна только ваша подпись...

— Все готово? — уточнил Оливер таким же ласковым тоном, каким

недавно «экзаменовал» горе-бомбиста. — И мои поправки вы учли?

Он не помнил сути этих поправок, но не сомневался, что вносил их, просматривая черновики документов. Когда дело касается денег, крючкотворы так и норовят всунуть десяток-другой условий и ограничений, словно платить будут они лично.

Юрист перестал размахивать папкой и прижал ее к груди. Кивнул, но как-то неуверенно.

— Точно учли? — вкрадчиво переспросил ректор. — И мне осталось лишь поставить подпись?

— Я, честно сказать, — законник отступил к выходу, — надеялся, что мы с вами все обсудим. Придем к консенсусу...

— Уверен, что придем, — благожелательно улыбнулся Райхон.

— Но если вы заняты, я сам еще раз просмотрю и зайду к вам в другой раз, — протараторил юрист и исчез.

Флин благоразумно закопался в бумажки, а Рысь уволок конструктора бомбы-вонючки в зал совещаний.

Проведенных в одиночестве минут не хватило Алану Россу, чтобы прийти в себя. Демонолог безвольно полулежал в кресле. Голова свесилась на грудь, и Оливеру пришлось потянуть профессора за волосы, дабы рассмотреть наливающееся краснотой пятно на его скуле и припухшие губы.

Плохо. Очень плохо, если преподаватели станут выходить от ректора в подобном виде. Но сожаление было не сильнее желания ударить Росса еще раз.

Не ревность, нет. Мальчишка мог болтать что угодно. Если Нелл сказала ему, что встречается с кем-то из преподавателей — зачем только ей делать это? — ничего удивительного, что Тиролл соотнес эти слова с регулярным мельканием поблизости Алана и сделал ошибочные выводы, до которых Оливеру не было никакого дела. Но алхимик сказал, что Росс изводил ее «сценами», а недавно ударил. Поднял на нее руку, и теперь эту руку хотелось сломать. Сунуть в открытый ящик стола и захлопнуть его с силой и несколько раз, дробя кости. Или самому медленно и методично выламывать по пальцу...

Боги, о чем он думает?

Тряхнул головой, но кровожадные мечты уже пустили длинные корни, оплетшие мозг и склизкими змеями спустившиеся по позвоночнику, провоцируя зуд и нервную дрожь, унять которую могла лишь боль. Желательно чужая, и Оливер ударил.

Кулаком по столу.

Фарфоровый телефон испуганно подпрыгнул, а в кресле слабо шевельнулся демонолог. Можно было похлопать его по щекам, помогая вернуться в сознание, но Оливер опасался, что переусердствует с похлопываниями, и эффект получится совершенно противоположный. Сцепив зубы, он подошел к столику у окна, налил из стоявшего там графина воды в стакан, выпил, наполнил стакан еще раз и, вернувшись к Россу, выплеснул воду ему в лицо.

Демонолог застонал. Вскинул голову. Длинные светлые волосы растрепались и налипли на мокрую кожу, закрывая глаза. Росс потянулся руками к лицу и застыл, сквозь паутину волос таращась на скованные короткой цепочкой наручники на своих запястьях.

— На всякий случай, — объяснил ему Оливер.

— Какой? — прохрипел Росс. Кое-как убрал назад влажные пряди и ощупал челюсть. — Что вообще...

Встретился взглядом с пододвинувшим второе кресло и усевшимся напротив ректором и умолк на полуслове.

Оливер подумал, что напрасно так старательно запирает темный дар: почаще давал бы себе свободу, глядишь, и проблем с подчиненными меньше стало бы. Не перечили бы, работали бы лучше... если бы не сбегали из академии после первого же столкновения с ее «раскрепостившимся» главой.

— Где она? — спросил он, чуть подавшись вперед.

Росс невольно отпрянул.

— Кто? — пробормотал непонимающе.

— Нелл.

Демонолог моргнул. Ощупал еще раз челюсть, но все же отважился на ложь:

— Не представляю, о ком вы.

— Нелл, — требовательно повторил Оливер. — Элеонор Мэйнард. Или, если угодно, Хелена Вандер-Рут.

— Понятия не имею, кто это.

— Ваша бывшая невеста, — масляным голосом подсказал милорд Райхон. Масло было горячее, ламповое: выплеснуть на собеседника и чиркнуть спичкой. — Неужели не помните?

— Моя... — Демонолог облизал губы, языком задержавшись на лопнувшей и слабо кровоточащей припухлости. — Моя Хелена мертва. Поэтому повторяю: я понятия не имею, о ком вы говорите.

И спичка вспыхнула.

Оливер не задумывался, что выпускает на волю, напитав тьмой и яростью. Главное, это что-то вобрало в себя раздиравшую его боль, и теперь эта боль, усиленная магией, достанется Россу. Сомнет, сплющит, заставит корчиться с воплями и умолять о пощаде.

Черное пламя метнулось к демонологу, но за миг до того, как оно должно было коснуться приговоренной к сожжению жертвы, Оливер опомнился. Развеять уже сформировавшееся заклинание он не успел бы, перенаправить его было не на кого. Осталось лишь вобрать его в себя, надеясь, что собственный огонь обожжет не слишком сильно.

Но было... неприятно...

Росс смотрел, расширив глаза то ли от ужаса, то ли от удивления. Вплавленные в наручники артефакты не давали ему использовать магию, но не мешали ее видеть.

— В следующий раз не сдержусь, — пообещал Оливер. В горле пересохло, и голос звучал зловеще.

— И не нужно, — неожиданно твердо проговорил Росс. — Я вас не боюсь. Даже с этим.

Он приподнял скованные руки, и Оливер поморщился:

— А без этого что? — поинтересовался раздраженно. — Ударили бы? Или отваги хватает только девушек бить?

— Что? — опешил демонолог. — Каких девушек?

— Девушку. Ту самую, которую вы не знаете.

Росс побледнел. Потом покраснел. Потом, словно никак не мог определиться с цветом лица, побледнел снова и тут же покрылся крупными красными пятнами. След от удара на скуле теперь почти не бросался в глаза.

— Это она сказала? — Демонолог вскочил, сжав кулаки. Цепь наручников натянулась и, наверное, будь она просто стальной, уже лопнула бы. — Сказала, что я ее ударил?

— Сядьте, — приказал Оливер. — Не она.

Возможно, мальчишка и тут что-то напутал. Возмущение Росса выглядело натуральным, не сравнить с его же словами, будто он не знает Нелл.

Обдумать эту мысль Оливер не успел: Росс вдруг кинулся на него. На что он рассчитывал — неизвестно, но уж точно не на удар ногой в живот, вернувший его в кресло.

— Просил же, сядьте! Я пытаюсь думать!

— О чем? — простонал демонолог.

О том, как выпутаться из создавшейся ситуации. О том, что эта самая

ситуация, возможно, похоронит его карьеру. О том, что ему, как ни странно, плевать на это. Тогда зачем выпутываться? Нужно идти до конца, прижать Росса, вытащить из него все, что он сможет рассказать о Нелл.

— Я не знаю, где она, — выдавил Росс, заставив Оливера заподозрить, что он рассуждал вслух.

Если так — совсем плохо. Контролем и не пахнет.

— Не знаю, — повторил демонолог. — В прошлый раз она исчезла на десять лет.

— Почти на одиннадцать, — поправил Оливер. Теперь уже точно вслух. — Потому что ты — бесхребетный слюнтяй.

— Я? — Росс опять покрылся пятнами. Хамелеон недоделанный!

— Ты. Тебе сказали, что она умерла, — и что? Что ты сделал? Выяснил, как это случилось? Видел тело? Присутствовал на кремации? Жених...

— Я лежал в госпитале, с переломами. А она... Нашла кого-то и не захотела возвращаться...

— Куда? — Руки задрожали, и Оливер вцепился в подлокотники кресла, приказывая себе успокоиться. — Через два года, куда она должна была вернуться? В твою с Сюзанной постель? Третьей?

— Два? Почему два?

Не хамелеон — квохчущая курица. Его даже бить уже не хотелось.

— Ей понадобилось два года, чтобы оправиться после той ночи, — устало пояснил Оливер, понимая, что ничего он от Росса не узнает. Нелл не рассказала ему правды о прошлом, не стала бы делиться и планами на будущее.

Казалось, ярость усмирить было проще, чем навалившееся вдруг безразличие, но Оливер пересилил и его. Встал и подошел к демологу.

— В поло не играете?

Росс медленно покачал головой.

— Жаль.

Вместо булавки пришлось использовать разогнутую скрепку, после чего Оливер бросил наручники на стол и указал Россу на дверь. Но тот уходить не спешил. Откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза. Неоформившийся синяк с квадратным следом ректорской печати начал бледнеть и через несколько секунд полностью исчез, вздущаяся губа приняла естественный вид. Немногим магам такое под силу, даже целители скажут, что излечить другого проще, чем самого себя.

Подумалось, что он поторопился снять с демолога наручники: наверняка у того не только исцеляющие заклинания в арсенале. А еще

подумалось, без страха и сожалений, что если Росс решит напасть, придется его убить. Просто не получится иначе, не получится контролировать уровень воздействия.

— Она не говорила о двух годах, — сказал Росс, не глядя на него, но и не делая ничего, что можно было бы воспринять как подготовку к атаке. — Вообще ничего не рассказывала. Как выжила, где скрывалась это время. Не рассказывала, но и не спрашивала тоже. Не интересовалась, каково нам было после ее... смерти. Это не важно, наверное. В сравнении со смертью все не важно, да?

— Да, — отрубил Оливер.

Но Росс будто не слышал. Продолжал говорить:

— Я не попал на похороны. Но разобраться в случившемся пытался. Не верил в несчастный случай. То, как Нелл выглядела в госпитале, нельзя было объяснить травмами после обрушения павильона. И странная болезнь Вилберта, свалившая его в ту же ночь... Со мной не стали говорить. Никто. Ни со мной, ни с Сюзанной. Сначала отмахивались, как от назойливых мух, потом пригрозили мухобойкой. Я был всего лишь младшим преподавателем, недавно окончившим аспирантуру, Сью не успела и диплом получить... Припугнули? Можно и так сказать. Меня — увольнением с такими рекомендациями, что и в Бюро контроля не получилось бы устроиться. Ее — отчислением накануне выпуска. Нет, прямо ничего не говорилось, но милорд Хеймрик умеет донести свои мысли и без слов... Вилберт не поддержал. Без Нелл мы были ему не нужны. Сюзанна работала с Нелл над ее проектом, могла закончить его... В память о Хелене, чтобы метод извлечения энергии носил ее имя. Вилберту было безразлично. Сказал, что Нелл это все равно не вернет. Его можно было понять, он знал ее с детства, опекал, учил... Любил? Наверное. Сломался, когда ее не стало. Как и мы. Нужно было умереть вслед за ней? Были такие мысли... Но жили. Выживали, как умели. Меня не уволили. Сью все-таки взяли в аспирантуру... Только когда объявили о сокращении бюджета и сворачивании программ по демонологии, отчего-то именно ее программу посчитали лишней. Предложили место в бюро. На востоке, станция Эр-Сабо. Знаете, где это — Эр-Сабо? Мы не знали. Нашли по карте. Голая пустыня, бывшая вотчина кочевников. Там есть нестабильные разломы... змеи, скорпионы... Есть поселок в двадцати милях от станции, где можно купить продукты... Был лишь один способ оставить Сюзанну в университете. И я ей его предложил. Мне нечего было терять. Косые взгляды? Сплетни? Плевать... Два года, говорите? Нет, Нелл не стала бы третьей в моей кровати, если бы вернулась через два года. У

меня не было кровати — спал на софе в проходной комнате, которую мы называли гостиной, хоть в гости к нам никто не ходил. А в спальне спала Сью. Если не оставалась на ночь в лаборатории. Днем ведь она работала, а вечерами заканчивала научный проект, на который ей не выделили стипендию... И степень она получила, причем раньше многих стипендиатов. А девять лет назад открылась вакансия в академии, и мы приехали сюда. И тут, далеко от Гликета, решили, что можем попробовать... Попробовать жить. И жили. Даже хорошо жили. А потом появилась она. — Впервые за время отстраненного, лишённого эмоций монолога Росс посмотрел на Оливера и криво усмехнулся. — Невеста с того света. К вам такие не являлись? Тогда вряд ли поймете... Но мне и не нужно ваше понимание. Сочувствие? Ха! Кто в этом мастер — так это Нелл. Пожалела, облагодетельствовала. Решила за меня, как будет лучше. Избавила от обузы... Потом пожалела еще раз. Это было очень благородно — придумать себе возлюбленного, чтобы я не чувствовал вины за то, что предал ее... Или ее память — как правильно? И с вашей стороны — очень... Открыли мне глаза, да. Только мне не нужна ни ее ложь, ни ваша правда. Единственный человек, перед которым я виноват, — это моя жена. И сейчас... — Демонолог поднялся с кресла. Пригладил растрепавшиеся волосы, поправил одежду. — Сейчас я пойду к ней и извинюсь за то, что в последний месяц вел себя как придурок. А вы... — Он усмехнулся снова. — Вас, как я понял, тоже пожалели. Избавили и осчастливили. Вот и живите себе... счастливо!

Дверь за Россом захлопнулась, и то, что следом в нее не полетело смертельное проклятие или хотя бы фарфоровый телефон, уже можно было считать счастьем. Только непонятно чьим...

Оливер закрыл глаза и медленно сосчитал до десяти. Потом до ста. Легче не стало.

Чем старательнее он сдерживался, тем сильнее разгоралось внутри темное пламя. Сердце билось быстро и неровно, на лбу выступил пот, руки дрожали так, что он решил и не пытаться налить себе воды, хотя в горле уже не просто першило — царапало колючим песком.

«Пройдет», — сказал он сам себе и сам себе не поверил.

«Пройдет», — повторил упрямо.

Нужно расслабиться, отвлечься, подумать о чем-нибудь приятном...

Подумал и прикусил до крови губу.

Бесполезно.

Оставался один выход.

И не через приемную.

Оливер порылся в памяти, отыскивая какой-нибудь безлюдный уголок в академии, и открыл портал. Ноги тут же подкосились, подогнулись в коленях, ладони уперлись в сырую землю, лоб — в толстый шершавый ствол...

Хорошо, что старый парк и правда безлюден, и никто не станет смеяться над бодающим деревья ректором. А дерево — это кстати. И вороны на ветках, две или три: он поднял голову, но не смог посчитать — ослеп от дневного света.

Придерживаясь за ствол, Оливер встал на ноги и обнял старый вяз. Отчего-то казалось важным, что это — именно вяз. Его древесина хороша для изготовления защитных амулетов.

Впрочем, конкретно это дерево ни на что подобное уже не годится.

Удар. Толчок.

Сердце — вулкан.

Удар. Толчок. Удар — толчок. Взрыв...

Облако пара и искр.

Лава тягуче разливается по венам.

Темное пламя, бушевавшее внутри, вырывается на волю. Смерть стекает с кончиков пальцев и просачивается под растрескавшуюся кору. Соки, с наступлением холодов замедлившие движение, взбудораженно бегут вверх. Дерево — не оживает, нет, — агонизирует. Судорожно вцепляется иссыхающими корнями в землю. Сердцевина гниет. Кора лопается, открывая сочащиеся отравленной смолой язвы. Ветви чернеют, и проклятие вгрызается в обхватившие их цепкие птичьи пальцы с длинными когтями. Наполняет кровь ядом и болью. Сжимает маленькие горячие сердечки, выдавливает хрип из вытянувшихся глоток и, до того как птичьи тушки успевают упасть на землю, обращает их в прах...

Вулкан вздрагивает в последний раз. Выплевывает облако пепла. И затихает.

Замерзает.

Покрывается льдом, и по венам бежит уже не лава, а талая вода.

Горькая, но чистая...

В столе лежали салфетки. Он вытер руки, протер от грязи туфли и, насколько удалось, привел в порядок брюки. Посмотрел на часы, засекая время. Тридцати — сорока минут должно хватить.

Снял трубку.

— Мистер Флин, в зале совещаний меня ожидают сержант Эррол со

студентом. Пригласите, пожалуйста.

— Здесь еще инспектор...

— Замечательно. Пусть тоже проходит.

Крейг вошел первым. Осмотрелся. Принюхался. Вопросительно приподнял брови. Оливер ответил невозмутимой улыбкой.

— Как поживают господа эксперты? — спросил прежде, чем старик успел открыть рот. — Все еще благоухают?

— А то! — Полицейский не без злорадства хмыкнул. — А ругаются как — заслушаешься! Не смывается дрянь эта. Ничем. Так что мне бы алхимика этого, а? Что ты с ним решил-то?

— А что решать? Такими кадрами не разбрасываются. Особенно зная, что существуют организации, с радостью принимающие к себе обиженных жизнью и наставниками магов.

— Угу, — согласился инспектор. — Так следующий раз уже не краской бомбу зарядит. Но поучить-то дураля надо?

— Надо. Отмоет экспертов, возьмется за посуду. В столовой помощники не помешают. Месяца отработки хватит, я думаю. Если нет, всегда можно повторить. Да, мистер Тиролл?

Студент, появившийся в кабинете как раз в момент оглашения приговора, истово закивал. Рад, что не отчислят.

Хоть кто-то чему-то рад.

Оливер покосился на часы. Пять минут на формальности: объяснительная, которую Тиролл написал под его диктовку, чистосердечно раскаиваясь за неуместный розыгрыш, звонок декану алхимиков, оформление предписания на отработку...

Три минуты на прощание с инспектором. Кивать, улыбаться, сослаться на занятость.

Минута — предупредить Флина, чтобы не беспокоил его в ближайший час. Пешком он домой не доберется, еще один портал — слишком рискованно.

Осталось почти десять минут из тех, что Оливер себе отмерил, но, видимо, в расчеты закралась ошибка. Отсрочить откат не так сложно, как правильно определить время, в течение которого организм способен удерживать защиту от возвратной волны.

Но все же Оливер успел.

Еще минуту или две он зачем-то фиксировал блоки, пытаясь сконцентрироваться на лежащих перед ним на столе бумагах, тех самых, что принес Рысь, вчитывался в незнакомые имена, отыскивая одно-единственное знакомое, и не находил. Перечитывал, спотыкаясь всякий раз

на одной и той же строчке, и не мог понять, что ему не нравится в сочетании букв, с каждым повторением становившемся все бессмысленнее.

А потом щиты рухнули, и буквы на листе, в который он, упав без сил, уткнулся лицом, поплыли перед глазами.

Пит... Вилб... Птрвлбт...

ГЛАВА 23

Когда он пришел в себя, за окнами уже стемнело, неярко горела настольная лампа, а по потолку расползлись тени. Значит, и тут просчитался: на отдых понадобилось больше часа.

А сколько?

Оливер повернул голову, ища часы, и лишь тогда понял, что не зажигал лампы, да и откат принял сидя за столом, а не растянувшись на диванчике под окном, каким-то чудом успев перед тем снять обувь.

Стоило осмотреться внимательнее, и какое-то чудо обнаружилось тут же: сидело в кресле у чайного столика и увлеченно рисовало что-то в небольшом блокноте. Заметив проснувшегося и попытавшегося сесть ректора, изобразило приветливую улыбку.

— Не спешите. Полежите еще ми нуту-две, чтобы избежать головокружения.

Оливер послушно опустил голову на диванный валик. «Стандартное время целебного сна — три часа», — вспомнил отстранение. Выходит, сейчас около пяти-шести часов вечера.

— Крейг? — спросил негромко.

— Угу, — отозвался доктор Грин. — Попросил заглянуть. Волнуется. И не напрасно, как я вижу.

— Напрасно. Но ваше вмешательство было нелишним, спасибо.

— Не за что. Обращайтесь, всегда рад помочь.

— Можно встать?

— Уже можно. И я серьезно, обращайтесь. Не тяните до последнего, иначе заниматься вами буду уже не я, а Бет.

— Не преувеличивайте. — Оливер сел и ощупал ногами пол в поисках обуви. — Кстати, как вы вошли? Я же сказал секретарю, чтобы меня не беспокоили. И дверь запер.

— Мистер Флин куда-то отлучился, видимо, — пожал плечами Эдвард. — А дверь... открылась.

Туфель у дивана не было. Они остались у рабочего стола. Под взглядом Грина поднялись в воздух, пролетели через полкабинета и опустились у ног Оливера, до сего момента не задумывавшегося, что телекинетик способен таким же образом манипулировать механизмом замка.

Грин подождал, пока он обуется, подошел и присел рядом. Внимательно посмотрел в лицо.

— Не расскажете, что случилось?

— Сорвался, — не стал скрывать Оливер. — Вернее, почти сорвался. Пришлось сбросить излишки темной энергии. Убил парочку ворон. И дерево. Откат решил не глушить, сами знаете: так баланс скорее нормализуется.

— Я не об этом спрашивал. Что у вас случилось?

— У меня? Чего только не случилось, честно говоря. Бомбы, заезжие следователи, юристы, шутники-алхимики... Неужели инспектор вам не рассказал?

— Рассказал. — Доктор улыбнулся одними губами, глаза его оставались серьезными. — Студенческая выходка так вас разозлила?

— Не только. Я же объяснил: слишком много всего и сразу. Старею, видимо.

Последний аргумент заставил Грина поморщиться, но не убедил. На счастье, доктор был не из тех людей, что норовят без приглашения влезть в душу, и разговор можно было считать законченным. Осталось еще раз поблагодарить за помощь и поинтересоваться, не даст ли Эдвард каких-нибудь рекомендаций или рецептов.

Оливер закрыл лицо ладонями и вздохнул. Тяжело. Даже после выброса и продолжительного сна, после болезненной эйфории отката и восстанавливающих целительских чар.

— Нелл уехала, — тихо проговорил он, не отнимая рук от лица. — Совсем. Бросила академию. И меня. Избавила и осчастливила.

Зачем сказал? Сам не понял. То ли потому, что хуже уже не сделать. То ли в глубине души надеясь, что станет лучше.

Не изменилось ровным счетом ничего.

И Грин молчал.

— Даже не спрашиваете, о ком я, — посмотрел на него Оливер.

— Догадываюсь.

— Вряд ли.

— Поправьте, если ошибусь, — предложил Эдвард. — Элеонор Мэйнард, двадцать два года, ваша студентка со спецкурса. Белые волосы, желтые глаза, но не альбинос.

— Не альбинос, — повторил Оливер. — И не Элеонор. Не Мэйнард. Не двадцать два. К тому же рыжая. И мертвая, по некоторым данным. — Перехватил полный беспокойства взгляд доктора и покачал головой. — Я в своем уме, не волнуйтесь. И я... Я расскажу вам, хоть это не только моя тайна, потому что знаю, на вас можно положиться, и потому что мне понадобится ваша помощь.

Рассказал он, конечно, не все. На все и времени не хватило бы, и слов, и, по-хорошему, не нужно Эдварду знать совсем уж всего. Но основное рассказал. О Нелл, о Россах, о подслушанных разговорах и своем расследовании. О роли в глисегской истории лорда Аштона, тогда еще не вице-канцлера. О бомбистах, объявившихся в академии совсем некстати. О вчерашнем телефонном звонке и о том, как сегодня всерьез подумывал убить Алана.

Грин молчал. Наверное, где-то там, в своей голове, раскладывал по полочкам информацию, чтобы после выдать готовое решение или хотя бы дельный совет. От совета Оливер не отказался бы. Да и от решения, если оно окажется лучше того, которое уже нашел он.

— Вы сказали, вам нужна моя помощь, — с расстановкой произнес доктор. — Хотите обсудить этот вопрос с лордом Арчибальдом?

— Нет. Если бы хотел, обратился бы к нему без посредников. Пока предпочитаю, чтобы он ничего не знал.

— Тогда?..

— Кровь. Вы говорили, что пытались определить, что повлияло на внешность Нелл. Значит, у вас были образцы. Вы же берете у студентов пробы крови? Если скажете, что все уничтожили после того, как я просил вас оставить это дело, не поверю.

— Зачем вам кровь? — спросил Эдвард, оставив без комментариев его недоверчивость.

— Чтобы построить поисковую сеть.

В шкафу висело платье, которое Нелл надевала в оперу, голубой пеньюар так и лежал на спинке кресла, а с подушки он снял несколько белоснежных волосков. Но кровь надежнее всего этого, вместе взятого.

— Сеть? — переспросил Грин. — Какую площадь вы рассчитываете охватить?

— Все королевство. Возможно, весь материк.

— Оливер... кхм... — Целитель откашлялся в кулак. — Вы понимаете, что создание подобной сети обойдется вам в целое состояние?

— Не в целое. Примерно в две трети.

— М-да... — протянул доктор. Посмотрел вприщур и попросил ласково: — Пожалуйста, милорд, повторите-ка еще раз, что вы в своем уме и мне не стоит волноваться на этот счет. Потому что я, знаете ли, все-таки волнуюсь.

— Я в своем уме, — послушно повторил Оливер. Ссутулился. Уперся локтями в колени, опустил голову. — Не знаю, как еще... Всю ночь думал. Это — единственный выход.

— Спать, я так понимаю, вы в эту ночь не пробовали, — вздохнул Грин. — Что ж, возможно, все не так плохо, и бредовые идеи — лишь следствие переутомления. Впрочем, так зачастую и бывает. Люди изматывают себя, злоупотребляют тонизирующими средствами и алкоголем, а после утверждают, будто это любовь толкнула их на безумные поступки.

— Я не говорил, что это любовь.

— И чем же вы объясняете свое стремление расстаться с капиталами и рискнуть карьерой и репутацией?

— Ничем. Я никому и ничего не обязан объяснять.

— А себе?

Оливер закусил губу. Долго смотрел на свои сцепленные в замок пальцы. Искал ответ, а найдя его, рассмеялся.

— Что, доктор, новый метод лечения?

— Старый, — нимало не смутился целитель. — И, как правило, работает. Но вы всегда были самым сложным моим пациентом.

Оливер хотел сказать Эдварду, что сейчас говорил с ним не как пациент, а как друг, но промолчал, понимая, что и друг он, мягко говоря, так себе.

— Вам следует отдохнуть, — сказал Грин. — Хотя бы до утра. И не мешало бы подкрепиться. Когда вы ели в последний раз?

Позавчера. Поздний обед с Нелл. Мясо или рыба? Она так и не выбрала, и он заказал сам, теперь уже не помнил, что именно... А ночью пришла. Впервые сама. Он думал, это — ответ. Но оказалось — прощание...

— Нет, — невпопад ответил Оливер.

Смутная мысль-воспоминание, вертевшаяся в голове с момента пробуждения, наконец обрела четкость.

Он резко поднялся, подошел к столу и взял листы со списками из полиции.

— Имени Нелл нет среди выезжавших вчера, но есть другое. — Нашел его и перечеркнул ногтем, словно хотел соскоблить с бумаги. — Профессор Вилберт. Выехал утром, без четверти восемь. Нанял экипаж до Ньюсби... Вилберт! Откуда он тут взялся?

Избыток тьмы он сбросил, но злости осталось еще немало. А когда к злости примешиваются страх и тревога, недолго и до нового всплеска.

— Взялся он с энсвудского вокзала, — неторопливо и напряженно проговорил Грин, приближаясь. — Помните, мы с Бет провожали Грэма позавчера? Встретились с этим профессором. Он как раз собирался в

академию, и мы его подвезли.

— Что он тут забыл?! В смысле... — Оливер на миг задержал дыхание, приказывая себе успокоиться. — Он говорил, зачем ему в академию?

— Сказал, что хочет навестить бывших учеников, но имен не назвал. Да и вообще разговор не задался, профессор не очень хорошо переносит быструю езду. Но каким образом он связан...

— Он был куратором Нелл. Ее, Сюзанны Росс и, может быть, Алана. А Алан... — Оливер со злостью смял список. — Алан мне сегодня о визите наставника не рассказал.

— Неудивительно, учитывая, каким образом вы организовали беседу.

— Значит, поговорю с Россом еще раз, — решил Оливер. — Сейчас. Время для визитов еще не позднее.

— Считаете, это разумно? — усомнился Эдвард. — Хотя... почему не попробовать?

Наверное, подумал, что в сравнении с постройкой дорогостоящей поисковой сети любая идея хороша.

Россы жили в коттеджном поселке на северной окраине академгородка. Точный адрес не без опаски подсказал обитавший там же Грин. Оливеру пришлось едва ли не клятвенно его заверить, что он не допустит нового срыва. Поговорит с Аланом. Даже извинится. Почему нет?

Варианты неблагоприятного развития событий милорд Райхон с доктором не обсуждал, дабы и его не беспокоить, и себя прежде времени не накручивать.

Вилберт. Человек, которому, по словам Хеймрика, самонадеянность и беспечность Нелл сломали жизнь. Как поступит такой человек, узнав, что та, но чьей вине он лишился здоровья, жива? Захочет отомстить? Или лишь встретиться, чтобы с немым укором поглядеть в глаза? И действительно ли он что-то узнал или его появление в академии — случайность? Как все это связано с отъездом Нелл?

Ответы на эти вопросы требовались немедленно, но Оливер не кинулся стремглав к дому Россов, шел намеренно неторопливо, взывая к изменявшей в последнее время выдержке и репетируя на ходу предстоящую встречу.

У калитки в невысокой каменной изгороди остановился. Посмотрел на освещенное фонарем крыльцо и, сделав глубокий вдох, переступил границу частных владений. Тонкая сигнальная паутинка тренькнула, извещая хозяев о приходе нежданного гостя, и к тому времени, как Оливер подошел к двери, ту уже отпирали.

Заготовленная фраза не пригодилась. С чего он взял, что встретит его обязательно Алан?

— Добрый вечер, милорд, — первой поздоровалась Сюзанна. Будучи невысокого роста, она глядела на него снизу вверх, настороженно, но без явного страха и без удивления, словно знала, что он придет.

— Здравствуйте, миссис Росс. — Оливер вежливо поклонился. — Простите, что без предупреждения. Я хотел бы видеть вашего мужа, если это возможно...

— Входите.

В небольшой, скромно обставленной и неярко освещенной гостиной она небрежно указала на одно из двух кресел, стоящих по обе стороны овального столика.

Оливер замешкался. Оставить верхнюю одежду в прихожей ему не предложили, как бы намекая на то, что его пребывание тут не затянется, и теперь пришлось снять плащ, свернуть его и, сев, держать на коленях, чувствуя себя пассажиром невесты куда едущего дилижанса.

— Папа! — Светловолосая девочка лет семи влетела в комнату, увидела незнакомца и отступила обратно к двери. Но улыбаться не перестала. — Я думала, папа вернулся.

— Еще нет, — покачала головой Сюзанна.

— Можно подождать его тут?

— Нет.

— Ну, мамочка!

— Хелена, — миссис Росс строго посмотрела на дочь, — я занята. Поиграй в своей комнате. И не шуми, а то разбудишь Марка.

Девочка послушно удалилась.

— Хелена? — растерянно переспросил Оливер.

— Да, — коротко подтвердила хозяйка.

— А Алан...

— У него индивидуальные консультации с дипломниками. Но, думаю, я смогу ответить на ваши вопросы. Бить, надеюсь, не станете?

— Супруг успел пожаловаться? — поморщился Оливер.

— Просто рассказал. — Сюзанна отвернулась, прошла к шкафу в углу. — За годы доверие невольно входит в привычку. Хоть и не все откровения бывают приятны.

Она вернулась, поставила на столик бутылку солодового виски и два бокала и тут же, не интересуясь желанием гостя, наполнила оба на треть. Села в свободное кресло.

— Так о чем вы собирались говорить с Аланом?

— Для начала планировал извиниться. Мне...

— Я ему передам, — на полуслове перебила женщина. — Что дальше?

— Я хотел...

— Поговорить о Нелл? — Миссис Росс решительно перехватила инициативу. — Она приехала сюда к вам?

— Нет, — не счел нужным обманывать Оливер. — Но...

— Но уехала от вас, как я поняла. — Усмешка и изучающий взгляд поверх бокала. Виски Сюзанна не пила, лишь смочила губы, чтобы потом облизать, чуть морщась. — Уехала, не сказав куда, да? Значит, не хочет, чтобы вы ее нашли. Значит, у нее есть на то причины. Так почему вы решили, что я или мой муж станем вам помогать в обход желаний Нелл? Она просила сохранить ее тайну.

С подобной точки зрения Оливер проблему не оценивал и на несколько мгновений оцепенел от неожиданности. Затем поднял свой бокал и одним махом опрокинул в себя его содержимое. Почувствовал, как огонь разливается по пустому желудку.

— Но бывшему куратору-то вы о ней рассказали? — спросил, копируя тон собеседницы.

— Нет. Он уже знал. Почти знал. Кто-то из академии приходил к Хеймрику и расспрашивал о Нелл. Как думаете, кто бы это мог быть?

Оливер стиснул зубы.

Хозяйка, не дождавшись ответа, плеснула еще виски в его бокал.

— Давайте начистоту, милорд, — предложила со вздохом. — Ссориться с вами не в наших с Аланом интересах, хотя, кажется, это уже случилось. К сожалению. Нам нравилось в академии, да и альтернатив на данный момент нет...

— Не в моих правилах смешивать личные отношения и работу.

— Верю. Но эти отношения так или иначе дают о себе знать. Мы уже прошли через подобное. Тогда это тоже было связано с Нелл. И все же... — Сюзанна схватила бокал. Теперь выпила, залпом и до дна. Выбранный для разговора образ рушился на глазах, и стало заметно, насколько на самом деле она взволнована. — Мне мало что известно. Кто прав. Кто виноват. И если виноват, то в чем. Да и за годы многое изменилось. Тем не менее я не желаю Нелл зла... даже если она думает иначе...

— И я не желаю. — Оливер хотел сказать это, глядя Сюзанне в глаза, но она, как специально, отвернулась.

— Давно вы знакомы? — спросила тихо.

— Нет. — Обманывать не хотелось, откровенничать тоже. — Два месяца. Наверное, Нелл считала, что это недостаточный срок, чтобы

рассказать мне о своем прошлом, поэтому я узнал все сам. А когда решился поговорить с ней, видимо, что-то сделал не так...

— Что вы узнали? — Сюзанна повернулась к нему.

— Ее имя. Настоящее. И о несчастном случае в университете.

— И все? Несчастный случай? По-вашему, это повод убедить всех в своей смерти? Исчезнуть больше чем на десять лет?

— Я надеялся услышать объяснения от самой Нелл.

— Мы тоже надеялись. Надеялись понять почему. Почему она так поступила? Почему бросила нас? Всех, кто любил ее, — меня, Алана, наставника, даже мать и сестру. И теперь... Она снова сделала это, да?

— Она уехала с Вилбертом? — немного резко спросил Оливер, отвлекая женщину от пространных рассуждений.

— Да, — ответила та нехотя.

— Куда?

— Понятия не имею. Профессор тоже ничего не объяснял. Сначала накинулся на нас, что не сообщили ему сразу, потом заявил, что его бедной девочке тут не место... Даже не помню, поздоровался он, когда пришел, или нет. Вполне возможно, что забыл. Его интересовала только Нелл. Так всегда было, еще в приюте...

— В приюте? — переспросил Оливер.

— В младшей школе. Но по сути это был приют для одаренных сирот. Или для таких детей, как Нелл, чьи родители не могли лично заниматься их обучением и не могли за него платить. Пансион — звучит лучше? Но, как по мне, обычный сиротский дом, такой же, как тот, из которого меня перевели, когда обнаружился дар. Правда, комнатки поуютнее, и жили в них впятером, а не по двадцать человек, но кормили так же паршиво. Нелл выручала. Мать ее навещала, привозила гостинцы, и Нелл делила угощение на всю комнату. Даже если было всего одно яблоко, резала на пять частей. А когда к ней навевывался Вилберт, у нас был настоящий пир: фрукты, конфеты, пирожные. Потом, уже в университете, — лучшая лаборатория, оборудование, доступ к архивам... Жаль, я не сразу поняла, что это — все те же гостинцы для Нелл и мне разрешают ими пользоваться, только пока она рядом.

Женщина умолкла и поднесла ко рту бокал, горечью спиртного перебивая горечь воспоминаний.

— Вилберт был другом ее отца, — продолжила, встряхнувшись. — Может, каким-то родственником. Такой же рыжий... был. Все мы были другими когда-то.

— Не стоит так много пить до ужина, — осторожно заметил Оливер,

увидев, что она снова тянется к бутылке.

— Не волнуйтесь, у меня нет проблем с алкоголем, — невесело усмехнулась миссис Росс. — Если не спилась тогда, в один день лишившись двух дорогих людей, сейчас мне это точно не грозит.

— Двух?

Сюзанна зло сверкнула глазами.

— Да, милорд, представьте себе. Вряд ли вам неизвестно, что тогда в Глисете погибли еще три человека. Вернее, всего три, как выяснилось. Думаете, их смерть никого не огорчила?

— Простите, я... — Он не знал, что сказать на это. — Наверное, мне пора.

— Наверное, — буркнула хозяйка, отвернувшись. — Профессор не делился планами, но я помню, что у него был какой-то дом где-то на западе... Загородный дом или небольшое поместье, доставшееся в наследство. Он там почти не бывал, но часто говорил, что переберется туда, когда решит уйти на покой. Возможно, кто-то в университете расскажет больше. Только к Хеймрику больше не суйтесь, если не хотите, чтобы он узнал о Нелл. В прошлый раз он увидел на вас ее ментальную тень. Профессор сказал. Милорд Юлиус — сильный менталист, ему несложно определить, с кем вы общались в последнее время. Тогда он решил, что вы встречались с матерью Нелл, тени родственников легко перепутать, но в следующий раз может догадаться.

— Спасибо, — поблагодарил за предупреждение Оливер.

Сюзанна промолчала. И провожать не стала.

Уже из дома Оливер позвонил Грину. Сообщил, что разговор прошел нормально и кое-что удалось узнать. Обещал поужинать и тут же лечь спать, отложив принятие любых решений как минимум до утра.

Пожелав доктору спокойной ночи, честно сжевал черствую булочку (ничего другого на кухне не обнаружилось), выпил чая и лег в постель.

Уснуть сразу же он не обещал и долго ворочался на ставшей вдруг слишком большой кровати, но усталость и последствия недавнего выброса силы в конце концов взяли свое, и Оливер не просто уснул, а буквально провалился в глубокое беспамятство и, возможно, пробыл бы в таком состоянии все выходные, не разбуди его к полудню нового дня настойчивый телефонный звонок.

Телефонировали из пропускного пункта при главном въезде в академию: некий профессор Вилберт, прибывший почтовой каретой из Ньюсби, желал срочно пообщаться с милордом Райхоном по важному и

личному делу.

ГЛАВА 24

Питер Вилберт не походил ни на одну из виденных Оливером фотографий. Уже не молодежавый мужчина с густой шевелюрой и приятным лицом, но и не иссушенный старик со впалыми щеками и затянутыми мутными бельмами глазами. Время и целители изрядно потрудились над ним, и теперь перед Райхоном предстал пожилой джентльмен, худощавый, морщинистый, седой, с несколько нездоровым цветом лица, но в целом не кажущийся ни больным, ни немощным. Он нервно мерил шагами комнату дежурного, комкая в руках шляпу из мягкого фетра, а увидев появившегося в дверях ректора, порывисто бросился навстречу. Во взгляде читались мольба и надежда. Оливер подумал, что те же чувства сейчас светятся и в его глазах.

— Профессор Вилберт?

— Милорд Райхон?

— Вы... — Оливер обернулся через плечо на отиравшегося тут же дежурного, и тот поспешно исчез. — Вас прислала она?

— Нет. — Демонолог отвел глаза и вытащил из кармана сложенный лист. — Она — вот...

Листок выглядел так, словно его с трудом разгладили после того, как смяли в сердцах. Оливер сам едва не отыгрался на неповинной бумаге, прочитав послание. Прощальное. Потом вспомнил, что рядом есть человек, прямо причастный к случившемуся. Посмотрел на Вилберта, и тот отпрянул назад.

— Зачем вы здесь?

Демонолог опустил голову и растерянно пожал плечами.

— Не знаю... Не знаю, кто еще мог бы мне помочь. И ей. Нелл сказала мне... в общих чертах... Но если она хоть сколь-нибудь вам дорога...

— Поговорим не здесь.

Хотелось знать все и сразу, но Оливер удержался от расспросов. Молчал, пока шел с демонологом, прижимающим к груди пузатый саквояж, к стационарному порталу, пока вел старика к своему дому, пока ждал в прихожей, когда Вилберт снимет пальто и очистит о коврик подошвы ботинок. Даже в гостиной, где стояла на каминной полке вот уже несколько дней никем не востребованная пепельница, молчал, но уже по другой причине: боялся, что сорвется, накинется на демонолога и вытрясет из того все, что ему известно о Нелл, а заодно — вытрясет жизнь из

побитого давним недугом тела.

— Я не так слаб, как может показаться, — сказал Вилберт, словно смог прочесть его мысли. — И не скажу того, чего не захочу сказать. Не заставите. Прежде я должен убедиться, что вы не навредите ей.

— Не наврежу.

— Поклянетесь?

— На крови?

— Нет, — покачал головой старик. — Я поверю вашему слову. Только пообещайте, что не сделаете ничего и никому не станете сообщать, пока не найдете Нелл. Вы же найдете ее? Да? Найдите, поговорите с ней. Мне неизвестно, что случилось за эти годы, она не успела рассказать или не захотела. Она всегда заботилась... обо всех... И о вас, милорд, вы поймете... Только поклянитесь мне.

— Клянусь. Я не сделаю ничего, что могло бы навредить Нелл. И найду ее, чего бы это ни стоило.

— Хорошо, — кивнул демонолог. — Я вам верю. У вас... своеобразная репутация, но мне кажется, вы — человек чести. И у вас имеется опыт решения... сложных вопросов...

— Говорите же! — не выдержал Оливер.

— Да-да. Сейчас. Я думаю, с чего лучше начать, чтобы вы поняли. Все так сложно, и Нелл... Она сама запуталась и запутала все еще больше, а я был тогда не в состоянии вмешаться...

— Вы о том, что случилось в Глисете?

— Да. О том. И не о том. Я знаю, что вы были у Хеймрика. Знаю, что он показал вам протоколы. Настоящие... как будто... Но настоящих он не показывает никому. Тех, что составили до того, как в университет прибыла министерская комиссия.

— Что в них?

— Все то же... почти... Призыв. Демон. Люди погибли... Этого не получилось бы скрыть при всем желании, специалисты увидели бы. Поэтому нужно было рассказать. И нужно было дать им виновного, чтобы закрыть дело. Человека, в чью причастность поверили бы. Чтобы никто не сомневался в том, что этот человек способен был на призыв высшего... Понимаете? Хелена Вандер-Рут — одно ее имя отметало любые сомнения.

— Она?..

— Нет. Нелл не виновата в случившемся. Она — жертва.

— Тогда...

— Дослушайте! — нервно взвизгнул демонолог. — Дослушайте, милорд. Услышьте. Она — жертва, понимаете? Но не только жертва

обстоятельств. Жертва, которую приготовили демонам на том обряде!

Тишина повисла лишь на мгновение, но в это мгновение мир успел перевернуться.

— Продолжайте, — осипшим голосом приказал Оливер.

— Я... Да-да. Нужно рассказать все, чтобы вы... Вы же знаете, что представляют собой демоны? Знаете, конечно, хотя бы в теории. Практика у вас иная, хоть в чем-то... Темная энергия, которую вы используете... Но вы вплетаете в свои заклинания тьму этой стороны. А демоны — это тьма иного измерения. Разумная и абсолютная. Проникая к нам, демоны могут обретать материальную форму. Воплощаются в самые жуткие людские страхи. Или в желания... порочные... Несут боль и разрушения, чтобы напитать свою тьму нашей. Демонологи работают с этой тьмой, пытаются извлечь энергию и обратить во благо... хотя бы личное... Помните легенды о том, что демоны дают силу и исполняют желания? Но их сила губительна для людей. За право использовать тьму иной стороны приходится платить здоровьем и жизнью иногда. Однако способность взаимодействия с порождениями бездны имеет свойство передаваться из поколения в поколение, и каждый в роду, сталкиваясь хоть раз с демонами, усиливает в себе эту способность и передает уже усиленную потомкам...

— Вы говорите о Вандер-Рутах?

— О них, да. Вандер-Руты веками платили за право управлять демонической энергией. Точнее, не управлять, тьма иной стороны неуправляема, но... Контролировать ее. Использовать. Их семейный дар — это билет в первый класс на магический экспресс... Понимаете? Но они приобрели его честно. А там, где речь заходит о демонах, честность не в чести... Есть способы, и в старые времена ими пользовались некоторые демонологи — те, о ком сейчас предпочитают не вспоминать. Жертвоприношения, да. В демонологии этот процесс отличается от ритуалов... к примеру, некромантов... Демонам ведь не нужна кровь. Они отбирают силу и питаются эмоциями. Болезненными эмоциями. Страхом, отчаянием... Но в первую очередь их привлекает сила жертвы, ее дар. Понимаете? Жертвенные коровы, зарубленные черные курицы... даже невинные младенцы, вопреки расхожим убеждениям... Подобное привлечет лишь низшие сущности, вечно голодные, злобные и слабые. Но если предложить бездне...

— Хелену Вандер-Рут, — мрачно подсказал Оливер. Прерывать сбивчивый рассказ он не решался, но хотелось скорее добраться до его сути.

— Хелену, да... — Вилберт тяжело вздохнул. — Ее жизнь и сила —

изысканный деликатес для демонов. А если те имеют какое-то представление о мести, то, помня, сколько ее предков вступали в противостояние с бездной, сколько раз она сама тревожила границы... Тот, кто предложил ее демонам, мог рассчитывать на богатую награду. Сила, долголетие, богатство... О чем еще просят люди?

— Кто? — вырвалось с глухим рыком.

Старик скривился со смесью злости и брезгливости:

— М-мальчишки. Да-да, те самые юнцы, которых после объявили жертвами... Выродки, испорченные деньгами и вседозволенностью. Хеймрик считает, что их обманули, подтолкнули к такому... Но скажите, человек без червоточины в душе согласится на подобное, что бы ему ни сулили? И их родня — такое же воронье. Девочка была еще жива, а эти...

— Ее вынудили взять вину на себя?

— Нет, она... Позвольте, я все же расскажу по порядку? Чтобы не упустить ничего. Боюсь исказить... даже ненамеренно, а это... Они хорошо все рассчитали. Через два дня должен был состояться итоговый экзамен. По астральным прогнозам, граница в тот период была истончена, но стабильна... Призывы прошли бы без осложнений... Понимаете? И в павильоне все уже приготовили, настроили отражатели, установили внешнюю защиту... Будто специально для них. Никто не должен был почувствовать, что происходит внутри. И Нелл не хватились бы до утра. Она много работала в те дни, часто ночевала в лаборатории... Они воспользовались этим. Затащили ее в павильон. Связали. Когда я нашел ее, на ней была лишь порванная рубашка, а веревки врезались до крови в руки... и лицо, знаете...

Старик провел трясущимся пальцем по рту, изображая закрепленный веревкой кляп. Оливера не проняло. Он смотрел отстраненно и слушал уже почти с безразличием, с таким безразличием, выход из которого чреват не только уничтожением всей популяции ворон и вязов, но всплеском, рядом с которым прорыв высшего демона покажется ерундой.

А Вилберт словно специально старался выбить его из этого состояния искусственного спокойствия.

— Есть еще один... нюанс, — продолжал он, заикаясь. — Изначальные эмоции жертвы. Общий фон... Демонов привлекают страдания, но, если человек уже был разбит горем, он — как прогорклая пища... А Нелл, она была счастлива в то время... Понимаете? Можно обладать темным даром, но быть светлым человеком. Радоваться жизни, любить, мечтать... Наверное, отсюда вся та ерунда о девственницах и детях, будто лишь им дано быть искренне счастливыми... Нет ведь?

Демонам плевать на невинность или возраст — их привлекает счастье, которое можно сломать. Они приходят в момент слома, когда радость сменяется отчаянием и болью. А несколько мужчин найдут немало способов заставить страдать беззащитную девушку...

— Дальше, — потребовал Оливер.

— Дальше, да-да... Они ее блокировали, заперли магию. Предусмотрели все, но... У Нелл есть одна способность... была тогда... не совсем магия. Скорее, что-то из области эмпатического воздействия. Проявлялось слабо и редко, и девочка этого не контролировала... Да и не нужно было... Радость — я же говорил. Иногда, в минуты особо хорошего расположения духа, она могла ненамеренно распространять свои эмоции на других. Разве нужно такое сдерживать? Но в ту ночь в ней не осталось уже радости. А то, что осталось... Выброс был такой силы, что первого, Ирвина Олдриджа, убил именно он, я думаю... Некропсия показала впоследствии остановку сердца, никаких повреждений больше... Кроме тех, что он получил уже после смерти, когда обрушились своды... Да-да, выброс эмоций. Он нарушил весь процесс... И смерть одного из участников. Второго, Эрланда, уже точно убил вырвавшийся демон. Следы характерные... Защита лопнула, прошла волна... Мало кто понял, что это было. Вы тут, в академии, живете в непосредственной близости от учебных корпусов, а университет расположен в городе, и у многих преподавателей и студентов квартиры в Глисите, далеко от... Я же жил там и почувствовал одним из первых. И понял в силу специализации. Бросился туда... После часто думал — не поспешил ли? Потому что... сами видите... Но когда несколько дней назад встретил Нелл, понял, что все не зря... Надеюсь, что не зря...

— Продолжайте. — Оливер не стал отвечать на скрывавшийся в последней фразе демонолога вопрос. Он уже дал обещание и сдержит его.

Вилберт с присвистом выдохнул.

— Я успел... Но тогда казалось, что опоздал. Вытащил Нелл. Другие — подросли еще помощники — достали третьего. Джордана Блейна. Обоих доставили в госпиталь. Мне тоже нужна была помощь целителей, поэтому... Я многое упустил тогда, не мог вмешаться. После что-то узнал от Хеймрика, что-то — от нашего доктора, пока он еще мог рассказывать... Вы же знакомы с милордом Юлиусом? Сильный менталист. Сильнейший. А прорыв и предшествовавшие ему события были свежи, и имелись свидетели... участники, живые пока еще... Ментальную проекцию Хеймрик вытащил в первые же минуты. Видели такое? Живые картинки, как в оптическом театре. Только без волшебного фонаря... Подобные

проекции принимают как доказательство в суде, я потом узнал. И если бы дело дошло до суда... Я говорил, что вскоре должен был быть экзамен? Да-да, говорил... Открытый экзамен, съехались родственники... Их нашли практически сразу. Нужно было обратиться к властям, в полицию, но... Репутация университета — понимаете? И репутация семей, породивших этих... тварей... Уважаемые, состоятельные люди, да-да. Они на что угодно были готовы, чтобы не допустить скандала. И злы были... В отчаянии. Потеряли детей. Конечно, горе... Но они не признали бы вины. Нашли бы средства. Затыкали бы рты, обвинили бы университет, разнесли бы его по камешку. Кларисса... Вот ее не вызвали. Нелл попросила. Она была в сознании и, что главное, в твердом уме... хоть, может, и нет, учитывая, что она... Но Клариссу те люди растерзали бы. Растоптали, облили бы грязью всю семью. Грязное на грязном смотрится не так ужасающе... Понимаете? И Нелл понимала. Она заботилась о матери. Вменила это себе в обязанность, потому что та сама о себе позаботиться не могла. Милейшая женщина, но совершенно... беспомощная, не приспособленная к жизни. А еще была малышка, Эми... И из столицы могли прибыть с минуты на минуту, потому что такую волну точно должны были отследить. Хеймрик в панике уже простился с местом. Собирался умолять о закрытом процессе, обещал тем... уважаемым людям, что убедит Клариссу не выдвигать претензий... Нелл была очень плоха, и ее в расчет уже не брали. А она... Она предложила решение, которое удовлетворяло всех. В первую очередь — ее...

— Хотите сказать, она добровольно взяла вину на себя?

— Да. Она понимала... точнее, думала тогда, что долго не проживет. И знала, чем можно достоверно объяснить подобный прорыв, чтобы это выглядело... ошибкой. Оплошностью... Но не учла, что подобные оплошности суд магов расценивает как преступление... А Хеймрик не подсказал. Может, не подумал сразу. А может... Его ведь устроило такое решение. И... уважаемых людей — тоже... А потом и в министерстве вдруг согласились не предавать дело огласке. Возможно, Юлиус как-то повлиял. Думаю, он все же чувствовал вину перед Нелл и не желал очернять ее память. Дело закрыли, объявили несчастным случаем. Кларисса неожиданно получила наследство. Уважаемые люди разъехались. А Нелл отправили умирать подальше от Гликета. Я поехал бы с ней, но... все сложилось иначе...

— Иначе, — согласился Оливер. — Она выжила. Но никому об этом не сообщила. Ни родным, ни друзьям. Почему? Боится скандала? Того, что ей не поверят, а ложное признание используют против нее?

— И этого тоже, — закивал Вилберт. — Без денег, без поддержки... Думаете, ей дали бы хоть один шанс? Но есть и другой страх. Он реальнее и больше... Вы — не демонолог, и кое-что ускользает от вашего понимания. Но среди тех, кто разбирал происшествие одиннадцать лет назад, были специалисты. И они не усомнились в словах Нелл еще и потому, что все сходилось. Призыв, демон, полная звезда зывающих... Звезда — символ, который используют в подобных обрядах... У нее четыре луча. И комиссия получила четырех участников. Но это если не знать о жертвоприношении. Жертва не может быть лучом... Понимаете?

Оливер понимал. Смысл услышанного беспрепятственно проникал сквозь воздвигнутую им стену отрешенности, не разрушая ее. Пока.

— Четвертый выжил? Кто?

Демонолог затряс головой:

— Неизвестно.

— Ложь. — Слово упало как камень, заставив Вилберта вздрогнуть. — Хеймрик снял проекцию по свежим воспоминаниям. Маг, спустя много лет узнавший человека по ментальной тени, не распознал кого-то на собственной съемке?

— Не смог, — прошелестел старик. — Никто не смог бы. Тот человек... он будто предвидел, что так будет, и закрылся. Амулетами или... Нелл тоже не видела его. Блейн знал... Джордан Блейн. Он почти не пострадал в павильоне. Демон едва его задел. Но Блейн умер. Страшно умер, как мне сказали. Он собирался назвать имя четвертого, но забыл или не знал, что связан запретом. Пони...

— Понимаю, — закончил Оливер. — Убийца остался на свободе, но дело закрыли, потому что это было выгодно университету, ректору Хеймрику и нескольким уважаемым людям. Так?

Вилберт хотел что-то сказать, но голос отказался ему подчиняться, и профессор быстро-быстро закивал, отступая подальше от хозяина дома. Чуть не упал, споткнувшись о лежавший у его ног саквояж, схватил его и прижал к груди.

— Что у вас там? — заинтересовался Оливер.

— М-мои вещи.

— Открывайте.

— Вы не имеете права...

Оливер подошел к демонологу вплотную и просто ждал, когда тот с обиженным вздохом поставит саквояж на кресло и примется расстегивать пряжку.

— Выкладывайте. Все.

Вилберт гневно засопел, но подчинился. Вытащил сначала толстый ежедневник, затем — дорожный несессер, рубашки, сложенные кое-как и, очевидно, сунутые в багаж впопыхах. Грязно-голубого зайца с глазами-пуговицами.

Оливер непроизвольно потянулся к игрушке, коснулся потертого плюша и вопросительно посмотрел на профессора.

— Да-да, — подтвердил тот, шмыгнув носом. — Ее. Думал отдать, но... Глупость, наверное?

— Наверное. — Оливер смотрел не на демонолога, а на зайца. — Ответьте честно, кем вам приходится Нелл?

— Она... Ребенок, которого у меня не было и никогда не будет. Я говорил вам, взаимодействие с демонической силой не проходит даром. В молодости я, как и многие, не спешил. Потом работал в Бюро контроля, непосредственно в местах разлома. Ну и как следствие... Когда начал преподавать в университете и познакомился с Эриком Вандер-Рутом, Нелл было чуть больше года. У многих моих знакомых были дети, но эта девочка... Долго рассказывать. Просто... долго...

— Но вы смирились с ее смертью, — жестко заметил Оливер. — Смирились с ложью. Оставили безнаказанным одного из виновников. Возможно, организатора. Вы ведь на это намекали, сказав, что Хеймрик считал, что студентов кто-то подбил на жертвоприношение? Не загадочный ли четвертый, которого вы даже не пытались найти?

— Я пытался по мере возможности... Но мои возможности... и здоровье...

— И давление со стороны руководства, полагаю?

Вилберт практически один в один повторял оправдания Алана. Люди, которые, как они утверждают, любили Нелл, которые должны были защитить если не ее саму, раз уж не успели, то хотя бы ее память, оказались в решающий момент слабы, больны и бессильны перед обстоятельствами.

Сдались и отступили — Оливер видел это так.

— Где вы остановились? — спросил он демонолога.

— Нигде... пока. Я только приехал...

— Пойдемте. Определю вас в гостиницу. К разговору вернемся позже.

— Но...

— Позже. Будьте в номере, я зайду к вам, когда освобожусь. И воздержитесь сегодня от встреч с бывшими учениками, если у вас были такие намерения.

Он отвел Вилберта в гостиницу, лично позаботился, чтобы того

устроили в одном из лучших номеров, после чего вернулся к себе и набрал номер полиции. На счастье, сержант Эррол дежурил и не пришлось разыскивать его по всей академии.

— Рысь, — милорд Райхон крайне редко обращался к оборотню, используя прозвище, и одно это должно было указать на неформальность просьбы, — мне нужна помощь. В гостинице остановился некто Питер Вилберт. Требуется организовать наблюдение. Да, все контакты. Письма, телефонные звонки... Заодно выясните, что удастся, об этом господине. Что интересует? Все. С инспектором я это обсужу, не беспокойтесь.

Как только решит, что сказать, так и встретится с Крейгом. Пока же набрал другой номер.

— Добрый день, Эдвард. Не отвлекаю ни от чего важного? Нет? Хотел спросить, как Грэм. Уже на месте? Не скучаете по нему? Возможно, не отказались бы навестить? Порталами, конечно... Да, угадали. Решил все же встретиться с вашим тестем. Нет, посредник мне по-прежнему не нужен, а вот сопровождение целителя при переходе не помешает. Нет, отложить это нельзя. Приходите, я все объясню.

Положив трубку на рычаг, достал из ящика стола папку. Вынул на свет фотографию, всмотрелся в лицо, знакомое и чужое одновременно.

— Прости, рыжая, — прошептал так тихо, что стой она рядом, не расслышала бы.

Но ничего, когда он ее найдет, повторит громче. Извинится за то, что так бесцеремонно вмешивается в ее планы. Она ведь хотела начать новую жизнь, а не вернуться в старую, на память о которой осталось столько страхов и боли. Но так нельзя — это он тоже скажет ей при встрече. Нельзя прощать зло и предательство, попустительствовать лжецам и убийцам.

Он многое еще скажет ей. Когда найдет.

Охотничье поселение, в котором согласно контракту Нелл предстояло провести следующие полгода, располагалось в трех днях пути от городка, где она этот контракт заключила и где вынуждена была задержаться до понедельника, когда в нужном направлении отправится продовольственный обоз.

Три дня — не так уж долго.

Три дня одиночества в холодном гостиничном номере, в тишине.

Первый прошел в бесцельном сидении на кровати. Нелл укуталась покрывалом, укрыла ноги шубой и смотрела в незанавешенное окно на медленно летящие вниз хлопья снега. На календаре все еще была осень, но

тут, на севере Арлона, успели забыть об этом. Нелл надеялась, что и она забудет. И об осени, и обо всем остальном.

Книга, так и не открытая в поезде, снова лежала у нее на коленях. «Собственность О. Лэндона» — гласила надпись на форзаце. Только эти слова, единственные из всех под обложкой, имели смысл. Память. Как и провалившаяся на дно саквояжа жестяная коробочка с черной лентой и ракушкой. Нелл решила, что не возьмет их с собой в новую жизнь, оставит в гостинице или выбросит. Но память все равно останется. Разве только книги не давали ей забыть Оуэна?

Он пришел к ней ночью. Сел на край кровати, достал из кармана сигареты и спрятался за густым дымом.

— Я не буду тебе больше сниться.

— Почему? — спросила Нелл. Пододвинулась поближе, хотела дотронуться, но не решилась.

— Я тебе больше не нужен.

— Нужен.

Очень нужен. Он спасал ее от кошмаров, пока был жив, а после являлся в ее сны, и для страхов в них не оставалось места. Она не могла лишиться этих спасительных снов так же, как потеряла его.

— Не уходи, пожалуйста.

— Я уже ушел, Нелл, — сказал Оуэн из окутывавшего его лицо дыма. — Меня нет. Есть только ты. Твои мысли и воспоминания.

— Значит, я буду вспоминать тебя, и ты не перестанешь мне сниться.

— Ну попробуй. Помнишь, какого цвета у меня глаза?

— Серые, — ответила она без запинки.

— А те, в которые ты сейчас смотришь?

Когда рассеялся дым, Нелл не заметила.

А глаза напротив были...

— Нет, — прошептала она, зажмурившись и пожелав проснуться.

Но сон не отпускал, держал крепко. Гладил ее ладонь. Губами касался сомкнутых век, стирал поцелуями покотившиеся из глаз слезы...

— Ты со мной или я с тобой.

— Ты со мной, — согласилась Нелл.

В мыслях и воспоминаниях. Ведь ничего другого уже нет и не будет.

А потом он уйдет. Как ушел Оуэн, а задолго до этого — Алан. Как когда-то давно перестал приходить в ее сны отец.

«Наверное, я схожу с ума, — подумала она, проснувшись. — Или уже сошла».

Лежавшие на тумбочке у кровати часы сказали, что новый день уже

перевалил за середину, но спешить было некуда, за окном по-прежнему кружился снег, а подушка, которую, пожалев пуха, набили перьями, если не ветошью, была такой же твердой, как плечо, на котором Нелл нередко засыпала в последний месяц, и не понадобилось напрягать воображение, чтобы, закрыв глаза, представить себя совсем в другом месте.

У сумасшествия есть и положительные стороны...

ГЛАВА 25

Что-то произошло со временем. Оно сломалось, испортилось, и неизвестно, вернется ли когда-нибудь к нормальному, природой предписанному течению.

Если неделя с Нелл казалась месяцем, столько всего успевало случиться, то теперь, без нее, день равнялся году.

Оливер просыпался на рассвете января. К февралю добирался до рабочего места. Просматривал расписание и корреспонденцию, пил горячий кофе и к середине марта постепенно оттаивал, чтобы заняться делами. Апрель знаменовался переменной погодой и перепадами настроения. В мае случались грозы. Июнь, июль и август обычно выдавались жаркими, и к сентябрю он порядком уставал. Возвращался домой хмурым октябрьским дождем и, если не впадал в осенний сплин, с головой зарывался в бумаги вплоть до исхода ноября. Иногда позволял себе бокал бренди, чтобы согреться, и глубокой декабрьской ночью укладывался в постель.

День как год. С прощального телефонного звонка их прошло уже восемь.

— Не будем спешить, — сказал лорд Аштон.

Оливер отправился к нему сразу же после разговора с Вилбертом. Рассчитывал, что лорд Арчибальд не останется в стороне, не простит обмана и того, что его именем прикрылись, замалчивая преступление.

Расчет в целом оказался верным. Но кое-что Оливер упустил.

— Выборы, — напомнил вице-канцлер. — Осталось меньше месяца. Любой скандал, связанный с магами, используют против нас. А тут речь не о потасовке с применением атакующих чар подвыпившими первокурсниками. И имена фигурируют известные.

Имена лорд Арчибальд еще в начале разговора записал столбиком, оставив солидные пробелы, и по ходу беседы заполнял эти пробелы по памяти. Закончив, пододвинул лист к Оливеру, и тот мог убедиться, что память у лорда Аштона отличная.

— Выборы, потом дележка портфелей между новыми членами парламента, создание партийных объединений... — Вице-канцлер рассуждал вслух, задумчиво загибал пальцы и наконец вывел: — Как минимум до февраля вся информация должна держаться в строжайшем

секрете. — Заметил, как Оливер сжал в кулак лежащую на столе руку, и добавил: — После, думаю, тоже. Вряд ли сама пострадавшая заинтересована в огласке. И я не говорю о том, чтобы отложить расследование. Считайте, оно уже идет.

Лорд Арчибальд не бросал слов на ветер, расследование началось еще до того, как Оливер покинул его кабинет: извлекли из архивов дело одиннадцатилетней давности, очертили круг фигурантов, тайные агенты получили тайные приказы, а милорд Райхон — обещание, что его будут держать в курсе.

Но после того разговора прошла почти неделя, а результатов практически нет. И Нелл так и не нашлась.

— Это будет непросто, — предупреждал лорд Аштон. — Арлон огромен. Даже людей, открыто объявленных в розыск, находят далеко не сразу. Но, с другой стороны, если мы не найдем мисс Вандер-Рут, вряд ли ее найдет кто-нибудь еще. Например, тот четвертый. А мы тем временем поищем и его. За Хеймриком, как и за всеми причастными к тому происшествию, будет установлено скрытое наблюдение. Посмотрим, как и к кому подступиться. Без ущерба нашим общим интересам. Настоящее, полагаю, заботит их больше прошлого, и есть шанс договориться.

— С Хеймриком? — Оливер не скрывал, насколько ему неприятна эта мысль.

— С ним тоже, — подтвердил вице-канцлер. — Лжесвидетельство, сокрытие преступления — я не намерен закрывать на это глаза. Милорд Юлиус понесет наказание. Но, вероятно, несколько меньшее, чем заслуживает: нельзя позволить похоронить его репутацию вместе с добрым именем Глисетского университета. Поэтому да, придется договариваться. К тому же на откровенность менталиста уровня Хеймрика можно рассчитывать лишь в двух случаях: добровольное сотрудничество или взлом и полное считывание сознания. Во втором случае потребуется разрешение чрезвычайного совета магов, и избежать огласки станет сложнее...

— Если действовать официально, — пробормотал Оливер.

— Рассчитываю на ваше благоразумие, — сказал расслышавший эти слова лорд Арчибальд. — Хеймрик — не безвестный головорез. Случись с ним что-нибудь, без внимания соответствующих служб это не останется.

Притворяться, будто намек не понят, или уверять вице-канцлера, что все истории о каких-то там головорезах — не более чем пустые сплетни, было бесполезно: сплетнями лорд Аштон никогда не интересовался, только проверенными фактами.

— Главное, чтобы не пострадало доброе имя академии, — мрачно

усмехнулся Оливер. — Я правильно определил приоритеты?

Ответом стал изучающий взгляд, в котором мелькнуло нечто похожее на сочувствие.

— Опера? — нарочито сухо осведомился лорд Арчибальд.

— Да. — Он не видел смысла что-либо скрывать. — Но не беспокойтесь, репутации академии это не навредит. Как только закончится следствие, я оставлю пост ректора...

— Для начала оставьте этот тон, — приказал вице-канцлер так, что не только Оливер, но и присутствовавший при разговоре Грин невольно поежился. — И займитесь решением реальных проблем.

Под реальными проблемами понимался в том числе прогремевший не так давно взрыв. Действительно ли к нему приложили руку непойманные бомбисты из Найтлопа? Или он тоже связан с Нелл? Ведь и она была в той аудитории. Но когда рядом ректор, основной версией, естественно, будет покушение на него. Или злоумышленник хотел одним махом избавиться и от Хелены, и от Оливера, который визитом к Хеймрику выдал свою осведомленность? Если Вилберт сделал правильные выводы, к ним мог прийти кто-то еще. Сам милорд Юлиус или тот, кому он, так же как Вилберту, пожаловался на назойливость Клариссы Вандер-Рут.

Кто?

Если бы не указание держаться подальше от Глисетского университета, Оливер начал бы с того, что прижал тамошнего ректора. Он и вопреки этому указанию пошел бы, но за Хеймриком наблюдали, а значит, и охраняли от непредвиденных гостей.

Наблюдение приставили и к Клариссе и ее младшей дочери. Не было шансов, что после одиннадцати лет молчания Нелл свяжется с ними теперь, но защита ее семьи в создавшихся обстоятельствах — нелишняя мера.

О своей семье Оливер тоже подумал, попросив организовать охрану Джереми и Камилле, ведь те находились в Глисете, на вражеской территории, как обозначил он для себя. Была идея сманить племянника в академию под предлогом передать ему спецкурс, но Джерри наверняка отказался бы.

Если и искать нового преподавателя, то не мастера темных материй, а демонолога. Вряд ли Алан Росс останется в академии. Как ректор, Оливер сожалел об этом: совсем недавно он присматривался к молодому профессору, проча тому место декана. Факультет демонологии — один из самых малочисленных, студенты не рвались освоить не слишком востребованную специальность, а среди преподавателей практически не

было магов высшей категории, только Алан и нынешний декан, через год-два собиравшийся на давно заслуженный отдых. А сменить его будет некому. После всего...

Лорд Арчибалд не спешил предпринимать решительных действий в отношении Хеймрика и родственников погибших устроителей жертвоприношения, но в отношении других участников глissetского дела не деликатничал. Оливер встречался с ним в субботу, а в понедельник в академию прибыла тайная следственная комиссия. Пришлось заново повторять все, что ему известно о Хелене Вандер-Рут, теперь уже для протокола. Но в его случае хватило подписи. Что до Россов и старика Вилберта — тех допрашивали по всем правилам, в присутствии менталиста и заручившись предварительно клятвой о неразглашении.

— Вы же мне обещали, милорд! — негодовал Вилберт. — Я же просил вас не посвящать никого!

— Просили, — соглашался спокойно Оливер. — Но обещал я вам другое.

Старик не первый, кто попался на точности формулировок. Оливер поклялся, что не навредит Нелл и разыщет ее, но не хранить ее тайну.

Он присутствовал при разговоре следователя с Россами и старым демонологом.

Их вызывали по одному в выделенный Крейгом кабинет. Плохо освещенная комната с решетками на окнах производила гнетущее впечатление, а рядом с менталистом даже случайный свидетель чувствовал бы себя главным подозреваемым, хотя о проникновении в сознание речи не шло, специалист лишь фиксировал общий фон беседы и отсутствие искусственных блоков. Оливер знал, что это не гарантирует абсолютной честности допрашиваемых, но те об этом, кажется, не догадывались.

Алан, которого пригласили первым, был зол и взволнован, но на вопросы отвечал четко и коротко. Да. Нет. Да. Хелена, да. Встречались три года, но знакомы были и раньше. Планировали пожениться. Нет, отсутствовал. Вернулся на следующий день. Нет, не говорил с ней, не пустили в госпиталь. Видел через окно. О других студентах знал немного. Ирвин Олдридж на младших курсах ухаживал за Нелл. И Джордан Блейн тоже. О третьем, Ютаусе Эрланде, ничего не помнил. Видимо, потому, что у того никогда не было видов на его бывшую невесту...

Вечером того же дня Алан подкараулил Оливера в коридоре главного корпуса и потребовал объяснений. Похоже было, снова нарывался на удар, но в этот раз уже дал бы сдачи. Попытался бы, по крайней мере.

— Что все это значит? — рассеянно переспросил Райхон. — Это

значит, что идет следствие. Виновные будут найдены и наказаны.

— Виновные? — Алан судорожно сглотнул и уточнил упавшим голосом: — Нелл?

— Вы идиот? — задал встречный вопрос Оливер.

На том и разошлись: идиотом профессор Росс не был.

И жена у него — женщина разумная. Теперь. А в юности... Кто в молодые годы не делал глупостей?

Она плакала, отвечая на вопросы следователя. Сначала долго моргала, словно хотела избавиться от попавшей в глаз соринки, затем по щекам потекли слезы. В ответах не пугалась, хоть и говорила сбивчиво, глотая окончания слов. С Нелл дружила с младшей школы. Демонологию решила изучать во многом благодаря этой дружбе. Сью Пэйтон звезд с неба не хватала, а Хелене Вандер-Рут успех был гарантирован одним ее именем — отчего не пойти по протоптанной подругой дорожке? Нет, она и сама старалась и училась неплохо... В ту ночь? Спала. О Нелл не волновалась, та редко ночевала в общежитии: оставалась либо в лаборатории, либо у жениха.

Что может рассказать о погибших студентах?

Особенно об одном из них?

Оливер наметил для следователя ряд вопросов, которые нужно было непременно задать миссис Росс: слов о том, что в ту ночь она лишилась двух близких людей, он не забыл.

Сюзанна утерла слезы, высморкалась и назвала имя. Ирвин Олдридж. Да, тот самый, что на третьем курсе увивался за Нелл. За ней многие бегали, особенно с их факультета. Потому что она, во-первых, Вандер-Рут, во-вторых, имела влияние на Вилберта, в-третьих, могла помочь влезть в нужный проект и даже поступить в аспирантуру. Последнее ерунда, конечно, все так думали из-за Алана, но он поступил без протекции, Нелл сама говорила... Ирвин? Ах да, Ирвин. Красавчик, из обеспеченной семьи. Сюзанна понимала, что она ему не пара, но, с другой стороны, она и не Хелена, чтобы встречаться с ней ради каких-то выгод. Верила, что у него к ней действительно серьезные чувства. Мечтать, говорят, не вредно.

В отличие от мужа, миссис Росс не ждала вечера. И к чему этот допрос, не интересовалась. Отвернулась от следователя и посмотрела на сидящего в стороне ректора.

— Считаете меня неудачницей, способной лишь подбирать крохи за подругой?

— Не считаю, — покачал он головой. — Хелена знала о ваших отношениях с Олдриджем?

— Знала, представьте себе. И не осуждала.

Но и не одобряла, видимо. Однако не это главное. Из рассказа Алана Оливер понял, что сама Нелл с Ирвином Олдриджем в последние годы общалась прохладно, расстались они явно не друзьями, а значит, никуда на ночь глядя она с ним не пошла бы. А вот с ухажером подруги, придумай тот достойный повод, другое дело. Например, он мог сказать, что пришел по просьбе Сью и той нужна помощь...

Последним следователь вызвал Вилберта.

Оливер уже слышал рассказ старика и не думал, что узнает что-нибудь новое.

Но узнал. Увидел и почувствовал.

Демонолог дошел до того момента, когда он примчался в павильон, и кабинет внезапно погрузился во тьму. Виски сдавило болью, дыхание перехватило. Оливер решил, что у него очередной приступ. Хотел попросить воды, но и рта не успел открыть, как провалился в холодный омут чужих воспоминаний.

После менталист уверял, что не делал ничего, что повлекло бы подобный всплеск. Сказал, что лишь немного стимулировал мнемонику, а виной всему слишком сильные эмоции Вилберта и его повышенная чувствительность к любому ментальному воздействию.

Оливер не слушал оправданий. Вилберт ушел, напоследок наградив его недовольным взглядом, убежал, в сотый раз извинившись, менталист, следователь, тоже угодивший под волну чужой памяти, морщась, собрал протоколы и направился к двери, а он еще долго сидел в пустом кабинете, уставившись в одну точку и видя перед собой скрученное веревками и болью тело на каменном полу. «Не смей умирать! — стоял в ушах срывающийся крик Вилберта. — Слышишь, Хелена? Не смей!» Судя по обреченности в поблекших глазах, именно умереть она и хотела в тот миг...

А он хотел убить кого-нибудь. Но сдержался.

Работал. Общался с преподавателями и студентами, дамами из попечительского комитета и наконец-то оформившими документацию по благотворительному фонду юристами. Проводил занятия на спецкурсе, так и не подыскав себе замену. Изучал переданные лордом Арчибалдом старые документы. Читал новые сводки. Встречался с Крейгом, который теперь постоянно косил, избегая прямых взглядов. С Грином. Не отказывался от целебных снадобий, которые подсовывал ему доктор, и от пирогов, которые регулярно передавала через мужа миссис Грин. Выпечка отчего-то не удавалась ей как обычно, а больше напоминала ту, что

продавалась в местной кондитерской. Но обижать Эдварда, высказывая пусть даже справедливые подозрения, Оливер не желал и угощение принимал неизменно с благодарностью.

Так, на лекарствах, пирогах и ничем не подкрепленной вере в лучшее, дожид до вечера пятницы — восьмого дня без Нелл.

До конца рабочего дня оставался почти час, но дел в ректорате уже не осталось, и Оливер собирался уйти пораньше. Все же сидеть в тишине и пустоте собственного дома приятнее, чем в кабинете. А впереди — выходные, и не было иных планов, кроме как снова перечитывать протоколы и экспертные заключения по делу Хелены Вандер-Рут, из которых хорошо если половина хоть сколь-нибудь правдива.

Подумав об этом, Оливер решил забрать с собой и личное дело Элеонор Мэйнард, чтобы сложить вместе всю ложь, раз уж не получалось докопаться до истины. Вынул папку из сейфа, повертел в руках. В глаза бросились отметки на обороте — даты выдачи документов из архива. Оливер помнил, что брал досье Нелл дважды, включая последний раз, когда оставил папку у себя. А дат было четыре.

О доме он забыл тут же. Не показывая волнения, вышел в приемную.

— Отлучусь в архив, — зачем-то предупредил разбирающего почту секретаря.

Флин, за последнее время привыкший к странностям большим, чем отчитывающийся о своих планах ректор, рассеянно кивнул.

Черный архивный кот вопреки обыкновению не кинулся под ноги посетителю, прошипел сердито из-под стола, а обнюхиванием гостя занялся вышмыгнувший из-за шкафа дымчатый котенок. «Смену воспитывает», — подумал Оливер, поглядев на черного как на собрата-преподавателя. Коты сегодня не раздражали. Не до них.

— Милорд Райхон, добрый вечер, — с радушной улыбкой выплыла навстречу ректору мисс Хоуп. — Могу вам чем-то помочь?

— Добрый вечер, Надии. Можно узнать, кто брал это дело? — Он продемонстрировал папку Нелл. — Здесь отмечены числа, но нет имен.

— Они там и не нужны. На документах проставляется лишь дата, чтобы тот, кто их взял, не забыл о сроках возврата. Вы же помните, что оригиналы нельзя держать у себя без уважительной причины больше двух дней? — Она взяла папку и нахмурилась, увидев последнюю дату. — Не помните, видимо. А вдруг данные этого студента... студентки понадобились бы еще кому-то?

— Кому?

Мисс Хоуп вздрогнула, так резко прозвучал вопрос.

— Кому-нибудь, — пролепетала она, но от желания повоспитывать главу академии не отказалась. — Из казначейства могли прислать запрос на подтверждение стипендии. Или куратор...

— Я куратор, — перебил Оливер. — И я хочу знать, кто кроме меня интересуется моими студентами.

— Сейчас посмотрю по журналам, — обиженно проворчала Надин.

Она сверилась с номером дела и вынула из шкафа один из стоявших в ряд толстых журналов.

— Документы выдавались на руки четырежды, — проговорила, словно специально дразня неторопливостью ждущего ее ответа ректора. — Их брали вы. После доктор Грин. Вернул в тот же день...

«После того как Нелл побывала у него на приеме, — мысленно прикинул Оливер. — Эдвард говорил, что его заинтересовал ее случай. Наверное, искал в деле справку о предыдущих обследованиях».

— Потом опять вы и снова вы, — закончила мисс Хоуп и с видом выполненного долга захлопнула журнал.

— Я? — Оливер растерянно тряхнул головой. — Я и снова я?

— Именно.

— Я дважды брал эти документы после Грина?

— Да. И в первый раз вернули их в срок.

— Вздор! Покажите записи.

Перебравшийся поближе к хозяйке рыжий кот угрожающе зашипел.

— Пожалуйста. — Женщина оскорбленно поджала губы и пододвинула к ректору журнал. — Видите?

— Вижу, — выговорил он мрачно. — Это не моя подпись.

— Естественно, не ваша! — вспыхнула с досадой мисс Хоуп. — И в последней графе — тоже. Прибегаете, хватаете папку и убегаете. Один раз из десяти вспомните, что нужно расписаться. А я не могу оставлять пустые графы. Первая же проверка...

— В тот день я ничего не брал в архиве, — уверенно заявил Оливер. Дату он помнил хорошо: в тот день он вообще не появлялся в ректорате, был у Брента Абнера, мера в Роймхилле после жаркого солнца Локелани.

— Брали! — не менее уверенно возразила Надин, тыча пухленьким пальчиком в журнал. — Семь личных дел. Вот! И можете не говорить, что подпись не ваша, я это знаю. Как знаю и то, что никого, кроме вас, милорд, я отсюда не выпустила бы, не заставив перед тем расписаться за бумаги! Я никому больше не делаю подобных поблажек.

Круглые щечки хранительницы порозовели, из-за чего казалось, будто женщина помолодела разом лет на десять, но Оливер не обратил внимания

на эти метаморфозы. Его занимали документы, которые он якобы брал вместе с досье Нелл: еще шесть папок — личные дела студентов из его группы. Он вполне мог их запросить, если бы не провел тот день в Роймхилле. После, возможно, и не вспомнил бы.

— Нам с вами придется прогуляться, Надин. В полицию.

— Что? — Глаза за стеклышками очков расширились от испуга. — Из-за того, что я?..

— Нет, не из-за подписи, — успокоил Оливер. — Но впредь прошу никому поблажек не делать. Даже мне.

Увы, ни Крейг, ни присланный лордом Арчибальдом следователь, ни квалифицированный менталист ничем не помогли. Заставить мисс Хоуп вспомнить, кто в действительности брал личные дела студентов, разрешенными при работе со свидетелями методами не удалось.

— Если мисс видела иллюзию, мы бессильны, — развел руками менталист. — В ее памяти все равно будете вы, милорд. А если к ней применили чары воздействия, за прошедшее время след развеялся, а сознание уже впитало информацию. И я не исключал бы непроизвольного самовнушения. Возможно, кто-то брал документы, обмолвился, что выполняет ваше поручение, а в памяти мисс Хоуп отложилось, что дела брали не для вас, а именно вы. Понимаете?

— Да, конечно.

— Вы уверены, что это непосредственно связано с мисс Вандер-Рут?

Он ни в чем уже не был уверен. Казалось, все теперь связано с Нелл. Мысли вертелись лишь вокруг нее, и планета вращалась, следуя за этими мыслями. Всюду чудились знаки, в каждом событии виделся тайный смысл, и Оливер с маниакальным упрямством собирал эти знаки и смыслы, надеясь сложить из них цельную картинку, но та все не складывалась.

— Милорд Райхон? — Менталист ждал ответа, но Оливер не знал, что ему сказать.

Попрощался с сыскарями, извинился за беспокойство перед Надин, при этом сдерживаясь, чтобы не спросить у хранительницы архивов, почему не видел сегодня ее четвертого кота, серо-полосатого. В прошлые приходы ректора он неизменно появлялся рядом с черным и рыжим, а тут отчего-то не вышел, и это было странно. И тоже касалось каким-то образом Нелл. Так же как густой туман поутру, сломавшееся перо и подозрительно быстро остывающий кофе. Действительно, прежде он не остывал так скоро, а сейчас, стоило позабыть о нем на минутку, отодвинув чашку на край стола, напиток превращался в холодную, мерзкую на вкус

жигу. Может, что-то случилось с чашкой? Или с самим Оливером?

Он размышлял об этом по пути домой и пришел к выводу, что все же второе. Совсем недавно он думал, что сходит с ума рядом с Нелл, сейчас сходил с ума без нее. Безумие безумию рознь.

— Помните, вы обещали мне компанию за ужином? — Грин позвонил через час после того, как Оливер вернулся домой. — Бет собирается с леди Райс на собрание кружка молодых матерей, а мне не хочется сидеть в одиночестве...

Оливеру тоже не хотелось, но доктор — не тот человек, с которым он мечтал бы провести вечер.

ГЛАВА 26

Эдвард выслушал вежливый отказ и положил трубку.

— Он не придет, — поняла Элизабет. Она зашла в кабинет, чтобы оставить книги, и стала свидетельницей неудачного приглашения.

— Занят, — объяснил Эдвард.

— Как всегда. Ты же знаешь, Оливера нужно звать за несколько дней, и то не факт, что в последний момент он не придумает себе какое-нибудь дело. Но если тебя так пугает мысль остаться в одиночестве, я могу никуда не ходить. — Последние слова миссис Грин проговорила почти шепотом, медленно приближаясь к мужу, чтобы положить руки ему на плечи и заглянуть в глаза. — Поужинаем вдвоем, а потом...

— Потом леди Пенелопа неделю будет дуться из-за того, что ты снова ее подвела, — не поддался на провокацию мистер Грин. — Ты же знаешь, как она гордится этим кружком? И его работа действительно важна.

— Да-да, помню. — Элизабет поморщилась, отстраняясь. — Молодым матерям, особенно родившим без мужа, нужна помощь, а не беседы о нравственности, потому что наставница и таскает на собрания меня, а не своих высокоморальных акушеров. Но если бы ты знал, как скучно на этих сборищах. Пеленки, присыпки, ванночки... А это жуткое «мы»? «Мы уже агукаем», «Мы на животик переворачиваемся», «Мы вчера два раза покакали»... Угу, покакали они...

Эдвард усмехнулся, вспомнив, как два года назад во время прогулки в одном из столичных парков к его жене подошла общительная дамочка и, указав на марширующего вокруг клумбы Грэма, спросила: «Милочка, сколько вам годиков?» На что «милочка» абсолютно честно ответила: «Двадцать пять!» Общительности у дамы тут же поубавилось.

— Ладно, пойду, — со смирением приговоренного к казне сказала Элизабет. — Но только ради тебя и леди Пенелопы.

— Может, ты и книги по полкам расставишь? Ради меня? — Эдвард кивнул на принесенную женой стопку.

— Это не наши, — отмахнулась Элизабет. — В библиотеке брала, в понедельник верну.

— И что там у тебя? — Доктор Грин поднял верхний том и заглянул под обложку. Сказать, что он удивился, — ничего не сказать. — История демонологии? Отчего вдруг ты этим заинтересовалась?

Странное совпадение. Если совпадение.

Маловероятно, чтобы лорд Арчибальд рассказал о чем-либо дочери после того, как сам просил не посвящать ее в дело Хелены Вандер-Рут, но Эдвард помнил, что его жена способна получить информацию и из других источников. Правда, в последние годы такого не случилось, но...

— Из-за того ужасного старика, — ответила Элизабет, разрушив почти сформировавшуюся в голове мужа версию. — Которого мы подвозили, помнишь?

— Профессора Вилберта? Чем же он так ужасен?

— Ну не ужасен. Просто неприятный тип. Смотрел на меня так, словно убить хотел.

— Не обижайся, мышка моя, но он смотрел на тебя так же, как все те, кому повезло прокатиться с тобой на автомобиле. Думаю, он заподозрил, что это ты его убить собиралась.

— Нужен он мне, — фыркнула миссис Грин.

— Видимо, нужен. — Эдвард указал на книги.

— А, это. Я, как бы сказать... Провела небольшое расследование. Ты же заметил, что с этим Вилбертом что-то не так? Он сказал, магическая травма, но я никогда не видела таких следов. О физическом состоянии без обследования судить сложно, но на энергетическом уровне картинка нехорошая, согласись. Я решила, что это, возможно, профессиональное. Он ведь демонолог, а с жертвами прорывов я никогда не сталкивалась. Стало интересно, что с ним случилось.

— И как? Узнала что-нибудь?

— Ага. — Элизабет посмотрела на часы, убедилась, что время еще есть, и присела на угол стола напротив опустившегося в кресло мужа. — Я пошла в библиотеку, в хранилище в подвале, и запросила через поисковый артефакт информацию по профессору Вилберту. Оказывается, он работает... или работал в Глисетском университете. Нашлось около двух десятков статей о его исследованиях. Но ни одной — о несчастном случае или болезни. Хотя нет. Несчастный случай был. Но с профессором он вроде бы никак не связан. Одиннадцать лет назад погибло четверо студентов.

Делая вид, что впервые об этом слышит, Эдвард внимал жене, пересказывавшей официальную версию глисетского происшествия.

— А профессор именно после этого случая отошел от дел: в газетах перестали писать о его работах, — подвела итог Элизабет. — Разве не подозрительно?

— Возможно, смерть учеников стала для него ударом.

— Возможно. Но чем объяснить его состояние?

— Какой-нибудь тайный эксперимент, о котором не сообщали газеты, — высказал «предположение» доктор Грин. — А что в книгах? Нашла похожие случаи?

— Нет, там другое. Когда я читала о Вилберте, наткнулась на одно имя — Вандер-Рут. Никогда не слышал? Известная династия демонологов. Если честно, сама о них раньше не слышала, а если слышала, не запомнила, я же не на демонолога училась. Просто... В общем, я искала информацию о погибших студентах, а эта Хелена, Хелена Вандер-Рут, судя по статьям, ближе всех общалась с Вилбертом, у них даже был какой-то общий проект. А еще она была помолвлена с Аланом Россом, представляешь? Я нашла заметку. И другую, о совместной работе Хелены Вандер-Рут и Сюзанны Пэйтон, которая сейчас Сюзанна Росс...

— Бет, — укоризненно выдохнул доктор.

— Я просто нашла заметку, — обиделась она на непрозвучавший упрек. — Лезть в чужую жизнь и разносить сплетни не собираюсь. Россы — милая пара, и Сюзанна мне нравится хотя бы потому, что она не посещает кружок молодых матерей. А в жизни всякое бывает, да?

— Да, — мягко улыбнулся Эдвард. — Но ты так и не сказала, что искала в книгах.

— А ты не перебивай! Я как раз к этому подошла. Значит, я наткнулась на эту Хелену, на упоминание о ее знаменитых предках и решила почитать о Вандер-Рутах. И ты не представляешь, сколько интересного нашла. В демонологии я, конечно, ничего не смыслю, но история их семьи... Можно роман написать!

— Роман? — Мистер Грин заметил азартный блеск в глазах жены и понимающе хмыкнул. — Ты затеяла расследование, а в итоге пришла к роману?

— Не пришла, — надула губки Элизабет. — Но нашла интересный материал. Кстати, как тебе название «Проклятый род»?

— Ты о Вандер-Рутах?

— Я о названии. Но не исключаю, что и Вандер-Руты были прокляты. Там все так запутано, и конец печальный — последняя в роду погибла трагически и нелепо... Я подумала, что стоит расспросить папу. Он в те годы руководил отделом, разбиравшим подобные происшествия. Возможно, ему что-то известно. А если нет, он сможет узнать, да?

Эдвард закашлялся. Потом постарался вернуть мысли Элизабет к истории «проклятого» рода. Пусть лучше копается в прошлом и держится подальше от настоящего.

— Почему проклятый? — переспросила она, сморщив носик. —

Может, потому, что род Вандер-Рутов уже прерывался и восстанавливался через наследника побочной ветви? Ты же знаешь, раньше ребенок, рожденный от союза, не благословленного богами, считался ущербным, даже какие-то кровные привязки действовали. Хотя проблемы у Вандер-Рутов начались до того, как главой дома стал бастард. Собственно, если бы они не начались, он и не стал бы.

— Бет, может, расскажешь по порядку?

— Я и рассказываю. — Миссис Грин сложно было поверить, что кто-то не в состоянии уследить за ходом ее мысли, прямым, словно полет летучей мыши. — Жили-были Вандер-Руты. Долго жили, род очень древний, все его представители — носители темного дара, но до того, как они увлеклись демонологией, в книгах о них не писали. Первым демонологом и основателем знаменитой династии стал Йозеф Вандер-Рут. В библиотеке гора книг, как его, так и о нем. Но демонологом он стал, можно сказать, поневоле. У него была дочь... Нет, если по порядку, у него был сын. Незаконнорожденный. Ты же в курсе старых традиций полового воспитания мальчиков? Парню стукнуло пятнадцать или даже четырнадцать, папаша подослал к нему смазливую служанку. А та возьми и забеременей. Ребенка оставили в поместье, но Йозеф им не интересовался. В положенный срок он женился, у него родилась дочь — Тереза. Если верить биографам, девочку, в отличие от внебрачного мальчика, он очень любил, но, когда ей было восемь, Тереза заболела, предположительно корью, и умерла. Тогда ведь лечили в основном снадобьями, а не магией, вот и... А Вандер-Рут после этого и занялся демонологией. Вроде бы хотел подчинить демонов, чтобы те вернули ему дочь, но увлекся, совершил какой-то грандиозный прорыв в науке, сформулировал основные принципы взаимодействия с созданиями бездны, написал несколько десятков монографий. Только дочь не вернул и других детей не завел, поэтому был вынужден вспомнить о сыне, признать его и объявить наследником. Ну и началось.

— Что началось?

— Проклятие, наверное. У сына Йозефа тоже был дар, только учить ненужного ребенка никто и не думал, и этот дар почти не развивался. Но к тому времени, как Вандер-Рут признал бастарда, тот успел жениться и обзавестись сыновьями. Вот из них дедушка Йозеф и взялся воспитывать достойную смену. И воспитал. Из старшего. Младший тоже подавал надежды, но в поместье вспыхнул пожар, и все находившиеся там Вандер-Руты, включая Йозефа, его сына и младшего внука, погибли. Из-за чего начался пожар, так и не узнали. А лет через двадцать старший внук Йозефа

решил проверить возможность поглощения демонической энергии человеком. На себе. Проверил, проглотил, выяснил, что энергия бездны напрямую человеческим организмом усваивается плохо, и умер от энергетического несварения. Его сын никаких великих открытий не совершил, но до пятидесяти, как и отец, не дожил: погиб, обследуя место разлома. Следующий Вандер-Рут отличился научными трудами и пропал без вести. Следующий... В общем, кроме Йозефа, до старости никто из них не дожил. По-моему, очень похоже на проклятие. И знаешь, что еще любопытно? Род должен был оборваться на девочке, Терезе, но нашелся бастард, и жизнь рода продлилась на двенадцать поколений, в течение которых у Вандер-Рутов рождались только сыновья. А потом род все же прервался на девочке. Тебе не кажется, что в этом есть некий смысл?

— Не знаю насчет смысла, но для романа сюжет в самый раз, — усмехнулся Эдвард. — Только надеюсь, ты не засядешь за его написание сейчас же. Леди Пенелопа этого не простит.

Элизабет бросила взгляд на часы и мученически закатила глаза.

— Кружок, — протянула с душераздирающим стоном. — Мамочки-наседки и два часа непрерывного кудахтанья. Боги, почему я позволила себя в это втянуть?

— Потому что ты добрая женщина. — Встав с кресла, Эдвард заключил жену в объятия и с нежностью поцеловал в лоб. — И замечательная мать, у которой есть чему поучиться квохчущим насадкам.

— Ты так думаешь? — спросила Элизабет. — Честно?

— Мне Грэм сказал, а ему я в этом вопросе полностью доверяю.

Эдвард проводил жену и вернулся в кабинет.

Сначала набрал домашний номер Ашгонов: нужно было предупредить лорда Арчибальда о возможных расспросах со стороны любопытной и сообразительной дочери. Сам такую воспитал, вот сам пусть теперь и выпутывается. Поговорив с тестем, позвонил Оливеру Райхону.

— Не передумали насчет ужина? А зря. Передумайте и приходите. У меня для вас интересная история. Почти роман.

Оливер царапал вилкой ростбиф, цедил вино и слушал похожую на роман историю, действительно интересную, хотя никак с родовыми проклятиями и не связанную. Эту историю когда-то пытался рассказать ему Юлиус Хеймрик. «Что вы знаете о демонологии? — спросил он. — А о Вандер-Рутах?» Да, глисетец не сказал правды в ту встречу, но и не во всем солгал. Не в том, что прославленная династия демонологов наделе — несколько поколений одержимых исследователей, рисковавших здоровьем

и жизнью, раз за разом заглядывая в бездну. Неудивительно, что рано или поздно они совершали ошибки или не выдерживали нагрузок, на которые сами себя обрекали.

В Нелл тоже это было — жажда новых знаний, стремление к успеху, невзирая на любые сложности. Наверное, в каком-то смысле это можно было назвать семейным проклятием. Но не фамильные амбиции уложили последнюю из Вандер-Рутов на жертвенник.

— У Элизабет прекрасное воображение. — Оливер прочертил на куске запеченной говядины еще одну линию. — Но на Нелл нет проклятия, могу ручаться. И на ее предках, уверен, не было. Маловероятно, что такие сильные маги не заметили бы на себе или своих детях петли.

— Наверняка заметили бы, — согласился Эдвард. — Но все же что-то во всем этом есть, вам не кажется?

Он нашел хороший предлог, чтобы на вечер вытащить Оливера из дома, и не хотел отказываться от удачной идеи. А Оливер не хотел обижать проявившего участие человека и кивнул отрешенно: кажется. В последние дни неизменно кажется, что все неспроста и все связано с Нелл.

— Я могу взять книги, которые читала Элизабет? — спросил он. — Скажете ей, что я заинтересовался возможным проклятием. Хотя нет. Не стоит еще больше привлекать ее внимание к этой истории.

— Пустое, — отмахнулся Грин. — Берите. Придумаю, как отвлечь Бет от Вандер-Рутов.

— Простите, — вырвалось у Оливера.

Целитель удивленно приподнял брови.

— Чувствую себя виноватым в том, что вам приходится скрывать что-то от жены, — пояснил Оливер. — Боюсь, когда она узнает...

— Она поймет, — не дал ему продолжить Эдвард. — Поворчит для порядка, но поймет. Не волнуйтесь.

Оливер и не волновался. Лишь вскользь проскочила мысль, но все же думать, будто у Гринов может случиться серьезная размолвка из-за его в общем-то ненужных им секретов, — слишком много мнить о себе.

Книги он забрал, пообещав завтра же зайти в библиотеку и переписать их на себя. Ерунда, но после случая с архивным журналом волей-неволей задумаешься о необходимости строжайшего учета во всем.

Дома зажег прикроватный светильник и, устроившись в постели, открыл первый из трех объемных томов.

— С твоей матерью я уже знаком, — сказал, обращаясь к невидимой собеседнице, — теперь познакомлюсь и с другими родственниками.

Начал он с основателя знаменитой династии. Помимо биографии в

книге имелся его портрет. Художник не слишком старался, дабы сохранить для потомков черты великого демонолога, и примитивный рисунок донес сквозь века лишь то, что у господина Йозефа было два глаза, один нос, тонкогубый, похожий на растянутого червя рот и торчащие во все стороны ярко-рыжие волосы.

Рыжих считают в народе неудачниками, и, если бы давнему суеверию вдруг потребовалось доказательство, история Вандер-Рутов вполне могла бы им стать.

Оливер провел с этой историей все выходные. Телефон молчал, гостей он не ждал и подавно, и от чтения ничто не отвлекало. Только вечером субботы приплелся вдруг Вилберт, до сих пор сердитый из-за того, что милорд Райхон не сохранил доверенную ему тайну, но уже понявший, что никто больше не заинтересован в поисках Нелл так, как означенный милорд. Демонолог долго мямлил что-то, в равной степени похожее и на извинения, и на новые обвинения, затем выпил предложенный хозяином кофе, и речь его стала понятнее. Слова, но не смысл. Старик выдавал обрывочные воспоминания о детстве Нелл, рассказывал о каких-то случаях времен ее учебы. Оливер слушал его почти час, прежде чем догадался, что профессору просто хочется поговорить о «своей девочке» с человеком, в котором он надеялся найти родственную душу.

Душа Оливера обзавестись родней не стремилась. И мысли не возникло делиться воспоминаниями, пусть и самыми невинными. Да и чужие слушать удовольствия не доставляло. Он не знал ту девочку, о которой рассказывал Вилберт, и понимал, что никогда уже с ней не познакомится. Но и Вилберт не знал женщину, которой в последние недели Оливеру отчаянно не хватало: не хватало ее голоса, солнечных глаз, редких улыбок, ее головы на его плече, разметавшихся по подушкам волос, белизной сливающихся с наволочками. Даже по запаху табачного дыма в гостинной он скучал, но обсуждать это с кем-либо не планировал.

Только демонолог этого будто не понимал. Или ему без разницы было, что с ним не говорят, лишь бы слушали и не гнали.

— Я составил завещание, — сказал он, неожиданно отвлекшись от историй прошлого. — Пятнадцать лет назад. После не изменил его... не счел нужным... Мне не так много удалось скопить за жизнь, но кое-какие сбережения все же есть. И дом... Все — Нелл. Скажите ей, когда найдете, если я к тому моменту... ну мало ли...

Сказал и тут же попрощался, не объяснив, с чего вдруг вспомнил о завещании и что подразумевал под «мало ли». Оливер отнес это на счет старческой паранойи и, проводив гостя, вернулся к книгам. В них не было

ответов, но за чтением время если не летело быстрее, то хотя бы тянулось не так мучительно. Ему ведь не оставили иных вариантов, только ждать. Возможно, не так хороша была идея обратиться к лорду Ашгону, и нужно было все-таки строить поисковую сеть...

Плохая была идея, Нелл поняла это в первый же день, когда выехала к месту будущей работы, но менять что-то было уже поздно. Не разворачивать же обоз, потому что она не запаслась сигаретами? Еще и те, что были, выбросила вместе с лентой и ракушкой, решив разом избавиться от прошлого. Знала ведь, как плохо будет, но подумала, что переживет, ей же и с сигаретами, казалось, хуже некуда, а так хоть что-то положительное в итоге выйдет. Но пока — ничего хорошего. Три дня в дороге, четыре на новом месте, а курить хотелось не меньше. Во время пути, на стоянках, еще можно было подходить к компаниям пыхтевших трубками и папиросами попутчиков и, делая вид, что греется у костра, вдыхать табачный дым, а в поселке так уже не получалось. Правда, тут можно было разжиться табаком, но стоило ли мучиться, чтобы потом перейти с дамских сигарет на крепкое мужское, мужицкое даже, курево? Нелл решила, что не стоило, терпела дальше, и рядом с невозможностью привычно заполнить дымом растущую внутри пустоту все остальные сложности новой жизни выглядели не стоящими тревог мелочами.

В других обстоятельствах она за голову схватилась бы, осознав, куда ее занесло: голое побережье, снег и лед, темное злое море. Обещанный поселок — четыре длинных барака и десяток покрытых шкурами шалашиков вокруг. Такие шалашики Нелл прежде видела лишь в книгах о традиционном гоблинском быте. Но гоблины никогда не жили на берегах Северного моря, а Нелл предстояло провести здесь полгода. Хвала богам, не в шалашике, называемом, как позже выяснилось, кота, а по местным меркам так и вовсе в фешенебельном номере — в каморке, стеной отгороженной от общего помещения одного из барачков, с отдельным входом, кроватью, умывальником и маленькой чугунной печуркой. От печки тянулась длинная жестяная труба, выведенная наружу через дыру над заледенелым оконцем. Дыру вокруг трубы законопатили, но неважно, и из щелей в комнатку тянуло холодом. И от двери тянуло. И вода в умывальнике замерзла, а на жесткой, покрытой шкурами кровати спать можно было только в шубе и не снимая сапог, но Нелл слишком сильно хотела курить, чтобы обращать внимание на такую ерунду. Она пошла к соседям-охотникам, попросила у них молоток и гвозди, сняла с кровати несколько шкур, сшила сделанными из гвоздей скобами и прибила с

внутренней стороны над дверью. Все же жизнь на ферме для нее даром не прошла. Только в Расселе занавеска на входе была куда тоньше и защищала дом от вторжения насекомых, а тут должна была спасти от сквозняков. Щели вокруг трубы Нелл заделала сухими водорослями, которые тут собирали на растопку. Воду в умывальнике подогрела руками. А когда ко всему имеющемуся получила со склада ведро, керосиновую лампу и два шерстяных одеяла, сочла временное обиталище вполне благоустроенным. Только курить все равно хотелось, и, едва разобравшись с бытом, Нелл направилась к старшему артели, дабы разузнать, чем должен заниматься маг, и уже со следующего же дня приступила к обязанностям. Проверила сигнальную сеть, подпитала погодные амулеты, установленные вокруг поселка, и защиту на лодках, провела ревизию имевшихся у охотников лекарственных средств и составила список недостающего, чтобы заказать нарочным...

Дел хватало, но днем по-прежнему хотелось курить, а ночами она жутко мерзла — с раскаленной печкой, под двумя одеялами, в комнате, в которой дышать было трудно из-за духоты, — она мерзла и долго не могла уснуть. Так долго, что сон, не дождавшись ее, приходил сам, ложился рядом, подставлял плечо, гладил волосы. Обещал, что никогда не оставит.

А с утра курить хотелось еще сильнее...

ГЛАВА 27

Понедельник не принес Оливеру обнадеживающих новостей, но и не с пустыми руками явился: лорд Арчибальд передал обновленную информацию об участниках глissetской истории. Архивные данные милорд Райхон уже изучил, теперь же, проведя традиционное совещание с главами факультетов, углубился в чтение свежих материалов. Как и с книгами о династии Вандер-Рутов ничего интересного он в присланных бумагах не нашел, но занял себя на несколько часов.

Нет, если подумать, то и эти сведения можно использовать. Хотя бы для того, чтобы понять, что представляют собой люди, одиннадцать лет назад сообща похоронившие Нелл, чтобы обеспечить светлую память троим ублюдкам.

Отчет о жизни Юлиуса Хеймрика являл собой досье кристально честного человека, а значит, не мог быть правдой. Это Оливер понимал лучше, чем кто бы то ни было. Должность ректора одного из трех в королевстве высших учебных заведений для магов так или иначе сопряжена если не с нарушением правил и законов, то с постоянным лавированием между ними. Вспомнить только, сколько проблем создают студенты. В Глissetе же после случившегося с Нелл Вандер-Рут не происходило ровным счетом ничего, да и тот инцидент представили несчастным случаем. Стоило поучиться у глissetского коллеги умению подчищать грязь как за собой, так и за подопечными, но Оливера больше интересовало, что лежит в основе этого умения. Личные способности Хеймрика? Высокопоставленный покровитель? Свои люди в городских службах и в министерстве, по горячим следам правящие сводки происшествий и затыкающие рты недовольным? Все и сразу?

Не найдя ответа, Оливер отложил досье Хеймрика и взялся за справки о семьях погибших демонологов. У лорда Аштона свои аналитики, да и сам вице-канцлер достаточно опытен в подобных вопросах, но спроси он совета у Оливера, тот сказал бы, что наиболее перспективная кандидатура в плане возможного сотрудничества — сестра Джордана Блейна. На момент гибели брата Эмма Блейн уже окончила университет и работала там лаборанткой на алхимическом факультете. По словам Вилберта, ее пустили в госпиталь, когда Джордан был еще жив. Далее в игру вступил ее отец, и девушка вряд ли участвовала в последующей подтасовке фактов, просто держала язык за зубами, а вскоре и вовсе уволилась из университета

и десять лет после трагедии прожила в провинции, где устроилась на химический завод. Старший мистер Блейн, теперь уже покойный, был совладельцем крупного металлургического концерна и оставил дочери солидное состояние, но по условиям завещания Эмма могла получить деньги только после замужества. Невелика проблема: мисс Блейн легко нашла бы фиктивного мужа, ограничив размер его вознаграждения за помощь условиями брачного контракта. Но до сих пор не сделала этого. Возможно, из принципа, что свидетельствовало бы о неких разногласиях с умершим родителем. В таком случае и покрывать его лжесвидетельство Эмма не станет, а намять брата ей пообещают не тревожить.

Семью Клауса Эрланда Оливер без острой необходимости предпочел бы не беспокоить. Мало того что глава семейства являлся верховным судьей независимого округа Литвик, так еще и входил в высшее общество Арлона: маг и дворянин древних кровей, состоящий в родстве с правящим королевским домом. Не в близком, как Оливер уже знал из архивов, но все же.

Олдриджи родовитостью похвастать не могли. Но на их стороне стояли капиталы и пресса. Кеннет Олдридж, отец Ирвина, владел земельными угодьями и хозяйствами, на восемь процентов обеспечивавшими потребности Арлона в пшенице, на одиннадцать с половиной — в ячмене. А младший брат «солодового короля», как прозвали Кеннета Олдриджа, был хозяином нескольких газет, и если в финансовом плане со старшим братцем соперничать не мог, то властью обладал, возможно, намного большей — властью над мнением общества. Недаром газетчиков недолюбливают и опасаются. А в последние годы сила печатного слова особенно велика. Бывает, так припечатывают, не то что не отмоешься — не поднимешься.

Однако Олдриджи — единственные, в чьей жизни после смерти сына нашлось место странному происшествию. Рождение еще одного сына. Стенли Олдридж появился на свет через десять месяцев после смерти Ирвина, словно «солодовый король», едва узнав о смерти наследника, принялся целенаправленно работать над зачатием нового. Но необычным было не это. Люди лорда Арчибальда откопали договор с коллегией магов крови: Олдридж-старший оплатил подтверждение своего родства с новорожденным. Подозревал супругу в неверности? Или опасался подобных обвинений со стороны родственников, после гибели Ирвина мысленно уже вписавших свои имена в завещание? Но подтверждение маги в любом случае дали: Стенли определенно Олдридж.

Как это использовать?

Да никак.

Оливер отложил очередной лист и взялся за следующий. Целитель, принимавший пострадавших в павильоне. Вилберт говорил, что тот присутствовал при первом допросе и составлении Хеймриком проекции. А через пять лет у доктора случился обширный инсульт. Результат — частичный паралич и полная потеря речи. Ни помочь, ни даже выступить свидетелем этот человек не сможет.

Персонал госпиталя и сотрудники университета, в ту ночь так или иначе контактировавшие с пострадавшими, изначально практически ничего не знали, а после их восприятие наверняка подкорректировали. Оливер выписал на всякий случай их имена и вернулся к Эмме Блейн. Не мешало бы выяснить, на какие средства она живет, раз уж отказывается от наследства. Прощупать окружение. Узнать, в каких отношениях она была с отцом и братом. Знала ли во время работы в университете Нелл...

Оливер набросал первичный план, пробежал глазами и тут же смял со злостью. Он — только наблюдатель. Дело ведут другие.

Лорд Аштон обещал организовать проверку банковских счетов всех фигурантов дела. Получить разрешение на подобное непросто, но для следствия информация может оказаться ключевой. Если выяснится, что родители погибших заплатили за поддержание выгодной им версии не только Нелл, но и Хеймрику, разговор с милордом Юлиусом будет другой. Факт шантажа еще нужно доказать, но и взятка — уже что-то. Хотя прежде глосетского ректора во взяточничестве не подозревали. Это злило, как и общая безукоризненность Хеймрика. Оливера-то подозревали, и не раз! В основном ограничивалось слухами, но однажды было полноценное расследование. С тех пор он даже подарков от выпускников не принимал, только недорогие сувениры, да и те старался брать при свидетелях. А сколько раз приходилось заминать скандалы с участием студентов? В Ньюсби, ближайшем к академии городе, четвертый мэр сменился за время, что Райхон сидел в кресле ректора, и с каждым у него были стычки из-за того, что очередной недомаг что-то там сломал, взорвал, расквасил кому-то нос или наставил рога (чаще в переносном, но как-то раз и в прямом смысле). Иногда и преподаватели отличались. А у Хеймрика во владениях, значит, тишь да гладь?

«Позвонить Джерри», — написал Оливер на новом листе. В конце концов, общаться с родственниками ему не запретили.

После пришлось все же заняться работой. Заметка попала на глаза уже к концу дня, и милорд Райхон, опасаясь, что до возвращения домой забудет об этой идее, тут же снял трубку.

Глисетский номер ответил мягким женским голосом. Оливер не слышал его несколько лет, но не забыл, как оказалось.

— Здравствуй, Камилла, — поздоровался после заминки.

Такая же пауза на миг повисла на том конце провода.

— Здравствуй, — наконец прозвучало в ответ. Имени она не назвала, но узнала, сомнений не было.

— Рад тебя слышать.

— Взаимно.

Стандартный обмен стандартными фразами — не более.

— Я хотел бы поговорить с Джереми, если он не занят.

— Прости, он... его еще нет. По понедельникам он задерживается обычно...

Где задерживается, почему — она не сказала. А Оливер не спросил, хотя нужно было: показал бы, что ему не безразлично, как они живут и чем занимаются. Но сейчас интересовало другое. Во-первых — раздавшийся в трубке негромкий щелчок, словно кто-то третий присоединился к разговору. Флин снял трубку в приемной?

— Я передам, что ты звонил, — пообещала Камилла. — Это же... ничего срочного?

— Нет-нет. — Оливер посмотрел на дверь. Если секретарь снял трубку, должен был уже вернуть ее на место, поняв, что линия занята. А второго щелчка что-то не слышно. — Просто хотел узнать, как у вас дела.

— Все прекрасно, спасибо.

— Как Джинни? Наверное, уже совсем большая и такая же красавица, как ее мать.

— Хм... Оливер, у тебя все в порядке?

— У меня? Конечно. — Только повторного щелчка так и не было. — Выдалась свободная минутка, вот и... Я же ни от чего тебя не отвлекаю?

— Нет, но... — Женщина замялась. — Извини, просто не знаю, о чем говорить.

— О чем-нибудь. Не важно. — Действительно не важно. Пусть лишь не кладет трубку, пока ее не положил тот другой. — Знаешь, я... давно хотел узнать...

— Да?

— Хотел спросить тебя... — Оливер неслышно поднялся и, не сводя взгляда с двери, обошел стол. Прикинул длину провода. Когда-то тот был слишком длинным и путался под ногами. Пришел ремонтник с телефонной станции и укоротил. Зря, как выяснилось. — Что со мной не так?

— В каком смысле?

— В прямом. Наверняка у меня немало недостатков, раз уж ты предпочла мне Джерри. Хотелось бы узнать о них в подробностях.

— Серьезно? — Нервный смешок. — Хочешь поговорить об этом?

— Почему нет?

— Может быть, потому, что прошло семь лет?

— Спустя семь лет уже можно поговорить честно и спокойно, мне кажется. Или подождем еще лет десять для верности?

Тишина. Легкое, еле слышное дыхание. Одно? Или?..

— Хорошо, Оливер. Если тебе интересно... Все с тобой так. Даже слишком так. Ты замечательный человек, и я...

Замечательный человек аккуратно положил трубку на стопку бумаг и тихо подкрался к двери. Взялся за ручку и распахнул рывком.

Приемная пустовала. Флин куда-то отлучился. Трубка громоздкого черного телефона, стоявшего на столе секретаря, покоилась на рычаге.

— Псих, — шепотом обругал себя Оливер и вернулся в кабинет.

— ...наверное, потому так и вышло, понимаешь? — Таким же тоном, насколько он помнил, Камилла читала лекции младшим курсам, терпеливо вдалбливая азы. — Прости, если тебя задела мои слова, но ты сам спросил.

— Не извиняйся, ты абсолютно права. И я рад, что Джерри на меня не похож... не в этом.

— Не в этом, да, — повторила она растерянно. — У тебя правда все хорошо?

— Все прекрасно...

...Будет, когда Нелл вернется.

Главное, до того времени не сойти с ума окончательно.

Джереми перезвонил через два часа уже на домашний номер. Судя по заботливым расспросам, Камилла не только пересказала ему их с Оливером разговор, но и поделилась какими-то выводами. Возможно, справедливыми, учитывая, что прежде, чем покинуть главный корпус, милорд Райхон заглянул в архив и убедился, что все коты, включая серого, на месте.

— Попытка наладить родственные связи провалилась? — спросил он племянника после того, как заверил, что жив, здоров и вполне дееспособен.

— Неудачная попытка, — пробубнил тот. — Непонятно, какие связи ты собираешься наладить.

Видимо, Джерри тоже сделал выводы. Но эти могли лишь рассмешить.

— Думал предложить тебе место в академии, — сообщил Оливер,

меня тему. — Но подозреваю, откажешься.

— Откажусь. Меня устраивает моя нынешняя работа. И в Глисите мы уже обустроились.

— И руководство у тебя там, должно быть, получше.

— Не принимай на свой счет, — попросил Джереми, смутившись. — Мне здесь действительно нравится.

Все же они очень отделились друг от друга в последние годы, но Оливер не терял надежды. Надежды, что сумеет узнать что-нибудь через Джерри.

— Ты близко общаешься с Хеймриком? — решился на прямой вопрос.

— Не очень. Он — ректор, я — один из многих преподавателей. Сам понимаешь, сталкиваемся нечасто.

— А вне университета?

— Вне университета мы не общаемся. Уже не общаемся, — проговорил Джереми неспешно и, кажется, с усмешкой. — Милорд Юлиус устраивает вечера для коллег, и нас с Камиллой приглашал. Думаю, хотел подружиться, но... видимо, я недолюбливаю менталистов.

— Он пытался влезть тебе в голову?

— Пробовал пару раз, но я поднаторел в установке щитов после того случая.

Оливеру не требовались уточнения, «тот случай», когда племянник попался на ментальные крючки и чуть не погиб, они оба помнили.

— Если бы не защита, я ничего и не почувствовал бы, — добавил Джерри. — Но о запрещенном воздействии речь не идет. Поверхностное сканирование. Определение общего настроения, легкая коррекция восприятия, быть может. Не обвинять же человека в том, что он пытался произвести хорошее впечатление?

В этом не обвинишь. Хеймрик и Оливера пытался прощупать в его последний визит в Глисет: и правда ничего такого, о чем можно было бы сообщить в дисциплинарную комиссию.

— С чего такой интерес к милорду Юлиусу? — В голосе Джереми слышалась улыбка, но она не скрывала подозрительных ноток.

— Рабочий интерес, — солгал, не решившись на откровенность, Оливер. — Мне поставили его в пример, как образец идеального ректора. Вот и интересуюсь, действительно ли университет процветает под его руководством, в то время как академия под моим медленно приходит в упадок.

— Он жив? — хмыкнул в трубку Джерри. — Тот, кто осмелился сказать тебе такое? Нет, в университете дела идут отлично, но...

Оливер не помнил, когда в последний раз они говорили так долго, и глубоко в душе был рад уже этому. Где-то очень глубоко, чтобы эта радость прорвалась наружу и перекрыла тревогу и ощущение бессилия. Джереми не рассказал ничего, что можно было бы использовать против Хеймрика, а тем более — в поисках Нелл.

Еще один бесполезный день. Верить, что новый будет лучше, становилось все труднее.

Но Оливер верил. Худшим в его положении оставалось бездействие, и следующим утром он решился на еще один телефонный звонок. Разговор мог закончиться, едва начавшись, однако глупо было бы не попытаться.

Лорд Арчибальд выслушал — уже хорошо — и паузу выдержал не слишком долгую.

— Эмма Блейн? — переспросил раздумчиво. — Что ж, пожалуй, тут я с вами согласен. Мисс Блейн наиболее удобна в этом смысле. Она не имеет отношения к университету и не вращается в высших кругах, невзирая на происхождение, живет почти затворницей... А попробуйте.

Разрешение, хоть именно этого он и хотел, стало для Оливера неожиданностью. Сердце учащенно забилося, а слова застряли в горле. На счастье, лорд Аштон, не дожидаясь никаких слов, продолжал развивать мысль:

— Попробуйте. Вы — лицо частное, интерес ваш тоже личного характера. Вы же понимаете, что нам выгоднее добиться добровольного свидетельства? Возможно, мисс Блейн отнесется с пониманием к вашему рассказу... Придумайте лишь, что ей рассказать. Контакты Эммы Блейн мы отслеживаем, если она надумает с кем-либо связаться после вашей встречи, узнаем, так что результат в любом случае будет...

Все еще не веря услышанному, Оливер поблагодарил лорда Арчибальда за доверие и усилием воли заставил себя вернуться к работе. Разобрался с текущими вопросами в ректорате, отчитал лекцию на спецкурсе, привычно оглядывая аудиторию и останавливаясь всякий раз на пустующем месте рядом со столом Рея Бертона, предупредил, что уезжает по делам и занятий по базовому предмету на этой неделе не будет, и, лишь покончив с рутинными обязанностями, направился в полицию. У Крейга имелась полная информация по расследованию, в том числе и адрес Эммы Блейн.

В кабинете инспектора кроме самого старика находилось еще двое. Первый — Рысь Эррол, и в этом не было ничего удивительного. Второй — позабытый в волнениях Тэйт Тиролл. Когда Оливер вошел в кабинет,

Тиролл что-то увлеченно объяснял, тыча пальцем в разложенные на столе листы, а увидев ректора, шустро подгреб бумажки к себе и притих.

— Кыш отсюда, оба! — кивнув новому посетителю, махнул Крейг на молодых людей. — После доскажете.

Алхимик первым рванул к двери, но у выхода замешкался, и Оливер прижался к стене, поняв, что студент опасается даже случайно его задеть.

— Присмотрели себе нового стажера? — спросил у старика, оставшись с ним вдвоем. Давно повелось, что Крейг брал под негласную опеку способных молодых магов, зачастую имевших проблемы с дисциплиной, ведь талант нередко раскрывается именно в противовес запретам и правилам.

— Нужен он мне, — буркнул инспектор. — Дурень же. Спец хороший будет, а в остальном — дурень. Это Рысь у меня умник, сразу скумекал, к чему эту дрянь вонючую приспособить. Присядь, расскажу.

Даже притом что сейчас это Оливера интересовало мало, идея показалась интересной. С ужесточением законов производителям сейфов и запорных механизмов пришлось отказаться от магических ловушек высших уровней, и оборотень, давно зарекомендовавший себя нестандартным подходом к решению любых проблем, столкнувшись с взрывным устройством Тэйта Тиролла, решил, что компактная бомба с механизмом запечатления, не требующая для активации применения высших чар, может стать хорошей альтернативой запрещенным средствам. Всего-то и нужно, что изменить условия, чтобы взрыватель срабатывал не на запечатленный образ, а, наоборот, на тех, чьи образы в защиту не вплетены, добавить допустимый оглушающий эффект и звуковой сигнал, но, если взломщику все же удастся сбежать, трудно сводимый краситель с выразительным запахом облегчит его поиски.

— А взрыв направленным делать, чтобы вонючка эта только на открывающего попала, — объяснял Крейг. — Толку от защиты, которая будет хозяйское имущество гробить? Так что работать им еще и работать. Но состав запатентовать уже можно. И заклинание запечатления. А там и весь механизм. Я им тут взялся чуток с оформлением патента пособить... Только ты ведь не эти дела обсуждать пришел?

— Да, я...

— Знаю уже, — поморщился старик. — Арчи лично телефонировал. Снизошел, так сказать.

Крейг работал в академии так давно, что жизнь без него тут уже не представлялась, и талантливых магов в люди вывел немало. По тому, как он отзывался о нынешнем вице-канцлере, Оливер догадывался, что и в судьбе

лорда Арчибальда старик роль сыграл, но какую — только этим двоим и известно. Сам милорд Райхон тоже не распространялся, что обязан инспектору тем, что вообще закончил учебу, не говоря о дальнейшей карьере. Другой полицейский с дебоширом и поджигателем не церемонился бы, но Крейг обладал даром видеть лучшие пути для одаренных разгильдяев и умел их на эти пути наставлять.

— Все неймется тебе, — ворчал он под нос, копошась в ящике стола. — Не можешь в стороне остаться.

— Не в этот раз.

— Ты ни в какой раз не можешь. — Крейг выловил в кипе документов сложенный вдвое листок и протянул Оливеру. — Тут адреса, квартиры ее и заводика, где работает. Только, — сжал пальцы, не позволив забрать бумагу сразу же, — повременил бы. Пусть ребята Арчи побольше про дамочку эту разузнают. Может, и есть у нее причины от миллионов отцовских нос воротить, но покуда мы этих причин не знаем, странно оно.

«Странно», — мысленно согласился Оливер. Но если эти странности не относятся к делу Нелл, его они не интересуют.

Соблазн отправиться тут же на порталную станцию, чтобы через час уже встретиться с мисс Блейн, он не без труда, но поборол. В город, где жила сестра Джордана, можно было меньше чем за сутки добраться на поезде. Потеряет время, зато не хлопнется в обморок по прибытии.

Экспресс прибывал в Ньюсби глубокой ночью, и на вокзал можно было успеть даже почтовой каретой, но Крейг выделил служебный автомобиль. После — комфортабельное купе, мерный перестук колес и убаюкивающее покачивание вагона. Оливер уже давно был лишен нормального отдыха, а в пути некуда было спешить и нечем больше заняться, кроме как спать, сокращая время ожидания, так что и в этом смысле поезд оказался выгоднее портала.

На месте он был в семь вечера — еще не поздно для визитов. Нашел извозчика, назвал адрес, а заодно осведомился насчет приличной гостиницы, куда планировал отправиться после разговора с мисс Блейн.

Но реальность подкорректировала планы, и ночь Оливер провел в городской больнице. А мог бы и в морге.

ГЛАВА 28

Для наследницы миллионов Эмма Блейн жила более чем скромно. Когда экипаж остановился у многоквартирного трехэтажного дома, Оливер заподозрил, что извозчик перепутал адрес. Однако табличка на кирпичной стене быстро избавила от этих подозрений.

Парадная дверь не запиралась, а в холле не наблюдалось консьержа — еще один признак не самого respectable жилища. Вместо привратника, к которому можно было бы обратиться за помощью, у поворота на лестницу висел список жильцов с указанием номеров квартир. Безусловно, удобно. Особенно если занимаешься чем-то незаконным и должен принимать тайных посетителей. Хотя следовало признать, на лестнице и в тускло освещенных коридорах было чисто, в воздухе не ощущалось неприятных запахов, а добротные двери с металлическими номерками и блестящими медными ручками не наводили на мысль, что за ними скрыт опиумный притон или бордель. Возможно, домовладельцем был химический завод, на котором Эмма Блейн числилась технологом, и жилью за умеренную плату предоставлялось работникам.

Найдя нужную квартиру, Оливер прокрутил в уме то, что собирался сказать. Речь он придумал еще в поезде, там же разобрал возможные варианты развития беседы, и сейчас главным было, чтобы мисс Блейн оказалась дома. Когда на стук из квартиры никто не отозвался, подумал, что оправдались худшие опасения. Но Оливер выдержал паузу и постучал еще раз. Наградой за терпение стал звук проворачивающегося в замке ключа. Дверь приоткрылась на два дюйма, не больше, и из квартиры сладко запахло лилиями.

— Вы от бакалейщика? — прозвучал женский голос, негромкий и будто бы простуженный.

— Нет, я...

— Из банка?

— Нет. Простите, я...

— За жилье заплачено на полгода вперед.

— Я ищу мисс Эмму Блейн. — Говорить пришлось быстро, пока его снова не перебили. — По личному делу.

Дверь приоткрылась чуть шире, стало заметно удерживающую ее толстую цепочку и паутинку защитных чар, а из полумрака на Оливера воззрелся блестящий зрачок.

— Я вас не знаю, — медленно проговорила обладательница удивленно моргнувшего глаза. — Какие могут быть личные дела с незнакомцем?

— Оливер Райхон, — поспешно исправил ситуацию гость.

— Это имя мне ни о чем не говорит.

— Я понимаю, но если вы позволите...

— Уходите, иначе я позову полицию.

— Как? — искренне заинтересовался Оливер. Вряд ли в подобной квартире имеется телефон.

— У меня есть свисток. Засвищу в окно, патрульный услышит.

— Интересный способ. Но поверьте, мисс Блейн, вам лучше поговорить со мной, нежели с полицией.

Угрожать ей он не собирался, но в голос непроизвольно прокрались зловещие нотки. Дверь захлопнулась, и хозяйка, судя по звуку шагов, ушла вглубь квартиры. Оливер хотел стучать, но вскоре шаги вернулись, звякнула цепочка, и дверь отворилась опять.

— Входите, — сухо пригласила стоявшая за ней женщина, высокая и сухопарая.

По документам ей было тридцать восемь лет. Маги редко выглядят на свой возраст, но Эмма Блейн с худым, осунувшимся лицом, тонким длинным носом и морщинками вокруг глаз ему полностью соответствовала, а собранные в небрежный пучок мышинные волосы, серое шерстяное платье и линялая голубая шаль на плечах не делали ее ни моложе, ни привлекательнее.

— Проходите в комнату, — недовольно махнула рукой хозяйка, продемонстрировав темное пятно старого ожога на тыльной стороне ладони. Как и ее возраст, пятно это фигурировало в документах, значилось особой приметой, которой мисс Блейн обзавелась еще во время учебы.

В небольшой гостиной Оливер сел в кресло, на которое ему указали, но на чай или бренди рассчитывать не приходилось.

— Так что это за личное дело? — Мисс Блейн встала напротив, сложив на груди руки. — И при чем тут полиция?

— Совершенно ни при чем, — улыбнулся он в попытке исправить произведенное впечатление. — Мне самому не хотелось бы их привлекать.

— К чему? — Она нервно передернула плечами.

— К разбирательству одного давнего дела. Давнего, но не забытого. Речь идет о жизни девушки. Хорошей девушки, которая никому не причинила зла, и вся ее вина была лишь в том, что она происходила из хорошего рода...

Эмма Блейн заметно вздрогнула.

— Понятия не имею, о чем и о ком вы говорите, — протараторила она. — И вам все же лучше уйти.

— А мне кажется, вы прекрасно меня поняли. Прошло немало лет, но подобное не так просто забыть, особенно если воспоминания сопровождаются чувством вины.

— Чего вы хотите? — мрачно спросила женщина. — Денег?

— Справедливости. Хочу вернуть той девушке жизнь и имя, которые у нее отобрали.

— Не выйдет.

Возразить он не успел, увидев направленное на него дуло револьвера.

— Не выйдет, — повторила она и нажала на спусковой крючок.

Оливеру показалось, что он видит, как в лицо ему летит пуля. Но пока она летела, он успел вспомнить два заклинания. Защитное и атакующее.

Свинцовый шарик, пробив щит, ударил в лоб, и перед глазами зароились разноцветные мухи. Уже теряя сознание, Оливер надеялся, что хотя бы атакующее плетение-парализатор сплел как следует...

Первой телефонный звонок услышала Элизабет, но, поскольку ночами ей обычно никто не звонил, без слов пнула под одеялом мужа, перевернулась на другой бок и снова уснула. Эдвард себе такого позволить не мог. Быстро дошел до кабинета и снял трубку.

— Грин, слушаю.

— Крейг. — Угрюмый голос старика вмиг разогнал остатки дремы. — С Оливером беда.

— Что случилось?

— Что-что... Пуля в голову с ним случилась.

Целитель тяжело сглотнул.

— Живой он, не дергайся, — не дал запаниковать инспектор. — Защиту выставил в последний момент. Только он, в отличие от тебя, не телекинетик, ему магический удар отвести проще, чем физический, вот и... Но без щита совсем худо было бы.

— Где он?

— В больнице, в той дыре, куда ты его заслал.

Никого и никуда Эдвард не засылал, просто поделился в последнем разговоре с тестем мнением относительно ситуации в целом и состояния милорда Райхона в частности. Доктор хорошо понимал, что сейчас чувствует Оливер, сам был однажды в похожем положении, когда неведомая опасность угрожала Бет, и знал, как угнетает невозможность хоть в чем-то повлиять на происходящее. Именно об этом он и говорил с

лордом Арчибальдом и вскользь попросил позволить Оливеру лично участвовать в расследовании...

Демоны! Да по собранным материалам эта Блейн и на особо важную свидетельницу не тянула! Что же там случилось?

— Без подробностей передачи, — вздохнул Крейг. — Сказали, разбираются. Намекнули, чтобы не совался, значит.

— На то, что компетентный целитель не может его осмотреть, не намекали? — Грин уже понял, к чему клонит старик. — Адрес больницы у вас есть?..

Элизабет заворочалась, спросила сонно, куда он собирается. Эдвард не стал лгать, что в лечебницу. Сказал, у Крейга снова проблемы с ногами. У него давно уже с ними проблемы: магические травмы полностью не исцелить, вот и болят суставы, порой сильно.

— На погоду, наверное, крутит, — пробормотала миссис Грин, кутаясь в одеяло. — Заморозки обещают.

Эдвард поцеловал в висок вновь провалившуюся в мир снов жену.

Через полтора часа он уже говорил с дежурным врачом провинциальной больницы. Еще через пять минут был в палате пострадавшего.

Оливер спал под действием обезболивающего и целительских чар. Сплетенный им щит, пусть и не идеальный, значительно смягчил последствия выстрела в голову, самым существенным из которых стало сотрясение мозга. Лобная кость у милорда Райхона оказалась крепкая, так что ограничилось все парой микротрещин. Крупных сосудов пуля не задела. А разорванную кожу местные целители уже сшили, и претензий к их работе у Грина не нашлось.

— Через две недели будет совершенно здоров, — уверенно заявил дежурный доктор.

Эдвард с ним согласился бы, но понимал, что Оливер будет категорически против такого срока, а оставить проблемного пациента местным не позволяла профессиональная солидарность.

К тому же огласка по-прежнему не нужна.

Об этом напомнил Грину один из ребят Арчи, как Крейг называл занимавшихся делом агентов секретных спецслужб. Немолодой, интеллигентного вида мужчина вызвал Грина из палаты, передал привет от лорда Арчибальда и порадовался тому, как кстати доктор появился на месте несостоявшейся трагедии. Спросил, возможно ли переправить милорда Райхона в академию, и обещал в этом всяческое содействие.

Взвесив все «за» и «против», Эдвард решил, что порталный переход

со страховкой целителя Оливеру сильно не навредит.

Очнулся пострадавший уже дома и с ходу угодил под опеку взявшего на себя миссию сиделки Крейга. А мистер Грин успел вернуться в супружескую спальню, раздеться и влезть под одеяло за пять минут до того, как миссис Грин вскочила по звонку будильника, стукнула мужа подушкой и обозвала соней.

Произошедшее после выстрела Оливер помнил смутно. Казалось, пуля расколола череп на тысячи осколков, и незнакомый целитель, худое лицо которого в какой-то момент всплыло перед глазами на фоне высокого белого потолка, собрал эти осколки вразнобой, а после долго сколачивал гвоздями. Страшно было представить, что за конструкция получилась.

Но на ощупь голова не очень отличалась от той, что была раньше. Только над левой бровью высилось что-то мягкое и явно чужеродное.

— Краше прежнего будешь, — заверил Крейг, непонятно каким образом оказавшийся в спальне Оливера. Впрочем, как он сам тут оказался, Райхон тоже не помнил.

— Почему краше? — спросил, облизнув пересохшие губы.

— А как еще со звездой во лбу-то?

Наверное, старик шутил, но смысла шутки Оливер не понял. А это уже настораживало.

— Что со мной? — спросил он прямо.

— Плохо? — участливо осведомился Крейг. — Эд предупреждал. Порталами тебя тащить пришлось в довершение ко всему. Но сказал, отпустит скоро. На вот, — сунул под нос стакан, — выпей. Доктор наш велел.

Питье было горькое, но шум в голове после него постепенно стих, а детали черепа как будто встали на место.

— Говорил тебе, не суйся к этой дамочке, — бурчал над ухом старик. — Чутье у меня на такое. Жаль, не всегда срабатывает, но если уж есть...

— Ее задержали?

— Угу. Ты и задержал, выходит. Хорошо приложил, как мне сказали. Сейчас она не меньше тебя должна головой маяться. Парни Арчи, что за домом наблюдали, как эхо удара засекли, кинулись сразу к вам. Тебя к целителям направили, ее — куда надо. А остального, прости, не знаю.

— Эхо засекли? — Оливер осторожно коснулся беспокоившего его бугра над бровью. Теперь, когда в мозгах прояснилось, стало понятно, что это просто повязка. — А выстрел?

— Шумовая защита.

Мисс Блейн хорошо подготовилась к встрече. Оливер вспомнил, как она отходила от двери, прежде чем впустить его. Видимо, тогда и сунула в карман револьвер и установила полог тишины. Получается, уже тогда предполагала, что будет стрелять? Но почему?

— Мозги не напрягай, — посоветовал Крейг. — Подождем, что она сама скажет. — Присел на кровать рядом, стиснул с неожиданной силой плечо. — Ты хоть понимаешь, что тебя чуть не убили?

И отошел тут же. Отвернулся.

Стало стыдно за то, что и правда чуть не умер. Подвел бы старика, академию. Нелл. Вернулась бы она, а его тут убили...

— Куда? — Инспектор резко обернулся, услышав скрип кровати. — Лежи. Эд сказал...

— В ванную. Нужно.

— Дойдешь? — Старик оглядел его придирчиво и кивнул: — Не запирайся только.

Из зеркала над раковиной смотрела небритая осунувшаяся рожа. Повязка на лбу. Левая бровь припухла, глаз заплыл. Но в целом не так все и плохо.

— Могло быть и хуже, — подтвердил Грин, сменивший после полудня Крейга. — Но несколько дней придется провести в постели.

«Звезду» из швов целитель, сняв бинты, обработал чем-то жгучим. Сказал, что шрам останется, но со временем можно будет сделать его незаметным, а пока прятать под иллюзией.

Оливер спросил, нет ли новостей, но Эдвард лишь руками развел.

Новости принес вернувшийся через час инспектор.

— Лежишь? — спросил, поглядев на Оливера. — Хорошо, что лежишь. И ты, — обратился к Грину, — сиди, не вставай.

— Есть что-то? — встrepенулcя от такого вступлeния доктор.

— По Эмме Блейн? — понадеялся Оливер.

— Есть и по Эмме Блейн. — Крейг приподнял, чтобы он увидел, пухлый конверт. — Есть по Рейчел Лавон. Вам про которую рассказать? — И, пока ректор и доктор обменивались непонимающими взглядами, решил: — А расскажу-ка про обеих.

Эмма Блейн была старшим ребенком в семье, но для отца (матери она лишилась в восемь лет) на первом месте всегда был ее брат — Джордан. Сын. Мужчина. Наследник. Тот, кто после смерти родителя должен был продолжить его дело. На него возлагались огромные надежды, ему

доставались лучшие подарки и вся отцовская любовь. Эмма не роптала. Отец был для нее непререкаемым авторитетом, и его решения не подлежали сомнениям и критике. Но девушка, как могла, старалась заслужить его внимание. Например, поступила на алхимический факультет Глисетского университета, хоть мечтала заняться артефакторикой и обладала необходимыми для этого способностями. Просто алхимия в семейном деле была нужнее.

А Джордан ни с того ни с сего пошел на демонологию, совершенно никакого отношения к промышленности не имеющую, и все равно остался отцовским любимчиком. Но Эмма к тому времени уже относилась к этому как к должному, поверив и в свою заурядность, и в исключительность брата. Отец ведь не мог ошибиться в выборе.

Даже когда увидела брата в госпитале, обессиленного, практически досуха выпитого бездной, когда узнала, что он сделал, верила, что всему случившемуся найдется объяснение, которое в очередной раз подтвердит, что Джордан прав. И отец, считавший Джордана лучшим, прав.

Но объяснения не нашлось. А отец велел молчать обо всем. Или говорить, что произошел несчастный случай. Но у Эммы не очень хорошо получалось врать, поэтому отец потребовал, чтобы она оставила работу в университете. Сказал, что она может вернуться домой, если захочет, или пойти работать на один из его заводов, чтобы изучить дело изнутри, ведь теперь, когда Джордана нет, она — единственная наследница.

Эмма выбрала работу. Во-первых, возвращение домой предполагало появление на людях и участие в светских мероприятиях, а у девушки были определенные проблемы в общении. Во-вторых, ей по-прежнему хотелось заслужить отцовское расположение и уважение. Но, увы, хорошим алхимиком она так и не стала. Одно дело — лаборантка в университете, чьи обязанности заключались в том, чтобы подготовить инвентарь и реактивы для практических работ, а после убрать в помещении. Другое — технолог на химическом производстве. Там бы ее сразу раскусили и конечно же доложили бы обо всем отцу. К тому же и тут приходилось бы ежедневно встречаться с множеством незнакомых людей.

Мисс Блейн нашла выход.

В университете она была знакома с Рейчел Лавон — бедной, но талантливой студенткой алхимического факультета. Когда Эмма увольнялась оттуда, Рейчел как раз получила диплом и собиралась подыскать место в университете. У Эммы имелось предложение получше. Они с Рейчел ходили друг на друга, как только могут быть похожи некрасивые девушки одного типа внешности, одинакового роста и схожей

комплекции, — то есть были практически неотличимы. Это ведь к красавицам присматриваются, запоминая каждую черточку от изгиба бровей до формы ушей, а по особе ничем не примечательной скользят бегло взглядом, чтобы после вспомнить в лучшем случае, какого цвета были у нее глаза. А у Эммы с Рейчел и цвет глаз совпадал. Самой яркой отличительной чертой одной из них был след от ожога на руке, но за хорошее вознаграждение можно потерпеть и ожог...

— Хотите сказать, я встречался не с Эммой, а с Рейчел? — недоверчиво спросил Оливер. Рассказ Крейга, который тот вел неспешно, подглядывая в бумаги, что разложил веером у себя на коленях, казался невысказанной выдумкой.

— Эмма Блейн уж восьмой год как мертва, — ответил старик. — Считай, сама себя обхитрила.

Работа работой, но отец не мог позволить, чтобы будущая владелица семейного дела существовала на одно жалованье. Купил ей дом, назначил содержание. Эмма жила в тишине и покое, наслаждаясь обществом книг и отсутствием людей, Рейчел постигала тонкости производственных процессов, а папаша Блейн, не имея ни времени, ни желания лично наведываться в провинцию, получал с завода похожие на хвалебные оды отчеты о способностях дочери. И почти три года все были счастливы.

А потом мистер Блейн внезапно скончался.

Для его дочери новость стала ударом. Рейчел отпаивала ее успокоительным, а после поехала вместо нее на похороны и оглашение завещания. А вернувшись, застала Эмму пакующей вещи. Мисс Блейн, справившись с потерей и пережив горечь утраты, вдруг осознала, что теперь не должна никому и ничего доказывать, работа ей больше не нужна, а книги можно читать где угодно.

Дублершу она обещала отблагодарить за помощь, выплатить некую сумму и обеспечить место на одном из предприятий концерна, только не на том, где мисс Лавон знали под именем Эммы Блейн. Выгодное предложение, но Рейчел уже вжилась в роль и решила не довольствоваться малым, когда можно получить все и сразу.

— Убила она ее, — сказал Крейг то, о чем Оливер с Эдвардом и сами уже догадались. — Труп в ванне какой-то дрянью засыпала и водой смыла. Такая вот химия-алхимия. После решила выждать чуток и за наследством податься.

— Восемь лет выжидала, — хмыкнул Грин. — Не много ли?

— Немало, — согласился инспектор. — Говорит, боялась разоблачения. Хотела, чтобы настоящую Эмму совсем забыли. А оно ить не забывали. В гости наведываться стали — сами понимаете, наследница, да еще и с таким условием, чтобы при муже, значит. Кого получалось подобру-поздорову спровадить, а кого и... в ванну. Дом она продала два года назад. Призраки ей там мерещились. Пятерых она еще после мисс Блейн... Перебралась в квартиру от завода. Рассудила, что так лучше перед коллегами примелькается как Эмма...

— А те пятеро? — Оливер приподнялся на постели. — Никто не обратил внимания, что рядом с этой особой пропадают люди?

— Выходит, не обратили. Я так думаю, люди те не особо распространялись, куда едут и зачем. Что на богатую невесту охотятся, рассказывают тогда, когда добыча уже в руках, а загодя чего болтать? И не в один день все случилось, даже не в один год. А еще думаю, что там и случайные жертвы место имели. Глянул кто косо, слово сказал невпопад. С головой у нее вряд ли все ладно было. Паранойя — так, кажется, называется? Все ей чудилось, что следят за ней. А в последние дни и не чудилось. Следили ведь. А потом милорд наш явился. И что сказал?

— Что? — задумался Оливер.

— Не помнишь уже? А убийца твоя несостоявшаяся помнит. С хорошим менталистом каждое словечко вспомнишь. Ты, твердолобый наш, с порога начал ей про справедливость вещать, про полицию да про какую-то загубленную девушку. О чем она, по-твоему, подумала?

Не о Хелене Вандер-Рут — это точно.

Боль с новой силой ударила в голову. Оливер откинулся на подушки и зажмурился.

— Значит, все зря, — открыв глаза, сказал потолку.

— Не зря, — не согласился Крейг. — Убийцу вот благодаря тебе поймали. Неизвестно, скольких еще людей спасли. Она ведь долго еще не успокоилась бы, так и продолжала бы народ на химикалии изводить. А что до нашего дела, то и тут кое-что есть. Эмма записи вела, вроде дневника. Рейчел их не выбросила, хранила с другими бумагами. Записки мутные, конечно, непосвященный себе голову сломает, но если знать, что искать... Ты про «Солнечный свет» говорил, помнишь? Думал, Хеймрик его Хелене подсунул. Так вот: не он.

— Эмма?

— Разбиралась она в таком. Услыхала от доктора, что Хелене любая магия во вред, а папенька страдал, что девушка выживет, да всех их

ославит... Тоже ведь информация?

Оливер согласно прикрыл глаза, лишь бы старик отстал.

Информация, да. Но какой в ней толк?

Вот так и погиб бы, глупо и бесполезно, даже не из-за Нелл, а из-за незнакомой затюканной папашей девицы.

Эта мысль надолго испортила настроение, но хандра, как ни странно, сыграла добрую службу. Оливер не рвался опять проявлять инициативу, не просиживал допоздна в кабинете, по сотому разу перечитывая материалы дела, а послушно лежал в постели, пил лекарства, ел то, что ему подсовывали Крейг и Грин, и, по словам доктора, стремительно шел на поправку.

Четверг, пятница, потом выходные, а в понедельник можно будет появиться в ректорате. Но у судьбы опять были на него другие планы.

ГЛАВА 29

Гости пожаловали в субботу около полудня.

Услыхав звонок в дверь, Оливер сначала удивился (что инспектор, что Грин входили сами, а никого больше он не ждал), потом, утомленный больше апатией, чем болезнью, хотел проигнорировать незваного посетителя, но тот продолжал терзать колокольчик, и стоило хотя бы взглянуть, кто там такой настойчивый и бесстрашный.

Оливер нехотя встал с кровати и накинул домашний халат. Спohватившись, задержался у зеркала, чтобы замаскировать след от пули. Эдвард обещал на днях снять швы, но шрам останется надолго, так что подобные манипуляции следовало возвести в привычку.

Увидев в окно, кто стоит на пороге, удивился еще раз и подумал, не одеться ли, но это заняло бы время, в течение которого гость, а точнее, гостья, судя по уже проявленному упорству, вряд ли уйдет, а вот голова взорвется от несмолкаемого трезвона. Поэтому запахнул плотнее халат, пригладил волосы и пошел открывать.

— Добрый день, милорд, — лучезарно улыбнулась леди Каролайн и, не оставив Оливеру шанса произнести ответное приветствие, спросила тут же: — Вас еще интересует та татуировка?

Он успел позабыть о просьбе, с которой обращался к полуэльфийке, к тому же Нелл уже объяснила ему смысл печати, но ответ «Нет» означал бы, что прелестная дочь эльфийского посла напрасно отложила свои дела, чтобы прийти сюда в выходной день.

— Интересно. Входите, пожалуйста.

— Это лишнее, я ненадолго, — покачала головой красавица, в повседневной жизни ничем не напоминавшая Дикую Кошку из бойцовского клуба. Впрочем, и на эльфийку она при первом взгляде не походила: волосы у нее были темными, а не белыми, глаза синими, а не прозрачно-голубыми, а кожа на щеках гладкой и нежной, без рисунков, коими боги отмечали детей старшей крови. Но характер и манера общения у нее были воистину эльфийскими. — Меня просили задать вам два вопроса.

— Кто?

— Тот, кто может рассказать о татуировке, — удивилась непониманию собеседника полуэльфийка. — Первый вопрос: вы видели рисунок своими глазами?

— Да.

— Тогда второй: при каких обстоятельствах?

— Прошу простить меня, леди, но...

— Вы собираетесь отвечать? — перебила она требовательно.

— Нет, — сказал Оливер коротко. Он и со здоровой головой предпочитал с эльфами не общаться, а теперь и подавно не имел желаний разгадывать ребусы. И вопросы такие ему не нравились.

— Всего доброго, милорд. — Леди Каролайн крутанула на запястье браслет — телепортационный артефакт — и исчезла.

Оливер пожал плечами, закрыл дверь и побрел в спальню. Но не успел он дойти до кровати, как в дверь опять позвонили. Долго ли, когда у тебя такой браслет? А кто-то вынужден на своих двоих туда-сюда бродить!

Мысленно ворча на полуэльфийку, он вернулся к двери, натянул вежливую улыбку, открыл и замер от неожиданности: стоявший перед ним мужчина не имел ничего общего с леди Каролайн.

Не считая того, что он был эльфом.

— Ты мне не нравишься, — с ходу заявил незнакомец. Двумя пальцами толкнул мага в грудь, заставляя посторониться, и прошествовал мимо него через прихожую и небольшой квадратный холл напрямиком в комнаты.

Оливер озадаченно ощупал скрытый иллюзией шрам и двинулся следом.

Ситуация скорее удивляла, чем возмущала. Подобная бесцеремонность была несвойственна эльфам. Чужак вошел в гостиную, снял потертый кожаный плащ, оставшись в совершенно не эльфийских широких штанах и сером вязаном жакете, плащ швырнул на кресло, а сам уселся в соседнее. Протянул к камину длинные ноги в сбитых сапогах.

— Могу я предложить вам чай или кофе? — Оливер изобразил услужливую улыбку.

— Илдредвилль.

— Что, простите?

— Не что, а кто. Илдредвилль — это я.

— Оливер Райхон, — представился маг.

— Знаю. — Эльф одарил его мимолетным взглядом. — Лорд Эрентвилль, его дочь и ее жених многое о тебе рассказали. Они считают тебя неплохим человеком. Но мне ты не нравишься.

Сказано это было без всяких эмоций, будто между прочим, но длинноухие обычно лишь так и говорили.

— Что ты сделал с моей Хейлин? — так же безучастно поинтересовался гость.

Имя он исковеркал, как нередко поступают с людскими именами эльфы, но догадаться, о ком речь, труда не составило. А заодно и понять, кто этот странный нелюдь, явно неслучайно появившийся вслед за леди Каролайн и разговорами о печати. И если Оливер не ошибся в выводах и это действительно тот самый эльфийский целитель, который вернул Нелл к жизни после того, как от нее отказались доктора-люди, можно было простить ему и беспардонное вторжение, и недружественный настрой. И брошенную небрежно одежду. Но Оливер непочтительно скинул плащ эльфа на пол и уселся в освободившееся кресло.

— Она ваша? — спросил, отчасти невольно, отчасти намеренно копируя невозмутимый тон собеседника.

— Моя.

— С чего бы это?

— По тому же праву, по которому дети принадлежат родителям, а сломанные и выброшенные часы — тому, кто их нашел и починил. Но праву данной жизни.

— Не совсем понял, вы сейчас сравнили Нелл с ребенком или со сломанной вещью?

— Ты мне не нравишься, — в третий раз повторил эльф. Голос его не дрогнул, прозрачный лед глаз был все так же холоден, но тонкие белые шрамы, формировавшие на его щеках сложный рисунок, чуть заметно зашевелились. — Но ты не такой дурак, каким хочешь казаться. Все ты понял. Хейлин — сломанный ребенок, выброшенная жизнь. Я нашел ее и починил. Ее не было бы без меня. Значит, я в ответе за то, что она есть. И за то, как она есть. Виновен в новой боли, которую ей могут причинить. И в той боли, которую может причинить другим она.

— Когда вы видели ее в последний раз?

Застывшее лицо эльфа можно было счесть признаком удивления.

— Три года назад, — ответил он. — Или четыре.

— У вас странное представление об ответственности. Бросили ее на несколько лет, а теперь появляетесь и предъявляете какие-то права.

— Я ее не бросал. Я оставил ее у хорошего человека. У другого своего человека. Я не смог исцелить его до конца и подумал, что Хейлин сумеет.

Видимо, у длинноухого целителя было немало «своих людей», и их истории перепутались в его голове. Ведь на самом деле не Оуэну Лэндону, а Нелл нужна была реабилитация после долгого лечения.

— Считаешь, знаешь об этом лучше меня? — Эльф продемонстрировал подобие ироничной усмешки, а Оливер вздрогнул от незнакомого ощущения, словно ледяной взгляд нелюдя прожег его

насквозь, высветив тайные мысли. — Когда я познакомился с Лэндоном, у него была пуля в боку и дыра в сердце. Пулю я вытащил, это было легко. А дыру залечить не смог. С этим справился бы только другой человек. А Хейлин просто замерзла. Ей надо было согреться и место, где демоны прошлого ее не нашли бы. Они с Лэндоном могли помочь друг другу, но она была нужна ему больше, чем он ей.

— Оуэн Лэндон погиб больше двух лет назад.

— Я знаю. Люди часто умирают. Иногда я возвращаюсь к своему человеку, а его уже нет. Поэтому я редко возвращаюсь. Мне сообщили, что Лэндон умер, а Хейлин уехала. Я подумал, что если она не сломалась опять без него, то уже достаточно отогрелась, и не стал ее искать. А потом мне сказали, что кто-то интересуется ею и моей печатью. Мне это не понравилось. И ты мне не понравился сразу, как только я о тебе услышал. И сейчас не нравишься, потому что так и не ответил на вопрос. Что ты сделал с моей Хейлин, проклинатель?

— Ничего.

Так и было. Он не сделал ничего, чтобы она научилась доверять ему. Ничего, чтобы ее удержать. Пытался, но не смог.

— Ты мне...

— Не нравлюсь. Я помню.

Эльф почти по-человечески покачал головой.

— Я хотел сказать, что ты мне не лжешь и поэтому начинаешь нравиться. Но ты нетерпелив и опять не нравишься мне. Ты не сумел дождаться, пока я закончу фразу. Ничего удивительного, что ты не дождался, пока Хейлин отогреется рядом с тобой. Начал искать, расспрашивать. Не только о печати ведь? Ты не солгал, но «ничего» — неправильный ответ. Ты разбудил ее демонов. Она отдала свою прошлую жизнь, чтобы они ее не нашли. Отдала семью, друзей, имя. Из-за тебя эта жертва напрасна, ведь демоны вернулись.

— Что мне делать?

— Ничего. Только теперь по-настоящему ничего. Зло идет не за Хейлин. Оно идет за тобой. И найдет ее, если ты ее найдешь. Не ищи.

— Это не решение.

— Для тебя, — уточнил эльф. — А для Хейлин? Разве не об этом она тебя просила?

— Если вы все знаете, зачем пришли? — огрызнулся Оливер. Надоело изображать эльфийскую невозмутимость.

— Я не знаю всего, — парировал нелюдь. — А того, что знаю, не узнал бы, не встретившись с тобой. Ответы не берутся из ниоткуда. А еще я

хотел посмотреть на тебя и убедиться, что не ошибся. Но я редко ошибаюсь, проклинатель. Ты — не тот человек, с которым я оставил бы Хейлин. В тебе мало тепла, чтобы ее согреть. Ты не спрячешь ее от демонов, потому что не привык прятаться. А она не нужна тебе, чтобы залечить дыру в сердце, потому что в твоём сердце нет дыры.

— Она мне нужна.

— Немного, — согласился странный гость. — Но ты справишься и без нее. А она найдет того, кому будет нужнее. У Хейлин редкий дар — делать жизнь вокруг себя жизнью. Ты же понимаешь, о чем я говорю? Кого-то может спасти этот дар. А ты не пропадешь и один, ты ведь привык к этому, да? Что ты сделал со своей предыдущей женщиной?

— Отдал тому, кому она была нужнее, — процедил Оливер. — Но я покончил с подобной благотворительностью.

В чем-то эльф был прав. Когда говорил о разбуженных демонах, о зле. О том, что жизнь рядом с Нелл становится жизнью.

Неужели, чтобы заслужить эту жизнь, нужно обзавестись сначала дырой в сердце? Оливер сказал бы, что у него появится такая дыра, если Нелл не вернется, но беловолосый нелюдь с ледяным взглядом знал, что это неправда. Дыры не будет — только пустота, за годы действительно вошедшая в привычку.

— Тебе это не мешает? — спросил эльф.

Оливер покачал головой. Привычки, даже такие, не мешают. Иначе у них не было бы шанса стать привычками.

— Я говорю о нитках, торчащих из твоей головы. — Целитель вытянул в его сторону длинный палец. — Выглядит глупо. Будто у тебя череп набит ветошью, и растрепавшиеся края лоскутов лезут наружу.

На самом деле швы выглядели вовсе не так ужасно: аккуратные узелки, короткие тонкие ниточки. Видимо, эльф хотел сострить, заодно продемонстрировав, что способен видеть сквозь иллюзии. Но последнее, наряду с тем что длинноухий находил ответы на незаданные вопросы в мыслях собеседника, не удивляло.

— Глупо выглядит, — повторил эльф. — И ты кажешься глупым.

Оливер моргнуть не успел, а беловолосый уже стоял у его кресла. Одной рукой взял за подбородок, в мгновение лишив возможности двигать не только головой, но и любой частью тела, а второй потянулся к швам и принялся без инструментов и обработки выдергивать ногтями нитки. Крутил в пальцах извивающихся шелковых червячков и бросал прямо на ковер.

В отсутствие боли происходящее казалось чем-то нереальным. Оливер

подумал, не напутал ли он после завтрака с дозировкой лекарства. Это все объяснило бы. И странного эльфа, и не менее странную беседу, и текущее странное действие.

А потом боль прорезалась все-таки. Но не такая, какая бывает, когда снимают швы и тянут приросшую кожу, нет. Она родилась не снаружи, а внутри и усиливалась и разрасталась до тех пор, пока не заполнила обездвиженное тело. А когда казалось, что терпеть ее нет уже сил, над ухом раздался голос эльфа:

— Я не хочу ошибиться, проклинатель. Давай проверим? Позови ее. Если Хейлин действительно нужна тебе, она услышит. Если ты нужен ей — она отзовется.

И боль пропала без следа.

Вместе с болью пропал и эльф. И плащ его, валявшийся на полу. И сам пол. Стены и потолок тоже исчезли, и, видя все это, Оливер понял, что и его тут нет.

Все, что осталось от него, — одна мысль. Одно слово. Одно имя.

Одно желание: отзовись!

Ветер дул с севера. С моря. Нес с собой снег и тонкие ледяные иглы, с резкими порывами вонзавшиеся в лицо. Черные волны ворочали льдины. В стылом воздухе разносился раскатистый треск белых глыб и жалобный стон измотанной штормом воды. Небо спряталось за низкими облаками, и если вчера солнце еще проглядывало сквозь них блеклым пятном, то сегодня невозможно было угадать, где оно теперь, и есть ли вообще.

Только безумец вышел бы при таких условиях в море, но Нелл уже убедилась, что окружена безумцами.

Погодные артефакты сработали безупречно, сигнал о приближающемся шторме пришел, и времени оставалось достаточно, чтобы убрать с берега лодки, укрепить шалашики-коты, загнать под крышу собак и спрятаться самим, в тепле пережидая ненастье, которое обещало надолго не затянуться. Шторм шел на восток и расположенный на побережье поселок задевал лишь краем. Два-три дня, как сказала Нелл старшему артели. Неужели это так много? Неужели человеческие жизни стоят дешевле моржового бивня или шкуры морского зайца?

Нет, не дешевле. Просто «госпожа маг» — женщина хрупкая и робкая, выросшая в городах и не нюхавшая соленого морского ветра, вот и паникует почему зря. А они, охотники, если бы боялись того, что она зовет непогодой, вели бы промысел исключительно летом, когда зверь на лежбища идет. Только шкуры, жир и бивни — товар ходовой, в том числе и

у магов, и летней добычи на все нужды не хватит. Потому и живут тут круглый год и круглый год в море выходят.

Все это втолковывали Нелл как ребенку, после чего отправили заниматься «своими магическими делами». Успокоили напоследок, что, если бы и впрямь шторм приближался, собаки уже выли бы.

Сегодня поутру, невзирая на усилившийся с ночи ветер, две лодки вышли в море. А через два часа, когда к ветру добавился колючий снег, в поселке завывали собаки.

«Идиоты!» — ругалась Нелл мысленно, не размыкая растрескавшихся на морозе губ. Закрывала рукавицей лицо и топала сквозь снег к амулетным столбам. Растапливала покрывавший поисковые сферы лед и отслеживала заблудившихся охотников — тех самых идиотов, которые сейчас играли бы в карты в своем бараке, если бы магом у них был суровый бородатый мужик, а не она, хрупкая и робкая. С бородатым мужиком не спорили бы. Не улыбались бы снисходительно в ответ на его предупреждения.

«Да пропадите вы пропадом!» — бросала она в сердцах, и заиндевелые ресницы смерзались, мешая рассмотреть пронзающие снежную завесу лучи поиска.

«Только посмейте пропасть!» — грозилась, ловя эхо установленных на лодках амулетов.

«Сама убью!» — и прокладывала сквозь движущиеся льдины дорогу для тех, по чьей милости не чувствовала уже ног.

Охотники отошли не слишком далеко. Первая лодка вернулась по путеводному лучу спустя час после того, как Нелл настроила поиск.

Вторую она по-прежнему видела в полумиле от берега, и установленный на ее носу амулет еще светился, но лодка не двигалась. Возможно, охотники причалили к одному из островков, тех самых, где по лету устраивают лежбища моржи, и решили там переждать шторм. А возможно, их лодку зажалось льдинами.

Суровый бородатый мужик, проработавший на севере не один год, знал бы, что делать. У хрупкой и робкой женщины подобных знаний не было. Все, что она могла, — влить еще силы в поисковые артефакты, сохраняя сигнал, и вычертить следами на снегу линию ограждения, чтобы хоть немного сдержат шквальный ветер, норотивший снести не только превратившиеся в сугробы коты, но и более тяжелые постройки.

Старший артели подошел к ней, когда заслон был готов. Видно, выйдя из барака, решил, что шторм пошел на убыль, но, приблизившись к прозрачной стене, сквозь которую, словно через сито, стихая, просачивался

ветер, понял свою ошибку. Собирался сказать что-то, но Нелл посмотрела на него из-под надвинутой на брови шапки, и охотник, опустив голову, побрел обратно к бараку.

Хотелось со злостью швырнуть ему в спину сгустком огня, но Нелл берегла силы, хоть и не представляла, на что еще их можно потратить. Стояла у заслона и всматривалась в белую мглу над черным морем.

Завтра ветер стихнет. Быть может, уже сегодня к вечеру. Но продержатся ли столько времени люди?

Люди, до которых ей не должно быть и дела. Которые сами виноваты.

Сами — ее вины тут нет.

Она сделала все по протоколу. Зафиксировала показатели погодных артефактов, поставила в известность старшего в лагере. Она сделала все и даже больше: возвращать лодки не входило в ее обязанности, она отвечает за то, что происходит в поселке, а не в море. А значит, никто не обвинит ее, если кто-то останется в море навсегда.

«Я сделала все, что в моих силах», — сказала она себе и не поверила собственным словам. Как тогда, когда умер Оуэн.

«Я просто не гожусь для такой работы», — решила она, выходя за границу, о которую разбивался ветер.

«Это дело для сильных магов и сильных мужчин, а я — женщина, хрупкая и робкая», — думала она, спускаясь к берегу.

«Но я могу рискнуть, — продолжала она, посылая вперед поисковый луч. — У тех охотников, наверное, есть жены и дети, матери и отцы, братья и сестры. А по мне никто не будет скучать, если ничего не получится».

Ветер ударил в лицо, будто пощечину отвесил, пытаясь вразумить. В грудь толкнул: не суйся. Ты тоже не одна. И о тебе есть кому грустить.

«Думаешь?» — усмехнулась Нелл мысленно.

«Знаю», — ответил ветер. Толкнул снова, заставив отступить на шаг, но не отступить.

«Я могу перемещаться из одной видимой точки в другую, — сказала Нелл ему и себе. — А могу попробовать настроиться сразу на лодку. Раньше у меня не получалось, но, говорят, в экстремальных ситуациях способности усиливаются»...

Был бы тут Оливер, он решил бы проблему в два счета. Амулет на носу лодки — лучший маяк. Даже она его чувствует, хоть и не уверена, что сумеет нащупать связь и проложить канал, а Оливер не сомневался бы, давно уже телепортировался бы туда и обратно и вытащил бы и охотников, и их лодку. А потом бы и Нелл вытащил из этой заснеженной, всеми ветрами продуваемой дыры. Все равно куда, лишь бы там было тепло...

Тепло и он... Был бы он, а ей будет тепло рядом с ним даже в сердце бурана...

Но такого никогда уже не будет. И не важно, получится ли что-нибудь из ее отчаянной задумки или нет, он об этом не узнает.

Потому и не важно.

Нелл зажмурилась, пожелала увидеть лодку и амулет на ее носу и заставила его вспыхнуть ярче. Оставалось шагнуть навстречу свету, но она замешкалась. Страшно было. Страшно и тоскливо, и Оливер вспомнился не вовремя. И это его «Ты со мной или я с тобой»...

«Я с тобой», — послышалось как наяву, и Нелл улыбнулась, чувствуя, как лопаются на губах кожа, а из сердца уходит страх.

Чего бояться, если он с ней? Далеко, но все-таки рядом.

— А я с тобой, — прошептала она.

Задержала дыхание и сделала шаг...

Оливер вскочил на ноги, но стоявший рядом эльф с силой надавил на плечи, вновь возвращая в кресло.

— Куда ты так торопишься, проклинатель?

— Нелл, она...

— Услышала, — кивнул нелюдь. — И ответила. Значит, я не ошибся.

Кажется, только что он уже говорил, что не ошибся, когда утверждал, что Оливер — не тот человек, который нужен Нелл.

— Нитки ни при чем, — вздохнул целитель. — Ты сам по себе глуп. Я не ошибся ни тогда, ни сейчас. Ты не тот человек, который нужен Хейлин, но она выбрала тебя. Я не ошибся, когда думал, что это возможно. И не ошибся, когда решил встретиться с тобой и дать тебе небольшую подсказку.

Подсказка!

Нелл где-то на севере, в каком-то охотничьем поселке, который накрыл шторм, рвется спасать каких-то придурков, потерявшихся во льдах, а ведь телепортацию она так и не освоила, и спасать нужно ее!

Оливер вновь попытался подняться, но эльф опять не позволил.

— Чтобы успеть, необязательно торопиться, — сказал он. — То, что ты видел, еще не случилось. И может быть, не случится. Или случится не так. Я сам не знаю. Может, это не она, а ты должен быть на том берегу.

— Никто там не должен быть. Я заберу Нелл...

— Откуда? Ты знаешь, где она? Я — нет.

Видимо, это стоило понимать как то, что новых подсказок от него ждать не стоит. Но и этой хватит, если использовать полученную информацию с умом.

Эльф ему больше не препятствовал, и Оливер наконец-то смог встать. Посмотрел на целителя в упор:

— Когда произойдет то, что я видел?

— Если произойдет, — поправил эльф. — Через час. Или через год. Но, скорее всего, в течение ближайших дней.

— Будьте здесь, я сейчас вернусь.

Спешка и промедление могли навредить в равной степени, поэтому действовать нужно разумно и быстро. Право определять степень разумности он оставил за собой, а для того, чтобы ускорить события, требовалась помощь.

Он прошел в кабинет и, мысленно вознеся хвалу изобретателю телефонной связи, достал из стола записную книжку. Проще обратиться напрямую к лорду Аштону, но имелись и другие решения: было бы странно, если бы за все годы, что Оливер Райхон руководил Королевской академией, он не оброс всевозможными знакомствами и связями. Так что вице-канцлера решил пока не беспокоить.

Сначала разыскал бывшего преподавателя теории потоков, которого лет пять назад сманили в министерство, в отдел, занимавшийся правовым обеспечением трудовых соглашений. Близких отношений Оливер с бывшим коллегой не поддерживал, но при встречах крепко жал руку и расспрашивал о семье и здоровье, а года два назад поспособствовал карьерному продвижению теоретика, замолвив о нем словечко в разговоре с помощником министра. Естественно, делалось это без какого-либо умысла, зато сейчас можно попросить о небольшой услуге. Например, узнать имена магов, в последние три недели заключавших контракты на работы, связанные со зверобойным промыслом на севере королевства. Только имена и места назначения, условий контрактов разглашать не требовалось. Бывший подчиненный просьбе удивился, но не отказал. Пообещал поднять последние отчеты и, поскольку контрактов в обозначенный период времени на такие работы вряд ли заключено много, сказал, что передаст данные уже через пару часов.

Запросить погодную карту северных районов с прогнозом на неделю оказалось еще проще: немало выпускников академии трудились сейчас в ведомствах, в которых эти карты использовали, а трое — непосредственно в службе, где их составляли. Первый же, кому ректор дозвонился, с радостью согласился помочь.

Карту обещали передать порталной почтой (за счет получателя, естественно), а информацию о контрактниках — по телефону. Оливер прикинул, что, пока будет ждать, успеет найти в гардеробе теплые вещи. Но

до этого позвонил еще Грину и попросил того зайти.

— Думаешь, она заключила контракт? — спросил эльф, который, как оказалось, и не думал ждать в гостиной, а простоял все это время под дверью, слушая чужие разговоры.

— Уверен, — ответил Оливер. — Нелл работала с артефакторными столбами. Ключи от таких получают только при официальном найме, иначе любой проходящий мимо маг мог бы использовать их по своему усмотрению.

Да, она работала по контракту, в этом сомнений не было. Но кто подписал договор? Хелена Вандер-Рут мертва. Документы Элеонор Мэйнард остались в академии. Значит, в этот раз в договоре указано другое имя.

Но сколько бы имен ни было в запасе у Нелл, главное, чтобы не было запасной внешности. Если понадобится, он обойдет все конторы по найму и отыщет ее по приметам, которые у нее, как одна, особые.

— Ты упрямый. — Из уст эльфа это звучало как упрек.

— Какой есть.

— Ты не перестанешь дразнить ее демонов.

— Поздно переставать, им уже известно о Нелл.

— Тогда тебе придется сразиться с ними.

Оливер пожал плечами:

— Других вариантов я и не рассматривал.

— Если ты все решил, я могу уходить, — подвел неожиданный итог нелюдь. — Теперь ты будешь отвечать за Хейлин.

Будто и не о человеке говорил, а о котенке, которого пристроил в хорошие руки.

— Я же вам не нравлюсь, — напомнил Оливер. — Доверите ее мне? Не останетесь убедиться, что она жива и здорова?

Опыт общения с эльфами говорил, что от них не получишь информации больше, чем они хотят тебе дать. Но все же отпустить продемонстрировавшего неординарные способности целителя не хотелось. Возможно, для Нелл он сделает исключение и поможет найти ее демонов, чтобы Оливер знал, с кем ему сражаться.

— Вы могли бы погостить в академии, — предложил он. — У нас тут много всего интересного. И ваши друзья из посольства наверняка обрадуются, если вы задержитесь.

— Не обрадуются, — бесстрастно бросил эльф. — И интересного у вас нет. Для меня.

Хлопнула входная дверь, в коридоре послышались шаги, а за ними и

хрипловатый голос Грина:

— Что у вас снова случилось, Оливер? Надеюсь, оно стоит того, что я пропустил обед?

— Кто это? — наострил длинные уши эльф.

— Это? Это интересное.

ГЛАВА 30

От обеда Грин отказался не задумываясь: слишком взволнованным и воодушевленным был по телефону голос Оливера. С одной стороны, радовало, что милорд ректор распрощался с хандрой. С другой — ожидать от него теперь можно чего угодно.

— Эдвард, мы в кабинете, — отозвался хозяин.

«Мы», — отметил Грин. Значит, он — не единственный приглашенный.

— Спасибо, что пришли так быстро. — Оливер Райхон, взъерошенный, в домашнем халате, выскочил в коридор. — Мне нужна ваша помощь.

— А похоже, вы и без меня справляетесь. — Доктор внимательно оглядел своего самого сложного пациента. — Как вы сняли швы?

— Это не я. Пойдемте, познакомлю вас кое с кем.

— Ну пойдете.

Швы убрали чисто, сгладили рубец. Эдвард и сам не сделал бы лучше, но все равно собирался высказать неизвестному целителю, что нельзя вот так, без согласования с лечащим врачом, вмешиваться в процесс исцеления.

Высказал бы, если бы пришлось иметь дело с человеком. С эльфийскими целителями Грин до сего дня вообще дел не имел.

— Это — лорд Илдредвилль, — представил Оливер эльфа, которого можно было бы принять за бродягу, не будь он, собственно, эльфом. — А это — Эдвард Грин, мой друг и доктор.

Беловолосый приблизился к Грину и молча рассматривал его, чуть склонив к плечу голову.

— Лорд Илдредвилль — тот самый целитель, который вылечил Нелл, — сказал Оливер.

— Не вылечил, — не отводя от доктора взгляда, проговорил эльф. — Вернул жизнь.

Он не хвастался и не набивал себе цену, просто его народ помещан на точности определений, и Грин, читавший заключение медиков о состоянии Хелены Вандер-Рут после прорыва демона, согласился, что простым лечением девушке было не помочь.

— Ты отмечен эноре кэллапия. — Илдредвилль протянул руку и ткнул Эдварда пальцем в лоб. — Священным единорогом. Как это случилось?

— Это очень, очень интересная история, — с чувством заверил эльфа Оливер. — Доктор обязательно расскажет вам ее позже. И не только ее. Уверен, двум выдающимся целителям найдется о чем поговорить.

Что-то скрывалось за этой фразой. Выдающимся милорд ректор его еще не называл. Но Грин удержался от расспросов, поняв, что обещание беседы предназначено в первую очередь эльфу.

— Мне нужна помощь, — повторил Райхон то, с чего начал. — Я нашел Нелл. Почти.

Пока он рассказывал, как нашел, почему почти и что предпринял, чтобы уточнить сведения, полученные то ли из пророческого видения, то ли из болезненной галлюцинации, Эдвард молчал. Не было бы тут эльфийского целителя, он склонялся бы к версии галлюцинаций, но тот, кто через семь лет разглядел на нем магию единорога, вполне мог организовать и видение.

Когда Оливер стал объяснять свой дальнейший план, Грин не выдержал. Нет, он все понимал — как друг, как мужчина. Но как доктор был категорически против подобных авантюр.

— Вам не кажется, что стоит поставить в известность лорда Арчибалда? — спросил он. — Его люди все проверят и...

— И что? — В голосе Райхона прорезалась враждебность. — Заберут Нелл оттуда? Нет уж. Это должен сделать я. Я, а не кто-то другой.

— Конечно, вы. Но пусть вам помогут добраться до места. Понадобится транспорт...

Все оказалось еще хуже. Транспорт Оливер пользоваться не собирался. Хотел телепортироваться по стационарному каналу на ближайшую к охотничьему поселению станцию, а дальше прокладывать путь самостоятельно, ориентируясь на погодные указатели, карту которых уже успел запросить у какого-то знакомого.

— Если не получится нащупать маяк, буду перемещаться в пределах видимости. Сейчас без четверти час. На севере солнце садится раньше, но у меня еще есть примерно три часа до наступления темноты... Вернее, два, если карту и информацию о контрактах передадут в течение часа.

— Час, если передадут через два часа, а если передадут через три, пойдете в темноте, но не согласитесь подождать до утра, — понял Грин.

— Он упрямый, — сказал доселе не вмешивавшийся в разговор эльф.

— Это вы мне говорите? — Доктор невесело хмыкнул. Посмотрел на Илдредвилля: не предложит ли помощь? Эльфийские магмы способны на многое, что не под силу людям. Но эльф решил удовольствоваться ролью наблюдателя.

— Есть же какие-то способы сделать так, чтобы сгладить негатив от переходов? — спросил Оливер. — Предупредить приступы?

Ответ, каким бы он ни был, на уже принятое им решение не повлиял бы. Поэтому Эдвард сказал, что есть:

— Нужны накопители максимальной мощности. Проведем общую профилактику. Усилим сопротивляемость организма.

— А конкретно для переходов?

— Я приготовлю снадобье, эффект продержится пару суток.

Все процедуры заняли около получаса. Был соблазн усыпить неугомонного ректора, а самому связаться тем временем с лордом Арчибальдом, но Оливер такое проявление дружеского участия вряд ли оценил бы. А Эдвард его действительно понимал, хоть и не до конца поверил в правдивость видения.

Сомнения чуть улеглись, когда позвонил знакомец Райхона из министерства и передал имена магов-контрактников: в последние недели соглашение на работу в северных поселениях подписали пятеро. Среди них две женщины: Мартина Эшли и Эрика Нолан.

— Эрика, — тут же выбрал Райхон.

— Почему вы так уверены?

— Фальшивые имена берутся не из воздуха. Люди подсознательно опираются на какие-то ассоциации. Она назвалась Элеонор в прошлый раз, чтобы сохранить сокращенное имя — Нелл. А в этот раз взяла имя отца. Его звали Эрик. Эрик Вандер-Рут, вы же читали ее досье.

— А Нолан тогда откуда?

— Понятия не имею.

Когда посмотрели по карте, куда отправили обеих женщин, версия Эрики подтвердилась. Поселок из видения Оливера располагался на побережье, как и тот, куда отправилась мисс Нолан. Мартина Эшли сейчас должна была находиться на перевалочной станции в пяти милях от моря.

Вскоре доставили погодную карту, а с ней и новые доказательства в пользу Эрики: на ее поселок надвигался шторм. Карта была вчерашняя, но прилагаемые к ней прогнозы обещали, что штормовой фронт вскоре сместится к востоку, а самые благоприятные даже обещали, что он не коснется небольшого охотничьего поселения, однако Оливер не сомневался в том, что видел будущее, и оптимизма погодников не разделял.

— Все. — Он решительно отодвинул карты на край стола. — Сидя здесь, я ничего больше не узнаю.

Собрался Оливер быстро. Но не эта скорость удивила, он всегда был легок на подъем, Эдварда удивило наличие в его гардеробе подбитой мехом

куртки из плотной непромокаемой ткани, стеганых ватных штанов и высоких меховых сапог на толстой подошве. А еще — большого армейского ранца.

— Никогда не выбирались зимой в горы? — усмехнулся Оливер, заметив, каким взглядом Грин оценивал его экипировку.

— Нет, — признал доктор. — И не подозревал, что вы увлекаетесь подобным.

Видимо, он многого о нем не знал: открытость и общительность не входили в число достоинств милорда ректора.

— Эдвард, у меня к вам просьба, — сказал тот напоследок, уведя Грина подальше от оставшегося в кабинете эльфа. — Постарайтесь задержать лорда Илдредвилля до моего возвращения. Расскажите ему о единороге, поделитесь лекарскими секретами, устройте экскурсию по академии, только задержите. Мне кажется, он еще сможет нам помочь.

Чем и как, Эдвард не спросил. Беловолосый целитель волновал его сейчас в последнюю очередь. Тревожно было за Оливера, отправившегося в неизвестность. Доктор зачем-то обошел пустые комнаты, заглянул на кухню, убедился, что на плите давно ничего не готовили, а в зачарованном холодильном шкафу лежит лишь кусок подсохшего сыра, пообещал себе на месяц запереть Райхона в лечебнице, когда тот вернется, и направился к эльфу, на ходу раздумывая, чем того развлекать. Настроение было не то, чтобы рассказывать байки, и Эдвард, дабы выполнить просьбу друга, с удовольствием оглушил бы длинноухого, связал и запер в подвале. Но вряд ли после тот согласился бы еще в чем-либо помогать.

Хотя помог ли он сейчас?

— А ты? — спросил эльф. — Говоришь, твое снадобье поможет ему при телепортации?

— Поможет.

— Если он будет в это верить, — кивнул беловолосый.

Он ведь тоже целитель и понимает, что в отсутствие других средств и самовнушение творит чудеса.

— Он все равно пошел бы, — словно сам с собой беседовал эльф. — Даже если бы ты сказал ему, что твое снадобье — просто бодрящий напиток. Но так лучше. Пусть верит. Мы все правильно сделали.

— Мы?

— Да. Я тоже не стал говорить ему всего. Не стал говорить, что я не могу слишком глубоко заглядывать в будущее, чтобы он не думал, что не успеет.

— Что? То есть... — Эдвард сжал пальцы в кулак, а то схватил бы

длинноухого за грудки и как следует потрянул. — Он не успеет? Шторм уже накрыл поселок?

— Уже. Я лишь не знаю, пошла ли Хейлин за второй лодкой или еще стоит на берегу.

— Да чтоб тебя!

Оливер наверняка уже прошел станцию. Возможно, успел телепортироваться к первому погодному маяку. Снег и ветер его не остановят, скорее, заставят поспешить.

Решив, что прежние обещания в новых условиях теряют силу, Эдвард бросился к телефону и набрал номер столичного дома Аштонов. Лорд Арчибальд будет недоволен, но в помощи не откажет. Есть же в его подчинении кто-то, кто знает, что делать в такой ситуации?

Ответа на этот вопрос Грин не узнал. Снявший трубку дворецкий сообщил, что в столице прекрасная погода, и посему лорд Арчибальд и леди Оливия отправились с внуком на пароходную прогулку. Грэму удалось то, что не под силу простым смертным: вице-канцлер забыл о делах накануне выборов. Случись это вчера, Эдвард искренне порадовался бы. Но сегодня новость пришлась некстати.

Оставалось ждать и надеяться, что после прогулки по реке Грэм не потянет деда и бабушку в зверинец.

Ветер дул с севера. С моря.

Щурясь от летящего в лицо колючего снега, Нелл смотрела, как черные волны сталкивают друг с другом льдины.

Хорошо, что лодка не движется. Значит, она не в море, и ее не перемелют с треском ломающиеся глыбы.

Хорошо бы и Нелл держаться от моря подальше, ведь она не прочнее лодки.

Но решение уже принято.

Она вышла за заслон, спустилась на берег, нащупала впереди сигнал маячка. Теперь нужно стабилизировать связь и открыть портал. Нелл знала, что должна сделать, но медлила. Ждала чего-то. Не помощи, тут некому ей помочь. Знаменья? Подсказки? Поддержки?

Поддержка пришла с воспоминанием. С тем самым, что Нелл ежедневно гнала прочь и еженощно впускала в свои сны.

Оливер. Отчаянный до безумия, дравшийся до крови на ринге бойцовского клуба, рассекавший волны теплого моря и заплывавший далеко на глубину, удерживавший в энергетическом коконе взрыв, способный сровнять с землей целый корпус. Оливер не боялся бы. Он

ничего не боится.

И она не будет.

— Я с тобой. — Обветренные губы едва шевельнулись.

Оливер учил ее прокладывать каналы. Он хороший учитель, и у нее не может не получиться.

Нелл задержала дыхание и шагнула в открывшийся портал.

Ветер, не тот, что неистовствовал над побережьем, другой, сухой и горячий, подхватил ее, закружил, сбивая ориентиры. Уши заложило, а перед глазами стелился серый туман. Ничего не рассмотреть. Но нужно ли?

Сколько раз Оливер вел ее через этот туман? Может, он тоже не видел дороги, а просто знал, где хочет оказаться?

Нелл хотела бы оказаться рядом с ним. Но заставила себя думать о лодке, об амулете на ее носу, представлять, как его свет рассеивает клубящуюся впереди мглу. Когда смогла увидеть это как наяву, сделала еще один шаг...

...споткнулась обо что-то и полетела вперед, понимая, что даже рук выставить не успеет, только зажмуриться.

Ледяная вода обожгла лицо, сбила шапку и вымочила шубу, в секунду превратив ее в тяжеленный доспех. Но подогнувшиеся колени уже наткнулись на дно, и Нелл поднялась кое-как, отплевываясь и стуча зубами. Оглянулась и поняла, что ей все удалось. Она телепортировалась в лодку! Прямо в лодку, которую то ли бросили у самой воды, то ли ее отнесло сюда ветром. Телепортировалась, наткнулась на борт и упала. И вымокла, что практически сводило на нет радость от успеха.

Даже ошалелые лица охотников, прятаящихся от ветра за прибрежными валунами, не компенсировали холода.

«Чтоб вам сдохнуть!» — пожелала Нелл мысленно и неискренне, чувствуя, что если кто тут и сдохнет в ближайшее время, то это она.

— Сюда! — позвала срывающимся голосом. — Все!

Забралась обратно в лодку.

— Все, — прохрипела сердито. — Быстро.

Зубами стянула мокрые рукавицы и вцепилась в заледенелый борт.

— Держитесь за меня, — приказала нерешительно влезшим в лодку людям. — За меня и друг за друга...

«Боги, как же холодно, — выла мысленно. — Олли, мне так холодно. Ну скажи, зачем я тащу еще и эту дурацкую лодку?»

Их швырнуло на снег рядом с ближайшим к поселку амулетным столбом.

Люди загалдели. От барачков отозвались дружным лаем собаки. Старший артели бежал навстречу, обгоняя товарищей. Кинулся к Нелл и отлетел в сторону, сбитый с ног горячей волной — последнее заклинание, на которое ей хватило сил. Лепетал что-то о том, что был не прав, и если госпоже магу нужно что-нибудь...

— Шапка, — простучала зубами Нелл.

Шуба замерзала на ходу и скрипела. Волосы превратились в сосульки. Рук и стоп она не чувствовала. Но все-таки добралась до своей каморки самостоятельно.

— В тепло идите, заслон долго не простоит, — прохрипела от двери, не особо волнуясь о том, что ее могут не услышать или не понять, и ввалилась в желанное тепло.

Опустилась на пол у печурки. Долго ждала, когда сможет шевелить пальцами, чтобы избавиться от одежды. Сняла еле-еле. Бросила тут же, на пол. Из мешка достала рубашку, натянула и влезла под свои два одеяла. Хотела полежать, отогреться немного, а потом накрыться еще шкурами, но глаза слипались, и даже шевелиться было неохота.

Нет, она не уснула. Просто лежала, смежив веки и сжавшись в дрожащий комочек. Слышала голоса и собачий лай снаружи. После — тишину. Еще через какое-то время — шум усилившегося ветра: заслон упал. Затем, когда, казалось, никаких больше звуков, кроме этого шума, не будет, — снова лай и голоса.

Когда они стихли, пришел долгожданный сон. Погладил, как обычно, по влажным еще волосам, с нежностью провел теплыми пальцами по щеке.

— Спасибо тебе, — прошептала Нелл. Поймала его руки, поцеловала, прижала ладони к своим горящим щекам. — Спасибо. Я смогла, потому что ты со мной...

— Я с тобой, — сказал сон.

— А я с тобой, — всхлипнула она.

И уснула.

Ей снилось теплое море, стол под парусиновым навесом и темнокожая толстуха в тюрбане, жарившая на углях огромную, как лодка охотников, рыбу.

— Где ты нашел такую женщину? — спрашивала толстуха Оливера.

Он отвечал что-то, но Нелл не слышала: даже во сне она хотела спать. Поэтому она положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

С Оливером было спокойно и тепло. Хотелось прижаться к нему сильнее, обнять всего и сразу, и Нелл сначала забросила на него ногу, а

потом, подумав, забралась вся целиком, обняла за шею, устроила голову на широкой груди и сжала коленями его бедра.

— Я уже не такой твердый, как раньше? — спросил он.

Она улыбнулась. Хотела сказать, что не променяет его и на самую мягкую перину в мире, но наткнулась щекой на пуговицу на его рубашке и промолчала, задумавшись о том, что перина, возможно, все-таки лучше: на ней ведь нет таких неудобных пуговиц. Но менять Оливера на что-либо все же не хотелось, поэтому Нелл расстегнула мешавшую ей пуговицу и еще две и зарылась носом в волосы на его груди.

И проснулась.

Только пробуждение ничего не изменило: она по-прежнему лежала на мужчине, которому полагалось быть за тысячу миль отсюда.

— К-как? — простонала, желая, чтобы один из них тотчас растворился в воздухе, и одновременно до ужаса боясь, что именно так и случится.

— Долгая история. Порталами в основном.

— Ты...

«Не должен был искать меня! — прокричала мысленно. — Не должен был приходить! Ты мне не нужен! Совсем... Поэтому ночью я целовала твои руки, а сейчас влезла на тебя, чтобы сказать, как сильно по тебе не скучала». Стало так смешно, что Нелл лишь чудом не разрыдалась.

— ...порталами? Сюда? — пробормотала, продолжая прижиматься к нему, вдыхать его запах и гладить плечи. — Сумасшедший.

— Возможно, — отозвался он с улыбкой, которую Нелл слышала, но не видела, не решаясь поднять голову и посмотреть ему в лицо. — Только после вчерашних геройств ты лишилась права упрекать меня в безрассудстве.

Упрекать его она не собиралась. Пусть и сумасшедший. Но ведь дошел же. Живой, здоровый, теплый, родной, самый нужный.

— Тяжело? — спросила она, понимая, что, если он скажет, что тяжело, придется слезть с него, такого теплого и нужного. Но он этого не скажет.

— Уже нет, — не обманул ожиданий Оливер. — Было. Без тебя.

— Без тебя, — прошептала Нелл, губами скользя вверх по его коже. — Мне.

Поцеловала ямку между ключицами, потерлась носом о непривычно колючий подбородок и, набравшись смелости, приподнялась, чтобы в свете пробивавшегося в заледенелое окошко утра окончательно убедиться, что все происходящее сейчас — не сон.

Убедилась. Охнула.

Пальцы сами собой потянулись — стирать щетину с впавших щек, темные круги вокруг глаз, снежную пыль с висков. Погладили шершавую покрасневшую кожу, дотронулись до шрама на лбу, выглядевшего так, словно ему не меньше месяца, но совершенно точно свежего, и задрожали мелко. Дрожь отдалась во всем теле, и голос наверняка тоже дрожал бы. Поэтому Нелл молчала. Щурилась от набегавших слез, пока Оливер осторожно и нежно, как она только что, касался ее обветренного лица, саднящих царапин на скуле и растрескавшихся губ.

— Пообещай мне кое-что, пожалуйста, — попросил он, насмотревшись вдоволь и вновь прижимая ее к себе. — Пообещай никогда больше не решать за меня, что мне нужно, а что — нет. Хорошо?

— Ты... не знаешь...

— Я знаю, Нелл.

Он ничего не добавил, но она и без объяснений поняла вдруг, что он действительно знает. Может, и не все, но много больше, чем сама она ему когда-нибудь рассказала бы. К чувствам, обуревавшим ее, добавилось еще два. Облегчение от того, что не нужно уже ни юлить и обманывать, ни бороться с собой, решаясь на откровенность. И страх. Отчаянный всеобъемлющий страх перед всем на свете, вплоть до следующей минуты собственной жизни.

Нелл отважилась всего на один вопрос:

— И что теперь?

— Теперь мы будем спать, — ответил Оливер, словно куклу перекатив ее со своей груди себе под бок и укутав одеялами. — Нам нужно отдохнуть. Обоим.

— Но...

— У нас все будет хорошо, — произнес он уверенно. — А тому, кто решит этому помешать, будет плохо. Вот такой план.

— Замечательный план, — не смогла не согласиться Нелл, чувствуя, что и правда больше всего нуждается сейчас в отдыхе, а не в разговорах. В крепком спокойном сне, которого у нее не было с тех пор, как она уехала из академии.

И, видимо, не только у нее.

— Надо отдохнуть, — повторил, зевая, Оливер. — Хотя бы до полудня.

Это было так странно, но в то же время правильно и до счастливого обыденно — вместо долгих объяснений засыпать рядом с ним. Даже страх не выдержал, отступил, позволив забыться в тепле и покое. Хотя бы до полудня...

А после полудня их пришли спасать.

ГЛАВА 31

Оливер слукавил, говоря, что хочет поспать до полудня. Он не планировал вставать с жесткой, но теплой кровати до вечера, а там и до следующего утра, отложив на потом объяснения. Главное он уже увидел и услышал, почувствовал в знакомой тяжести уместившейся на его плече головки и мягких изгибах прижавшегося к боку тела, сейчас не вызывавшего никаких желаний, кроме как обнять покрепче, спрятать обожженное ветром лицо в белоснежных волосах и уснуть.

Дорога к Нелл отняла немало сил. Вряд ли однажды он признается кому-нибудь, как почти отчаялся вчера, потеряв ориентиры в буране, как сбился с пути и впустую потратил несколько часов, как расходовал драгоценную энергию прихваченных с собой накопителей на то, чтобы не закоченеть, а беспорядочно открываемые порталы всякий раз относили его все дальше и дальше от цели, которую он в какой-то момент перестал чувствовать и уже готовился быть погребенным в снегах. Все обошлось, и вспоминать о своей несостоявшейся кончине Оливер не собирался. Он собирался как следует отдохнуть. Но планы нарушила заявившаяся в поселок троица магов.

С ночи Оливер не озаботился тем, чтобы установить защиту на вход в каморку Нелл. Расплатой за беспечность стал внезапно раздавшийся над головой голос, женский, громкий, преувеличенно бодрый и смутно знакомый.

— Рада видеть вас в добром здравии, милорд!

Оливер открыл глаза. Вздрогнула и вцепилась под одеялом в его руку Нелл. Он успокаивающе пожал тонкие пальцы: разбудившая их особа была ему действительно знакома.

Смуглая темноглазая девушка в теплом армейском комбинезоне и надвинутой на брови вязаной шапочке продемонстрировала в широкой улыбке зубы, затем обернулась к одному из своих спутников и кивнула. Видимо, недавнюю выпускницу академии, которую, как Оливер знал по слухам, пригрело одно из военных ведомств, направили сюда именно затем, чтобы она опознала своего ректора. Или его труп, сложись все вчера не столь удачно.

Прокрутив это в голове, найдя правдоподобное объяснение внезапной побудке и пообещав при встрече высказать за это одному излишне беспокойному целителю, милорд Райхон скомандовал коротко и сердито:

— Вон отсюда.

Никакого представления о приличиях, вломились практически в спальню! Солдафоны!

— Обязательно, — без намека на раскаяние заверила девица, и в бытность свою студенткой не отличавшаяся скромностью. На боевом факультете манерам, увы, не обучают. — Часа хватит вам, чтобы собраться? У нас приказ без промедления доставить вас в столицу.

Уточнить, чей приказ, нужды не было.

— Хватит, — ответил Оливер. — Если сейчас же уберетесь.

Лежа в кровати, полуодетому и растрепанному, прижимая к себе выглядящую так же «неофициально» женщину, сложно изображать хозяина положения, но вояки послушно развернулись кругом и вышли.

— Почему в столицу? — хрипло прошептала Нелл.

— Наверное, потому, что у лорда Ашгона нет времени на посещение академии.

— Он... тоже знает?

Оливер осторожно повернулся на бок, чтобы обхватить ладонями ее лицо и посмотреть в настороженные желтые глаза.

— Да. И тебе не нужно больше его бояться.

За отведенный час им предстояло не только собраться, но и о многом поговорить. Если бы речь шла о другой женщине, времени вряд ли хватило бы, но Оливер еще в первую ночь понял: Нелл умеет слушать.

И она слушала.

Слушала, анализировала, делала какие-то выводы, но пока ими не делилась. Молчала. Когда рассказ дошел до эпизода, после которого Оливер обзавелся «звездой» во лбу, она взглянула ему в глаза, будто прося разрешения, и, медленно подняв руку, дотронулась до шрама. Прикусила губу. На заявление, что у него все было под контролем, недоверчиво и недовольно тряхнула головой, но и тогда ничего не сказала.

Лишь узнав, что случилось с настоящей Эммой Блейн, искренне вздохнула:

— Жаль ее.

— Жаль? Она дала тебе амулет, чтобы убить. А ее брат...

Нелл дернулась, зажмурилась, словно ожидала пощечины, и он прикусил язык, поняв, насколько жестоко напоминать ей об ублюдках, когда-то избравших ее жертвой.

— Прости, — извинился и за то, что напомнил, и за то, что не раз еще напомнит.

— Ничего, ты прав, наверное, — пробормотала Нелл, уткнувшись

носом ему в плечо. Под одеялами было тепло, и из постели за разговором они так и не выбрались. — Ты прав. Просто Эмма... Ее всегда было жалко. Такая неказистая, неуклюжая, неприспособленная к жизни. В университете ее многие знали и почти все насмехались. Ее брат — тоже. И отец вряд ли ее любил, иначе она вернулась бы домой после окончания учебы, а она осталась. Обычной лаборанткой. Говорила всем, что хочет поступить в аспирантуру и посвятить жизнь науке. Из-за этого над ней лишь больше смеялись: Эмма была никудышным алхимиком... Но в амулетах разбиралась. Да, она дала мне «Солнечный свет». Пришла, когда Джордан был уже мертв. Видно было, что долго плакала, и про амулет ничего не могла объяснить, не придумала, под каким предлогом мне его всучить... Я сама взяла. И поблагодарила...

Оливер с силой прижал ее к себе, обрывая рассказ. Не только ради Нелл, но и ради себя: одно дело узнавать подробности от других, другое — слышать ее неестественно спокойный голос и представлять, какие картины рисует ей сейчас память.

Следующие несколько минут он просто обнимал ее, гладил волосы и отчаянно жалел, что не в его силах изменить прошлое.

— Разве мы не торопимся? — напомнила Нелл. — А ты так и не объяснил, чего хочет лорд Ашгон. И чего хочешь ты.

Лорд Ашгон хотел в первую очередь мира и стабильности в королевстве, для чего ему требовался работоспособный парламент, большую часть мест в котором занимали бы поддерживающие взгляды вице-канцлера люди, и чтобы выборы не прошли вразрез с прогнозами, они должны состояться в срок и без скандалов. Дело Хелены Вандер-Рут не имело для него такой важности. Тем не менее на помощь лорда Ашгона всегда можно рассчитывать.

— А я... — Оливер задумался на мгновение. — Я хочу, чтобы ты никого и ничего больше не боялась. И чтобы была со мной. Если сама этого хочешь, конечно.

— Ты сомневаешься?

— Нет. Просто пытаюсь соблюсти приличия. Так положено: я спрашиваю, согласна ли ты, ты говоришь, что согласна. Да?

— Да.

— Готова повторить это при свидетелях?

— При... Зачем?

— Иначе нас не поженят.

Она отстранилась, чтобы удобнее было смотреть ему в лицо. Наверное, ожидала увидеть улыбку, которая превратила бы сказанное в

шутку.

— Я совершенно серьезен, Нелл. Прости, что так, без цветов и кольца... Но я действительно хочу, чтобы ты была со мной. И хочу быть уверенным, что тебя никто у меня не отберет.

— А кто-то может? — тихо спросила она, отведя взгляд.

— Не исключено. Боюсь, что тебя спрячут от меня и запретят нам видеться до конца разбирательства. Поэтому хочу привести тебя к лорду Арчибальду уже в качестве своей жены. Понимаешь?

— Да.

Оливер надеялся, что она действительно понимает, и понимает правильно, но, поразмыслив, решил все же уточнить:

— Обязательно говорить, что я тебя люблю?

— У меня нет документов, — невпопад вспомнила Нелл. — Разве можно пожениться без документов?

— Можно провести короткую церемонию в храме и получить выписку из храмовой книги, а после оформить гражданское свидетельство. Но для начала и выписки хватит.

— А эти? — Она скосила глаза на завешенную шкурами дверь, подразумевая ожидавших их магов.

— Они нам не помешают. Не потащат же они нас сразу же к вице-канцлеру? Думаю, нам дадут время привести себя в порядок и заглянуть в ближайший храм. Главное, чтобы ты была согласна. Ты так и не сказала...

— Обязательно, — кивнула она. — Говорить обязательно.

В первую секунду Оливер не понял, на какой именно вопрос она ответила, но уже в следующую сжал Нелл в объятиях.

— Люблю, — сказал без раздумий и сомнений.

— Согласна, — услышал в ответ.

А на то, чтобы одеться и собрать вещи Нелл, им хватило десяти минут.

Разве Нелл могла отказаться? Ведь так было с самого начала их отношений: Оливер предлагал безумные авантюры, она — соглашалась. И пусть женитьба — сумасшествие похлеще побега на острова и похода в оперу, менять сложившуюся традицию уже поздно. А в данном случае еще и не хотелось. Это не значит, что с одним сказанным словом Нелл избавилась от всех страхов, слишком прочно они укоренились в ней, чтобы можно было с легкостью вырвать их из сердца, будто сорняк, но не показывать волнения было ей вполне под силу.

На что-то другое, после того как Нелл высушила с вечера брошенную на полу шубу, сил уже не осталось. Вымокший в соленой воде мех

топорщился колючими иглами, и со стороны такой наряд смотрелся, наверное, забавно, особенно в сочетании с огромной шайкой Оливера, которую он нахлобучил взамен потерянной ей на голову, но Нелл было безразлично, как она выглядит. Как и то, что думают о ней присланные лордом Аштоном маги. Как и то, как отнесутся к ее уходу охотники, на которых она должна была работать полгода. Больше беспокоила предстоящая встреча с вице-канцлером, на которую ей следовало явиться уже леди Райхон, но Нелл запретила себе думать об этом и тревожиться загодя. Рядом Оливер, а он, как показывал прежний опыт, ответственно подходил к каждому своему безумию, просчитывая все до мелочей.

Но главное — он рядом. Сказал, что найдет, где бы она ни была, и нашел. Можно ли после этого не верить, когда он говорит, что никому не позволит ее обидеть?

Нелл верила. И радовалась, что теперь у нее есть человек, которому можно верить всегда и во всем. А если бы дело ограничивалось тем, чтобы, держа его за руку перед алтарем, сказать «Да», была бы совершенно счастлива. Но вслед за свадьбой их ждало еще одно сумасшедшее предприятие...

У пришедших в охотничий поселок военных были амулеты перемещения, с помощью которых компания «спасателей» и «спасенных» в три перехода добралась до ближайшей порталной станции, а оттуда — напрямик в столицу, но не напрямик в кабинет лорда Арчибальда. Как и предполагал Оливер, их доставили в небольшую гостиницу и поселили в смежных апартаментах на верхнем, третьем, этаже, дав час на отдых и ванну, хотя Нелл, успевшая отвыкнуть от благ цивилизации, способна была нежиться в теплой воде намного дольше. Затем, когда грязь, соль и усталость были смыты с тела, а волосы высушены и расчесаны, явился немолодой сухопарый господин, представившийся особым портным. Нелл решила, что особый он, потому что работает на какой-то особый отдел и снабжает необходимыми для маскировки костюмами тайных агентов. Но, возможно, особый он был просто потому, что мог на глаз подобрать платье, вынув его из огромного сундука, который втащили в номер помощники, и несколькими стежками подогнать по фигуре.

Платье было строгое, темно-зеленое и на роль свадебного наряда вряд ли годилось, но Нелл не стала просить подобрать ей что-нибудь другое. Не важно, какого цвета платье, если у невесты все лицо в красных шершавых пятнах, губы растрескались и нос облез.

Жених выглядел лучше. Намного. Настолько, что Нелл, когда он вошел в ее номер, с ужасом подумала: этот мужчина с обветренным, но оттого

лишь более мужественным лицом, мужчина, которого не портят ни появившаяся недавно седина на висках, ни ставшая толще белая прядь в глянцево-черной косе, ни щетина, от которой он не успел или не захотел избавиться, сейчас посмотрит на нее, увидит, какая она уродина, вспомнит, сколько проблем было с ней в прошлом, прикинет, сколько их будет в будущем, развернется и выйдет прочь.

Страх этот был глупым, иррациональным, допустимым лишь для юной наивной дурочки, какой Нелл давно уже не была, но избавиться от него оказалось непросто. Пришлось напомнить себе, что Оливер не отказался от нее, даже считая преступницей, виновной в трех смертях. Неужели сейчас бросит из-за потрескавшихся губ?

— Только посмей сказать, что передумала, — обняв ее за плечи, сказал он строго.

«Лишь бы ты не передумал», — вздохнула она мысленно и уверенно помотала головой.

— Это хорошо. Смотри. — Оливер подвел ее к окну и отдернул штору: над крышами домов, всего в паре кварталов от гостиницы, возвышался купол храма. — Мы почти у цели.

— А наши охранники?

— Сопровождающие, — поправил Оливер. — Они не будут возражать, если мы скажем, что хотим посетить святилище. Мы ведь не под арестом, а лорд Арчибальд все равно не сможет принять нас до вечера.

— До позднего вечера, — уточнил раздавшийся за их спинами голос. — Поэтому попросил меня составить вам компанию.

Они одновременно обернулись. Нелл — встревоженно. Оливер, как ей показалось, — с раздражением.

На пороге стоял доктор Эдвард Грин собственной персоной — заведующий лечебницей при академии и зять вице-канцлера.

— Я же не помешал? — спросил он беспечно. — У вас было не заперто. Понимаю, что следовало постучать, но хотелось скорее убедиться, что с вами действительно все в порядке...

— Что вы тут делаете? — не повышая голоса, но все же грозно спросил Оливер.

Нелл на месте доктора точно испугалась бы, но мистер Грин то ли был не из робких, то ли знал что-то, из-за чего грозного милорда Райхона совершенно не опасался.

— В гостинице? — прищурился он. — Пришел на правах вашего друга и лечащего врача, дабы удостовериться в том, что недавнее путешествие не нанесло вреда вашему здоровью. А если вы интересовались, что я делаю

собственно в столице, то я прибыл сюда утром по порталной ветке. За сыном. В академии все спокойно, безопасность, по словам многоуважаемого инспектора Крейга, поднята на небывалый уровень, поэтому мы с Бет решили забрать Грэма домой. Но мы неправильно начали разговор...

Как начинать разговоры правильно, Нелл не узнала. Оливер, не церемонясь, выпихнул целителя в коридор и сам вышел следом, пообещав ей, что скоро вернется. Обещаний он никогда не нарушал: возвратился спустя пять минут в компании все того же доктора, вопреки опасениям Нелл вполне живого, только немного озадаченного.

— Мистер Грин пойдет с нами, — сообщил Оливер. — Для церемонии нужен свидетель. Я собирался попросить кого-нибудь из прихожан, но лучше, когда это кто-то свой, да?

— Угу, — отрешенно согласился целитель. Впрочем, в следующую секунду он встряхнулся, вернул себе беззаботный вид и с шутливой церемонностью поклонился будущей леди Райхон: — Для меня это огромная честь, мисс. И удобный способ познакомиться с вами уже настоящему. Эдвард Грин, к вашим услугам.

Нелл подняла руку, собираясь вложить ее в открытую ладонь доктора, чтобы тот мог, как велит этикет, поцеловать загоревшие от мороза пальцы и выразить обязательную радость от знакомства.

Но прежде нужно было назвать свое имя...

Рука на миг застыла в воздухе и бессильно обвисла.

— Нелл. — Оливер заслонил собой целителя. — Что случилось? Тебе нехорошо?

— Мы... — Она откашлялась, прогоняя из голоса хрипоту. — Мы не сможем пожениться.

— Что за глупости? Мы ведь все обсудили.

— Не сможем. Потому что... меня нет. Хелена Вандер-Рут мертва, Элеонор Мэйнард существует лишь по поддельным документам, Эрика Нолан не успела обзавестись и такими. Твой брак с любой из этих женщин не признают законным.

— Оставь вопросы законности мне, — мягко приказал Оливер.

— Но...

— Никаких «но». Ты станешь моей женой, и никто этого не оспорит.

— Но... — Уже не Нелл, а доктор Грин хотел выразить сомнение, но и ему этого не позволили.

— Я не для того почти ежедневно треплю себе нервы общением со всевозможными крючкотворами, чтобы не суметь в итоге устроить

собственную свадьбу, — отчеканил Оливер, обернувшись через плечо на целителя и тут же вернувшись взглядом к Нелл. — Повторяю: никто, даже королевский суд, не оспорит наш брак. — Лукавая мальчишеская улыбка, точь-в-точь такая, как была у него на островах и в тот момент, когда он звал ее в студенческий клуб, скользнула по обветренным губам. — Если запись в храмовой книге и выписка из нее будут сделаны на эленари.

— На эльфийском? — непонимающе переспросила Нелл. Документы на языке длинноухих соседей в Арлоие ходили наравне с составленными на языке королевства, а в храмовых обрядах эльфийскому даже отдавалось предпочтение, но в данном случае какой в этом смысл?

— На книжном эльфийском, — со значением уточнил Оливер.

То, что между разговорным и официально-книжным языком эльфов существуют какие-то отличия, Нелл слышала, но тонкостей не знала и эльфийский в свое время учила исключительно в рамках обязательной программы: ведь эльфы никогда не занимались демонологией, как и любой темной магией, и книг по данной теме не писали.

Доктор Грин, судя по тому, как он прищурился, прокручивая что-то в уме, эленари знал не в пример лучше, но объяснения уверенности Оливера в успехе тоже не нашел.

— Это потому, что вы читаете только легенды и рецепты травяных чаев, — снисходительно бросил ему Оливер. — А мне приходится штудировать договоры и деловую переписку.

— И что? — поторопила Нелл.

— В документах, составленных на эленари, людей никогда не называют просто по имени, а пишут: «известный среди сородичей как такой-то». Понимаешь?

— Нет.

— В храмовой книге будет записано не «Оливер Райхон сочетался браком», а «мужчина, известный среди сородичей как Оливер Райхон, сочетался браком с женщиной, известной среди сородичей как Элеонор Мэйнард». Я решил, что лучше использовать это имя, ведь в последние годы ты именно под ним известна, и в случае осложнений не составит труда это подтвердить.

— В королевском суде?

— Думаю, до этого не дойдет. И прости, нужно было сразу все объяснить, чтобы ты не волновалась.

— Я и теперь волнуюсь, — призналась Нелл. — Ты же знаешь, документы Элеонор — подделка. Вернее, они настоящие, но получены по ложному поручительству...

— Не важно. До оформления гражданского свидетельства твое настоящее имя значения не имеет.

— А потом? Меня все равно могут обвинить...

— Тебя? — В глазах Оливера вспыхнул недобрый огонек. — Никто не вправе обвинять тебя. Если ты и нарушила в чем-то закон, сделала это по вине настоящих преступников. Они и ответят. За все. Запомни это.

Нелл запомнила.

Запомнила бескомпромиссный тон и тепло ладоней, в которых ее похолодевшие от волнения пальцы отогрелись в считанные мгновения. Во многом можно было сомневаться, но не в Оливере.

— Солнце садится, — напомнил о себе и о запланированном деле доктор. — Стоит поспешить.

В ноябре рано темнеет. Когда добрались до храма, на улицах уже зажигали фонари, но Нелл все равно не разбирала дороги: шла, вцепившись в руку Оливера, с усилием переставляла ноги и всерьез боялась хлопнуться в обморок.

«Предсвадебный мандраж», — объяснила она свое состояние будущему мужу. Иных причин для беспокойства не было. Из гостиницы они вышли беспрепятственно. В храме тоже осложнений не возникло. День был не праздничный, до вечерней службы оставалось достаточно времени, и людей в большом, озаряемом тысячами свечей зале было немного: несколько нищих сразу у входа и около десятка молящихся. Оливер обратился к первому же священнослужителю, тот выслушал, одарил будущих молодоженов благостной улыбкой и озвучил стоимость предстоящего обряда, включавшую в себя надбавку за срочность. Просьба оформить запись на эльфийском жреца не удивила и вопросов не вызвала. Он задержал понимающий взгляд на невесте, которой не привыкать было к тому, что из-за белых волос, высокого роста и природной худощавости не обладающие даром люди принимают ее за полуэльфийку, снова улыбнулся и добавил к уже названной сумме «еще немного». Натуральный грабеж именем храма, но боги равнодушно взирали на это с цветных фресок, а люди, которым спешно требовалось соблюсти все формальности, были не в том положении, чтобы спорить.

— Церемонию также провести на эленари? — подведя их к малому алтарю, уточнил священник в надежде на очередную надбавку.

— Нет, церемонию — на арлонском, — разочаровал его Оливер. — Короткую. Мы просто хотим засвидетельствовать обеты.

Когда-то Нелл мечтала о другой свадьбе, с множеством приглашенных, цветами и музыкой. И храмовый обряд хотела полный,

когда жрецы зачитывают отрывки из священных книг, хор песней славит новый союз, а жених трижды проводит невесту по ритуальному кругу пред ликами богов и гостями. Но это было давно, в прошлой жизни, в этой же и сокращенный обряд казался невероятно затянутым, а вопросы, на которые пришлось отвечать, — глупыми и неуместными. Неужели непонятно, что она пришла сюда по доброй воле? И именно с этим мужчиной? Согласна ли она взять его в мужа? Любить и заботиться о нем? И чтобы он ее любил и заботился? Да. Да. Конечно да. Определенно да.

— Теперь можете обменяться кольцами... У вас же есть кольца?

— Да, — ответила Нелл по инерции.

— Нет, — покачал головой Оливер. — Будут потом, — сказал уже не священнику, а ей. — У нас все еще будет, обещаю.

Нелл подумала, что тоже должна пообещать ему что-нибудь, и, когда священник, долго о чем-то раздумывавший, наверное о том, нельзя ли увеличить стоимость церемонии ввиду отсутствия колец, наконец объявил их союз угодным богам и словно нехотя предложил скрепить его поцелуем, первой шагнула навстречу.

— Я постараюсь... правда, очень... чтобы ты никогда не пожалел о том, что не прошел тогда мимо той беседки...

— Не пожалею, — улыбнулся Оливер и под требовательным взглядом священнослужителя почти невесомо коснулся губами ее губ.

— Олли, я...

— Я знаю, рыжая.

Она вздрогнула, лицо обдало жаром. То ли от того, как он назвал ее, то ли от нежности в его голосе — никогда ее не было столько.

— Знаю, — повторил он шепотом, прижимая Нелл к груди. — Кажется, все уже знают...

— Я?..

— Да. И это замечательно.

Замечательно, что не нужно подбирать слова, чтобы объяснить, что ты чувствуешь.

Священник опять задумался, и теперь наверняка не о деньгах. Со стороны слышалась чья-то истовая молитва. Пожилая нищенка, стоявшая с кружкой у входа, ссыпала мелочь в широкий карман и с тихими уговорами подняла с пола другого побирושку — слепого старика с увечной ногой, подставила плечо и, продолжая бормотать что-то ласково, потащила к дверям. А доктор Грин, когда Оливер подвел к нему Нелл, выглядел настолько сосредоточенным и отрешенным одновременно, что казалось, мысли его заняты судьбой целого мира, не меньше. Но для новобрачных

доктор расстарался и растянул-таки губы в улыбке.

— Поздравляю.

— Спасибо, Эдвард, — поблагодарил Оливер и немного подтолкнул Нелл вперед, к целителю. — Вы же хотели познакомиться? Позвольте представить вам мою жену, леди Райхон.

— Очень... приятно, да...

— Можно просто Нелл, — потупилась новоиспеченная леди, понимая причину растерянности доктора.

Это временно, скоро пройдет. Она уже спокойна, и чувства спрятаны глубоко внутри, где-то между бешено колотящимся сердцем и начинающим ныть от голода желудком.

— Знаешь, чего я хочу? — прошептала она Оливеру, едва они сошли со ступеней храма.

— Наверняка того же, чего и я.

— Наверняка, — согласилась она. — Но никакой рыбы, только мясо. Сочная телячья отбивная была бы кстати.

— Двойная порция, — уточнил он. — И горячий грибной суп.

— И кофе. Море кофе, иначе я усну, не дождавшись, пока принесут обед.

— И кофе. — Оливер обернулся к шагавшему рядом Грину. — Пообедаете с нами, Эдвард? Я надеюсь, время до встречи с лордом Ашгоном еще есть?

— Да. Уверен, что есть, но... Простите, не поинтересовался, как вы себя чувствуете после стольких телепортаций?

— Прекрасно. В самом деле. Ваше средство просто волшебное.

— Действительно, — кивнул доктор, при этом как-то странно поглядев на Нелл. — Волшебное средство.

Пообедать решили в ресторане гостиницы.

Правда, мистер Грин их покинул, извинившись и пообещав присоединиться попозже, но леди Райхон отсутствие целителя не расстроило: им с лордом Райхоном было о чем поговорить без свидетелей.

Свадьба напомнила Эдварду его собственную. Первую. Тогда они с Бет почти так же заявили без предварительной договоренности в храм, повторили вслед за священником слова брачной клятвы, обменялись простыми серебряными кольцами и успели до начала рабочего дня в лечебницу. Уже после того, как доктор Грин провел обход, Элизабет позвонила из его кабинета отцу. Нервно сжимала ладонь Эда, а в трубку тараторила нарочито радостно: «Здравствуй, папочка. Ты уже знаешь, что у

нас тут случилось? Прости, не могла рассказать сразу. Теперь, конечно, объясню. Все-все-все. И ты не подумай, я не сошла с ума и совсем не беременна, но я вышла замуж».

Академия гудела, обсуждая другие новости, и, хотя те разговоры тоже вертелись вокруг них с Бет, ее переезда из общежития в коттеджный поселок, казалось, не заметили. Вещи — весь немалый гардероб, книги и милые девичьему сердцу безделушки — были перевезены в тот же день. Вечером пытались организовать подобие праздничного ужина, но подружки Бет не пришли, стесняясь ее «взрослого» мужа, а коллеги и соседи, с которыми Эдвард пусть и не дружил близко, но поддерживал добрые отношения, сослались на неподготовленность к внезапному событию и составленные едва ли не за год до него планы. В итоге за столом, помимо новобрачных, сидели лишь леди Пенелопа Райс, совершенно довольная выбором как своей ученицы, так и своего начальника, и инспектор Крейг, полностью ее мнение разделяющий. Чуть позже Бет втянула в столовую упирающегося студента-оборотня, зашедшего «на минуточку, только поздравить». Затем так же, только поздравить, заглянул Оливер Райхон, так же отказывался и даже не пытался скрывать, что чувствует себя неловко, но все же был усажен за стол и, как ни странно, не ушел до конца вечера, положившего начало доброй многолетней традиции.

На следующее утро в академию прибыла особая министерская комиссия и несколько высших чинов, среди которых лорд Арчибальд Аштон, тогда еще первый помощник канцлера, и доктор Грин познакомился с тестем. Разговор был недолгим, спокойным и вежливым, впечатление на отца жены Эдвард произвел вполне приятное, но после нескольких дней не мог избавиться от ощущения, что чудом избежал мучительной смерти, хотя единственное, относительно чего лорд Арчибальд выказал недовольство, — это их с Бет скоропалительная женитьба. Посему решено было свадьбу повторить, на сей раз сделав все «как подобает».

Во второй раз Эдвард надел черный смокинг, Бет — белоснежное платье, кольца были золотыми, гостей — почти две сотни...

Грин усмехнулся воспоминаниям и прокрутил на пальце обручальное кольцо. Серебряное. Такое же, только тоньше и изящнее, до сих пор носила миссис Грин. Можно повторить торжество, но некоторые вещи неповторимы. Произнесенные снова обеты не станут крепче и не всколыхнут в душе тех же чувств, что и в первый раз.

Чувства вообще тема тонкая и сложная.

Предупредив Оливера, что отлучится, Эдвард взглядом проводил чету

Райхон до дверей гостиницы и, остановившись под фонарем, достал из внутреннего кармана пальто блокнот и ручку. Пролистал заполненные рисунками и записями страницы и быстро нацарапал на чистой: «Спонтанная трансляция эмоций». Интересное явление. Определить, что чувства приходят извне, крайне сложно, особенно когда они в чем-то соответствуют твоим собственным и накладываются на картинки из памяти. Но не во всем, иначе Эдвард вряд ли понял бы, что произошло. Его чувства не имели привкуса боли, не горчили и не знали сомнений...

Целитель огляделся, заметил на противоположной стороне улицы аптеку и направился туда, на ходу составляя рецепт, который записал после на вырванном из блокнота листке. Отдал аптекарю, узнал, сколько времени займет приготовление, и пошел в гостиницу. Но не в ресторан.

— Можно сделать от вас телефонный звонок? — спросил, подойдя к стойке портье.

Домашний номер молчал, и Эдвард попросил соединить с лечебницей. Там ответили сразу: миссис Грин еще не ушла, сейчас пригласят. Пока ждал, расспросил дежурную сестру, все ли в порядке. Визит в столицу он заранее не планировал и теперь волновался из-за того, что может срочно понадобиться коллегам или пациентам. Но, как ему рассказали, первый день без заведующего лечебница пережила спокойно.

— Эд! Это ты? Что-то случилось?

Он как наяву увидел запыхавшуюся супругу, вырвавшую трубку из рук дежурной.

— Все хорошо, мышка. Не шуми. Почему ты еще не дома?

Она громко выдохнула.

— А что там делать? — спросила уже спокойно. — Тебя нет... Правда все хорошо?

— Правда. Просто соскучился.

— Ты сам вызвался забрать Грэма, — недовольно проворчала Элизабет. — Вот и скучай теперь.

— А ты? Не скучаешь?

— Ни капельки.

Все та же вредная девчонка, как и в день их первой встречи. Обидчивая ровно настолько же, насколько отходчивая. Хотелось верить, что это равновесие сохранится и тогда, когда она узнает, зачем на самом деле он сорвался в столицу.

— Ну раз ты не скучаешь... — Он притворился, что собирается положить трубку.

Она притворилась, что поверила:

- Скучаю. Чуть-чуть.
- Чуть-чуть — это уже что-то.
- Совсем чуть-чуть...

Говорить было не о чем, но разговор затянулся и обошелся в немалую сумму.

Заказанное в аптеке снадобье стоило в разы дешевле.

Присев за стол к лорду и леди Райхон, Эдвард протянул новобрачной упакованную в бумажный пакет баночку.

— По подобным поводам принято делать другие подарки, но у меня не было времени подготовиться. А это вам пригодится. Целебная мазь для кожи. Простите, подарок и правда неподобающий случаю. Но все, что могу, так сказать.

Засим хотелось откланяться, заехать в особняк Аштонов за Грэмом и лететь на вокзал, чтобы успеть на вечерний поезд, а послезавтра к полудню быть уже дома. Но бросить Оливера сейчас было бы не по-дружески, поэтому Эдвард взял у подошедшего к столу официанта меню, намереваясь присоединиться к праздничной трапезе.

Не вышло. Официант, приняв заказ, едва успел отойти, как тут же вернулся с запиской: лорд Арчибальд прислал за гостями экипаж и настоятельно просил не задерживаться.

ГЛАВА 32

Встречу лорд Аштон организовал не в парламентском дворце и не в личной резиденции. Притаившийся в глубине старого парка двухэтажный особняк, скорее всего, принадлежал одному из подчиненных вице-канцлеру секретных ведомств. На эту мысль наводила удаленность его от жилых кварталов, защитная сеть по периметру, охраняемый подъезд и строгая обстановка внутренних покоев.

— Прошу вас.

Сопровождающий распахнул широкую двухстворчатую дверь. Наплевав на этикет, милорд Райхон задвинул себе за спину Нелл и первым вошел в прогретую, хорошо освещенную комнату, где вдоль стен выстроились книжные шкафы, а в центре стоял стол, во главе которого уже восседал лорд Арчибальд.

— Добрый вечер, Оливер, — поднялся он навстречу вошедшему. — Счастлив видеть вас живым и, насколько могу судить, здоровым. Еще утром мой дорогой зять сомневался на этот счет. Рад, что он в кои-то веки ошибся.

— Никто не рад этому так, как я, — заверил Оливер.

— Поводов для радости у вас сегодня хватает, — усмехнулся вице-канцлер, глядя поверх его плеча на других прибывших. Вернее, на другую. — Признаться, я рассчитывал, что, когда вы решитесь-таки жениться, не забудете пригласить и меня, но... Хотя бы представьте меня супруге.

«Ну и кого ты хотел обыграть? — явственно слышалось в этих словах. — Того, кто знал о каждом твоём шаге прежде, чем ты его сделал?» Оливер подумал, что Эдвард Грин, умеющий находить предлог для шуток и поддевок даже в самых серьезных ситуациях, именно благодаря этой способности и вписался так хорошо в родовитое семейство супруги, сойдясь в талантах с тестем. Но и Нелл по праву заслуживала называться леди Райхон. Волнение ни на миг не отразилось на ее лице, когда Оливер подвел к ней лорда Аштона, а неглубокий реверанс был исполнен изящно и непринужденно, продемонстрировав почтение без раболепства.

— Лорд Арчибальд, позвольте...

Вице-канцлер махнул рукой, заставляя Оливера умолкнуть. С головы до ног оглядел Нелл и произнес с неожиданной теплотой в голосе:

— Вас я тоже рад видеть живой и невредимой, леди Хелена.

Казалось, до этого момента, вопреки всем свидетельствам, он сомневался, что Нелл — это Нелл, и теперь, убедившись воочию, испытал облегчение.

— Свидетельство на эленари? — спросил, обращаясь к Оливеру. — Несколько поспешная, если не сказать излишняя мера предосторожности.

— Это — не предосторожность. — Оливер демонстративно взял Нелл за руку.

— Что ж, тогда примите мои искренние поздравления. И присаживайтесь, прошу. — Лорд Арчибальд указал на расставленные вокруг стола стулья. — На правах временного хозяина могу предложить чай или кофе. Пообедать вы, кажется, успели.

— Не все, — печально вздохнул Грин.

Вице-канцлер одарил зятя взглядом, под которым кто-то другой на месте доктора вмиг превратился бы в ледяную статую:

— Если вы так голодны, Эдвард, уверен, леди Оливия с удовольствием отдаст в ваше распоряжение кухню и все имеющиеся в ней запасы.

Смысл предложения было несложно понять: либо отправляйтесь на обед к любимой теще, либо сидите тихо и не лезьте в разговор, который вас не касается.

— Благодарю, но я потерплю, — невозмутимо отказался целитель, первым занимая место за столом предстоящих переговоров. — Не привык распоряжаться кухнями, я и с лечебницей-то едва управляюсь.

Лорд Ашгон повторно пытался изобразить василиска, после привычно отмахнулся и решил поухаживать за леди Райхон, предложив стул.

Оливер вспомнил, где сидел вице-канцлер, и сделал вид, что не понял его намерений: отодвинул от стола другой стул, усадил Нелл и сам сел так, чтобы закрыть ее от лорда Арчибальда. То, что она прекрасно держится, вовсе не означает, что не волнуется и не боится.

— Оливер, вы успели рассказать супруге об уже предпринятых нами действиях? — спросил лорд Ашгон, открывая импровизированное совещание.

— Да.

Было бы о чем рассказывать.

— Замечательно, — кивнул вице-канцлер. — От себя, леди Хелена, добавлю, что лично курирую это дело. Не только потому, что причастен к нему в прошлом, но и потому, что не могу оставаться в стороне от всего, что касается академии и непосредственно вашего супруга. Отношения нас с Оливером связывают давние, добрые, и хотелось бы их сохранить. Однако положение и мое и его таково, что порой приходится отодвигать личные

пристрастия на второй план. Хотя милорд Райхон и позабыл об этом в последнее время. Я-то, положим, могу понять, но как объяснить другим, отчего ректор Королевской академии пренебрегает служебными обязанностями и покидает академию, никого не предупредив.

Сказано это было серьезно и строго, и Оливер, не ожидавший, что вместо расследования станут обсуждать его поведение, растерялся.

— Простите, лорд Арчибальд, — пришел на выручку Грин, — но у милорда Райхона есть уважительные причины отсутствовать на рабочем месте. В него стреляли, и я, как его доктор...

— Эдвард, — негромко рыкнул вице-канцлер, — вы его доктор или его адвокат?

— Мне нужен адвокат? — поинтересовался Оливер.

— Вам нужно прекратить вести себя как безответственный юнец, — холодно высказался лорд Аштон. — А бездумно подвергать жизнь опасности — наивысшая степень безответственности. Посему впредь согласовывайте подобные действия если не со мной, то хотя бы с инспектором Крейгом.

— Обязательно, — покладисто обещал Оливер, зная, что теперь, когда Нелл с ним, пускаться в авантюры уже нет нужды.

— Завтра же вы должны вернуться к обязанностям, — продолжил лорд Арчибальд. — Мне кажется, самочувствие вам это позволяет. Считаете иначе — могу подсказать целителя, который предпишет вам постельный режим и оформит надлежащие справки. Но учтите, в министерстве образования могут неверно понять ваше самоустранение от учебного процесса. Тем паче с оглядкой на то, что предложенным вами курсом по темным материям заинтересовались. Слышал, к вам собираются направить инспектора.

Оливеру хватило выдержки, чтобы заковыристое ругательство прозвучало только в его мыслях. И на кой он организовал этот курс? Хотя не организовал бы — мог не познакомиться с Нелл.

— И виновники взрыва еще не найдены, — напомнил лорд Аштон. — Расследование продолжается. Работает полиция академии, работают направленные в помощь эксперты, и руководство академии, я полагаю, должно проявлять живейшую заинтересованность в результатах этой работы. Поэтому...

— Завтра я буду в ректорате, — закончил Оливер в ответ на требовательный взгляд, сопроводивший со значением выдержанную паузу. — Прочту все письма, подпишу все отложенные документы, проведу все назначенные встречи, побеседую со следователями, а в положенное

время проведу занятия на спецкурсе.

— Перечисленное входит в ваши обязанности, милорд. Не нужно представлять это так, словно делаете кому-то одолжение. А если и делаете, то только себе.

— Я это осознаю, лорд Арчибальд.

— Звучит утешительно, — подвел итог проведенному внушению вице-канцлер. — Теперь следует определиться, как быть с вашей очаровательной супругой. Полагаю, до окончания разбирательства ей следует побыть где-нибудь подальше, в надежном, хорошо охраняемом месте.

— Нет.

Они произнесли это одновременно, но сдавленный шепот Нелл был перекрыт уверенным возражением Оливера.

— Моя жена должна быть рядом со мной, — сказал он твердо. — И я не знаю более надежного места, чем академия.

— В которой не так давно вас обоих едва не убили, — со скепсисом дополнил лорд Арчибальд.

— Это было до ввода особых условий. Сейчас нет ни единого шанса, что подобное повторится. Вы сами сказали: работает внутренняя полиция и эксперты специальных ведомств.

Вице-канцлер вприщур взглянул на Оливера, затем с тем же неясным подозрением на зятя и вновь на Оливера.

— Скажите прямо, вы снова затеяли собственную игру? Метод ловли на живца — ваш излюбленный?

— Нет.

Он не был сторонником подобных методов, и в тот раз — в тот самый раз, который лорд Аштон до сих пор не забыл и, видимо, не простил, — отнюдь не Оливер предложил рискованный план. А рисковать Нелл он не стал бы и подавно. Она будет под охраной. Под его охраной. Никому другому он ее не доверит, а она не будет чувствовать себя в безопасности вдалеке от него.

Как он будет чувствовать себя без нее, Оливер уже знал, и если бы это знал лорд Арчибальд, то даже не заикнулся бы о том, чтобы разлучить их снова: велик риск, что в следующий раз дохлыми воронами не кончится.

— Хорошо, — то ли согласился, то ли смирился вице-канцлер. — Но ректор — фигура публичная. Как вы собираетесь объяснить общественности внезапное появление в вашей жизни леди Райхон?

— Мы решили не волновать общественность, — спокойно ответил Оливер. — До февраля — кажется, вы так говорили? Утихнет шумиха вокруг выборов, полиция найдет подрывников... Еще что-то разъяснится,

надеюсь. Пока же Нелл вернется в академию как студентка. Главное, что она будет находиться в пределах досягаемости.

— И в зоне вашей ответственности, — понимающе дополнил вице-канцлер.

— Именно.

— Но я могу рассчитывать на ваше благоразумие?

— Хотите знать, не убью ли я кого-нибудь случайно? — прямо спросил Оливер. — Не волнуйтесь. Случайно не убью.

Лорд Аштон недовольно хмыкнул, но тему продолжать не стал. Заговорил о другом:

— Следователи, занимающиеся делом леди Хелены, еще в академии. Уже завтра она сможет с ними побеседовать. Возможно, откроются новые факты, но работать с ними будут профессионалы, поэтому сам я от расспросов воздержусь. Однако кое-чем обязан поинтересоваться. В феврале или чуть позже как вы планируете представить супругу? Точнее, кем?

— Мы не успели обсудить, — начал Оливер и смолк, почувствовав, как Нелл коснулась его руки.

— Можно я отвечу? — спросила она. — У меня ведь есть право принимать решения относительно собственного будущего?

— Конечно. — Лорд Аштон благосклонно качнул головой. — Слушаю вас, леди.

Подумалось, что он с радостью пересел бы, чтобы видеть ее, но не захотел демонстрировать излишнего любопытства.

— Мы с... — Нелл на миг запнулась и тут же продолжила уверенно: — Мы с мужем действительно не успели обсудить этот вопрос. Поэтому я лишь поделюсь своими соображениями и пожеланиями. Пересматривать их пришлось в спешном порядке, ведь совсем недавно у меня были иные планы на жизнь. Я не надеялась найти помощь и защиту. И не искала, признаться, но, полагаю, вы понимаете почему. Смирилась с тем, что мои родные никогда не узнают, что я жива. Мама, с ее стремлением во что бы то ни стало добиться справедливости, не смогла бы хранить это в секрете, а сестра меня даже не помнит и вряд ли тоскует. Я собиралась повторно пройти обучение и найти работу, чтобы поддерживать семью, но открываться им не хотела, в том числе чтобы не подвергать опасности. Потеря семи лет не выглядела слишком большой платой. Но теперь обстоятельства изменились. Я верю милорду Райхону, а он говорит, что людей, которые навредили мне в прошлом и могли бы представлять опасность в будущем, найдут и у меня не останется причин бояться за свою

жизнь или жизни близких. И если так будет — только если так будет, — я бы хотела вернуть то, чего была лишена. Хотя бы частично. И при этом сохранить в секрете то, что случилось одиннадцать лет назад в Глисите, и некоторые аспекты своей жизни после. Когда-то меня без труда представили преступницей. Потом изменили статус на жертву несчастного случая. Не сомневаюсь, что, хорошо подумав, можно найти объяснение и моему исчезновению на долгие годы, и последующему возвращению. Объяснение, которое удовлетворит всех и позволит мне без стыда посмотреть в глаза матери. И семь лет после минувших одиннадцати — это все-таки много. Навыков я не утратила, теорию помню и готова хоть сегодня сдать экзамены для получения ограниченной лицензии, а через год — на полную. Потому что жизнь в магической тени мужа меня, боюсь, не устроит. Да и ему неловко будет ввести в общество жену, не подходящую ему ни по происхождению, ни по уровню силы. Я не хочу быть пятном на репутации супруга. Безродная сирота Элеонор Мэйнард, и года не отучившаяся в академии, прежде чем оказаться в спальне ее ректора, способна стать таким пятном. Происходящая из древнего и сильного рода магов Хелена Вандер-Рут — более подходящая партия для лорда Райхона. Но это — лишь мое мнение. Если сам лорд Райхон считает иначе или у вас, лорд Арчибальд, есть возражения, я их выслушаю и постараюсь принять. Но прежде можно мне воды?

Просьба прозвучала так же спокойно, как и предшествовавшая ей речь, но, когда лорд Ашгон, пробормотав: «Да, минуточку», вышел за дверь, чтобы найти если не графин с водой, то человека, который его принесет, Нелл тяжело выдохнула и ссутулилась, почти уткнувшись лицом в стол. Стало понятно, скольких сил стоило ей все сказанное и как теперь она боится услышать ответ.

— Возьмите. — Грин протянул через стол небольшую плоскую флягу, вынутую из внутреннего кармана пиджака. — Универсальная настойка, укрепляющая и успокаивающая...

Нелл благодарно кивнула, быстро свинтила крышку, сделала большой глоток и закашлялась.

— ...спиртовая конечно же, — невозмутимо закончил доктор.

Сам пригубил снадобье и спрятал флягу до того, как в комнату возвратился вице-канцлер в сопровождении молодого человека, несшего поднос с графином и стаканами. Для лакея от молодца слишком сильно тянуло магией, но в этом здании прислугу вряд ли вообще держали.

Нелл при появлении лорда Аштона подобралась, выпрямила спину и подняла голову. Услужливо наполненный Грином стакан приняла без

спешки, отпила немного и отставила в сторону.

Лорд Арчибальд что-то сказал пришедшему с ним молодому магу, тот окинул присутствующих ничего не выражающим взглядом и вышел, а вице-канцлер вновь занял место за столом.

— Что скажете, Оливер? — спросил он, таким образом оставляя за собой последнее, решающее слово.

— Мне нечего добавить к сказанному моей женой. Я разделяю ее желание и надеюсь на вашу поддержку. Вы ведь сами называете ее Хеленой, а не Элеонор.

Лорд Арчибальд ответил холодной полуулыбкой, словно намекая, что данное обращение может навсегда остаться привилегией узкого круга. Однако Оливер достаточно хорошо знал этого человека, чтобы всерьез опасаться, что именно о таком исходе он думает.

А думал лорд Аштон долго.

— Хорошо, — изрек наконец. — Это, конечно, создаст дополнительные сложности, но, как справедливо заметила леди Хелена, — имя он выделил интонацией, — все возможно. А время для подготовки у нас есть. При условии, что ваше возвращение в академию не повлечет за собой новых проблем.

— Надеюсь, так и будет.

— Одних надежд мало, Оливер. Вы должны сделать все от вас зависящее, чтобы обезопасить не только себя и супругу, но и тех людей, что живут и работают рядом с вами. Напомню, что среди них мои дочь и внук.

Грин кашлянул в кулак.

— И зять, — усмехнулся вице-канцлер. — Которому придется заниматься жертвами следующего покушения на вас, если вы допустите повтор. Поэтому я решил отправить еще несколько человек вдобавок к тем, кто уже работает в академии. Не следователей, а, так сказать, агентов быстрого реагирования. Вы запомнили юношу, который принес воду? Его зовут Эван. Сейчас он уже в гостинице, полагаю, собирает ваш багаж, чтобы вам не пришлось заезжать за ним по пути на порталную станцию.

Не прошло и пяти минут, как упомянутый маг вышел за дверь. Вот уж и правда быстрое реагирование.

В каком отделе служит Эван и на чем, помимо скоростной телепортации, специализируется, лорд Арчибальд не сказал, но предупредил, что молодой маг отправится с ними и проследит, чтобы возвращение ректора, об отсутствии которого в академии практически никто не знал, осталось незамеченным. Остальные агенты прибудут в академию завтра.

Следующую четверть часа посвятили обсуждению особых условий, уже задействованных и тех, что планировалось внедрить. Оливер поддерживал беседу без энтузиазма, а Нелл, судя по выражению лица, с трудом сдерживала зевок.

— Кажется, пора прощаться, милорд Райхон, — сказал лорд Арчибальд, угадав желание собеседников. — Вы и леди Хелена заметно истощены и нуждаетесь в отдыхе, так что продолжим разговор через неделю, в академии.

— Собираетесь к нам? — восторженно спросил Оливер. — С проверкой?

— С частным визитом, — улыбнулся вице-канцлер. — Праздничный ужин в честь дня рождения родственника. Вы разве не приглашены?

Оливер посмотрел на Грина, напоказ состроившего скорбную мину, и вспомнил, что действительно приглашен, причем давно, да и без приглашения не следует забывать, когда у твоих друзей дни рождения.

Жаль, на ужин придется идти без Нелл. В то, что случится чудо и в ближайшую неделю они разберутся со всеми проблемами, тайнами и врагами, Оливер не верил. Потребуется больше времени, но он со всем справится. Вернее, они справятся. Вместе.

День, который следовало потратить на восстановление после вчерашнего, в итоге выпил остатки сил. Встреча с вице-канцлером стала последним испытанием, и, выдержав его, Нелл позволила себе расслабиться. Экипаж и дорогу до станции она помнила смутно, портал прошла в полудреме. Только оказавшись в доме Оливера, заставила себя встряхнуться. Присела в гостиной у камина, в котором то ли магия, то ли заботливый смотритель поддерживал огонь, протянула к теплу руки и оглядела знакомую, но неуловимо изменившуюся за время ее отсутствия комнату.

Сердце испуганно екнуло. Показалось, закрывает глаза, а открывает их уже в комнатке на далеком севере, и выяснится, что все события этого дня — пробуждение рядом с Оливером, свадьба, разговор с лордом Ашгоном — всего лишь сон...

— Устала? — Оливер опустился на корточки рядом с креслом.

Нелл коснулась его щеки, темной и колючей от щетины, дотронулась до шрама на лбу и вновь огляделась. Стало понятно, что не так с гостиной. Дом, как и хозяин, утратил былой лоск: накидки на мебели смяты, на столе и полках нетолстый пока, но уже заметный слой пыли. Видимо, Оливер так и не отменил указания прислуге не приходить, данного в ту неделю, что Нелл тайно жила здесь. Значит, огонь в камине удерживает все-таки

магия.

— Я бросила курить. Но иногда хочется.

— Я сохранил твои сигареты. Если очень хочется...

— А я потеряла твою ленту. И ракушку с Локелани... Точнее, выбросила...

— Такую ленту? — Он стянул ту, что связывала его волосы, и обмотал ею запястье Нелл. — А ракушек насобираем еще. Приготовить тебе чай? Или сначала — ванну?

Еще вчера ванна казалась несбыточной мечтой. Как и этот мужчина рядом.

Снова повеяло нереальностью.

— Мне разве не нужно в общежитие?

— В первую брачную ночь? — возмутился Оливер. — Ни за что! Завтра. Или послезавтра. А сейчас давай так: сначала ванна, потом чай.

Пока он колдовал над кранами и температурными артефактами, она сняла платье и избавилась от корсета. Взяла со спинки кресла пеньюар, который пролежал здесь, наверное, с тех пор, как она в последний раз была в этом доме, но пылью, в отличие от толстой рамы зеркала, не покрылся, словно его отряхивали регулярно и снова оставляли на кресле дожидаться хозяйку. Точно у того, кто это делал, и малейших сомнений не было в том, что она вернется.

Нелл скомкала в ладонях прохладный голубой шелк и прижалась к нему лицом, обожженным морозом, ветром и стыдом, вспыхнувшим от осознания, как глупо и жестоко она поступила, сбежав от единственного человека, которому была нужна и который был нужен ей.

— Что случилось? — Оливер неслышно подошел со спины, обнял за плечи. — Ты плачешь?

— Нет, это... Кожа саднит. — Она развернулась к нему, демонстрируя сухие глаза и пятна на щеках. — Нужно достать ту мазь...

И сбежала снова. Ненадолго и недалеко — к своей сумке, которую Оливер оставил на полу у двери.

— Я тоже волнуюсь, — признался он. — Но я знаю, что у нас все получится. Правда, рыжая, все.

— Рыжая? — глухо переспросила Нелл.

— Прости. Тогда, в опере, когда я говорил с твоей матерью, она показала мне миниатюру в медальоне. Врезалось в память. Ты там такая...

— Рыжая. Слишком. Художник неверно подобрал цвет, но маме понравилось. — Нелл достала из сумки баночку с мазью и нащупала мешочек с амулетами Оуэна. — Хочешь увидеть, как это выглядело на

самом деле?

Не дожидаясь ответа, вернулась к зеркалу.

В кулоне для плетения иллюзий остался небольшой запас энергии, и теперь ее не придется тратить на создание фальшивых документов. Нелл зажала артефакт в кулаке и сконцентрировалась на своем отражении...

— Не нужно. — Оливер заслонил собой зеркало. — Не сейчас. Ты и так обессилена.

Нелл мотнула головой, она ведь потратит силы амулета, а не свои. Уже тратила, судя по тому, как изменился взгляд Оливера.

Взглянула поверх его плеча и улыбнулась показавшейся в отражении старой знакомой, за годы почти превратившейся в незнакомку. Возможно, художник и не напутал с цветом, или она сама уже не помнила, какие были у нее волосы. А веснушек, кажется, было меньше. И губы были не настолько яркими, ресницы — не такими пушистыми и темными, а глаза не блестели под ними влажными каштанами.

— Теперь всегда буду видеть тебя такой, — коснулся уха теплый шепот.

— Не будешь. Этого не восстановить, Илдредвилль говорил... Кстати, ты спросил доктора, куда он подевался?

Она неслучайно сменила тему и отстранилась за миг до того, как отражение в зеркале изменилось. Израсходованный амулет последними искрами силы кольнул ладонь.

— Нет, — покачал головой Оливер. — Даже забыл, что он вообще приходил. Нелл, я...

— Ты обещал мне чай, — напомнила она, прежде чем скрыться за дверью ванной.

Вода смыла горечь пустых сожалений, целебная мазь приятно охладила обветренное лицо и руки, а чай согрел изнутри.

Оливер успел воспользоваться второй ванной, и от него теперь пахло травяной свежестью. Забравшись в постель, Нелл уткнулась носом ему в плечо и с наслаждением вдыхала умиротворяющий аромат летнего луга и теплой кожи.

— Вы никак спать собираетесь, леди? — осведомился Оливер.

— Не собираюсь, — пробормотала она. — Уже сплю.

— Этим ли занимаются в первую брачную ночь?

— Не знаю. Никогда раньше не была замужем.

— Я тоже женат в первый раз... но мне рассказывали...

Что именно рассказывали, Нелл не узнала. То ли она уснула недослушав, то ли Оливер провалился в сон не договорив. И все же первая

брачная ночь, как и положено, была одной из самых приятных ночей в их жизни.

Эдварду Грину в эту ночь довелось поспать куда меньше, хоть женился он еще семь лет назад. Но тут стоит учесть, на ком он женился.

— Бет, ты сумасшедшая.

— Ага, — без зазрения совести согласилась миссис Грин, подобно сказочной фее объявившаяся в родительском доме, а точнее — в отведенной ее мужу спальне, ровно в полночь. — Но ты же любишь сюрпризы?

Сюрпризы Эдвард любил, жену тоже, а сюрпризы от жены — в особенности, но в этот раз супруга превзошла саму себя.

— Ты же сказал, что соскучился. И я пошла на портальную станцию... Все равно откладывала деньги тебе на подарок ко дню рождения, но так и не придумала, что купить.

— Ясно. Значит, это был мой подарок?

— Он тебе не понравился? — обиделась миссис Грин и, извернувшись, цапнула мужа зубами за ухо.

— Понравился-понравился, — поспешно заверил мистер Грин. — Я просто... не отошел еще от восторга... И утром мне будет неловко сидеть за одним столом с твоими родителями.

— Посижу с вами, — утешила его Элизабет. — Позавтракаю, повидаясь с Грэмом, а то я только на минуточку к нему заскочила, чтобы посмотреть, как он сопит в подушку. Проведу вас на вокзал и рвану телепортом в академию. А завтра вечером встречу вас в Энсвуде.

— Только возьми с собой кого-нибудь, — попросил Эдвард. — Рысь, думаю, не откажется прокатиться, и мне будет спокойнее, если ты поедешь не одна.

— Что происходит, Эд?

— А что происходит? — Он пожал бы плечами, но на одном как раз покоилась голова жены.

— Понятия не имею. Но что-то определенно происходит. Я чувствую такие вещи.

— Переквалифицировалась из целительницы в прорицательницы? — усмехнулся он.

— Когда ты не хочешь говорить правду, всегда отшучиваешься, чтобы не лгать, — вздохнула Элизабет. Может, она и вела себя порой как недалекая взбалмошная особа, на деле таковой не была, иначе Эдвард до сих пор оставался бы холостяком. — Я тоже не хочу, чтобы ты мне лгал,

поэтому стараюсь не задавать лишних вопросов, но все же... Мне стоит беспокоиться?

— Нет. Если что-то и происходит, нас это мало касается.

— А кого касается много?

— Ну... — Обманывать он действительно не хотел. — Тех, кто устроил взрыв в прошлом месяце, касается. Руководства академии... Тебе и правда не о чем волноваться.

— Бессовестный ты человек, — с чувством укорила Элизабет. — Знаешь, что я не могу тебе не верить, и пользуешься этим. Но мне все равно спокойно.

— Это возрастное.

— В смысле?

— Стареешь ты, мышка, — без обиняков заявил Эдвард. — Со старением изменяется течение основных нервных процессов. Тревожный синдром — первейший признак. Ты должна это знать как целительница, но, похоже, возрастные проблемы с памятью тебя тоже не обошли.

— Что?! — Элизабет угрожающе схватилась за подушку. — Ну, доктор, вы дошутились...

Дошутился — отшутился. Как всегда.

Главное, снова не солгал.

ГЛАВА 33

В первый раз Нелл проснулась еще до рассвета. Как не проснуться, когда мужу вздумалось продолжить разговор о традициях первой брачной ночи? Но по окончании обсуждения леди Райхон, утомленная познавательной беседой, тут же уснула снова, а когда проснулась в следующий раз, за окном было уже светло, нос щекотал аромат кофе и сдобы, а лорд Райхон — гладко выбритый, причесанный, в строгом костюме — сидел рядом.

— Уже уходишь? — протянула она сонно.

— Уже пришел, — улыбнулся он. — Ненадолго. Осталось немного свободного времени перед лекцией.

— Принес мне булочки?

— Не только. Поверь, еда тебе сейчас нужнее сна.

Первым побуждением было наперекор его словам укрыться с головой и спать дальше, но, во-первых, не хотелось отвечать неблагодарностью на заботу, во-вторых, Оливер был прав и для нормального восстановления сил следовало подкрепиться, а в-третьих, булочки пахли слишком чудесно, чтобы их игнорировать.

Убедившись, что она не собирается больше спать, Оливер ушел, но через два часа вернулся с пакетом зефира и букетом белоснежных роз. Сказал, что раз уже они пропустили этот этап в своих отношениях, теперь нужно наверстывать. Нелл не возражала. Что там дальше, после цветов и сладостей? Кажется, прогулки в саду и чтение стихов. А может, музицирование? Она помнила фото сидящего у рояля мальчика и не сомневалась, что в доме, в одной из комнат, где ей еще не приходилось бывать, стоит если не рояль, то хотя бы пианино...

Замечталась и забыла обо всех нерешенных проблемах.

— Я подумал, что лучше пригласить следователей к нам. — Оливеру, судя по тону, тоже о них вспоминать не хотелось. — Попрошу прийти в течение часа, если ты не возражаешь. А потом — пообедаем.

Слова об обеде прозвучали обещанием, что беседа с дознавателями не затянется и аппетита не испортит, и Нелл хотелось в это верить.

— Я буду с тобой, — пообещал Оливер.

Она представила себе это и замотала головой.

— Не нужно. Потом прочтешь протокол. Если захочешь.

Он рассказывал, что узнал о событиях той ночи от Вилберта, а о

последствиях — от Илдредвилля, но не интересовался подробностями, понимая, что потом ей придется повторять все для следователей. Не хотел лишней раз беспокоить воспоминаниями. А Нелл не стала объяснять, что давно смирилась с тем, что случилось с ней, пропустила через себя и переступила, чтобы жить дальше. Воспоминания не причинят такой острой боли, как в первые годы. Ей не причинят.

Но предстоящий разговор волновал не только из-за Оливера. Странно было бы оставаться совершенно спокойной, и Нелл несколько раз придирчиво осматривала свою одежду и приглаживала у зеркала волосы. Пыталась угадать, о чем ее будут спрашивать, и загадя готовила ответы.

Однако кое к чему она оказалась не готова.

Прежде столичных следователей явился хмурый сутулый старик. Прошел в гостиную, не сняв в прихожей длинное коричневое пальто, и остановился в центре комнаты, глядя одновременно и на поднимающуюся ему навстречу с кресла Нелл, и на огонь в камине за ее спиной. На огонь — с предвкушением, словно не терпелось протянуть к нему озябшие руки, а на Нелл — с подозрительностью, почти враждебно. Сложно было понять, как это ему удастся. Смотрящие в разные стороны глаза можно объяснить банальным косоглазием, но разное выражение в них объяснению не поддавалось.

— Нелл, — Оливер подвел ее к гостю, — позволь представить тебе инспектора Вильяма Крейга, шефа внутренней полиции академии и одного из немногих людей, кому я полностью доверяю. Инспектор, это...

— Леди Райхон, угу, — прогудел старик.

О том, что знакомство ему приятно, он и не обмолвился, а оба его глаза вдруг вперились в Нелл. Если бы отец Оливера был жив, а самому Оливеру едва исполнилось бы двадцать и он сообщил родителю, что женился... Нет, если бы Оливеру было пять лет и он притащил бы с помойки дворнягу, больную, блохастую и кусачую, которую проще пристрелить, пока она не навредила ребенку, чем отмыть, вылечить и воспитать, его отец именно так смотрел бы на эту дворнягу. А не исключено, что покойный лорд Райхон отреагировал бы на безродную псину ласковее, чем здравствующий инспектор на Нелл.

Если ее это и задело, то лишь самую малость. Главное, в поблекших от старости голубых глазах гостя не виделось жалости — именно жалость страшила Нелл сильнее всего. Когда в ней видели жертву, она сама начинала чувствовать себя жертвой. И это — худшее ощущение из тех, что ей довелось испытать. Сейчас же в ней видели угрозу, и Нелл не могла не признать, что действительно угрожает спокойствию и благополучию мужа.

На правду не обижаются.

— Наша женитьба стала для инспектора неожиданностью, — сказал Оливер в попытке сгладить напряжение. — До сих пор осмысливает этот факт.

— Осмыслил уже, — буркнул Крейг, не оценив стараний. Но тут же, усовестившись, ухмыльнулся в ответ. — Я к неожиданностям привычный. А за спешку да секретность с тебя еще леди Пенелопа спросит.

— Придумаю, как ее задобрить.

Неловкую беседу, несмотря на старания участников не имевшую шансов перерасти в непринужденную, прервал приход следователя и менталиста. Тем не было нужды разыгрывать зашедших на огонек приятелей. Представились сухо, так же сухо поинтересовались у хозяина дома, где они могут пообщаться с леди. Оливер пригласил всех в кабинет и сам собирался войти, надеясь, что Нелл забыла о своей просьбе. Но она помнила.

— Я сама. — Негромкий голос, упершаяся в его грудь ладошка. — Ты что-то говорил об обеде. Закажешь?

Осталось согласно кивнуть, минуту смотреть на закрывшуюся за ней дверь, чувствуя, как с той стороны оплетает замкнувшиеся створки паутина приглушающего звуки заклинания, и идти в холл, чтобы, воспользовавшись вторым аппаратом, позвонить в столовую и кондитерскую. А после возвратиться в гостиную, сесть у камина, развернуть вчерашнюю газету и притвориться, что происходящее в кабинете его не волнует.

Притворяться было не перед кем, но подобное давно вошло в привычку, и, изображая спокойствие, Оливер и в самом деле немного успокаивался. Это несложно при определенном опыте. Главное, не смотреть на часы. Не отстукивать пальцами по деревянному подлокотнику кресла монотонный ритм, вторя негромким щелчкам, сопровождающим движение секундной стрелки. Не прислушиваться к невнятным шорохам в коридоре, силясь различить за ними звук открывшейся двери и приближающихся шагов. Не злиться на шелест газетной страницы, которая сминалась под пальцами, мешая слушать...

Немного скрасил ожидание приход посыльного и по совместительству официанта. Оливер пропустил юношу в столовую и наблюдал, как тот расставляет тарелки, накрытые крышками, зачарованными на сохранение температуры блюд.

Затем — вновь гостиная и газета.

Наконец беседа в кабинете подошла к концу.

Следователь и менталист поблагодарили за помощь, попрощались и направились в сторону прихожей, точно торопились куда-то. Просили не провожать, но Оливер и не собирался, потому что вслед за дознавателями вышла из кабинета Нелл.

— Все хорошо, — сказала, прежде чем он успел о чем-то спросить.

— По тебе незаметно.

Она выглядела еще более измотанной, чем вчера поутру.

— Голова раскальвается. — Нелл коснулась виска. — У меня всегда так после общения с менталистами. Прости, будет странно, если я сейчас заберусь в ванну? Вода успокаивает.

— У меня есть хорошее средство от головной боли...

— Верю. Но можно я все же приму ванну?

Он кивнул, смутившись своей недогадливости. Ей действительно было это нужно. Не только потому, что вода приглушает негатив ментальной магии. Она хотела смыть с себя оживленные этой магией воспоминания, те, что на несколько мгновений пустотой отразились в ее глазах, превратив два теплых солнца в тусклые янтарные пуговицы. Ей было это нужно так же, как побыть сейчас одной.

Оливер довел Нелл до спальни и вернулся к кабинету. Остановился в дверях, глядя, как по-хозяйски расположившийся в его кресле Крейг перебирает разложенные на столе бумаги.

— Входи уже, — махнул старик. — Небось протокол попросишь?

— Не попрошу. — Оливер зашел в кабинет и прикрыл за собой дверь. — Сам возьму.

Крейг неодобрительно покачал головой, но не возражал.

— Что с Нелл? — поинтересовался Оливер. — Менталист ее сканировал? Она пожаловалась на головную боль.

— Не сканировал. Стандартную установку дал на правду-ложь. А голова — это от защиты скорее. Тоже стандартная процедура, должен знать. Нам же теперь супругу твою стеречь.

— Сам бы справился.

— Не положено. За сохранность твоей благоверной мне перед законом отвечать.

Оливер давно знал Крейга. Если подумать, то даже не со времен своей учебы, а с тех пор, как Джинни поступила в академию. Маленький Олли часто навещал сестру вместе с отцом, который был близко знаком с милордом Арденом, прежним ректором, а тот водил дружбу с шефом внутренней полиции...

Не было смысла соблюдать политес с человеком, с которым знаком

почти всю свою сознательную жизнь.

— Нелл вам не понравилась? — спросил Оливер. — Почему?

Крейг вздохнул, вытащил из кармана пальто большой носовой платок, развернул во всю ширину, рассмотрел так и этак, снова сложил, потер им под носом и в упор посмотрел на Оливера. Убедился, что тот никуда не делся и не забыл о своем вопросе, убрал платок в карман и вздохнул снова.

— Не понравилась. Не она сама, а... Вот Элеонор Мэйнард — да. Или даже Хелена Вандер-Рут. А леди Райхон — извини. Не такой я себе эту самую леди представлял.

— Ясно.

— Если бы. Ничего тебе, дурню, не ясно. Мало жизнь тебя била? Так и супружницу себе такую же битую взял. И побольше твоего битую. Нашел родственную душу, да? А ты подумал, что тебе теперь с этим жить? И сперва еще с проблемами разобраться, что с прошлыми, что с настоящими. А там, поди, и будущие не за горами. Не можешь же ты спокойно!

— Не могу, — согласился Оливер. — Значит, не в Нелл дело, а во мне. Так что простите, что жену выбрал не вам в угоду, а себе под стать.

— Под стать, угу. — Крейг уязвленно надулся. — Читай уже, да пойду я. Или и не читай, нет там ничего нового, чего бы уже от Вилберта не знали.

— По четвертому что?

— Не разглядела она его. Как бы... не до того было... Может, в памяти что осталось, но глубокое сканирование через столько лет — сам знаешь, какие последствия могут быть. Вот если бы Хеймрика прижать, наверняка он те по свежему следу снятые проекции хранит...

Хеймрика прижать хотелось. И не только его. Любого хоть сколько-нибудь причастного к тем событиям.

Или просто любого.

Видимо, Крейг это почувствовал, потому как, едва Оливер дочитал протокол, сгреб бумаги в портфель и ушел.

А Оливеру теперь с этим жить, да. Со своей болью, с ее болью, с иррациональным, но жгучим чувством вины за то, что одиннадцать лет назад он не был в Глисите, не знал ничего о Хелене Вандер-Рут и не мог предотвратить того, что случилось с нею.

До вечера он пытался заглушить в себе это чувство. Выискивал нейтральные темы для разговоров с Нелл. Снова показывал ей старые фото. Сувениры, привезенные из разных городов Арлона. Строил какие-то планы, но не на расследование, а на будущее, которого, если честно, в тот момент не представлял...

Долго не продержался бы, но Нелл вдруг сказала, что хочет спать. Было еще довольно рано, и Оливер подумал, что это — повод избежать разговора, но она в самом деле уснула. А он посидел недолго рядом, потом нашел в шкафу маску и перчатки и, проверив прочность защит, вышел из дома.

Вернулся к полуночи.

Собирался воспользоваться гостевой ванной, чтобы не потревожить Нелл, но она уже не спала.

— Скажи, что хотя бы победил, — вздохнула, рассмотрев вблизи кровоподтек на скуле и разбитую губу.

— Один раз — да.

Она склонила голову, ткнулась лбом ему в грудь, и Оливер стиснул зубы от боли: как раз в том месте назревал огромный синяк от пропущенного удара.

Зато внутри почти уже не болело.

— И кому это было нужно? — расстроено спросила шепотом Нелл.

Он обнял ее и поцеловал в макушку.

— Воронам.

Затем они сидели у камина в гостиной, пили чай и разговаривали.

Теперь можно было.

На следующий день Нелл вернулась в общежитие. Только на день, ночи она планировала и дальше проводить у Оливера и уже придумала, как устроить так, чтобы соседка не замечала ее отсутствия. Но выяснилось, что ухищрения не пригодятся, так как соседка у нее теперь была новая.

В первую минуту, увидев вместо миниатюрной шатенки жгучую брюнетку, растянувшуюся на застеленной кровати с книгой в одной руке и яблоком в другой, Нелл подумала, что ошиблась дверью, но, встретившись с красавицей взглядом, поняла, что ошибка тут исключена.

— Шанна, — представилась девушка, с сочным хрустом дожевывая яблоко. — А ты, должно быть, Нелл? Мне сказали, что ты приедешь, но никто не знал, когда именно.

Никто не знал, только Оливер не сомневался, что она вернется, и позаботился, чтобы за ней сохранилось место на факультете и в общежитии.

— Где Дарла? — поинтересовалась Нелл, проследив полет метко брошенного в мусорную корзину огрызка. — Девушка, которая жила тут раньше?

— Мы с ней поменялись. Мне выделили отдельную комнату из тех, где

обычно селят старост или лаборантов, с большим шкафом и собственным умывальником. Но... ностальгия, знаешь ли. Во время учебы эта комната была моей. Семь лет, целый сундук воспоминаний, я лично красила эти рамы, и прочее и прочее... Вот я и предложила малышке Дарле обмен. Она не возражала. Комната на одного и умывальник — здорово же? Но не волнуйся, это всего на два месяца, пока я прохожу скоростные курсы на артефакторном. Хозяин нотариальной конторы, где я работаю, решил, что его сотрудникам необходимо научиться обращаться с самопишущими перьями и другой новомодной ерундой, с помощью которой пускают пыль в глаза клиентам. А мы и не отказывались. Тот же отпуск, к тому же оплачиваемый, — почему бы и нет?

Тараторила она не хуже Дарлы, врала складно и в глаза глядела с той же бесшабашной наглостью, что и в первую встречу, когда вломилась в каморку Нелл в охотничьем бараке, не дав им с Оливером выспаться.

— И много в академии других нотариусов? — спросила Нелл, принимая правила игры.

— Да какие мы нотариусы? — отмахнулась девушка. — Секретари, младшие клерки... Кем еще слабенького мага-теоретика возьмут? Или боевика, который не захотел идти в армию или в полицию?

На вопрос так и не ответила. Взяла со стола еще одно яблоко и закрылась книгой. А Нелл принялась раскладывать по полкам книги и развешивать вещи в шкафу, размышляя, знал ли Оливер об этих «не нотариусах» и, если знал, отчего не предупредил.

— Вы думаете, двух месяцев хватит, чтобы разобраться с... самопишущими перьями? — спросила у новоявленной соседки, когда очередной огрызок отправился в корзину.

— Я — Шанна, — напомнила агентесса боги ведают какой секретной службы. — И лучше на «ты». Иначе и мне придется обращаться к вам «леди Райхон», и, если такое случится на людях, выйдет неловко. Не будем заводить неудобных привычек.

— Не будем, — согласилась Нелл, смиряясь с тем, что ее вопросы игнорируют.

Впрочем, это касалось лишь вопросов, связанных с расследованием. В какой комнате теперь искать Дарлу, Шанна ответила без заминки. Подумав, добавила, что «малышка», наверное, еще не вернулась с занятий, и предложила перехватить ее в столовой: как раз близилось время обеда.

— Все равно придется выйти. Показать людям. Посмотреть на их реакцию. Чем раньше обнаружим кого-то подозрительного в твоём окружении, тем лучше.

Возразить на это Нелл не смогла.

В коридоре Шанна вдруг остановилась у лестницы и указала на чью-то закрытую дверь.

— На самом деле вот моя бывшая комната. Но я по ней не скучаю. Да и вообще по академии.

— Почему? — удивилась Нелл. Если бы не та последняя ночь, она скучала бы по годам, проведенным в университете.

— Слишком много воспоминаний, связанных с этим местом. — Девушка задумчиво провела ладонью по каменным перилам. — Не сказать, что неприятных, но...

— Учеба или?..

— Или конечно же. — Шанна усмехнулась. — Мужчина. Точнее — мальчишка. Вечный мальчишка. Знаете, есть такие... Банальная в общем-то история: сначала он вскружил мне голову, потом я разбила ему сердце... А может, наоборот...

— Знаешь, — поправила Нелл.

— Что? — не поняла подсадная соседка.

— Знаешь, есть такие вечные мальчишки... Мы же на «ты»? Нужно избавляться от неудобных привычек.

— Точно. — Шанна встряхнулась и бодро скомандовала: — В столовую. Но прежде — в главный корпус и на артефакторный, мне нужно уточнить, перевел ли хозяин оплату, и узнать расписание курсов.

На деле она хотела поводить Нелл по академии, чтобы ее увидело как можно больше людей. Чувствовать себя приманкой удовольствия не доставляло. Оставалось надеяться на навешанную угрюмым инспектором защиту, собственные таланты, да на то, что идущую рядом девицу не за красивые глаза приняли в «нотариальную контору».

— Нам нужно к милорду Райхону? — уточнила Нелл, когда они, сделав немалый крюк, пришли в главный корпус. С Оливером она виделась совсем недавно, но уже успела соскучиться.

— Нет, к проректору по учебе. Но... — Шанна посмотрела вприщур, словно задумывала какую-то шалость. — Ты же только приехала? Думаю, следует сообщить об этом куратору.

Она хорошо вошла в роль насмешливой подружки, со значением растягивала слова, а во взгляде читалось столько намеков, что Нелл, наверное, полагалось смутиться. Но смущаться не хотелось, только повидаться с Оливером, поэтому она поблагодарила за дельную подсказку и направилась к приемной ректора.

Тут царил рабочая суэта. Секретарь, светловолосый молодой человек

с мягкими чертами лица и таким же мягким, слишком мягким для подобной работы голосом, пытался объяснить сурового вида господину, что передал ему все документы еще на прошлой неделе и справляться о них нужно у себя на кафедре, а никак не лично у милорда ректора, которому и других забот хватает. Заботы в лице двух немолодых дам в траурных платьях и троих угрюмых студентов, очевидно в чем-то провинившихся, сидели на стульях у стены и в спор не вмешивались.

— Добрый день, — поздоровалась Нелл, привлекая к себе внимание.

Секретарь и суровый господин умолкли и обернулись к ней.

— Могу я увидеться с милордом Райхоном? — С учетом занятости милорда это уже не казалось хорошей идеей, но она решила не отступить.

— Вы записаны? — печально вздохнул секретарь.

— Нет, но милорд Оливер сказал, что я могу обращаться в любое время, — уверенно солгала Нелл. — Меня зовут Элеонор Мэйнард, я — староста специальной группы, и милорд...

— Ясно, — недослушав, снова вздохнул секретарь. — Присядьте, я узнаю, примет ли он вас.

Дамы возмущенно зароптали, виноватые студенты, почуяв отсрочку наказания, немного воспрянули духом, секретарь, пользуясь возможностью, шмыгнул в кабинет ректора, сбегая от сурового господина, а тот одарил Нелл недовольным взглядом и вышел из приемной. Секретарь, возвращаясь, выглянул осторожно из-за ректорской двери, убедился, что проблемный посетитель убрался восвояси, и лишь потом вернулся за свой стол.

— Минуточку, — пообещал он Нелл.

Но и столько ждать не пришлось.

— Здравствуйте, мисс Мэйнард. — Оливер проигнорировал траурных дам и шагнул к Нелл.

— Здравствуйте, милорд. — Сохранить бесстрастное лицо было нелегко, но она старалась. — Простите, что отвлекаю от дел. Я лишь хотела известить вас о своем возвращении.

— Замечательно, что вы зашли, — сдержанно улыбнулся лорд Райхон. — У меня накопились поручения для вас. Желательно, чтобы вы взялись за их выполнение не откладывая.

Он повернулся к кабинету, где его кто-то дожидался, а потом указал на другую дверь, за которой располагался зал для совещаний.

Нелл собиралась рассказать о новой соседке и спросить, ждать ли других новшеств, но, едва войдя в пустую просторную комнату с длинным столом, вокруг которого выстроились плотным кольцом стулья, оказалась

прижата к стене, и рот ей закрыли прежде, чем с губ успел сорваться хотя бы вздох. Поцелуй был сладким и страстным, ненасытным, словно после долгой разлуки, а осознание того, что от собравшихся в приемной людей их отделяет лишь прикрытая, но незапертая дверь, приятно щекотало нервы, и так легко было захлебнуться в водовороте нахлынувших чувств... если бы над ухом что-то не звякнуло...

Оливер резко отстранился.

Но это оказался всего лишь телефон, висевший на стене в футе от плеча Нелл, уже умолкший: видимо, кто-то снял трубку параллельного аппарата.

— Дополнительный, — подтвердил Оливер. — Забыл, что его должны были тут установить. Прости.

— Ничего. — Она медленно выдохнула, переводя сбившееся дыхание. — Даже вовремя. Тебя ведь ждут.

— Да. — Он поморщился. — Продолжим за ужином?

— После ужина.

— За, — улыбнулся он. — Так интереснее.

Короткая встреча значительно улучшила настроение. Правда, на подходе к столовой у Нелл снова, как вчера, заломило виски. Но мигрень — такая мелочь, а мелочам не дано омрачать жизнь, в которой наконец-то есть нечто большое и настоящее.

Крейг посмотрел из-под насупленных бровей и велел недовольно:

— Губы оботри.

Оливер потянулся ладонью ко рту, но тут же отвел руку.

— От чего? — Помадой Нелл не пользовалась, а ничем больше он испачкаться не мог.

— От улыбки этой идиотской, — проворчал старик. — Мы тут дело обсуждаем или как?

— Дело, — кивнул Оливер, садясь за стол напротив инспектора и пришедшего с ним столичного следователя, имя которого не хотело задерживаться в голове. — Вы сказали, что получили информацию от банковских представительств.

Собственно, ничего больше посетители сказать не успели: вошел Флин и сообщил о приходе Нелл. Но вряд ли бы они вообще явились, если бы не всплыло что-то касавшееся дела.

— Деньги перевели не только на счет Хелены? — предположил Оливер. — Хеймрик тоже получил «компенсацию»?

Следователь раскрыл перед ним папку с выписками по счетам, и

милорд ректор самым вульгарным образом присвистнул, увидев, сколько перепало его глисетскому коллеге.

— Надеюсь, лорд Арчибальд посчитает это достаточным основанием, чтобы побеспокоить милорда Юлиуса, не дожидаясь окончания выборной кампании.

— Возможно, — уклончиво ответил следователь. — Милорд Хеймрик принимает активное участие в политической жизни королевства, и многие члены действующего парламента и кандидаты в следующий состав ценят это участие.

— Высоко ценят, — буркнул в сторону Крейг.

— Не только Хеймрик получил крупную сумму от фигурантов глисетского дела. — Следователь подал ректору другую папку.

Прочитав имя, Оливер помрачнел.

— Странная схема перевода, — заметил задумчиво. — Незначительные выплаты в мае и августе, а в сентябре — уже пять тысяч, но с ограничением использования на три года. Она не могла снять всю сумму до окончания этого срока, а в итоге так ею и не воспользовалась. Деньги еще в банке, как я понимаю? И плательщиком выступали не члены грех семей, как в случае Хеймрика, а только Олдридж. Быть может, это не связано с тем, что случилось с Хеленой?

Он пытался найти другие объяснения ради Нелл. Если выяснится, что лучшая подруга причастна ко всему, что ей пришлось вынести, даже через годы это станет для нее чувствительным ударом. Но иных вариантов пока не виделось, а факты говорили сами за себя: более пяти тысяч переведены Олдриджем на личный счет Сюзанны Пэйтон, впоследствии переоформленным на имя Сюзанны Росс. Но почему деньги так и не были сняты?

— Совесть проснулась, — предположил Крейг. — Но лучше пусть она сама скажет. Я подумал, ты захочешь... побеседовать...

ГЛАВА 34

Дарла сидела за тем же столом, который они с Нелл облюбовали в начале учебного года. Справа от нее устроился Рей, слева — Стивен, еще один студент со специального курса. Напротив — Тэйт Тирулл и двое незнакомых Нелл молодых людей, видимо, тоже с шестого алхимического. Дарла всегда стремилась завоевать мужское внимание, но вряд ли успевала поест в таком плотном окружении.

— Подойди к ним, — предложила Шанна. — Я побуду вон там. — Она указала взглядом на ту часть огромного зала, где за застеленными белоснежными скатертями столиками, сервированными лучшей посудой и приборами, трапезничали отпрыски аристократов, банкиров и промышленных магнатов. — Семь лет об этом мечтала, — призналась с косой ухмылкой, — а мечты должны сбываться.

Нелл рассеянно кивнула. Головная боль усилилась, и было уже не до странных чужих мечтаний, когда и собственное желание увидеться с Дарлой померкло, уступив место мыслям о таблетке обезболивающего.

Но менять планы было поздно: ее уже заметили.

Личико Дарлы озарилось радостной улыбкой, Рей удивленно округлил глаза и привстал, но шустрее всех оказался, конечно, Тэйт: перемахнул через скамью и вмиг оказался рядом с Нелл.

— Вернулась? — спросил недоверчиво.

— Да.

— Надолго?

— Навсегда, — ответила она, подумав, что Оливер не захочет оставить работу в академии.

— А как твой... твои сложности?

— Их больше нет.

— Нет?! — отчего-то разозлился алхимик.

Он схватил Нелл за руку и потащил к выходу, не обращая внимания на выкрики Дарлы, возмущенной тем, что какой-то наглец лишает ее долгожданного общения с подругой. Сама Нелл не возмущалась: Тэйт настырный, поговорить рано или поздно придется. Почему не теперь?

По странной иронии алхимик привел ее в ту же беседку, где они с Оливером встретились в их первую ночь. Теперь, когда вместо зелени ее оплетали лишь скрюченные сухие стебли, она уже не казалась надежным укрытием от посторонних глаз и даже от поднявшегося ветра не защищала.

Тот нещадно терзал паутину усохшего плюща и, если бы не завязанные под подбородком ленты, уже сорвал бы с головы шляпку. Нелл подумала, что и ее мигрень спровоцирована непостоянством погоды.

— Так... — Тэйт медленно раскачивался с пятки на носок, не зная, с чего начать. — Я не хочу лезть не в свое дело, но... Ты мне нравишься, я уже говорил. А я не люблю, когда люди, которые мне нравятся, влипают во что-то, что мне совсем не нравится...

Оливер рассказывал, что учудил этот мальчишка после ее отъезда. В самом деле мальчишка для нее, десять лет разницы. Но он не знал об этих десяти годах и действительно считал ее другом, если так бездумно бросился «мстить». Не хотелось невольно толкнуть его на новую глупость.

— Что именно тебе не нравится? — спросила Нелл.

— Кто, — хмуро поправил алхимик. — Человек, с которым ты... хм... Давай говорить прямо. Один раз я уже ошибся во всех этих полупамятах, теперь сам себе не верю. Может, я опять что-то не так понял, и у тебя ничего не было... — Он выдержал неуверенную паузу. — С нашим ректором.

— Было.

На столь скорое признание Тэйт не рассчитывал и, судя по ошарашенному виду, до последнего надеялся, что снова сделал неверные выводы.

— М-да... Это... даже не знаю... Но мечту доброй половины здешних студенток и преподавательниц ты осуществила. Поздравляю.

— Спасибо.

— По-твоему, это шутки? — вскипел парень. — Нелл, ты даже не представляешь, с кем связалась. Он же малефик! К тому же на голову больной. Убьет и не поморщится!

На голову больной сейчас была Нелл. И морщилась тоже она — от боли. Хорошо, что Оливер накануне, когда она спросила, к чему он упомянул ворон, рассказал и о выходке Тэйта, и о последующем «общении» с ним, а затем с Аланом. Конечно, чести ему тот срыв не делал, но в пересказе Тэйта, если бы Нелл сейчас потребовала объяснений, история наверняка получилась бы просто ужасающей.

Только зря лорд Райхон назвал шестикурсника малолетним дурнем: сообразил же он, что к чему, после того разговора.

— Говоришь, никаких сложностей? — продолжал распекать ее Тэйт. — Уверена? Думаешь, с ним можно порвать без проблем? Учитывая, как он разорвался после твоего отъезда, я бы не надеялся.

— Он больше не будет, — пообещала Нелл. — И я не порывала с ним.

Но сложностей уже нет. Мы во всем разобрались. И поженились. Официально объявим после зимних каникул, поэтому пока прошу тебя сохранить мои слова в секрете. Ты же умеешь хранить секреты?

— Это... — Парень хрипло откашлялся. — Это не шутка?

— Нет.

— Ты говорила, что не хочешь замуж, — напомнил он обескураженно.

— Передумала.

— Демоны!

Нелл поморщилась снова: что за глупая привычка поминать демонов, будто иных ругательств мало?

— Демоны! — словно назло ей повторил Тэйт и зачем-то постучал себя по лбу. — Почему у меня такое чувство, будто я влез туда, куда лезть не стоило?

— Интуиция, наверное. — Нелл передернула плечами. Затем удивленно тряхнула головой. Минуту назад эти движения отозвались бы болью в висках, но теперь не причиняли и малейшего дискомфорта.

— Зачем ты мне все рассказала, если это секрет?

— Ты спросил, я ответила. Решила, что при твоей склонности к необдуманному поступкам так будет лучше.

— Ну знаешь, — обиделся парень. — Мне и так ума хватило бы не подкладывать вончатку этому твоему... мужу...

— Вончатку?

— Это сокращение. Вонючая взрывчатка. Вончатка. Глупо звучит, знаю, но другого пока не придумал. Формула у вещества зубодробительная, чтобы использовать ее как название, а без названия патент не оформить.

— Патент? — заинтересовалась Нелл. — Расскажешь? Только давай вернемся в столовую?

Вончатка — замечательный повод отвлечься от серьезных разговоров. Тэйт понял ее намерения и поддержал, но, когда Нелл хотела, как раньше, взять его под руку, шагнул в сторону. И правильно. У нее же муж — злобный малефик. А ну как взревнует и проклянет?

Следователь с незапоминающимся именем был против, но с помощью Крейга удалось убедить его позволить Оливеру переговорить с Сюзанной Росс, прежде чем вызывать ее для дачи показаний.

Академия — отдельный мир, с собственными законами и иерархией, и Россы пока еще оставались частью этого мира. Было бы неправильно отдать их на растерзание чужакам, даже если они в чем-то виновны. Если понадобится, сами растерзают, но так, чтобы ошметки не полетели дальше

главных ворот. В этом Оливер, пожалуй, был солидарен с Хеймриком. Но с одной поправкой: солидарен в том, что касалось целей, но не методов.

— Милорд Райхон, там вас... — Флин вошел в кабинет сразу же после того, как его покинул столичный гость, и замер с приоткрытым ртом, увидев, чем занят ректор.

Вернее, занят был инспектор, наскоро сплетавший вокруг него сигнальную сеть. Защиту Оливер установил сам. Разумная предосторожность, если вспомнить, чем закончилась его предыдущая встреча с внешне безобидной дамой.

— Кто там остался? — спросил он ошарашенного секретаря.

— Миссис Бран с дочерью, — неуверенно проблеял Флин. — С прошением о повышении пособия. И студенты-некроманты...

— Второкурсники, которые на прошлой неделе целительскую анатомичку раскурочили? — уточнил Крейг. — Давай я с ними пообщаюсь?

— Пообщайтесь, — разрешил Оливер. — Роберт, убытки подсчитали?

— Да, — кивнул секретарь.

— После того как инспектор проведет воспитательную беседу с юными дарованиями, подготовьте письма их опекунам и не забудьте подколоть счета. Я подпишу, когда вернусь. Дисциплинарную комиссию на первый раз созывать не будем. А миссис Бран напомните, что ее супруг работал у нас парковым смотрителем, и мы не можем назначить ей пособие выше, чем получают вдовы преподавателей.

Чем бы он ни был занят, никогда нельзя было забывать об основных обязанностях. И все же выйти Оливер решил не через приемную, дабы не отвлекаться на посетителей.

Настроившись на стационарные каналы, открыл портал в коттеджный поселок, поближе к дому Россов. Как и в прошлый его визит, сработало оповестительное заклинание, но открывать никто не спешил. Пришлось позвонить и прождать почти минуту, прежде чем за дверью послышались шаги и детское хныканье.

— Входите скорее, холодно, — велела Сюзанна, прижимая к груди закутанного в одеяльце ребенка. — Что вам нужно? — спросила недружелюбно, едва гость оказался в прихожей. — Алан еще на лекциях.

— Я пришел к вам. Дело важное и отлагательств не терпит.

— Вот мое безотлагательное дело. — Хозяйка кивнула на выглядывающую из одеяла белокурую макушку. — Уложу его спать, тогда поговорим. Проходите в гостиную.

В гостиной у камина прямо на полу расположилась с альбомом и

карандашами дочка Россов, но составить компанию гостю ей не позволили.

— Хелена, иди к себе, — приказала мать.

Девочка обиженно насупилась, но не спорила. Послушно собрала карандаши и рисунки и удалилась, напоследок с любопытством посмотрев на Оливера.

Мальш на руках у Сюзанны снова захныкал. Она зашикала, поцеловала его в лоб.

— Подождите, — хмуро бросила Оливеру. — Он быстро засыпает.

И ушла, оставив приоткрытой дверь.

Вспомнилось начало разговора с лже-Эммой, когда та отлучилась так же, чтобы вернуться с револьвером в кармане. Оливер отогнал эти мысли и сосредоточился на циферблате каминных часов. Минута, две, три. Через три с половиной возвратилась Сюзанна: ребенок и правда быстро уснул.

— Теперь я готова вас выслушать, милорд.

Садиться она не стала, словно надеялась, что разговор не затянется. Оливер и сам был бы рад этому, поэтому спросил в лоб:

— Десять лет назад вы получили крупную сумму денег от отца Ирвина Олдриджа. За что?

— Что? — Женщина тряхнула головой. — О чем вы?

— О пяти тысячах на вашем счете, миссис Росс. Вряд ли вы не знаете об их существовании.

— Странно, что вы о них знаете, — процедила она сквозь зубы.

— Расследуется преступление, не имеющее срока давности. Банки не могут отказать уполномоченным службам в информации.

— Какое преступление?

— Я не имею права обсуждать это с вами.

— Оставьте, милорд. — Сюзанна раздраженно махнула рукой. — Нас вызывают на допросы, требуют клятву о неразглашении, не объясняя, что именно мы не должны разглашать, вы копаетесь в нашей личной жизни. Я имею право знать чего ради. Что случилось тогда в Глисете?

— Вы не знаете?

— А вы, судя по всему, подозреваете, что знаю. Так расскажите, в чем я, по-вашему, виновна.

— Я не утверждаю, что вы виновны.

— Расскажите, — повторила она нервно.

— Если в общих чертах... — Он всмотрелся в напряженное лицо женщины, остановившейся рядом с его креслом. — Думаю, вы уже поняли, что то происшествие не было несчастным случаем. Имело место

спланированное преступление, в результате которого три человека погибли, а еще два серьезно пострадали. Преступник до сих пор не найден.

— Два, — повторила Сюзанна. — Нелл и Вилберт? Он тоже был там?

— Не с самого начала, но да.

— Почему это всплыло только сейчас?

— Я же сказал, преступника не нашли. Пострадавшие не решались выступить с заявлением. Собственно, поэтому дело и сейчас засекречено.

Сюзанна задумалась. Потом вдруг отвернулась и, не глядя на Оливера, спросила:

— Это был призыв? Кто-то призвал демона?

— Я сказал уже достаточно. Теперь жду ответов от вас.

— Пожалуйста, — попросила она. — Я устала строить версии. Думала о том, что случилось с Нелл и наставником. Предполагала прорыв, но если преступление... Был целенаправленный призыв, да?

— Да.

— Да, — повторила она глухо. Быстро подошла к бару, открыла дверцу. — Полагаю, вы не пьете в это время суток. А я с вашего позволения...

— Миссис Росс.

— Деньги, я помню. — Она плеснула в стакан виски и залпом выпила. — Пять тысяч Олдриджа. Его вы конечно же не спросили. Естественно, зачем тревожить уважаемого человека, когда можно прийти ко мне? Наверное, нужно поблагодарить вас, что явились лично, а не прислали людей из этих ваших уполномоченных служб?

— С ними вам предстоит встретиться позже, — не стал скрывать Оливер. — Но если тот перевод не имеет отношения к расследуемому преступлению...

— Имеет. — Сюзанна налила виски в стакан и вернулась к Оливеру. Села в соседнее кресло. — Не прямое, но имеет. И тогда мне тоже пришлось дать подписку о неразглашении, но вас ведь это не остановит? — Она отпила немного и поморщилась. — Пришлете менталиста, чтобы вытащил из меня всю правду? Даже если эта тайна из тех, что охраняются законом? У этих уполномоченных служб есть право лезть в подобные?

— Зависит от того, о какой тайне речь.

— О тайне усыновления.

Подобного ответа Оливер ожидал меньше всего. Растерялся, не зная, как уместнее спросить, чьего усыновления или же при чем тут вообще усыновление, но, пока думал, в голове сами собой всплыли и выстроились в стройную цепочку собранные ранее факты.

— Стенли Олдридж — ваш сын?

Сюзанна вздрогнула. Виски всколыхнулся нервной волной.

— Брайан. Я назвала его Брайан. Но это никого не интересовало. Я потеряла все права на него еще до его рождения. Продала — думайте так, если хотите.

— Вы не воспользовались деньгами.

— Вы серьезно? — Она взглянула искоса, недоверчиво. — Полагаете, это что-нибудь значит?

— Для вас — видимо, да.

— Видимо, — отрешенно проговорила она, прежде чем надолго умолкнуть.

Сидела, ссутулившись, сжимая в ладонях стакан, смотрела прямо перед собой — в никуда. Потом в два глотка допила виски и начала рассказывать. Из оборванных фраз и задумчивых пауз постепенно складывалась история.

На момент трагедии в Глисите Сюзанна встречалась с Ирвином Олдриджем чуть больше полугода и была уже на третьем месяце беременности. Об этом знала лишь акушерка, которую Сью нашла в городе, опасаясь обращаться к университетским целителям, чтобы не поползли слухи. Нелл о своем положении она не сказала, считая, что будет неправильно, если подруга узнает об этом раньше Ирвина. Ему не говорила по другим причинам. Боялась его реакции. Боялась, что бросит ее или потребует избавиться от ребенка. Или сам сделает что-нибудь: ей приходилось слышать о том, как маги, желавшие избежать ненужного отцовства, подливали любовницам провоцирующие выкидыш зелья или убивали плод заклинаниями. Но, помимо страхов, оставалась еще надежда, что Ирвин и правда питает к ней какие-то чувства и скорое появление ребенка подтолкнет его к решительному шагу, поэтому Сюзанна собиралась поговорить с ним после выпускного экзамена.

— Обещали, что на экзамен приедут ведущие демонологи департамента контроля. Нелл верила, что наш проект их заинтересует... Ее проект, в большей степени — ее, но она сама говорила «наш». Я ведь не была бесполезным придатком, занималась чертежами и расчетами. Начертательная символика — вы же помните, я читала курс в академии? У меня с первого года хорошо получалось, а Нелл не могла заниматься всем и сразу. Она доверяла моим расчетам, а я никогда ее не подводила, и, если бы все получилось, мы бы продолжили работать вместе...

Сюзанна мечтала об этом не меньше Нелл. Место в хорошо финансируемом проекте превратило бы ее из безродной сироты-

стипендиатки в уважаемую ученую даму, с которой не зазорно будет породниться таким чванливым богатеям, как Олдриджи. А если бы Ирвин все же не захотел подобного развития событий, она растила бы ребенка сама, не беспокоясь о том, где взять деньги, исследования ведь предполагались долгосрочные, а она занималась лишь теоретической частью, и ни беременность, ни роды помехой не стали бы. Потом можно было нанять няню.

По тому, как она об этом рассказывала, второй вариант Сюзанна планировала серьезнее. Первый ближе был к мечтам.

Одна январская ночь перечеркнула оба.

— По ним я прорыдала неделю. Потом поняла, что осталась совсем одна, и еще неделю оплакивала уже себя. Вряд ли вы поймете, милорд, каково это...

— Пойму.

Так было, когда через две недели после похорон Джинни он стоял у гроба отца. Тогда он не просто потерял близких, он почти потерял себя.

Оливер закрылся от тяжелых воспоминаний, заставив себя сосредоточиться на рассказе Сюзанны, тоже, впрочем, не радостном.

— ...Я так никому и не сказала, что жду ребенка. Собиралась после защиты диплома подать документы в аспирантуру и боялась, что из-за беременности мне откажут. Поэтому — платья свободного кроя, немного иллюзий. После того как меня приняли бы, планировала уехать на лето. В августе родила бы и в сентябре вернулась в университет уже с малышом... Потом случайно столкнулась с матерью Ирвина. Она приезжала к Хеймрику. Казалась такой несчастной, Ирвин ведь был единственным сыном. А я... Я была молодой и наивной. Подумала, что, если скажу ей, мы сможем помочь друг другу. У нее появится внук, живое напоминание о погибшем сыне, а у меня — какая-то поддержка. Можете думать что угодно, но я не рассчитывала жить за их счет. Даже просить ни о чем не собиралась. Подумала, что Олдриджи, если признают моего ребенка, не позволят ему прозябать в нищете, а если со мной что-то случится, малыш не отправится в приют. Я росла в приюте и своему сыну такого не желала. Узнала, где остановились родители Ирвина. Встретилась с его матерью. И знаете, она действительно обрадовалась, мы договорились встретиться снова, поговорить...

Но на встречу пришел папаша Олдридж. И разговоры были другие. Сюзанна не рассказывала, но Оливер мог догадаться, сколько подозрений, обвинений, а может, и оскорблений на нее вылилось, прежде чем ей заявили, что их семья не примет голодранку, но готова позаботиться о

ребенке, если будет доказано, что он действительно Олдридж. Сюзанна была рада и этому. Пока не узнала, что именно понимается под заботой.

— Я отказалась. Тогда Олдридж сказал, что все равно отберет у меня ребенка. В лучшем случае — через суд. В лучшем для меня, потому что сам он суда и огласки не хотел и назвал другие варианты...

— Вы никому не сообщили?

— Кому? — вспыхнула она. — Сколько раз нужно повторить, чтобы вы поняли? Я осталась одна. У меня никого не было. Алан... Он приходил только из-за Нелл. Поговорить, вспомнить, вместе поломать голову, что же случилось в ту ночь... Думаете, ему нужны были мои проблемы? А если бы и так — что он мог? Пошел бы против Олдриджа? Против Хеймрика?

— Хеймрик знал?

— Да, — со злостью процедила Сюзанна. — Через день являлся, чтобы меня «образумить». Убеждал, что так будет лучше.

— Убедил?

— Нет, — мотнула головой она. — Было бы проще сказать, что да, но я давно себя этим не обманываю. Я сама согласилась. Подписала бумаги...

— Вы могли отменить решение и в судебном порядке добиться возвращения ребенка. Поэтому Олдридж установил ограничение по пользованию деньгами на три года?

— Кажется, да. Не помню. Он переводил какую-то мелочь на содержание, пока я была беременна, а эти пять тысяч вписал в договор уже после. Наверное, нелегко было бы доказать суду, что я не хотела отдавать сына, когда на моем счете лежат деньги, за которые я его продала, да?

Ответ не требовался, Сюзанна его уже знала, и Оливер промолчал, позволяя ей рассказывать дальше, хоть в этом тоже не было нужды.

— В сентябре я вернулась в университет. Одна. Но на этом проблемы не кончились. Кафедре урезали финансирование, потребовали сокращения количества аспирантов... Насчет финансирования не скажу, возможно, так и было, но то, что денег не хватило именно на мою программу, — не случайность. Как и то, что из всех возможных мест мне предложили станцию в пустыне в месте нестабильного разлома. Я это понимала. Но сделать ничего не могла. Отказалась бы от работы по распределению, пришлось бы искать место самой, но в университете я в любом случае не осталась бы... Тогда и появился Алан. Я знаю, он рассказал вам, что женился на мне отнюдь не по большой любви. Его любовью была Нелл, и меня это устраивало. Нас обоих по множеству причин устраивал этот брак, и мы не думали, что когда-нибудь он станет... браком... Но потом все изменилось. Не в один день, даже не в один год, и без трудностей не

обошлось, но это лишь увеличивает ценность того, что мы имеем сейчас. Понимаете?

— Если вы беспокоитесь, что Алан может узнать...

— Он знает. Я рассказала ему, когда Хелене, нашей Хелене было пять. Просто не могла больше молчать. Смотрела на дочь и думала о сыне, которого лишилась из-за собственной глупости и трусости. Наверное, мои откровения и стали самым серьезным испытанием для нашей семьи. Алан тяжело это принял. Понял, но... Было сложно. И все же мы пережили это. Стали, казалось, еще ближе чем прежде. Родился Марк... А потом вернулась Нелл...

Сюзанна посмотрела на пустой стакан, который до сих пор вертела в руке. Несколько секунд колебалась, видимо раздумывая, не налить ли себе еще, но все-таки поставила стакан на столик у кресла.

Повернув голову, взглянула в упор на Оливера:

— Я ответила на ваш вопрос?

— Да, вполне.

— Когда мне нужно встретиться со следователем?

— Когда вам будет удобно. Я объясню ситуацию, вам останется лишь подтвердить свои слова.

— Хорошо. Но я не стану повторять всего, что рассказала вам. Скажу, что отказалась от ребенка, получила деньги и подписала согласие на усыновление.

— Но...

С улыбкой из тех, под которыми прячут печаль и обреченность, женщина покачала головой:

— Не может быть никаких «но», милорд. Я смирилась с тем, что никогда не верну себе сына. Да он и не был моим. Не я его растила, не я видела его первые шаги, не мне было адресовано его первое слово. Когда-то я еще надеялась, что все можно исправить, но теперь не хочу отнимать у него больше, чем смогу дать. Я знаю, что его любят и заботятся о нем. А когда он вырастет... Кровь — не вода, как говорят. Он наверняка пойдет учиться. И если он унаследовал дар от меня или от своего отца, а не слабенький дедовский, то младшей школой обучение не ограничится. Он поступит сюда, в академию, или в Глисет, или в Найтлоп, выбор ведь невелик. Может, и не на демонолога, но я все равно могла бы работать там же, где он будет учиться. Потому и рвалась в свое время в аспирантуру... Стала бы видеть его чаще. Возможно, мы познакомились бы, могли бы говорить, пусть и об учебе... Простите. — Она отвела взгляд, поняв, что увлеклась мечтами.

— Вы меня простите за беспокойство, — проговорил Оливер, вставая. — Когда будете готовы встретиться со следователем, свяжитесь с инспектором Крейгом. В вашем доме ведь есть телефон?

Сюзанна молча кивнула.

После так же молча провела его до двери. Но, когда Оливер уже собирался попрощаться, вдруг остановила его, несмело коснувшись плеча.

— Я забыла спросить... Есть новости о Нелл?

— Есть, — ответил он коротко.

— Но мне вы не скажете? Что ж, понимаю.

— Она в академии. Вернулась сегодня.

— Да? — встрепелась Сюзанна. — И вы... Вы ей расскажете? Обо мне? О том, что...

— Не волнуйтесь, — успокоил Оливер. — У нас есть другие темы для разговоров.

Эдвард Грин когда-то хорошо сказал: «У меня нет секретов от моей жены, но это не значит, что их не должно быть и у вас». Оливер повторил бы эту фразу, но не собирался информировать миссис Росс об их с Нелл состоявшейся свадьбе.

— А если я попрошу вас рассказать? — прошептала Сюзанна.

Это прозвучало так неожиданно, что он и не попытался скрыть недоумение.

— Расскажите, — попросила она. — Я бы сама, но... Просто расскажите. Нелл поймет. А если нет... Все равно расскажите.

Оливер не знал, как выполнить эту просьбу и нужно ли ее выполнять сейчас, когда Нелл и так довольно волнений. Он вернулся в ректорат, поделился тем, что узнал, с дождавшимся его Крейгом, не избежал-таки встречи с вдовой смотрителя и ее «бедной деточкой» — унылой старой девой, претендовавшей на статус лишившегося кормильца ребенка, подписал подготовленные Флином письма, вернулся домой и заказал ужин.

А к ужину пришла Нелл, и разговор случился сам собой.

Сколько, оказывается, судеб искорежила одна ночь. Сколько подлости и лжи повлекла за собой.

— Я не знала... — Нелл шарила рукой по столу, безотчетно пытаясь найти сигареты, которым тут неоткуда было взяться. — Не знала, что отношения Сью с Ирвином зашли настолько далеко. Он присылал цветы, приглашал ее на прогулки...

Нужно было догадаться, что Олдридж не тратил бы время на безрезультатные ухаживания. Но разве ей тогда было до Сюзанны? Нет, ее

интересовал лишь диплом и получение гранта, чтобы продолжить работу над проектом, даже мысли о скорой свадьбе едва просачивались сквозь плотное нагромождение формул, расчетов и честолюбивых планов.

— Не знала, — повторила, словно оправдываясь.

Оливер погладил ее по руке.

— Если бы и знала, это ничего не изменило бы.

— Тогда — да. А теперь?

— Сюзанна не собирается выдвигать претензий. У закона их тоже нет. Усыновление оформлено официально, а спектакль с беременностью миссис Олдридж и родами в октябре — допустимый обман с целью сохранения секретности. Возраст ребенка по документам в таких случаях может быть изменен в пределах года.

Неправильно, несправедливо, но это — выбор Сью. У нее было время все взвесить и принять решение. Даже если неверное, не Нелл его оспаривать.

— Но, думаю, мы могли бы использовать эту историю, чтобы надавить на Олдриджа, — неожиданно закончил Оливер. — Сам он нам не нужен, но он завязан и в этом деле, и в твоём с Хеймриком, а того давно пора прижать.

— Пора, — согласилась она. — Но лорд Аштон...

— Осторожничает. Если обратиться к нему за разрешением, наверняка откажет. Он не хочет трогать Хеймрика до января. Но если не спрашивать, есть шанс организовать встречу с милордом Юлиусом уже в ближайшее время.

Нелл далека была от политики и не хотела вникать, каким образом ее бывший ректор связан с различными парламентскими партиями и коалициями. Она хотела лишь, чтобы все поскорее разрешилось и можно было просто жить, легко и счастливо, не страшась за свое будущее. Поэтому, пусть обычно и относилась с сомнением ко всем авантюрам Оливера, эту поддержала сразу же:

— Организуем встречу. И с Олдриджем и с Хеймриком. Уверена, они оба будут рады меня видеть.

ГЛАВА 35

С визитами решили повременить и хорошо подготовиться. Утром Оливер помог Нелл проложить портал в общежитие, а сам направился в ректорат. Его ждала работа, ее — возвращение в учебную группу, а ближе к полудню они должны были увидаться на лекции. Никакие тревоги не помешали Нелл предвкушать миг, когда он войдет в аудиторию и начнется игра «Мы едва знакомы и этой ночью не спали в одной постели». Правила просты: смотреть на него то украдкой, то прямо, изображая внимательную слушательницу, ловить будто бы случайные взгляды, угадывать улыбку на сосредоточенном лице и, может быть, прикоснуться невзначай. А если милорд Райхон даст письменное задание, расписать вместо магических формул парочку смелых фантазий и любоваться затем, с каким выражением он станет это читать.

Нелл даже напевала тихонько, собираясь на занятия, чем позабавила новую соседку, но ее это не смущало. Жизнь сложна и непредсказуема, уже через миг готова озадачить горькими откровениями прошлого или подбросить новых бед в настоящем, и глупо, понимая это, не радоваться милым мелочам.

За ночь подморозило, ветер поднялся еще сильнее чем накануне, и по дороге на факультет Нелл продрогла в своем старом пальто, но устроенная ей однокурсниками теплая встреча с лихвой это компенсировала. Однако она не напрасно опасалась жизненной непредвиденности: к тому времени, как в аудитории появился Оливер, шаловливые утренние мысли напрочь вылетели из вновь разболевшейся головы. Желанный родной голос казался нестерпимо громким, лекция — утомительной, и Нелл с облегчением вздохнула, когда она подошла к концу.

— Мисс Мэйнард, задержитесь. Вы пропустили немало занятий, и поэтому... — Оливер растягивал слова, взглядом провожая покидающих аудиторию студентов, и, как только за последним закрылась дверь, присел на скамью рядом с Нелл. Привлек к себе, поцеловал в лоб. — Что с тобой? Выглядишь уставшей.

— Голова болит, — призналась она, морщась. — Опять. Возможно, из-за защит. Я не могу проверить изнутри, но боюсь, что инспектор с ними перемудрил.

Оливер обхватил ладонями ее лицо и сосредоточенно взгляделся в точку между бровями.

— С защитами все в порядке, насколько я вижу, — проговорил обеспокоенно. — Но твое самочувствие мне не нравится. Сходи к Грину.

— Может, это из-за погоды? — неуверенно предположила Нелл.

— Сходи, — с нажимом повторил Оливер. — Я сейчас в ректорат, оттуда позвоню Эдварду и предупрежу, что ты придешь. Заодно расспросишь доктора, куда он подевал твоего эльфа.

Вряд ли Илдредвилль отчитывался, куда и почему ушел, но поинтересоваться стоило, как и разобраться с досаждающей уже второй день болью, поэтому, отсидев лекцию по истории, Нелл отправилась к доктору. От Рея, который собирался ее проводить, она избавилась, но идти в одиночестве не пришлось: недалеко от учебного корпуса ее встретила Шанна и, не спрашивая разрешения, зашагала рядом.

— Мне тоже нужно в лечебницу, — врала она без запинки. — Хочу навестить старых знакомых.

Нелл пожалала плечами: пусть себе идет. Присутствовать при осмотре Грин этой девице все равно не позволит. Однако к кабинету заведующего Шанна направилась вместе с ней. И постучала сама, словно всерьез рассчитывала не оставлять Нелл даже на приеме у врача.

— Входите, — ответили из кабинета почему-то женским голосом.

— Прекрасно. — Шанна распахнула дверь, при этом отступив в сторону и пропуская Нелл вперед.

— Добрый день, — поздоровалась стоящая у стола женщина. — Вы к доктору Грину? Его сейчас нет, но если я могу чем-нибудь помочь...

Казалось, помощь нужна ей самой. Миссис Грин, а это была она, выглядела расстроенной. Но лишь до того момента, как, отпихнув Нелл с дороги, в кабинет вошла Шанна.

— Ашгон, ты ли это? Я-то думала, ты уже стала заправским лекарем, а ты до сих пор только и делаешь, что мужу кофе варишь, пока он работает?

— Раскес! — Лицо целительницы превратилось в зеркальное отражение ухмыляющейся физиономии новой соседки Нелл. — А ты никак ко мне на прием захотела? Можно устроить. Только мой кабинет в подвале.

— В прачечной? — Шанна пренебрежительно хмыкнула.

— Прачечная у нас во флигеле, — очаровательно улыбнулась миссис Грин. — А в подвале — морг.

— К живым тебя не подпускают?

Академия — отдельный мир, как сказал однажды Оливер. Но этот мир очень и очень тесен.

— Так вы к доктору, мисс? — спохватилась целительница, вспомнив о

Нелл. — У него операция, приема сегодня не будет. Но если дело неотложное, можете обратиться к дежурному целителю.

— Хорошо хоть не к тебе, — влезла в разговор Шанна, прежде чем Нелл успела открыть рот. — Она не к доктору. Со мной пришла, за компанию. Соседка моя.

— Соседка? — Недоверие Элизабет Грин можно было понять. Нелл она наверняка узнала.

— Соседка, — беспечно подтвердила Шанна. — Я тут снова в студентки подалась. Срочные курсы на артефакторном, слышала? Нет? Ну да, тебе не до этого. Покойничков потрошить, кофе супругу варить... Что, кстати, у него за операция? Кто-то из местных или со стороны?

Миссис Грин разом посерьезнела:

— Наш, студент. Полчаса назад доставили с полигона. Знаешь же, как бывает. Травма немагическая, но...

— Наш доктор справится, даже не сомневаюсь.

Шанна сказала это так искренне, что Нелл заморгала от удивления: не подменили ли скоростным порталом бесцеремонную агентессу на другую девушку, похожую на нее, но лучше воспитанную.

— Ты бы не выскочила за рядового целителя, да, Ашгон? — последовал тут же вопрос.

Нет, не подменили.

— Конечно, — не растерялась миссис Грин. — Искала лучшего.

— Помню, — не унималась Шанна. — Долго и старательно перебирала кандидатов. Я думала, остановишься на милорде Райхоне, особенно после того, как он, кажется, расслышал твои томные вздохи. О ваших прогулках под луной вся академия шепталась.

— Вот уж не думала, что ты интересовалась сплетнями, — проворчала целительница, но щеки ее заметно порозовели.

— Я, пожалуй, пойду. — Нелл отступила к двери. — Вам есть о чем поговорить.

— Успеем еще, — махнула рукой Шанна. — Да, Ашгон? Забегу в другой раз, покажешь мне свой подвал.

— Даже на прозекторском столе разрешу полежать, — пообещала Элизабет Грин.

— С удовольствием воспользуюсь предложением.

Шанна взяла Нелл под руку, потянула к двери и почти не сбилась с шага, услышав прилетевший в спину вопрос:

— Рысь знает, что ты вернулась?

Девушка обернулась через плечо:

— Узнает, если ты ему расскажешь. Но я не вернулась. И к слову... милый чепец.

Из лечебницы они вылетели так, словно за ними гнались. К тому моменту, как ей удалось вырваться, Нелл уже запыхалась.

— К чему такая спешка? — спросила, отдышавшись.

— Надо, — туманно ответила Шанна.

— А зачем было говорить с миссис Грин о милорде Райхоне при мне? Ей будет неловко, когда она все узнает.

— Ашгон? Неловко? Сомневаюсь. Зато она отвлеклась.

— От операции? Кажется, да. Она так переживала...

— От тебя, — с укором выговорила Шанна. — На тебе защитная сеть. А Элизабет Грин — не самый слабый маг в академии. И неплохая целительница, хоть и предпочитает возиться с мертвяками. Если бы милашка Элси пригляделась к тебе, то очень удивилась бы вот этому всему. — Она обвела рукой окружавший Нелл невидимый купол. — Пришлось бы объяснять, а лорд Арчибальд специально просил не вмешивать в наше дело его дочурку. И не давать ей повода вмешаться самой, а уж она может, поверь.

— Ты ее хорошо знаешь. Дружили во время учебы?

— Дружили бы, — фыркнула Шанна. — Если бы мне тогда нужна была подруга. Нет, Ашгон была ценнее в другом качестве. Мы с ней, скажем так, не давали друг другу расслабиться. Учились вместе на боевом. Единственные девушки на курсе, но парни нам в соперники не годились. Я не хвастаю, так и было... Пока ей вдруг не взбрело в голову перевестись на целительский. Потом втрескалась в своего доктора, свадьба, ребенок... теперь вот — беленький чепец... Люди меняются, увы.

— Меняются, — согласилась Нелл. Она вспомнила ринг тайного бойцовского клуба и девушку в черной маске. Черная Мамба, кажется.

— Слухи о ней и милорде Райхоне правда ходили, — подмигнула Шанна. — Интересно?

— Не очень. — Нелл не сомневалась, что способ отвлечь давнюю подругу Шанна выбрала неслучайно, и не желала становиться пособницей мелочной мести. — А кто такой Рысь? — ввернула в ответ.

— Река, — с неизменной ухмылкой ответила соседка.

— Река?

— Ага. Та самая, в которую нельзя войти дважды. Голова еще болит?

— Немного. Но я знаю, что с этим делать.

Пусть Оливер и уверял, что защиты тут ни при чем, стоило убедиться наверняка.

Неожиданные посетительницы ненадолго отвлекли Элизабет от безрадостных мыслей, но, едва девушки ушли, миссис Грин вернулась к прерванному занятию. К самоедству. С чего вдруг Шанне Раскес понадобилось проходить дополнительный курс на артефакторном, можно и после подумать, а как ей, Элизабет, жить дальше такой никчемной бездарью — вопрос, ответ на который нужно найти сейчас, пока Эд в операционной. Потому что когда он вернется, сам спросит, почему она отказалась от участия в операции. Первичная диагностика показала серьезное повреждение внутренних органов, могла потребоваться эктомия, и для принятия окончательного решения нужно было заключение патологоанатома. Такой шанс для нее! А она струсилась. Не рискнула взять на себя ответственность за жизнь и здоровье человека. Естественно, Эдвард подстраховал бы, не допустил бы фатальной ошибки, но, во-первых, зачем ему в операционной недодоктор, которого нужно проверять, а во-вторых, как ей смотреть ему в глаза после того, как он скажет, что она чуть не лишила бедного студента поддающейся исцелению селезенки или обрекла его на муки, недооценив масштабы пневмоторакса?

Нет, не выйдет из нее хорошего доктора.

Со студенткой этой, Мэйнард — надо же, чтобы Шанна оказалась ее соседкой! — тоже застряла на полпути. Казалось, вот-вот... И ничего.

Эд, конечно, не упрекал. И материалы забрал, чтобы она больше не мучилась, а взамен подарил ей двуглавого ягненка — мертворожденного мутанта в банке с формалином. Пожалел. А ей не хотелось, чтобы ее жалели. Особенно Эд. Он должен был ею гордиться, и не как женой-красавицей или примерной хозяйкой, а как целительницей. Элизабет ни о чем не мечтала так сильно, как об этом. Даже старика этого, Вилберта, который с неизлечимой магической травмой, подкараулила, умудрилась выдернуть у него несколько волос и образец слюны взяла, благо дедуля ручку облобызал со всем пылом, а не воздух над пальцами чмокнул. Но по Вилберту она тоже результатов не добилась...

— Вилберт! — Элизабет, до этого нервно расхаживавшая по кабинету мужа, резко остановилась.

— Вилберт, Вилберт, Вилберт... — бормотала она, сбегая по лестнице в подвал.

— Вилберт, — повторяла, перебирая контейнеры с образцами.

Нашла, отложила в сторону.

— А теперь — Мэйнард.

Эд думает, что забрал у нее все материалы. Пускай думает. Пока. Она

не станет ему рассказывать, что обнаружила нечто общее у этих двоих. Такие выводы не делаются на глаз. Вот проведет парочку тестов, убедится, и тогда...

В полицию Шанна с ней не пошла, хотя от поддержки, даже такой сомнительной, при разговоре с невзлюбившим ее инспектором Нелл не отказалась бы.

— Какими судьбами, леди? — хмуро встретил ее в дверях своего кабинета Крейг.

— Я к вам.

— Догадался уже. Входите, коль так. — Он доплелся, припадая на ногу, до стола, шмякнулся в кресло, а Нелл указал взмахом руки на стул напротив. — Весь внимание.

Вопреки последнему заявлению слушал поначалу рассеянно, не скрывая пренебрежения: ходят тут всякие, от работы отвлекают. Но с середины рассказа — Нелл старалась детально описать свои ощущения — заметно заинтересовался. Даже косить перестал.

— Сейчас болит? — спросил, взглядом высверливая дырочку у нее во лбу.

— Немного. Как раз там, куда вы смотрите. Но Оливер... милорд Райхон не заметил...

— Не по той части твой милорд, — пробормотал полицейский, неожиданно переходя на «ты». — И какие он защиты проверял? Мои? Или свои? — Потянулся через стол, положил на лоб Нелл шершавую ладонь и прищурился. — Сейчас штуку одну поправлю, а ты скажешь, полегчало или...

Или. Боль, многократно усилившаяся, молнией ударила в переносицу, и Нелл, застигнутая этим ударом врасплох, громко вскрикнула.

— Тише-тише-тиш-ш-ше, — как ребенку, зашикал Крейг. Погладил по голове, и неприятные ощущения в прямом смысле рукой сняло. — Еще минуточку потерпи, и все.

Нелл настроилась на новый спазм, но почувствовала лишь легкое покалывание в висках и вибрацию воздуха у лица.

— Что вы сделали? — спросила инспектора.

— Благоверного твоего вызвал, — буркнул тот. — Засекай время, как скоро примчится.

«Он сорвал защиту Оливера», — поняла Нелл.

Время не засекала, но, если бы решила, не успела бы и до десяти сосчитать, как рядом замерцала воронка портала.

— Что происходит? — Оливер, взволнованно оглядевшись и узнав место и людей, сердито двинулся на Крейга.

— Сядь, — приказал ему старик, кивнув на стул рядом с Нелл. — Вон, жену обними, поцелуй и успокойся. И на будущее уясни: жен не затем заводят, чтобы потом их слова мимо ушей пропускать. Она тебе на голову жаловалась? Говорила, что на защиты думает? Так на кой ты ее к Эду послал?

Нелл виновато опустила глаза. Следовало посоветоваться с Оливером, прежде чем идти к Крейгу. А то вышло, что она явилась сюда вопреки воле мужа, которого старик теперь взялся воспитывать.

Но подобное, видимо, было милорду Райхону не в новинку.

— Что с защитами? — поинтересовался он, пережив нотации.

— Ломают их, — сообщил Крейг без обиняков. — Аккуратно работают, даже угрозы «охранка» не чувствует. Если бы не твоя сеть поверх моей, вообще никаких признаков не было бы. А так — только мои защиты слабину дают, сила в твои перетекает. Неравномерно перетекает, у тебя ить плетения темные, у меня — стихийные, вот пережимает ментальные каналы... Кабы не это, отчихвостил бы тебя за самодеятельность. Но пригодилось-таки твое темное творчество.

— Отследить сможем?

— Попробуем, — закивал полицейский. — Если леди не возражает. Процедура может выйти... э-э-э... неприятная.

— Я потерплю, — сказала леди.

Голова почти не болела, но в ней не укладывались мысли о близкой опасности. Не верилось, что она может проявляться банальной мигренью. То ли дело, когда тебя обездвигивают замораживающим заклинанием, затыкают рот, связывают и волокут по снегу две согни ярдов. Хотя она и тогда не верила, что с ней может случиться что-то по-настоящему страшное и непоправимое.

— Засланных этих... присланных звать? — спросил Крейг Оливера.

— Обойдемся.

— Почему? — Нелл недоуменно воззрилась на мужа. Разве для успеха не надежнее привлечь как можно больше специалистов?

Оливер замаялся, и ответил вместо него инспектор:

— Потому как вмешательство проводится с небольшого расстояния, а прежде, чем это началось, взломщик должен был тебя совсем близко видеть, а то и прикоснуться, чтобы крючок зацепить...

— Я помню основы воздействия, — перебила она. — Но при чем...

— При том, что это делает кто-то из академии, — хмуро произнес

Оливер. — Приезжих сейчас немного, и они изолированы в гостевой зоне. Ты туда не ходила. Значит, кто-то из своих. Я хочу знать, кто и почему, прежде чем за него возьмутся люди лорда Аштона. Потому что... дело касается моей жены...

«Потому что дело, во-первых, касается твоей академии, — мысленно поправила Нелл. — Людей, которых ты знаешь и за которых чувствуешь ответственность. Людей, от которых не ждешь предательства». Ему не стоило изворачиваться, она поняла бы.

— Что мне делать? — спросила она. — Как-то иначе сесть? Встать?

— Лучше лечь. — Крейг похлопал ладонью по столу. — Ну-ка, милорд, помоги бумажки убрать. Да хоть на окно их... И лампу куда-нибудь...

Мужчины освободили столешницу, словно специально сделанную такой длинной, чтобы места хватило взрослому человеку, и Нелл с помощью Оливера заняла место перекочевавших на подоконник папок. Инспектор встал в изголовье и наклонился к ней, так что она видела над собой его перевернутое лицо: кустистые брови, рыхлый от крупных пор нос и дряблые щеки, рисунок морщин на котором дополняли тонкие порезы от бритвы.

— Я сейчас каналы разомкну, — сказал инспектор. — Потом защиту сниму потихоньку. Пусть взломщик думает, что сам пробился. Но сделать мы ему ничего не позволим, не бойся. Я начеку, и Олли подстрахует. Ему ведь доверяешь?

— Всегда, — прошептала она.

Ладонь мужа накрыла ее руку, пальцы сплелись... И Нелл рухнула с высоты инспекторского стола в бездонную пропасть. Внутренности скрутило в тяжелый пульсирующий комок, сердце бешено заколотилось.

«Это не по-настоящему, — успокаивала она себя. — Морок, побочный эффект размыкания ментальных каналов. Информация извне не поступает, и подсознание восполняет пробелы иллюзиями»... Книжные фразы помогали плохо. Скорее пугали, стоило вспомнить, что способно выбраться из глубин ее подсознания, и Нелл старательно не вспоминала. Пусть будет темнота и падение. Она знала, кто подхватит ее у самого дна. Попыталась почувствовать его руку, но иллюзорные ощущения плотно перекрывали реальные.

«А вдруг он не успеет?» — промелькнула мысль и тут же была изгнана. Оливер не может не успеть. Он же Оливер. У него все под контролем. Не то что у нее. Это с ней постоянно что-то случается, и этот взломщик, и еще раньше бомба — все из-за нее. И в Оливера стреляли,

потому что он ее искал. Мог погибнуть, и как бы она жила, зная, что это — из-за нее? А если сейчас снова?..

Она продолжала падать, разве что ветер в ушах не свистел. Падала и думала, что это — неспроста. Чье-нибудь другое подсознание выбрало бы для замещения что-то другое, а она падает, ведь вся ее жизнь — падение. Если сейчас что-то изменилось, то лишь то, что теперь она способна утянуть за собой в пропасть Оливера. Нельзя было возвращаться ни в академию, ни в его жизнь. Не нужно было соглашаться на его безумное предложение. Счастье — иллюзия еще большая, чем кажущийся бесконечным полет. Нелл не создана для счастья, жизнь не раз ей это доказала. В лучшем случае что-то случается с ней самой, и тогда мужчина, рядом с которым она планировала состариться, женится на ее подруге. Но бывает наоборот, и тогда ей остается холодное тело на дне оврага...

Почему она забыла об этом?

«Еще не поздно все исправить», — шепнула темнота.

«Не поздно», — согласилась Нелл.

Они поженились, да, но брак можно расторгнуть или аннулировать. Или она могла бы... Умереть? Это было бы отличным решением. Она умирала однажды, и больше десяти лет никто не думал ее искать. Если сейчас Оливер будет считать ее умершей...

«Все», — подсказала притягивающая бездна.

Да, все. Если все будут считать ее мертвой, они оставят Оливера в покое...

После Нелл поклясться могла, что уже спланировала и отъезд, и то, как разыграть свою очередную гибель, но все эти планы стерлись из ее памяти в тот миг, когда мрак расчертила яркая молния. Тело опалило жаром, какая-то сила подбросила ее вверх и уронила. Затылок гулко стукнулся о стол, и склонившиеся над ней лица размыло наполнившими глаза слезами.

— Я... — Она судорожно вдохнула. — Я...

— Все хорошо, — хрипло сказал Оливер.

Нелл почувствовала, что до сих пор держит его за руку и что-то влажное размазывается под пальцами. Она повернула голову, чтобы посмотреть: их руки были в крови. Можно представить, с какой силой она цеплялась за него, если так разодрала кожу ногтями.

— Прости, я...

Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

— Только не говори, что опять собираешься от меня сбежать.

— Нет, я не... Не я...

Оливер помог ей подняться, подхватил на руки и усадил в широкое кресло шефа полиции. Крейг не возражал. Отошел к шкафу и вернулся со стаканом воды. Подал Нелл.

— Не ты. Ясное дело, не ты, — бормотал, пока она жадно пила, проливая воду на платье. — Но подцепили тебя хорошо. Не в первый раз ведь такие мысли? А в первый твои ли были?

Нелл оторвалась от опустевшего стакана. Посмотрела испуганно на мужа: не ее? Она была уверена, что сама приняла решение уехать, оградить Оливера от проблем, сама не захотела открыться ему, подумав, что ничего, кроме новых сложностей, это не сулит. От мысли, что кто-то манипулировал ее сознанием, волоски на руках встопорщились и вдоль позвоночника прокатилась холодная волна.

— Тогда на тебе не было защит, — напомнил Оливер. — А мысли... Изначально могли быть твоими, но не исключено, что их подкорректировали.

Если бы они были одни, Нелл, наверное, дала бы себе волю и разрыдалась от осознания, что чужая воля едва не сломала ей жизнь, и от страха, что это, как показал недавний эксперимент, может повториться. Но рядом был Крейг, и она утерла слезы и выпрямила спину.

— Что это было? — спросила Оливера, вспомнив разбившую морок молнию, в которой различила темные сполохи его силы. — Ты его... проклял?

— Если бы я мог насыпать проклятия по ментальной связи, уже был бы властелином мира, — устало пошутил он. — Нет, это — всего лишь метка. И боюсь, недостаточно сильная, чтобы опытный маг не мог ее скрыть. Можно сплести проклятие, не смертельное, но с явными внешними признаками, и попытаться подвязать его к этой метке...

— Без этого найдем, — заверил инспектор. — Менталист это должен быть, и хороший, в академии таких немного наберется. Сейчас же ребят отправлю, чтобы всех проверили. Метку он не скроет, не волнуйся. Разве что временно под иллюзию, но иллюзии первым делом чистить будем. А ты женой займись. Ей отдохнуть надо, вот и проводи. И твой рабочий день вроде не закончился, милорд ректор. Я тебя, часом, не с совета учредителей выдернул?

— К счастью, нет. Но...

— По метке найдем, — отрезал Крейг. — Хоть час нам дай. А не выйдет, тогда и мудри со своими проклятиями. Сам об этом просить буду.

Спорить сейчас со стариком было бесполезно, это поняла даже едва знакомая с ним Нелл, а Оливер — и подавно. Попросил сообщать ему, как

продвигаются поиски, и прямо из участка открыл портал в свой дом. Помог Нелл раздеться, уложил в кровать и заварил чай.

— Тебе нужно вернуться в ректорат? — спросила она, немного успокоившись и чувствуя, что уже не испытывает острой необходимости греть пальцы в его расцарапанной ладони.

— Наверное. Но, если не вернусь, ничего страшного. Там всего один посетитель.

— И он уже прождал тебя два часа. — Нелл укоризненно покачала головой. — Нельзя так пренебрежительно относиться к людям и к обязанностям, милорд.

— Хочешь, чтобы я пошел?

— Хочу, чтобы ты разобрался с делами и поскорее вернулся. И купил мне сладостей на обратном пути.

И принес известия, что человек, лезший в ее мысли и в ее жизнь, пойман.

Телепортировавшись в свой кабинет, который в спешке покинул, получив тревожный сигнал, Оливер выглянул в приемную и вздохнул, испытывая одновременно облегчение и вину: ждавший его с обеда посетитель ушел.

— М-милорд Райхон, — икнув, пролепетал Флин, так и не привыкший к внезапным исчезновениям и таким же внезапным появлениям патрона. — Принесли почту. Конверт с министерским штемпелем, я не вскрывал...

— Секретно? — нахмурился Оливер.

— Нет, но...

— Я посмотрю. Знаете, Роберт, мне хотелось бы...

— Кофе?

На самом деле ему хотелось бы видеть на месте секретаря более инициативного человека, не испытывающего священный трепет перед министерскими конвертами, но перевоспитывать Флина было поздно, и Оливер согласился на кофе.

Послание из министерства оказалось очередным дополнением к прошлогоднему приказу. Оливер отдал его секретарю, когда тот принес чашку, велел сделать копии и передать ответственным за исполнение. На этом с делами сегодня можно было покончить, но милорд Райхон отмерил себе еще полчаса, за которые надеялся получить новости от Крейга.

Он с удовольствием выпил кофе — хоть что-то у Флина получалось хорошо! — и придвинул к себе телефон, намереваясь предупредить

старика, чтобы тот не искал его дома и не тревожил Нелл. Взялся за трубку, но пальцы бессильно разжались, и рука упала на стол рядом с аппаратом. Оливер попытался поднять ее и понял, что не чувствует уже плеча. И второй руки тоже. Следом позвоночник отказался удерживать его тело, и Оливер завалился ничком на стол, а затем медленно, но без малейшей надежды это предотвратить стек на пол под собственным весом.

Ощущения были неприятные, но не болезненные. Только по языку расплывалась горечь. И голова не работала, потому что он никак не мог понять, что с ним происходит.

— Это яд, — сказал над головой смутно знакомый голос. — У вас есть четверть часа, чтобы принять противоядие. А у меня есть само противоядие.

Говоривший отодвинул в сторону кресло и перевернул Оливера на спину.

— Так что, милорд Райхон, будем меняться?

— На что? — спросил он, едва ворочая языком.

— Я вам — противоядие, а вы снимите с меня свою дрянь.

С усилием сконцентрировавшись, Оливер увидел, как спадает со склонившегося над ним человека зеркальный щит и проступает темным пятном на ауре его метка. И самого Роберта Флина увидел будто впервые.

ГЛАВА 36

Флин, конечно же Флин. Если бы тело его слушалось, Оливер стукнул бы кулаком по полу, досадуя на себя за то, что не догадался раньше. Но яд парализовал члены, и оставалось лишь складывать мысленно детали долго не поддававшейся головоломки. Флин — менталист. Закончил теормаг, но способностей к ментальному воздействию не скрывал, это значилось в его личном деле. Имел доступ к переписке ректора, мог прослушивать разговоры. Телефон в зале для совещаний — одна из его малочисленных идей. Помнится, Оливер даже порадовался, что секретарь в кои-то веки выступил с предложением, а тому просто неудобно было снимать трубку в приемной, когда там находился еще кто-то. Другое дело — отлучиться в соседнее помещение. И документы в архиве он мог брать якобы для милорда Райхона, а после подправить память Надин.

Только один вопрос оставался без ответа:

— Зачем?

— Прежде разберемся с меткой, милорд. А потом я расскажу все, что вы хотите знать. Быть может, даже больше.

— Гарантии? — сипло выдавил Оливер.

Речь давалась с трудом, но Флин — тот самый Флин, который на простейшие действия, казалось, не способен без подробных указаний, — понимал с полуслова.

— Никаких, — отозвался он. — Как и у меня. Яд блокирует движения, но почти не влияет на способность использовать дар. Вы можете оглушить или убить меня и попытаться телепортироваться в лечебницу, где вам помогут... если успеют определить, какое вещество я использовал. Можете принять противоядие и уже после этого разделаться со мной. Я рискую больше вас. Поэтому придется поверить мне. И поверить быстро. После того как вы примете противоядие, оставаться рядом с вами я не намерен, так что если что-то и расскажу, то до этого, и времени на все, как я уже сказал, пятнадцать минут... Точнее, уже меньше.

Даже зубы стиснуть от злости не получалось. Но прилепить к метке проклятие он мог, в этом Флин не солгал. Если гаденьш захочет обмануть его, далеко не уйдет.

— Время, милорд. Решайтесь.

— Уже... Надеюсь, оно того...

— Стоит, — закончил секретарь. — Не бойтесь, без ответов я вас не

оставлю. Другой вопрос, что вы станете с ними делать. — На грудь Оливеру упал сложенный лист бумаги. — Тут имена людей, которых могут использовать против вас после того, как я исчезну из академии. Преподаватели и сотрудники — те, о ком мне известно. Каждый из них находится в определенной зависимости от одного человека, и если он прикажет...

— Хеймрик?

— Вы догадливы, — хмыкнул Флин. — Да, Юлиус Хеймрик. Он — коллекционер в каком-то роде. Коллекционирует чужие тайны и пороки. Не из праздного любопытства, естественно. Сложно сказать, скольких людей и каких он дергает за ниточки, и, учитывая это, я предпочел бы видеть своим врагом вас, а не милорда Юлиуса. Вы хотя бы играете честно. Но я слышал, это утверждение не распространяется на ситуации, когда дело касается ваших близких. Что случилось с убийцами вашей сестры?

Оливер промолчал. Говорить становилось все труднее, времени оставалось все меньше, и глупо было тратить его на воспоминания.

Флин понимающе кивнул:

— Можете не отвечать. Я знаю, что с ними стало. Многие знают. Но найти подтверждение тому, что вы причастны к случившемуся, не удалось даже дядюшке Юлиусу. Думаю, взвесив все, я в итоге принял бы вашу сторону. Но вы изволили поторопить события.

— Дядюшка?

Секретарь, уже почти бывший, неприятно усмехнулся:

— Вы внимательны. Хоть и не всегда. Не обратили внимания, что дополнения к приказу — те самые, что пришли на прошлой неделе. Яд был не в кофе, если вы так думали. От кофе вы могли отказаться, а письмом из министерства не пренебрегли бы. Пришлось придумывать это в спешке, но, на мое счастье, вы не сразу вернулись к себе...

Не тратя сил на слова, Оливер недовольно рыкнул.

— Дядюшка, да, — вернулся к вопросу Флин. — Двоюродный. Когда-то почти отца заменил. Правда, всего на пару лет, пока я учился в Глисете. Потом пришлось оставить учебу, сменить имя... не совсем законно... поступить под этим именем в академию. На теормаг, о ментальном воздействии тогда хотелось забыть. Но дядюшка Юлиус не позволил... Он поддерживал меня поначалу, высылал деньги, потом намекнул, что неплохо было бы поступить в аспирантуру. Это не шло вразрез с моими планами... А вот наниматься к вам в секретари я не собирался. Подал самое жуткое резюме, но вы меня взяли. Думал, уволите тут же. Можете не верить, но мне не доставляло удовольствия шпионить за вами, потому и работал так,

чтобы... Но в вас вдруг проснулась невероятная терпимость! Вот и пришлось. Собирал что-то по мелочи, ничего существенного. Но дядюшка Юлиус не терял надежды нарыть на вас компромат. Обещал, что оставит меня в покое, как только он обнаружится. А примерно в начале октября велел присмотреться к вашему окружению. Я присмотрелся. Нашел одного человека с портальной станции, узнал, что вы были на островах с какой-то женщиной. Выяснить с какой, труда не составило. Роман со студенткой — я думал, это именно то, что обрадует Хеймрика. Разузнал о ней, передал ему все, включая ее подробное описание, но он, как понимаете, не обрадовался.

— Бомба, — прошептал Оливер, скосив глаза на настенные часы, отсчитывавшие последние минуты разговора, если не жизни.

— Бомба, — кивнул Флин. — У Хеймрика, как и у вас, были сводки по Найтлопу и довольно специалистов в подчинении, чтобы собрать устройство аналогичное использованному там. Беда, его беда, в том, что я — не убийца. Нет, если бы пришлось выбирать между собственной жизнью и вашей, я конечно же выбрал бы себя. Собственно, я и выбрал. Лишь немного подправил активирующее плетение, чтобы дать вам шанс предотвратить взрыв. Вы им воспользовались. А у дядюшки Юлиуса не нашлось повода упрекнуть меня в нарушении нашего с ним договора. Однако после он придумал бы еще что-нибудь, и я попытался этого избежать. Без Хелены у вас ничего не осталось бы против него. Да-да, Хелена Вандер-Рут, теперь я в курсе и ту историю мог бы припомнить, но время уходит... Так вот, без Хелены, даже сейчас, у вас ничего нет, и, если бы она исчезла, Хеймрик мог бы не опасаться. У него достаточно влиятельных друзей, чтобы противостоять не подкрепленным ее показаниями обвинениям. Я решил, что если она уедет... Но она вернулась. Глупо было повторно использовать те же крючки, но, видимо, утверждение, будто все преступники подсознательно стремятся к разоблачению, не лишено смысла. А еще, знаете, мне надоело быть преступником. Поэтому... — Он достал из кармана флакончик из темного стекла и, вынув пробку, поднес к губам Оливера. — Противоядие. Хватит нескольких капель.

Если бы Оливер, в последний миг заподозривший подвох, попытался выплюнуть сладковатую жидкость, пресловутые несколько капель все равно проглотил бы.

А подвох был.

— Я же сказал, что не убийца, — донесся сквозь окутавший разум туман голос Флина. — И ядов с собой не ношу. Парализующее снадобье,

способное проникать через кожу, — это другое, согласитесь. А сейчас вы выпили средство, временно блокирующее магию, поэтому если планировали оставить мне сувенир при прощании... Еще у этого средства выраженный снотворный эффект... Искренне надеюсь никогда не встречаться ни с вами, ни с Хеймриком. Но вы с ним, уверен, не разминетесь. Передайте ему...

Оливер проглотил много больше нескольких капель, и последние слова Флина остались не услышанными.

Пробуждение сопровождалось тошнотой и чувством, что все это уже было: он лежал на диванчике под окном, на столе горела лампа, а в кресле напротив сидел Эдвард Грин и с отрешенным видом рисовал что-то в блокноте. Картинку из памяти нарушало лишь ворчание нервно расхаживавшего по кабинету Крейга.

— Очнулся! — Старик первым бросился к нему.

— Не вставайте так...

«Резко», — закончил Оливер за махнувшего рукой целителя. В голове прогремел заложивший уши взрыв, и перед глазами зароились разноцветные мошки. Он успел сосчитать до десяти, прежде чем они рассеялись и вернулся слух.

— Выпейте. — Грину хватило этого времени, чтобы спрятать блокнот и сотворить в стакане мутную взвесь.

Оливер с покорностью постоянного пациента осушил стакан и только затем поинтересовался, чем его попотчевал добрый доктор.

— Нужно вывести из вашего организма... — Заковыристое название прозвучало древним воззванием к темным духам. — Я использовал некоторые чары, пока вы спали, но чистой магии мало, поэтому...

— Бумажка, — спохватился Оливер. — Сложенный листок лежал... на мне. Нужно найти.

О том, чтобы искали еще и Флина, взглянув на часы, не заикнулся. За два часа секретарь наверняка успел убраться подальше от академии. Потом найдется. Вероятно, вместе с отравой из организма выходила и злость, и, прокручивая в голове случившееся, Райхон усмехался, сначала сдержанно, потом все шире и наконец, откинувшись на мягкую спинку, рассмеялся.

Грин отреагировал озадаченным взглядом, а Крейг подошел и без слов влепил весельчаку пощечину.

— За что?!

— А как еще, когда у тебя истерика? — развел руками инспектор.

— У меня не истерика.

— Значит, у меня, — вздохнул старик. — Скоро совсем умом с тобой тронусь. То взрывают тебя, то стреляют, то травят. Нервов не напасешься. Хохотал-то чего?

— Да так... Столько лет думал, где взять сообразительного секретаря, способного быстро и эффективно решать любые вопросы, а оказалось, он у меня был.

По мере того, как он это говорил, из голоса исчезала веселость. Наверное, все же истерика.

— Флин? — Инспектор переглянулся с Грином. — Было подозрение, хоть он и не наследил. Только он...

— Сбежал, я понял. Сейчас — список. Им нужно заняться в первую очередь... Нет, во вторую.

В первую — дошел, пошатываясь, до стола, уронил ватное тело в кресло и набрал домашний номер. Долго пережидал гудки, чтобы услышать щелчок и последовавшую за ним тишину. О подобном они не договаривались, но он не сомневался, что Нелл поступит именно так. Если позвонит посторонний, тишина покажется ему сбоем на телефонной станции.

— Это я, — сказал Оливер в трубку. Когда ему не ответили, подумал, что все-таки следовало обсудить вариант со звонками и придумать надежный пароль, голос ведь могут и подделать. Впрочем, пароль был. — Это правда я, рыжая. Прости, задержался и не додумался сразу, что можно позвонить.

Трубка тихонько, но явно удовлетворенно вздохнула.

— Как ты себя чувствуешь? — Оливер невольно потер лоб. Нащупал недавно приобретенный шрам и отдернул руку. — Голова уже не болит?

— Нет.

— И у меня, — зачем-то сказал он.

— Что случилось? — тут же среагировала на ложь Нелл.

— Расскажу, когда вернусь. Есть подвижки по нашему делу, как раз обсуждаю с инспектором. Поскучаешь еще часик?

— Я не скучаю. У меня гость.

— Гость? — Он настороженно впился глазами в Крейга. Старик успокаивающе кивнул.

— Наставник пришел. К тебе вообще-то, он не знал, что я вернулась. Ничего, что я его впустила? Прости, так неудобно стало, когда увидела его в окно, я ведь совсем о нем позабыла.

— Ты правильно сделала. Самому неловко, я ведь тоже о нем забыл, а он приходил почти каждый день узнавать о тебе. Ты ему сказала?..

— Еще нет. Скажу, если ты не возражаешь.

— Не возражаю. Есть какие-то пожелания относительно ужина?

Крейг возвел косящие глаза к потолку, демонстрируя, как его утомило это сюсюканье, и положил на стол перед телефоном развернутый лист. Тот самый.

— Хорошо. — Оливер скользнул взглядом по списку, хвала богам, оказавшемуся короче, чем он успел себе вообразить. — Закажу что-нибудь на свой вкус.

Положив трубку, еще раз перечитал список. Пять имен. Два преподавателя, лаборант, интендант мужских общежитий и смотритель художественного музея — милорд Райхон мог гордиться, что помнит если не всех, то, несомненно, большую часть подчиненных. И радоваться, что ни с кем из этих пятерых не был знаком достаточно близко. Рядовые сотрудники, не облеченные большой властью, не имеющие доступа к закрытым архивам. Чем они могли быть полезны Хеймрику?

— Скажешь уже, что случилось? — не вытерпел Крейг. — Или мне и дальше гадать, отчего ты в запертом кабинете валялся? До сих пор, между прочим, валялся бы, если бы мне не стукнуло проверить, куда ты после нашего разговора подевался!

— Вряд ли, — подал голос Грин. — Действие... — он опять произнес то заковыристое словечко, что никак не желало укладываться у Оливера в голове, — длится не больше получаса, а блокатор использовали довольно мягкий. Хорошо, что оба средства вызывают легко отличимые симптомы и не пришлось проводить анализы, чтобы определиться с выбором антидота...

— Да молчи ты! — рассердился на доктора старик. — Все цены себе не сложишь? Олли, выкладывай. В нашем деле время дорого.

И он выложил. Коротко и обстоятельно, а в конце пододвинул к полицейскому список и велел немедленно разыскать значившихся в нем людей, допросить без привлечения столичных следователей, выяснить, на каких грешках их подловил Хеймрик и чем они расплачивались с ним за молчание. Запротоколировать каждое слово и по возможности добиться согласия свидетельствовать против глissetского ректора в суде.

— Ты мне приказы не раздавай, — буркнул инспектор. — Не в твоей компетенции.

— Лорда Арчибальда нужно известить, — добавил Грин.

— Плевать, — ответил Оливер одному. — Не нужно, — обернулся к другому. — Если не желаете помочь, господин инспектор, я в состоянии сам найти этих людей. Найти и допросить. И они мне все расскажут, не

сомневайтесь.

Старик недовольно насупился, но, поняв, что это — не пустые угрозы, решил уступить.

— Найдем мы всех и допросим. Не кипятись только. И Эда послушай, нужно Арчи сообщить. Дело-то, вишь, какое вырисовывается, неизвестно, кто еще замешан. И в чем. Потому как, прости, но Хелена твоя — случай единичный, не ради нее Хеймрик такую сеть сплел. — И добавил, как ругнулся: — Политика.

— Политика меня не интересует, — отчеканил Оливер. Утер рукавом выступивший на лбу пот. — И именно потому, что неизвестно, кто и чем еще обязан милорду Юлиусу, я не собираюсь никого больше посвящать в свои выводы и свои дальнейшие действия.

— На что вы намекаете? — уязвленно осведомился Грин.

— Я не намекаю, а говорю прямо. Если окажусь не прав, буду только рад и принесу вашему тестю самые искренние извинения. Но пока прошу сохранить новую информацию в секрете.

Он передернул плечами, чувствуя, что рубашка прилипла к спине.

— Действие снадобья, которое я вам дал, — нехотя, но не в силах противиться долгу разъяснил заметивший его действия целитель. — С потом выходят остатки отравляющего вещества. Ближайшие часы пейте больше воды.

— Спасибо, — холодно поблагодарил Оливер, не позволив отвлечь себя от главного. — Вам придется дать слово, что этот разговор не дойдет ни до лорда Арчибадьда, ни до его людей.

— Может, сразу клятву на крови? — вспыхнул Грин.

— Уймись, — приказал ему Крейг. — Нам только между собой грызться не хватало. Скажешь, что задумал? — спросил у Оливера.

— Скажу. Когда будут сведения от этих пятерых. Планы, возможно, придется корректировать.

Ничто не вечно. Меняются планы, пристрастия, взгляды на жизнь. Сама жизнь меняется, делая порой такой крутой разворот, что все, что прежде казалось важным, теряет смысл. С людьми так же: сегодня ты не видишь себя без этого человека, а завтра он — лишь дальний знакомец, с которым разве что вежливо раскланиваешься при встрече.

С наставником так раскланяться не получалось. Питер Вилберт давно не занимал в жизни Нелл того места, что было закреплено за ним с ее детства и до последнего дня в университете, но нельзя вычеркнуть из памяти все эти годы, понимая к тому же, что без профессора у нее,

возможно, не было бы и последующих лет. К светлым воспоминаниям о прошлом примешивалась благодарность за настоящее и щемящее чувство жалости и отчасти вины за то, каким теперь стал наставник. Он превратился в старика не только внешне: вздыхал укоризненно, брюзжал, поджимал обиженно бледные губы. Ведь Нелл не вспомнила о нем, вернувшись в академию, снова кинулась с головой в тот же омут и живет беззастенчиво в доме мужчины. Если бы ее матушка знала об этом или покойный отец...

Зазвонил телефон.

Поговорив с Оливером, Нелл вернулась в гостиную. Размышления о том, что заставило его задержаться, тревожили, и ей необходима была новая порция нотаций от старого учителя, чтобы немного отвлечься. Но и позволять ему затягивать воспитание она не собиралась. Когда Вилберт заявил, что сам поговорит с милордом Райхоном о его дальнейших намерениях, Нелл вклинилась в поток нравоучений:

— Оливер не собирается на мне жениться. — Не отказала себе в маленьком удовольствии, выдержав паузу, полюбоваться преобразившим морщинистое лицо профессора негодованием и закончила: — Он на мне уже женился.

— Как? — растерянно выдохнул наставник.

— По арлонским законам. Мы решили отсрочить официальное объявление, поэтому я и не сказала вам сразу, простите.

— Нет-нет, ты меня прости...

Он снова сопел, но уже виновато. Несколько раз пытался о чем-то спросить, а потом надолго погрузился в молчание.

— Скажи мне одно, — проговорил наконец. — Ты счастлива?

— Да.

Нелл казалось, что короткий ответ прозвучал неубедительно, но если бы она могла видеть себя со стороны, глаза, улыбку — видеть себя так, как видел ее Вилберт, — поняла бы, что слова тут вовсе не нужны.

— О большем я не мог и мечтать, — произнес растроганно демонолог. — Ты жива, и ты счастлива. Чего еще желать?

Стоило остановиться на этом, но он принялся бормотать что-то о наследстве, о том, что составил завещание на ее имя, и, пусть состояние его не так велико, Оливер не должен думать, что взял в жены бесприданницу. Затем вспомнил о свертке, который принес с собой, и вручил Нелл так, словно отдавал все завещанные богатства.

— Посмотришь после моего ухода. Возможно, решишь, что глупость...

Глупость, конечно. Старый плюшевый заяц с обвисшими ушами и

пуговицами вместо глаз. Пока она жила при младшей школе и в студенческом общежитии университета, пуговицы отрывались несколько раз, но Нелл старательно пришивала их на место, ведь это — последний подарок отца и, по сути, единственное, что ей осталось от Эрика Вандер-Рута, перспективного ученого, так и не ставшего великим. Нелл думала, что она станет за него и для него, но эти мечты давно в прошлом.

— Ненавижу демонологию, — призналась она зайцу.

В течение четверти часа подчиненные Крейга нашли и доставили в ректорат всех пятерых из списка. За час допросили. Оливер не удержался и не только присутствовал на допросах, но и внес весомый вклад в получение правдивых сведений: мало кто решится на ложь, когда над ним нависло смертельное проклятие. Крейг злился, называл дураком, когда никто не слышал, и стращал, что добытые таким образом свидетельства не примут в суде. Оливер не волновался на этот счет. Во-первых, пусть сначала докажут, что он превысил полномочия. А во-вторых, эти свидетельства почти ничего не стоили. Трое из допрашиваемых даже не знали, на кого работают, не снизошел милорд Юлиус до личного знакомства. Передавали кому-то данные о состоянии дел в академии. Сколько студентов принято, сколько отчислено и за что. Интересовался Хеймрик и нововведениями, и суммами пожертвований от благотворителей, не брезговал сплетнями. Однако любопытство, как полагают многие, не порок, и единственное, что шло во вред академии, это что эмиссары глissetского ректора время от времени подбивали студентов из обеспеченных семей к переводу в Глisset. Но и тут следовало дважды подумать, во вред ли, ведь обрабатывали, как правило, чем-то недовольных лоботрясов, играя на том, что тут их притесняют, требуя знаний и дисциплины. От таких «притесненных» Оливер и сам избавлялся с удовольствием, невзирая на платежеспособность их родителей.

Грин результатов дознания не дожидался. Ушел еще до того, как привели первых задержанных. Размолвка с ним пополнила перечень неприятностей уходящего дня.

— Ты действительно подозреваешь лорда Аштона? — спросила Нелл, когда Оливер, вернувшись домой, пересказал ей все, что произошло сегодня. — Еще недавно ты убеждал меня, что ему можно доверять.

— И сам так думал. Теперь не знаю. Выборы и прочее — сплошные отговорки, чтобы придержать разбирательство. Трогать Хеймрика он не желает. И твое дело тогда закрыли на удивление быстро и с заключением, которое было выгодно милорду Юлиусу. Я предполагал, что тот применил

ментальное воздействие, чтобы заставить Сондерса составить протоколы вскрытия, но что, если он обошелся без магии? Если вся та комиссия, включая лорда Арчибальда, состояла из его должников?

— Лорд Арчибальд не производит впечатления человека, который попался бы на крючок шантажиста. Такой скорее сам использовал бы Хеймрика и его связи в своих целях.

— Или так, — хмуро согласился Оливер. — Значит, ты тоже его подозреваешь?

— Мне кажется, я уже всех вокруг подозреваю, — печально улыбнулась Нелл. — Кроме тебя. И Дарлы, ее сложно в чем-либо подозревать. И инспектора, пожалуй. Он так честно меня невзлюбил. И, наверное, доктора. Жаль, что вы поссорились.

— Мы не ссорились. Порой Эдвард еще более упрям, чем я, и так же болезненно реагирует на все, что связано с его близкими. Но это не ссора.

— Вы давно дружите?

— Не знаю, можно ли назвать это дружбой. Просто после одного происшествия стали чаще общаться, хоть знакомы были задолго до этого.

— Дело библиотекаря? — предположила Нелл. — Говорят, о нем писали в газетах, но я тогда не читала газет. Расскажешь? А заодно, — она лукаво прищурилась, — что там за история о твоих прогулках под луной с миссис Грин?

Оливер понял, что так она пытается отвлечь его от серьезных мыслей, и не видел причин не подыграть.

— Неужели до сих пор болтают? — спросил с усмешкой.

— Некоторые — да. А у меня, к слову, отличная память. Та девушка, что призналась тебе в любви, а после вышла за другого, — часом, не Элизабет Грин? Ты рассказывал на Осеннем балу.

— О чем я думал, когда женился на женщине с такой феноменальной памятью и задатками сыщика? — сокрушенно покачал головой Оливер. — В свое оправдание могу сказать, что тогда она еще не была Элизабет Грин и очень помогла мне в одном запутанном деле. В том самом деле, да. Поэтому, каюсь, я позволил себе немного увлечься. Тем более мне предсказали, что я женюсь на своей студентке.

— Правда? — всерьез заинтересовалась Нелл.

— Не уверен. Кажется, это сама Элизабет и придумала. Но кто сказал, что у миссис Грин нет пророческих способностей?

Им обоим нужно было отвлечься, и Оливер рассказал Нелл о тех временах, когда не был еще близко знаком с Эдвардом Грином, а Элизабет, тогда еще Аштон, слыла, наверное, самой отчаянной сумасбродкой в

академии. Рассказал о деле библиотекаря, многое изменившем в их жизнях и отношениях. О своем первом посещении бойцовского клуба. О единороге и летучем корабле эльфов.

Говорить об уже прожитом было проще, чем о том, что ждало впереди. Лишь перед сном они вернулись к насущным проблемам, чтобы обсудить планы на завтра. А в планах значилось посещение Глисета: по версии для наблюдателей лорда Аштона, милорд Райхон собирался познакомиться с племянником и его семьей.

ГЛАВА 37

Утро — не лучшее время для визитов. Тем паче с утра и Джереми Адамс, и Юлиус Хеймрик должны были находиться в университете, а лорд и леди Райхон хотели пообщаться с обоими в неформальной обстановке. Поэтому день начался обыденно: Оливер отправился в ректорат, а Нелл — сначала в общежитие, а оттуда, захватив Дарлу, на факультет. Отсидела положенные лекции, одну из которых посвятила исключительно любованию супругом, а после, позволив Рею и увязавшемуся с ними Стивену «потерять» ее по пути в столовую, телепортировалась в дом Оливера.

Милорд Райхон был уже там. Подждал с огромной, перевязанной подарочной лентой коробкой, внутри которой обнаружилось светло-кофейное платье из тонкой шерсти и завернутые отдельно сапожки.

— Откуда? — ахнула Нелл.

— От Кэтрин Мерл. — Оливер улыбнулся, довольный тем, что сюрприз удался. — Я подумал, что тебе понадобится одежда, соответствующая случаю, телефонировал ей в восемь, и к обеду получил это портальной почтой. Кэт просила передать привет. Сказала, что не сомневалась в том, что нужно сохранить твои мерки.

Новое платье и обувь пришлись впору. Вместо старого пальто Нелл надела накидку, купленную для оперы. Приобретенный тогда же янтарный гарнитур плохо подходил к нынешнему наряду, и она заменила его украшениями, которые одолжил Крейг. Три кольца без камней, тонкие браслеты на оба запястья, изящные часики-кулон, шпильки в прическу — все серебряное, с узорными насечками. Все напитано под завязку чистой энергией. Кольца и браслеты призваны облегчить работу с плетениями, кулон удерживает защиту, шпильки блокируют доступ к ее сознанию на случай, если милорд Юлиус попытается пообщаться по-своему.

— Не нравится мне это, — вздохнул пришедший проводить их инспектор.

— Предчувствие? — серьезно спросил Оливер.

— Да нет, — пожал плечами старик, и Нелл заметила, как муж расслабленно выдохнул. — Просто не нравится. Арчи узнает — головы оторвет. Моя старая, не жалко, а ваши еще ничего смотрятся...

Глисет встретил враждебно, шквальным ветром и ливнем. Зато можно было почти не сомневаться, что удастся застать дома всех, кого сегодня

планировалось повидать. Вряд ли в такую погоду они отправятся на прогулку.

Вначале поехали к Адамсам. Племянник Оливера жил с семьей в центре города, далеко от расположенного на окраине университета, но район он выбрал отличный, и жилище, хоть и не особняк, а двухэтажная квартира, у него было в чем-то получше, чем у дяди, который, как Нелл уже поняла, в быту был непритязателен. Джереми даже постоянную прислугу держал, и дверь открыл не он и не его жена, а степенная немолодая женщина в строгом черном платье. Узнав, кто к ним пожаловал, она удивленно приоткрыла рот, но в следующую секунду вернула на лицо спокойно-отрешенное выражение, приняла у гостей верхнюю одежду и пригласила подождать в гостиной, пока она доложит хозяевам.

— М-да, — только и сказал Оливер, изучив обстановку комнаты, в которой они оказались. Для простого преподавателя она была более чем роскошной.

Уловив за тяжелыми портьерами какое-то движение, Нелл подумала, что Адамсы держат собаку, и уже представила нечто пушистое и с бантиком на хвосте, когда из-за штор выглянула белокурая головка. Бантик на ней, впрочем, был — голубой, в тон короткому пышному платьицу.

— Няня уснула, — сообщила, выбравшись из укрытия, девочка лет пяти. — А я спряталась. Не скажете маме?

Пока лорд и леди Райхон раздумывали, как ответить на эту просьбу, малышка подобралась к Оливеру и, присмотревшись, радостно хлопнула в ладоши.

— Я тебя знаю! Ты — мой дедушка Олли!

Нелл фыркнула. Дедушка!

— А ты кто? — спросила, остановившись напротив нее, девочка.

— А я, видимо, твоя бабушка.

Ребенка такой ответ полностью устроил. А родителям крохи, в этот момент как раз появившимся в дверях и застывшим там с одинаково ошарашенными лицами, пришлось представляться заново.

— Мы решили не торопиться с официальным объявлением, но подумали, что семья и ближайшие друзья должны знать, — извиняющимся тоном говорил Оливер, в то время как Нелл изучала украдкой Камиллу Адамс и сравнивала ее невольно с собой, раз за разом приходя к выводу, что проигрывает в этом сравнении. В домашнем платье, с небрежно собранными светлыми волосами Камилла все равно выглядела ослепительной красавицей, а Нелл в новом наряде от Кэтрин Мерл — бледной немощью.

А вот Джереми уступал в плане внешности своему дяде, который рядом с его красавицей-женой смотрелся бы намного эффектнее.

Но ведь семейная жизнь — не только красивое фото. Фото у Оливера с Камиллой было, Нелл видела, а совместная жизнь не сложилась.

— Это так неожиданно. — Миссис Адамс не портила даже неискренняя улыбка. — Но мы рады, что вы о нас вспомнили. Думаю, это нужно отметить...

Непонятно, что она хотела отметить, женитьбу родственника или то, что о них вспомнили, но в любом случае пришлось отказаться. Времени хватало только выпить чая, и хозяйка распорядилась его подать. В ожидании чая мужчины уединились в кабинете, малышку Джинни вернули проснувшейся няне, и Нелл осталась наедине с Камиллой.

— Не верится, что Оливер наконец-то женился, — ворковала миссис Адамс. — Еще и так внезапно, без помолвки... Или она тоже была тайной? Вы ведь давно знакомы?

«Кажется, что всю жизнь», — могла бы ответить Нелл.

— Три месяца, — сказала она честно.

Камилла растерянно тряхнула головой.

— И как вы познакомились? — задала следующий вопрос.

— На собеседовании.

— О-о-о, — со значением протянула красавица. — Милорд ректор принимал вас на работу?

— Нет, это вас он принимал на работу. — Нелл улыбнулась так же многозначительно, как и собеседница. — А я его студентка. Пока. Поступила в этом году на первый курс, но в следующем получу ограниченную лицензию, а может, и диплом. Это — долгая история. Думаю, мой муж сейчас рассказывает ее вашему, а тот после передаст вам, поэтому можем поговорить о чем-нибудь другом. Например... об опере. Вы любите оперу?

Оливер не интересовался карьерой племянника в Глисите и не знал, какой он преподаватель, но, должно быть, очень хороший. А секретарь был — другого такого не найти. Новую информацию Джерри не схватывал — впитывал, словно из воздуха вытягивал смысл еще не прозвучавших слов.

— Тебя всегда тянуло на приключения, — проговорил он, выслушав рассказ дяди. — Но я не ожидал, что на одном из них ты женишься.

Сказано это было серьезно, без улыбки, а в глазах племянника Оливер видел неподдельную тревогу.

— Я разберусь, — уверил он.

— Ты только так и говоришь.

— И только так и делаю. Сможешь помочь чем-нибудь кроме того, о чем я просил?

Просил он прикрыть их с Нелл уход. Наблюдатели лорда Аштона должны оставаться в уверенности, что лорд Райхон с супругой остались на семейный ужин. Крейг снабдил их парочкой амулетов, но, если Джерри поддержит иллюзии, получится достовернее.

— Помогу, — кивнул после недолгих раздумий Джереми. — А чем — сейчас посмотрим. План университета у тебя есть?

— Нет. Рассчитывал на память Нелл, она ведь жила там... А у тебя есть?

— У меня все есть.

Когда-то это было работой Джерри — иметь под рукой все, что может понадобиться Оливеру. Но, видимо, не в работе дело, а племянник сам по себе такой запасливый. Через несколько секунд он достал из шкафа и расстелил на столе план университета, не исключено, что им же самим начерченный.

— Смотри, — подозвал он Оливера. — Входить лучше здесь. Я дам тебе временный пропуск, с ним пройдешь первую полосу защит. Выйдешь к учебным корпусам. Вот до этой черты передвижение свободное, магов, сам понимаешь, в университете немало, так что лишнего внимания не привлечешь. А сюда вход уже только для сотрудников. Защита настроена на каждого лично, но чары всего лишь четвертого уровня. Поэтому...

— Могу притвориться тобой, — закончил Оливер.

— Учитывая наше родство, это будет проще всего, — согласился Джерри. — Главное, на глаза никому не попадись. И старайся не входить вот в эти зоны. Там дополнительные контроллеры. А здесь и здесь установлены питающие артефакты. Если понадобится полностью деактивировать защиту, достаточно ударить по этим точкам, и до включения запасной сети у тебя будет восемь минут. Запасная слабее, но работает три часа без амулетной подпитки, так что отключить ее сложно, только путем перекрытия базового плетения. Надеюсь, тебе этого делать не придется. Тогда останутся силы на то, чтобы пройти к дому ректора. Жилище Хеймрика — не твой уютный домик. Настоящая крепость. И если ты не настроен сообщать о своем визите заранее, придется потрудиться, чтобы туда попасть...

Сложно сказать, сколько времени понадобилось, чтобы собрать настолько подробные данные. Кто-нибудь мог подумать, что мистер Адамс замышляет что-то недоброе. С такими знаниями те же найтлопские

бомбисты от ун иверситета и камня на камне не оставили бы. А Джерри... просто Джерри.

— Спасибо, — от души поблагодарил Оливер.

— Пока не за что. Скажешь это, когда у тебя все получится.

Вернувшись в гостиную, они застали дивную картину: Камилла и Нелл сидели у накрытого уже чайного столика. Первая выглядела совершенно сбитой с толку, вторая с невозмутимым видом пила небольшими глоточками чай, откусывала понемногу бисквит и при этом успевала довольно живо пересказывать историю Федерико и прекрасной Изабо.

— ...Он вернулся, но нашел только ее бездыханное тело, — закончила она в тот миг, когда Оливер присел рядом.

— Вряд ли это конец, — добавил он. — Ты же помнишь, что отец Федерико — некромант?

— О да! — рассмеялась леди Райхон. — Но так как это секрет, третий акт нам не показали.

«Сумасшедшие, — читалось во взгляде Камиллы. — Оба».

Учитывая, что они задумали, она была недалеко от истины.

Благодаря полученной от Джерри информации и выписанному им пропуску они без труда попали на территорию университета. Так же легко прошли в «преподавательскую» часть. Не поселок, как в академии, а всего лишь два дома, на десяток квартир каждый.

— Мы жили там, — кивнула Нелл на один из них. — Когда отец был жив. А дом Хеймрика в парке. В детстве я не думала о защитах, бегала к нему, забиралась на ограду...

Ограда из толстых витых прутьев, заканчивающихся острыми копейными наконечниками, окружала большой двухэтажный особняк. На Глисет уже опустился вечер, и в нескольких окнах горел свет.

— Зачем одному человеку столько комнат? — пробормотал Оливер, выискивая прорехи в защитной сети. — Мне мой дом иногда кажется огромным, хотя в нем всего пять спален.

— Всего! — Нелл смешливо фыркнула. — Пять спален, гостиная, столовая, кабинет...

— Музыкальная комната, — дополнил Оливер.

— Я знала! — обрадовалась она. Покрутила на запястьях браслеты, активируя артефакты. — Знала, что она есть! Тебе не кажется странным, что я до сих пор ее не видела?

— Увидишь, — пообещал он. — Как только вернемся.

— Сыграешь мне?

— Это можно и сейчас.

Сигнальная сеть — коварный инструмент. Струны тонкие и натянуты густо. Неловкое движение — тут же сфальшивишь. Но Оливер — музыкант опытный и осторожный. Он легко касается струн, растягивает, распутывает. Мелодия едва слышна, но покуда в ней ни одной фальшивой ноты.

Нелл присоединяется к игре под конец. Струн ей уже не хватает, и она протягивает свои. Раскидывает от ограды и до окон особняка новую сеть, пускает по ней короткие импульсы. Ловит ответные вспышки...

— Нам повезло, хозяин у себя. Первый этаж, левое крыло. Если правильно помню, там его кабинет. Еще два человека на первом этаже и один на втором. Не маги. Наверное, прислуга.

— Еще и прислуга у него, — пробурчат Оливер.

— Я их нейтрализую, — пообещала Нелл. — Скажешь, когда будешь готов.

— Еще немного... Защиту кабинета вряд ли взломаю на расстоянии. Но можем пробить...

— Тогда пробьем. — Нелл сплела заготовки обездвиживающих заклинаний. Зафиксировала каждое на кольцах-амулетах.

— Пробьем. На три? Один, два...

Хеймрик ударил не глядя. Ни один маг не встречал бы радушно тех, кто телепортировался в его кабинет с эффектом бронебойного тарана, круша щиты, но милорд Юлиус был настроен более чем серьезно: три из пяти отражателей, которыми Крейг снабдил Оливера, в мгновение выгорели дотла, в оставшихся хорошо, если половина заряда сохранилась. Что случилось бы с самим Оливером и с Нелл без этих артефактов, думать не хотелось, да и некогда было. Следующий удар, теперь ментальный, не заставил себя ждать, и пришлось сконцентрироваться на защите.

У Нелл, прикрываемой не только амулетами, но и мужем, возможностей атаковать в ответ было больше, и она не преминула этим воспользоваться. Ударила без изысков, не тратя времени на плетение, но мощно, чистой силой и огнем, и Хеймрик, вынужденный тушить задымившийся на груди сюртук, отвлекся от попыток выжечь гостям мозги. Оливер, перенастроив защиты, внес свою лепту, заставив глисетца отбиваться еще и от роя вгрызающихся в него на астральном уровне мелких проклятий.

Вскользь Оливер подумал, что такого лорд Аштон точно не одобрил

бы. А еще о том, как ему повезло с женой. Если бы пришлось столкнуться с Хеймриком один на один, менталиста получилось бы только убить, а с помощью Нелл удалось аккуратно спеленать глисетца заклинаниями и зафиксировать в кресле.

— Охрана, — напомнила Нелл.

Полностью отключить оповестительную сеть им не удастся, и охрана университета вот-вот должна была получить тревожный сигнал из дома ректора. Выигрывая время, Оливер активировал разрушающие заклинания, заблаговременно наложенные на питающие артефакты общей защиты, которые показал на плане Джерри. По крайней мере восемь минут у них будет.

Хеймрик, тяжело отдышавшись, смог наконец-то разглядеть гостей и мерзко усмехнулся.

— Молодцы, — похвалил с издевкой. — Сильны, укатали старика. И что теперь? Как собираетесь объяснять все это? Вторжение, поджог... К слову, вы прекрасная пара. Нелл, радость моя, Оливер рассказывал тебе о своей страсти к поджигательству? На втором курсе, кажется, да? Представляешь, подпалил пожарную часть, которая сама — сплошь противопожарный артефакт. Так никому и не признался, как ему это удалось. А Нелли у нас поджигала сухую траву и старые газеты и в десять лет чуть не сожгла комнату в пансионе, где жила. Без злого умысла, конечно, у пиротиков на этапе овладения силой бывают подобные, хе-хе, вспышки...

Неуместная болтовня отвлекала. Путала мысли. Заставляла то вспоминать глупое пари, заключенное почти три десятка лет назад с однокурсниками, то вдруг представлять худенькую рыжеволосую девочку, разжигающую в ладошках огонек, чтобы выпустить его на высушенную летним зноем лужайку. Девочка улыбалась, и хотелось улыбнуться ей в ответ, прикоснуться, погладить растрепанные волосы, на ветру похожие на язычки пламени...

Оливер упустил момент, когда это пламя взвилось вверх огненным смерчем, поглотив и девочку, и лужайку, и весь мир вокруг. На голову с силой кузнечного молота рухнула тьма.

— Отпусти его! — прорезал мрак голос Нелл. — Отпусти, или...

Тьма стала плотнее, а потом вдруг сменилась маревом портала. Оливер увидел себя сидящим на холодном каменном полу большого круглого помещения со сводчатым потолком, а вокруг одна за другой загорались толстые черные свечи. В ярде от него выпал из воронки Хеймрик и бессильно завалился на спину. Глисетец уже не ухмылялся.

Тело его по-прежнему было обездвижено магией, но головой он вертел из стороны в сторону, и в округлившись глазах читались узнавание и испуг.

— Я предупреждала, — процедила Нелл, появляясь рядом со своим бывшим ректором. — Предупреждала...

Она толкнула воздух ладонью от себя, и Хеймрика швырнуло на середину зала, прямо в центр вычерченного на полу рисунка.

— Я не только газеты жгла, милорд Юлиус, — неспешно произнесла Нелл, приближаясь к нему. — Я еще и училась тут, помните? А помните на кого?

— Ты... — прохрипел менталист. — Ты...

Ничто другое он произнести не мог.

— Я, — согласилась с ним Нелл. — Я — Хелена Вандер-Рут. Вам не стоило забывать об этом. И подсылать ко мне в академию убийцу не стоило. Следовало прийти самому, и мы решили бы дело миром. Мы решили бы, — говорила она, медленно обходя лежащего человека по кругу. — Мы ведь уже договорились однажды, да? И я не нарушила условий того договора... Разве что выжила, но это форс-мажор...

Оливер попытался подняться на ноги, но удерживающее его волю в силках заклинание Хеймрика, отчего-то не действовавшее на Нелл, еще не распалось. Получилось лишь подползти поближе, чтобы расслышать сдавленный шепот глисетца:

— Договоримся... Чего ты хочешь?

— Несколько минут назад я хотела лишь объяснений. Сейчас... хочу, чтобы вы испытали то, через что пришлось пройти мне. Всех впечатлений я вам не обеспечу, но основное... Вам хватит, милорд Юлиус.

— Ты не сможешь...

— Смогу. Я — Вандер-Рут. Мне не нужна полная звезда, чтобы призвать высшего. Я справлюсь и в одиночку.

Откуда у нее в руках взялся ритуальный нож с массивной рукоятью и испещренным рунами клинком, Оливер не понял. Дальнейшему развитию событий помешать не мог. Не получилось даже крикнуть. Даже прошептать, чтобы она не делала этого. Только смотреть, как Нелл поднимает руки над головой менталиста, проводит лезвием по ладони и встряхивает пальцами. Капли ее крови падают на лицо Хеймрика, как бы тот ни мотал головой, пытаясь увернуться, но, чтобы наверняка, Нелл опускается на колени и прикладывает рассеченную ладонь к его лбу. Улыбается, и не только глисетца, но и Оливера пробирает озноб от этой ее улыбки. Оливеру пришли на память слова Хеймрика, сказанные в тот день, когда он поведал якобы правдивую версию давних событий: «Если бы ей

удалось, ее экзамен выглядел бы так, будто бездна отверзается по щелчку ее пальцев». Сейчас это так и выглядело. Бездна откликнулась на призыв, едва прозвучали невнятным шепотом первые фразы. Повеяло холодом иной стороны. Пламя свечей затрепетало. По стенам расползлись морозные узоры.

Рисунок на полу, напитавшийся кровью последней из Вандер-Рутов, вспыхивает ярким голубым светом. Четыре луча устремляются к потолку и сходятся в одной точке, где поначалу медленно, а потом все быстрее и быстрее раскручивается, увеличиваясь в размерах, темная воронка. Она разрастается, нависает над Нелл и, кажется, вот-вот всосет в себя тоненькую и особенно хрупкую на фоне слепящего мрака фигурку. Но Хелена Вандер-Рут твердо стоит на ногах, по-прежнему сжимая в поднятой руке нож, и тьма, на миг заполнившая ее глаза, бессильно отступает. Воронка сужается, содрогается так, что эта дрожь отдается в стенах и каменном полу, а затем изрыгает из себя клок серого тумана, который медленно опускается к зывающей, превращаясь в самое страшное и уродливое из виденных Оливером существ. Оно в два раза выше человека и в два раза тоньше. Красная, словно кровоточащая кожа натягивается на его ребрах и выпирающем хребте. Ноги с массивными ступнями сгибаются в коленях в обратную сторону, словно у гигантского кузнечика. Длинные руки свисают до пола, и острые когти высекают искры из каменных плит. Лицо его — пустые глазницы и полная игольчатых зубов пасть. Безволосый череп венчают закрученные рога, а за спиной расправлены перепончатые черные крылья. Существо подходит к Нелл, обнимает ее со спины, гладит белоснежные волосы, скользит скрюченными пальцами по ее щеке, и Оливер задыхается от омерзения и страха за нее. Но ей совсем не страшно. Повернув голову, она смотрит на исчадие бездны почти с нежностью, опускает руку с ножом, а второй дотрагивается до витого рога, поглаживает ласково и шепчет что-то, указывая на распростертого на полу менталиста. Пасть существа раскрывается в жутком подобии улыбки. Оно отступает от Нелл и, отталкиваясь от пола руками и ногами, приближается к Хеймрику.

— Нет, — умоляет тот. — Не нужно! Нелл, пожалуйста!

— Слышали бы вы, как я просила о том же, — роняет она с безразличием, пока призванный ею демон обходит жертву, с наслаждением вдыхая исходящий от нее страх. — Хотя вы ведь слышали. Ментальные проекции... Вы их сохранили?

— Да, там... Я не знаю, кто еще там был. Правда не знаю... — Менталист не рискует говорить громко, но голос его срывается то и дело

на жалобный визг. — Я отдам тебе, если хочешь... Расскажу все, что знаю о том деле...

— Расскажите все. — Нелл, словно непослушного щенка, отгоняет демона и склоняется над Хеймриком. — Все и обо всем. И обо всех. Или...

Пришелец из бездны угрожающе рычит.

— Все, — соглашается Хеймрик. — Только изгони... это...

— Клянитесь. — Она поднимает его руку и острием ножа рисует на ладони красную линию. — Кровью и жизнью.

Кровь течет ему в рукав. Менталист клянется. Он расскажет все. Обо всем. Обо всех. Отдаст Хелене все и, если нужно, добудет еще и тоже отдаст. Он слишком боится демонов и смерти.

— Мой первый вопрос. — Удерживая рычащего монстра на расстоянии вытянутой руки, Нелл склоняется над Хеймриком. — Арчибалд Аштон. Как он связан с вами?

— Никак. Аштон — он... Нет, никак. С ним лучше не связываться...

— Вот и хорошо, — кивает Нелл и обессиленно опускается...

...в кресло у стола.

Оливер растерянно мотнул головой. Та побаливала после ментального удара, но заклинание уже не удерживало, и можно было подойти к жене, изнеможенной, тяжело дышащей, сжимающей в руке нож для бумаг, на котором еще остались следы крови Хеймрика.

Сам глисетеп недоуменно озирался, оглядывая свой собственный кабинет, и с каждой секундой его взгляд становился осмысленнее и злее.

— Ты!.. — выдохнул он с ненавистью.

— На самом деле вы, — устало поправила Нелл. — Вы сами создали ментальную ловушку. А я ее просто... немножко перестроила. — Поддрагивающими от перенапряжения пальцами она вытащила из волос потемневшие шпильки и улыбнулась Оливеру: — Нужно будет поблагодарить инспектора.

— Если бы только поблагодарить. — Оливер выгреб из кармана пригоршню золы, в которую превратились защитные амулеты. — Нам за это еще заплатить придется. — Вспомнил рогатое чудовище и, пожившись, поинтересовался: — Что это была за тварь? Слишком реальная для иллюзии.

— Импровизация, — отозвалась Нелл. — Как и все остальное. Что-то вроде слегка усовершенствованного фобоса. Понравился? Можем оставить его себе.

— Ни за что. Лучше собаку заведем.

Хеймрик скрипел зубами, и довольно громко. Наверное, меньше всего

менталист ожидал, что его собственные чары будут использованы против него, тем более использованы девушкой, которая никогда не обучалась магии воздействия. Он видел в ней демонолога, но тем проще поверил в реальность видений, созданных ею в его сознании. На угодившего в собственный капкан мага смотреть было жалко. И Оливер не смотрел. Пошел к телефону, убедился, что связь исправна, а до сигнала тревоги благодаря тому, что мнимый призыв демона разворачивался в их воображении, а не в реальности, есть еще несколько минут, и набрал немногим в Арлоне известный номер.

— Все-таки я в тебе не ошибался, — проговорил вдруг Хеймрик, с обреченностью проигравшего решающую битву. — Ты стала хорошим магом, Хелена Вандер-Рут.

— Райхон, — поправил Оливер. — Леди Хелена Райхон, моя жена. — И уже в трубку, спокойно и вежливо: — Добрый вечер. Могу я поговорить с лордом Арчибальдом?

Вице-канцлер был в ярости. Это проявлялось в неестественной сдержанности, в скупых, коротких фразах и в том, что он упорно не смотрел на собеседника. Видимо, опасался ненароком испепелить взглядом, а сегодня, когда одно из трех высших учебных заведений, готовящих квалифицированных магов, уже лишилось ректора, это было бы некстати.

— Милорд Юлиус находится под опекой целителей. У него сердечный приступ, — сообщил лорд Арчибальд Оливеру.

— Это официальная версия? — уточнил тот.

— Это любая версия. Ему почти сто лет, здоровье уже не юношеское. Так что ваше счастье, что не убили его своим спектаклем.

— Да, — сам не понял, с чем согласился Оливер. Нелл тоже забрали целители. Выданных Крейгом накопителей не хватило, и ей пришлось задействовать собственный резерв. Здоровье жены волновало Оливера больше здоровья Хеймрика.

— Вы понимаете, как рисковали? — не оставил попыток достучаться до него вице-канцлер. — И чем рисковали? Что он мог сделать, если бы ваша жена не вырвала у него клятву?

— У нас все получилось. Хеймрик теперь в полном нашем... вашем распоряжении. Вам он, думаю, будет даже интереснее, а мне хватит информации по делу Нелл. Ни на что другое не претендую. — Оливер провел ладонью по лицу, будто надеялся так стереть усталость. — Я обещал Эдварду попросить у вас прощения, если выяснится, что вы не

имеете отношения к делам милорда Юлиуса. Прошу принять мои искренние извинения и, если понадобится, мою отставку.

— И не мечтайте, — отрубил лорд Аштон. — Но в отпуск вы у меня по окончании этого дела отправитесь. В долгий и подальше от академии. Потому как от переутомления, похоже, утратили способность мыслить. Вы же мне чуть политический скандал не спровоцировали. Или экономический кризис. Или не знаю какую еще беду. У Хеймрика многие первые люди королевства в кулаке... были...

— Теперь — у вас, — передернул плечами Оливер.

Вице-канцлера обретенная власть отчего-то не радовала.

— Простите, милорд Райхон, но вы — идиот, — очень вежливо сказал он. — И при этом, как ни странно, неплохой ректор. Поэтому я буду рад, если вы вернетесь к руководству академией и не станете больше лезть в то, в чем ничего не смыслите.

— Ментальные проекции, снятые Хеймриком одиннадцать лет назад, — напомнил Оливер. — И я вернусь к руководству академией.

— Уже у меня, — с неохотой ответил лорд Арчибальд. — Не стал передавать их следователям, да и другие материалы из архива Хеймрика теперь не знаю, кому можно доверить... Впрочем, это не ваши заботы. А проекции, прежде чем вы их возьмете, тоже хочу посмотреть.

Из кабинета, где они были только вдвоем, вышли спустя полчаса. Вице-канцлер по-прежнему избегал прямых взглядов, но теперь по иным причинам.

— Что ж... — проговорил он неуверенно. — Вам, наверное, пора?

— Да, — отсутствующе кивнул Оливер. — Наверное.

— Увидимся завтра у Эдварда?

— Не думаю.

— Вы же знаете, вам там будут рады...

— Я хотел бы встретиться еще с двумя людьми, — сказал Оливер без перехода. — Неофициально. С Кеннетом Олдриджем и судьей Эрландом.

— С Эрландом пока не нужно. Пожалуйста. С Олдриджем — можно. Но не спешите и не идите снова напролом. Я организую вам встречу в ближайшее время, обещаю. Только...

— Не волнуйтесь. Наш разговор он переживет.

Все, из кого он хотел бы вынуть душу, давно мертвы. Почти все. Один выжил. Но Оливер собирался исправить это в ближайшее время.

ГЛАВА 38

Выходные он хотел провести с Нелл. Даже к Грину на праздничный ужин не планировал идти. Она не понимала почему. Уверяла, что прекрасно себя чувствует и в состоянии прожить без него несколько часов. А еще спрашивала, не передал ли лорд Арчибальд снятые Хеймриком проекции. Запечатленные в кристаллах воспоминания лежали в его сейфе, но Оливер не решался в этом признаться. Переводил разговоры на другое, убеждал Нелл остаться в постели, хотя целители, осматривавшие ее в Глисете, сказали, что переутомление не критическое и в каком-то особом режиме она не нуждается. Поправлял ей подушки и приносил сладости. Заваривал чай и развлекал байками из собственной жизни, начиная тем памятным многим поджогом пожарной части.

— Ты обещал, что сыграешь мне, — вспомнила Нелл, к обеду устав от безделья и суеты, что он создавал вокруг нее.

И он играл. Пытался. Пальцы не слушались, знакомые мелодии все до одной вылетели из головы, рояль возмущенно дребезжал. Оливер лгал, что давно пора пригласить настройщика, и продолжал терзать инструмент, пока Нелл не сжалась над ним и над роялем и не закрыла решительно крышку.

После так же решительно заявила, что вечером он отправляется к Гринам.

— Это однажды закончится, — сказала она. — А близкие тебе люди останутся. Глупо портить отношения с ними из-за преходящих проблем. К тому же мы так и не узнали у доктора, куда ушел Илдредвилль.

Спорить Оливер не стал. В положенный час он надел выходной костюм, взял загодя купленную книгу — Эдвард собирал редкие издания — и отправился на праздничный ужин, пообещав Нелл, что не задержится, а себе — что не испортит настроения ни виновнику торжества, ни его гостям.

Приглашенных у Грина было немного. Помимо Оливера, леди Пенелопы, старика Крейга и его вечного «стажера» присутствовало трое целителей, работавших с Эдвардом в лечебнице, Ева и Роберт Кингслей — бывшая пациентка и ее муж, и конечно же лорд и леди Аштон. Завтра в нескольких газетах появятся короткие заметки, из которых читатели узнают, что вице-канцлер в очередной раз побывал в академии. Возможно, упомянут повод для визита и уделят пару строк доктору Грину, но скорее

отдадут эти строки описанию наряда леди Оливии. А если какой-то ушлый репортер успел сделать фото на подходах к портальной станции, поместят снимок. Нелегко, должно быть, привыкнуть к тому, что каждый твой шаг спешат осветить и обсудить, но в академии лорд Арчибальд мог расслабиться: уж сюда-то ни один писака, а тем паче фотограф не проберется.

В академию вообще никто не проберется, и временами это не радует. Тогда, когда что-то случается — что-то вроде таинственных исчезновений, убийств или взрывов, — и ты понимаешь, что это никак не может быть делом рук чужака. Что это — кто-то свой. Тот, кого ты знаешь, кому доверяешь. А потом перестаешь доверять. На всякий случай — всем.

Неуместные мысли для праздника, но изгнать их у Оливера не получалось. Даже сказать себе, что сейчас-то с ним рядом люди, в которых он никогда не усомнится, больше не выходило. Усомнится. Как недавно с лордом Арчибальдом. Все зависит от ситуации, и не исключено, что в следующий раз он станет подозревать в чем-то уже Эдварда. Или Элизабет. Или даже Крейга. Так что... Лучше бы не было никакого следующего раза.

— Вы сегодня сами на себя не похожи, Оливер, — заметила, подойдя к нему, леди Пенелопа. — У вас все хорошо?

— Конечно, — улыбнулся он, как улыбался с того момента, как пришел к Гринам.

Улыбался, шутил, поддерживал застольные разговоры, стоило им начаться...

Видимо, этим себя и выдал.

Вице-канцлеру притворство давалось легче.

— Роскошное издание, — оценил он книгу, принесенную Оливером. — Не отказался бы иметь в своей библиотеке, но, боюсь, вы приобрели последний выставленный на продажу экземпляр. А новым атласом Эдвард уже хвастался? Нет? Это нужно видеть... Эдвард, вы же не станете возражать, если мы немного похозяйничаем в вашей библиотеке?

Если кто-то о чем-то догадался, кроме участников разговора и посвященного в их секреты Грина, то это леди Оливия. «Не смей сегодня заниматься делами!» — прочел Оливер в ее обращенном к мужу взгляде. «Это ненадолго», — так же безмолвно заверил тот, взял Оливера под локоть и, продолжая восхищаться библиотекой зятя, увел подальше от ожидающих десерта гостей.

Жену лорд Арчибальд обманывать не собирался, поэтому, едва они оказались в защищенном от прослушиваний кабинете, тут же сообщил:

— Вы просили о встрече с Олдриджем. Видеться лично

необходимости, как мне кажется, нет. Все, что может быть полезно, Олдридж скажет и по телефону. Он свяжется с вами в начале будущей недели.

— Почему? — Это был единственный вопрос, который Оливер смог сформулировать. Впервые он почувствовал себя на месте одного из своих подчиненных, которых нередко упрекал в нерасторопности: оказывается, изложенные коротко и, казалось бы, ясно задания тоже могут вгонять в ступор.

— Почему не завтра же? — уточнил лорд Ашгон. — Потому что нужно дать ему время осмыслить то, что я сообщил ему утром. Да-да, встречался с ним сегодня. На зиму Олдриджи переезжают в столицу, так что организовать встречу было несложно.

— Вы были у него лично?

— Секретаря с подобным не посылал бы, — серьезно ответил вице-канцлер. — Я уже говорил вам, Оливер. Вы — друг Элизабет и Эдварда, а значит, в каком-то смысле и мой. Хотя у вас, конечно, есть право в это не верить. Но с Олдриджем я встречался. Рассказал ему... Много рассказывал. Даже несколько тайн выдал. Например, что леди Хелена жива и весьма удачно вышла замуж. Не скажу, что он обрадовался. Как и известию, что в отношении Хеймрика открыто дело о злоупотреблении служебным положением. Пока — о злоупотреблении, а потом посмотрим... Вскользь сообщил ему, что у нас есть доказательства участия его старшего сына в запрещенном ритуале, а также подробности усыновления второго ребенка. Сказал, что ни я, ни вы, ни ваша жена не заинтересованы в огласке всего этого, но нельзя исключать, что информация каким-то образом выйдет наружу. Просочится в газеты. Брат Кеннета Олдриджа — владелец «Голоса», а у этого издания немало конкурентов. Они ухватятся даже за непроверенные слухи.

— Но вы ведь не собираетесь?..

— Кто знает? — От усмешки вице-канцлера Оливеру захотелось пригладить волосы. Показалось, что они встали дыбом. — Олдридж не знает, это точно. С такими, как он, договариваться нужно с позиции силы. Вы бы наверняка отыскали в своем арсенале несколько подходящих заклинаний, но я лишь скромный теоретик, так что... обрисовал в теории возможные последствия. Когда Олдридж с вами свяжется, постарайтесь, чтобы он остался в уверенности, что они действительно возможны.

— Вы могли сразу узнать у него все. — Оливер невольно поморщился от неприятного ощущения, что с ним поступили как с ребенком, который собирался поудить рыбу, а ему, чтобы не промочил ног, подали ее уже

жареной.

— Мог, — согласился лорд Арчибальд. — Но, во-первых, я обещал вам приватный разговор с Олдриджем. А во-вторых... наверное, я уже не хочу знать все.

Видимо, не только Оливер плохо спал этой ночью.

— Кеннет Олдридж под наблюдением, — продолжил вице-канцлер. — После того как он свяжется с вами, с ним побеседуют следователи. То, что непосредственно касается дела, будет запротоколировано. Если у вас после беседы появятся какие-то новые догадки, буду рад, если тоже поделитесь со следователями. Понимаю, вам кажется, что разбирательство без вашего личного участия идет медленно или что преступник может избежать наказания, но...

— Я вас понял, лорд Арчибальд.

— Надеюсь. И... Думаю, торт уже подали.

Он не ошибся — торт ждал на столе. Три яруса нежного бисквита со спиртовой пропиткой, украшенные воздушным кремом и засахаренными фруктами. Оливер не остался до конца вечера, но кусочек торта попросил у хозяйки с собой, чем немало ее порадовал. Элизабет каждый раз, когда он уходил от них, порывалась завернуть ему что-нибудь со стола, но он неизменно отказывался. Сегодня взял бы не только торт. Нелл наверняка ничего не ела, оставшись одна...

Но курила.

Первое, что он почувствовал, вернувшись домой, — запах табачного дыма. Вместе с дымом из-за приоткрытой двери гостиной тянуло тревогой.

— Прости. — Нелл сидела в кресле, поджав под себя ноги. Рядом на столике стояла полная окурков пепельница. — Дарла показала мне заклинание, чтобы загонять дым в бутылку, но, видимо, я что-то не то сделала... или дыма слишком много...

— Ничего страшного. Потом откроем окна.

— И я рылась снова в твоих шкафах. Ты говорил, что сохранил сигареты, но не сказал, где они лежат.

— Ничего, — повторил он. — Нашла же? А я принес тебе торт. Заварить чай?

— Нет, не хочу.

— А чего хочешь? Еще не поздно что-нибудь заказать.

Она посмотрела на него. Долго. Задумчиво. Грустно.

— Все так ужасно? — спросила тихо.

— О чем ты?

Нелл вздохнула. Отвела взгляд. Вытащила из коробки сигарету и

целкнула пальцами, прикуривая.

— О проекциях, которые ты забрал у Хеймрика. Ты ведь их просмотрел?

— С чего ты...

— Олли, не нужно. Ты полночи просидел на кровати, несколько раз выходил сварить себе кофе. С утра носишься со мной словно с хрустальной вазой. С праздника вот сбежал и торт принес... Я не вижу других объяснений.

— Я... думал, ты спала ночью...

— Не могу спокойно спать, если ты не рядом. Но ты не ответил. Ты их забрал? И просмотрел?

— Да... и тоже да.

Она глубоко затянулась, сигарета в секунду истлела на полдьюма.

— Кто кроме тебя? Кто-то из следователей?

— Нет. Лорд Аштон, он...

Сигарета дотлела до мундштука, и Нелл вытряхнула ее в пепельницу.

— Мне тоже нужно увидеть.

— Нелл...

— Мне. Нужно, — проговорила она отдельно и резко. — Я не собираюсь смотреть на то, на что смотрел ты. Я хочу понять, что это был за ритуал. Если знать, что именно делалось и как, можно предположить, кто на такое способен. Мне интересно только это. Если не разберусь сама, спишу схемы, чтобы показать другим демонологам. И все.

— И все, — повторил он. — Поэтому ты куришь без перерыва, наверное, с тех пор как я ушел.

— Я не курю. — Она потянулась за новой сигаретой. — Я бросила, ты же знаешь. Это просто... Просто дай мне проекции. Сейчас.

Пепельницу Нелл взяла с собой в кабинет. И сигареты.

Оливера оставила в гостинной.

Больше, чем вчера, он не увидит. Меньше — увы, тоже.

Но главное, он не увидит того, что увидит она.

Хеймрик, делая запись, объединил воспоминания ее и Джордана Блейна, чтобы получить более полное представление о случившемся. Теперь Нелл повторно пропускала эти воспоминания через свою память, вытягивая все новые и новые подробности. Удивительно, как много всего можно откопать внутри себя даже через столько лет...

Лаборатория, стук в дверь, сосредоточенное, точно на экзамене, лицо Ирвина, заклинание, которым он парализовал ее до того, как она успела

спросить, зачем он пришел, — на съемке этого не было. Но теперь предшествующие обряду события вспомнились с нереальной четкостью. И собственные мысли, такие глупые и наивные.

Нелл не боялась. Ни Ирвина Олдриджа, ни Джордана Блейна, ни Клауса Эрланда. Последнего — особенно. Вечный нытик, он мог полдня таскаться за ней, чтобы она объяснила ему последнюю лекцию, выпрашивал у Сью конспекты и радовался, если она соглашалась начертить ему заданные схемы, носил за Вилбертом книги и соглашался на дополнительные дежурства — во многом благодаря этому и доучился до последнего курса. Он вызывал только жалость — не страх... «Тебе должно быть больно, — сказал он, поставив ей ногу на грудь. — Очень больно, иначе ничего не получится»...

Но это — потом.

Сначала все казалось розыгрышем. Жестокой, но шуткой. Парни перебрали виски, который проносили тайком на территорию университета, и решили ее поугубить. Приволокли в павильон для призывов. Начертили что-то несуразное на черном каменном полу. Зажгли свечи, словно и впрямь собирались вызвать демона... Так она думала. И демонов тоже не боялась, она же Вандер-Рут.

Демоны не имеют над человеком власти большей, чем он сам им дает, — в детстве она была уверена, что эта фраза принадлежит ее отцу. Повзрослев, узнала, что он сам позаимствовал ее у Йозефа — первого демонолога в их роду.

Демоны не имеют над человеком власти...

Она повторяла это, падая в холод бездны, до тех пор, пока не поняла, что это уже не помогает. А когда поняла, пожелала умереть прежде, чем тьма иной стороны высосет ее душу. Не потому, что боялась — к тому моменту она снова не знала, что такое страх, — просто назло тем четверым...

Четверым.

Нелл закурила новую сигарету и вгляделась в размытые контуры звезды призыва. Разбуженная память дорисовала недостающие линии рисунка на полу. Зажгла черные свечи. Высветила фигуры вызывающих. Даже их лица, искаженные экстазом ритуала. Они тоже заглянули в бездну, глотнули пьянящей силы... Трое из них. Четвертый стоял в сторонке. Единственный, кто не приближался к жертве. Она не разглядела его тогда и не могла рассмотреть сейчас. Словно он знал, что так будет: запись воспоминаний, расследование. Сделал все, чтобы его не удалось опознать. Остался в памяти, как в живой, так и сохраненной в кристаллах, безликой

тенью в темном плаще. И не поймешь, мужчина под ним скрывается или женщина. Аура темная, но высвечивается неясно. И странно, словно не человеческая...

Нелл вытерла со щек слезы. От перенапряжения. Конечно, от перенапряжения. Она так пристально вглядывалась в проекции... в свою личную бездну...

Но хватит. Пора заняться делом.

Еще одна сигарета. Чистый лист. Зажатый в пальцах карандаш.

Ни к чему отвлекаться на неразрешимые странности. Нужно срисовать схему призыва, убрать кристаллы и возвращаться к Оливеру. Пить чай и есть торт.

Торт был вкусный. Схема — странная.

Нелл никогда не видела подобного, хотя за годы учебы изучила немало вариантов призыва. Возможно, больше, чем многие практикующие демонологи. Ведь она — Вандер-Рут, она должна знать и уметь, даже если эти знания и умения ей не пригодятся. Участвовать в жертвоприношении она точно не планировала. Но пришлось...

— Не понимаю. — Она вертела схему так и этак, но, кроме отдельных элементов, не могла ничего разобрать. — Все какое-то... неправильное. Ведь никто не придумывает такое с нуля. Берутся стандартные схемы, корректируются с учетом поставленных целей, проверяются... Испытываются хотя бы раз, прежде чем опять добавить в них что-то новое... Кто этим занимался и когда? Сколько жертв понадобилось, чтобы убедиться в действенности обряда?

— Возможно, он позаимствован из каких-то забытых источников, — предположил Оливер.

— Как в том деле, о котором ты рассказывал? Возможно. Но где Олдридж и остальные нашли эти источники? Не в университетской библиотеке, я там каждую книгу, где хоть что-то было о демонах, прочла, включая сборники сказок.

— Четвертый?

— Наверняка, — кивнула Нелл и отдернула потянувшуюся к коробке с сигаретами руку. — Ты обратил внимание, какой он странный? Как будто и не живой человек, а... даже не знаю...

Оливер промолчал. Наверное, вчера он не присматривался к участникам ритуала и действительно видел в проекциях совсем не то, что Нелл. Подумав об этом, она все-таки закурила.

— У лорда Арчибальда наверняка есть опытные демонологи, которые

сумеют разобраться. И тайные знания — это по их части. Все-таки я так и не получила диплом. И опыт у меня своеобразный...

— Я поговорю с ним, — пообещал Оливер.

— Придется отдать кристаллы. Если передать только схемы, они решат, что я что-то не так списала. Это выглядит полной несуразицей.

— Можно? Я ничего не смыслю в демонологии, но... — С ее молчаливого согласия Оливер придвинул к себе разложенные на столе листы. — И правда несуразица, — проговорил задумчиво и ткнул пальцем в центр схемы. — Для чего в призыве этот элемент?

— Не знаю. Именно этого не знаю.

— Демонологи используют комбинированные формулы? Задействуют другие виды темных чар?

— Непосредственно в призыве? — оживилась Нелл, по голосу мужа поняв, что вопрос не праздный. — Никогда о таком не слышала. Нежелательно отступать от проверенных схем, а чтобы вплести в ритуал что-то новое, потребовались бы годы теоретических изысканий и практические испытания, я говорила... А что?

— Не уверен, — сказал Оливер, не отрывая взгляда от схем, — но если это не из арсенала демологов, предположил бы, что в схему включены элементы темных материй. Не сами проклятия, а параметры привязки. Вот это, мне кажется, имя.

Нелл присмотрелась. Темные материи она начала изучать лишь в академии, в университете, как и многие, для кого предмет не являлся базовым, зазубрила основы, сдала зачеты и задвинула ненужные знания в дальние уголки памяти. Но показанный Оливером элемент и впрямь чем-то напоминал виденные в учебниках схемы.

— Имя? — переспросила она с сомнением. — То есть жертвой в ритуале должна была стать Хелена Вандер-Рут, и никто иной не подошел бы? Я же говорила, каждое изменение должно пройти хотя бы одно испытание. Сколько, по-твоему, Хелен Вандер-Рут успели принести в жертву до меня?

— Необязательно Хелен. Когда ты уехала, я... Мне попало несколько книг по демонологии, и там была история твоей семьи. Тогда я не придавал этому значения, списал на опасность практической демонологии как таковой, но... Ты же знаешь, что почти никто из твоих предков не дожил до старости?

— Хочешь сказать, их приносили в жертву? — Нелл мрачно усмехнулась. — Занятная теория. Но я тоже изучала историю своей семьи. Мой дед сорвался со скалы во время обследования разлома, и, согласно

дневникам экспедиции, тому были свидетели. Прадед отравился газом из-за плохой вентиляции в лаборатории. Свидетелей не было, но, как записали в исследовательском журнале, помещения потом проветривали еще два дня, а закрытую изнутри дверь пришлось выламывать. А мой отец умер дома. У меня на глазах. Ритуальный нож я над ним не держала.

— Прости, я...

Нелл зажмурилась и перевела дух.

— Ты меня прости. Наверное, в чем-то ты нрав, и что-то там есть от проклятия, и от распознающих чар, и от привязки к имени... Я просто не понимаю, как это все объединить в одном ритуале. Не понимаю, как такая схема может работать. Не понимаю... почему это случилось именно со мной...

Успокоительного в доме не было, и Оливер достал из буфета бутылку бренди. Он, она, прокуренная гостиная, ее сброшенные на пол туфли и разговоры ни о чем и обо всем — совсем как в их первую ночь.

— Так ты узнал у доктора, куда ушел Илдредвилль?

— Узнал, как он ушел.

— Подозреваю, что внезапно. — Бутылку они уже ополовинили, и Нелл улыбалась почти по-настоящему, без горечи и затаенной боли во взгляде.

Оливеру нравилась эта ее улыбка, а потому он не передал в точности слова Эдварда о том, что эльф ушел, увидев на столе те самые книги, по которым Элизабет придумала целый роман. Сказал, что знает человека, у которого много книг о демонах и демонологах. Возможно, он даже вернется и действительно принесет эти книги. Возможно, в них найдется описание странного ритуала. Но сейчас Оливер не хотел говорить об этом.

Нелл заговорила сама.

— Если я его найду, — произнесла она медленно, рассматривая свое отражение в бокале. — Если найду и убью. Что-нибудь изменится?

— Да, — ответил, подумав, Оливер. — И нет. Ты будешь знать, что тебе больше некого бояться, но в остальном... Станет только хуже. Поэтому... я его убью. Мне это... — Он передернул плечами, опрокинул в себя содержимое бокала и налил еще.

— Сколько их было? — спросила Нелл после паузы.

— Не знаю, — ответил он честно. — Никто не знает.

— Почему?

— Переходящее проклятие. Был нож, которым убили Джинни. Веревка, на которой повесили ее мужа... Но я не хотел ограничиваться

исполнителями. Проложил связь. От убийц... к другим убийцам. К каждому в их окружении, на ком была кровь, кто отдавал приказы или убивал сам, кто прикрывал убийц... Не получилось бы посчитать. Но невиновных там не было...

— А потом?

— Потом — откат. Темный откат. Эйфория. Слабость. Опять эйфория. Желание продолжить. Накрыть проклятием целый город, там ведь оставалось еще немало подонков. Или целый мир... Какой темный маг хоть раз не захотел бы стать темным властелином?

— Но ты не стал.

— Мне подбросили племянника, и я подумал, что власть над миром плохо сочетается с обязанностями няньки.

— Совсем не сочетается. А темные, вознамерившиеся править миром, обычно сходят с ума.

— Возможно, я все-таки сошел.

— Возможно. — Нелл сонно улыбнулась. — Но мне нравились твои безумства. Острова, опера... Куда еще отправимся?

— В спальню, — решил он, поймав ее затуманенный взгляд.

За неимением иных вариантов алкоголь — тоже лекарство. Не исключено, что утром у Нелл будет болеть голова, зато сейчас она уснула, едва Оливер донес ее до постели. Он же, взбодрившись кофе, заперся в кабинете со схемами и проекциями.

Ограничился бы рисунками, но нужно было убедиться наверняка. Проследить, как меняются в течение ритуала магические связи. Вычленил знакомые элементы незнакомых плетений.

Через час исчерченных листов на столе прибавилось. А в сторонке лежал еще один, на котором было всего три слова — три привязки, которые удалось увидеть.

Имя. Кровь. Род.

ГЛАВА 39

Нелл потратила на схему второй выходной, но больших успехов не достигла. Она могла только сказать, что целью ритуала определенно было изъятие силы, и — если принять все-таки теорию Оливера — именно силы Вандер-Рутов. В этом был смысл. Родовой дар, когда способности к одному и тому же виду магии передаются и усиливаются из поколения к поколению, имеет более высокий потенциал, чем дар, проявившийся в семье впервые, или даже наследственный, но не закрепленный в одной сфере применения. Потому в среде магов так уважалась принадлежность к династиям, и Нелл в свое время гордилась тем, что она — Вандер-Рут, маг рода, насчитывающего более пятнадцати поколений демонологов, к тому же рода, представленного всего одной ветвью. Неизвестно, планировали это предки или так вышло ненамеренно, но после внуков Йозефа, младший из которых умер бездетным, больше одного ребенка у них не рождалось, и дар не делился между несколькими наследниками.

Да, такой дар — лакомый кусочек, и многие были бы не прочь его заполучить. Но удалось бы это лишь магу одного с ней рода. Другим не досталось бы и половины.

— Даже так они получили бы немало, — сказал Оливер. — А если я прав и привязка была не только к роду, но и к крови, то есть варианты. Не знаешь, у твоего отца или других предков не было побратимов? Еще полвека назад братание с ритуальным обменом крови было весьма распространено. И теоретически этого может оказаться достаточно для установления связей, близких к родовым.

О побратимах Вандер-Рутов Нелл никогда не слышала, а следовательно, таковых почти наверняка не было. Существой они, не преминули бы похвастаться обретенным родством со знаменитой династией. Но полностью эту версию она не исключила. Как и вариант с бастардом и пошедшей от него побочной ветвью. Маловероятно, но не невозможно. Однако ни как проверить эти версии, ни где искать полное толкование ритуала, она не знала.

Оставалось смириться с собственной несостоятельностью и передать проекции в компетентные службы, надеясь, что те и впрямь компетентны.

Но прежде Нелл хотела посоветоваться с Вилбертом.

— Зайду к нему завтра после занятий, — предупредила она Оливера перед сном.

— Ты собираешься на занятия? Я думал...

Она не стала слушать, что он думал.

— Собираюсь. И пойду. Не для конспирации или чего-то еще... Просто пойду. Отвлекусь.

Он понял и вопросов больше не задавал. Но наставника предложил вечером пригласить к ним: тоже хотел знать, что тот скажет.

Не только Оливер считал, что она уже не вернется к роли студентки. Телепортировавшись на рассвете к себе в общежитие — теперь ей удавалось делать это самостоятельно, — Нелл споткнулась о брошенные посреди комнаты мужские туфли. Взглянула на кровать соседки, увидела на подушке две головы вместо одной и торчащую из-под одеяла волосатую ногу, деликатно отвернулась и громко откашлялась.

За спиной послышалось недовольное бурчание, затем — удивленный возглас и возня. Через две минуты заскрипело, открываясь, окно.

— Простите, неудобно вышло.

Приятный голос. Нелл заинтересованно обернулась через плечо, но заметила лишь бесшумно скользнувшую тень и мелькнувший над подоконником кончик хвоста. Видимо, иногда реки текут вспять.

— Действительно неудобно, — подтвердила, потянувшись на постели, Шанна. — Какие планы на день?

Нелл улыбнулась ее бесшабашности, но планами поделилась: факультет, обед в столовой, библиотека — она хотела взять кое-какие справочники перед тем, как вернуться в дом Оливера, а там охрана ей уже не понадобится.

Тому, что планы, начиная уже с первого пункта, пошли наперекосяк, Нелл почти не удивилась. Удивилась она другому.

— Здравствуй. Мы можем поговорить?

Сюзанна встретила ее на ступеньках учебного корпуса. Не подкараулила на безлюдной полянке, не притворялась, что их встреча случайна, — подошла сама, не смущаясь любопытных взглядов студентов и присутствия Шанны и Дарлы.

— Конечно.

Нелл пожелала удачного дня бывшей соседке и легонько кивнула новой: все в порядке. Вслед за Сью сошла с крыльца.

— У Алана нет лекций с утра, — зачем-то сообщила та. — Есть с кем оставить детей. Мы никак не можем найти няню, Марк плохо реагирует на посторонних.

— Потому ты и не работаешь?

— Да, в основном из-за этого. Глупо, наверное. Все говорят, что он поплачет и привыкнет, а я не хочу, чтобы он плакал. С Хеленой таких сложностей не было.

— Хелены легко привыкают. Ко всему.

Почти на минуту накрыло наваждение: они говорили, совсем как раньше. словно не было той ночи, не было тех одиннадцати лет... Но все это было. Горечь проступила в последних словах Нелл, и Сюзанна ответила такой же горькой усмешкой:

— Не привыкают. Просто они сильнее. И не любят огорчать близких слезами и жалобами.

— Я рада, что у тебя такая заботливая дочь. Правда. Но дети — не совсем моя тема, извини. Да и занятия сейчас начнутся.

— Я знаю, — кивнула Сью. — Знаю... что тогда случилось. Точнее, догадываюсь.

Нелл оторопела, но быстро вернула себе невозмутимый вид.

— Откуда такая догадливость?

Ответ окончательно выбил ее из колеи:

— От Оливера Райхона.

— В каком смысле?

— Он ведь не демонолог. Некоторые вещи не кажутся ему достаточно важными, чтобы их скрывать. Он сказал, что то был не несчастный случай, а спланированное преступление. Ты пострадала. Вилберт тоже, но он не присутствовал там с самого начала. Трое погибли, а преступника не нашли. Я спросила, был ли это призыв...

— И он ответил, — упавшим голосом закончила Нелл.

Сью всегда была умницей. И Сью, в отличие от Оливера, была демологом. А в демонологии своя математика. Призыв — значит, четверо. Вилберт за скобками. Трое мертвы, один — неизвестное. Понять место Нелл в этом уравнении, притом что ее не назвали преступницей, несложно.

— Я не стану расспрашивать, Нелл, — проговорила Сюзанна, глядя в землю под своими ногами. — Я лишь хотела извиниться. За нашу первую встречу здесь. И за вторую. За свои подозрения. Когда ты появилась под чужим именем, ничего не объяснила и не хотела, чтобы мы сообщали о тебе кому-либо... Прости, я решила, что та трагедия произошла по твоей вине и поэтому ты скрывалась. И я... Я злилась на тебя. Из-за Ирвина, из-за того, что случилось после... Прости.

— Но ты все равно меня не выдала.

— Я подумала, что у тебя есть право на второй шанс. У меня ведь он

был. И я им воспользовалась.

— Я своим — тоже, — прошептала Нелл.

Сюзанна подняла на нее влажно блестящие глаза и улыбнулась. Почти как тогда, когда они жили в одной комнате.

— Милорд Райхон? Шансы у тебя всегда были высокие.

Подобных никогда не было. Этот шанс из тех, что дается раз в жизни...

Но слишком он беспечный. Или это звезды так криво встали, что Оливер уже во второй раз выдает ее. Сначала Хеймрику, теперь — Сью.

— Мне пора, — сказала та. — Я не говорила Алану, куда собираюсь. И вообще не говорила... Тебе решать, стоит ли ему что-то знать. Но в любом случае можешь на нас рассчитывать. Не знаю в чем, но вдруг что-то понадобится.

— Посоветуй мне хороший справочник по начертательной символике, — тут же воспользовалась предложением Нелл.

День в ректорате Оливер провел, гипнотизируя телефон. На еженедельном совещании с главами факультетов, во время приема посетителей, занимаясь изучением документов — что бы он ни делал, взгляд постоянно соскальзывал на стоявший на краю стола аппарат. Никто не обещал, что Кеннет Олдридж свяжется с ним именно сегодня, но Оливер надеялся, что тот захочет решить все поскорее.

Надежды не оправдались.

И мечты не сбылись: нового секретаря, умного, расторопного и исполнительного, боги ему не послали. Небожители расщедрились лишь на перепуганную девицу, до этого дня перебиравшую бумажки в архиве. Запись посетителей она худо-бедно вела, входящую документацию рассортировала, но кофе сварила просто отвратительный. Благо у Оливера была спиртовка и запас молотых зерен в кабинете.

У Нелл, судя по всему, день прошел удачнее.

Когда Оливер вернулся домой, нашел ее в кабинете. Она обложилась книгами и коробками со сладостями из местной кондитерской и разбирала все те же схемы, но настроение у нее было не в пример лучше вчерашнего.

— Я взяла справочники по ритуалам, не по демонологии, а общие, и нашла еще несколько чужих элементов. Полная картинка пока не складывается, но, думаю, с наставником разберемся.

— Я пригласил Крейга, — сообщил Оливер. — Прости, что не обсудил это с тобой, но, если нужно рассмотреть плетения и символы, лучше инспектора в академии никто не справится.

— Это его «косоглазие»? — догадалась Нелл. — Какой-то личный дар?

— Крейг — видящий. Видит любые проявления магии. Жаль, не всегда может их расшифровать.

Инспектор пришел первым. Следом пожаловал демонолог. Старик и старик. Первый деловит и собран, второй явно чувствовал себя не в своей тарелке. От кофе оба отказались, пожелав немедленно перейти к делу.

— Странно, — сказал Крейг, изучив зарисованные схемы.

— Странно, — согласился Вилберт. — Наверное, было бы понятнее, если бы мы могли посмотреть непосредственно...

— Непосредственно, — кивнул Крейг. — Вдруг вы что упустили?

— Вряд ли меня что-то... э-э-э... смутит... — Вилберт смотрел в пол и не замечал, как комкает в пальцах одну из схем. — Я ведь был там... после, но был...

— За жизнь такого насмотришься, что уж ничего не боишься... — Крейг косил одним глазом на дверь, вторым — на потолок.

Нелл не возражала, и Оливер провел гостей в кабинет. Достал из сейфа проекции, но компанию составить не вызвался, рассудив, что жене он сейчас нужнее.

Время тянулось невыносимо долго.

Наконец оба старика появились в гостиной. Вилберт, утирая со лба бисеринки пота, попросил воды, Крейг — что-нибудь покрепче.

Оливер принес графин и поставил на чайный столик недопитую вчера бутылку. Себе и Нелл тоже налил. Не воды.

— Путано это, — задумчиво сказал инспектор. — Но чуток мы ваши схемы дополнили... Так ведь?

— Так, — подтвердил демонолог.

Положил рядом с бутылкой стопку листов.

— Я с запрещенными призывами нечасто сталкивался, — начал Крейг. — Был случай еще при прежнем ректоре, а другой — так вообще лет пятьдесят назад. Но там понятно все было, чуть ли не по учебнику сделано. А тут...

— Весьма нестандартный... э-э-э... способ, — закончил Вилберт.

Оливер подумал, что два многозначительно хмыкающих старика — это уже слишком, но прерывать их дуэт не стал.

— Привязки, что ты вчера заметил, там есть, — продолжил полицейский. — Но меня больше смещение потоков заинтересовало. Оно ж ведь, если изъятие, энергия должна ко всем участникам перетекать. Так? А в тех троих — тех, что погибли, — она не то чтобы перетекала, а

протекала через них...

— К четвертому? — предположил Оливер.

— Не совсем, — покачал головой Вилберт. — Какая-то часть силы сосредотачивалась в нем, да, но другая уходила... э-э-э... на иную сторону, мне кажется.

— Но ведь это нормально для таких ритуалов? — несмело спросила Нелл. — Демонов приманивают...

— Для приманки многовато будет, — буркнул Крейг. — Другое там. Вот этот знак видел? — Он сунул Оливеру под нос лист с одной-единственной закорючкой. — В трех узлах такой запряган. Хорошо запряган, и не разглядишь сразу.

— Можно? — Нелл протянула руку. — Кажется, я видела такой в справочниках. Нужно проверить.

— Не нужно, — отмахнулся инспектор. — Я тебе без справочника скажу. Обманка это. Скрытые чары. Такое плетут, когда хотят одно заклинание за другое выдать. Положим, я тебе наобещаю защиту наложить, а сам под этим делом проклятие навешу. И не заметишь, пока этот знак держаться будет. Только выплетать его трудно, мало кто справится. Не скажу, что студентам не под силу, но... склад ума особый нужен. И техника четкая. Среди тех троих были хорошие плетельщики или чертежники?

— Нет, — одновременно ответили Вилберт и Нелл.

— То-то, — кивнул Крейг. — Выходит, четвертый. А учитывая, как он подельников с силой провел, то и про обманку мог не сказать. И для чего это все затевалось, ему одному ведомо. Не удивлюсь, если демона не только призвать, но и выпустить собирался, и настоящая схема как раз под это была начерчена.

— Вряд ли, — с сомнением проговорил Вилберт. — Чтобы выпустить демона, такие сложности ни к чему. Достаточно в нужный момент разорвать сдерживающий контур. Тут же ясно видно, что прорыва допустить не хотели. В линии защиты обманок мы как раз и не выявили.

— Ну... не знаю тогда, — сдался Крейг.

— Я тоже не знаю, — вздохнул демонолог. — Однако если сопоставить все элементы и характер смещения потоков и принять во внимание наличие обманных плетений... И места расположения обманок на схеме... Инспектор не придавал этому значения, но они были вплетены в основание трех лучей звезды призыва. А символов, которые были на... э-э-э... жертвеннике, нам не удалось рассмотреть, так как...

Так как их закрывала собой жертва. Оливера начинало злить затянувшееся вступление.

— К чему вы ведете, профессор? — поторопил он.

Вилберт вздрогнул, словно на него гаркнули со злостью, хоть Оливер и не повышал голоса.

— Простите. Я хотел сказать, что... можно предположить, что в схеме скрыта не подмена заклинаний, а... подмена жертвы...

Три пары глаз — даже Крейг забыл косить — вперились в демонолога.

— Это лишь теория, — пролепетал он. — Но если подумать... Вот тут, тут и тут, — он показал места на схеме, — что-то спрятано. Элементы, которые мы видим, не имеют смысла. Но если немного подкорректировать рисунок... Вот так... — Вилберт навел символы карандашом. — Получим вместо лучей еще три жертвенника...

Нелл выхватила у него рисунок и взгляделась в раскинувшуюся по бумаге паутину.

— Получим, — согласилась она хрипло. — Но эти символы... Те, что вы нарисовали, они отсекают связи с... первым жертвенником...

— Потому я и назвал это подменой, — закивал профессор. — Стандартная звезда, призыв, приманка в виде твоей силы... А потом демону бросили бы три куска мяса вместо одного. Не такие... вкусные, но тоже демонологи, и приманка была обильной...

— В этом нет смысла.

Нелл выронила листок, однако не успел тот упасть на пол, как его подхватил Оливер. В демонологии со вчерашнего дня он лучше разбираться не стал, но с уточнениями, сделанными Крейгом, подкорректированным Вилбертом рисунком и векторами, обозначающими направление энергетических потоков, схема была почти понятна. Если присмотреться к ней, предположения демонолога уже не покажутся абсурдными.

— Зачем кому-то могло понадобиться такое? — спросил Оливер Вилберта.

— Теоретически? — проямлил тот. — Чтобы забрать силу Нелл, но не жизнь... Возможно, тот, кто это придумал, не хотел ее убивать, и выбрал других... кого хотел...

— А меня, значит, пожалел? — тихо, непонятно у кого спросила Нелл. — К демонам таких жалостливых.

Впервые на памяти Оливера она упомянула демонов как ругательство. Но, может, то было не ругательство, а обещание.

Последняя сигарета.

Нет, в коробке оставались еще, но Нелл сказала себе, что эта — последняя. Оливеру не нравится, когда она курит. Не единственная

проблема, связанная с ней, не самая большая, но решить ее проще, чем остальные.

Остальные казались неразрешимыми.

— Как ты? — Оливер тихо вошел в кухню, куда Нелл сбежала от продолжения обсуждений, и присел рядом.

— Жить буду, — отозвалась она мрачно. Жить — теперь это звучало злой насмешкой. — Они ушли?

— Да.

— И на чем остановились?

— На версии Вилберта. И на том, что она не противоречит моей. Привязки к имени, крови и роду там были.

— Были. — Нелл медленно и глубоко затянулась и так же медленно выдохнула. Жаль, что это — последняя сигарета.

— Если не хочешь об этом говорить...

— Хочу. Только не знаю, что еще можно сказать.

— Объяснишь мне кое-что? Я полный профан в демонологии, но на память не жалею. Когда Вилберт рассказал мне о том, что на самом деле случилось в Глисете, он сказал, что жертва не может быть лучом...

— Не может, — подтвердила Нелл, недослушав. — Но в теории луч может стать жертвой. В теории, как выясняется, все возможно. Но если говорить конкретно об этом случае, все действительно просто. Звезду устанавливают, чтобы прорвать границу и призвать демона. При этом происходит выброс энергии. Энергии жертвы, если она есть, и темной энергии бездны. При жертвоприношении происходит своеобразный обмен. Демону — жертва, взывающим — сила той стороны. Без жертвы прорыв не настолько стабилен, держится меньше времени и, следовательно, позволяет выбрать меньше энергии, а демон ничего не получает и рвется наружу. Взывающих защищает внутренний контур, но если демон его разрушит и высосет чью-то жизнь, необязательно кинется на внешний, который, как правило, мощнее. Демон может счесть, что обмен состоялся, в практике бывали такие случаи. А при той схеме, что начертил наставник, если она, конечно, работает, демон изначально призывался для обмена и должен был убраться восвояси, как только закончил бы со всеми жертвами. Четвертому участнику тогда досталась бы вся высвобожденная ритуалом сила бездны и немалая доля силы жертвы, которую использовали для призыва... И, может быть, что-то от трех новых...

— А что случилось бы с тобой?

— Выжила бы, наверное, — сказала, посмотрев на затушенную сигарету. Последняя?..

— Потому он и закрывался от тебя?

— Не знаю. Нет доказательств, что все было именно так. Только догадки.

— И каждая новая подтверждает предыдущую. Нелл, я понимаю, почему ты не хочешь признать очевидное, но...

— Почему же?

Наверное, ей нужно было, чтобы это сказал кто-то другой.

И он сказал:

— Потому что, если так и было, это организовал человек, который знал тебя и который не желал тебе смерти. Звучит ужасно, но, думаю, ты была не безразлична этому человеку. Точнее, он считал, что ты ему не безразлична. Полагаю, в университете таких людей было немного.

— Договаривай.

— Алан Росс. Он собирался жениться на тебе, но мог быть недоволен перспективой провести жизнь в тени более успешной жены. И Вилберт сказал, что ты несколько раз переносила дату свадьбы. Алан мог бояться, что ты в итоге совсем передумаешь.

— Вилберт сказал? — Нелл потянулась за новой сигаретой, но, спохватившись, отдернула руку. — Пожаловался. Я лишь хотела получить диплом и закончить свой проект, прежде чем превращаться в мать семейства. Алан это понимал. А наставник... Наверное, он уже тогда был стариком. Хотел, чтобы я поскорее вышла замуж, родила детей, твердил, что жизнь пройдет — оглянуться не успею...

— Возможно, он рассуждал исходя из собственного печального опыта. Но мы говорили об Алане.

— Еще не договорили? — уточнила Нелл хмуро.

Она и хотела продолжения разговора, и боялась этого. У Оливера решимости хватило на двоих.

— Еще нет. Мы ведь хотим разобраться во всем раз и навсегда? Тогда — нет. Думаю, выбор участников-жертв тоже был неслучайным. Олдридж ведь ухаживал за тобой когда-то? И Блейн. Алан мог видеть в них соперников.

Нелл скептически хмыкнула, и Оливер поспешил исправиться:

— В любом случае теплых чувств он к ним не питал.

— Так же как ты сейчас не питаешь их к Алану?

— Да, но я пытаюсь не смешивать чувства и факты. Если бы Алан подыскивал жертв среди демонологов, Олдридж и Блейн — первые, о ком он подумал бы. А Эрланд, как я понял, просто был из тех людей, которые всех раздражают.

— Эрланд уцепился бы за любой шанс успешно окончить университет, — сказала Нелл. — Он пошел против папочки-судьи и выбрал не ту специальность, которую ему прочили. Только признавать этого не хотел... И да, к последнему курсу он всех утомил своим нытьем.

— Легкая жертва и человек, которого не жалко, — резюмировал Оливер. — Алан ведь был тогда уже аспирантом. Наверное, нередко принимал участие в занятиях вашего курса?

Курить, курить, курить... Может, та сигарета была предпоследней?

— Хорошо, — выдохнула Нелл, прикрыв глаза. — Алан. Его не было в университете в те дни, но у тебя ведь и на это найдется ответ? Кто еще?

— Сюзанна.

Она ждала, что он назовет это имя, но все равно нахмурилась. Только сегодня они со Сью наконец-то поговорили. Вряд ли однажды все станет как прежде, но они могли наладить новые отношения, быть уже не подругами, но добрыми знакомыми, не шарахающимися друг от друга при встрече...

— Сюзанна ждала ребенка от Ирвина, — напомнила Нелл. — Зачем ей его убивать, когда она надеялась выйти за него замуж?

— У нас есть только ее слова, что он не знал о ребенке. А если знал и отказался жениться?

— Но не отказался от участия в ритуале? Поверь, Ирвин не был идиотом. Он не встал бы в круг призыва с обиженной на него женщиной.

— Он мог не считать ее обиженной, если Сюзанна согласилась избавиться от ребенка или даже сказала, что уже сделала это. Потом солгала бы, что они собирались пожениться... Я знаю похожую историю. Женщину искренне жалели, считая, что она потеряла жениха, она сделала карьеру и добилась всеобщего уважения, а останься ее любовник жив, ситуация сложилась бы совсем иная. У Сюзанны могло получиться. Погибший жених. Подруга, лишившаяся сил, но не утратившая знаний. Думаю, Сюзанна прекрасно закончила бы твой проект. При твоём участии и исключительно ради тебя, конечно.

— Как в твою схему укладывается то, что подруга лишилась сил по вине погибшего жениха? Какая тогда сложилась бы ситуация?

— Почти такая же, как сложилась в реальности, Нелл. Тебя бы запугали или подкупили. Ты пожалела бы Сюзанну, которая умоляла бы не бесчестить имя отца ее ребенка. Пожалела бы своих родных и сама настаивала бы на неразглашении. Вы со Сью лили бы слезы в обнимку и проклинали в два голоса Олдриджа. А после искали бы утешения в совместной работе. И Сюзанна, как я помню, специализировалась на

чертежах и расчетах, да?

— Хорошо, — опять согласилась она. — Алан и Сюзанна.

— И Вилберт.

У Нелл сил хватило лишь удивленно приподнять брови.

— То, что он подсказал разгадку, не говорит о его невиновности, — разъяснил Оливер. — Возможно, так он хочет оградить себя от подозрений. Вы ведь были близки, он знал тебя с детства. А потом ты отодвинула наставника, перехватила инициативу в перспективном проекте. Он не желал смерти милой девочке Нелл, но и конкурентка в лице Хелены Вандер-Рут ему была не нужна.

Она все-таки закурила еще одну сигарету. На этот раз точно последнюю.

— Больше подозреваемых нет? — спросила умолкшего Оливера.

— Больше я никого не знаю из твоего прошлого. Если у тебя есть другие версии...

— Нет. У меня тоже нет. Но ты забыл о привязках. Кто из этих троих, по-твоему, Вандер-Рут?

ГЛАВА 40

К Грину Оливер отправился следующим утром.

— Можно проверить, — согласился, выслушав его, Эдвард. — Но это займет время.

— Сколько?

— Смотря какие способы использовать. Чтобы подтвердить близкое родство, как между родителями и детьми или родными, единокровными или единоутробными братьями и сестрами, хватает трех дней, но, думаю, близкое родство вы определили бы и по ауре и ко мне не обращались бы. Значит, придется проводить более сложные тесты, сопоставлять параметры наследственных данных... Две недели — минимальный срок. И данный метод не гарантирует абсолютной точности. Я смогу лишь сказать, что такие-то люди с определенной вероятностью являются родственниками, и выводы придется делать из того, насколько высока степень этой вероятности.

— Этого хватит, — успокоил Оливер. — Вам нужна кровь для исследований?

— В данном случае достаточно будет волос. И их можно раздобыть незаметно, главное — волос должен быть с луковицей. Слюна с кромки стакана тоже подойдет.

— Отлично. Попрошу инспектора послать кого-нибудь половчее к Вилберту и Россам. А затем — две недели, да?

— Минимум, — подчеркнул Грин. — А если имело место так называемое братание и ритуальный обмен кровью, я вам вообще не помощник. Такое искусственно приобретенное родство дает о себе знать непосредственно во время каких-то магических действий.

— Давайте проверим возможность кровного родства. Вдруг повезет?

Можно попытаться сделать все быстрее: прижать каждого из троих, вывернуть наизнанку, выпотрошить память, вырвать признание. Но такие методы, мало того что незаконны, тоже не дают абсолютных гарантий. Не исключено, что маг, организовавший необычный призыв, обладал и другими экстраординарными способностями и сумел бы обойти взлом. При повторном просмотре проекций Оливер хорошо рассмотрел четвертого участника сорвавшегося ритуала. Нелл была права: он не выглядел обычным человеком. От него, как от фантомного фобоса, тянуло страхом, а еще — холодом бездны, словно сам он вышел оттуда...

— Мне кто-нибудь звонил? — первым делом поинтересовался Оливер, вернувшись в ректорат.

Архивная девица, освоившаяся за столом секретаря, протянула список из трех имен. Кеннета Олдриджа в нем не было. Но был Джереми Адамс.

Оливер связался с ним немедленно.

— Судя по внезапной болезни Хеймрика, у тебя все получилось, — пробурчал Джерри. — Но я был бы рад, если бы ты сообщил об этом сразу. Мы с Камиллой волновались.

Извинившись, Оливер пообещал рассказать подробности при личной встрече и закончил разговор, сославшись на то, что ждет важный звонок.

Он не рассчитывал на получение особо ценных сведений от Олдриджа, но тот тянул время, и это вызывало подозрения. Ко всему прочему, из-за Олдриджа он чувствовал себя привязанным к рабочему кабинету и боялся отлучиться надолго, чтобы не пропустить звонок.

А отлучиться нужно было. По делу. Дело это, хоть и появилось не так давно, тут же забылось в череде более важных событий. Сегодня, когда лорд Аштон передал свежие материалы, вспомнилось. И перепоручать его Крейгу или агентам вице-канцлера гордость не позволяла. Его ведь промашка.

Оливер прочитал лекцию на спецкурсе, вложил в тетрадь Нелл записку с предупреждением, что, возможно, задержится, заглянул в ректорат и, убедившись, что Олдридж не звонил, отправился на портальную станцию. Сигнальный маяк звал в городок в двухстах милях от академии. Горел ярко и уверенно, даже самоуверенно, и эту самоуверенность пора было сбить.

На подходе к окруженному живой изгородью домику Оливер проверил защиты, чтобы прежде времени не выдать своего появления. Едва задев протянутую по двору сеть, поднялся на крыльцо и постучал. Тот, кто находился в доме, должен был чувствовать в визитере случайного человека, даже неодаренного...

И очень удивиться, открыв дверь.

— Здравствуйте, Роберт.

Флин, который, согласно полученным данным, был совсем не Флин, стиснул зубы. Бежать он не пытался. Понимал, что это бесполезно.

— А я поверил, что вы сняли метку, — сказал он с упреком.

— Ту снял. Новую поставил. И проклятие к ней привязал. Маленькое, но смертельное.

Флин вздрогнул всем телом.

— Оно подействовало бы только в случае моей смерти, — успокоил

его Оливер. — Я не очень доверяю людям, использующим яды. Не хотелось погибнуть без возмездия.

— Вы живы.

— Так и вы тоже. Или это был намек, что проклятие пора снять?

До того как Флин открыл рот, из комнат послышался капризный женский голос:

— Роберт! Почему так долго?

— Кто это? — заинтересовался Оливер.

— Не ваше дело, — ощерился бывший секретарь.

— Сколько можно держать дверь открытой? Не лето же! — возмутилась, появившись за спиной Флина, обладательница миловидного личика, золотистых локонов и невероятно большого живота. Оливер заподозрил бы, что под необъятное полосатое платье запихнули пару подушек, если бы не видел в ауре молодой женщины четкого отпечатка еще двух жизней.

— Простите, — извинился он, войдя в тут же ставшую тесной прихожую и закрыв за собой дверь.

— Постойте-ка! — Женщина двинулась к нему, животом оттеснив с пути Флина. — Вы же Оливер Райхон! Тот сволочной ректор! Я видела ваши фотографии в газетах. Точно-точно! И зачем явились? Совесть заела? Поздно! Даже не мечтайте, что Роберт вернется в ваш гадючник! Нужно было думать, прежде чем его увольнять! Решили, раз у него дети маленькие и еще двое на подходе, так он за эту работу зубами уцепится? А вот выкусите! Вам такого, как Роберт, теперь не найти, а ему сразу место предложили. И дом выделили! Не то что в вашей вонючей академии, где даже комнатки не нашлось! Хорошо, по-вашему, чтобы дети отца неделями не видели? А соседи на старом месте меня вообще не пойми за кого держали. Думали, ко мне любовник в выходные наезжает! Да чтоб вам...

— Санни! — Флин, как и Оливер, оторопевший от такой напористости, вовремя очнулся, и проклятие, пусть дилетантское, не сорвалось с обиженно поджавшихся губок. — Не нужно... вмешиваться. Мы сами разберемся. Возможно, я тоже был не прав. Я ведь тебе не рассказывал, что наговорил тогда...

— Ой, да что ты мог наговорить? А то я тебя не знаю! Ты даже с молочником спорить не стал, хоть я тебе и сказала, что масла там не два фунта, а хорошо, если полтора...

— Санни, пожалуйста, вернись к детям, пока они снова что-нибудь не разбили. Я выйду с милордом Райхоном ненадолго.

Флин сорвал с вешалки пальто, буквально вытолкнул Оливера за порог

и, схватив под локоть, дотащил до калитки.

— Не обращайтесь внимания, — тараторил на ходу. — Она не со зла. Беременность сказывается. Обычно Санни очень мила, но последний месяц...

— Она ваша жена? — недоверчиво уточнил Оливер. — В вашем личном деле не было ничего о жене или... Сколько у вас детей?

— Двое, — сконфуженно признался экс-секретарь. — Мальчики-близнецы, им по четыре. Ждем еще двоих. Это наследственное. По линии жены.

— Хотите сказать, где-то есть еще одна такая же? — Ужас Оливера был почти непритворным.

— Другой такой нет, — буркнул Флин. — Поэтому, если собираетесь...

— Да погодите! Второй раз вы меня удивляете, дайте хоть в себя прийти. Отчего же вы скрывали такое сокровище?

— Не от чего, а от кого.

— Не хотели, чтобы Хеймрик знал? Что ж, понимаю, лишние рычаги давления... Пожалуй, даже прощу, что выставили меня самодуром и скупердям, не выделившим секретарю и комнатки, чтобы он мог привезти семью. А после я вас, видимо, уволил со скандалом?

— Не тяните, — хмуро попросил Флин. — Посмеяться можете и потом.

— А сейчас что с вами делать? — серьезно спросил Оливер.

— Что хотите. Но буду благодарен, если придумаете смягчающее объяснение для моей жены.

— А она, хм... Она знает, что она — ваша жена? Мне сообщили кое-что о вашем прошлом. Не слишком приятная история.

— Мне было девятнадцать, — не глядя на собеседника, проговорил Флин. — И я был идиотом. Знаю, что это не оправдание, но ничего другого не скажу.

— Даже того, что это дядюшка Юлиус надоумил вас испытать таким образом силы? Указал на неприступную красавицу, дал месяц на то, чтобы влюбить ее в себя... В девятнадцать это должно было казаться игрой. Но вы увлеклись, взяли от этой игры по максимуму. А потом выбросили ненужную игрушку, забыв о том, что речь о живой девушке, у которой были чувства... помимо тех, которые вы ей внушили.

— Кто вам...

— Сам Хеймрик. Он под следствием. Дает показания. О вас его расспросили отдельно.

— Под следствием? — растерянно переспросил Флин. — Вы действительно это сделали?

— Не я. Моя жена. — Оливер усмехнулся, перехватив взгляд бывшего секретаря. — Да, в моем личном деле отметки о браке тоже нет, в этом мы с вами похожи. Но вы ее знаете. Хелена. В девичестве — Хелена Вандер-Рут. Однако мы не закончили говорить о вашей супруге.

— Она не под чарами, если вы об этом, — угрюмо проговорил менталист. — В следующем месяце должна родить. Ей нельзя нервничать. Поэтому, если вы решили...

— Ничего я пока не решил. Решаю.

Оливер проверил защиты. Попыток воздействия не заметил и все же отчего-то не чувствовал себя правым. Флин, который не Флин, больше десяти лет вертелся угрем на сковородке, устраивая свою жизнь в обход бдительной опеки Хеймрика. Когда-то он совершил серьезный проступок, приведший к смерти девушки. Недавно едва не стал убийцей еще двух десятков человек. Но Оливер поймал себя на том, что неосознанно ищет оправдания бывшему секретарю. Возможно, из-за огромного живота скандалистки Санни. Или из-за мальчиков-близнецов, которые снова могли что-то разбить. Или просто потому, что в душе всегда верил во второй шанс. Сам ведь он его получил.

— М-да, отпуск вам очень нужен, — изрек лорд Арчибальд, выслушав идеи Оливера.

— Нужен, — не спорил тот. — Но я не предложил ничего необычного. Наслышан, каких людей вербуют в ваши особые отделы. В сравнении с некоторыми Флин — невинный младенец.

— Оливер, — вице-канцлер устало вздохнул, — я же просил вас не лезть в дела, не связанные с академией.

— Это связано.

На другом конце провода воцарилась тишина.

— Хорошо, — произнес спустя несколько секунд лорд Аштон. — Я подумаю. Что до второго вашего вопроса, то... ответ может быть положительным. Закон допускает ограниченное воздействие в ряде случаев. Но потребуются разрешение целителей. Только Эдварда к этому не привлекайте, я сам направлю специалистов. Если они не выявят противопоказаний, пусть ваш менталист покажет, на что способен. Хотя мне и странно, что после всего вы доверяете этому человеку.

— Я ему не доверяю. — Оливер вспомнил о метке и привязанному к ней проклятию, условия которого с сегодняшнего дня изменились.

— Почту уже проверили? — сменил тему вице-канцлер.

— Не успел. — Оливер оглядел кабинет, куда вернулся пять минут назад. — Что-то важное?

— Нашел для вас кое-какую информацию о Вандер-Рутах. У них достаточно поклонников, в особенности у Йозефа. Существует немало коллекций: портреты, мемуары, личные вещи. Непосредственно к расследованию это не относится, но, возможно, вам и леди Хелене будет интересно.

Всю неделю Нелл прилежно ходила на занятия. Игра в студентку действительно помогала отвлечься. Дарла, Рей, с недавнего времени присоединившийся к их маленькой компании Стивен — с ними было легко и спокойно. За обедом встречались с Тэйтом и его приятелями. Пару раз к ним присоединялась Шанна, от души наслаждавшаяся притворством. Однажды подсел за стол полицейский-оборотень, знакомый с Тэйтом по случаю с вончаткой, и тоже включился в игру. Взрослые люди занимались откровенной ерундой...

А с другой стороны, что еще оставалось?

Расследование продолжалось, но их непосредственного участия не требовало, а перечитывать целыми днями уже собранные материалы и выискивать что-то новое во вдоль и поперек изученных схемах не хотелось. Хватит того, что она занималась этим вечерами. Любые попытки Оливера ее отвлечь заканчивались тем, что он садился рядом, и они копались в бумагах уже вместе, строя теории одна другой нелепее.

В среду, в первый по календарю день зимы, в учебном корпусе ей встретился Алан. Он шел по коридору. Наверное, читал в тот день лекции на их факультете. Увидев Нелл, улыбнулся радостно и одновременно тревожно, и она резко свернула на лестницу, чтобы обойти бывшего возлюбленного через второй этаж. Хотя, возможно, он даже не стал бы ее останавливать. Но если бы остановил? Что она сказала бы ему?

«Здравствуй, Алан. Ты знаешь, что меня хотели принести в жертву демонам? Сюю не рассказывала? Мы с Оливером думаем, что это был один из вас. Или Вилберт...»

С наставником Нелл встречалась на неделе еще дважды.

В первый раз он принес книги о ритуалах призыва. Ходил в местную библиотеку, куда ему открыли доступ, и выбрал лучшее, по его мнению. Во второй — зашел просто поговорить о жизни. И о смерти. Снова напомнил о завещании и записал на листочке адрес своего поверенного. Вид он имел болезненный, куда хуже, чем по приезде в академию, и несложно было

поверить в то, что он в самом деле предчувствует скорый уход. Нелл это расстраивало... Но разве болезнь — доказательство невинности? В случае Вилберта скорее наоборот. Он ведь был тогда в павильоне, и доподлинно неизвестно, когда именно появился.

Нелл злилась на себя за эти мысли, но избавиться от них не могла.

— Не хотела бы погулять в выходные? — спросил Оливер вечером в пятницу.

— Хотела бы. — Нелл мечтательно прикрыла глаза и увидела белый песок и синее небо над Локелани. В первый раз ей не удалось по достоинству оценить острова, слишком много лишнего было в голове... Впрочем, и сейчас не лучше.

— Лорд Арчибальд передал адрес одного коллекционера, собирающего все связанное с вашей семьей. Я решил, что это любопытно, и договорился о встрече.

Любопытно, конечно. Но жаль, что не острова...

Коллекционер проживал в собственном поместье на севере королевства. От ближайшего к нему города, куда лорд и леди Райхон попали по порталной ветке, пришлось еще час добираться до места в крытых санях. Оливер ребячился, высовывался в окошко и ловил ртом снежинки, а Нелл, едва у видеv снег, ощутила приступ бессознательной паники и сражалась с ней на протяжении всего пути. Казалось, что она вернулась в охотничий поселок... или в тот январь в университете... Хорошо, что в академии снег еще не выпал. Наверное, еще нескоро она научится снова любить зиму.

Внутри большого теплого дома, который, по словам гордого владельца, был построен четыре столетия назад и наверняка переживет творения современного зодчества, Нелл немного оттаяла и успокоилась. За чаем она с интересом слушала степенного пожилого господина с пышными баками, рассказывавшего, как еще в далекой юности, помогая отцу в работе с архивами Бюро контроля прорывов, он впервые встретил упоминания о Йозефе Вандер-Руте, чья жизнь была овеяна множеством тайн, легенд и откровенных домыслов, которые непременно хотелось изучить, доказать или опровергнуть. Например, действительно ли Йозеф подчинил демонов и заключил с ними договор, и правда ли, что он способен был призвать высшего в одиночку. Многие из его потомков в это верили, как и в то, что унаследовали уникальную способность. И не только они. Нелл вспомнила визит в Глисет: Хеймрик, слышавший эту легенду, не усомнился, когда она заявила, что ей не нужна для призыва полная звезда,

и легко принял фантомного монстра за порождение бездны.

— Каких-либо существенных успехов я не достиг, — говорил с сожалением хозяин. — Я ведь, в отличие от отца, не демонолог, да и в целом маг довольно посредственный. Но собрал неплохую коллекцию. В основном благодаря покойной супруге. Она получила большое наследство, а увлечение историей Вандер-Рута к тому времени было для нас уже общим, и часть средств мы без сожаления вложили в поиск и покупку новых экземпляров.

Под коллекцию в особняке был отведен отдельный зал. Переступая порог, за которым ее ждала встреча с прошлым рода, Нелл напряглась, ожидая, что ее охватит священный трепет, но и близко не испытала ничего подобного. Только нос зачесался.

Трепет пришел позже, когда она остановилась перед большим портретом девочки лет семи в нелепом старинном платье, видимо имитировавшем наряд взрослой дамы: широкие фижмы, жесткий высокий воротник, несколько слоев шелка и парчи, жемчуг и драгоценные камни. Ореховые глаза, мелкие веснушки на тонком носике и огненно-рыжие локоны...

— Тереза, или, как ее чаще называли современники, Тесса Вандер-Рут, — представил девочку коллекционер. — Дочь Йозефа. Этот портрет написан незадолго до ее смерти. Мне удалось найти еще пять, написанных ранее, и семь из тех, что Йозеф заказал уже после смерти Тессы. Есть легенда, что он заказывал новое изображение каждый год ко дню рождения дочери. «Наряжал» ее в новое платье. Но Йозеф прожил еще пятьдесят лет, а подобных портретов найдено по всему королевству тридцать четыре. У меня, как я уже сказал, их семь.

И ни одного, который остался бы в семье. У отца Нелл были книги и рабочие заметки кого-то из предков, но ни картин, ни драгоценностей — подобное Вандер-Руты без жалости выставляли на продажу, лишь только возникала необходимость в средствах на новые исследования. Кому, кроме безумцев-коллекционеров, нужен портрет давно умершей маленькой девочки?

— А вот портретов самого Йозефа, его сына и внуков не сохранилось. Известно, что они существовали, но, видимо, сгорели вместе с домом Вандер-Рутов в том пожаре. Примерно полвека назад выставлялся якобы последний портрет Йозефа Вандер-Рута, найденный в каком-то архиве, но я сомневаюсь, что то был подлинник. Тем не менее некий поклонник выкупил его за большие деньги, и на этом след полотна оборвался. Но у меня есть портрет Генриха. Вон там, пройдемте. Это, — хозяин указал на

изображение молодого мужчины, конечно же рыжеволосого и веснушчатого, — правнук Йозефа, сын его старшего внука, которому посчастливилось покинуть родовое гнездо как раз накануне пожара. Существуют еще портреты Карла и Виктора, сына и внука Генриха, но выкупить их мне не удалось. Больше, как я знаю, никто из Вандер-Рутов художникам не позировал. Увлеченные люди, занятые... Но после изобрели фотографию, и портреты находить стало легче. Если не оригиналы, то копии, хоть их ценность для коллекции несказанно ниже.

Фотографии Нелл смотреть не захотела. Испугалась, что увидит на карточках отца или «последнюю из Вандер-Рутов» и не сдержится...

Но в целом прогулка вышла познавательная.

Теперь — домой, поужинать, в ванную и в постель. Прижаться к родному плечу и не думать ни о демонах, ни о демонологах, ни о девочке, так похожей на ту, что давным-давно смотрела на Нелл из зеркала...

Но на порտальной станции Оливер задал пунктом назначения не академию.

— Я знаю, что ты не любишь сюрпризы, но этот, надеюсь, тебе понравится.

Что за сюрприз, он не сказал, а на замечание Нелл о вреде частых телепортаций ответил, что оно того стоит.

В городе, куда они прибыли на этот раз, стояла сухая и довольно теплая для начала декабря погода. Взятый на станции экипаж провез их по темным улицам и остановился у калитки небольшого, окруженного невысокой оградой дома. Но прежде, чем войти в дворик, через который от калитки к крыльцу вела освещенная садовыми фонариками дорожка, Оливер остановился, взял Нелл за руки и с необъяснимым пока беспокойством посмотрел в глаза.

— На самом деле это не должно быть сюрпризом. К такому нужно быть готовым, но я боялся, что, если дам тебе больше времени, ты не сможешь решиться. Там, — указал взглядом на горящие теплым желтым светом окна, — твоя семья. Мать и сестра.

Нелл остолбенела на миг и тут же дернулась — назад, к экипажу.

Оливер не пустил.

— Ты должна с ними встретиться.

— Нет. — Она замотала головой. — Нет, нельзя... Ты не понимаешь, у мамы слабое сердце. Нельзя так сразу... Нужно придумать объяснение, нужно подготовить ее к тому, что я жива...

— Ей это уже известно.

Внутри все оборвалось. Сердце остановилось, не качало больше кровь,

и руки, несмотря на согревавшие их ладони Оливера и перчатки, тут же похолодели.

— Ей это известно, Нелл, и она ждет тебя. Точнее, нас. Нас ждут на ужин.

Целители лорда Аштона не нашли противопоказаний. У людей, не наделенных магическим даром их, как правило, не бывает. Да и в целом ментальному воздействию такие люди поддаются легче. И закон в отдельных случаях разрешает. Но на самом деле все намного сложнее. А самое сложное — решиться. Взять на себя ответственность за измененную судьбу. За украденные воспоминания и стертые чувства.

Оливер успокаивал совесть тем, что ничего ценного в этих воспоминаниях не хранилось, а чувства были такими, что испытать их и врагу не пожелаешь.

— Нелл! — Кларисса Бин раскрыла объятия для бросившейся к ней дочери. — Ну наконец-то! Я боялась, запеканка совсем остынет, а вино замерзнет на льду. — Расцеловала в обе щеки и тут же отстранилась. — Рада вас видеть, Оливер. Не сомневалась, что вы тоже придете, хоть Нелл и писала, что вы вряд ли вырветесь из академии.

Он изобразил улыбку. Самому нужно привыкнуть, в следующий раз получится лучше.

— Семья важнее работы, — сказал, целуя протянутую руку тещи.

К тому, что у него теперь есть теща, он тоже еще не привык.

— Семья важнее всего, — согласилась она. — Хорошо бы и другие думали так же. Эми! — крикнула, обернувшись к двери. — Эмилия Бин! Ты помнишь, что у нас сегодня гости?! — Подошла к застывшей посреди гостиной Нелл и, обняв за плечи, пожаловалась: — Весь день сидит уткнувшись в книгу. Утром рыдала над ней, в обед — смеялась. Какой-то модный роман. Надеюсь, в нем нет ничего, о чем не следует знать в ее возрасте.

— Ей пятнадцать, — тяжело сглотнув, выдавила Нелл.

Ничего, кроме возраста сестры, она сказать не смогла, и Кларисса тревожно нахмурилась.

— Все хорошо, милая? Ты выглядишь нездоровой. Снова твоя ужасная работа?

— Работа, — подтвердила Нелл отрешенно.

— Дорога была трудной, — пришел ей на помощь Оливер. — Позвольте немного передохнуть и привести себя в порядок, прежде чем садиться за стол?

— Конечно-конечно, — закивала миссис Бин. — Я приготовила комнату. Но как же я сама от всего этого устала! Секреты, редкие встречи. Даже писем я не вправе хранить! Не говорю уж о том, что не попала на вашу свадьбу.

— Я тоже не попала на свадьбу, — входя в комнату, звонко пропела Эмили. — Но секретная работа — это очень увлекательно!

— Эми! — Нелл шагнула к ней и замерла, прижав руки к груди. — Ты... такая красавица...

Девушка смущенно опустила глаза. Позволила сестре коснуться губами порозовевшей щеки, вежливо поклонилась Оливеру и спряталась за мать. Видимо, в новых воспоминаниях Эмили Нелл никогда не встречала ее подобным образом.

Им всем нужно было привыкнуть.

А пока — перевести дух.

Оливер провел жену в спальню, немного тесную из-за того, что большую ее часть занимала огромная кровать. Исполнители перестарались. Но цвет обоев и портьер Оливера устроил, а эту комнату он сам выбрал позавчера, так же как комнаты для Клариссы и ее младшей дочери, куда перевезли вещи из их старого жилища. Они думают, что перебрались сюда в конце прошлой недели и еще не успели разобрать все коробки и познакомиться с соседями. Но это — меньшее, что изменилось в их жизни.

Нелл присела, а точнее — упала на постель и закрыла лицо руками. Когда через несколько секунд она посмотрела на мужа, он увидел в ее глазах слезы, но слезы это радости или обиды — пока не понимал.

Наверное, Нелл и сама еще не понимала.

— Это — временное внушение, — начал Оливер, присев рядом с ней. — Если ты против, завтра все станет так же, как до вмешательства. Твоя мать и сестра не одаренные, и для них подобное воздействие, как и его отмена, пройдут без последствий. Но я хочу, чтобы ты хорошо подумала, Нелл. Понимаю, решение... нестандартное, но подумай. Просто подумай. Твоя мама никогда тебя не теряла. Не переживала годами твою смерть. Самое большое огорчение — затяжная болезнь, во время которой она была рядом с тобой. Она всегда знала, что ты жива, но держала это в секрете. Сначала — ради твоей безопасности, потом — из-за твоей секретной работы. Мы обсудили это с лордом Арчибальдом, и, думаю, эта версия останется официальной. Когда мы найдем четвертого и власти решатся объявить об обвинениях против Хеймрика, это представят частью проведенной тобой работы. Нужно будет лишь согласовать отдельные

нюансы...

— Мама совершенно не умеет хранить секреты, — тихо всхлипнула Нелл, уткнувшись в его плечо.

— Она научилась, — заверил он, пригладив распушившиеся белоснежные волосы. — Правда, научилась. Выслушивала соболезнования, ходила, соблюдая приличия, на кладбище. Сжигала письма, которые ты ей присылала, и готовила твою любимую запеканку к редким совместным ужинам. В сентябре я сделал тебе предложение в ее присутствии, и она плакала от счастья. В этой ее жизни счастья было намного больше, чем потерь. Мне кажется, это главное. А любит она тебя по-настоящему. Ей изменили память, но не чувства. Любит, гордится тобой, тревожится о твоём будущем. Все как прежде.

— А Эми? Она меня даже не знала...

— Она и сейчас тебя не знает. Эмили проводит большую часть жизни в пансионе. Ты — на своей секретной работе. Еще вчера твоя сестра сожалела о твоей смерти и представляла, как бы вы могли быть близки. Сейчас сожалеет, что ты слишком занята, и мечтает проводить с тобой больше времени. Ждет, когда ты сможешь жить открыто и пригласишь ее в академию, потому что там много молодых симпатичных магов... Правда-правда, это — ее собственные мысли. Никто и не думал ей такое внушать...

— Все так, будто я всегда была в их жизни? — уточнила Нелл.

— Ты и так всегда была в их жизни. А теперь — всегда была живой.

— Если закрепить внушение, они никогда не вспомнят?..

— Никогда.

— Без потерь, без слез, мы всегда были вместе... Да?

— Если ты так решишь.

— И мы можем остаться здесь до завтра?

— И в следующие выходные тоже приедем, если хочешь.

— Я тебя люблю, — крепко обняв его, прошептала Нелл.

— Стоило все это затеять, чтобы услышать такое, — улыбнулся

Оливер.

Она подняла на него глаза:

— Разве раньше я этого не говорила?

— Словами — нет.

ГЛАВА 41

Оно действительно того стоило. Теплый семейный вечер, ночь на новой кровати, тосты на завтрак. Улыбка Нелл и слезы счастья, блестящие в ее глазах.

А утром понедельника вместо ректората милорд Райхон пошел в лечебницу. Десяток переходов за неделю — не шутки. Организм отреагировал знакомой тошнотой и головокружениями, и нового приступа Оливер дожидаться не стал.

— В вас просыпается благоразумие, — с ехидцей заметил Грин. — Когда совсем проснетесь, научитесь избегать причин, а не лечить последствия. Но хорошо хоть тянуть не стали.

Доктор выдал пузырек горьких капель и на ближайшие три дня запретил любые телепортации.

«Могло быть и хуже», — подумал Оливер и отправился руководить академией.

Едва вошел в приемную, навстречу вскочила архивная девица.

— Доброе утро, милорд Райхон. Вам звонили, сказали, это срочно. — На листочке, который она ему вручила, аккуратным почерком было выведено: «Инспектор Крейг: Олдридж в академии, прибыл каретой из Ньюсби». — И вас дожидается посетитель.

Посетителя Оливер уже заметил. Грузный мужчина лет шестидесяти, в дорожном костюме, с припухшим то ли от недосыпа, то ли от недомогания лицом.

— Райхон? — недружелюбно поинтересовался тот, подойдя поближе. — Кеннет Олдридж. Кажется, нам с вами нужно кое-что обсудить.

— Обсудим. Проходите.

Оливер распахнул перед гостем дверь кабинета и благодарно кивнул архивной мышке. Возможно, из этой тихони еще получится хороший секретарь. Сам он позабыл о папаше Ирвина, занявшись организацией встречи Нелл с семьей. А вот отчего люди лорда Аштона не сообщили, что Олдридж направился в академию? За ним же наблюдали?

— Стейси, приготовьте нам с мистером Олдриджем кофе и проследите, чтобы нас не беспокоили.

— А как же?.. — Девушка кивнула на дверь зала совещаний.

Точно! Еженедельный сбор.

Оливер заглянул в зал, поприветствовал собравшихся там деканов и проректоров и попросил сегодня обсудить рабочие вопросы без него. Волшебные слова «Встреча с потенциальным инвестором» задавили недовольство в зародыше.

— Я не рассчитывал на личную встречу, — признался он посетителю, оставшись с ним в кабинете один на один. — Ожидал телефонного звонка.

— Не люблю эти штуки, — буркнул Олдридж, недобро покосившись на аппарат. — И бумаге не доверяю.

После такого вступления можно было ожидать немислимых откровений, но вместо них на Оливера посыпались угрозы. Неумелые и нестрашные, полные скорее отчаяния, нежели злобы. Подумал, что у лорда Арчибальда пугать получается лучше, раз уж после встречи с ним такой занятой человек, как Кеннет Олдридж, срывается в дорогу, дабы высказать в лицо, что ждет того, кто решится нарушить покой и благоденствие его семьи. Не в лицо лорду Арчибальду, стоит заметить. Все же вице-канцлер, «скромный теоретик», отлично поработал, создавая себе репутацию, если его боятся больше, чем ректора Королевской академии, одного из сильнейших магов Арлона и притом мастера проклятий.

— Пейте кофе, пока не остыл, — предложил Оливер, когда собеседник выдохся и умолк.

Тот уставился на стоящую перед ним чашку. После заверения, что яда там нет, икнул и, казалось, онемел навеки.

— Так что все-таки вы хотели мне сообщить? — попытался вернуть гостю дар речи Оливер. — Помимо уже сказанного?

— Если... если вы...

— Мое будущее меня не интересует, — предупредил Оливер. — Захочу его знать, обращусь на кафедру прорицания. Сейчас мне интереснее прошлое. Если вам есть что добавить к тому, что уже выяснило следствие, говорите. Если нет — об этом можно было сообщить по телефону. Хотя ведь вы им не доверяете.

Олдридж сердито засопел. Отпил все-таки немного кофе и спросил отрывисто:

— У вас есть дети?

— Нет. Но, надеюсь, будут.

— Значит, вы не поймете, — вздохнул Олдридж.

— Отчего же? Ваше желание обелить память сына мне хорошо понятно.

— Я говорю не об... Ирвине. — Он буквально выдавил из себя это имя. — Я говорю о Стенли. Он — хороший мальчик. Добрый и умный. И на

демонологию никогда не пойдет, это уж я постараюсь. Ради его же блага.

— У родной матери вы его отобрали, надо полагать, тоже ради его блага?

Кеннет Олдридж залпом, словно это был виски, опрокинул в себя кофе и заявил убежденно:

— Да.

— Любопытно.

— Любопытство кошку сгубило, — брякнул Олдридж и снова надолго умолк.

Но зачем-то же он приехал?

Оливер вспомнил, что еще недавно мог служить образцом спокойствия и терпения, и решил продемонстрировать эти способности гостю. Опыт показывал, что на некоторых выжидательное молчание и доброжелательная улыбка действуют лучше угроз и уговоров.

Олдридж сдался через минуту.

— Ирвин хотел, чтобы эта девка от него понесла, — сказал, глядя на свои сложенные на столе руки с толстыми волосатыми пальцами и обгрызенными ногтями. — Я забрал его вещи из университета, и там была тетрадка... Дневник. Ему нужен был ребенок. Не как... ребенок, а... Кто-то рассказал ему, что можно получить от демонов все, что пожелаешь, если заключить с ними договор и откупаться кровью своих детей. Какой-то демонолог. Там было много написано, но это — все, что я понял из демонической белиберды. Тот демонолог обещал научить Ирвина после... сами знаете какого дела... Потому я должен был забрать Стенли.

— Думали, ему что-то угрожает? — спросил Оливер, пытаясь сопоставить полученную информацию с тем, что уже знал. — Ирвин ведь был мертв на тот момент.

— А она? Она же тоже демонолог.

— Ваш сын писал, что Сюзанна также хотела использовать ребенка?

— Не писал, — признал после раздумий Олдридж. — Но кто знает, как оно было?

— Действительно... Вы сохранили дневник?

— Нет, конечно. Сжег тут же.

— Жаль.

— А мне — нет. И если думаете, что можете отобрать у меня сына и отдать этой... И не мечтайте!

— Не мечтаю. Все, чего я хочу, найти человека, организовавшего тот ритуал. И я его найду. Заодно выясню, знала ли Сюзанна о планах вашего сына. Если не знала... Думаю, вам придется как-то договориться. —

Олдридж дернулся при этих словах. — Миссис Росс больше не претендует быть матерью Стенли. Она понимает, что для него эта новость станет потрясением. Но от возможности видеться с ним она не откажется. Если ее невиновность установят, я буду настаивать, чтобы вы предоставили ей такую возможность. Она могла бы стать, к примеру, троюродной тетушкой, к которой иногда приезжают погостить... Все лучше, чем судебное слушание и скандал в прессе, да?

Олдридж угрюмо промолчал.

— Можете что-то еще сказать о демонологе, о котором писал ваш сын? — спросил Оливер. — Как он с ним познакомился? Где?

— Только как Ирвин его называл. Джей.

— Джей? Это имя?

— Буква.

Толстый палец папаши Олдриджа вывел на столешнице невидимую «J». Среди подозреваемых и просто причастных к делу Хелены Вандер-Рут не было никого, чье имя начиналось бы с этой буквы.

Крейг изучал написанную на бумажке одинокую «J» так, словно это был один из символов призыва. Закончив разглядывать, пожал плечами:

— Демоны его знают.

В том, что демоны знают, Оливер не сомневался.

— При чем тут кровь детей? — размышлял он вслух. — Нелл годится в дочери только Вилберту, но он ей определенно не отец. Может быть, подразумевается любое родство? Мы же уже сошлись на этом? Привязка к имени и роду... Любой подходит. Разве что Сюзанну теперь можно исключить. Судя по дневнику Ирвина Олдриджа, она сама жертва.

— Не знаю, не знаю, — с сомнением прогудел Крейг. — Мы ведь тех записей не видели? Да и папашу Олдриджа они на ее счет чего-то не успокоили.

— И были ли вообще эти записи? — пробормотал Оливер, обхватив руками голову.

— Про то тебе сыскари скажут. Побеседуют с Олдриджем и скажут. Но от буковки этой нам в любом случае никакой помощи. Лучше бы знать, что за ритуал и что там можно от демонов получить. Сказкам верить — так все, что угодно. А сказки, сам знаешь, иногда и правдой оборачиваются.

Ничего нельзя исключать, даже самых безумных теорий.

Значит, по-прежнему наблюдать за всеми тремя и ждать результатов от Грина. Если выяснится, что один из подозреваемых связан с Нелл кровным родством, можно попытаться добиться от лорда Арчибалда разрешения на

ментальный взлом.

А если и эта версия обернется ничем?

Оливер боялся, что снова сорвется. И боялся, что сорвется на невиновного. Вилберт болен, у Россов маленькие дети — хватало причин держать себя в руках.

— Нервы? — сочувственно поинтересовался Крейг. — Успокоительное у Эда возьми. И помни, что не у тебя одного нервы. У преступников они тоже есть. Прощупать надо каждого, место больное найти и надавить... А ты пока своей работой займись. Семестровые экзамены на носу, предварительная защита... Чай, есть на что душу отвести.

В следующие дни Оливер усердно отводил душу. Перепроверил всю документацию, занялся в преддверии окончания семестра инспекцией факультетов, пересмотрел учебный план для спецкурса. Вечерами старался, как мог, отвлечься и отвлечь от мыслей о расследовании Нелл. Они вместе строили планы: навестить семью в ближайшие выходные, снова выбраться в оперу, попросить у Грина действенную мазь для защиты от солнца, чтобы Нелл не пришлось весь день сидеть под навесом, когда они снова рванут на острова...

А в четверг нервы у кого-то, видимо, сдали.

Около десяти утра позвонил Эдвард и сообщил, что в лечебницу доставили Вилберта. «Состояние тяжелое, — сказал он. — Ничего не обещаю».

Когда незнакомый молодой человек со значком внутренней полиции вызвал Нелл с лекции и сказал, что ей нужно срочно прийти в лечебницу, она бежала туда со всех ног. Сразу подумала об Оливере. Снова покушение, бомба, пистолет или яд. Снова из-за нее. Встретив мужа в коридоре у кабинета доктора Грина, она вздохнула с облегчением: по крайней мере, не лежит пластом, только бледен немного и чем-то встревожен...

— Только не волнуйся, — попросил он, открыв перед ней дверь в кабинет заведующего. — На профессора Вилберта напали.

— Как? — только и смогла спросить Нелл, когда до нее дошел смысл услышанного.

— По предварительной информации — фобосы.

— Чушь. Наставник никогда не открылся бы...

Оливер покачал головой:

— Я говорю о настоящем нападении, Нелл. На него не просто натравили провоцирующих страх фантомов. Задействовали магию высших

уровней, псы набросились на него сразу на двух планах. На физическом — несколько укусов, не очень глубоких, через пальто, а вот энергетическая оболочка пострадала сильнее. Множественные разрывы, и, возможно, не все удастся восстановить. Эдвард сейчас осматривает его повторно, но прогноз не радует.

— Кто?..

— Неизвестно. Это случилось неподалеку от библиотеки, видимо, профессор направлялся туда, а в первой половине дня людей там немного. Несколько студентов услышали шум, бросились на помощь. Но ты же помнишь, как быстрее всего избавиться от фантомов?

— Они разорвали нить призыва?

— Да. Крейг пытается отследить источник, но, боюсь, даже его талантов на это не хватит. Хотя... вариантов ведь не так много.

— Мы не знаем наверняка, — прошептала она.

— Знаем. Не на все сто, но на девяносто девять процентов знаем. Алан или Сюзанна. Или они оба. Кажется, у них действительно доверительные отношения и крепкий брак.

Об оставшемся проценте Нелл не спросила. Сама в него не верила.

Любой темный способен вызвать фобоса, но мало чьи фантомы смогут материализоваться. Для этого нужно призвать пограничную сущность — еще не демона, но и не привязанный к этому миру дух. Кто справится с этим лучше демонолога? Они со Сью соревновались в скорости призыва еще на четвертом курсе. Заклинание было внепрограммное, Нелл узнала его от Алана и научила подругу. Однажды обеим влетело от наставника за то, что выпустили призрачных псов в лаборатории. Но тогда Вилберт был достаточно силен, чтобы развеять их творения в одну секунду.

— Чем профессор мог помешать? Зачем он шел в библиотеку?

— Спросим, когда придет в себя.

Оливер сказал «когда», а Нелл услышала «если». Зажмурилась до разноцветной ряби перед глазами, уткнулась лицом ему в грудь и тут же отпрянула, услышав звук открывающейся двери.

— Не волнуйтесь, — вошел в кабинет Грин, — это всего лишь я.

Нелл хотела спросить, как дела у наставника, но даже стоящий в горле ком проглотить не смогла, только смотрела на доктора и мысленно молилась, чтобы он не отвел взгляд.

Не отвел.

— К сожалению, ничего утешительного, — сказал он, глядя ей в глаза. — У профессора уже были схожие повреждения энергетической

структуры. Нападение добавило новые разрывы и спровоцировало разрушение ранее восстановленных связей. И процесс разрушения продолжается.

— Ничего нельзя сделать? — спросил Оливер. — Совсем?

— Будь у нас в запасе хотя бы месяц, можно было бы попытаться, но, учитывая, с какой скоростью разрастается область поражения, у нас нет и недели. Максимум три дня.

Нелл коснулась лица, веки были сухими. Или она опять разучилась плакать. Или за минувшие годы наставник и правда перестал быть для нее по-настоящему близким человеком. Но если так, отчего трудно дышать?

Грин подошел к столу и налил воды из стоящего там графина. Подал стакан Нелл, на миг коснувшись ее пальцев, и по телу прошла волна успокаивающего тепла.

— Он не ощущает боли. — В голосе целителя впервые прорезалось что-то похожее на сочувствие. — Хоть и понимает, что означает усиливающаяся слабость.

— Он в сознании? — встрепелась Нелл.

— Очнулся во время осмотра. Погружать его в сон я не стал, любое магическое воздействие в его состоянии принесет больше вреда, чем пользы.

Никакой магии. Нелл показалось, что это не Вилберт, а она сама лежит сейчас в палате университетского госпиталя и слушает, как переговариваются над ее телом целители. Никакой магии. Это ее убьет. Никакого обезболивающего...

Хорошо, что наставник не чувствует боли.

— Можно его увидеть?

— Да, конечно. Только... Профессор — мужественный человек, он понимает неизбежность происходящего и для своего состояния хорошо держится. Постарайтесь поддержать его в этом.

Выглядел старик жутко. Оливер успел подумать, что, пока они поднимались в палату, Вилберт уже испустил дух. Волосы его истончились и стали похожи на белесую паутину, облепившую иссушенный желтый череп. Щеки впали, нос заострился. Глаза тускло поблескивали из-под потемневших век, а губы пересохла и растрескались. Но стоило Нелл войти и остановиться рядом с кроватью, в глазах этих отразилась радость, а губы растянулись в уродливую улыбку. Смерть всегда уродлива, особенно в те минуты, когда со злорадством оттесняет со своего пути жизнь.

— Нелл, девочка... — Его свистящий шепот едва можно было разобрать. — Я знал, что ты придешь... Все как хотел. Чтобы ты была

рядом, когда... Только не думал, что придется в больнице. Жаль, до дома мы не доехали, там красиво... наверное... Не помню, давно не был...

Слова давались ему нелегко, но Нелл молчала, обхватив ладонями скрюченную кисть умирающего, и некому было прервать сбивчивую речь.

Грин дернул Оливера за рукав и указал глазами на приоткрытую дверь. В коридоре ждал Крейг.

— Ну, что решать будем? — спросил он, обращаясь то ли к ректору, то ли к целителю. — Сами понимаете, нам слухи о нападениях фантомов не нужны. Мальчишки эти, которые Вилберта у фобосов отбили, сами не поняли, с чем столкнулись, но ежели он умрет...

— Россы под наблюдением? — прервал инспектора Оливер.

— Угу. Алан на лекциях с утра, Сюзанна дома с детьми. Если кто из них фобосов спустил, то на амулетах сработал, ни по одному не скажешь, что силы на заклинание потратил. Но если не они — кто бы еще? Вилберт заходил к ним вчера... — Крейг ссутулился и тяжело вздохнул. — Моя вина, не надо было и подпускать. А он ко мне после пришел. Говорит, был у Россов, знаю, что вы на них думаете, но они, мол, ни при чем. Вроде как поговорил он с ними и убедился.

— О чем поговорил? — прорычал сквозь зубы Оливер. — Рассказал о проекциях? Он же обязан был молчать!

— Не шуми. — Инспектор покосился на дверь палаты. — Не сказал он им о проекциях. Как я понял, ерунду молол, что скоро преступника найдут и все откроется. Видно, так сказал, что на него и подумали, будто знает что-то.

— Что именно сказал? Кто подумал?

— Олли, угомонись. — Крейг распрямил спину, от сделавшейся выше и шире фигуры повеяло силой. — Ты видел, в каком он состоянии? Мне ему допрос устраивать?

— Не ему.

— Против Россов ничего нет. В участок вызову, а потом...

— Задержать. Обоих.

— На каком основании?

— На основании слов Вилберта, который назвал нападавшего. Если нужно, я письменно изложу, как профессор в моем присутствии прошептал «Росс» и потерял сознание. Если я ничего не путаю, закон разрешает задержание вероятного преступника для подтверждения или опровержения подобных обвинений. Сроком до трех дней, да? Эдвард утверждает, что Вилберт столько не проживет и вместо покушения у нас будет убийство. С учетом других обстоятельств это, возможно, будет достаточным

основанием для допроса с ментальным взломом. Если за этот срок никто из Россов сам не сломается.

Крейг не ответил. Смотрел на что-то за спиной Райхона.

Обернувшись, Оливер увидел Нелл, и вряд ли она только вышла.

— Он уснул, — сказала она тихо. — Мне кажется, что уснул. Но...

— Я проверю. — Грин, словно ждал повода уйти от разговора, в котором и так не принимал участия, скрылся в палате.

— А если ты ошибаешься? — Нелл подошла к Оливеру. — Если мы ошибаемся? Упускаем что-то, и Алан и Сью не виноваты? Ментальный взлом — не резкое слово, за такое уже не извинишься.

Оливер менять решение не собирался.

— Я слышал, как Вилберт назвал виновника, — повторил он жестко. — И как глава академии, отвечающий за безопасность учащихся и сотрудников, требую, чтобы возможные преступники были задержаны. А потом... посмотрим.

— От проректоров своих требуй, — насупился Крейг. — Говорил уже, в моей работе ты мне не указ. Лучше с Арчи свяжись, может, что дельное подскажет. А что до Россов, то на допрос вызову, но в участке не оставлю. Если настаиваешь, что Вилберт тебе что-то там сказал, под домашний арест посажу до выяснения. Устроит?

Не устроит. Но Оливер понимал, что старик прав.

Вышедший из палаты Грин подтвердил, что Вилберт спит. По словам целителя, состояние демонолога ухудшалось, но ухудшалось стабильно, оставляя умирающему обещанные дни. Нелл осталась с ним, а Оливер спустился с Эдвардом в его кабинет и воспользовался телефоном.

— А, Оливер. Лорд Арчибальд, судя по голосу, пребывал в хорошем настроении. — Получили мою посылку?

— Какую?

— Значит, скоро получите. Нашлось еще немного информации о Вандер-Рутах, теперь из новейшей истории. Фотографии, газетные статьи.

Захотелось спросить, не надеется ли лорд Аштон, что они с Нелл увлекутся архивными материалами и частными коллекциями и забудут о расследовании, но Оливер сдержался. Вместо этого вывалил без предисловий последние новости.

— Плохо. — Настроение у вице-канцлера резко испортилось. — Есть возможность избежать огласки? Как я помню, фобосы — любимое развлечение заклинателей и демонологов, наверняка студенты у вас нередко пугают ими друг друга. Не объявляйте пока о покушении. На будущей неделе должны сделать официальное заявление по делу Хеймрика,

уже прогнозируется отток учащихся из Глисега. Вокруг Найтлопской школы шум еще не затих. Если на фоне этого и в академии начнутся проблемы, представляете, что будет? А Россов оставьте следователям. Разрешения на взлом они не получат, но я распоряжусь провести более тщательное сканирование. Давайте действовать в рамках закона. Хотя бы пока.

Оливер уже не считал, сколько длится эта секретность и соблюдение закона во имя всеобщего спокойствия. Но сейчас речь шла о его академии.

— Как много людей знают о случившемся и о реальном состоянии Вилберта? — спросил он Грина, закончив разговор с его тестем.

— Вы, я, инспектор. Студенты, доставившие профессора в лечебницу, как уже сказал Крейг, в ситуации не разобрались, а дежурный целитель не успел провести осмотр.

— А Элизабет? Я ни на что не намекаю, но слабо верится, что ваша супруга не заинтересовалась происшествием.

Грин не обиделся.

— Моя супруга непременно заинтересовалась бы, — согласился он. — Но Бет нет эти дни в лечебнице. Нэнси уехала на свадьбу сестры, и мы остались без няни, поэтому Элизабет сейчас дома с Грэмом. Но есть другие целители и сестры. Секретность вокруг пациента вызовет нежелательные домыслы.

— Он нуждается в каком-то особом уходе?

— В общем-то нет. Достаточно сиделки. Поить. Пищу его организм вряд ли примет... Менять белье по мере необходимости. Просто быть рядом, когда он в сознании. Мало кто мечтает умереть в одиночестве.

— Как и в присутствии совершенно чужого человека, — заметил Оливер. — Транспортировку порталом профессор выдержит?

— Вместе с кроватью — вполне. Вы хотите?..

— Перенесу к себе. Боюсь, Нелл планирует провести все отпущенное Вилберту время рядом с ним, так пусть находится при этом дома. И у вас заберу проблемного пациента. Исчезновение кровати из палаты вы же объясните? Но сиделка все равно понадобится. Подберите кого-нибудь, кто умеет держать язык за зубами.

Нелл от сиделки отказалась. Не нужно никого посвящать ни в то, что наставник умирает, ни в то, что в доме ректора проживает тайно какая-то женщина. Сама управится. Профессор не настолько плох, как она в свое время. Пересохшая кожа не сочится сукровицей, и пахнет от него не гнилью, а мылом и вываренными больничными простынями...

Оливер с доктором Грином, не привлекая помощников, перенесли Вилберта в одну из гостевых спален, и Нелл тут же устроилась там в кресле у окна. От бессилия хотелось на стену лезть, но истерика ничего не решила бы.

Оливеру нужно было вернуться в ректорат, и он ушел, уверив, что придет сегодня пораньше. Доктор обещал заглядывать. Крейг появился через полчаса после их ухода и предложил прислать Шанну. Нелл отказалась. Она не нуждалась в компании или в помощи, в сочувствии или поддержке. Все, что ей было нужно, — это ответы. Кто? Зачем? А что делать, она решит сама.

Ответов не было.

Вилберт большую часть времени спал или лежал с закрытыми глазами. Когда открывал их, Нелл подходила, присаживалась рядом. Спрашивала, не хочет ли он воды и не нужно ли поправить подушки. Если старик не засыпал тут же и продолжал смотреть на нее, принималась что-то рассказывать. О прошлом — том, которое у них было общим. О настоящем молчала. О будущем, которого у наставника теперь не было, даже не думала.

Хватило ее без малого на три часа. Дольше не выдержала. Оделась и вышла из дома, второй раз в жизни через дверь.

У калитки окружавшего особняк небольшого сада маячила тень — наверняка охрана. Нелл решила, что обойдется без сопровождения. Собрала всю злость и боль, что кипели сейчас в ней, и отыскала в академии человека, с которым ее связывала нить кровной клятвы. Того окружала защита, но ломать ее Нелл не стала. Пока. Нащупала удобную точку неподалеку и открыла портал к ней. Получилось на диво легко, все-таки Оливер — хороший учитель.

Оказавшись на пустынной улице, Нелл оглядела похожие друг на друга домики и безошибочно определила нужный. Охранные чары жилища пропустили ее, но известили о госте находившихся внутри людей. Нелл только поднялась на крыльцо, а ей уже открыли.

— Добрый день, — приветствовала она незнакомого мужчину со знакомым значком на лацкане. — Я к хозяевам.

Легко оттолкнула растерявшегося полицейского и прошла в дом.

Шла уверенно, не отвлекаясь на изучение обстановки, точно зная, за какой дверью ее не ждут, но, открыв эту дверь, на миг растерялась. О детях она забыла. С ними сцена в маленькой гостиной выглядела со стороны идиллически. Мальчик спал на руках у Сюзанны, девочка сидела рядом с Аланом, кажется, показывала ему рисунки в альбоме.

Увидев Нелл, бывший жених и бывшая подруга синхронно вздрогнули.

— Боитесь? — спросила она. В горле першило, и голос звучал сдавленно и хрипло. — Странно. Я ведь ничего не могу вам сделать. Ни одному из вас.

И все равно Алан прижал к себе дочь. То ли действительно испугался за нее, то ли спрятался за ней, так же как Сью пряталась за прильнувшим к ее груди сыном. Перебирала механически светлые кудряшки, и было видно браслет на ее запястье — артефакт, не дающий носившему его использовать магию.

— Леди, вам лучше уйти, — протараторил, ввалившись в комнату, очнувшийся полицейский.

— Леди? — Губы Алана дернулись в усмешке. Тугодумом он никогда не был.

— Сейчас уйду, — пообещала Нелл, обернувшись к блюстителю закона. — Только скажу своим друзьям пару слов.

— Скажи, что пришла, чтобы объяснить, что происходит. — Алан говорил спокойно, но лишь из-за сидящего рядом ребенка.

— Вам не объяснили?

— Объяснили, — еле слышно прошептала Сью. — Но это — полная чушь...

Нелл приблизилась к диванчику, на котором разместились всем семейством Россы. Остановилась напротив девочки.

— Тебя зовут Хелена? — спросила с улыбкой, на которую ушло немало сил. Хелена! Какое лицемерие! — Ты же хорошая девочка, да? Будь умницей, закрой ушки.

Ее маленькая тезка непонимающе посмотрела на отца. Тот кивнул, и девочка послушно зажала уши ладошками, выронив на пол до этого зажатые в кулачке карандаши.

— Теперь слушайте, — продолжая улыбаться, проговорила Нелл. — Я знаю, что один из вас или вы оба виновны в том, что случилось с наставником. Я знаю, что один из вас или вы оба виновны в том, что случилось со мной. И я знаю, что клятву на крови нарушить сложно, но не невозможно. Поэтому выбор у вас такой: суд или я. Решение суда ограничено рамками закона. Мое — не ограничено ничем. Суд может приговорить одного из вас или обоих к смерти, но я не просто убью — я протащу вас через бездну, через которую прошла сама, и гарантирую, что вы оттуда не выберетесь. Думайте. Времени у вас столько же, сколько осталось у наставника.

— Ты с ума сошла? — прошипел человек, с которым когда-то она

хотела связать свою жизнь. — В чем мы виновны? Какая бездна?

— Ты ему не сказала, Сью? Нет? Твой муж действительно ничего не знает?

— Он не...

— Не спеши, Сью. Ты можешь быть в этом уверена, только если сама устроила все и одиннадцать лет назад, и сегодня. Но если ты знаешь, что невиновна, то у нас тоже лишь один ответ — Алан. Вот и разберитесь с собой и друг с другом.

Через минуту Нелл была уже дома.

Оливер еще не вернулся, и никто не видел, как она, лишь на несколько секунд заглянув к Вилберту и убедившись, что тот еще дышит, расшвыривала в бессильной злобе диванные подушки и рвала старые газеты, беззвучно заливаясь слезами. Даже Крейг, зашедший без звонка, появился уже тогда, когда она привела мебель в порядок и сожгла обрывки в камине.

— Ты что творишь? — спросил инспектор с укором, имея в виду явно не учиненный недавно погром.

— А что остается? — вздохнула Нелл.

— Ждать. Иногда ждать — самое верное. А горячку пороть... Пустое. И угрозы ни к чему, особенно если до суда дойдет. Припомнят еще, а оно тебе надо?

— Ничего мне уже не надо.

— А вот это брось! — строго приказал старик. — Не надо ей! Такой путь пройти, чтобы теперь сдаться?

Сдаваться Нелл не собиралась, тем более теперь, когда у нее есть Оливер.

Он вернулся вскоре после того, как ушел Крейг, побурчав еще немного для порядка. Принес свертки, от которых вкусно пахло жареным мясом, теплым хлебом и мандаринами. Поцеловал в лоб, надолго прижавшись губами, словно хотел выпить ее невеселые мысли. Выслушал покаяния...

— Знаешь, сам что-то подобное сделал бы, если бы старик не запретил, — сказал с понимающей усмешкой. — Но он прав. Ни к чему это. Дождемся результатов от Эдварда и передадим схемы ритуала экспертной комиссии. Мы почти у цели, Нелл. Еще немного, и все это останется в прошлом.

А наставник к тому времени умрет. Но этого теперь в любом случае не изменить.

— Мандарины... — Вилберт слабо улыбнулся, когда она, по детской привычке размяв в пальцах ароматную корку, пришла, чтобы снова

развлекать его пустыми разговорами. — Помнишь, я принес тебе, когда ты жила в пансионе? Девочки, которые жили с тобой, сразу расхватали... А одна сказала, что ты похожа на мандарин. Такая же рыжая...

Той девочкой была Сью. Еще неделю после дразнила ее мандаринкой.

Нелл закусила губу, отвернулась к окну и вздрогнула: за стеклом в свете фонарей кружились белые хлопья снега.

ГЛАВА 42

Ночь прошла беспокойно. Оливер честно пытался выспаться, но мешали то тревожные мысли, то вдруг возникавшая пустота под боком: Нелл несколько раз вставала проверить, как там Вилберт, а в итоге так и осталась в комнате старика — задремала в кресле, и Оливер побоялся переносить ее в спальню, чтобы не разбудить. Когда он уходил, она еще спала, свернувшись калачиком, и казалась непривычно маленькой и хрупкой.

Вилберт тоже спал и тоже выглядел хрупким. Как музейная мумия, ткнешь пальцем — рассыплется в труху...

В ректорате ждали дела, документы и посетители, жалобы и прошения. И посылка от лорда Аштона. Ее доставили еще вчера, но толстый пакет остался не распакованным. Оливер вскрыл его скорее из уважения к вице-канцлеру, нежели из любопытства, наскоро проглядел подшивку газетных статей и отодвинул в сторону, принимаясь за работу. Чем раньше закончит, тем раньше вернется к Нелл. Не хотелось оставлять ее наедине с умирающим стариком. Идея перенести того к ним домой уже не казалась правильной.

Не разобрав и половины писем, Оливер снова отвлекся. Набрал номер полиции, поговорил с Крейгом, узнал, что новостей пока нет, и выслушал короткую лекцию о том, чего им с Нелл не следует делать.

Сконцентрироваться на работе не получалось, но он заставил себя дочитать письма и набросать черновики ответов, которые отдал затем секретарю, взамен попросив кофе. О том, что у Стейси он получается изумительной гадости, Оливер вспомнил, уже отхлебнув глоток. Зато мужественно допив эту муть, почувствовал себя готовым начать прием...

Минувшей ночью Нелл не видела снов, и этому можно было лишь порадоваться. Вряд ли приснилось бы что-то хорошее, когда рядом доживает последние дни наставник, в памяти всплывают картинки прошлого, а за окном идет снег.

Вилберту снег нравился. С усилием повернув голову к окну, он любовался хороводами пушистых снежинок.

— Помнишь снеговика?..

Она выдавила улыбку.

Снеговик был чудесный. Отец слепил его под окнами их квартиры,

пока Нелл спала. Нахлобучил на него свою старую шляпу, сделал кошачьи усы из тонких веточек. Потом пришел Вилберт и пожертвовал снежному человеку свой шарф, а в рот сунул сигару. Нелл понятия не имела, где он ее взял, ведь профессор никогда не курил.

Можно было сейчас спросить его об этом. Но, наверное, глупо задавать такие вопросы человеку, жизнь которого вот-вот оборвется.

— Хотите пить?

Тоже не лучший вопрос, но хотя бы соответствует ситуации. Умиравшие должны хотеть пить, иначе откуда пошла известная фраза о стакане воды, который кому-то никто перед смертью не подаст?

Но Вилберт не хотел. Попросил лишь отодвинуть шторы, чтобы ему удобнее было наблюдать снегопад.

Нелл подошла к окну и невольно зажмурилась. Странно, но снег в охотничьем поселке и тот, что усыпал дорогу к поместью коллекционера, не вызвали настолько негативных ассоциаций. Видимо, потому, что тогда это был просто снег, а снег в академии очень походил на снег в университете.

Она заставила себя открыть глаза и посмотреть в лицо страху. Если не думать о плохом, снег — это даже красиво. Кусты и деревья не выглядят такими голыми, грязь спрятана под белое покрывало...

Скользкий по саду взгляд зацепился за «постового» у калитки. Тот с кем-то говорил, но толстый ствол дерева мешал разглядеть, с кем именно. Нелл уже собиралась вернуться в кресло, когда собеседник охранника сделал шаг в сторону, а затем, развернувшись, пошел прочь от дома. Волосы белее снега вокруг, старый плащ, размашистая, но не лишенная эльфийского изящества походка. Конечно, можно было обознаться на таком расстоянии, но ей так хотелось верить в чудо, что Нелл и не подумала об ошибке.

Она кинулась в прихожую, схватила пальто, набросила на голову шарф и выскочила из дома.

— Илдредвилль! — заорала, выбежав за калитку. — Илдред!

Эльфы не сокращают имен, но этот не возражал, когда Оуэн обрезал в разговоре традиционное для длинноухих «вилль». Этот эльф вообще не походил на других эльфов. Например, он лечил людей.

— Илдред!

Эльф наконец-то услышал. Обернулся, и Нелл с радостью убедилась, что не ошиблась.

Снег уже не пугал. Залетал в рот, налипал на ресницах, таял на горящих щеках, но Нелл бежала, не замечая этого. Главное, остановить

эльфа. Заинтересовать. Заманить в дом. У длинноухих свои понятия о добре и сочувствии, и они не всегда совпадают с представлениями людей: лечить кого-то из жалости Илдред вряд ли возьмется, но, если случай покажется ему любопытным, точно не откажется.

— Человек у ограды сказал, что твоего проклинателя нет дома, — не здороваясь, сообщил ей эльф. — Но я не подумал, что там можешь быть ты.

— Я была, — закивала она. — И Оливер скоро придет. Можешь подождать его внутри, там теплее.

— Не уверен, что мне нужно его ждать. Книг я все равно не принес.

— Но зачем-то же ты пришел?

— Просто проходил неподалеку. И... — Он задумался, словно не мог найти нужного слова. — В прошлый приход я забыл кое о чем спросить одного человека, — сказал туманно. — Кажется, он местный целитель и на нем печать единорога. Ты его не знаешь?

— Знаю. Это наш доктор. Он тоже должен прийти. Только ненадолго и, наверное, порталом, так что, если останешься на дороге, можешь с ним разминуться. Пойдем в дом?

Илдредвилль посмотрел на нее без всякого выражения, как умеют только эльфы, но в то же время внимательно и пытливо, как умел только этот эльф.

— Ты хочешь о чем-то попросить, Хейлин. О чем-то важном для тебя. Но ты же не обманула меня насчет доктора?

— Нет. Он придет. И это связано с тем, о чем я хочу попросить.

То, что эльф, недолго поразмыслив, согласился подождать в доме — половина дела. Теперь нужно было уговорить его хотя бы взглянуть на наставника.

Нелл готовила нужные фразы, но они негодились. Едва взойдя на крыльцо, Илдредвилль шумно втянул носом морозный воздух. Лицо его, и без того практически лишенное эмоций, совершенно закаменело. Только губы шевельнулись еле заметно:

— Смерть. Темная смерть.

— Темная смерть, — повторила Нелл. — Да. Это и есть моя просьба. Дорогой мне человек может умереть...

— Я ему помогу. — Сквозь эльфийскую отрешенность вдруг проступили чувства, и чувства недобрые. — Помогу умереть.

Плавным, почти неуловимым движением он извлек из-под плаща длинный и тонкий кинжал, рванул на себя дверь и влетел в дом. Ничего не понимая, Нелл бросилась следом. Эльф был намного быстрее. Когда она добежала до комнаты наставника, Илдредвилль уже стоял у кровати, а

острие его оружия было направлено в грудь распростертого на постели старика.

Однако не это испугало Нелл.

Иной страх — знакомый, зловонный и липкий — на несколько мгновений сковал тело. Но теперь она была сильнее, чем в их первую встречу. Согнав с себя оцепенение, размахнулась, и волна воздуха сбила эльфа, отбросив на несколько ярдов. Ударившись о стену, Илдредвилль сполз на пол. Жив ли он, Нелл рассмотреть не успела.

Думать о работе не получалось. Оливер отложил все дела, которые только можно было отложить, и отменил все встречи, которые можно было отменить. Осталась лишь одна — с членами попечительского совета. Наверняка затянется часа на два — все, что касается финансов, требует детального обсуждения, — но после можно будет уйти домой, к Нелл, оставив решение прочих вопросов на следующую неделю.

Оливер сварил себе кофе, в этот раз не рискнув воспользоваться услугами секретаря, и, чтобы чем-то занять себя в оставшееся до встречи время, вернулся к изучению присланных лордом Аштоном подборок. Новейшая история Вандер-Рутов, как назвал это вице-канцлер, включала в себя жизнеописание отца, деда и прадеда Нелл. Наверняка человек, собиравший эти статьи, фото и свидетельства очевидцев, хранил материалы и по Хелене, но в конверте их не было. Только один смазанный и сделанный с неудачного ракурса снимок — вдова и дочь Эрика Вандер-Рута у свежей могилы. Карточку подкололи к статье о смерти известного демонолога, но Оливер читал ее еще в октябре и повторно не заинтересовался. Пробежал глазами биографию деда Нелл, того самого, что сорвался со скалы. Видимо, Виктор — так его звали — любил путешествия, потому как в поисках разломов объездил полмира. Выдержки из журналов его экспедиций можно было читать как приключенческие романы, но Оливер не особо углублялся. Пролистал и остановился на последней. Если верить записям и фотографиям, до трагедии демонологи неплохо проводили время в горах: охотились, удили рыбу, покоряли ранее неприступные вершины. Учитывая это, не факт, что Виктор погиб, занимаясь исследованиями, — возможно, сорвался во время очередного восхождения. Хотя некто Гектор Мастерман и утверждал в своих показаниях, что Вандер-Рут не удержался на камнях, делая замеры остаточного фона, Оливер не слишком доверял словам человека, запечатленного на фото рядом с Виктором, без рубашки и с длинным удилищем в руке. Качество снимка, как любых первых фотографий,

оставляло желать лучшего, но даже сильное затемнение не мешало разглядеть довольные улыбки демонологов.

Мальчик на следующем попавшемся под руку фото не улыбался: Эрик Вандер-Рут на открытии экспозиции, посвященной его славным предкам, через полгода после гибели отца. Будущего профессора Глисетского университета нарядили во взрослый костюм, привели на сборище ученых зануд и заставили позировать на фоне старинного портрета. Мало какой десятилетний ребенок радовался бы в таких обстоятельствах. Впрочем, не исключено, что Эрик лишь пытался соблюсти полагающуюся моменту серьезную торжественность, ведь с портрета на него взирал сам Йозеф Вандер-Рут.

Видимо, это был тот самый портрет, в подлинности которого сомневался давешний коллекционер, и Оливер заинтересовался. Чтобы разглядеть изображение на газетной вырезке, бывшее к тому же не в фокусе, пришлось использовать лупу.

Рассмотрев, насколько получилось, первого из Вандер-Рутов, Оливер нахмурился. Отыскал недавно отложенное фото Виктора и Мастермана на рыбалке и его тоже изучил через увеличительное стекло. Ругнулся и, забыв о существовании телефона, выскочил в приемную.

— Стейси, зайдите, пожалуйста.

Девушка отложила бумаги и, озираясь, прошла в кабинет начальника.

— Подойдите, — подманил он ее к столу. — Вы ведь работали в архиве и должны знать какие-то заклинания для работы со старыми документами. Можете сделать это фото четче и... крупнее, что ли?

— Только через оптическое зеркало. Это как иллюзия, но...

— Не важно как, — прервал робкие объяснения Оливер. — Главное, сделайте.

Через секунду в воздухе перед ним висело в три раза увеличенное изображение мальчика и портрета.

— Теперь это, — подсунул он девушке снимок рыбаков.

Когда рядом с первой иллюзией появилась еще одна, показал пальцем на оба заинтересовавших его лица.

— Скажите, Стейси, мне мерещится или сходство действительно есть?

— Есть.

— Угу. Не убирайте пока. — Из ящика стола он достал еще одну фотографию, но эта была намного новее предыдущих и ни в увеличении, ни в коррекции качества не нуждалась. Оливер посмотрел на нее, но Стейси показывать не стал, и без ее подтверждения видел, что сходство есть. И даже больше, чем сходство. — Демоны! — ударил со злостью

кулаком по столу.

— Что? — испуганно вздрогнула секретарь.

— Демоны, — повторил Оливер мрачно. — Если заключить с ними договор и принести жертву, они выполняют любое желание. Что чаще всего просят у демонов в легендах?

— Богатство? Или удачу... в любви, например? Или вечную жизнь?

— Точно.

Он потянулся к телефону, чтобы связаться с Крейгом, и только тут вдруг понял, что совершенно не о том думает.

— Нелл...

Портал в мгновение перебросил его домой.

— Нелл!

Никто не ответил. Дом казался пустым. Мертвым. И Оливер чувствовал, от какой из комнат тянет мертвечиной...

— Нелл!

Он ворвался в спальню, куда вчера перенесли старика, и застыл на пороге, с отчаянием вцепившись в дверной косяк: кровать была пуста. Сердце остановилось...

...и взволнованно забилося вновь, когда бесформенная груда тряпья в углу вдруг зашевелилась и из нее вытянулась тонкая рука.

— Не входи, проклинатель... — Вслед за рукой обозначилась беловолосая голова с острыми длинными ушами. — Стой там...

— Где Нелл?!

— Наверное, он ее забрал, — проговорил неизвестно откуда взявшийся тут Илдредвилль. — Я почувствовал в нем тьму иной стороны... Люди не чувствуют этого так, как мы. Но я не успел. Он был сильнее... Хейлин спасла меня. Оттолкнула, но тьма успела меня коснуться...

— Куда он ее забрал? Как?

Оливер шагнул к эльфу, и тот предупреждающе выставил ладонь:

— Стой... Темный портал. Так открывается бездна...

Прежде чем понять смысл услышанного, Оливер сделал еще один шаг. И бездна открылась под его ногами.

Нелл не понимала, как такое могло случиться. Выбегая из дома за Илдредом, она оставила в гостевой спальне доживающего последние дни старика, а вернувшись, увидела... Честно говоря, она не знала, что увидела. Тот, кто лежал на кровати, не был человеком. Или скорее был не только человеком. И он не был таким беспомощным, каким пытался казаться последние сутки. Он и пальцем не пошевелил, но сумел остановить

эльфийского мага, почти убил. Еще немного, и Илдред захлебнулся бы в хлынувшей на него тьме...

А Нелл захлебнулась. Но все-таки выбралась, отплевавшись. Она ведь не эльфийка и тоже темная, хоть тьма ее дара родом из этого мира, а не такая, как у того, кто сейчас ходил вокруг. Нелл чувствовала его присутствие так же, как чувствовала твердую землю под спиной и холодную влажность падающих на лицо снежинок, и пыталась представить, кого увидит, когда решится открыть глаза.

— Не бойся, — коснулся слуха вкрадчивый шепот. — Время еще есть. Проведем его вместе, девочка?

Он знал, что она уже пришла в себя, и глупо было продолжать разыгрывать обморок. Притворство — не ее конек.

Нелл повернула голову на голос и открыла глаза. Она лежала на пятачке ровной земли в окружении высоких деревьев, а в ярде от нее Вилберт присел на корточки и вычерчивал что-то на снегу. Не тот обессиленный старик, из-за которого она не спала всю ночь. И не тот пожилой господин, который приехал в конце октября в академию. Не профессор, под руководством которого она готовилась к выпускному экзамену, и даже не тот молодой преподаватель, который приходил в гости к ее родителям. Этому Вилберту на вид не больше двадцати пяти. У него густые огненно-рыжие волосы до плеч, бледная кожа, усыпанная мелкими веснушками, и блестящие ореховые глаза. Нелл и на фотографиях не видела его таким, но узнала с первого взгляда. По усмешке, по взгляду, по длинной больничной рубашке, в которую его переодели вчера. По тьме, окружавшей его снаружи и переполнявшей изнутри.

— Нравлюсь? — спросил он.

— Нет, — ответила она. Хотя, возможно, кто-то назвал бы его красивым. Кто-то, кто не заметил бы этой тьмы.

— Жаль, — вздохнул он. — Себе я таким нравился. Может, так будет привычнее?

Он поднялся в полный рост и отступил на несколько шагов, чтобы Нелл удобнее было на него смотреть. Волосы его потускнели и стали короче, кожа сделалась смуглее, вокруг глаз появились мелкие морщинки.

— Слепить тебе снеговика?

Да, наверное, так он и выглядел в тот день. Только тогда он был одет. И обут.

Нелл поежилась, поглядев на его ноги. Тот, кого она мысленно продолжала звать Питером Вилбертом, не чувствуя холода, топтался босиком по снегу, а она мерзла в теплом пальто и обмотанном вокруг шеи

шарфе. Наверное, сумей она подняться, холод не ощущался бы так сильно, но невидимые пути удерживали ее на земле. На жертвеннике. Она не могла рассмотреть, что за символы начертаны вокруг, но почти не сомневалась, что это — знаки призыва.

— Зачем? — Из всех вопросов, роившихся в ее голове, отчего-то именно этот пробился наружу.

— Зачем я разыграл нападение фобосов? — понял он. Или не понял, ведь таких «зачем» у нее было не меньше сотни. — Сразу по нескольким причинам. Во-первых, мне уже тяжело было скрывать свое истинное состояние... Да-да, изодранная в клочья аура — мое истинное состояние, Нелл. Я привык к нему, но других это, мягко говоря, настораживает. На меня уже косились с подозрением. Инспектор. Доктор... Эти целители так и норовят подлатать мне энергетические связи. Им ведь невдомек, что можно быть связанным и с другой стороной. Приходится прятать подобные умения, а для этого нужна сила. Обычная сила, которую я растратил, готовясь к этому дню. Во-вторых, отвел от себя подозрения и сделал так, чтобы ты была рядом. Признаюсь, не ожидал, что вы с Оливером тут же мне подыграете. Думал, придется долго стенать, как мне не хочется умирать на казенной койке, но вы оказались настолько милы, что сразу же предложили несчастному старику приют. Оставалось лишь подождать пару дней... Но тут появился эльф. Не люблю эльфов. Особенно таких агрессивных. Теперь придется делать все быстро и не в срок. Граница еще недостаточно тонка. Я уже могу черпать из-за нее силу, однако пробиться на другую сторону будет нелегко. Но у меня есть идея на этот счет. Запасной план.

— Зачем вам это? — расширила вопрос Нелл. У нее планов не было, ни основного, ни запасного, только острое желание очнуться от этого бреда.

— Чтобы жить конечно же. Ходить, дышать. Быть молодым и сильным не только соприкасаясь с границей, как сейчас, а всегда.

У границы он не только становился сильнее, но и обнажал свою истинную суть. Нелл видела это на проекциях: не живой человек и не мертвец, не принадлежащий ни этому миру, ни бездне.

— Кто вы?

Он приблизился. Присел рядом. С улыбкой коснулся ее лица и, как не раз делал, когда она была еще девчонкой, провел пальцем от лба до кончика носа.

— Подумай. Я подскажу. Я тот, кто знает о демонах больше всех людей, живших когда-либо... — Резко умолкнув, он прислушался к чему-то

и удовлетворенно кивнул. — Быстро. И часа не прошло.

Воздух вздрогнул и пошел рябью. Посмотрев туда, куда был направлен взгляд Вилберта, Нелл увидела на высоте человеческого роста над землей воронку портала. Через секунду кто-то вывалился из нее, упал плашмя и вскрикнул от боли.

— Оливер, — прошептала она, узнав с трудом поднявшегося на четвереньки человека.

— Мой запасной план, — гордо возвестил тот, кого она долгие годы считала другом и учителем. — Сильный. Темный. Думаю, он будет достаточной платой за проход. Добро пожаловать, милорд Райхон!

Оливер ответил невнятным ругательством. Встать он так и не смог, тьма, едва не утопившая Нелл, и его оглушила. Вилберт, единственный здесь, кому сила бездны была близка и привычна, наслаждался ролью хозяина положения.

— Вы вовремя, милорд, — рассмеялся он. — Начало разговора пропустили, но самое интересное впереди. Нелл спросила, кто я такой, и я как раз собирался представиться.

По-прежнему стоя на четвереньках и тяжело дыша, Оливер поднял лицо и посмотрел на помолодевшего и передумавшего умирать демонолога.

— Вы — Йозеф Вандер-Рут, — произнес негромко, но четко. — Или Джозеф, как пишут сейчас. Джей.

Нелл поняла, что последнее уточнение он сделал для нее, намекая на дневники Ирвина Олдриджа, но больше не поняла ничего.

— Как вам не стыдно? — с укором выговорил Вилберт... Вандер-Рут? Посмотрел на Оливера, и тот рухнул на землю. — Испортили такой сюрприз! Но теперь я знаю, что не зря торопился. У меня были годы в запасе, но я подумал, вдруг вы догадаетесь. А потом подумал, что было бы совсем неплохо, если бы вы догадались. Даже дал вам несколько подсказок. Решил, что, возможно, и так уже зажился... Но нет. — Он резко потряхнул головой. — Определенно нет.

Нелл попыталась пошевелить рукой. Когда ей это удалось, потянулась к Оливеру. Хотя бы коснуться. Лишь коснуться...

Пальцы наткнулись на заслон из невидимого пламени, и она, обжегшись, отдернула руку.

— Так трогательно, — с издевательским умилением заметил тот, кто когда-то, вероятно, действительно был Йозефом Вандер-Рутом. — И так печально. Быть рядом, но не иметь возможности даже дотронуться. Увы, это нарушило бы ход ритуала. Точнее, у нас тут два ритуала. Милорд

Райхон, конечно, ничего в этом не смыслит, но ты ведь способна понять разницу между призывом с помощью жертвы и чистым жертвоприношением, Нелл? И понимаешь суть совмещения этих процессов, да?

Она не ответила, и насмешка сменилась злостью.

— Я так плохо тебя учил?! — наклонившись, проорал он ей в лицо. — Не можешь ответить на простой вопрос?!

Его дыхание стало ледяным и обжигало кожу. Удушающая тьма сдавила горло, и Нелл поняла, что, если она не ответит немедленно, случится что-то ужасное. Нет, он ее не убьет, для этого время еще не пришло, но боль иногда пугает сильнее смерти.

— Призыв с жертвоприношением... прорвет границу, стабилизирует канал и удержит открытым, — просипела она. — Энергия второй жертвы не будет расходоваться на эти нужды. Вся уйдет демонам... И взывающему.

— Умница, — ласково улыбнулся Вилберт-Йозеф. — Жаль, тебе никогда не попрактиковаться в таком. Я ведь мог научить... Хотел. Но все пошло не так...

— Все пошло не так, когда полоумный старик додумался откупиться от смерти жизнями своего сына и внука, — послышался голос Оливера.

— Полоумный не додумался бы, — зло парировал первый из Вандер-Рутов. — Я полвека работал над этим и добился того, чего не смог никто больше — ни до меня, ни после! А чего вы достигли, Райхон? За всю жизнь составили парочку учебников и уморили кучку головорезов? Ваша смерть станет самым неординарным событием в вашей биографии. И то благодаря мне!

С самого начала Нелл приказывала себе быть сильной и не поддаваться панике и страху, но сейчас всхлипнула, не сдержавшись. Тревожные предчувствия, преследовавшие ее с Осеннего бала, не солгали: она все-таки погубила Оливера, когда не смогла уйти от него, и теперь уйдет с ним. В память и в сердце врезавшееся «Ты со мной или я с тобой» имело и такой смысл...

Если не знаешь, что делать, тяни время. Тогда или придумаешь что-нибудь, или хотя бы проживешь подольше. Конечно, начало уже спланированного ритуала, в котором тебе отведена роль жертвы, оттянуть нелегко, но все же возможно, если проводит этот ритуал сам Йозеф Вандер-Рут — гений и основоположник современной демонологии. С гениями в этом смысле проще, чем с обычными бандитами. Убийцы Джинни и ее мужа не были гениями: его повесили на крыльце

собственного дома, ей перерезали горло в гостиничном номере, не дав ни одной лишней минуты на раздумья. Женщину, на семь лет заменившую Эмму Блейн, а после методично избавлявшуюся от всех, кто мог раскрыть ее секрет, уже нельзя было назвать заурядной преступницей, но и до гениальности ей было далеко. Она просто выстрелила Оливеру в голову, и он спасся лишь чудом. Паук Хеймрик, десятилетиями сплетавший свою паутину, был невероятно умен и хитер, но тоже не гений и в ответ на вторжение ударил смертельными заклинаниями, от которых Оливера с Нелл уберегли только защитные артефакты Крейга.

Сейчас шансов больше. Потому что гении не убивают так быстро. Какую бы цель ни ставили они перед собой, им нужно еще и признание, пусть даже от жертвы. А если жертва отказывается признать гения гением, тому придется потратить время, чтобы ее убедить.

Оливер с трудом перевернулся на спину.

— Смерть — это неплохо, — заявил он в ответ на угрозы Вандер-Рута. — Особенно в сравнении с нежизнью, на которую вы обрекли себя. Seriously считаете, что таким стоит гордиться?

— Стоит, — не поддался на провокацию демонолог. — Моя нежизнь мало чем отличается от того, что вы зовете жизнью. Я дышу, наслаждаюсь вкусом еды и напитков, сном и прогулками. Продолжаю оставаться магом этого мира и использовать его силу.

— Хм... Не хотелось бы при даме... А с женщинами у вас как?

— Прекрасно, — усмехнулся Йозеф. — За пятьсот лет ни одна не жаловалась.

— Да? А я уж подумал, когда вы сказали, что не можете иметь детей... Или это условие вашего контракта с бездной?

— Угадали, — поморщился Вандер-Рут. — Первоначально договор был другой. Но по факту я отдал свою жизнь в залог и теперь выплачиваю проценты. Делюсь с бездной силой тех, кто связан со мной кровью рода, и благодаря этому условию долго еще не расплачусь. К слову, моих потомков тоже не назовешь плодовитыми. Одно поколение — один ребенок. Думаю, и это эффект договора. Побочный, похожий чем-то на проклятие.

Оливер подумал, что, если выберется, передаст эти слова Элизабет Грин, первой заговорившей о проклятом роде. Пусть порадуется своей прозорливости.

— Вы никогда не расплатитесь, — сказал он тихо. — Нелл — последняя. Сколько вы продержитесь с той силой, что отберете у нее? Стоит ли оно того? Вы ведь не хотели ее убивать в первый раз. Она нравилась вам, и я догадываюсь почему. Она похожа на вашу дочь. На ту

девочку, которую когда-то вы очень любили...

Воздух хлестко ударил по губам, заставив умолкнуть. Йозеф одарил ненавидящим взглядом. Тьма окутывала первого из Вандер-Рутов словно плащ, и Оливер стиснул зубы от боли, когда его вскользь коснулся край этого странного одеяния.

— Думаете, вы что-то понимаете? — гневно спросил демонолог с высоты своего роста. — Я не просто любил ту девочку. Она была всем для меня. Моим воздухом, водой, хлебом. Я отдал бы жизнь, чтобы ее вернуть... И я отдал. Поверил в древние сказки, заключил договор с демонами. Но они обманули меня. Хотели обмануть. Подсунули порождение бездны, лишь внешне похожее на мою Тессу. Слышали байки о том, что демоны обязались приносить мне в жертву одного из своих? Почти так и было. Они жертвовали низшими... или молодняком, не знаю, как это у них называется. Я уничтожил троих подменьшей, прежде чем понял, что только такую дочь они могут мне дать. А когда пришло время платить по счетам, тоже обманул их. Отдал не того Вандер-Рута. Потом еще раз. И еще. И еще... А потом появилась Нелл. — Ярость в голосе Йозефа сменилась нежностью. — Не демон-подменьш, а настоящая, живая. Действительно очень похожая на мою Терезу. Я тогда уже освоился в роли Вилберта, обзавелся рекомендациями в бюро и приехал в Глисет знакомиться с Эриком... Удобнее, когда ты лично знаком с тем, кого собираешься принести в жертву. Легче найти подход и организовать ритуал... А она выбежала из соседней комнаты. Наткнулась на меня, ухватилась за брючину и повисла на ноге...

Оливер обернулся к Нелл. Она лежала неподвижно, с закрытыми глазами, не желая смотреть на великого предка. Оливера отделяли от нее не два фута припорошенной снегом земли, а чужая сила, приковавшая их обоих к жертвенникам, и мерцающий заслон, проходить через который можно было, очевидно, лишь Йозефу. И тот воспользовался этим правом. Подошел к Нелл, взглянул сверху и отвернулся, как показалось Оливеру, с сожалением.

— Ты действительно похожа, — пробормотал в сторону. — Была похожа. И я не представлял, чтобы когда-нибудь отдать тебя демонам. Ты должна была остаться со мной, быть моей девочкой... Но Эрик все испортил! — Демонолог вновь начал распалиться. — Слышишь, Нелл? Это твой обожаемый папочка виноват во всем, что случилось потом. Я предупреждал его! Говорил ему: «Береги себя, ты нужен дочери». Но разве он послушался? Разве он думал о тебе, когда две недели подряд не вылезал из лаборатории? И что в итоге? Сердечный приступ! Еще немного прожил

бы, и тебе никогда не пришлось бы... Но я все равно нашел выход. Я не хотел тебя потерять, как потерял Тессу. Придумал, как сохранить тебе жизнь.

— Я должна быть благодарна? — глухо спросила Нелл.

— Я тебя не бросил, — продолжал, точно не услышав, Йозеф. — Был рядом, пока ты училась. Помогал, поддерживал. Я был тебе больше отцом, чем Эрик, а ты продолжала таскаться с этим уродливым зайцем!

— Вы не были мне отцом. — Она открыла глаза и попыталась приподнять голову, чтобы посмотреть ему в лицо. — Отец никогда не допустил бы...

— Вздор! — не позволил ей закончить монолог. — Ты — Вандер-Рут. Ты бы справилась, пережила и забыла. И силу снова собрала бы по крупяцам. И опять была бы счастлива. А потом я дал бы тебе лучшую жизнь. Вечную!

Оливер закурил губу, видя, как Нелл скривилась от омерзения. Но на «щедрое» предложение участи полутрупа и убийцы своих детей ничего не ответила. Йозеф продолжал разговаривать сам с собой:

— Я все спланировал. Нашел подмену. Почти семь лет, пока эти сопляки учились у меня, вбивал в их тупые головы мысль о том, что они достойны лучшего, и, когда пришло время, ни один не отказался от участия. Но они были слишком слабы, не справились с тобой. Ты даже без магии оказалась сильнее. И знаешь, я почти гордился... Гордился бы, если бы ты убила только этих бездарных выродков. Но ты убила себя, Нелл. И почти убила меня. Ты не хотела, да, просто иногда ты не контролируешь свои чувства. Но ритуал пошел не так, как я планировал, демон не получил обещанных ему жизней, а твоей силой не удовлетворился. Пришлось дать ему еще... Понимаешь? Из-за преждевременной смерти твоего отца у меня и так немного осталось, и тем пришлось пожертвовать... Но, знаешь, это была небольшая потеря в сравнении с тем, что я потерял тебя. Не представляешь, как тяжело мне было эти годы...

Нелл уже не кривилась. Она улыбалась, и Оливер хорошо понимал, что творится сейчас в ее мыслях. Еще немного, и она рассмеется. Чокнутый предок, который давным-давно должен был сгнить в могиле, жаловался на то, как тяжело ему пришлось после того, как он отдал ее на растерзание негодьям и демонам.

— Но потом ты нашлась. Живая. Полная сил. А у меня еще оставалось время что-то придумать... Но ты не захотела так. Если бы ты не сбежала тогда, все еще могло сложиться иначе. Но я не хотел опять потерять тебя на годы. И искать самостоятельно был не в силах. Пришлось воспользоваться

помощью твоего дорогого Оливера. А когда он тебя нашел, стало ясно, что больше не отпустит...

Сейчас уже Оливер усмехнулся. Вот и его назначили ответственным за происходящее. Сначала Эрик не вовремя умер. Потом Нелл сорвала ритуал. Теперь он, Оливер, виновен в том, что лишил свихнувшегося демонолога возможности повторить то, что не удалось ему одиннадцать лет назад.

— Значит, будет так, Нелл, — подвел итог Йозеф. — Будет так. К тому же теперь ты совсем не похожа на мою Тессу. Ты и не была ею, я сам себя обманывал. Но пора признать правду. А то, что ты последняя... Не знаю. Ты — женщина. Сила женщин иная. Возможно, твоя вернет мне способность иметь детей, и род Вандер-Рутов продолжится. А если нет, милорд Райхон подал интересную идею о побратимах. Это может сработать.

— Вас не выпустят, — решился на блеф Оливер. — Я сообщил Крейгу, кто вы есть. Вас уже ищут. И найдут. Мы ведь еще на территории академии, да?

— Да-да, конечно. Где бы еще я организовал для нас уютный уголок? Приходил сюда каждый день... Что подозрительного в гуляющем по уединенному парку старике? Иногда надламывал веточки кустов. Незаметно оставлял знаки на деревьях. Приготовил все... Нас не найдут, милорд Райхон. Просто не будут искать здесь. А потом... Велика вероятность, что потом академию тоже не найдут. Самый большой разлом в истории поглотил целый город. Ваш будет поменьше, но... будет.

Оливер приходил в ярость, когда кто-то угрожал его близким. И терпеть не мог, когда замыслили что-то против его академии. Йозеф Вандер-Рут, чокнутый гений, делал сейчас и первое и второе. Он собирался убить Нелл и обрушить академию в бездну, и Оливера это невероятно злило. А когда он злился, как и многие темные маги, ощущал прилив сил. И хоть тьма вокруг была ему чужда и использовать ее не получилось бы, Оливер чувствовал, что, если разозлится еще немного, найдет в себе другую тьму, правильную. И на что-то этой тьмы хватит. Например на то, чтобы пробить заслон и дотронуться до Нелл. Как он понял из слов демонолога, это собьет настройки запланированных жертвоприношений. Для начала — уже неплохо.

— Граница слишком прочна, — неожиданно проговорила Нелл. — Круг призыва вычерчен наскоро. Звезда неполная. Вряд ли что-то получится.

— У меня? — уязвленно переспросил Йозеф. — У меня все получится! Ты должна знать, что мне не нужна полная звезда. Всегда

справлялся без этого. И круг идеален, поверь. А граница скоро ослабнет. По моим расчетам, осталось чуть меньше часа.

— Значит, у меня есть час, чтобы тебе помешать, — сказала Нелл с подозрительным спокойствием. — Например, умереть до призыва.

Она сделала глубокий вдох и вдруг словно поперхнулась воздухом. Выгнулась, упираясь в землю затылком, и Оливер с ужасом увидел, как судорожно дергается ее горло, в котором застрял удушающий комок.

Этого оказалось достаточно. Злость и страх потерять ее разожгли в груди пламя, достаточное для того, чтобы Оливер смог разорвать сдерживающие его путы и, не поднимаясь с земли, почти ползком, рвануться к Нелл. Вложив в кулак всю оставшуюся силу, он пробил разделяющий их заслон, вцепился в ее плечо, тряхнул с силой... И оглох от собственного крика: только что пробитая стена восстановилась, отрезая от него и Нелл и руку. Казалось, он еще чувствует под пальцами влажную ткань, а из обрубка уже хлестала кровь. От боли потемнело в глазах, но он смог увидеть, как преграда между ним и Нелл все-таки рухнула. Отчего-то заметался по маленькой полянке Йозеф. Нелл ожила. Вскочила с земли. Смотала с шеи шарф и кинулась перевязывать...

— Галстук, — прошептал Оливер. Толстый шерстяной шарф не годится в качестве жгута.

Нелл поняла и уже через несколько секунд туго перетянула его плечо. При этом глотала слезы и обзывала дураком, которому спокойно не лежалось.

— Я испугался, что ты...

— Дурак! — повторила она. — Если бы я и правда собралась умирать, я бы с тобой попрощалась. Подняться сможешь? Времени мало.

— А как?..

— Сейчас ему не до нас. Ты залил кровью ритуальный круг, спутал все...

Это утешало. Значит, не зря.

А рука... Руку нужно было подобрать. Может, еще послужит.

Нелл подумала о том же. Обмотала отсеченную конечность окровавленным шарфом и сунула себе за пазуху.

Йозеф, казалось, забыл о них. Он по-прежнему суетился вокруг, бормоча то ли ругательства, то ли заклинания, но попытаться сбежать от него в прямом смысле, через парк — было бы несусветной глупостью. То, что демонолог оставил их без внимания, лишний раз подтверждало, насколько он уверен в себе. Но тьма вокруг него уже не была такой плотной, и магия мира пробивалась сквозь нее.

— Портал, — тихо сказал Оливер. — Я пробую, если поддержишь. Вместе, как у Хеймрика.

Взгляд Нелл был полон сомнений, но она согласно кивнула. Взяла его за целевщую руку, и Оливер вздрогнул всем телом, когда от нее к нему потекла быстрым ручейком сила. Знакомая. Горячая. Много. Намного больше, чем он ожидал. Нелл отдавала собственный резерв, и нельзя было допустить, чтобы столь ценный дар пропал впустую. И допустить, чтобы Нелл пропала, тоже нельзя. Поэтому, когда Йозеф обернулся, что-то почувствовав, и к открывающемуся проходу потянулись щупальца тьмы, Оливер втокнул Нелл в портал и успел закрыть его до того, как чужое заклинание искривило бы заданный путь.

— Выплата процентов отменяется.

ГЛАВА 43

— Демоны! — Эдвард Грин посмотрел на отрубленную руку, на жену, которой по злой иронии судьбы именно сегодня и сейчас вздумалось его навестить, и перевел взгляд на лежащую без чувств женщину, парой минут ранее выпавшую на него из портала.

В тот же миг та шевельнулась и открыла глаза.

— Демоны, — прошептала сипло. — Демоны... — Вскочила рывком, и испуганный взгляд заметался по комнате. — Оливер! Где Оливер?! Он?..

Грин покачал головой.

— Нет... — Она с отчаянием вцепилась себе в волосы. — Нет, он же... Он...

— Что с Оливером? — не выдержала Элизабет и схватила Нелл за плечи. — Где он?

— Бет, не нужно...

— Что не нужно? — разозлилась она. — Не нужно знать, что случилось? И почему... Почему она назвала Оливера Оливером?

Нелл открыла рот, но сказать ничего не смогла. Силы снова ее оставили, и, не вцепись Элизабет в ее пальто, она упала бы на пол. А так Гринам сообща удалось удержать ее и усадить на кушетку.

— Эд, дай ей что-нибудь, — попросила Элизабет, растерянно поглаживая несчастную по плечу. — Успокоительное или... Элеонор, послушайте... Вы же Элеонор?

— Хелена, — поправил Эдвард, решив, что в сложившихся обстоятельствах уже не до секретов. — Хелена Вандер-Рут. А если точнее — Райхон. Они с Оливером недавно поженились.

Какое лицо стало у Элизабет при этом известии, он не видел: отвернулся, чтобы положить на стол отрубленную руку и налить в стакан воды. Выпил сам. Налил еще и подал стакан Нелл. Элизабет к тому времени справилась со всеми чувствами, кроме волнения.

— Стазис, — напомнил ей Эдвард. — Я позвоню инспектору.

— Свяжитесь с лордом Аштоном, — неожиданно произнесла Нелл.

— Да, я скажу Крейгу...

— Сейчас же. — В слабом голосе прорезались требовательные нотки. — Это важно.

Когда Грин вышел в кабинет к телефону, она поднялась и, придерживаясь за стены, пошла следом. Спорить с этим или предложить

помощь он не отважился.

Прямой столичный номер лорда Арчибальда не отвечал. По тишине в трубке можно было подумать, что вызов не пришел даже на коммутатор.

— Попробую через телефонистку, — сказал Эдвард.

— Нет, позвоните на местную порталную станцию. Спросите, все ли у них в порядке.

Не понимая смысла просьбы, Грин все же выполнил ее.

— У них какие-то проблемы с артефактами переноса, — поговорив с порталщиком, отчитался он с недоумением. — Все каналы заблокированы.

Нелл закусила губу.

— Плохо, — проговорила после паузы. — Если внутренняя порталная сеть работает, совсем плохо.

— Сеть работает, — сказала из-за ее спины Элизабет. — Я пришла по ней недавно. Но почему — плохо? И что с Оливером?

— Надеюсь, жив, — тяжело сглотнув, отозвалась Нелл. — Но проблемы не только у него. Мы все в ловушке. Сообщите Крейгу. Пусть собирает всех в доме Оливера. Всех практикующих демонологов — обязательно. И пусть поторопится, у нас меньше часа.

Она собиралась еще что-то добавить, но пошатнулась и осела на пол. В ее состоянии каждое движение или даже слово грозило обернуться новым обмороком, и надо было что-то предпринять. Ведь она — единственная, кому известно, что случилось, и, возможно, единственная, кто знает, что теперь делать. Но стандартное восстановление займет время, а эффект от амулетной подпитки слишком недолог.

— Я могу, — сказала Элизабет, угадав мысли мужа. — Подстрахуешь?

Иногда у Бет получалось заряжать не только артефакты. Метод не самый приятный для пациента, зато действенный.

— Подстрахую, — кивнул Эдвард.

Нелл показалось, что в нее ударила тысяча молний разом. По телу прошел спазм. Позвоночник выгнуло в дугу, руки, ноги, пальцы — словно каждый сустав и мышцу растянули на персональной дыбе. Сердце вздрогнуло оттого, что под ним взорвался вулкан, и горящая лава растеклась по венам.

— Сейчас станет легче... Сейчас, потерпите...

Во рту, в первые секунды наполнившимся тягучей слюной, пересохло. Глаза пекло, точно в них сыпанули жгучего перца, но слез не было. Каждый вздох лишь раздувал бушующее внутри пламя, но не дышать было невозможно.

Нелл дернулась, вырываясь из прижимавших ее к полу рук, вскинула вверх ладони, и огонь, горевший внутри ее, пробился наружу. Тогда действительно стало легче.

Почувствовав, что ее уже не держат, она сначала села на полу, а затем поднялась на ноги. Голова кружилась, но теперь не от слабости, а от переполнявшей ее силы. Руки перестали трястись, а на глаза навернулись слезы. Много слез. Нелл вытерла их рукавом.

— Я вызвал Крейга, — сказал, положив трубку, доктор Грин. — К Оливеру, как вы и просили. Но, может, вы все же объясните...

— Да. Потом.

Когда все соберутся, чтобы не повторять несколько раз.

— Спасибо, — поблагодарила она жену доктора. — Оливер говорил, что вы умеете брать чистую энергию в подпространстве. Полезная способность. Особенно сейчас. У нас получится зарядить еще несколько накопителей?

— Думаю, да. — Элизабет Грин неуверенно покосилась на мужа. — Но что...

— Нужно спешить.

Спрашивать Гринов, согласны ли они помочь ей спасти Оливера и академию или у них есть более важные дела, Нелл не стала. Схватила обоих — доктора за рукав, а его жену за край шарфа — и перетащила в гостиную Оливера. После энергетической подпитки получилось открыть портал не напрягаясь и даже не задумываясь.

— Ждите, — приказала опешившим целителям. — Мне нужно проверить кое-что.

Вернее, кое-кого.

Она быстро прошла по коридору и открыла дверь в комнату, где недавно «умирал» лже-Вилберт. Увидела забившегося в угол эльфа и с облегчением выдохнула.

— Хейлин! — узнал он ее и предостерегающе замахал руками. — Не входи. Темный портал.

— Знаю. — Она бегло осмотрела комнату. — Не войду. Но ты можешь выйти. Бездна тебя не коснется, обещаю.

Портал не затягивал всех подряд. Он реагировал на нее. То ли потому что она одной крови с тем, кто создал проход, то ли его специально так настроили. На Оливера — однозначно настроили. Не портал — ловушка, которую Йозеф использовал, чтобы заполучить дополнительную жертву.

Илдредвилль, медленно продвигаясь вдоль стен, дошел до выхода.

— Ты ранен? — спросила Нелл, заметив, что эльф подволакивает ногу.

— Ничего непоправимого. У кого-то дела хуже, да?

Она промолчала. Илдред можно было лишь отпустить восвояси. Он уже пытался помочь, хотя шансов практически не было. Эльфы бессильны против демонов. Они — светлые и слишком привязаны к природной силе мира, чтобы противостоять бездне. Было бы больше толку, если бы он сразу все объяснил, а не кидался на Йозефа с ножом. Но длинноухих не переделать, а уже случившегося не изменить.

Целители тревожно перешептывались в гостиной. На вышедшего к ним Илдредвилля посмотрели с настороженным интересом. Зато эльф заметно обрадовался встрече. Причем доктор, которого он хотел увидеть еще по приходе, теперь занимал его меньше, чем миссис Грин: Илдред глаз с нее не сводил.

— Началось, — мрачно прокомментировала это Элизабет.

Не интересуясь, что именно началось, Нелл пошла в их с Оливером спальню и нашла амулеты Оуэна, которые разрядила, нанимаясь к охотникам. Вернувшись в гостиную, отдала целительнице.

— Их нужно зарядить.

После направилась на кухню и достала из шкафов все имевшиеся там ножи. Когда она по одному рассовывала их по карманам и втыкала в подкладку пальто, из комнат послышались новые голоса: явился Крейг с подкреплением. Подумала, что нужно и у инспектора попросить амулеты, у него их немало.

Но сначала — все объяснить. И не разрыдаться.

— Хорошо, что вы пришли. У нас не больше сорока минут. Если не справимся, академия рухнет в разлом, и мы все, естественно, погибнем.

Произнеся все это на одном дыхании, Нелл оглядела заполнивших гостиную людей. Что ж, по крайней мере, внимание она привлекла.

— Кто тут демонолог? — спросила первая, пока не посыпались вопросы.

От толпы отделился сгорбленный старичок с козлиной бородкой.

— Я. Декан факультета практической...

— Рада за вас, — прервала Нелл растянувшееся представление. — Знаете, что такое око призыва? Мы внутри его.

— Но... э-э-э... с чего вы...

— Внешняя телефонная связь не работает. Ведущие за пределы академии порталы заблокированы. Можете попытаться дойти до границы и проверить лично, но времени нет. Предлагаю поверить моему опыту.

— А он у вас есть? — усомнился демонолог. — Кто вы вообще такая?

— Хелена Вандер-Рут. И я только что из центра ритуального круга.

Старичок открыл рот, едва услышал ее имя, и дальше только растерянно моргал.

— Давай по существу, — приказал Крейг. — Кто? Как? Зачем?

— Вилберт. — Нелл покачала головой, заметив, что Грин собирается что-то сказать. — Он не умирает. Он так живет. Нападение фобосов разыграл сам, а энергетические каналы у него в таком состоянии, потому что тянутся в бездну. Следствие давнего договора. Это безумно прозвучит, но на самом деле он — Вандер-Рут. Йозеф Вандер-Рут. Мой предок. Не покойный, к сожалению.

Воцарившаяся в гостиной тишина ударила по нервам. Глядя на лица окружающих ее людей, Нелл поняла, что они ей не верят. И, пока не поверят, о помощи просить бесполезно. Придется объяснять в подробностях, доказывать, что все, о чем она говорит, возможно... Терять драгоценное время...

— Ему лет пятьсот, да? — неожиданно спросила Элизабет Грин. — Тогда все сходится.

Нелл буквально физически ощутила, как тяжелые взгляды отлипли от нее, переместившись на целительницу. Та посмотрела на мужа и виновато пожала плечами.

— Я провела кое-какие анализы. Прости, оставила материалы мисс... Хелены. И у Вилберта взяла образцы. Показалось, в их проблемах есть что-то общее, но совпадения выявились еще и при сравнении наследственных данных. А когда я хотела прикинуть степень их родства, возрастной тест Вилберта выдал такой нереальный результат, что я не стала тебе говорить. Думала, что ошиблась... Но ведь я обычно не ошибаюсь. Значит, он и правда Вандер-Рут.

Грин и Крейг переглянулись.

— Я свои тесты не закончил, — сказал доктор. — Наверное, Бет начала раньше. Но она действительно никогда не ошибается.

Крейг две секунды обдумывал это «никогда», после чего кивнул Нелл:

— Рассказывай.

Больше ее не перебивали, так что рассказ получился обстоятельным, но не длинным.

— Оливер жив, я думаю, — сказала Нелл, подводя итог. — Йозефу нужна жертва, чтобы открыть границу. Боюсь, то, что я сбежала, его не остановит. Скорее наоборот.

— Угу, — согласился Крейг. — Будет без разбору крушить. Обычное дело. — Он оглядел пришедших с ним людей и повторил громче и уверенней: — Обычное дело: двинувшийся маг, запретный ритуал. В

первый раз, что ли? Разберемся. Только пусть нам господа демонологи скажут, что делать. Потому как я из всего услышанного понял, что ни в каком мы не в оке, а в самой что ни на есть заднице.

Демонологи переглянулись. Что бы ни говорил инспектор, с подобным они столкнулись впервые. Им требовалось время, чтобы осознать услышанное, успокоиться, проанализировать ситуацию, вспомнить теорию и составить план, который сработал бы на практике...

Но времени не было.

Единственное, на чем сошлись сразу: объявлять тревогу и пытаться эвакуировать людей бессмысленно. Обрыв связей с внешним миром — верный признак того, что круг призыва замкнут на вызывающем. Гигантский круг, внешний контур которого проведен по периметру академии. Как и в любом призыве, он нерушим, ведь служит гарантией того, что демоны не вырвутся наружу. А внутренний контур Йозеф планировал разорвать сам, чтобы спровоцировать разлом...

— Нужно перекрыть призыв, — предложила Нелл. — Построить свой круг поверх круга Йозефа.

— Скажи еще, и демонов своих призвать! — Крейг разве что пальцем у виска не покрутил.

Зато демонологи, поняв, что она имеет в виду, оживились. Правда, ненадолго.

— Мы не успеем произвести нужные расчеты, — затряс бородой декан. — Мало у кого есть должные навыки, а те, у кого есть... — Он выразительно посмотрел на Крейга.

— Где Россы? — спохватилась Нелл, только сейчас осознав, что не видит ни Алана, ни Сью. — Я же просила всех демонологов!

— Дык они же... — Не договорив, инспектор махнул одному из своих подчиненных: — Россов доставить. Быстро! — Отдав приказ, с сомнением поглядел на Нелл: — Думаешь, помогут? Захотят ли теперь?

— А какой у них выбор? Мы в одной лодке. Причем в дырявой.

Чтобы не тратить впустую драгоценные минуты, Нелл напомнила инспектору об амулетах. Йозеф использовал силу бездны и блокировал доступ к силе мира, поэтому артефакты-накопители — единственный способ задействовать против него магию. Камни из запасов Оуэна Элизабет Грин уже зарядила, и Нелл сразу разложила их по карманам. Потом позвала демонологов в кабинет, сняла со стены план академии и разложила на столе.

— Инспектор, узнайте у своих людей, где Вилберт гулял чаще всего. За ним ведь наблюдали? Нужно направить туда кого-нибудь, чтобы нащупали

границу внутреннего круга.

Она неуютно чувствовала себя в роли командующего, но никто другой своей кандидатуры не предложил. Словно не верили еще до конца в серьезность грозящей им всем опасности или боялись брать на себя ответственность. Нелл уже не боялась.

— Считаете, я виновата в случившемся? — прямо спросила она у Крейга.

— Считаю, — признал тот. — Ты, Оливер, я, Эд, потому что тесты свои не закончил. Элизабет, потому что о своих не сказала. С виноватыми у нас проблем нет. У нас с другим проблемы. Вот и давай их решать.

У них в запасе оставалось не больше двадцати минут, когда наконец появились Россы. Судя по хмурым, недоуменно-настороженным лицам, причину приглашения в дом ректора им не объяснили. И браслетов, блокирующих дар, не сняли. Крейг заметил это и, прежде чем новоприбывшие успели о чем-то спросить, избавил их от этих украшений. Кивнул Нелл: мол, говори теперь.

Она обернулась снова на часы и без вступлений вывалила последние новости. Рассказала, что Вилберт — не Вилберт, что академия вот-вот рухнет в разлом, что Оливер неизвестно где, а его рука — в лечебнице... В конце рассказа, наверное, нужно было извиниться и за вчерашний визит, и за все прошлые подозрения, но для этого сейчас не нашлось слов.

Алан подошел к столу, вокруг которого разместились его коллеги, и посмотрел на карту и робкие наброски схем. Кивнул, быстро записал что-то на чистом листе и сунул его Крейгу.

— Тут то, что может понадобиться.

— И приведите наших детей, — дрогнувшим голосом сказала Сюзанна.

— Зачем? — подозрительно поинтересовался инспектор, видимо вспомнив о дневниках Ирвина.

— Затем, что, если ничего не получится, в последние минуты жизни я хочу видеть их, а не вашу физиономию, от которой меня уже трясет! — выпалила Сью.

У других демонологов, наверное, тоже были дети, однако никто не отважился повторить дерзкую просьбу миссис Росс. Но, вспомнив о семьях, за работу взялись с удвоенным усердием.

— Специалистов кафедры не хватит, — сказал Алан, пошептавшись с деканом. — Нужно собрать старшекурсников. Объявим внеплановой практикой, чтобы не поднимать панику.

— И начертальщиков мало, — добавила Сюзанна. — Можно

попросить некромантов, они знакомы с основными принципами. Если строить свой круг... Мы же строим круг? Потребуется одновременное нанесение знаков основы в нескольких точках...

И снова Алан:

— Когда определяют расположение внутреннего контура, надо выставить дополнительные барьеры. Как только граница истончится, независимо от того, успеет Вилберт начать призыв или нет, к нам будут прорываться темные сущности. Не демоны, но, учитывая мощностъ его круга, и пограничные сущности опасны.

Нелл отругала себя за то, что сама не подумала о таком.

— Мы не сможем поставить барьеры до того, как выстроим свой круг, — сказала она неуверенно.

— Сможем, — не согласился декан демонологов. — Хоть и не сразу. А на начальном этапе используем народные средства. Перец, соль, чеснок...

Он был нрав. Простейшие способы защиты, известные каждому крестьянину, работали. Резкие запахи и соль отпугивали пришельцев из бездны, хоть те тоже не розами пахли.

— Специй нужно много, — уточнил старичок, подергав себя за бороду. — Отходы тоже годятся, лучше гниющие.

— Нет у нас таких, — поморщился Крейг. — Но соли с резким запахом найдем. Рысь!

Оборотень появился словно из-под земли.

— Дуй к пожарным, бери автомобиль с бочкой и гони к своему приятелю Тироллу. Пусть сдает всю вончатку, что успел наварить. Она и в разведенном виде хороша будет. Льете в бочку и едете, куда скажут.

Завертелось.

Демонологи чертили и обсуждали схемы. Наносили на план первые рисунки.

Разбежались подручные Крейга, кто к некромантам, кто — за студентами-демонологами, кто — к алхимикам, за известью и марганцем для наведения знаков и за неведомой вончаткой для защиты.

На несколько секунд рабочую суету нарушил детский плач, но Сью отобрала сына у доставившего его полицейского, успокоила, усадила в кресло, сплела какую-то магическую погремушку, вручила дочери бумагу и карандаши и вернулась к столу. Если за годы она не утратила прежних навыков, вряд ли кто-то еще способен с такой точностью провести расчеты и выполнить начертательную часть.

Только столичный следователь и менталист остались не у дел, но хотя бы не мешали. Лишь дергали иногда телефон в пустой надежде связаться с

далеким начальством.

Нелл посмотрела на часы и зажмурилась, но слезы пробились сквозь опущенные веки, и несколько капель покатились по щекам. Она стерла их, пока никто не заметил, и глубоко вдохнула. Открыла глаза и отшатнулась, увидев подошедшего к ней вплотную Алана.

— В том, чем мы занимаемся, нет смысла, если не совместить оба круга, — сказал он негромко.

— Знаю. Совместим.

— Как?

— Скажу позже.

Алан ответом не удовлетворился и продолжал сверлить Нелл испытующим взглядом.

— Совместим, — повторила она. — У меня есть план. Понимаю, что у тебя нет оснований мне верить, но...

— Я тебе верю, — перебил он. — И верю, что у тебя получится.

— Спасибо, — беззвучно прошептала она уже ему в спину.

— Мы с Бет можем быть еще чем-нибудь полезны? — спросил подошедший к ней после Алана доктор Грин.

— Пока нет. Когда вернусь... То есть когда закончим, тогда...

— Леди Хелена. — Целитель крепко, почти грубо сжал ее руку. — Меня, как и всех здесь, тревожит судьба академии. Да и пожить еще хотелось бы. Но помимо всего этого Оливер Райхон — мой друг. Поэтому, если я что-то могу для него сделать, скажите.

Нелл тряхнула головой. Помощь ей не помешала бы, но она сама не представляла, какой должна быть эта помощь.

— Нужно что-то смыслить в демонологии? — спросил Грин так, словно она поделилась своими сомнениями вслух.

— Нет, скорее... потребуется творческий подход...

И запас авантюризма, как у Оливера. И вера в удачу, как у Алана. И веские причины выжить, как у Сюзанны.

— Я неплохо рисую, — серьезно сказал доктор.

Нелл внимательно посмотрела на него, обдумала еще раз свой глупый план и вздохнула:

— Попозже я закажу вам свой портрет.

Часы отсчитывали последние минуты приготовлений.

Наблюдая суету вокруг, Элизабет думала, что могла бы сейчас сидеть дома. Играла бы с Грэмом и понятия не имела о том, что происходит. Не нервничала бы, не изгрызла до крови губы.

Но кто, кроме нее, сумел бы так быстро поставить Хелену на ноги и зарядить амулеты?

Хелена. Элизабет несколько раз повторила мысленно это имя. Хелена Вандер-Рут. Хелена Райхон. Элизабет еще припомнит им эти секреты! И Эду, и Оливеру, и Крейгу. И отцу, который, как она поняла из разговоров, был в курсе. И Норвуду Эрролу. И Шанне, явно неслучайно появившейся недавно в академии.

Пусть только все закончится хорошо и никто больше не пострадает.

— Расскажи мне о единороге, — попросил прилипчивый эльф — еще один источник раздражения для миссис Грин.

— Происходящее вас не тревожит? — сердито спросила Элизабет.

— Нет, — невозмутимо отозвался длинноухий. — Зачем тревожиться из-за того, на что я не могу повлиять?

— Мы можем погибнуть. Все.

— Это будет печально, — с той же отстраненностью признал эльф.

Элизабет прикусила язык, чтобы не наговорить лишнего представителю дружественного, но слишком далекого от людей народа. От дальнейших приставаний эльфа ее спас вернувшийся от Крейга Эдвард.

— Наша помощь тут больше не нужна, — сказал он. — Но я останусь на случай, если Оливера доставят сразу сюда. А ты иди в лечебницу. Скажи, пусть готовят операционную. И сама будь готова.

— Я? — растерялась Элизабет. Последние слова мужа взволновали ее едва ли не больше, чем все события текущего дня.

— Ты, — подтвердил Эдвард. — Речь об экстренной реплантации. Мне понадобится заключение патологоанатома о состоянии тканей, и быстро. Поэтому готовь лабораторию и не вздумай рассказывать о своей недостаточной квалификации. Не желаю больше слышать эту чушь. Ясно?

С мужем она бы еще поспорила. Но сейчас перед Элизабет стоял не муж, а главный целитель академии, и его приказы не обсуждались.

Она кивнула и помчалась к порталу, чтобы, миновав его, влететь в лечебницу, бросить вещи в кабинете Эдварда, заглянуть к леди Пенелопе, с самым честным лицом заверить ее, что все хорошо, и попросить присмотреть еще немного за Грэмом, обнять сына, возмущенно кряхтящего, потому что его оторвали от книжки с картинками, поцеловать вихрастую макушку, подумать опять, насколько она плохая мать, разжать через силу объятия и бежать в хирургический блок, а затем — в свой подвал.

Что происходило в это время в доме ректора, Элизабет, конечно, не видела.

А там инспектор, несколько минут безуспешно разыскивавший леди Райхон, которая «ведь только что тут стояла!», хмуро глядел на лист бумаги со схемой и краткой инструкцией, который означенная леди незадолго до своего исчезновения вложила в руку Алана Росса.

Схема, говоря языком Крейга, была мудреная, а от инструкций хотелось ругаться последними словами, но инспектор решил, что и потом успеется, когда будет на кого, собственно, ругаться.

— Чего замерли? — прикрикнул он на растерявшихся демонологов. — Ладно, я ничего не соображаю, но вы-то знаете, что делать? Вот и делайте!

ГЛАВА 44

Совместить основы двух кругов призыва можно и снаружи, но вероятность ошибки возрастет в несколько раз. Надежнее делать это, находясь в центре исходного круга. А управлять ритуалом можно только оттуда. Алан знал это, спрашивая, как она намерена провести совмещение, и ответ наверняка понял правильно. Что делать со схемой — тем более поймет. Она простая.

Самое сложное Нелл оставила себе. Не потому, что рвалась геройствовать или считала себя самой способной. О каких способностях говорить, если она больше десяти лет и вспоминать не хотела о демонологии? Нет, наверняка кто-то бы нашелся, кто провел бы совмещение лучше. Но не было никого, кому она доверила бы жизнь Оливера.

Оставленная Йозефом ловушка-портал стала для Нелл лазейкой. Нужно было лишь сместить точку выхода, чтобы не быть выброшенной, как в первый раз, сразу на жертвенник. Создававшая портал энергия бездны подчинялась плохо, но подчинялась. Ведь она — демонолог. И Вандер-Рут. И теорию пространственных перемещений изучала под руководством самого Оливера Райхона. Сумма этих факторов не могла не привести к успеху. А то, что портал открылся в зарослях колючего кустарника в достаточном отдалении от полянки, облюбованной предком для жертвоприношения, несомненно, было успехом.

— В трех ярдах впереди начинается первая линия призыва, — прошептала Нелл, выбравшись из колючек. — Если за нее не заступать, Йозеф, скорее всего, не почувствует. А тут будет моя...

Она вытащила первый из заткнутых под подкладку пальто ножей и по рукоять загнала его в землю.

— Ждите. Когда закончу, подам знак.

Губы едва шевелились, но она знала, что ее слышат.

Подобрав юбки и низко пригнувшись, Нелл прошла десяток шагов и воткнула в землю следующий нож. Дома, не зная, где именно Йозеф разложил жертвенник и какую площадь тот занимает, трудно было рассчитать расстояние между точками наложения. Сейчас приходилось вносить корректировки на глаз, и Нелл опасалась за их точность. А стоило лишь подумать, что у Оливера, безошибочно снимавшего с нее мерки взглядом, это получилось бы лучше, как пришлось останавливаться, чтобы

выровнять дыхание и вытереть вновь набежавшие на глаза слезы. Граница уже тонка — Нелл чувствовала, — но слова призыва пока не сказаны, а значит, жертва не принесена. О том, что за прошедшее время Оливер мог умереть от кровопотери, она велела себе не думать. Ведь если предположить хотя бы на миг, что его уже нет, ей некого станет спасать. Не академию же в самом деле? Без Оливера весь мир мог катиться в бездну...

Нелл закусил губу, поправила на груди кулон Оуэна и, переместившись еще на несколько ярдов, достала новый нож. Вонзила в землю, и та вздрогнула, на руку Нелл брызнула горячая кровь. Испуганный вскрик удалось задавить в груди до того, как он вырвался. Успокоить сорвавшееся на бешеный стук сердце было сложнее, но Нелл и с этим справилась. Окунула ладонь в снег, убеждаясь, что никакой крови на ней нет и быть не может. Всего лишь морок. Пока еще морок. Алан верно предположил: такой огромный, наполненный потусторонней тьмой круг не мог не высвободить пограничные сущности, по сравнению с некоторыми из них фобосы покажутся безобидными щенками. Нелл понадеялась, что зловонная смесь Тэйта их отпугнет, а демонологи успеют выставить защиту. Сама она могла рассчитывать лишь на амулеты и энергетические накопители Крейга. Собственные силы в непосредственной близости от жертвенника угасали, и это вкупе с мыслями об Оливере заставляло спешить.

Но спешить нужно было осторожно.

Еще несколько ярдов. Еще один нож.

Большая размытая тень всполошенной птицей метнулась вверх из-под ног, дыхла холодом бездны и растаяла с душераздирающим стоном, когда Нелл ударила по ней чистым огнем.

Отдышаться. Снова пригнуться, отсчитать шаги, достать нож.

И снова.

И снова.

Оставалось совсем немного, когда небо над парком вдруг потемнело и стало ниже, словно кто-то набросил на кроны деревьев покрывало из плотного серого тумана. По земле растянулись зловещие тени. Снег казался пеплом. Стоны и шорохи слышались теперь отовсюду, но Нелл упрямо заставляла себя не обращать на них внимания. Это еще не конец, это — начало. И от нее зависит, станет ли это началом конца или нет.

Еще один нож вонзился в землю, замыкая новый контур.

Нелл опустилась рядом с ним на колени. Закрывает глаза, чтобы не отвлекало мельтешение созданий тьмы. Вреда они ей не причинят, амулеты справлялись с защитой, и, пока они не выдохлись, нужно было успеть

закончить рисунок.

И подать сигнал.

Сколько раз он терял сознание? Сколько раз его приводили в себя, чтобы через несколько минут он снова лишился чувств?

Оливер сбился со счета.

Видимо, Йозеф решил отыграться на нем за побег Нелл. На нем и на академии: от планов спровоцировать разлом демонолог не отказался. Но и Оливер не отказывался от своих. Нужно лишь подождать, выбрать удобный момент и нанести удар. Один, ведь на несколько попыток сил не хватит.

— Куда же подевалось ваше красноречие, милорд Райхон? — с издевкой протянул Вандер-Рут, в очередной раз вырвав Оливера из беспамятства. — Неужели ничего больше не хотите сказать?

— Хочу... Только встань с другой стороны... с подветренной... Не выношу трупный запах...

И все заново — боль, падение в пустоту и возвращение.

Знал бы Оливер демонологию, возможно, не пришлось бы мучиться.

Знал бы Йозеф темные материи — тоже не пришлось бы. Ведь тогда Вандер-Рут понимал бы, почему нельзя пытаться мастера проклятий. Недаром ведь говорят, что один раненый малефик опаснее десятерых здоровых боевиков. Просто обычно это понимают как то, что мастера темных материй намного сильнее боевых магов, и мало кому известно, что ключевое слово в этой фразе — «раненый». Боль, как и злость, помогала разбудить в себе силу, способную пробиться даже сквозь демоническую тьму.

Еще немного, и порядок вещей будет восстановлен: Йозеф Вандер-Рут, считающийся давно почившим, будет мертв. Оливер Райхон, скорее всего, тоже. Поговорка умалчивала о том, что для победы над десятью здоровыми боевиками раненый малефик должен спалить себя дотла, но для Оливера это секретом не было.

Но обидно. Как же обидно...

Когда Йозеф отступил от него и посмотрел куда-то в сторону, Оливер приготовился. Пора? Однако на начало призыва это похоже не было. Демонолог прислушивался к чему-то, а затем вдруг усмехнулся.

— Нам обоим повезло, Райхон, — прошептал он. — Вам — убедиться напоследок в преданности своей избранницы. Мне — получить ее жизнь.

Демонолог выбросил в сторону руку. Сорвавшаяся с его ладони тьма свилась в петлю, просочилась между деревьями, и Оливер услышал крик, от которого внутри у него все оборвалось. Йозеф дернул на себя

призрачный аркан, и тот вернулся с уловом.

— Нелл. — Оливер едва не задохнулся от отчаяния.

Ну зачем? Зачем?!

Она упала на красный от его крови снег, перекатилась на спину и затихла.

— С возвращением, девочка, — довольно улыбнулся Вандер-Рут. — Ты чуть не опоздала.

Он хотел приблизиться к ней, но будто наткнулся на что-то и остановился.

— Обзавелась защитным амулетом? — спросил с ухмылкой. — Думаешь, мне это помешает? А может, ты и помощников привела? Поздно, Нелл. Не знаю, на что ты надеялась, но для тебя уже слишком поздно. А для меня — самое время.

«И для меня», — подумал Оливер.

Если сделать все правильно, Нелл выберется. Но понимание того, что он этого уже не узнает, заставляло медлить. И желание увидеть в последний раз солнце в ее глазах. Но Нелл неотрывно смотрела на Йозефа. Лишь когда демонолог отвернулся, она взглянула на Оливера, но не в лицо, а на обрубок руки и странно поморщилась. Знакомо, но... очень странно. После все-таки посмотрела ему в глаза и шепнула беззвучно: «Жди».

«Чего?» — хотел спросить он, но не успел.

Если за несколько минут до появления Нелл день внезапно превратился в вечер, то теперь на парк в одно мгновение упала, придавив своей тяжестью, ночь.

«Поздно», — эхом отдались в мозгу слова Йозефа.

Оливер дернулся. Попытался приподняться, но вязкая тьма продолжала прижимать его к земле. К жертвеннику. С опозданием вспомнилось, что он почти ничего не знает о том, как приносятся жертвы во время призыва. Йозеф, когда еще был Вилбертом, говорил, что ритуалы демонологов не требуют кровопролития. Может, взывающему и делать ничего не нужно, и сейчас все просто оборвется, а Оливер даже не поймет, что произошло?

Но Вандер-Рут все же подошел к нему, проступив сквозь тьму бледным пятном. Больничная рубашка напоминала саван, а тени на лице делали Йозефа похожим на мертвеца. Впрочем, он им и был.

Решив, что на Нелл смотреть приятнее, Оливер повернулся к ней. Взгляд на миг зацепился на ее сжатой в кулак руке. Что-то блеснуло между пальцами. Тот самый амулет, что не давал Йозефу к ней приблизиться? Спасет ли он ее?

Она разжала пальцы, и Оливер удивленно моргнул. Не амулет — нож. Маленький нож для бумаг из его кабинета. Видимо, она пронесла его под иллюзией... Но как ей удалось создать здесь иллюзию?

Нелл воткнула нож в землю и быстро накрыла рукавом. Кажется, Йозеф ничего не заметил. Наверняка не заметил, он ведь был занят: готовился принести жертву и открыть путь в бездну. Или из бездны?..

— Папа! — вдруг раздался испуганный тоненький вскрик. — Мне страшно!

Ребенок? Откуда здесь ребенок?

Йозеф растерянно оглядывался, отступив на шаг. Давящая тьма отступила с ним, и Оливер почувствовал, что может приподнять голову.

На другой стороне поляны мелькнуло что-то белое.

— Морок, — пробормотал Вандер-Рут. — Морок, подменьш... Давно они не появлялись...

— Я боюсь, — захныкало названное подменьшем существо.

— Не бойся, — зло прошипел Йозеф. — Сейчас я тебя пожалею.

Большое белое пятно двинулось к маленькому пятнышку и вдруг замерло.

— Тесса? — услышал Оливер неуверенный шепот. Следом — судорожный всхлип. — Тесса, ты... Ты живая. Живая...

— Это будет интересно, — проговорила Нелл с чужими, но до ужаса знакомыми интонациями.

Оливер тряхнул головой. Что-то было не так, но он не понимал что.

— Тесса!

— Папочка!

Большое пятно устремлялось к маленькому, но то словно не замечало его и бросалось в другую сторону. Может, действительно не видело... не видела в темноте? Она — маленькая девочка с растрепанными рыжими волосами и в длинной сорочке — появилась на миг перед Оливером и вновь убежала, продолжая срывающимся на плач голосом звать отца.

— Мне страшно! — прокричала она с отчаянием.

Нелл шумно выдохнула и вдруг, вырвавшись каким-то образом из пут тьмы, откатилась в противоположную от Оливера сторону, а на то место, где она лежала секунду назад, прибежала рыжеволосая малышка и затопталась босыми пятками по залитому кровью Оливера снегу.

— Тесса. — Йозеф выступил из тьмы. — Доченька.

Его лицо — лицо мертвеца — заливали слезы.

— Живая, — шептали дрожащие губы. — Настоящая. Моя.

Девочка не шевелилась. Смотрела, как он медленно, точно боясь

спугнуть, приближается к ней. Не улыбалась. Не тянулась навстречу. Просто смотрела... Ножкой трогая тонкую рукоять загнанного в землю канцелярского ножа...

— Доченька...

Йозеф наклонился к ней, но не успел он заключить малышку в объятия, как та отступила на шаг. Маленькая фигурка в мгновение выросла в два раза. Белая сорочка превратилась в темное оборванное пальто, а волосы, наоборот, побелели. В руке ее появился длинный тонкий кинжал и с силой вонзился в плечо Вандер-Рута.

— Я говорила: ты мне не отец!

Надежнее всего связать два круга, находясь в центре того, что был построен первым. Создать точку наложения непосредственно на жертвеннике и еще несколько вокруг. С жертвенником сложностей не было бы, Нелл знала, что, как только Йозеф ее заметит, она окажется на нем. Но оббежать исчерченную ритуальными символами полянку он ей не позволил бы.

Ей — нет. Но маленькой девочке с портрета, в которой почувствовал бы тепло жизни и кровь Вандер-Рутов...

Рискованный план. Творческий подход.

Если бы не получилось, демонологам академии пришлось бы довольствоваться линией, что она провела вокруг внутреннего контура призыва. Возможно, разлома удалось бы избежать, но Нелл этого уже не узнала бы...

Но ведь получилось? Получилось?

Она смотрела на рукоять кинжала в плече Йозефа, а первый из Вандер-Рутов смотрел на нее. Пылающий ненавистью взгляд обещал нечеловеческие муки.

— Хитро, — выплюнул неупокоенный предок. — И глупо. Думала, меня так легко убить? Ты даже остановить меня не сможешь!

— Не смогу, — согласилась Нелл, роняя на снег раскалившуюся в ее руках медную брошь — один из подарков Крейга. — Но Алан сможет. И Сюзанна. Помните их, наставник?

Земля вздрогнула. Дрожь эту должны были почувствовать далеко за возведенными Йозефом барьерами. Кинжал, что он выдернул из плеча — последняя точка наложения, — не коснувшись земли, оказался вновь в руке Нелл. Тот самый клинок, которым не успел воспользоваться Илдредвилль. Нелл подумала, что использовать эльфийское оружие в качестве ритуального во время призыва демонов будет забавно.

Новый круг замерцал переплетением энергетических линий, подтверждая, что Алан и Сью успели. И другие демонологи справились. И позванные на помощь некроманты не подвели.

— Мне ведь тоже не нужна полная звезда? — спросила Нелл у новой жертвы, прикованной к старому жертвеннику.

В этот раз ее слова не были пустой угрозой. Нужно закончить это. Навсегда. А способ был лишь один — заплатить долги по старому договору, чтобы никто и никогда уже не потребовал по ним процентов.

Она подняла кинжал на уровень глаз и вычертила в воздухе первый знак. Граница дрогнула. Знакомое до слез, до дрожи дыхание бездны заставило сердце сжаться, но Нелл не останавливалась. Закончить. Освободиться. Успокоиться.

Оливер говорил, что ей не будет покоя, если она убьет того, кто хотел убить ее. Но он ошибался. Будет. Только так и будет.

И она не собирается никого убивать.

Это сделает то, что уже стоит у границы. Бесформенное пока. Темное. Страшное. С ледяным дыханием и горящим взглядом тысячи жадных глаз. Оно пришло за тем, кто давным-давно обещал ему свою жизнь...

— Вандер-Рут, — прошептал, глядя на нее, Йозеф. В его голосе почудилась гордость. — Вандер-Рут, — повторил стареющий на глазах демонолог. — Ты — тоже...

В нем оставалось еще немало силы, одолженной бездной, и всю ее он использовал, чтобы ослабить сдерживающие путы, резко протянуть руки, схватить Нелл и втащить ее на жертвенник.

— Ты — Вандер-Рут, — прошипел он ей в ухо, прижимая к себе со злостью и нежностью. — Уйдем вместе...

Все было не зря. Пролитая кровь, вспышки боли и омут беспамятства, со дна которого он доставал драгоценные песчинки силы. Оливер понял это, когда Йозеф, превратившийся в высушенную мумию, вырвался каким-то образом из сдерживавшего его кокона и схватил Нелл.

К тому моменту Оливер уже смог подняться, но боялся сдвинуться с места, чтобы не помешать тому, что делала Нелл. Но оказаться на жертвеннике в ее планы точно не входило.

Обдумывать что-либо не было времени.

Оливер просто бросился к ней, позволяя скопившейся внутри тьме выплеснуться наружу и схлестнуться с той, пришедшей и холодной, что нависла над поляной. Сила-чужачка дрогнула и отступила. Всего на миг, но этого оказалось достаточно, чтобы крепко обнять Нелл за талию и потянуть к себе. Одной рукой. Второй отчаянно не хватало — ударил бы

без всякой магии по сморщившейся физиономии Йозефа, скалившего в злорадной усмешке расшатавшиеся желтые зубы.

— Она — Вандер-Рут, — шамкал демонолог пересохшими губами. — Моя девочка...

— Моя, — глухо прошепстала растущая за его спиной тень.

Лицо опалило холодом другой стороны, слезы напряжения замерзли на ресницах, но Оливер не собирался сдаваться. Еще один рывок. Еще клочок вырванной из себя силы, словно клочок шерсти, из которого вытягивалась и скручивалась тонкая нить будущей петли. Когда погибла Джинни, он готов был проклясть весь мир. Сейчас он собирался проклясть самую бездну. И плевать, что большей глупости нельзя и придумать.

Тень — неужели так и выглядят демоны? — отшатнулась. Испугалась? Ошалела от невиданной наглости? Петля затянулась на шее Йозефа. Вцепившиеся в плечи Нелл пальцы-крючья разжались, и Оливер резко дернул ее на себя, отступая за границу жертвенника. Не удержался на ногах и завалился на спину, увлекая Нелл за собой.

— Она — Вандер-Рут! — взвыл Йозеф, словно этим криком хотел отвлечь от себя демонов.

— Райхон, — прошептал Оливер.

К растрескавшимся кровоточащим губам прилипали белоснежные волосы, и это было до безумия приятно.

Она — Райхон. Сколько можно им всем повторять?

Сквозь полуприкрытые веки он видел, как раскручивается в небе гигантская воронка, похожая на ту, что была в созданной Нелл для Хеймрика иллюзии. Ураган всосал в себя расстелившуюся над парком тьму и размахивающего руками и до сих пор орущего что-то Вандер-Рута, уменьшился до крохотной точки и растаял на фоне светлого еще неба.

— И все? — прошептал Оливер разочарованно.

Нелл громко всхлипнула. Сползла с него, но лишь затем, чтобы, развернувшись, упасть ему на грудь, крепко, почти до удушья обнимая за шею. А у Оливера не осталось сил даже погладить ее по вздрагивающей от рыданий спине...

— Так как вам портрет, леди? — неожиданно послышалось со стороны.

Нелл подняла голову и обернулась на голос.

— Неплохо, — улыбнулась сквозь слезы. — Очень неплохо.

Оливер усмехнулся, глядя на подошедшего и усевшегося на землю рядом Грина. Хоть одно более-менее крупное происшествие в академии обошлось без господина доктора? Хотя о милорде ректоре, наверное,

можно сказать то же самое.

— Хороший грим, — просипел он насмешливо. — Вам идет.

Лицо целителя было в каких-то бурых потеках.

— Кровь. — Нелл продемонстрировала свежий шрам на ладони. — Йозеф должен был почувствовать кровь Вандер-Рутов, а создающий иллюзию артефакт этого не сделал бы. Поэтому решили так.

— Комедианты, — закатил глаза Оливер. — Моя жена и мой лучший друг — комедианты.

На лицо падали мягкие снежинки, и он зажмурился, наслаждаясь прикосновениями холода, в котором не было ничего демонического. Просто снег. Просто мороз. Просто зима...

— Слышали, доктор? — Нелл снова всхлипнула. — Он обозвал нас комедиантами.

— Пусть, — беспечно отозвался Эдвард. — Меня признали лучшим другом, а за это я многое готов простить.

Момент получался настолько душевным, что его просто обязано было что-то испортить.

— О боги!.. — простонал Грин, зажав нос. — Что это?

— Видимо, вончатка Тэйта, — предположила Нелл, закрыв нижнюю половину лица руками.

— Она самая, — подтвердил Оливер.

Его левая рука устало покоилась на животе, правая была вообще невесть где, и ему приходилось вдыхать тошнотворный запах.

— Значит, барьеры рухнули, — сказала Нелл. — Скоро за нами придут.

Оливер представил появляющегося из-за деревьев Крейга, с ходу набрасывающегося на него с расспросами, и закрыл глаза. Если повезет, решат, что он без сознания.

Оливер был в операционной, Грин — тоже, а Нелл в кабинете заведующего отчитывалась перед Крейгом. Нарушенный ритуалом энергетический фон восстанавливался, заработала телефонная связь, вот-вот должны были открыться внешние порталы, и инспектор спешил разузнать все до прибытия в академию гостей из столицы.

И отругать за самоуправство конечно же.

— Почему сразу про портал не сказала?

— Не видела смысла, — пожала плечами Нелл. — Я могла провести по нему не больше двух-трех человек, и точку выхода при такой нагрузке сместить не получилось бы. Попали бы сразу на жертвенник.

— Ясно. Но почему задумку свою нормально не объяснила?

— Я объяснила. Даже схему начертила. Получилось быстрее, чем на словах.

И никто не отговаривал и не лез с советами.

— Эд сам с тобой вызвался? — хмуро спросил Крейг.

— Нет. Я заманила его обманом. Рассчитывала, если ничего не получится, скормить вместо себя демонам.

Инспектор хмыкнул, но тут же принял самый строгий вид.

— Спелась уже, — пробурчал сердито. — Давай сама расскажешь, как было? Так оно скорее выйдет, чем мне по слову из тебя тянуть.

Собравшись с мыслями, так и норовившими улететь если не в сторону операционной, то к кушетке в соседней комнатке, Нелл пересказала все, что случилось после их с Грином ухода через темный портал.

Изначально она планировала проверить все сама. Идея использовать облик малышки Тессы показалась удачной. Но, появившись она одна, Йозеф догадался бы, кто скрывается под личиной его дочери. А с помощью доктора получилось сначала убедить его, что она, Нелл, уже поймана и лежит на жертвеннике.

Рискованный план. Слишком... творческий. Но расчет оказался верным. Нелл закончила линию совмещения, почти вернувшись к тому месту, где их выбросило из портала, подала сигнал ожидавшемуся ее Грину, и тот заступил границу внутреннего контура. Запитанные до отказа артефакты удерживали на нем иллюзию, кровь Нелл активировала выставленные Йозефом ловушки, а над защитным амулетом, не дающим ему разглядеть улов вблизи, Вандер-Рут лишь посмеялся, ведь от демонов тот не уберег бы. В итоге поплатился за такую самоуверенность. Доктор оставил метку для Нелл, а она, выйдя на сцену позже и зайцем бегая по полянке, в том числе затем, чтобы не дать прашуру заглянуть под иллюзию, закончила наложение кругов и перехватила инициативу в ритуале. Заманила Йозефа на именной жертвенник, который Грин, не состоявший даже в отдаленном родстве с Вандер-Рутами, освободил без труда, и провела призыв. Чуть не погибла, но это уже нюансы.

На словах все выходило довольно просто.

— Ох, и нагородили вы огород, — не согласился Крейг. — Но частенько только такие планы и срабатывают. Дуракам, как говорят, везет.

Нелл слишком устала, чтобы обижаться. Дуракам так дуракам. Главное, чтобы и дальше везло.

Операция длилась больше пяти часов, а у Элизабет получалось сердиться на мужа полчаса от силы. Так что к тому времени, как Эдвард

наложил последний шов, она уже несколько раз простила ему и секреты, что он скрывал от нее больше месяца, и сегодняшнее «геройство». Благо о последнем Элизабет узнала, когда Эдвард уже вернулся, а операционная — неподходящее место для выяснения отношений.

Потом они пили крепкий кофе и обсуждали отнюдь не демонические ритуалы, а проведенную реплантацию, и Элизабет счастливо улыбалась похвале. Несколько раз в кабинете доктора Грина звонил телефон, и тогда миссис Грин подходила к аппарату и сообщала интересовавшимся здоровьем милорда Райхона, что приживление прошло успешно, кровообращение в руке полностью восстановлено и прогнозы самые благоприятные.

Оливера устроили в палате, и Элизабет подумывала подняться к нему и, пользуясь случаем, познакомиться получше с его женой, но справедливо рассудила, что Хелене сейчас не до нее. Будет время узнать подробности этой, несомненно, захватывающей истории, а сейчас все ее герои нуждались в отдыхе. Особенно — Эдвард. Когда другие уже расслаблялись, он еще несколько часов, щурясь над микроскопом, сшивал сосуды и сухожилия.

— Завтра будет сложный день, — зевнул он, намекая на толпы проверяющих, от общения с которыми их сегодня избавили.

— Будет, — согласилась Элизабет. Но они с этим справятся. Зато есть шанс повидаться с отцом. — Пойдем домой?

— Угу.

Эдвард засыпал на ходу, и самой ей не терпелось добраться до кровати, но, когда они прошли портал и до дома было уже рукой подать, Элизабет остановилась и с силой вцепилась в пальто мужа.

— Что? — мгновенно проснулся тот.

— Я отвратительная мать, — простонала Элизабет.

— Ерунда. С чего ты... ох...

Обратно к порталу они бросились бегом.

Дежурство леди Пенелопы давно закончилось, но целительница все еще была у себя в кабинете. Читала книгу и пила чай. А что ей еще оставалось?

— Сложная операция? — спросила, посмотрев поверх очков на влетевшую без стука пару.

— Очень, — заверила Элизабет.

— Мне рассказывали. — Леди Пенелопа отложила книгу и покосилась на часы. — Минут сорок назад, когда она закончилась.

— Мы больше не будем, — пискнула Бет.

— Чего больше не будете? Детей заводить?

Миссис Грин покраснела и опустила глаза в пол, а мистер Грин, которому не досталось по той простой причине, что он все-таки был в лечебнице главным, прошел в соседнюю комнатку и присел перед спящим на кушетке сыном.

— Папа! — обрадовался малыш, открыв глаза. — Леди Пенни угостила меня шоколадом!

— Вижу, — улыбнулся Эдвард, подхватив Грэма на руки.

Элизабет тут же достала платок и, посплюнув уголок, стерла со щеки ребенка следы угощения. Лучшей матерью это ее не сделало, но был повод не смотреть в пытливые глаза наставницы.

Через пять минут все семейство Гринов было дома, и Грэм рассказывал бездельничавшим весь день родителям, сколько всего полезного успел сделать. Мистер Грин серьезно хвалил отпрыска, а миссис Грин рассеянно крутила на пальце обручальное кольцо и думала о том, что, возможно, не стоило в свое время игнорировать кружок молодых матерей.

— Бет, ты ничего не хочешь мне сказать? — отвлек ее от этих размышлений муж, когда Грэм убежал в свою комнату.

Она замотала головой.

— Точно? — прищурился Эдвард. — Мне показалось, ты близко к сердцу приняла замечание леди Пенелопы. О будущих детях.

— Не знаю, — пробормотала Элизабет, не глядя на него. — Не уверена.

— И давно ты не уверена?

— Недавно.

— И?

— Что — и? — рассердилась Элизабет.

Потом расплакалась. Потом опять рассердилась. Потому что Эду только бы насмешничать, тогда как все очень серьезно. Конечно, она сама виновата, потому что это наверняка случилось, когда она порталом сорвалась к нему в столицу и не подумала, что такой переход может сбить настройки некоторых заклинаний. И вообще снадобья эффективнее магии. Или артефакты. Но заклинания удобнее, потому что пилюли она забывала бы пить, а артефакт могла потерять. Она же совершенно безалаберная и безответственная. И ужасная мать. Ей и одного ребенка нельзя было заводить, а тут второй. А скоро она еще и растолстеет и превратится в жуткую уродину. И не сможет работать, потому что ее начнет тошнить от запахов, и Эд найдет на ее место другого целителя. А потом совсем разлюбит: кому нужна глупая и уродливая толстуха целых двадцати семи

лет от роду?

— Что-то новенькое, — улыбнулся Эдвард, привлекая ее к себе. — Откуда столько неуверенности?

— Я устала и хочу есть? — предположила Элизабет, размазывая слезы по его рубашке.

— И это тоже. Но мне кажется, ты слишком переживаешь из-за работы с тех пор, как перешла в штат лечебницы.

Так и есть. Пока она была студенткой и во время последипломной практики Элизабет знала, что ее контролируют и в случае ошибки поправят. Теперь же нужно самой принимать решения и нести ответственность за их последствия. Это пугало. А при чем тут дети, она не понимала. Наверное, при том, что ответственный человек должен быть ответственным во всем. Или при том, что нельзя быть плохой целительницей и оставаться хорошей матерью и женой.

— Элизабет Грин, посмотри на меня, — строго велел Эдвард. — И послушай. Ты — отличная целительница. Сегодня ты не раз это доказала. И прекрасная мать. И самая необыкновенная женщина из всех, кого я когда-либо встречал. Если бы я уже тебя не любил, то сегодня точно влюбился бы. Если бы ты уже не была моей женой, в эту минуту я просил бы твоей руки. И если бы ты уже не была беременна, — он понизил голос до шепота, — то этой ночью...

— Уложишь Грэма? — тут же воспользовалась ситуацией Бет.

Когда через полчаса она вышла из ванной, Эдварда в супружеской спальне не обнаружила. Элизабет нашла его в детской. Мистер Грин сладко спал, свернувшись калачиком на полу у кровати сына.

Миссис Грин флегматично пожалала плечами и вышла из комнаты. Вернулась с покрывалом и двумя подушками. Одну подоткнула мужу под голову, на второй устроилась сама. В конце концов, она ведь уже беременна.

Оливер проснулся глубокой ночью и не сразу понял, где находится. Небольшая по сравнению с его спальней комната, приоткрытая в коридор дверь, за которой слышались негромкие голоса... И знакомое ощущение тяжести на плече: Нелл приставила стулья к кровати и уснула рядом.

Он с улыбкой коснулся губами ее лба и осторожно повернул голову в другую сторону. Рука тоже была на месте.

Все и всё там, где им положено быть.

Можно спать дальше.

ЭПИЛОГ

Зимы в Расселе мягкие, бесснежные и короткие. В конце февраля, когда в центральной части Арлона еще лежит снег, тут, на юге королевства, уже пробивается из-под земли молоденькая травка и набухают на деревьях почки, а по-весеннему пригревающее солнце требует избавиться от шарфа и расстегнуть пальто.

Нелл так и сделала. Только меховую шапочку с приколотой к ней вуалью не сняла. Хотелось позволить ласковому ветерку разворошить волосы и остудить лоб, но в Фонси наверняка еще хорошо помнили ее бледную кожу и «змеиные» глаза, и желания сталкиваться с местными у нее не было. Хватило короткого общения сразу по прибытии.

— Мисс! Эй, мисс! — Нелл не знала имени этого человека, но, сколько помнила, он всегда сидел у порталной станции, встречая немногочисленных гостей городка. — Вам проводник не нужен?

— Нет, — бросила она, не останавливаясь.

— Подумайте, мисс. — В прокуренном голосе зазвенела угроза. — Места тут опасные. Одинокой даме без спутника...

Закончить он не успел: расшатанный стул разлетелся, роняя мужчину на землю, а одна из ножек, взлетев в воздух, стукнула навязчивого советчика по лбу. Сам виноват. Следовало догадаться, что дама, путешествующая без спутника, может оказаться опаснее здешних мест. Его дружки, прячущиеся за углом в надежде заработать на выпивку, даже показываться не стали.

Городок за прошедшие годы ничуть не изменился. Все те же пустынные улицы, запах навоза и любопытные взгляды из-за прикрытых ставней. Просто сильнее теперь бросалась в глаза грязь, облупившаяся краска на стенах и покосившиеся вывески.

— Ты был прав, — сказала Нелл Оуэну. — Жизнь тут не для меня. И не для тебя, но...

Но он лежал глубоко под землей, а она сидела у надгробия и водила пальцем по высеченным в камне буквам его имени.

Она не обещала ему приходить. И не приходила. А сегодня, собирая вещи, чтобы отправиться совсем в другое место, вдруг поняла, что ей во что бы то ни стало нужно побывать здесь. Во-первых, сказать спасибо. За все. За то, что не выставил ее тогда из дома, не завез, как грозился, на межу, а оставил у себя, научил доить овец и делать сыр. За прялку, которую

она терзала под его присмотром. За надежды, которые он вынашивал за нее. За сны, в которые приходил, прогоняя кошмары. За то, что даже после своей смерти сумел заставить ее поехать в академию.

— И за амулеты. Крейг сказал, что таких мощных артефактов для создания иллюзий даже у него нет. Хотя за амулеты — это, наверное, Вилме, да? Говорят, она была лучшим артефактором в академии. Инспектор говорит. Он многих помнит из тех, кто там учился. Тебя тоже. Я не особо расспрашивала, но... Мы с ним вроде бы поладили. С Крейгом. А может, он просто понимает, что от меня теперь не избавиться...

Но, наверное, все же поладили. Заключили перемирие, когда пришлось сообща отбиваться от нахлынувших в академию проверяющих. Оливер был еще в лечебнице, а туда стараниями Грина ни один ревизор не мог прорваться, так что основной удар приняли на себя Крейг и Нелл. Ей, впрочем, досталась после и большая часть славы. Ненужной в общем-то, но лорд Арчибальд настоятельно советовал не отказываться. В газетах появилась якобы засекреченная ранее информация о работе Хелены Вандер-Рут на отдел магического контроля, куда ее взяли после того, как она чудом выжила во время ритуала, унесшего жизни троих ее сокурсников. Вот и вышло, что она одиннадцать лет искала организатора того ритуала, а попутно помогала еще в ряде расследований. Например, ректора Хеймрика не без ее помощи удалось изобличить... Нелл не помнила, в чем именно его изобличили, но то, что доживать последние годы милорд Юлиус будет уже не в своем роскошном особняке, знала точно. А запоминать все приписанные ей достижения нужды не было, ибо главной ее победой и газетчики, и светские сплетники единодушно сочли взятие неприступной ранее крепости под названием Оливер Райхон. История внезапно вспыхнувших чувств между ректором Королевской академии и агентессой специального отдела, выполнявшей секретное задание под видом студентки-первокурсницы, на несколько недель захватила развороты популярных изданий. Оливер невесело шутил, что, если и дальше так пойдет, этот сюжет превратится в либретто, к которому останется лишь написать музыку, и никто уже не вспомнит о Федерико и прекрасной Изабо.

Поутихшая шумиха поднялась снова, когда милорд Райхон и мисс Вандер-Рут объявили о скорой свадьбе.

— Поженились позавчера. Опять.

Нелл представила, как ухмыльнулся бы при этих словах Оуэн. И вспомнила, как смеялся Эдвард Грин. Сказал, что в академии повторяющиеся свадьбы скоро превратятся в традицию.

— Зато мама была рада, что присутствовала в этот раз на церемонии. А Эми и Дарла были подружками невесты.

Дарла, наверное, была самой счастливой на свадьбе. Она легче остальных приятелей Нелл по учебе приняла правду и то, что за таковую выдавалось, а когда узнала, что будущая леди Райхон не собирается порывать с их дружбой, от радости визжала так, что на несколько минут заложило уши. Реймонд до сих пор тушевался и норовил перейти на «вы». А Тэйт... Тэйт — это Тэйт. Благодаря вончатке он тоже отхватил свою порцию славы и, пока эта слава окончательно не развеялась, разослал письма потенциальным заказчикам смеси, указав в описании, что та эффективна еще и в защите от потусторонних существей.

— С ними легко, — улыбнулась Нелл. — С Дарлой, Реймондом, Тэйтом. А вот с Аланом и Сью... Наверное, нужно время. Мне не хочется, чтобы они уехали. И Оливеру тоже. Декан демонологов работает последний год, и Олли считает, что, кроме Алана, назначить на его место некого. Да и вообще... Мы ведь могли не справиться без них. Понятно, что каждый спасал в первую очередь себя и своих близких, но мы сделали это вместе. Думаю, все наладится. Оливер обещал Сью помочь с ее старшим сыном. Там тоже хватает сложностей, но... Все будет хорошо, правда?

Однажды обязательно будет.

— А я решила вернуться к демонологии. Не к старым проектам, нет. Использовать энергию призывов — это глупость. Результат не стоит риска. Хочу заняться разработкой защит. Сейчас нет достаточно эффективных способов закрыть или остановить спонтанный прорыв, вот и... Скоро мне должны восстановить ограниченную лицензию, а потом нужно будет сдать экзамены на полную. Бред, конечно. После того как я без подготовки провела наложение, еще какие-то экзамены, но таков порядок. К тому же подробности того дела особо не разглашаются, и о том, что Вилберт был на самом деле великим Йозефом Вандер-Рутом, мало кто знает... Ладно, сдам. А потом... Есть парочка идей. Хотя Оливер предлагает заняться в первую очередь проклятиями. Точнее, одним старым проклятием, из-за которого у Вандер-Рутов не рождалось больше одного ребенка в каждом поколении. Хочет убедиться на практике, что мы его сняли. А я не хочу спешить. У нас ведь целая жизнь впереди. Я только сейчас немного тороплюсь...

В принципе и сейчас можно было обойтись без спешки, но они два месяца ждали возможности вырваться из академии и теперь не желали терять ни дня.

— Самое главное чуть не забыла. Помнишь, ты говорил, что хочешь,

чтобы я была счастлива? Так вот... Но ты же знаешь, да?

В академии запылившейся шапкой лежал на крышах снег, и стекла украшали морозные узоры, а над Локелани светило солнце, и толстая сосулька, которую они с Нелл шутки ради принесли в зачарованной коробке, растаяла меньше чем за минуту. Осталось лишь влажное пятно на песке. Оливер с силой наступил на него, полюбовался отпечатком босой ноги и растянулся на лежаке под навесом. Достал из кармана широких штанов кожаный мячик и несколько раз сжал в пальцах. Эдвард велел не прекращать упражнений, хоть нужды в них уже не чувствовалось. Рука слушалась, как и раньше, пальцы легко справлялись и с пером и с клавишами — рояль, к слову, способствовал восстановлению моторики лучше какого-то мячика, — однако не спорить с доктором уже вошло в привычку.

Покончив с предписанными занятиями, Оливер принялся. Видимо, обед предстояло еще подождать: в воздухе ощущался аромат древесного дыма, но не обещанной жареной рыбы. Желудок возмущенно заурчал.

— Мелика! — позвал Оливер. — Мелика!

Вышедшая из-за террасы толстуха в свободном алом платье и такого же цвета тюрбане сердито уперла руки в бока.

— Ну? Чего раскричался? Мелика! Мелика! Все бросай и к тебе беги, да?

— Я... хм... это... — Милорд Райхон, ректор Королевской академии магии, одним взглядом усмирявший буйных студентов, сам смутился как первокурсник. — Ничего.

— Отвлекаешь только! Шел бы лучше поплавать. Заодно и за женщиной своей присмотрел бы. Как только не боишься ее к морю отпускать?

— Не боюсь. — Оливер улыбнулся, посмотрев туда, где виднелась над бирюзовой поверхностью воды беловолосая головка. — Она не растает. Потому что сделана не из соли и не из сахара.

— Знаю, — серьезно кивнула Мелика. — Она сделана из прочного белого камня, как те скалы, что стоят на восточной стороне острова. А знаешь, чего не может камень? Он не может плавать!

В подтверждение ее слов послышался плеск, и белоснежная головка скрылась за набежавшей волной. В то же мгновение Оливер открыл портал...

Мелика хмыкнула. Поглядела на море, убедилась, что обед по-

прежнему нужно готовить на двоих, и вернулась к рыбе.

Мариуполь

Апрель 2016 — июль 2017